

С. МЕЛЬГУНОВ

**КАК
БОЛЬШЕВИКИ
ЗАХВАТИЛИ ВЛАСТЬ**

EDITIONS «LA RENAISSANCE»

ПАРИЖ

О Т А В Т О Р А

Моя работа, посвященная октябрьскому перевороту 1917 г., имѣет цѣлью возстановить конкретную обстановку, в которой протекали вооруженное возстаніе большевиков и такое же вооруженное сопротивленіе, оказанное ему русским обществом. Она описывает лишь небольшой отрѣзок времени: «десять дней, которые потрясли мір», вставлены, правда, в нѣсколько болѣе широкую рамку — это три недѣли, охватывающія и самый переворот и время его подготовки. Изложеніе мое носит преимущественно статистическій характер, и я почти не касаюсь тѣх вопросов, которые подлежат отнесенію к динамикѣ исторіи — вот почему в отдѣльном приложеніи мнѣ казалось умѣстным воспроизвести хотя бы краткій анализ нѣкоторых матеріалов, характеризующих тѣ настроенія в деревнѣ, на которыя до извѣстной степени пытались опереться творцы октябрьскаго соціального эксперимента.

Первая часть моей работы говорит о том, как произошел большевицкій переворот в Петербургѣ, т. е. как свергнуто было в центрѣ фантастами насильственной политики Временное Правительство. С момента заключенія членов Временнаго Правительства в Петропавловскую крѣпость вооруженная борьба с большевиками перешла фактически в руки так называемой революціонной демократіи — ея именем двигались войска с фронта, она сдѣлалась центром противобольшевицкой акціи. Поэтому вторую часть работы я назвал «Под знаменем революціонной демократіи», хотя руководитель прежняго Правительства еще оставался дѣйствующим лицом. Особо пришлось выдѣлить борьбу в Москвѣ — в той Москвѣ, гдѣ «марксистскіе» идеологи вооруженнаго выступленія надѣялись не встрѣтить никакого сопротивленія, и гдѣ боевые дни, вопреки их ожиданіям, растянулись на цѣлую недѣлю. В этой «московской недѣлѣ» можно было, пожалуй, наиболѣе отчетливо, опираясь на свидѣтельскія показанія самих руководителей возстанія, вскрыть реальные дѣйствительныя силы большевицкаго переворота. К тому же я и сам здѣсь являюсь непосредственным очевидцем.

Изложеніе мое ограничивается лишь тѣм, что произошло в центрѣ. Я мог только в очень бѣглых чертах затронуть провинцію. Разказу о том, как реагировала страна на насильственный акт, произведенный в столицах, должен быть посвящен особый очерк.

В цѣлях экономіи мѣста я должен был отбросить всѣ ссылки под текстом и ограничиться лишь общим перечнем литературных источников, цитированных в работѣ. Надо отмѣтить, что обиль-

ный газетный материал того времени использован мною непосредственно далеко не полно — слишком трудно было в условиях эмигрантского быта систематически наводить справки в библиотеке Венсенского Музея, где только и можно найти в Париже больше или меньше полные собрания русских газет за 1917 г. Я постоянно обращался к имеющемуся у меня комплекту московских газет («Русские Ведомости» и «Власть Народа»); петербургская печать была в моем распоряжении лишь частично — и я ею пользовался до некоторой степени по выдержкам в таких сводных изданиях, как выпущенная советской властью шеститомная подневная «Хроника событий» революции 1917 г. («Хроника» за октябрь, несомненно, принадлежит к числу лучших изданий советской исторической литературы), сборник «Октябрьский переворот», вышедший еще в 1918 г. под редакцией Рожкова, и обзор Ольденбурга, появившийся, к сожалению, только на французском языке в серии издательства Пайо. (Аналогичный справочник издан г. г. Буиьяном и Фишером в серии Станфордского Университета).

Предупредительность Правления Тургеневской Библиотеки и администрации Русского Заграничного Исторического Архива дала мне возможность использовать некоторые книги из богатейшего хранилища советской литературы в пражском учреждении. Я пользовался и неизменным гостеприимством Б. И. Николаевского в его Международном Институте социальной истории в Париже, равно как и библиотеки Musée de la Guerre.

1-ое марта 1939 г.

P.S. И нет теперь ни Тургеневской библиотеки, ни архива Николаевского, пострадал существенно и русский отдел Венсенской библиотеки в Париже, а пражский Русский Заграничный Архив отправлен в СССР.

ЧАСТЬ I

СВЕРЖЕНИЕ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

НАЗНАЧЕННОЕ ВОЗСТАНИЕ

«Октябрь волею людей, а не
силою стихий стал неминуем».
А. Ф. Керенский.

Я не поведу читателя в глубины тех социальных процессов, которые двигают историю и, может быть, отчасти объясняют, почему большевизм охватил Россию. Для некоторых исследователей нашего прошлого эти социальные процессы почти фатально предопределяют ход событий. В исторической жизни, конечно, нет такого детерминизма, и не всякая революция должна неизбежно идти по определенному пути и пережить все «естественные стадии».

Марксистская «диалектика» неожиданно увлекла даже Милюкова, когда он писал свою вторую работу по истории революции, озаглавленную им «Россия на переломе», и когда он пытался установить закон необходимости, которому следует стихийный революционный процесс*). Борьба с историческим роком лежит как бы вне пределов индивидуальных человеческих возможностей, и следовательно историку октябрьских дней 1917 г., признавшему такую концепцию, оставалось бы только повторить образные слова современника: «все, что мы... делали, было тщетной попыткой остановить какими то ничтожными шепотками разрушительный стихийный поток». Такой итог подвел Церетелли в беседе с Набоковым после большевистского переворота. Нет! «Октябрь» не был реализацией «февраля». Я не боюсь прослыть «революционным Иловайским**) и предпочитаю повторить слова, взятые эпиграфом: «неизбежным» захват власти большевиками сделали лишь ошибки тех, кто могли его предотвратить.

В настоящей работе я ставлю себе более простую задачу — если не объяснить, то конкретизировать ту общественную обстановку, в которой могло создаться необычайное явление, поразившее в свое время известного общественного деятеля Винавера: «будущий историк, — писал он в «Последних Новостях», — не поверит нам. Не поверит, что все это для нас не было неожиданностью, что мы задолго до 25 октября знали о готовящемся вы-

*) Эта перемена позиции историка более подробно охарактеризована М. В. Вишняком в книге «Два пути» (февраль и октябрь).

**) Утверждение одного из виднейших наших публицистов — Гр. Ландау.

ступленія, ибо против ожидаемаго бѣдствія защищаются, готовятся к защитѣ. А здѣсь...» Сила сопротивленія, по выраженію Троцкаго (правда, позднѣйшему и преувеличенному), оказалась «равнымъ счетомъ нуль». И то, что вызывало недоумѣніе Винавера, Троцкій в своихъ воспоминаніяхъ объ октябрьскомъ переворотѣ формулируетъ в иныхъ терминахъ: «міровая исторія знаетъ немало революціонныхъ переворотовъ и возстаній. Но тщетно память пытается найти в исторіи другое возстаніе угнетеннаго класса, которое было бы заранѣе во всеуслышаніе назначено на опредѣленное число и было бы в положенный день совершено и притом побѣдоносно» — назначивъ государственный переворотъ, «мы открыто на глазахъ общества и его правительства готовили вооруженную силу для этого переворота».

Какъ могло это произойти? «Кто виноватъ, что насъ слопали большевики, еще недавно «quantité négligeable?» — записалъ тѣ дни на фронтѣ ген. бар. Будбергъ, авторъ одного изъ интереснѣйшихъ дневниковъ современности.

I. Индальгенція большевикамъ.

Тогдашній глава Временнаго Правительства склоненъ вообще разсматривать побѣду большевиковъ, какъ результатъ корниловскаго «мятежа»: не буди корниловскаго выступленія, не было бы и большевицкаго возстанія — 27 августа породило собой 25-ое октября. Много разъ уже такую точку зрѣнія Керенскаго оспаривалъ первый историкъ нашей революціи Милоковъ. Я не имѣю возможности останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ. Но совершенно объективно можно отмѣтить послѣ неудачнаго корниловскаго выступленія повсемѣстное развитіе большевицкихъ ячеекъ и постепенный, все большій захватъ большевиками совѣтовъ Р. и С. Д. Августовскіе дни нанесли непоправимый удар идеѣ коалиціоннаго правительства, провели глубокую трещину в настроеніи руководителей так называемой революціонной демократіи и открыли широкое поле для дѣятельности безответственныхъ демагоговъ изъ большевицкаго лагеря. Рѣшающее значеніе, однако, имѣло не столько само выступленіе ген. Корнилова, сколько мѣры, — пусть даже «вынужденныя», принятыя правительствомъ для ликвидаціи корниловскаго движенія. Недаромъ Ленин изъ своего подполья в сентябрьскомъ письмѣ, обращенномъ къ ЦКъ партіи большевиковъ, настаивалъ на необходимости измѣнить тактику: «агитировать надо сію минуту не столько прямо противъ Керенскаго, сколько косвенно.., требуя активной, активнѣйшей войны съ Корниловымъ. Развѣтій этой войны одно только можетъ насъ привести къ власти». Надо предъявлять частичныя требованія къ Керенскому — арестуй Милокова, вооружи питерскихъ рабочихъ, позови кронштадтскія, Выборгскія и гельсингфоргскія войска, разгони Государственную Думу, арестуй Родзянко и пр. и пр. «И не только къ Керенскому, не столько къ Керенскому должны мы предъявлять эти требованія, сколько рабочимъ, солдатамъ, крестьянамъ, увлеченнымъ ходомъ борьбы противъ Корнилова».

Нѣкоторая доля «частичныхъ требованій» Ленина, какъ хорошо извѣстно, получила практическое осуществленіе. Большевики были призваны къ борьбѣ съ Корниловымъ во имя защиты революціи, и Скобелев, по образному и ядовитому замѣчанію Троцкаго въ засѣданіи Петроградскаго Совѣта 24 октября, приходилъ со шляпой въ рукѣ просить большевиковъ о томъ, чтобы матросы «Авро-ры» охраняли Зимній Дворецъ — тѣ самые матросы, которые въ ночь на 26-ое октября потомъ разстрѣливали въ Петербургѣ послѣднюю цитадель Временнаго Правительства. «Координировать» свою агитаціонную работу съ дѣйствіями другихъ революціонныхъ организацій было предложено большевикамъ и въ Москвѣ — сдѣлано было это по инициативѣ соц.-революціонеровъ и меньшевиковъ. Наряду съ правительственными агентами и представителями социалистическихъ партій большевики приняли самое непосредственное и дѣятельное участіе во всѣхъ временныхъ органахъ борьбы съ «контр-революціей». Можно даже сказать, что они сыграли въ эти дни главенствующую роль — не даромъ большевицкій «Рабочій Путь» утверждалъ 16-го сентября, что «въ корниловскіе дни власть уже перешла къ совѣтамъ» — «Если бы не гнусныя, безчестныя и подлыя колебанія с. р. и меньшевиковъ, власть повсюду бы была въ рукахъ совѣтовъ».

Большевикамъ была дана, такимъ образомъ, общественная индульгенція со стороны социалистической демократіи — они были какъ бы окончательно реабилитированы въ глазахъ широкихъ массъ отъ іюльскихъ обвиненій въ измѣнѣ и предательствѣ*). Троцкій вновь не безъ язвительности рассказываетъ, какъ онъ, «гогенцоллернскій агентъ», изъ тюрьмы — «Крестовъ» — сразу попалъ въ комитетъ по оборонѣ революціи. Всѣ эти «пятерки» и «девятки» на мѣстахъ имѣли самыя губительныя послѣдствія для авторитета правительственной власти. Уже тогда оппортунистически настроенный ген. Половцовъ, бывшій командующій войсками въ Петербургѣ въ моментъ іюльскаго большевицкаго выступленія, счелъ для себя «предпріятіемъ невыгоднымъ» поддерживать Правительство, обреченное «на гибель». Но самое главное заключалось въ томъ, что большевики, стремившіеся закрѣпить позиціи, занятія въ «корниловскіе дни», до нѣкоторой степени получили возможность легально вооружаться: именно это и было, по словамъ совѣтскаго историка гражданской войны Анишева, однимъ изъ серьезнѣйшихъ завоеваній сентябрьскаго «единаго фронта»**). Въ распоряженіе столичнаго пролетаріата, по словамъ Урицкаго, попало 40.000 винтовокъ. Въ корниловскіе дни начались массовыя формированія въ рабочихъ районахъ красной гвардіи. (Къ началу октября красная гвардія, напр., въ Петербургѣ, по утверженію Подвойскаго, насчитывала 12—14 тысячъ человекъ). О разоруженіи ея послѣ ликвидаціи корниловскаго «мятежа» не могло быть и рѣчи.

Въ періодъ «единаго сентябрьскаго фронта» (какъ видимъ, выра-

*) См. мою книгу «Золотой нѣмецкій ключъ къ большевицкой революціи».

**) См. заявленіе областного комитета арміи, флота и рабочихъ въ Финляндіи (4 октября).

женіе большевицких изслѣдователей) были сдѣланы попытки придать коалиціи с большевиками на мѣстах характер общегосударственный путем организаціи однородной социалистической власти. В комментаріях к своим показаніям по дѣлу Корнилова» Керенскій разсказал, что за мѣсяц до большевицкаго возстанія, в дни не изжитаго еще правительственнаго кризиса, он в закрытом засѣданіи бюро ЦИК с президіумом Демократическаго Совѣщанія и представителями социалистических партій (в том числѣ и большевиков) «ставил вопрос об отношеніи присутствующих к власти» и заявил, что со своей стороны сдѣлает «все возможное для безболѣзненнаго и быстраго перехода государства к новой системѣ управленія», если собравшіеся примут на себя отвѣтственность за разрыв коалиціи с цензовыми элементами и укажут лицо, которое выполнит задачу сформированія новаго состава Врем. Правительства, так как эту задачу сам Керенскій «по совѣсти выполнить не мог бы». «Рѣшительности и смѣлости взять на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія созданія однороднаго правительства, — добавляет Керенскій, — у собранія не оказалось». Почему? Отвѣчают на это отчасти воспоминанія Дана: «Каменев много говорил о необходимости покончить с коалиціей и убѣждал президіум ЦИК взять власть в свои руки, обѣщая демократическому правительству поддержку большевиков... Тогда я в упор поставил Каменеву вопрос: обязуются ли большевики поддерживать новое правительство до Учредительнаго Собранія. Послѣ совѣщанія большевиков между собою Каменев отвѣтил от их имени, что поддерживать демократическое правительство они берутся, но не до Учредительнаго Собранія, а лишь до совѣтскаго сѣзда — на каких-нибудь 3—4 недѣли. Это была явная насмѣшка и, конечно, о созданіи такой власти-поденки не могло быть и рѣчи, тѣм болѣе, что при таких условіях «поддержка» сводилась бы в лучшем случаѣ к отказу от попыток насильственнаго сверженія до недалекаго уже сѣзда и только*»).

2. Возстаніе «по марксистски».

Ленин в подпольѣ был рѣшительно против всякаго рода обволакивающих маневров и затемнѣнія боеваго сознанія пролетаріата «конституціонными иллюзіями». Всѣм своим авторитетом он давит на партію, требуя постановки «на очередь дня вопроса о возстаніи в Питерѣ и Москвѣ». С упрямой настойчивостью ведет он осаду партійных организацій в своих сентябрьских (и начала

*) В протоколах ЦК большевиков имѣется указаніе на то, что 23-го сентября обсуждался вопрос об однородном социалистическом министерствѣ. «Рѣшеній» не было принято. Засѣданіе, о котором говорят Керенскій и Дан, происходило 20-го. Это было расширенное собраніе Президіума Дем. Сов., на котором обсуждался выход из тупика, созданнаго голосованіем общаго собранія за коалицію без партіи народной свободы. У меня сохранился и примѣрный список намѣчавшагося тогда министерства, возглавляемаго Черновым при участіи с большевицкой стороны Луначарскаго (вн. д.), Рязанова (ин. д.), Каменева (продов.). В другом спискѣ на первом мѣстѣ фигурировал с.-д. Трояновскій.

октября) письмах, адресованных Центральному, Московскому и Петербургскому партийным комитетам. Помимо официальных писем, очевидно, были и другие обращения к единомышленникам, за спиной уже партийных организаций — иначе непонятно, почему эти письма вождя обсуждаются иногда в «секретных» частных групповых собраниях, как это было, напр., в Москвѣ. Троцкий со своей стороны определенно говорит, что Ленин «пускал обходными путями» в партию свои лозунги.

«Вопрос идет не о днѣ возстанія, не о моментѣ его в узком смыслѣ», — начинает, как будто бы, рассуждать Ленин. Надо в первую очередь убѣдить только «филистеров» не пугаться неизбежности гражданской войны и обдумать как агитировать за возстаніе, «не выражаясь так в печати». Но в дѣйствительности с упорством маниака в состояніи какого то самогипноза он ставит дилемму: теперь или никогда — ставит ее еще в дни Демократическаго Совѣщанія и разговоров о едином фронтѣ революціонной демократіи. Возстаніе становится для Ленина навязчивой идеей. Он набрасывает конкретные, весьма, впрочем, фантастическіе и быстро перемѣняющіеся в его собственном сознаніи, планы захвата власти, впоследствии представленные поклонниками, как «великіе образцы революціонной стратегіи и тактики».

Прямолинейность подпольщика смущает даже его политических единомышленников.

Алданов в своих «Картинах октябрьской революціи» привел уже характерный рассказ Бухарина о том, как ЦК партіи большевиков постановил «единогласно» даже съечь одно из обращеній Ленина, которое могло быть написано, дѣйствительно, только в состояніи какого то пароксизма невмѣняемости: «вы всѣ будете предателями и негодяями, если сейчас же всю фракцію большевиков не распустите по фабрикам и заводам и не окружите Демократическое Совѣщаніе и не арестуете всѣх мерзавцев». Надо думать, что рѣчь идет о тѣх письмах Ленина, которыя обсуждались в засѣданіи ЦК 15 сентября. Комментарій протокола называет письма: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и возстаніе». В напечатанном текстѣ этих писем нѣтъ тѣх строк, которыя приводил Бухарин на «вечерѣ воспоминаній»*), но суть одна и та же. Что значит отнестись к возстанію «по-марксистски»? Надо, «не теряя ни минуты», организовать штаб повстанческих отрядов, распредѣлить силы, двинуть вѣрные полки в самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать Генеральный штаб и Правительство, послать к юнкерам и дикой дивизіи такіе отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центру города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному послѣднему бою, занять сразу телеграф и телефон, помѣстить наш штаб возстанія у центральной телефонной станціи, связать с ним по телефону всѣ заводы, всѣ полки, всѣ пункты вооруженной борьбы».

*) Троцкий также упоминает о письмѣ Ленина, написанном «в болѣе тѣм энергичных выраженіях», по поводу предпарламента и не помѣщенном в собраніи сочиненій.

Как будто бы Ленин развивает свой наивный план только для «примѣра», в качествѣ «иллюстраціи», но в сущности он дѣлает конкретное предложеніе — так разсматривали вопрос и члены ЦК, собравшіяся 15-го сентября. Сталин предлагал «письма» Ленина разослать «в наиболѣе вѣрныя организаціи и обсудить их». Рѣшеніе этого вопроса откладывается до ближайшаго засѣданія. Затѣм ставится на голосованіе вопрос: «кто за то, чтобы был сохранен только один экземпляр писем». За — 6, против — 4, воздержалось — 6. Таким образом единогласія нѣтъ. Мало того, формально резолюція Каменева, предлагающая отвергнуть «практическія предложенія», которыя заключают в себѣ письма Ленина, подтверждающая недопустимость каких-либо выступленій на улицу, отклоняется. Но тѣм не менѣе никто по существу не поддержал предложенія Ленина, и практически членам военной организаціи и петербургскаго комитета «поручается принять мѣры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступленій в казармах и на заводах»*).

В дальнѣйших засѣданіях большевицкаго центра вплоть до 10-го октября больше вопрос о возстаніи не поднимается — о «письмах» Ленина постарались как бы забыть. Очевидно, ЦК не очень сочувствовал и по соображеніям полицейским и по соображеніям тактическим распространенію взглядов Ленина. 21-го сентября обсуждается вопрос об отношеніи к Демократическому Совѣщанію, и вопреки мнѣнію Ленина о бойкотѣ рѣшено в Совѣщаніи оставаться, но в Предпарламент не входить. Последняя поправка принята лишь одним голосом, поэтому окончательное рѣшеніе вопроса передается фракціи на Дем. Совѣщаніи. Фракція 77 голосами против 50 «останавливается, однако, на рѣшеніи — «позорном», по квалификаціи Ленина — принять участіе в Предпарламентѣ. Бойкот Предпарламента, — формулирует мнѣніе большинства Ногин, — «это призыв к возстанію», т. е. повтореніе июльских дней. «Мы июльских дней не забыли и новой глупости не сдѣлаем», — добавляет в разговорѣ с Давидом выражающій скорѣе мнѣніе средняго большевика И. Жуков. Через три дня на совѣщаніи Центрального и Петербургскаго комитетов с мѣстными партійными работниками, прибывшими на Демократическое Совѣщаніе, выступает с докладом о текущем моментѣ Бухарин: самое большее, до чего доходит докладчик, это до признанія, что «ход событій, повидимому, ведет к открытому столкновенію классов», и что политическим лозунгом должен остаться призыв «вся власть совѣтам», который одно время большевики хотѣли анулировать, так как в совѣтах у них не было большинства. Как это далеко от дилеммы: теперь или никогда! По протоколам сентябрьских засѣданій петербургскаго комитета скорѣе можно заключить,

*) Еще за три дня в «Раб. Пути» появилось объявленіе Центр. Комитета партіи о том, что «неизвѣстные люди», ходящіе по заводам и призывающіе рабочих и солдат выступить в день открытія Демократическаго Совѣщанія, самозванцы: «ссылки на нашу партію ложны. Удостоверенія от ея имени поддѣльны... Ея именем явво пользуются провокаторы, наемные агенты контр-революціи».

что основной тенденцией руководящего органа столичного пролетариата была теза о «мирном развитии революции»: говорить о «борьбе за власть еще рано», — утверждал, например, Невский 10-го сентября.

Ленин все еще неистовствует: «мы губим революцию». Он не может примириться с наблюдаемым в верхах партии «равнодушием» к возстанью, и его, конечно, не могут удовлетворить «курсы» для «подготовки кадров» будущего вооруженного возстания, которые организует во второй половине сентября в Петербург большевицкая военная комиссия. Бомбардировка письмами партийных органов не прекращается — за немедленное возстание, за немедленный захват власти. В письме от 29 сентября, где вождь заявляет о своем выходе из ЦК для того, чтобы вести агитацию в низах партии, так как ему зажимают рот и «оставляют» его настояния даже «без отвѣта», он суммирует все практические аргументы в пользу возстания: победа «обеспечена теперь» — «1) мы можем ударить внезапно из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку и подавляющее крестьянское возстание; 3) мы большинство в стране; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москвѣ (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем тысячи вооруженных рабочих и солдат в Питерѣ, которые могут сразу взять и Зимний Дворец, и Генеральный штаб, и станции телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, а агитация в армии пойдет такая, что нельзя будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д. Если мы ударим сразу, внезапно из трех пунктов, в Питерѣ, в Москвѣ, в Балтийском флотѣ, то 99/100 за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо не пойдут войска против правительства мира». Эти «99 шансов из 100» говорили уверенно Ленину и о том, что немцы пойдут «по меньшей мере на перемирие», а «получить перемирие теперь — это значит уже победить весь мир».

Протоколы ЦК умалчивают о том, как реагировали большевицкие деятели на заявление Ленина о своем выходе — слишком очевидно, что и самое заявление имело целью только воздействовать на колеблющихся: «ausprechen was ist», по выражению Ленина, «сказать, что есть», «признать правду», и «побороть» течение в верхах партии за «ожидание съезда советов» и против немедленного возстания — иначе большевики опозорят себя «на вѣки и сойдут на нѣт, как партия». Только в протоколѣ от 3 октября имеется помѣтка, косвенно освѣщающая этот вопрос: «предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тѣсная связь». Эти слова как бы говорят, что Ленину необходимо выйти из подполья и болѣе непосредственно ощутить бѣшеніе реальной жизни. Ленину поручается разработать в «особой брошюрѣ» поставленный в его письмах вопрос «об оцѣнкѣ теку-

ваго момента и политики партіи» — таково происхожденіе известной статьи «Удержат ли большевики государственную власть»^{*)}).

Трудно назвать «идеологіей» ту амальгаму, которую дает в общем Ленин, — амальгаму черепитков былого русскаго народническаго утопизма с зап.-европейским анархо-синдикализмом, приправленную лишь марксистской терминологіей в видѣ привычнаго аккомпанимента, что возстаніе возможно тогда, когда революціонная партія имѣет большинство в передовых отрядах революціоннаго класса и в странѣ. «Алхимику революціи», конечно, всѣ условія для удержанія власти большевиками представляются на лицо. «Настоящая революція» пробудит «скрытый социализм» народных масс и «авангард угнетенных классов» встрѣтит лишь «безнадежный бунт кучки корниловцев». Побѣдоносный пролетаріат через совѣты «технически овладѣет государственным аппаратом», т. е. той «машиной насилія», которая произведет общественную нивелировку и дисциплинирует анархическую «бѣдноту». Но вовсе не «идеологіей», не «марксистским» анализом склонен руководиться в дѣйствительности Ленин в своей тактикѣ дни — все дѣло в «дантоновской» смѣлости дерзанія. В 1923 году в маленькой замѣткѣ в «Прявдѣ» по поводу «записок о революціи» Суханова он с большой яркостью опредѣлил свой девиз: «Помнитса, Наполеон писал: «on s'engage et puis on voit». В вольном русском переводѣ это значит: «сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже будет видно...». Слѣдовательно по отношенію к самому Ленину болѣе, чѣм к кому-либо, примѣнимы пренебрежительные экивоки, обращенные им по адресу «крикливых пессимистов» в рядах партіи: у них «авось да небось, в этом вся сила довода».

У вождей массовых движеній типа Ленина, скорѣе фанатиков, чѣм гениальных провидцев, нѣтъ чувства исторической перспективы и какой-либо моральной ответственности за свои дѣйствія — поэтому и могло казаться Ленину, что начать революцію в Россіи словно «перышко поднять»; поэтому так мало считался он в практических лозунгах с конкретной обстановкой и так легко предавался «примитивной и безшабашной» демагогіи, которую же сдерживал, по характеристикѣ Суханова, «здравый смысл». В первые сентябрьскіе дни «тысячи вооруженных рабочих и солдат в Питерѣ», в представленіи Ленина, легко могли разгромить «правительственную банду». Но не обязательно начать с Петербурга — здѣсь можно «выждать». С конца сентября у Ленина большія надежды на Москву. В спеціальном «письмѣ», направленном по адресу московскаго и петербургскаго комитетов в началѣ октября, он пишет: «Если нельзя взять власть без возстанія, надо итти на возстаніе *тогчас*. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без возстанія, напр., если бы московскій совѣт *сразу тогчас* взял власть и объявил себя (совмѣстно с питерским совѣтом) правительством. В Москвѣ побѣда обезпечена, и воевать некому. В Питерѣ можно выждать. Правительству нечего дѣлать и

^{*)} Я не привожу здѣсь как бы теоретических соображеній Ленина, ибо они подробно изложены в «Исторіи революціи» Милокова.

нѣтъ спасенія — оно сдаться; ибо московскій совѣтъ, взявъ власть, банкн, фабрики, «Русское Слово», получит гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россіей, ставя вопросы так: мкр мы предлагаем завтра... землю крестьянам тотчас» и т. д. Если Москва начнет безкровно, ее поддержат навѣрняка: 1) армія на фронтѣ сочувствіем, 2) крестьяне вездѣ, 3) флот и финскія войска*) идут на Питер». Это наступленіе извнѣ на Петербург, организація главнаго штаба возстанія в Финляндіи — одна из ad hoc установленных и пропагандируемых Лениным возможностей. «Мы можем оказать в смѣшных дураках», — пишет он в Выборг Смигль**) — «с прекрасными резолюціями и с совѣтами, но без власти». Ленин дает «директиву», — «все вниманіе отдать военной подготовкѣ финских войск, флота для предстоящаго сверженія Керенскаго. Создать тайный комитет из надежнѣйших военных... собрать точнѣйшія свѣдѣнія о составѣ и расположеніи войск под Питером». Ему рисуется возможность воспользоваться ожидаемым нѣмецким десантом для того, чтобы начать дѣйствія. С исключительной откровенностью передает он Смигль, что в Петербургѣ считают опасность десанта через двѣ недѣли «равной нулю» — «значит, времени на подготовку у нас совсѣм немного». «Мы ни в коем случаѣ не можем позволить увода войск из Финляндіи», — прибавляет политическій циник. Ленин предусмотрительно просил Смиглу «сжечь письмо». Адресат этого не сдѣлал — к счастью для исторіи, но не во славу большевицкаго вождя***).

Финляндская авантюра отнюдь не ослабляла у Ленина надежд на Москву — самых преувеличенных и совершенно необоснованных****). «Надо обратиться к московским товарищам» — вновь призывает Ленин на петербургской партійной городской конференціи в шербых числах октября — убѣждая их взять власть в Москвѣ, «объявить правительству Керенскаго низложенным и Совѣтъ Раб. Деп. в Моеквѣ объявить Временным Правительством Россіи». Конференція должна «немедленно послать делегаціи в Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в войсковыя части к югу от Питера и в Москву для агитаціи... за необходимость быстрым общим возстаніем и сверженіем Керенскаго открыть дорогу к миру, к спасенію Петрограда и революціи, к передачѣ земли крестьянам и власти совѣтам». «Революція погибла, если правительство

*) Войска в Финляндіи считались наиболѣе разложенными — одними, и наиболѣе революціонными — другими. На третьем областном съѣздѣ «арміи, флота и рабочих Финляндіи» в сентябрѣ большевики получили абсолютное большинство в Исп. Комитетѣ.

**) Смигла былъ председателем областного комитета.

***) В осуществленіе «директивы» Ленина 2-ой съѣздъ представителей балтійскаго флота 3 октября послал «политическому авантюристу» Керенскому «проклятіе» и потребовал его исключенія из правительства, а объединенный совѣтъ депутатов латышских стрѣлковых полков протестовал в тот же день против вывода «революціонных войск из Финляндіи и обязал свою вооруженную помощь на защиту революціи. Но подобныя выступленія относились только к области тѣх «прекрасных резолюцій», о которых говорил в своем письмѣ Ленин.

****) При разсказѣ о московских событіях отчасти будетъ выяснен источник ленинскаго миража.

Керенскаго не будет свергнуто пролетаріями и солдатами в ближайшем будущем». «Надо всё силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной послѣдней рѣшительной борьбы за сверженіе правительства Керенскаго».

В энергіи Ленину отказать нельзя. Эти настойчивые, достаточно сумбурные и почти истерическіе призывы, — едва ли в них можно найти проявленіе «глубокой марксистской діалектики» и слѣды плодотворнаго изученія военных доктрин нѣмецкаго стратега-философа Клаузевица — в концѣ концов заражали тѣ «верхи» партіи, с инертностью которых в дѣлѣ возстанія с такой фанатической страстностью боролся Ленин. «Трезвый, ясный, смѣлый, гениальный учет и прогноз Ленина» побуждал, и ЦК постепенно становился на рельсы ленинской политики.

3. Ленин и оппозиція.

Большевики ушли с перваго засѣданія Совѣта Республики, заявив, что они не имѣют «ничего общаго» с правительством «народной измѣны», и, взывая к «бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей Россіи», так как «революція в опасности». 10 октября в квартирѣ жены меньшевика-интернаціоналиста Суханова состоялось то тайное засѣданіе ЦК большевиков, которое формально санкціонировало тактику Ленина. На засѣданіи присутствовал и Ленин. Он, конечно, настаивал на самых «рѣшительных дѣйствіях», хотя «время значительно ушущено». Узнав из сообщенія Ломова, что Москва склонна занимать «выжидательное положеніе»*), а что Минск может «послать корпус (?) на Петроград», Ленин тут же готов воспользоваться этим предложеніем для начала рѣшительных дѣйствій — для наступленія на Петербург извнѣ. Никакой практической план выступленія 10-го не обсуждался, хотя по свидѣтельству Троцкаго в исторіи революціи, им написанной, между собой было условлено, что возстаніе произойдет не позже 15 октября (?) — другими словами через пять дней.. Формально резолюція собранія ставила только «на очередь дня вооруженное возстаніе». Признавая, что оно «неизбѣжно и вполнѣ назрѣло», ЦК предлагал «всѣм организаціям партіи руководиться этим и с этой точки зрѣнія обсуждать и разрѣшать всѣ практическіе вопросы». Для политическаго руководства возстаніем было избрано семичленное бюро в составѣ Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкаго, Сталина, Сокольниковой и Бубнова, и тѣм самым было положено начало технической подготовки выступленія.

Только два члена ЦК (Каменев и Зиновьев) голосовали против резолюціи, обосновавъ свои возраженія в особом резюме, которое было ими разослано в партійныя организаціи: «мы глубочай-

*) По словам Норова ленинское письмо в Москвѣ было одобрено всѣми за исключеніем Рыкова, но отвѣтъ был дан приблизительно такой: «Москва может лишь поддержать выступленіе, когда оно гдѣ-нибудь начнется». Урицкій на засѣданіи ЦК опредѣлил позицію Москвы, как отказ от выступленія.

шим образом убѣждены, — писали они, — что объявлять сейчасъ вооруженное возстаніе, значит, ставить на карту не только судьбу нашей партіи, но и судьбу русской и международной революціи... Говорят: 1) за насъ уже большинство народа в Россіи и 2) за насъ большинство международного пролетаріата. Увы! Ни то, ни другое не вѣрно, и в этомъ все дѣло... Перед исторіей, перед международнымъ пролетаріатомъ, перед русской революціей и російскимъ рабочимъ классомъ мы не имѣемъ права ставить теперь на карту вооруженнаго возстанія все будущее. Ошибкой было бы думать, что теперь подобное выступленіе в случаѣ неудачи привело бы только к тѣмъ послѣдствіямъ, какъ 3—5 іюля. Теперь дѣло идетъ о большемъ. Дѣло идетъ о рѣшительномъ боѣ, и пораженіе в этомъ бою было бы шораженіемъ революціи... Глубокой исторической неправдой будетъ такая постановка вопроса о переходѣ власти в руки пролетарской партіи: или сейчасъ или никогда. Нѣтъ! Партія пролетаріата будетъ расти... И только однимъ способомъ можетъ прервать она свои успѣхи именно тѣмъ, что она в нынѣшнихъ обстоятельствахъ возьметъ на себя инициативу выступленія и тѣмъ оставитъ пролетаріатъ под удары всей сплотившейся контр-революціи, поддержанной мелкобуржуазной демократіей. Противъ этой губительной политики мы подыдемъ голосъ предостереженія».

К конкретной аргументаціи авторовъ заявленія «к настоящему моменту» мы еще вернемся. Казалось бы, что довольно обосновано они указывали на то, что «всякій, не желающій только говорить о возстаніи, обязанъ твердо взвѣсить и шансы его». Нельзя было в вопросѣ о технической подготовкѣ возстанія руководиться лишь теоретическимъ «объективнымъ анализомъ и оцѣнкой революціи», какъ склоненъ былъ утверждать Ленин. Нетрудно было, какъ будто, разгадать «тайну господства над стихіей», но гораздо труднѣе было организовать эту стихію и направить ее в нужномъ направленіи. Предложить мир, по Ленину, значитъ «побѣдить». «Нашу редакцію», — вспоминаетъ Сухановъ, — люди изъ окоповъ в то время буквально заваливали письмами. И только одинъ былъ в нихъ мотивъ — конецъ войны: «безразличны и партіи, и политика, и революція. Поддержатъ всѣхъ, кто покажетъ хоть призракъ мира»^{*)}). Возстаніе — это лозунгъ войны. Записка двухъ оппозиціонеровъ отмѣчаетъ «крайне важный симптомъ»: «делегаты с фронта, которые теперь ведутъ такую агитацію противъ войны, прямо просятъ нашихъ ораторовъ не говорить о революціонной войнѣ, ибо это отталкиваетъ солдатъ». Поддержитъ ли фронтъ при такихъ условіяхъ возстаніе?

Каждый солдатъ в октябрѣ, по мнѣнію Подвойскаго, былъ большевикомъ, относясь однако «с полнымъ несознаніемъ к самому большевизму». Когда предполагается вывести петербургскій гарнизонъ на фронтъ, естественно «самые отсталые» готовы присоединиться к большевицкимъ лозунгамъ: кому охота вольное петербургское житіе

^{*)} Эти «письма» почти буквально повторяютъ слова представителя «фронта» нѣкогого Дубасова, заявившаго в петроградскомъ совѣтѣ 21 сентября: солдаты не хотятъ «ни свободы, ни земли; они хотятъ одного: конца войны».

мѣнять на опасный фронт с его полугодным пайком*). На митингѣ может показаться, что из этих тысяч тыловых солдат «каждый в любую минуту готов выйти на улицу с оружіем в руках» — так представляется итог Раскольникову по воспоминаніям послѣ выступленія его и Каменева на митингѣ 11-го октября в запасном огнеметательном химическом баталіонѣ. Но охлаждает мемуариста болѣе трезвый Каменев: «от петербургскаго гарнизона трудно ожидать боевой рѣшимости и готовности побѣдить или умереть. При первых критических обстоятельствах солдаты нас бросят и разбѣгутся». «За нами идут большія и разнородныя массы, — продолжает излагать Каменев свои сомнѣнія в частной бесѣдѣ в тѣ дни с Раскольниковым, — онѣ охотно принимают наши резолюціи, но от бумажнаго голосованія до активнаго участія в вооруженном возстаніи еще очень далеко».

На Суханова в свое время произвело сильнѣйшее впечатлѣніе настроеніе толпы, собравшейся на митинг в Народном Домѣ, гдѣ выступал Троцкій. С большим воодушевленіем описывает мемуарист потрясающую картину почти экстаза, которую ему пришлось наблюдать — казалось, вот-вот толпа завоет релігіозныя пѣснопѣнія. Тысячная толпа клянется умереть за рабоче-крестьянское дѣло. А современный Саванаролла, бичующій зло, взывает: совѣтская власть отдаст все, что есть в странѣ, бѣдным и обездоленным. У тебя, буржуй, двѣ шубы — отдай одну солдату, которому холодно в окопах. У тебя имѣются теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему. Совѣтская власть даст мир землѣ и уврачует внутреннюю разруху. Реквизирует хлѣб у имущих и бесплатно отправит в город и на фронт...

Что и говорить, прекрасный демагог Троцкій. Нѣкогда наэлектризованные ненормальным Тедосіенко сектанты «толстовцы» в знаменитых Павловках разгромили церковь, желая высвободить заключенную там «правду»; вѣроятно на аналогичный подвиг в этот вечер способна была в состояніи коллективнаго психоза толпа в Народном Домѣ**). Но отдѣльные эксцессы возбужденной толпы — «ирраціональные моменты» в революціи — далеко еще не опредѣляют собой реальную конъюнктуру, при которой возможно организованное народное движеніе.

*) Зато тысячи с фронта стремились попасть в число привилегированных. Петербургскіе полки были переполнены «бездокументными» солдатами. Напр., шт.-кап. Дорофѣев свидѣтельствовал в своих показаніях об іюльских днях, что в одном 3-ем пѣхотном запасном полку в Петергофѣ зачислено было до 2.000 таких солдат — они и вносили главным образом «дезорганизацію».

***) Сам Троцкій называет себя «лейденской банкой». Нѣмецкіе врачи склонны были находить у него «падучую» (так пишет сам Троцкій). Может быть, нѣкоторыя экстравагантности Троцкаго и слѣдует объяснять таким болѣзненным состояніем. Не выяснен вопрос и о болѣзни Ленина. Компетентные врачи опредѣляют ее, как «сифилис мозга». Очевидно, разрушеніе организма началось задолго до смерти. Не объясняются ли и навязчивыя идеи Ленина таким же болѣзненным состояніем? Назойливые рефлексы в больном мозгу давали искривленные оцѣнки и нарушали тот «отличный логическій аппарат», который, по отзыву Струве, был свойствен в прежніе годы Ленину.

Объективные условия жизни того времени, конечно, создавали самую благоприятную обстановку для восприятия упрощенной в своей грубости большевистской демагогии, яркой образец которой и дал Троцкий в Народном Домѣ. Бытописатели тѣх дней, враждебные политикѣ социалистическихъ партій, пожалуй, чрезмерно склонны всю остроту своей критики направлять преимущественно в сторону подрывавшей государственной экономической механике хозяйственной разрухи, которая создавалась на почвѣ ненормальныхъ условий производства, пониженности трудоспособности и преувеличенныхъ требованій рабочаго класса в революционную эпоху, но они слишкомъ часто забываютъ, что символистическая «костлявая рука голода», о которой вызывающе говорил в свое время Рябушинскій на торгово-промышленномъ съѣздѣ (тенденція этого августовскаго съѣзда даже на столбцахъ «Рус. Вѣд.» были названы «большевизмомъ буржуазіи»), становилась фактически далеко не призрачной реальностью: голодающая нерѣдко деревня, потребляющая хлѣбные суррогаты, громадная продовольственные склады, и рост безработицы в городахъ свидѣтельствуютъ о томъ бунтарскомъ настроеніи, которое создавалось в массах, и которымъ должны были пользоваться социальныя прожектеры — официальная статистика отмѣчаетъ, напримѣр, в одномъ союзе металлистовъ сѣверной столицы скачекъ числа безработныхъ за первую недѣлю октября с 1.832 на 5.497*). Предоктябрьскіе дни были временемъ ост-

*) На забастовки отвѣчали нерѣдко «локаутами» (вѣдь это было признано и в Главн. Экон. Комитетѣ), и социальныя противорѣчія принимали неизбежно обостренную политическую форму, когда дѣло касалось, напримѣр, непосредственно промышленныхъ предприятий, принадлежавшихъ лицамъ, которыя входили в составъ Временнаго Революціоннаго Правительства. Такъ называемый «ликинскій конфликтъ», вызвавшій шумную демонстрацію всего обширнаго орѣхово-зубовскаго фабричнаго района, можетъ служить иллюстраціей. Я отнюдь не собираюсь разсматривать этотъ конфликтъ по существу, т. е., экономическую его сторону, дѣло лишь в элементарной психологіи рабочихъ ликинской мануфактуры, закрытой владѣльцемъ 1-го августа. Губернскій комиссаръ (Владимірская губ.) докладывалъ 23-го сентября, что центральной власти необходимо принять мѣры къ восстановленію производства на фабрикѣ, в размѣрѣ 78% работавшей на оборону, такъ какъ рабочіе голодаютъ, а сами рабочіе, обращаясь уже в серединѣ октября къ московскому совѣту и требуя «немедленно организациі общественныхъ работъ», говорили в своемъ заявленіи: «начиная с 12 іюля наши делегаты объѣздили всѣ демократическія организациі, и до сихъ поръ отъ этихъ поѣздокъ не видно никакихъ результатовъ.... хорошимъ вершителемъ судебъ Россіи (Ликинская мануфактура принадлежала государственному контролеру Временнаго Правительства Смирнову) будетъ локаутчикъ, который выбросилъ на голодъ 4.000 рабочихъ, да солдатокъ болѣе 500, сюда нужно прибавить еще 3.000 ни в чемъ неповинныхъ дѣтей». «Явленіе общее», с которымъ былъ бесиленъ бороться министръ труда, для ликинскихъ делегатовъ приобрѣтало конкретныя очертанія, при которыхъ лозунгъ «хлѣба» становился доминирующимъ. Надо признать, что политическіе комбинаторы коалиціоннаго правительства, можетъ быть, и недостаточно учитывали силу этой, пусть даже примитивной, психологіи, которой пользовались большевистскіе демагоги противъ Временнаго Правительства, какъ бы олицетворяя съ собой власть капитализма: вѣдь в послѣднемъ коалиціонномъ правительствѣ, ранѣе названномъ правительствомъ «спасенія революціи», было четыре милліонера со всероссійскимъ именемъ. Это, конечно было общественнымъ ионсенсомъ в эпоху, когда фактически у власти стояли, по выраженію «Русскихъ Вѣдомостей», «лѣвая партія».

рых и длительных экономических конфликтов (напр., на огромном Путиловском заводе), и вызывались они все же в значительной степени несоответствием заработной платы росту дороговизны: по данным, которые представила большевицкая фракция на Демократическом Совещании, цены на продукты возросли в 6 1/2 раз, а заработная плата в 3 1/2. Отсюда вытекало и значение фабрично-заводских комитетов, вмешательство которых в предоктябрьские дни в производство и распределение продуктов отчасти вызывалось самой жизнью. Но «бессознательный большевизм масс» не рѣшает еще дѣла.

«Если бы все задавленные нищетой люди всегда были готовы поддержать возстаніе социалистов, мы давно бы завоевали социализм», — говорит цитированная записка оппозиционеров. «Рѣшающій вопрос заключается в том, дѣйствительно ли среди рабочих и солдат столицы настроеніе таково, что они сами видят спасеніе уже только в уличном бою, рвутся на улицу». «Нѣт, — отвѣчают они, — этого настроенія нѣт. Сами сторонники выступленія заявляют, что настроенія трудящихся и солдатских масс не напоминают хотя бы настроеній перед 3 іюля». «Я много бы дал, — добавляет французскій журналист Анэ, наблюдавшій Петербург того времени, — если бы мнѣ показали такое невѣдомое здѣсь существо, которое готово было бы отдать жизнь свою за торжество ленинских идей». И дѣйствительно, если от проявленія революціоннаго кликушества или «демагогической мазни», как выразился Бернштейн в своей исторіи германской революціи, обратиться к дѣловой революціонной работѣ, которую должны были выполнить заговорщики в момент, когда теорія претворялась в дѣло, то картина получится приблизительно та, которую рисовали противники немедленнаго выступленія. Ни в казармах, ни на заводах не было еще той боевой атмосферы, на которой строили свои расчеты адепты вооруженнаго возстанія и в частности Ленин, отличавшійся якобы «непревзойденной способностью» подслушивать настроенія массы — этим подлинным «искусством революціонеров», по мнѣнію Троцкаго (в дѣйствительности искусством демагогов)...

Пять дней прошло с момента, когда родилась историческая резолюція 10 октября. Происходит засѣданіе партійнаго городского комитета с представителями районов. Докладчики с мѣст могут констатировать болѣе или менѣе боевое настроеніе рабочих только в 8 районах из 19, при чем из этих восьми три не имѣли прямого отношенія к территоріи Петербурга — національныя группы латышей, эстов и финнов. В остальных районах настроеніе в отношеніи к вооруженному возстанію или неопредѣленное или даже отрицательное (5 районов). Чрезвычайно характерно, что представитель военной организаціи считал преждевременным ставить вопрос о возстаніи «так остро», как это дѣлает Ц. К., ибо надлежит прежде усиленно заняться организаціонной работой в массах. Нельзя ограничиваться одним Петербургом. Может ли ЦК гарантировать поддержку Россіи? — спрашивал Невскій. Деревня, по его мнѣнію, не поддержит и в случаѣ возстанія не даст хлѣ-

ба*). Нѣтъ гарантіи и в том, что правительство не сможет двинуть армію с фронта. Представитель военной организаціи не довѣрялъ словесным резолюціям, поступающим из арміи, так как пріѣзжающіе делегаты говорят другое. Одним словом, прежде, чем начинать, надо конкретно учесть силы. Наибольше горячіе защитники выступления, считавшіе его «неизбѣжным», все же оговариваются, что «это не значит, что нам придется выступать завтра» (Евдокимов). Сам докладчик по «текущему моменту» от Ц. К. Бубнов, избранный 10-го в число политических руководителей возстанія, занимает двойственную позицію: с одной стороны «все висит на волоскѣ», а с другой «назначать возстанія нельзя» — оно «само выльется, если будут для того подходящія условія»; если большевики не возьмут власть, «стихійная волна перескочит через нас». Таковы разсужденія за десять дней до фактическаго возстанія. Не мудрено что Калинин соглашавшійся с тѣм, что большевики как бы уперлись в возстаніе, все же предлагал послѣднее отложить ни болѣе, ни менѣе, как на год (!). Неужели можно назвать это «неописуемым энтузіазмом рабочих»?

На слѣдующій день, 16 октября, на расширенном засѣданіи ЦК с членами, представляющими городской и окружной комитеты, военную организацію, совѣты, профессиональные союзы, фабрично-заводскіе комитеты, вновь подвергается обсужденію резолюція 10 октября — как будто бы с точки зрѣнія проведенія ея в жизнь, в дѣйствительности вопрос ставится о толкованіи ея и даже о возможности ея пересмотра. Засѣданіе чрезвычайно показательно. На нем опять присутствует Ленин.

В промежуток времени, протекшій с рѣшенія начать возстаніе, Ленина в подпольѣ посѣтили большевицкіе спецы по военным дѣлам в цѣлях убѣдить его в необходимости отложить возстаніе на нѣсколько недѣль и употребить это время на самую интенсивную подготовку в Петербургѣ, провинціи и на фронтѣ. Антонов-Овсѣенко выражал увѣренность, что флот выступит по первому призыву, но сомнѣвался в том, что флот сможет прибыть во время в Петербург. Самое продвиженіе флота встрѣтит, по мнѣнію Невскаго, «колоссальныя затрудненія», так как матросам без офицеров вряд ли удастся провести корабли через минныя загражденія и управлять боем. Настроеніе войск петербургскаго гарнизона, по убѣжденію Подвойскаго, «явно сочувственно возстанію», но нужно время подготовиться, тѣм болѣе, что части, выступавшія в июль, деморализованы и выступят, только повѣривши в выступленіе других частей, «бывших ранѣе реакціонными», а готовность их к возстанію нуждается в повѣркѣ. На фронтѣ могут оказаться части, «реакціонно обработанныя», и Правительство может опереться на особыя сводныя отряды. Всѣ эти доводы, как свидѣтельствует Подвойскій, «нисколько не убѣдили» Ленина —

*) Быть может, не лишним будет напомнить, что в началѣ революціи и Ленин опасался, что крестьянство может соединиться с «буржуазіей».

промедленіе возстанія приведет лишь к тому, что Правительство, освѣдомленное о возстаніи и готовящееся к нему, приготовится еще больше.

На засѣданіи 16-го Ленин мог выслушать и другіе аргументы. От имени петербургскаго комитета Бокій информирует о настроеніях в районах: настроеніе трудно учесть, настроеніе безшабашное, стремленія выступить нѣтъ, дѣло плохо, настроеніе выжидательное, сомнѣніе выступать ли — только в невском районѣ и в Шлиссельбургѣ отмѣчается: настроеніе круто повернулось в нашу сторону. Крыленко от военнаго бюро сообщает, что «у них рѣзкое расхожденіе в оцѣнкѣ настроеній» — «большая часть бюро полагает, что не нужно заострять вопроса практически, но меньшинство думает, что можно взять на себя инициативу». Володарскій от Совѣта докладывает: «общее впечатлѣніе, что на улицу никто не рвется, но по призыву Совѣта всѣ явятся»; Шмидт от профессиональных союзов: «настроеніе таково, что активных выступленій ожидать не приходится». Шляпников: в союзѣ металлистов, гдѣ вліяніе большевиков преобладает, «выступленіе не является популярным — слухи об этом вызвали даже панику».

На основаніи выслушанных докладов Милютин считает, что для нанесенія «перваго удара» партія не готова: «низложить, арестовать в ближайшіе дни власть мы не можем». Встает другая перспектива — «возможность не возстанія, которое предполагает нашу инициативу, но столкновенія, которое является результатом объективных условий». Перспектива эта отлична от возстанія, к такому столкновенію «мы должны быть готовы». Милютин и предлагает в этом смыслѣ конкретизировать резолюцію 10 октября. Невозможность выступленія доказывает и Шотман, ссылаясь на то, что «на городскія конференціи и в Пет. Комитетѣ и в Военнѣ настроеніе было гораздо болѣе пессимистично».

«Если резолюція — приказ, то он уже не выполнен», — констатирует Володарскій. «Если вопрос о выступленіи ставится, как вопрос завтрашняго дня, то мы должны прямо сказать, что у нас для этого *ничего нѣтъ*. Я выступал среди... (пропуск в оригиналѣ), но утверждаю, что массы с недоумѣніем приняли мой призыв». Немедленно переходить «в штыки» не еогласен и Фенигштейн, так как «технически вооруженное возстаніе нами не подготовлено. Мы не имѣем еще даже центра. Мы идем полусознательно к пораженію». «Недѣльные результаты, — утверждает Каменев, — говорят за то, что данных за возстаніе теперь нѣтъ. Нельзя говорить, что резолюція только возбудила мысль, она требовала перехода от слов к дѣлу. А этого нѣтъ. Аппарата возстанія у нас нѣтъ; у наших врагов этот аппарат гораздо сильнѣе и, навѣрное, за эту недѣлю еще возрос»*).

Защитники немедленнаго выступленія в сущности иной ар-

*) Через нѣсколько дней в письмѣ к ЦК Ленин возмущался тѣм, что Каменев «безстыдно кричал: «ЦК провалился, ибо за недѣлю ничего не сдѣлал». «Опровергать я не мог — поясняет Ленин — ибо сказать, что именно сдѣлано нельзя». Но фактически едва ли Ленин мог что-либо привести — подготовка сводилась пока только к информации.

гументации, кроме той, которую выдвинул Скрыпник, привести не могли: «Всё доводы, которые здѣсь приводились — только отсрочка». «Гарантии побѣды нѣтъ», но, «если у нас нѣтъ сил, то их позже больше не станет; если мы теперь не удержим власть, то потом будет еще хуже... у нас потом не будет сил и для обороны». Это уже открытая ставка на «авось», прикрываемая Лениным наукообразной формой: «настроеніем масс руководиться невозможно, ибо оно измѣнчиво и не поддается учету*); мы должны руководиться объективным анализом и оцѣнкой революціи». Анализ подсказывал Ленину увѣренность в том, что при выступленіи «мы будем имѣть теперь на своей сторонѣ всю пролетарскую Европу» — мировая революція созрѣла. («Мы стоим в преддверіи всемірной пролетарской революціи», — увѣрял он в статьѣ 7 октября).

Но вот что опять чрезвычайно характерно для настроеній, проявившихся на засѣданіи 16 октября. Один за другим ораторы из числа сторонников выступления пытаются толковать резолюцію 10-го, не как приказ центра, обязательный для партійных организацій, а как установленіе лишь основной тактики партіи — «на возстаніе». В такой постановкѣ как бы стираются острые углы разногласій. Сокольников находит, что «совершенно напрасно» толкуют резолюцію, как «приказ выступать. Если бы оказалось, что событія добудут отсрочку, то мы, конечно, ею воспользуемся». Резолюція вовсе не приглашает «завтра выступать», — толкует Калинин: она лишь «переводит вопрос из политики в стратегію». «День возстанія должен быть дѣлсообразен» — только «так надо понимать резолюцію», по мнѣнію Сталина. «Я смотрю на нее, как на барометр, показывающій не бурю», — поясняет Степанов. «Резолюцію нельзя понимать, как приказ выступать, это есть отказ от тактики водержанія и признаніе возможности и обязательности возстанія при первом подходящем случаѣ», — дает толкованіе Иоффе.

«Теперь вопрос становится яснѣе и возражать против подготовки революціи не приходится», — соглашается уже оппозировавшій Шмидт, «Резолюція была написана иначе, чѣм ее толкуют теперь... вопрос идет о курсѣ на возстаніе. Это было еще в сентябрѣ намѣчено. Насчет курса никто не спорит», — дѣлает вывод Милютин и добавляет: «эта резолюція должна быть для внутренняго употребленія». Уступают и главные оппоненты на засѣданіи 10-го. «Нынѣшняя интерпретація» есть «отступленіе, ибо раньше

*) Формальный учет «всенароднаго революціоннаго подъема» перед октябрьским дѣлом во всяком случаѣ был не в пользу Ленина, как о том свидѣтельствует сводка резолюцій, поступивших в ЦИК на 1 октября по поводу предстоящаго 2-го съѣзда совѣтов: из 169 резолюцій только 6 примыкали к стереотипной формулѣ большевиков; 31 требовали перехода власти к совѣтам; 58 созданія однороднаго демократическаго правительства. Таким образом без всякаго основанія Ленин зачислял в свой актив «200 тысяч» московских текстильщиков, высказавших готовность вступить а борьбу за власть совѣтов (резолюція 9-го октября). Для Ленина инертность масс объясняется лишь усталостью их от «слов» — надо дѣйствовать; он знал, что подлинное настроеніе масс «раз в сто» лѣвѣе позиціи большевнков.

говорили, что выступление должно быть до 20-го», — заключает Каменев. «Если возстание ставится, как перспектива», — говорит Зиновьев: «то возражать нельзя, но если это приказ на завтра или послезавтра, то это авантюра», но и он соглашается, что, если вопрос ставить «политически», то надо признать, что «возстание неизбежно».

Удовлетворен как будто бы и Ленин: «если бы всё революция так проваливалась, то лучшего желать нельзя было бы»; «если говорить, что возстание неизбежно, то говорить о заговоре не приходится». Ленин предлагает «резолюцию подтвердить, к подготовке решительно готовиться и предоставить Ц. К. и Советам решить, когда». Вышние вожди делают огромную уступку и отказываются от намерения форсировать события. И Зиновьев, и Каменев пытаются закрывать такую формальную постановку. «Мы обязаны разъяснить массам, что в эти 3 дня на выступление не зовем», — предлагает Каменев. «Наш грезвон за последнее время неправилен даже с точки зрения резолюции ЦК, ибо зачем нам надо давать подготовиться», — вторит ему Зиновьев: «пока не съедутся наши товарищи, и мы не посоветуемся, мы не должны начинать возстания». Зиновьев оглашает проект резолюции: «Не откладывая разведочных подготовительных шагов, считать, что такие выступления впредь до совещания с большевицкой частью съезда советов не допустимы». Резолюция Зиновьева отклоняется. Принята 19 голосами против двух, при 4 воздержавшихся формулировка Ленина: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного возстания, к поддержке создаваемого для этого центра*) и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный**) момент и целесообразные способы наступления».

Уходя с заседания 16-го, каждый по собственному разумению мог толковать принятое решение и на свой фазон успокаивать свою политическую совесть. Партия от нападения перешла к обороне, но «противник может принудить... принять решительный бой». «Объективные» условия могут приблизить «боевой момент». В представлении Крыленко — одного из тех, кто признавал назначение возстания «нецелесообразным» — факт «наступления» противника уже имеется и им можно воспользоваться: это вопрос о выводе войск из Петербурга. Здесь и можно дать «бой», так как для выступления солдат нужно, «чтобы что-нибудь их решительно задло». С достаточно откровенной циничностью Крыленко рисовал обстановку, в которой создаются «объективные» моменты: «На Черемиссовском совещании***) будет доказано, что войска вывести нужно, на это мы ответить не сможем, но не будет

*) На заседании был выбран и «военно-революционный центр» от ЦК (из Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского) для вхождения в состав «революционно-советского комитета».

**) В предварительном тексте стояло: «не пропустят случая».

***) На 17 октября ген. Черемиссовым созывалось в Пскове совещание с представителями Петербургского гарнизона.

сдѣлано, ибо нѣтъ довѣрія к генералам... начало уже есть». «Наша задача — поддержать возстаніе вооруженной силой, если бы оно гдѣ-нибудь вспыхнуло».

Ленину не приходилось искать «начала». Он считал себя побѣдителем в «рѣшительном бою» на собраніи ЦК, и «критическим днем» для него по старому оставалось «20 октября». Формальный секретарскій протокол не передает, конечно, характера засѣданія. Страсти, очевидно, кипѣли, когда, по выраженію Ленина, «Каменев безстыдно кричал», а Зиновьев «нагло» требовал пересмотра «резолюціи». Но в полный пароксизм бѣшенства впал Ленин, когда до его подполья дошли «питерскія газеты от среды 18/X». В «Новой Жизни» он прочитал замѣтку, озаглавленную «Ю. Каменев о выступленіи». От имени Каменева в связи с упоминаніем в напечатанной накануне статьѣ Базарова о «листочкѣ» двух видных большевиков против выступления разъяснялось, что дѣло идет о том письмѣ, с которым Каменев и Зиновьев «в виду усиленнаго обсужденія вопроса о выступленіи» обратились в партійныя организаціи и в котором они «рѣшительно высказывались против того, чтобы партія наша брала на себя инициативу каких-либо вооруженных выступленій в ближайшіе сроки». «Должен сказать», — сообщал Каменев, — «что мнѣ неизвѣстны какія-либо рѣшенія нашей партіи, заключающія в себѣ назначеніе на тот или иной срок какого-либо выступленія. Подобных рѣшеній партія не существует...». «Ни одна революціонная партія... не может, не имѣет права отказываться... от возстанія»..., но «в настоящій момент при данном соотношеніи общественных сил независимо и за нѣсколько дней до съѣзда Совѣтов» инициатива вооруженнаго возстанія была бы «недопустимым, гибельным для пролетаріата и революціи шагом». Возстаніе было бы «обречено на пораженіе» — это был бы «шаг отчаянія».

«Безстыдство», «наглость», «кляузная ложь», «жульничество», «подлость» — термины, так и пестрящіе в двух письмах в ЦК, которыя послѣдшил немедленно отправить Ленин. Он никогда не жалѣл «энергичных слов». Это измѣна, штрейкбрехерство — «господа Зиновьев и Каменев» должны быть исключены из партіи. «По важнѣйшему боевому вопросу накануне критическаго дня 20 октября двое «видных большевиков» нападают на «всепубликованное рѣшеніе центра партіи»... «Каменев и Зиновьев выдали Родзянкѣ и Керенскому рѣшеніе ЦК своей партіи о вооруженном возстаніи и о сокрытіи от врага подготовки вооруженнаго возстанія, выбора срока для вооруженнаго возстанія. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта». В ряды борцов «вносятся колебанія и смута». «Я издали не могу судить, насколько именно испорчено дѣло штрейкбрехерским выступленіем» («теперь так близко к 20 октября»), но «вопрос о вооруженном выступленіи, даже если его надолго отсрочили выдавшіе дѣло Родзянкѣ и Керенскому штрейкбрехеры, не снят, не снят партіей».

Разсмотрѣніе отношеній большевиков между собою — это сфера изслѣдованія партійных историков. Только что рассказанная страница может дать богатѣйшій матеріал для общественнаго

психолога. Нам важно отмѣтить лишь неразбериху и сумятицу, которыя создались на верхах заговорщиков почти наканунѣ возстанія; ту двойственность и неопредѣленность, которыя характеризовали собой позиціи главнаго политическаго штаба поднявших мятеж против Временнаго Правительства. Достаточно наглядно это выстуило и тогда, когда ЦК приступил к обсужденію протестующих писем Ленина (в засѣданіи 20 октября). Нѣкоторые «ленинцы» (напр., Дзержинскій) требовали полнаго отстраненія Каменева от политической дѣятельности; для других членов ЦК «вообще ничего особеннаго не произошло» (Милютин). Для нашего времени, быть может, курьезно, что именно Сталин ратовал за сохраненіе «единства партіи», так как, несмотря на «рѣзкость тона» Ленина*) «в основном мы остаемся единомышленниками». Сталин полагал, что послѣ заявленія Каменева в Совѣтѣ и разъясняющаго письма в редакцію «Рабочаго Пути» Зиновьева, вопрос можно считать исчерпанным. Выступленіе Каменева в Совѣтѣ 17 октября послѣдовало послѣ публичнаго заявленія Троцкаго от имени «полномочнаго представительства петроградскаго пролетаріата и революціоннаго гарнизона» о том, что «никаких вооруженных выступленій нами не было назначено. Но если бы по ходу вещей Совѣт был вынужден назначить выступленіе — рабочіе и солдаты, как один человек, выступили бы по его зову». Каменев поспѣшил присоединиться к Троцкому, сказав, что подписывается под каждым его словом**). В засѣданіи ЦК рѣчи об исключеніи Каменева из партіи, как того требовал Ленин, не было. Дѣло шло лишь об отказѣ Каменева от званія члена ЦК, сдѣланнаго им еще в засѣданіи 16 октября. Отставка была формально принята 5 голосами против 3. Но Каменев фактически из состава ЦК не ушел и поплелся уже за колесницей будущих триумфаторов, принимая непосредственное участіе в губительной «тактикѣ заговора».

Не мало лиц из большевистских верхов, вѣроятно, даже сочувствовали внѣшнему выявленію споров о возстаніи. В засѣданіи 16 октября Сокольников считал обвиненіе Каменевым партіи в том, что она «раззвонила свое выступленіе» лишенным убѣдительности. Вѣдь Каменев требует «заговора», а именно «величайшая особенность и наша сила в том, (что) мы открыто готовим выступленіе». Нетрудно вскрыть внутренній смысл этих слов — тѣ, кто устраивают заговоры, открыто не говорят о возстаніи. Осторожные были не прочь сохранить мимикрію, которой они прикрывались 3—5 іюля, когда большевики вынуждены де были вмѣшаться в стихійное движеніе, чтобы придать ему организованныя формы и ввести его в рамки извѣстной «легальности». Так и теперь на случай провала «авантюры» готовили отступленіе.

*) Ленин вступил в открытую полемику со штрейкбрехерами в статьѣ «Письма к товарищам».

***) В засѣданіи ЦК Троцкій пояснил, что он вынужден был сдѣлать свое заявленіе в Совѣтѣ в виду намѣренія Каменева огласить свою резолюцію. В упомянутом письмѣ в редакцію к Троцкому присоединился и Зиновьев, указав вмѣстѣ с тѣм, что его взгляды очень далеки от тѣх, которые оспаривает Ленин.

Есть ли хоть какія либо сомнѣнія в том, что возстаніе 25 октября непосредственно не было вызвано напором разбушевавшихся народных страстей? Сдѣланное выше обзорное документальное официальное партійное данное не свидѣтельствует ли с яркой и неоспоримой очевидностью, что о стихійности выступления не приходится и говорить? Пускаясь в «авантюру», надо было массы искусственно разжечь самой неудержимой демагогіей. Это было выступленіе не по разработанному и тщательно обдуманному плану, как потом старались представить большевицкіе историографы. Плохо осознанный «революціонный инстинкт», т. е. фанатизм, а не политическій разум руководил тѣми, кто ставил на карту судьбы Россіи. «Гарантіи побѣды» не было. «On s'engage et puis on voit». Это не было даже тѣм революціонным дерзаніем, о котором в свое время говорили Дантон и наш пѣснопѣвец революціи — декабрист Рылѣев.

4. Западнѣ Троцкаго.

Троцкій — «блестящій спутник» Ленина, имя котораго, как это ни странно, ни разу не фигурирует в протоколах ЦК большевиков в момент словеснаго «рѣшительнаго боя» между сторонниками возстанія и его противниками, попытался дать иную концепцію октябрьских дней. Усиленно выставляя свою кандидатуру на главнаго героя октябрьской эпопеи — он им и был, по мнѣнію Суханова — Троцкій изобразил (в воспоминаніях об октябрьском переворотѣ и в статьѣ «октябрьскіе уроки») протекшія событія в видѣ осуществленія хитроумнаго плана, им, Троцким, выдуманнаго и им, Троцким, проведеннаго в жизнь, при чем противники «цѣликом и полностью» были «пойманы» в «ловушку», разставленную «сладковатым тенором большевизма» (выраженіе Потресова).

Постановка вопроса Лениным предполагала «подготовку и совершеніе возстанія партійным путем и от лица партіи с тѣм, чтобы затѣм освятить побѣду через съѣзд совѣтов». Центральныи Комитет, — утверждает Троцкій, — «не принял (?) этого предложенія. Возстаніе было введено в совѣтское русло и агитаціонно связывалось со вторым съѣздом». «Подготовка возстанія и проведеніе его под прикрытіем подготовки втораго съѣзда и под лозунгом защиты его дали нам в руки неоцѣнимыя преимущества... С того момента, как мы, петроградскій совѣт, опротестовали приказ Керенскаго о выводѣ двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояніе вооруженнаго возстанія... Исход возстанія 25 октября был уже на три четверти, если не больше, предопредѣлен... Мы имѣли возможность... приурочить захват власти к моменту втораго съѣзда только потому, что «тихое», почти «легальное» вооруженное возстаніе... было уже на 3/4, если не на 9/10 совершившимся фактом. Мы называем это возстаніе «легальным» в том смыслѣ, что оно выросло из «нормальных условий» двоевластія. И при господствѣ соглашателей в Петроградском Совѣтѣ бывало не раз, что Совѣт провѣрял или исправлял рѣшенія правительства. Это как бы входило в конституцію того режима, который вошел в исторію под названіем «керен-

щины»... Мы прикрыли традиціями и пріемами легальнаго двое-властія фактическое возстаніе петроградскаго гарнизона.. Наши противники... склонны были совѣтское прикрытіе принимать за существо. Они хотѣли быть обманутыми, и мы доставили им полную эту возможность... Ведя наступленіе по всей линіи, мы сохраняли видимость обороны... Соглашатели оказались... цѣликом и полностью пойманы на удочку совѣтской легальности».

Весьма искусственное, несмотря на вѣрность отдѣльных деталей, позднѣйшее построеніе Троцкаго вызвало бурныя возраженія в большевицком лагерѣ в період, когда на совѣтском небосклонѣ померкла звѣзда идеолога так называемой «перманентной революціи», и когда нелестно было коммунистическим заправилам дѣлать Троцкаго центральной фигурой октябрьских дней. В концепціи Троцкаго тускнѣла роль великаго провидца, покоющагося в «кремлевском» мавзолеѣ, провидца, который на присущем ему крикливо-вульгарном жаргонѣ в свое время писал: «ждать съѣзда Совѣтов есть полный идиотизм («ребяческой игрой» называет он эту тактику в другом письмѣ), ибо это значит пропускать недѣли, а недѣли, даже дни, рѣшаются теперь все. Это значит трусливо отречься от взятія власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначеннаго возстанія»).

По Троцкому, возстаніе имѣло только «дополнительный» характер — именно потому оно прошло так безболѣзненно. И вновь мудрость «великаго» ставилась под сомнѣніе — он превращался в типичнаго заговорщика в стилѣ тривиальнаго бланкизма: Троцкій изобразил Ленина «карликом-бланкистом», по выраженію Сталина. Впрочем, и здѣсь мы можем оставить в сторонѣ споры партійных талмудистов*). Если в том небольшом отрѣзкѣ времени, который занимает нас, подготовка возстанія пошла по стезѣ, намѣченной как будто бы хитроумным «планом» Троцкаго, то это произошло только в силу фактической слабости и неподготовленности заговорщиков. Прямое дѣйствіе Ленина при столкновеніи с жизнью неизбѣжно цѣплялось примѣнительно к сложившейся традиціи за пресловутую совѣтскую «легальность» и прикрывалось зиновьевскою фальшивой «оборонительно-выжидательной позиціей» — партійным именем большевиков нельзя было вывести из казарм ни одной войсковой части. Выступленіе могло удасться только на фонѣ «полнаго бездѣйствія» Правительства. И поэтому отсрочка съѣзда на 25-ое пришлось, «как нельзя болѣе кстати», по признанію Троцкаго, — большевики выигрывали время.

В дѣйствительности в свои коварныя сѣти Троцкій мог уловить немногих. Объясненіе бездѣйствія власти и поразительной непредусмотрительности значительной части русской общественности различных политических кругов в «сумасшедшіе дни» (выраженіе в дневникѣ ген. Болдырева) приходится искать в другой плоскости.

*) Один из них, Савельев, не без основанія указывает, что вдохновили Троцкаго на его построеніе записки Суханова, перваго, намѣтившаго концепцію, присвоенную в цѣлях самовозвеличенія Троцким. Он называет утвержденія Троцкаго, даваша «карикатуру на октябрь» — плагиатом.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«ОБМАНУТЫЕ»

1. Революціонная демократія.

Рѣшенія большевиков и разногласія в их средѣ сдѣлались секретом полишинеля — об этом позаботились своим «трезвоном» прежде всего сами большевики. Естественно, что петербургскія газеты того времени полны сообщеніями о готовящемся вооруженном выступленіи.

«Легальное» возстаніе, по утвержденію Троцкаго, началось еще 9 октября с момента принятія петроградским совѣтом резолюціи по поводу проекта Правительства вывести из города часть гарнизона для обороны подступов столицы. Проект этот стоял в связи с общим рѣшеніем произвести эвакуацію Петербурга. Конечно, руководились в данном случаѣ гораздо больше цѣлями политическими, чѣм стратегическими — непосредственно Петербургу мало что угрожало. Французскій посол Нуланс совершенно прав, устанавливая этот факт в своих воспоминаніях. Угроза со стороны возможнаго германскаго выступленія была выдвинута лишь в качествѣ официальнаго мотива. Со включеніем Петербурга в зону военных дѣйствій и подчиненіем его военным властям, Правительству лучше было бы переѣхать в Москву и в атмосферѣ менѣе «накаленной политической борьбы» созвать Учредительное Собраніе. Инициатором проекта едва ли не являлся сам Керенскій.

По сообщенію газет в засѣданіи Правительства 4-го октября произошли «бурныя пренія». Министры-соціалисты полагали, что не слѣдует форсировать вопроса о переѣздѣ Правительства, чтобы не раздражать «революціонныя организаціи», которыя могут «отнестись к нему отрицательно, как к стремленію Правительства выйти из под их вліянія». Вынесеніе окончательнаго рѣшенія было отложено Правительством до обсужденія вопроса во Временном Совѣтѣ Республики, открытіе котораго должно было состояться 7 октября. Предпарламент отнесся несочувственно к идеѣ переѣзда Правительства в Москву, и вопрос в сущности был снят с очереди. В засѣданіи Совѣта Республики 13 октября Правительство заявило, что Учредительное Собраніе будет созвано, если окажется возможным, в Петербургѣ, и что само оно покинет столицу только в момент, когда послѣдней будет угрожать непосредственная военная опасность. Против такой форму-

лы раздался в Совѣтъ только единственный голос. Не одни социалисты, но и торгово-промышленная группа в лицѣ Кутлера высказалась против эвакуаціи, слухи о которой грозят нарушить «спокойствіе в Петроградѣ».

Для Ленина тѣм не менѣе нѣтъ сомнѣній: «русская буржуазія и Керенскій с К^о» рѣшили «сдать Питер нѣмцам для того, чтобы нанести удар в спину революціи» — идет «явное подготовленіе второй корниловщины»; «только наша побѣда в возстаніи сорвет игру с сепаратным миром против революціи». Этот мотив лег в основу аргументаціи необходимости вооруженнаго возстанія в революціи ЦК большевиков 10 октября. Лозунг был дан, и на всѣ перепѣвы повторяет его большевицкая печать, пытающаяся играть на патриотическом чувствѣ масс. Контр-революція готова раскрыть «фронт врагу» и заключить мир с Вильгельмом «за счет Россіи», — пишет в «Рабочем Пути» Зиновьев. Вильгельм возьмет нож и отхватит себѣ добрый кусок русской земли. «Что нас ждет», — так озаглавлена анонимная статья того же «Рабочаго Пути» на другой день послѣ засѣданія предпарламента: буржуазія и Правительство намѣрены «усмирить» Петроград путем сдачи его нѣмцам и сорвать Учредительное Собраніе. (Статья написана Сталиным). Но еще наканунѣ засѣданія большевицкаго ЦК в петроградском Совѣтѣ, по предложенію фракціи большевиков, было постановлено «в минуту смертельной опасности для народа и революціи» организовать «революціонный комитет обороны, который... принял бы всѣ мѣры к вооруженію рабочих и таким образом обезпечил бы и революціонную оборону Петрограда и безопасность народа от открыто подготовляющейся атаки военных и штатских корниловцев». Так в «замаскированной формѣ» было положено начало будущему Военно-Революціонному Комитету — от этой даты и начинается яко-бы исторія октябрьскаго возстанія.

«Правительство может бѣжать из Петрограда, — патетически воскликнул Троцкій на съѣздѣ совѣтов Сѣверной области, открывшемся 11 октября, — но петроградскій Совѣтъ и революціонный народ никуда не уйдет, будет бороться и, если понадобится, умрет на своем посту». «План сдачи революціоннаго Петрограда, который скрывается за эвакуаціей, диктуется ненавистью к революціонному пролетариату и гарнизону и стремленіем от них избавиться»^{*)}. Во времена «корниловщины» Правительством также «принимались мѣры к выводу петроградскаго гарнизона с тѣм, чтобы обезоружить и задуть Совѣты». «На этом съѣздѣ мы

^{*)} Большевики, конечно, использовали в цѣлях демагогических по меньшей мѣрѣ неумѣстное в эти дни интервью, данное Родзянко сотруднику московскаго «Утра Россіи», причем Троцким в пленарном засѣданіи петроградскаго совѣта 16 октября было приписано послѣднему предсѣдателю Государственной Думы то, чего он и не говорил: нѣмцы-де возстановят порядок, разгонят совѣты, истребят Балтійскій флот, задуют в корнѣ русскую революцію. Заявленіе Родзянки — даже в воспроизведеніи его в большевицкой печати сравнительно скромно: «Петроград находится в опасности. Я думаю, что Бог с ним с Петроградом. Опасаются, что в Питерѣ погибнут центральныя учрежденія, т. е. Совѣты... На это я возражаю, что очень рад, если всѣ эти учрежденія погибнут, потому что (кроме зла) Россіи они ничего не принесли».

должны, — заканчивал Троцкий, — *практически и действительно* поставить вопрос о переходѣ всей власти к совѣтам — в этом подлинное содержание работ съѣзда». На другой день опять Троцкий: «Время слов прошло». «Наш съезд должен показать, что за нами не только слова, но и материальная сила. Наступил час смертельнаго поединка революціи с контр-революціей». «Все положеніе страны говорит нам: вы обязаны разрѣшить задачу, которая стоит перед страной и хотя бы цѣною жизни, взять власть в свои руки». Составитель «хроники событий» за эти дни далеко не без основанія замѣчает: «предложенная Троцким резолюція призывает к возстанію, совершенно не связывая послѣдняго со всероссийским съѣздом совѣтов». Творец хитроумнаго плана «легальнаго» возстанія фактически выполнял директивы Ленина, возлагавшаго особыя надежды на съезд совѣтов Сѣверной области в смыслѣ возможности активнаго вооруженнаго выступленія. Дальше общих резолюцій, составляемых в обычно крикливых терминах и провозглашавших программу будущаго уже «совѣтскаго правительства», дѣло однако не пошло.

Не удалось, конечно, в нѣсколько дней раскатать гарнизон на немедленное выступленіе и по связи с «черемиссовским совѣщаніем». Припомним, что на это совѣщаніе, как на плацдарм для начала возстанія, возлагал свои надежды Крыленко — об этом он говорил как раз наканунѣ совѣщанія. «План» Крыленки по существу был таким блефом, что о нем почти не стоит упоминать. Совѣщаніе с участіем 40 представителей от полковых комитетов петербургскаго гарнизона и совѣта состоялось в Псковѣ 17 октября в ставкѣ главнокомандующаго Сѣверным фронтом ген. Черемиссова и сошло на нѣтъ — делегация огласила декларацію, выражавшую точку зрѣнія большевиков, и заявила, что пріѣхала исключительно для информации. Хотя, по словам Подвойскаго, ген. Черемиссов и доказал «неопровержимо» с военной точки зрѣнія необходимость вывода войск из Петрограда и не встрѣтил «серьезных» возраженій со стороны делегации, к дѣйствительности Черемиссов даже не очень настаивал на этой «стратегической необходимости», так как инициатива присылки войск из Петербурга принадлежала не ему, а с «оперативной» точки зрѣнія небоеспособныя части «находки» не представляют: «таких частей, — писал он Духонину, — у нас уже достаточно на фронтѣ»...

На другой день в Смольном состоялось совѣщаніе представителей полковых комитетов по вопросу о выступленіи. Далеко не всѣ части гарнизона были представлены на совѣщаніи; далеко не всѣ представители полковых комитетов высказались за выступленіе. А тѣ, кто высказались за него, говорили о выступленіи только от имени съѣзда. Таким образом «прямое дѣйствіе» вылилось скорѣе снова в информацию о настроеніях.

Приведенныя иллюстраціи отчасти поясняют причину, почему большевицкіе лидеры в эти дни публично открещиваются от приписываемаго им намѣренія *организовать* вооруженное выступленіе и пытаются спрятаться в кусты стихійных настроеній.

Первая стычка между большевиками и революционной демократией произошла 14 октября на соединенном заседании ЦИК Совета Р. и С. Д. и И. К. Кр. Деп. Предметом дискуссии являлась «оборона страны». Представители революционной демократии были уже достаточно опытными политиками, хорошо знали изворотливую безпринципность большевицкой демагогии и их, конечно, не так легко было поймать на удочку «советской легальности». Наивный, казалось бы, вопрос докладчика на указанном заседании Дана: готовят ли большевики выступление, конечно, только агитационный прием для воздействия на те массы, которые «на фабриках и заводах» обсуждают вопросы — «выступать или не выступать». Назвав вопрос Дана «прокурорским вопросом с пристрастием», Рязанов принимает вызов: «выступление готовят не большевики; выступление подготавливается той политикой, которая в течение семи месяцев революции сделала столько для буржуазии и ничего для масс. Восстание подготавливают те, кто создает в массах настроения отчаяния и индифферентизма. Мы не знаем дня и часа для выступления, но мы говорим народным массам: готовьтесь к решительной борьбе за землю и мир, за хлеб и свободу. Если в результате этой политики Правительства рабочих и крестьянских массы восстанут, мы будем в первых рядах восставших»^{*)}.

Из уклончивого по существу ответа Рязанова меньшевик Богданов делает определенный вывод: «большевики готовят вооруженное восстание и будут во главе восставших». «Но, — предсказывает Богданов, — всякая попытка к выступлению будет подавлена Правительством». На улице «выйдут не массы, а отдельные кучки». Этим воспользуются «контр-революционеры» — в городе «уже носят упорные слухи» о том, что «организуется какая-то белая гвардия». Отчет отмечает еще заявление Мартова от имени меньшевиков-интернационалистов, который согласен с Рязановым — «почва для восстания подготавливается Правительством», но не время сейчас «перестраивать власть»: выступление в «период застоя революции» явится полной «авантюрой». Собрание принимает резолюцию, предложенную Даном и сводящуюся к признанию положения, что выступление в настоящий момент «будет губительно для обороны страны и приведет к контр-революции». Отделились от «революционной демократии» только народные социалисты, признавшие резолюцию в такой ответственный момент «не достаточно определенной»^{**)}.

В этом собрании заложены как бы начала всей последующей тактики революционной демократии в критические октябрьские дни — уверенность, что большевицкое выступление можно квалифицировать только, как авантюру, и страх перед пугалом, которое маячит на горизонте и именуется — «контр-революцией». Ни

*) Наши кавычки относятся не к подлинным словам ораторов, а к тому тексту, из которого мы заимствуем данные. Заседание в «Хроникѣ» излагается по отчету сохранившемуся в «Архивѣ» ЦИК.

***) Отчет отмечает, что характер резолюции объясняется желанием добиться голосования в ее пользу и со стороны большевиков.

какія ухищренія большевиков замаскировать «революціонно-повстанчeskій» характер их дѣятельности не могли завлечь в ловушку. Когда 16-го в петроградском совѣтѣ обсуждался проект организаціи Военно-Революціоннаго Комитета, как органа «обороны», фракція с. р. опредѣленно заявила, что не будет даже принимать участія в обсужденіи этого вопроса, а меньшевик Бройдо назвал большевицкую «затѣю» организаціей «революціоннаго штаба для захвата власти». Меньшевики отказывались быть участниками в «шохоронах революціи».

Через день на экстренном засѣданіи Совѣта с участіем делегатов всероссійскаго сѣзда фабрично-заводских комитетов Троцкій сдѣлал свое вынужденное, как мы знаем, заявленіе о том, что большевики «никакого вооруженнаго выступленія» не назначали. Троцкій издѣвался над «фактами», приведенными в «буржуазных» газетах, которыя называют и «день выступленія» — 22-го, когда назначен так называемый «день Совѣта», «день агитаціи, пропаганды, сплоченія масс под знаменем Совѣта, день сборов в пользу Совѣта». Всѣх превзошла своим «тонким пророчеством» газета «День», напечатавшая даже «план» выступленія, намѣченных маршрутов и т. д. В залѣ «смѣх» — отмѣчает отчет. «Для нас совершенно ясна цѣль всей этой кампаніи», — продолжает Троцкій. «У нас с Правительством имѣется конфликт, который может получить крайне острый характер. Это — вопрос о выводѣ войск. Мы не позволим подготовить новое корниловское выступленіе и в качествѣ подготовительной мѣры «обнажить Петроград от его революціоннаго гарнизона... И вот буржуазная печать хочет создать вокруг петроградских солдат и рабочих атмосферу вражды и подозрительности и вызвать к петроградским солдатам ненависть на фронтѣ... Другой острый вопрос о сѣздѣ совѣтов (петроградскій совѣт предложит сѣзду взять власть в свои руки)... теперешняя кампанія лжи и клеветы подготавливает вооруженную атаку против сѣзда совѣтов... вся революціонная Россія отвѣтит на нее самым рѣшительным контр-наступленіем, которое будет безпощадным, и которое мы доведем до конца». Но «мы не так наивны, — пишет 19-го «Рабочій Путь», — чтобы, очертя голову, первыми броситься в борьбу, заранѣе опубликовавъ еще день и час, как нам приписывает мудрая мѣщанская печать». «Клеветниками» и «провокаторами» именуется большевицкій офиціоз разоблачителей. «Кому то выгодно разносить по Москвѣ тревожные слухи о выступленіи большевиков 22-го октября», — вторят московскіе подголоски в «Соціал-Демократѣ». «Мы не заговорщицкая партія и своих выступленій не назначаем. Когда мы рѣшим выступить, то об этом скажем в своих печатных органах». «Братья-казаки», — гласит воззваніе петроградскаго совѣта 21-го октября, — «негодяи и провокаторы» говорят, что Совѣт собирается устроить «какое-то возстаніе». Их цѣль «вызвать кровопролитіе и в братской крови утопить вашу и нашу свободу».

Очевидно, Троцкій по своему ораторскому темпераменту срывался и отступал от политики мудраго змія, когда, увлекаясь фіоритурами краснорѣчія, заявлял в отвѣтъ меньшевикам: «Нам гово-

рят здѣсь, что мы готовим штаб для захвата власти. Мы из этого не дѣлаем тайны», но дѣло идет только о «демонстраціи сил пролетаріата». Какой итог может получиться от такой «демонстраціи», как будто бы никто не сомнѣвался. Чрезвычайно показательны в этом отношеніи отзывы печати без различія направленія — достаточно сопоставить кадетскую «Рѣчь» с полубольшевицкой «Нашей Жизнью», как это дѣлает Суханов в своих записках современника. Подражая Толстому, Горькій 18-го выступает со статьей «Нельзя молчать», гдѣ говорит о готовящемся повтореніи той «кровавой безсмысленной бойни» 3—5 іюля, которая «подорвала во всей странѣ моральное значеніе революціи». Если большевики выступят, то они будут раздавлены, — утверждала «Рѣчь» 21-го: массы не пойдут за большевиками, их лозунги «способны толкнуть на улицу лишь небольшія кучки». «Перед нами не стихійно нарастающее движеніе, — писал Авилов в той же «Новой Жизни», — а опредѣленная политическая кампанія, которая стремится оформить стихійныя настроенія масс, ввести их в опредѣленные, организованныя рамки и направить к опредѣленной цѣли».

Для «Дѣла Народа» — органа Центрального Комитета партіи с.р. — уже 15-го октября нѣтъ никакого сомнѣнія, что выступленіе большевиков будет носить вооруженный характер. Но результатом его может быть лишь «вторая корниловщина», которая, по мнѣнію газеты, гораздо опаснѣе первой.

Видный член той-же партіи и один из руководителей совѣтскаго большинства Гоц за нѣсколько недѣль до переворота убѣжденно говорит посѣтившим его представителям военной среды, обезпеченным ходом революціи: «слишком вы преувеличиваете роль и значеніе большевиков. Кто вообще с ними считается» (свидѣтельство Кваши).

Тѣ, кому суждено было тогда находиться на авансценѣ исторической жизни, не дооцѣнивали роли, которую может, в концѣ концов, сыграть в эпоху революціоннаго броженія меньшинство, не только апеллирующее к народным страстям но и разнуздывающее их. Нельзя забывать и того, что промышленность военнаго времени внесла значительныя измѣненія в самый состав рабочаго пролетаріата Петербурга, возросшаго с 194 тысяч до 403 тыс., и что «наносные элементы» были и самыми неустойчивыми в общественном отношеніи, легче поддающимися заманчивым и эфемерным лозунгам большевицкой пропаганды.

В таких условіях наиболѣе развѣтая и сознательная часть пролетаріата (русскій пролетаріат, по характеристикѣ Рожкова, всегда отличался «максималистическими тенденціями») не могла противостоять политически аморфному гарнизону, на который пыталась опереться агитація экстремистов. Поэтому так преждевременно «Извѣстія» 20-го спѣшили подвести итоги: большевицкая авантюра с вооруженным выступленіем в Петербургѣ дѣло конченнаго. В этой авантурѣ они оказались «совершенно изолированными, были окружены со всѣх сторон не корниловцами, а всеобщим негодованіем всей демократіи и она уже сдаются».

Поэт Князев, впоследствии сдѣлавшійся вѣрным бардом по-

бдѣтелей, в «Днѣ» (20-го) издѣвался над призывом Троцкаго: ...«пугач то он пугач, наш Троцкій из Совѣта», но «вродѣ пистолета, из котораго всю ночь, паля по небесам, пугаем мы воров».

По существу было нѣчто худшее, чѣм самообман. Быть может, и не отдавая себѣ отчета, бессознательно протявники большевиков из лагеря революціонной демократіи только лили воду на мельницу слѣпых фанатиков и безсовѣстных авантюристов, по позднѣйшему выраженію пѣвца о революціонном соколѣ.

Изумительное, напрямѣр, воззваніе было опубликовано ВЦИК-ом 17 октября по поводу тревожнаго настроенія, которое царило в рабочих кварталах Петербурга, и тѣх злобѣщих слухов о предстоящих вооруженных выступленіях, которые волнуют гарнизон столицы*). Созвучно с призывом меньшевиков-интернаціоналистов, обратившихся с особым воззваніем к населенію, оно ищет «провокационную руку», которая явно стремится превратить в «черносотенный погром» броженіе, вызванное в массах «бдѣственным положеніем и возмущеніем против политики Правительства». «Товарищи», — гласило воззваніе ЦИК-а: «Темныя сѣлы усиленно работают над тѣм, чтобы вызвать в Петроградѣ и других городах в ближайшіе дни безпорядки и погромы, чтобы получить возможность потопить в крови все революціонное движеніе. Под предлогом возстановленія нарушеннаго порядка и охраны жизни обывателей, они надѣются водворить ту самую корниловщину, которую революціонному народу удалось раздавить недавно. Горе народу, если эти расчеты удадутся. Торжествующая контр-революція уничтожит совѣты и войсковые комитеты, сорвет Учредительное Собраніе, пріостановит переход земли к крестьянам, докончит со всѣми надеждами народа на скорый мир и заполнит тюрьмы революціонными солдатами и рабочими... Будет преступным легкомысліем всякая попытка организовать в эти дни выступленіе или демонстрацію хотя бы с самыми революціонными цѣлями»...

О большевиках как-то стыдливо замалчивается в этих воззваніях. Центр тяжести перенесен уже на грядущую контр-революцію, причем органы революціонной демократіи скорѣе пытаются успокоить себя: «обыватель с Невскаго не народ» — «народ наш» (статья Святицкаго в «Дѣлѣ Народа» 22 октября). Таким образом до извѣстной степени стиралась грань между большевиками и их противниками в социалистической средѣ. Сохранялся единый революціонный фронт, в предѣлах котораго осуждалась лишь «азартная политическая борьба», пытающаяся несвоевременно «насилственным путем» свергнуть правительство. И в атмосферѣ такой пагубной для народнаго сознанія психологіи (ее в нѣсколько утрированном видѣ Плеханов опредѣлил словами: «гряди Ленин, подуленинцы прѣвѣтствуют тебя») тонули предостерегающіе голоса тѣх немногочисленных «умѣренных» социалистов, которые требовали безоговорочной и рѣшительной борьбы «всѣми силами» (слова Потресова) с большевиками и отмѣны со-

*) Оно было прѣвято на совмѣстном засѣданіи с Исп. Ком. Сов. Кр. Деп.

зываетъ съѣзда совѣтовъ. Къ этой борьбѣ звали и правые с.-р. в «Волѣ Народа», еще в дни Дем. Совѣщанія признавшіе, что «отсрочка боя» опасна, и что надо «железной рукой принудить большевиковъ покориться»; къ этой борьбѣ звали и народные социалисты в «Народномъ Словѣ»*), и «Единство» Плеханова, и меньшевики-оборонцы в «Днѣ». Впрочем, и нѣкоторымъ изъ нихъ все же кажется, что большевики только «зарвались» и не могутъ найти путей для отступленія. Никакихъ организаціонныхъ дѣйствій всѣ эти группы не предприняли.

2. «Корниловцы».

Такое было настроеніе в рядахъ революціонной демократіи. Пытались-ли организовать тѣ, которые могли явиться — не только в представленіи однихъ большевиковъ — «водворителями порядка» и «придушить» революціонное движеніе?

Выше цитировалась уже одна изъ руководящихъ статей «Рѣчи». Газета видѣла неизбежность «гражданской войны», къ которой влекутъ страну слѣпшія силы; она изо дня в день говорила о томъ «ужасѣ» и «позорѣ», которые предстоитъ пережить Россіи; «Рѣчь» объясняла до извѣстной степени русской «обломовщиной» отсутствіе противодѣйствія в обществѣ — эту рабскую подчиненность грядущимъ событіямъ; она обвиняла Правительство и политику выжиданія. Но у нея не было сомнѣнія, что чувство самосохраненія пробудится в населеніи, когда потечетъ кровь, и что у Правительства проявится воля къ дѣйствию. Возстаніе большевиковъ будетъ, конечно, раздавлено. Но какой цѣной? (статья 18 октября). Партийный офиціоз все же былъ только органомъ повседневной печати. Были ли сомнѣнія в отвѣтственныхъ политическихъ кругахъ? Октябрь — время партийныхъ съѣздовъ и совѣщаній, вырабатывавшихъ тактическія директивы передъ выборами в Учредительное Собраніе. Тщетно искать на этихъ засѣданіяхъ непосредственныхъ откликовъ на тревожное время, переживаемое страной, и какихъ-либо указаній на попытку организованнаго отпора грядущимъ испытаніямъ. Наоборотъ, подчасъ звучатъ не только успокоительныя, но и самоувѣренныя ноты, какъ, на примѣръ, на московскомъ съѣздѣ партіи народной свободы в рѣчахъ, произнесенныхъ лидеромъ партіи Милюковымъ 14—15 октября.

На съѣздѣ боролись два теченія по вопросу о ближайшей тактикѣ партіи в Совѣтѣ Республики. Одно изъ нихъ полагало, что положеніе страны требуетъ совмѣстной дѣятельности всѣхъ государ-

*) Центральный органъ народныхъ социалистовъ, зывая къ организаціи отпора большевицкому натиску и къ проявленію активности со стороны общества, писалъ 20-го октября: «надъ русскими гражданами нависла угроза, вотъ завтра или черезъ день «выступятъ» большевики, в домѣ придутъ громныя, будутъ разорять, убивать. И «свободные» граждане самой демократической в мірѣ республики проявляютъ в виду этого всю глубинну своей пассивности — словно хотятъ сказать: ну, что же, чему быть, того не мнновать». «Общественная психологія революціоннаго времени — пессимистически заключала газета — повидному, очень мало отличается отъ того, что было в эпоху абсолютизма».

ственно-мыслящих элементов. Ради создания такого большинства к. д. должны вступить в соглашение с близкими им по тактике социалистическими и демократическими группировками, сдѣлав при этом необходимыя уступки. Намѣчавшейся политикѣ «соглашенія» — «последней попыткѣ противопоставить нѣчто растущей волнѣ большевизма», предшествовали в Петербургѣ предварительные переговоры, в которых играли «наибольше видную роль» Набоков, замѣнявшій в ЦК партіи отсутствовавшего Милюкова, и Церетелли. Набоков вспоминает, как на квартирѣ Аджемова дважды собирались представители партіи народной свободы с лидерами революціонной демократіи (Гоцом, Даном и Скобелевым — Церетелли уѣхал на Кавказ). «На наше определенное заявленіе, что главнѣйшей задачей вновь учрежденнаго Совѣта мы считаем созданіе атмосферы общественнаго довѣрія вокруг Временнаго Правительства и поддержки его в борьбѣ с большевиками, Дан отвѣтил, что он и его друзья не склонны наперед обѣщать свое довѣріе и свою поддержку, что все будет зависеть от образа дѣйствій Правительства, и что в частности они не видят возможности встать на точку зрѣнія борьбы с большевиками прежде всего, и во что бы то ни стало». «Мы разошлись, — заключает Набоков, — с тяжелым чувством, с сознанием, что начинается опять старая канитель... и что все затраченныя нами усилія... едва ли не пропали даром». Вина, по мнѣнію мемуариста, лежала исключительно на неисправности «дѣвых». В дѣйствительности политическіе комбинаторы в поисках путей соглашенія, как будто бы, не нащупали тогда реальной почвы, так как очевидно возможность фактическаго «соглашенія» лежала не в плоскости переговоров с представителями тѣх кругов революціонной демократіи, которые еще не оставили в то время мысли о концентраціи однородных революціонных сил.

При такой комбинаціи отбрасывались «цензовые элементы», к которым цѣликом относили и партію народной свободы. По другому ставил вопрос Пѣшехонов в народно-социалистическом офиціозѣ (статья 4-го октября в «Народном Словѣ»); для него плодотворное соглашеніе могло быть лишь между тѣми «дѣвыми», которые отмежевались от большевиков, и тѣми «правыми», которые порвали с контр-революціей. При таких условіях некому будет заключать коалицію, — утверждало в отвѣт с.-р. «Народное Дѣло».

Независимо от указанной тактической ошибки Набоков односторонен в своем сужденіи, как это видно из газетных отчетов о работѣ московскаго съѣзда.

Милюков, выражавшій мнѣніе меньшинства в ЦК своей партіи и усиленно отгораживавшійся, по словам Гессена, в то время от социалистов, рѣшительно возстал на съѣздѣ против того, чтобы «лицемѣрной фразеологіи» приносить в жертву «ясные лозунги». Он подчеркивал усиливающійся в странѣ процесс разочарованія в лозунгах, выдвинутых крайними партіями. По его мнѣнію, произошел уже «несомнѣнный сдвиг» — на мѣстах усилились государственно мыслящіе элементы, которые пойдут с партіей на-

родной свободы*). Центр демократіи безсиден, следовательно и бесполезен. Коалиція в странѣ излишня. «Соглашенія могут дѣлать другія группы с нами, а не мы с ними» — другими словами «государственно-мыслящіе» должны быть «ассимилированы» под флагом партіи народной свободы. Участіе к. д. в коалиціонном правительствѣ может быть лишь «педагогическим приѣмом» — для того, чтобы заставить Правительство перешагнуть через грань колебаній и осуществлять к. д. программу. И оратор иллюстрировал свою мысль даже остротой: Кишкин будет «министром призрачнн революціоннаго правительства». Один из провинціальных делегатов пытался кратко и отчетливо формулировать позицію, которую обосновывал на съѣздѣ лидер партіи: «Наша задача — не в политикѣ соглашенія, а в обостреніи наших требованій». Лидер поспѣшил присоединиться к такой формулировкѣ — публицист «Власти Народа» (правый с.-р. Воронов) назвал ее «кадетским большевизмом**).

«Оглушительныя овадія», которыми встрѣчались выступленія Милюкова свидѣтельствовали о том, что съѣзд склонен поддерживать не «компромиссную» точку зрѣнія, выраженную Аджемовым и Набоковым, а позицію «непримиримую», аналогичную «безответственному большевизму», по выраженію Кусковой во «Власти Народа». Аджемову казалось, что съѣзд собрался «лѣтъ этак 50 послѣ революціи» (слова Аджемова относились непосредственно к аргументаціи Новгородцева), в дѣйствительности съѣзд происходил за 10 дней до большевицкаго возстанія — через десять дней не было уже того Временнаго Правительства, поддержку котораго по пресловутому принципу «поеголько-посколько» рекомендовал на съѣздѣ один из видных его дѣятелей (фактически на съѣздѣ была принята «примирительная формула»).

Можно удивляться, если угодно, отсутствію дальновидности у современников октябрьских дней***), но не служит ли их спокойствіе, их увѣренность объективным доказательством и того, что положеніе в дѣйствительности не было так трагически безвыход-

*) Историк Милюков накануне октябрьскаго переворота в сущности повторял прогноз другого московскаго историка, Кизеветтера, который на предшествовавшем съѣздѣ партій к. д. 24 іюля чрезвычайно мрачно, как будто бы характеризуя дѣйствительность («мы катимся в бездну... Спасти может сучек, за который удастся захватиться»), тѣм не менѣе предрекал, что «кадетизм грядет в русской жизни».

**) По газетным отчетам рѣчь Милюкова носит гораздо болѣе заостренный характер по сравненію с тѣм, как она изложена самим историком в его научном трудѣ. Эту заостренность я и сохраняю, так как нам гораздо важнѣе опредѣлить воспріятіе рѣчи Милюкова общественным сознаніем в тот момент.

***) Насколько чужд был сознанію «реальных политиков» подлинный пульс бненія жизни, показывает тот факт, что в число основных требованій съѣзда внесен был пункт об ограниченіи дѣятельности войсковых комитетов функциями козайственными и просвѣтительными. Между тѣм через двѣ недѣли эти комитеты явились основной сдерживающей силой на фронтѣ и главной опорой противобольшевицкой борьбы, т. е., им пришлось играть роль политическую.

но, как это казалось потом, когда разразилась катастрофа? *). Слабость Правительства, — говорил на съездѣ Кишкин, — «в значительной мѣрѣ лишь какой-то самогипноз». У революціоннаго Правительства нѣтъ «революціоннаго дерзанія». Стоит только усвоить эту точку зрѣнія, и у Правительства найдется «аппарат», и «анархія в странѣ кончится». Нельзя, таким образом, сморбный подчас голос современной публицистики принимать за точный фотографическій снимок дѣйствительности. В нѣкоторых исторических трудах стала популярной ссылка на передовую обобщающую статью «Русских Вѣдомостей» еще от 20 сентября, посвященную росту анархіи внутри Россіи и озаглавленную «Разложение». Газета писала: «толпа в худшем смыслѣ этого слова все болѣе выходит на улицу и начинает чувствовать себя господином положенія, не признавая над собой никакой власти. Иногда эта толпа, глубоко невѣжественная, не признающая ничего, кромѣ грубых личных интересов, взбунтовавшіеся рабы. Демократія все больше приближается к шлоному распаду, из котораго она уже не в состояніи будет выбраться собственными силами». За этой патристической тревогой скрывался также своего рода педагогическій прием**). По существу Кизеветтер на столбцах тѣх же «Русских

*) Гессен рассказывает, что в августѣ он намѣревался купить земельный участок в Крыму. В воспоминаніях своих он недоумѣвает: «какой смысл это имѣло, если ни на минуту не покидало ощущение паденія по наклонной плоскости? Мемуарист думает, что это было самовнушеніе: «сам себя пытался убѣдить, что ничего страшнаго нѣтъ». Возможно, но для оцѣнки поступков современников важно реальное ощущеніе, а не мемуарное воспріятіе — тогдашнее сознание не говорило, что «страна корчится в предсмертных судорогах». (Воспоминанія Гольденвейзера).

Должен отмѣтить, что в соотвѣтствіи с показаніями этих русских мемуаристов находятся и воспоминанія нѣкоторых иностранных наблюдателей. Так, напримѣр, французскій посол Нуланс в крайне несимпатических тонах обрисовывает тогдашнія настроенія общества. «Казалось — пишет он — тяжелая атмосфера молчанія и страха тяготѣет над умами. Это было затишье, которое непосредственно предшествует сильной бурѣ. Страх наполня всѣ сердца. На застывших лицах не было больше радости жизни, а лишь покорность высшей судьбѣ. Во всѣх разговорах повторялось одно и то же слово: боюсь». Тщетно пытаюсь я, однако, найти в своей памяти и в дневникѣ «моего современника», к которому я буду не раз обращаться в послѣдующем изложеніи, хоть какую-нибудь отмѣтку, подтверждающую такую характеристику. Все же мой круг непосредственнаго наблюденія был шире кругозора французскаго наблюдателя, смотрѣвшаго на событія со стороны. Нуланс удивляется, что при сознаніи неизбежности катастрофы (общество, по его мнѣнію, было прозорливѣе Правительства) люди не готовились к борьбѣ, пассивно воспринимали событія и утѣшались мыслью, что власть большевиков продлится 8-10 дней и, что Россія будет навсегда освобождена от коммунизма. Да, такое настроеніе, как мы увидим, дѣйствительно было у «буржуазии», о которой говорит французскій посол, но только послѣ переворота. Мемуарист невольно, быть может, хронологически передвинул свое воспріятіе тогдашних настроеній.

***) Чрезвычайно характерно, что во всѣ дни правительственных кризисов в газетных сообщеніях появляется в сущности одна и та же терминологія. И по этим свѣдѣніям дѣйствительно трудно сказать, когда устрашающая анархія («самодержавіе толпы и проходимцев» по выраженію «Рѣчи») сильнѣе — в маѣ, в момент выхода Милюкова из состава Временнаго Правительства, т. е., в період еще «блестящаго и побѣдоноснаго фазиса революціи» или в дни послѣдующаго «сплошнаго умиранія» (Набоков).

Вѣдомостей» убѣдительно доказывалъ в статьяхъ: «Анархія и Общество», что «призракъ силы анархіи разсѣется без остатка». Знаменательно, что «Русскія Вѣдомости» даже в трагической моментъ 25 октября, т. е. в день, когда пало Временное Правительство, сами не шли еще дальше параллели с тѣми же июльскими событіями. И только позднѣйшая оуѣнка могла побудить Милюкова в своем историческом трудѣ «Россія на переломѣ» сказать: «два послѣдних мѣсяца были уже только агоніей».

Так или иначе революціонная Россія под водительствомъ измѣняющагося в своем составѣ Временнаго Правительства дошла до выборов в Учредительное Собраніе и не распалась на волостныя и уѣздныя «независимыя республики», как то предрекали пессимистически настроенные публицисты*).

Одновременно со съѣздомъ партіи народной свободы в Москвѣ происходил и второй съѣздъ «Совѣщанія общественныхъ дѣятелей» — того разнороднаго конгломерата общественныхъ сил, который кадеты, по выраженію Новгородцева, пытались вовлечь «в орбиту» своего вліянія, ибо задачей партіи являлась ассимиляція «государственно-мыслящихъ» не только слѣва, но и справа. Естественно, что этотъ съѣздъ прошел под знаменемъ еще болѣе отрицательнаго отношенія к Временному Правительству. Вся революціонная демократія бралась здѣсь под одну скобку. Так и сказалъ — по крайней мѣрѣ по отчету «Власти Народа» — гегельянецъ Ильин, занявшій уже тогда мѣсто на правомъ флангѣ русской общественности: «все населеніе Россіи теперь можно раздѣлить на два лагеря: группу сторонниковъ порядка и партію анархіи, во главѣ которой стоитъ министр-предсѣдатель». О большевикахъ почти нѣтъ и рѣчи. Большевидамъ, — говорилъ кн. Евг. Трубецкой, — это «эпидемическая зараза», у которой есть свое теченіе и свой срокъ. Оратор считалъ, что признаки грядущаго выздоровленія имѣются уже на-лицо. И в преддверіи к роковымъ «октябрьскимъ днямъ» всѣ самыя патетическія рѣчи на этомъ съѣздѣ становятся какой-то почти ненужной риторикой. Одной из «политическихъ говориленъ» назоветъ Гурко Совѣщаніе общественныхъ дѣятелей, собравшихся в Москвѣ «Мининыхъ и Пожарскихъ» (по выраженію одного изъ ораторовъ).

По нѣкоторымъ безотвѣтственнымъ газетнымъ выступленіямъ можетъ показаться, что в Москвѣ, в ея болѣе спокойной политической атмосферѣ, в эти дни происходитъ не только концентрація контр-революціонныхъ сил, но и кладется начало нѣкоторому практическому дѣйствию. Напримѣръ, в Суворинской «Новой Руси» можно было прочесть такія строки: «Россія идетъ к спасенію широкимъ полководьсмъ. Уже открыто слагается второе правительство в Москвѣ, туда собираются русскіе люди, и народъ самъ организуетъ свой центр, который такъ безсильно оказалось организовать нынѣшнее «бред-правительство», правительство Керенскаго. Москва потребуетъ к себѣ Корнилова». Мы не знаемъ, что дѣлалось за ку-

*) См. в приложеніи характеристику крестьянскаго движенія в революціонные мѣсяцы.

дисами. Может быть, когда-нибудь из потаенных ящиков извлечены будут материалы, которые придадут реальную форму безплотной пока тѣни новаго Московскаго «заговора». Только в рѣчи ген. Брусилова, явившейся, по мнѣнію нѣкоторых мемуаристов, «гвоздемъ» на Московском совѣщаніи, можно найти косвенный намек на своевременность и необходимость нѣкоего дѣйствительнаго центра: «когда вы будете организованы и сильны, всѣ будут уважать и бояться, и придет тот порядок, котораго мы так жаждем». Невольно этот намек сопоставляется с эпизодом, рассказанным мнѣ в письмѣ покойным Н. И. Астровым. Приблизительно он совпадал со временем московскаго совѣщанія или вѣрнѣе ему нѣсколько предшествовал.

Как то кн. Львов предложил Астрову поѣхать к ген. Брусилову: «послушайте его и скажите, что Вы об этом думаете. Я ничего не буду Вам говорить. Пускай впечатлѣніе у Вас будет непосредственное». «Смутно предугадывая цѣль визита к Брусилову, — пишет Астров, — я охотно согласился... Само собой разумѣется, что и разговор и предстоящее свиданіе должны были храниться в тайнѣ... Нас встрѣтила в передней жена ген. Брусилова и немедленно проводила в кабинет... Освѣдомившись, что князь Львов меня не посвятил еще в содержание предстоящаго разговора..., Б. отмѣтил, что ему хотѣлось бы знать мнѣніе общественных дѣятелей и особенно москвичей по очень серьезному вопросу, который он готов сейчас же и поставить. Условились, что разговор имѣет строго довѣрительный характер. Б. начал очень многословно и пространно развивать положеніе о том, что судьба Россіи в опасности, положеніе становится все болѣе нестерпимым, что Россія идет к гибели, что нужна сильная власть и крутыя мѣры, чтобы остановить всеобщій развал... Брусилов хотѣл знать, как бы отнеслись общественные круги Москвы и в частности политическія группы, если бы произведен был переворот, и создана была бы сильная власть, которая положила бы конец двоевластію и устранила бы Совѣтъ Р. и С. Д., ведущій страну к гибели. Предупреждая отвѣтъ, Б. в очень туманных чертах стал набрасывать план занятія Москвы надежными частями с фронта. Чѣм дальше развивал он эту часть своего многорѣчиваго шовѣствованія, тѣм все становилось туманнѣе, общѣе, неопредѣленнѣе и неуловимѣе. Помню, что я указал на полную неясность и неопредѣленность, как техническаго плана, так и намѣренія. Выразил сомнѣніе в осуществимости плана... Б. сказал, что подробный план еще не выяснен, что это дѣло исполненія. Условились еще раз сойтись. Уходя от Б., я дѣлал кн. Львову, что весь разговор произвел на меня весьма тягостное впечатлѣніе. Это не план созданія власти, а легковѣсная болтовня. Кн. Львов согласился с моею оцѣнкой и сказал, что нарочно не говорил раньше своего мнѣнія, желая провѣрить свое впечатлѣніе. Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ ничего серьезнаго. Новое свиданіе с Брусиловым не состоялось*.)»

*) Небезинтересно эту интимную бесѣду сопоставить с текстом воспоминаній Брусилова, гдѣ он передает свои разговоры о «диктатурѣ» в предкорниловскіе дни — для него было ясно, что «всякая попытка диктатуры лишь облегчит торжество большевиков».

Ясно, что в концепции Брусилова дѣло шло о «переворотѣ», а не о помощи Правительству в случаѣ выступленія большевиков. Безпочвенны и теоретичны в такой обстановкѣ были мечты о диктатурѣ, которая властной рукой успокоит океан взбаламученных народных страстей. Было ли что-либо реальное за всѣми этими разговорами, мы не знаем — в жизни они никак не отразились. Карташев свидѣтельствует, что аналогичную бесѣду с ним на эту тему в указанное время однажды вел Савинков. Может быть, слѣдует упомянуть еще об одном, происходившем в Могилевѣ предоктябрьском совѣщаніи, о котором, как будто бы, не было упоминанія в печати. По инициативѣ ген. Врангеля, находившагося в эти дни в бездѣйствіи при Ставкѣ, был вызван с фронта быв. мин. юстиціи Временнаго Правительства Переверзев (он заведывал тогда учрежденіями городского союза). Врангель и Дидерихс поставили перед Переверзевым вопрос о своевременности военного выступленія. Переверзев, очевидно, на совѣщаніи сыграл роль, приблизительно аналогичную роли Астрова в Москвѣ. Из воспоминаній самого Врангеля (об упомянутом совѣщаніи в них нѣтъ рѣчи) ясно, что всѣ организационныя попытки, начатыя им еще в апрѣльскіе дни и связанныя с послѣдующим корниловским движеніем, по существу не носили серьезнаго характера.

С полным основаніем Бьюкенен записал в свой дневник: буржуазныя партіи не позаботились организовать самозащиту*). На Московском совѣщаніи не раздался призыв: Отечество в опасности! «Люди торговые», входившіе в состав совѣщанія, не призывали «спасать землю русскую», как это было в августѣ. Оптимизм совѣщанія — это скорѣе ставка уже на будущее, ставка, при которой современность до нѣкоторой степени как бы скидывается с политических счетов. «*Finite la comedia!*» воскликнул Гурко при извѣстіи о паденіи Временнаго Правительства. Можно ли, однако, такую психологію объяснить видящимися, быть может, даже против воли сознанием полезности большевизкаго эксперимента в дѣлах «навсегда излѣчить» Россію от большевизма? «На партію народной свободы, — вспоминает Милуков в своей исторіи революціи, — с этой точки зрѣнія часто раздавались нареканія, что, препятствуя успѣху большевизма, она только затягивает неизбѣжный революціонный процесс». Под пером Керенскаго возможная психологія нѣкоторых очень ограниченных кругов русской общественности превратилась позже в организованный разговор правых — руками большевиков низвергнуть ненавистное Временное Правительство. Общественныя группы, сочувствовавшія Корнилову, по словам Керенскаго, «постановили» не поддерживать Временное Правительство. Мало того, каждый удар, наносимый Лениным Россіи, вызывал «нетерпѣливую радость» в Совѣщаніи московских дѣятелей («*Extrémisme*»).

*) Едва ли хоть в какую нибудь связь с упомянутыми разговорами может быть поставлена относившаяся к этому же времени попытка положить начало организации «зеленой гвардіи». Самое названіе показывает, что инициатива принадлежала общественным кругам, концентрировавшимся около партіи к.д. Дальше нѣскольких районных совѣщаній, повидимому, дѣло пошло.

С этим тезисом впервые, впрочем, как мы увидим, установленным не Керенским, нам придется еще встретиться при описании конкретных фактов. Он получил некоторую популярность. Так непосредственная участница событий того времени, Кускова, уже склонна признать, что факт поддержки правыми большевиков «почти повсеместно» удостоверяется «почти всеми свидетельствами». Для другого современника, с. р. Соколова, помощь большевикам в их борьбе с Временным Правительством со стороны монархистов из «наибольших реакционных группировок» такой же «секрет полишинеля»^{*}). Я очень сомневаюсь, что где-либо и когда-либо определенно ставился подобный вопрос даже в формулировках Мялюкова. Такая оушка текущего момента — скорее всего и более всего индивидуальное субъективное восприятие. Оно и было, напрямь, у члена ЦК партии народной свободы Изгоева, считавшего неизбежным «тяжелый предметный урок». Вероятно, его суждения и легли в основу утверждения Мялюкова^{**}).

Опасно шриватные разговоры превращать в общественную идеологию. Но, если ими и характеризовать настроения, то, может быть, лучше это сделать словами Дана по поводу обвинения Керенским «правых» в коварных стратегических планах — они будут, на мой взгляд, более правдоподобны: «когда в кулуарах предпарламента велись разговоры о грядущем возстаніи большевиков..., то правые (тор. промышл., к. д. и особенно казаки) совершенно не стѣсняясь, признавались, что желают, чтобы большевики выступали возможно скорее. Но мотивировали они это свое желаніе не расчетом на сверженіе Вр. Правительства и триумф большевиков, которые де потом очень скоро провалятся под напором «здоровых» элементов русскаго народа, а как раз наоборот своей увѣренностью, что в открытом бою большевики немедленно будут на голову разбиты вѣрными долгу частями гарнизона. Правые, несомнѣнно, мечтали (и не скрывали этого) о «сяль-

^{*}) Эту версию в иностранных работах поддержал бывший французский ген. консул в Москвѣ Гренар, написавший историю русской революции. Один из мемуаристов революционной эпохи, сыгравший значительную роль в мартовские дни, член Гос. Думы, инж. Бубликов, утверждает, что в серединѣ октября «группѣ петербургских дѣльцов» яко-бы сдѣлано было предложение «убрать Ленина и Троцкаго, но они «наотрѣз отказались сфинансировать это предприятие». «Я думаю — поясняет Бубликов — не трудно и прослѣдить их аргументацию: Шингарев, Церетелли и Плеханов нам куда опаснѣе, а Лени и Троцкій скоро вернут нас к ... доброму старому времени». 20-го октября в Совѣтъ Республики Струве упоминал о прокламации, раздаваемой на улицах мальчишками. В ней говорилось, что «дворяне и купцы» сбросили с престола Царя, который хотѣл мира, и предлагалось прогнать «извергов» и вернуть Николая II назад. Это грубое демагогическое творчество, явно вышедшее из среды Союза Русскаго Народа, едва ли может служить подтвержденіем тезы о поддержкѣ правыми большевиков. Возможно, что в упрощенной психологій малочисленных политических друзей Маркова 2-го вопрос в теоріи дѣйствительно ставился так — недаром безызвѣстный Завойко писал, по словам Деникина, в сентябрѣ ген. Корнилову о том, что «черносотенцы и большевики илут вмѣстѣ».

^{**}) Троцкій подобную позицію приписывает уже самому офиціозу к. д. партии, принявъ всерьез литературную иронию «Рѣчи», написавшей однажды в дни Демократическаго Совѣщанія, что лучший способ освободиться от большевиков — вручить им власть.

ной» власти в корниловском духѣ, во добиться этой власти они думали не тѣм, что свергнут Вр. Правительство руками большевиков, а тѣм, что «спасут» его силою военщины и уже затѣм, как побѣдители мятежа, продиктуют ему свою волю и преобразуют в «своем духѣ»*). Как раз именно праваи печать особенно рѣзко нападала на Правительство за бездѣйствіе власти в отношеніи большевиков: «просто не вѣрится, — писала «Русская Воля», — что в то время, как бунтари так открыто бросают преступный вызов, власть ходит вокруг да около, собирает свѣдѣнія и ждет, приведут ли большевики свои угрозы в исполненіе или не приведут».

3. Правительство.

Во всяком случаѣ можно сдѣлать один опредѣленный вывод. И «лѣвые» и «правые» в большинствѣ приблизительно одинаково в то время оцѣнивали шансы большевиков при выступленіи — эта авантюра для Правительства сама по себѣ не страшна. Опасен не Ленин, а вождя «ошалѣвшей черни», — писал Бѣлорусов в «Русских Вѣдомостях». У правительства достаточно организованных сил для того, чтобы парализовать большевицкое возстаніе. Французскій журналист Домер на основаніи своих бесѣд с видными представителями партіи народной свободы Маклаковым и Шянгаревым считал, что назрѣвавшій кризис уже миновал. Если это была операція, то, быть может, болѣе всѣх повинно в ней само Правительство. Свой «самообман» оно внушило и другим.

Троцкій без обиняков утверждает — Правительство прозѣвало большевицкое выступленіе. Такое утвержденіе, если я можно принять, то с очень большими оговорками. С перваго дня до послѣдняго в період подготовки возстанія мы слышим систематическія завѣренія и со стороны главы государства, и от других представителей власти: мы готовы и мы не допустим.

Уже 12 октября шетербургскій корреспондент «Русских Вѣдомостей» сообщает, что ожидаемое 20-го выступленіе большевиков (говорится о «маняфестаціи» с требованіем передачи власти совѣтам) в правительственных кругах «особенной тревоги» не вызывает — выражается увѣренность, что это выступленіе постигнет такая же участь, как и в памятные іюльскіе дни. На совѣщаніи Правительства с представителями Верховнаго Штаба (Керенскій, Коновалов, Верховскій, Духонин и Черемиссов) выяснилось,

*) Глава французской военной миссіи, ген. Ниссель, утверждает, что ат. Дутов при встрѣчѣ с ним говорил, что казаки готовы представить даже правительству «ультиматум» — настолько они были увѣрены в своих силах. Почти аналогичное впечатлѣніе из бесѣды с тѣм же Дутовым перед октябрьскими днями вынес и инж. Ауэрбах — видный представитель русской промышленности: «Находящаяся в окрестностях Петрограда казачья части — говорил он — обезпечивают сохраненіе власти за Вр. Прав., порядка и спокойствія». Как мы увидим впоследствии, концепція Дана всецѣло подтверждается и показаніями, полученными большевицкой властью от членов монархической организациі Пуришкевича, которые были арестованы послѣ октябрьскаго переворота.

что спокойствие в Петербургѣ военными властями может быть вполне обезпечено.

13-го Правятельство, в связи с докладом мин. прод. Прокоповича, вернушагося из поѣздки по югу, имѣло особое сужденіе по вопросу о борьбѣ с «анархіей». Прокопович пришел к выводу, что с «проявленіем твердой власти в центрѣ и на мѣстах больше медлить нельзя». Анархія должна быть подавлена: «мы должны перестать быть главноуговаривающими». Керенскій, при поддержкѣ воен. мин. Верховскаго, полагал, что Правительство должно управлять страной до Учредительнаго Собранія «без физическаго принужденія», могущаго подрывать его нравственный авторитет в глазах масс. Правятельство должно не останавливаться «ни перед какими мѣрами для того, чтобы подавить... вооруженныя выступленія, угрожающія странѣ гражданской войной... для борьбы с анархіей, порождаемой экономической разрухой, необходимы, хотя я весьма быстрыя, но законодательныя мѣры, проводимыя с санкціи парламента». Министры-«кадеты» и морскій министр возражали: анархія требует «такой же энергичной я неотложной расправы, какой потребуют большевики, если они рѣшатся вызвать кровавое столкновеніе в столицѣ». Мнѣнія членов Правительства, — констатирует «Хроника» — «раздѣлилась почти поровну»^{*)}. Обсуждали и организацію ВРК при Совѣтѣ. Рѣшено было принять ряд мѣр к охранѣ столицы и предупреденію выступленія большевиков: «в случаѣ если выступленіе все-таки состоится, то подавить его, не останавливаясь ни перед какими мѣрами, вплоть до примѣненія вооруженной силы, дѣйствуя в данном случаѣ в полном контактѣ с ЦИК». В тот же день Керенскій выступил в Предпарламентѣ и говорил: «Временное Правительство в курсѣ всѣх предположеній и предполагает, что никаких основаній для паники не должно быть — всякая по-

^{*)} Это не помѣшало однако министру вн. д. Никитину 21-го разослать губернским комиссарам очень энергичную циркулярную телеграмму с директивой о примѣненіи вооруженной силы для подавленія беспорядков на мѣстах. Нельзя забывать, что отчет о засѣданіи Правительства представляет собою в данном случаѣ только газетный репортаж. Равным образом нельзя отбросить той специфичности, которой пропитаны воспоминанія смѣнивашаго при большевиках политическія вѣхи видаго дѣятеля партіи с.-р. Вознесенскаго, занимавшаго тогда отвѣтственный пост Московскаго Градоначальника, когда этот мемуарист описывает «мертвое равнодушіе», с которым министерство вн. д. относилось к надвигающейся катастрофѣ. Послѣ окончанія Дем. Сов. «московскіе гости» были приглашены на завтрак министром в роскошныя палаты, гдѣ сохранялся в полной неприкосновенности административный аппарат стараго времени — камердинеры в ливреѣ, лакеи в бѣлых перчатках и т. д. «За стаканом вина, налитым в хрустальные бокалы из хрустальных графинов, выяснилось положеніе. Товарищи министра перебрасывались веселыми, шуточными замѣчаніями по поводу текущаго момента. Когда же мы задали самому министру вопрос о положеніи дѣл, он сходил в кабинет и вернулся с полуулыбкой, держа в протянутой рукѣ пачку телеграмм. Это были донесенія отовсюду... От них вѣяло ужасом. Отовсюду лаконически сообщалось о возстаніях, погромах, пожарах... «Что же вы намѣреены дѣлать» — спросил я и почувствовал, что мой вопрос звучит смѣшно и наивно. — «Ничего! Что же мы можем сдѣлать? — услышал я спокойный отвѣт. И еще нѣсколькими фразами перебросились мы на эту же тему: «Ничего нельзя сдѣлать».

пытка, если бы она была, противопоставить воле большинства и Врем. Правительства насиліе меньшинства встрѣтит достаточное противодѣйствіе».

14-го в бесѣдѣ с журналистами о возможности выступленія большевиков командующій войсками Полковников заявляет: «опредѣленных свѣдѣній у нас не имѣется, и мы питаемся слухами. Я думаю, что петроградскій гарнизон... найдет в себѣ благоразуміе, чтобы удержаться от участія в выступленіи. Во всяком случаѣ мы готовы. Будут приняты всѣ мѣры, чтобы не допустить выступления». В засѣданіи Правительства 16-го Полковников уже болѣе опредѣленно утверждает, что «настроеніе петроградскаго гарнизона в общем на сторонѣ Вр. Прав., и что опасаться активнаго участія гарнизона в большевицком выступленіи не приходится». 17-го Полковников, совмѣстно с тов. мин. вн. дѣл Салтыковым и комаиссаром Правительства при управленіи столичнаго градоначальства Роговским, выступая в закрытом засѣданіи Комиссії Предпарламента по борьбѣ с контр-революціей, завѣрил еще раз, что всѣ надлежащія мѣры на случай выступленія приняты, и что никакія выступленія допущены не будут. Никакой и «демонстраціи» не будет, — успокаивал журналистов сам глава правительства: «Агитація в пользу выступленія не имѣет особаго успѣха ни в воинских частях, ни среди большинства рабочих. Всѣ необходимыя мѣры для подавленія эксцессов приняты, как военной, так и гражданской властью». «Не допустит выступленія и ЦИК, — со своей стороны информирует Гоц: «у нас достаточно сил, чтобы подавить какіе-либо беспорядки».

Мы готовы... Бьюкенен передает в одной из своих предоктябрьских записей: «В своем недавнем разговорѣ со мной он (Керенскій) не раз восклицал: пусть они только выступят, и тогда я уничтожу их». Нѣчто аналогичное сообщает в воспоминаніях и Набоков: «за четыре-пять дней до октябрьскаго большевицкаго позстанія в одно из наших свиданій в Зимнем Дворцѣ я его прямо спросил, как он относится к возможности большевицкаго выступленія, о котором тогда всѣ говорили. «Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступленіе произошло», — отвѣтил он мнѣ. «А увѣрены ли вы, что сможете с ним справиться?» — «У меня больше сил, чѣм нужно. Они будут раздавлены окончательно».

Итак два мемуариста (Бьюкенен вел дневную запись), казалось бы, очень отличные и по своему происхожденію и по своему положенію, утверждают одно и то же. Но вот и еще запись из собственнаго дневника. 21 октября меня в Москвѣ посѣтил политическій единомышленник (Хижняков), занимавшій тогда отвѣтственный пост в одном из министерств. Он жаловался на бездѣйствіе Вр. Правительства — единственно дѣятельный человек в нем Керенскій, и «под секретом» сообщил, что Керенскій только желает выступленія большевиков для того, чтобы с ними покончить. И позже в рѣшительном как бы засѣданіи Правительства 24-го октября в устах Керенскаго появляется, по воспоминаніям Смирнова, та же фраза: «если бы мы не гнушались пріемами царскаго правительства, то мы бы спровоцировали выступленіе

большевиков». Мемуарист добавляет: «я помню его фразу, помню со всѣми интонаціями его голоса».

Я очень далек от мысли приписать главѣ Временнаго Правительства сознательное попустительство в духѣ того самаго «заговора правых», который нарисовало позднѣйшее воображеніе мемуариста. Но эти интимныя, неоднократно высказанныя сужденія характеризуют личныя настроенія Керенскаго и увѣренность, которая не покидала его до послѣдняго момента — «мучительная агонія революціи» в сентябрь-октябрь появилась лишь в позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, реальныя ощущенія того времени гораздо ближе подходили к той самоувѣренности, с которой глава Правительства говорил на августовскомъ государственномъ совѣщаніи в Москвѣ о силѣ власти, могущей позволить себѣ «роскошь возстаній и конспиративныхъ заговоровъ». Станкевичъ рассказываетъ, что, когда онъ пріѣхалъ с фронта в Петербургъ 24-го, Керенскій встрѣтилъ его в «приподнятомъ настроеніи»: — «Ну, какъ вамъ нравится Петроградъ?» — Я выразилъ недоумѣніе. — «Какъ, развѣ вы не знаете, что у насъ вооруженное возстаніе?» — Я разсмѣялся, такъ какъ улицы были совершенно спокойны, и ни о какомъ возстаніи не было слышно. Онъ также относился нѣсколько иронически къ возстанію, хотя и озабоченно. Я сказалъ, что нужно будетъ положить конецъ этимъ вѣчнымъ потрисеніямъ в государствѣ и рѣшительными мѣрами расправиться съ большевиками. Онъ отвѣтилъ, что его мнѣніе такое же, и что теперь уже никакіе Черновы не помогутъ ни Каменевымъ, ни Зиновьевымъ..., если только удастся справиться съ возстаніемъ». Но относительно послѣдняго не было сомнѣній.

Да, Керенскій, какъ и другіе, не дооцѣнивалъ кризиса, который назрѣвалъ. Несомнѣнно, на главу Правительства ложится большая отвѣтственность. И все-таки нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній изображать роль главы Правительства в октябрьскіе дни такъ, какъ это сдѣлано в «Исторіи» Милюкова, гдѣ на первый план выступаетъ даже не столько мемуаристъ, сколько политическій противникъ. На грозившую опасность, по его словамъ, обратила вниманіе не социалистическая часть Правительства. «Коноваловъ неоднократно настаивалъ передъ Керенскимъ на принятіи дѣйствительныхъ предупредительныхъ мѣръ на случай возстанія, на точномъ(?) выясненіи, какія именно части войскъ будутъ поддерживать Вр. Пр. и на составленіи соотвѣтственнаго плана обороны... Отвѣты Керенскаго были уклончивы(?): мѣры приняты, опасаться нечего, военное положеніе даетъ достаточныя средства обороны на случай надобности. 14-го октября Коноваловъ настоялъ(?) на выслушаніи доклада нач. штаба Петр. военнаго округа ген. Багратуни — единственно сколько-нибудь компетентнаго лица в составѣ округа*) — и его впечатлѣніе было, что никакихъ мѣръ не принято, никакого плана нѣтъ, и Правительство несомнѣнно будетъ застигнуто возстаніемъ врасплох. Вечеромъ 14-го Керенскій уѣхалъ в Ставку и вернулся только къ вечеру 17-го, все еще имѣя в виду в ближайшіе дни снова

*) 14-го происходило частное совѣщаніе послѣ рѣшенія, принятаго Правительствомъ наканунѣ, о мѣрахъ охраненія столицы. Багратуни доложилъ о томъ, что в этомъ отношеніи дѣлаетъ штабъ.

увѣхать... Коновалов продолжал категорически возражать против этого плана... Недовольный повторными настояніями Керенскій просто стал уклоняться от бесѣд и от прямых отвѣтов на прямые вопросы».

Совершенно очевидно, что текст историка в значительной степени был построен на основѣ личных воспоминаній или вѣрнѣе разсказов Коновалова. Он мало соответствует дѣйствительности, так как на недостаток обсуждения информаций и планов во Вр. Правительствѣ и в дневных и в ночных засѣданіях, и при Керенском и без Керенскаго, во всяком случаѣ жаловаться не приходится. На основаніи архива Вр. Правительства «Хроника» отмѣтит, напримѣр, в день возвращенія Керенскаго из Ставки, 17-го октября, предварительное совѣщаніе замѣстителя министра председателя Коновалова с главнокомандующим округа, а вечеров официальное засѣданіе Правительства, на котором воен. мин. Верховскій и мин. вн. дѣл Никитин, докладывая о безусловной подготовкѣ большевиками выступленія, высказывали «полную увѣренность» в том, что «всякую попытку вызвать уличные беспорядки удастся ликвидировать в самом началѣ».

К сожалѣнію, никто из мемуаристов конкретно не разсказал, что со своей стороны предлагала та «несоціалистическая часть» Правительства, которая не формально была возглавлена Кишкиным со специальной цѣлью вывести Правительство из состоянія «самогипноза» и подвигнуть его на стезю «дерзанія». О дѣятельности Правительства в эти дни пока мы можем судить главным образом по газетным отрывочным свѣдѣніям и столь же отрывочным клочкам воспоминаній министров. Если у Керенскаго послѣ крушенія была тенденція переложить вину на плечи других, то у бывших членов его политическаго кабинета проявлялась обратная тенденція для оправданія своего бездѣйствія и собственной непредусмотрительности. Поэтому в их показаніях красной нитью проходит желаніе подчеркнуть, что они то безпокоились. они спрашивали — и всегда получали трафаретный отвѣт: всѣ необходимыя мѣры приняты и опасности нѣт. В таких тонах изображает Смирнов даже ночное (с 24 на 25 октября) засѣданіе Правительства, когда мин. испов. Карташов стал говорить о необходимости рѣшительных мѣр против открытой организациі возстанія большевиков (они фактически тогда уже выступили), и Керенским будто бы по его адресу была брошена раздраженная реплика: «какой у нас кровожадный министр исповѣданій». Это уже совсѣм мало вѣроятно. Кстати Карташов, помнящій реплику Керенскаго, скорѣе шутливую, чѣм раздраженную, относит ее ко времени гораздо болѣе раннему.

Нельзя отрицать извѣстной авторитарности, склонности к «полновластным распоряженіям» (черта, отмѣченная еще Зарудным на Демокр. Совѣщаніи), которая почти неизбѣжно появилась у Керенскаго в силу той идолизациі, объектом которой являлся он в первые мѣсяцы революціи. Это был успѣх далеко не только в смыслѣ «шалапинском», как утверждает дневник Гиппиус. Может быть, не так далек от истины Суханов, говорящій о вѣрѣ Ке-

ренскаго в свое «провиденціальное назначеніе». То был гипноз. «Если голова не свихнется от окружающей его лести, — замѣчал американскій посол Френсис, — то он дѣйствительно будет замѣчательным человѣком». И «голова закружилась», по мнѣнію Церетелли. «Министры преклонялись перед его популярностью», — свидѣтельствует Демьянов, — и ничего не хотѣли дѣлать без благословенія Керенскаго. Совѣтъ министров становился «безвольным» в отсутствіе своего несмѣняемаго предсѣдателя, и Демьянов приводит довольно яркіе примѣры.

Конечно, министры не могли себя чувствовать органической частью единаго цѣлаго при той «чехардѣ представителей», которая происходила во время кризисов Временнаго Правительства и «ничѣм не отличалась», по выраженію с. д. Богданова в Демократическом Совѣщаніи, от того, что было «в послѣдніе дни царскаго самодержавія». Но все-таки не были же в дѣйствительности министры ничего не понимающими и не видящими «маріонетками», как назвал их довольно злой мемуарист (записки Суханова), при всяком кризисѣ в любой момент готовыми представить свои прошенія об отставкѣ? Историческую отвѣтственность, конечно, должны нести одинаково всѣ.

Если большевикам удалось свергнуть Правительство, «благодаря его преступному безсилію и полному отсутствію предусмотрительности» — слова Авксентьева, быть может, нѣсколько неожиданныя, который занес Бьюкенен в свой дневник 9-го ноября*) — то объясненіе надо преимущественно искать в той общей психологіи момента, которая была уже достаточно очерчена и которая, грубо говоря, сводилась к успокоительному совѣту, данному Пальчинским, будущим вдохновителем защитников Зимняго Дворца, на тревожный вопрос одного из видных представителей промышленнаго міра, Ауэрбаха: «Спать спокойно». Даже новожизненцу Авилову, т. е. представителю той группы революціонной демократіи, которая была наиболѣе близка к большевикам, в роковую ночь 24—25 октября все еще казалось сомнительным, что большевики выступят и смогут совершить государственный переворот. Приходится категорически отвергнуть утвержденія нѣкоторых мемуаристов о каком то царившем среди демократической интеллигенціи «фатализмѣ», по которому власть большевиков казалась «точно заранѣе предначертанной, неизбѣжной и умолимой» (с. р. Соколов), и который порождал пассивность.

Керенскій, повидимому, дѣйствительно, считал, что приняты против возможнаго выступленія большевиков всѣ надлежащія мѣры, по крайней мѣрѣ в официальном разговорѣ по прямому проводу с Духониным в Ставкѣ в ночь с 23 на 24 октября он говорил: «Мой пріѣзд в общем задержан отнюдь не опасеніем каких-либо волненій, возстаній и тому подобное, с этим и без меня

*) Авксентьев рѣшительно отрицал возможность с его стороны подобных слов. Если даже англійскій посол не поиял собесѣдника и ему приписывал свои собственные оцѣнки, то все же нельзя не признать, что эта оцѣнка давала ясную характеристику момента, когда правительство совершенно забыло урокъ нагляднаго обученія, полученный в іюльскіе дни.

бы управились, так как все организовано. Я задержался необходимостью в спѣшном порядкѣ реорганизовать высшія управления в Военном Министерствѣ». Лишь вскользь упоминая о дѣятельности совѣтскаго ВРК, Керенскій добавлял: «думаю, что мы с этим легко справимся» *).

Не стоит останавливаться подробно на перечисленіи тѣх больше формальных и чисто бумажных, по справедливой характеристикѣ Милюкова, мѣр предупрежденія безпорядков, которыя были приняты Правительством. Эти мѣры из обычного стараго полицейскаго арсенала, когда, по выраженію Будберга, *ultima ratio* для прекращенія безпорядков, считалось «военное положеніе», в дни революціи носили не только бумажный, но и смѣхотворный подчас характер — конечно, никого не устрашали и никакого практическаго воздѣйствія оказать не могли. Без улыбки нельзя, напримѣр, читать распоряженіе Полковникова о том, что отнынѣ револьверы можно шробрѣтать только по спеціальному ордеру от градоначальства — и это в то самое время, когда по ордеру предсѣдателя Петроградскаго совѣта из Сестрорѣцкаго завода рабочим для вооруженія «красной гвардіи» отпускалось 5.000 ружей под видом легальнаго выполненія принятаго еще в корниловскіе дни, но не осуществленнаго рѣшенія.

При отсутствіи налаженнаго полицейско-административнаго аппарата всѣ эти предупредительныя мѣры вообще не имѣли большого значенія, так как многія из рѣшеній Правительства не могли быть осуществлены в жизни, что и давало Бьюкенену до нѣкоторой степени законный повод замѣтить: Правительство только номинально обладает властью, а Верховскому (конечно, с преувеличеніем) занести в свой дневник: «в Петроградѣ только Зимній Дворец в нашем распоряженіи». Напр., 19-го октября газеты сообщали: «министр юстиціи Малянтович по приказу верховнаго главнокомандующаго предписал прокурору судебнаго палаты слѣдовать немедленномъ распоряженіе об арестѣ Ленина, скрывающагося по свѣдѣніям Врем. Прав., в Петроградѣ. Прокурор обратился к главнокомандующему Петр. военным округом, комиссару Вр. Прав. по управленію Петроградским градоначальством и начальнику общей и уголовной милиціей с просьбой приказать подвѣдомственным им чинам оказать содѣйствіе в производствѣ ареста и доставленія Ленина судебному слѣдователю по особо важным дѣлам Александрову».

Характерную бытовую картину политическаго момента рисует нам перо упомянутаго партійнаго мемуариста из числа революціонныхъ адвокатов-администраторов: «Мы сидѣли в комиссариатѣ градоначальства и разговаривали на злободневныя темы... Заговорили о Ленинѣ. Кто-то выразил предположеніе, что Ленин находится в Финляндіи. Один из нашихъ товарищей, проводившій среди нас послѣдніе дни, так как переѣзжал в Петроград (очевидно, рѣчь идет о Никитинѣ), улыбнулся и сказал: «А вот я сей-

*) В «Архивѣ Революціи», гдѣ напечатан этот разговор, он отнесен ошибочно на ночь 21-22 октября, когда Верховскій не ушел еще в отставку. Болѣе поздняя дата еще болѣе подчеркивает увѣренность Керенскаго.

час узнаю». Он взял телефонную трубку, позвонил кому-то, кажется сестрѣ В. И. Ленина, и спросил веселым тоном о здоровьѣ В. И. и гдѣ он находится. Через минуту он сообщил нам улыбаясь, что Ленин здоров и находится не в Финляндіи, а в Россіи»...

Было распоряженіе и об арестѣ тѣх освобожденных из тюремнаго заключенія большевиков, которые активно выступали с агитаціей за вооруженную борьбу. В первую очередь естественно надлежало арестовать Троцкаго, освобожденного в сентябрѣ под залог в 3.000 руб., уплаченных из средств Совѣта профессиональных союзов. 11-го октября среди других освобожден был под такой же залог, внесенный Крошштадтским совѣтом, мичман Раскольников*). На другой же день в Крошштадтѣ Раскольников выступал на митингѣ, призывая к возстанію и к сверженію Правительства Керенскаго. С таким же открытым призывом Раскольников выступил 20-го октября на митингѣ в циркѣ «Модерн». Но Раскольникова, не говоря уже о Троцком, предсѣдатель Петроградскаго совѣта, никто и не пытался арестовывать. На вопрос Винавера в предпарламентской комиссіи по борьбѣ с контр-революціей, Роговскій отвѣтил, что это «абсолютно невозможно, так как Троцкій ночует в казармах и шритом каждую ночь в другой**).

Послѣдній прокурор Петербургской судебной палаты Карчевскій в позднѣйшем интервью в «Сегодня» (11 марта 26 г.) утверждал, что он в ожиданіи декрета о немедленном арестѣ большевиков (о чем он и Мальянович говорили, якобы, Керенскому) собственной властью рѣшил произвести эти аресты. Он собрал весь прокурорскій надзор и отправился к Полковникову с просьбой дать надлежащую воинскую часть для производства обысков и арестов, но Полковников будто бы не мог дать «надежной» части. Так провалилась инициатива Карчевскаго***).

В распоряженіи прокурора могла бы находиться милиція — теоретически главная опора Правительства, милиція, реорганизованная (она оказалась несостоятельной в іюльскіе дни), приведенная в боевой порядок****) и насчитывающая в своих кадрах до 4.000 человек. Однако и в таком видѣ она не инула Правительство увѣренности в том, что «окажется на высотѣ при подавленіи

*) Это, как извѣстно, вызвало конфликт в министерствѣ юстиціи, который приобрѣлъ большую остроту, как раз в первые дни подготовки большевицкаго возстанія. «Чудаки Правительство. Всѣх своевременно освобождают. Знают, что нам люди нужны» — замѣтил не без остроты матрос Дыбенко. Как то странно, что Керейскій в воспоминаніях («Издалека») категорически заявляет, что до большевицкаго переворота никто из большевиков, кромѣ Колонтай (по болѣзни), не был освобожден.

***) Кстати, по словам Троцкаго, он всѣ ночи проводил в Смольном.

****) Предшественник Карчевскаго на прокурорском посту — Каринскій, нѣсколько по иному изображает «инициативу» перваго. Получив от министра телефонограмму об арестѣ большевиков, Карчевскій спросил случайно присутствовавшаго Каринскаго: «Что же дѣлать?» — и получил в отвѣтъ «Пошлите копію слѣдователю. Останется больше документов о людской глупости». Каринскаго в эмиграціи обвиняли в сознательном попустительствѣ большевикам. Мнѣ эти обвиненія не кажутся обоснованными.

*****) «Рабочая Газета» писала 19-го октября: в милицію введено 600 солдат «в высшей степени сознательных и преданных Временному Правительству».

большевицкаго возстанія». Безподобную, возможно с уклоном в каррикатуру, характеристику петербургской милиціи дал в «Былом» один из ея дѣятелей Зигфрид Кельсон — и особенно в касающемся верхов тогдашняго управленія гражданской частью, тѣх патриархальных нравов, которые царили в эс-эровской, по его выраженію, «вотчинѣ». И немудрено, что начальник милиціи Иванов, получив от Правительства запоздалый приказ об арестѣ ВРК, попросту положил его в карман — милиція считала себя подчиненной городской Думѣ и занимала уже «нейтралитет» в политической борьбѣ. Фактически это было пустое мѣсто, и Дума должна была заняться организаціей «добровольческой гражданской охраны» населенія.

Ясно, что с этой стороны ничто не могло помѣшать большевикам готовить «легально» вооруженное возстаніе, и с 21-го октября ВРК приступил к открытому дѣйствию. Для Правительства единственной реальной мѣрой борьбы с подготовляемым возстаніем могла быть только немедленная ликвидація ВРК. В первые дни осуществить эту мѣру можно было почти безболѣзненно. Ликвидація не встрѣтила бы, вѣроятно, даже вооруженнаго сопротивленія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КАНДИДАТ В НАПОЛЕОНЫ

1. «Сепаратный мир» Верховскаго.

«Правительство из чувства великой любви к свободѣ», — писал послѣ большевицкаго переворота видный русскій публицист*), — не осмѣлилось поднять руку на «шайку вредных агитаторов и авантюристов». Конечно, слова эти вновь лишь «педагогическій приѣм» воздѣйствія на толпу в ощущеніи жути, которая раскрывалась в перспективѣ нѣсколько импульсивнаго писателя. Было бы большою ошибкой изображать Правительство періода октябрьскаго переворота каким-то институтом сантиментальнаго непротивленства. Отсутствие «дерзанія» в октябрьскіе дни, как мы видѣли, вызывалось другим мотивом. И с тѣм большим недоумѣніем и даже осужденіем было встрѣчено общественным мнѣніем распоряженіе министра-предсѣдателя 21-го октября о закрытіи бурцевскаго «Общаго Дѣла». Карающая длань Правительства, в данном случаѣ его главы, имѣвшаго диктаторскія права Верховнаго Главнокомандующаго**), со всей тяжестью обрушилась не на большевиков, а на одного из наиболѣе непримиримых их врагов. Бурцевская газета провинилась в том, что сообщила невѣрные свѣдѣнія о происшедшем в секретном засѣданіи одной из парламентарских комиссій. А произошло все-таки нѣчто весьма показательное.

В то время, когда большевики столь горячо дебатировали вопрос о немедленном захватѣ власти и готовились к гражданской войнѣ, в Совѣтѣ Республики шли свои боевыя пренія о войнѣ и мирѣ. Совѣт Республики безпомощно бился в попытках, если не примирить два міросозерцанія, то найти компромисс между двумя полюсами русской общественности и выработать формулу, которая могла бы собрать хоть какое-нибудь опредѣленное большинство. Трудно наименовать презрительной кличкой «говорильни» то, что происходило в Совѣтѣ Республики, ибо пренія касались не отвлеченных начал интернаціональнаго пасифизма и національной политики, а реального координированія коалиціонной

*) Статья Кусковой в московской «Власти Народа» 28-го октября.

**) По газетным свѣдѣніям мѣра эта была принята на частном совѣщаніи Вр. Пр.

позиції Правительства о чаяніях, главенствующими в умах — пусть даже формально — социалистической демократіи*).

Эти жизненные, касающіеся самой сути достоинства Россіи, вопросы в принципиальной постановкѣ становились, однако, отрѣшенными от жизни в условіях, которыя складывались в Петербургѣ, ибо жизнь ставила болѣе кардинальный вопрос: быть или не быть, как справиться — здѣсь особенно умѣстно сказать словами Милюкова-историка — с «налетѣвшим внутренним шквалом, грозившим затопить все — и вождей, и исполнителей и самый государственный корабль»**). Умѣстно привести эти слова, потому что Милюков-политик шел в то время по иной стезѣ и, согласно, если не с директивами, то с настроеніями послѣдняго партійнаго съѣзда, сохраняя чистоту лозунгов, безоговорочно прямолинейно проводил политику «войны до конца». Переоцѣнка того яко бы перелома, который уже произошел в странѣ, наиболее ярко сказалась в неуступчивой политикѣ фракціи народной свободы Предпарламента в вопросѣ о «продолженіи войны»***). Очевидно, в поры сознанія не проникла мысль неотвратимости налетѣшаго шквала — иначе побѣдоносный лозунг «война до конца» неизбѣжно снизился бы на «политику мира».

Из воспоминаній Набокова и Нольде мы знаем, что и в средѣ к. д. не было единомыслія, что и там ставился вопрос о необходимости оказать воздѣйствіе на союзников в смыслѣ ориентаціи в сторону мира. Поднимался этот вопрос как раз тѣми, которые отстаивали соглашательскую политику на съѣздѣ. Совѣщанія происходили до съѣзда, еще в сентябрѣ и, по словам Нольде, уже тогда ясно «для них формулирована была дилемма: разумный мир или неминуемое торжество Ленина»****). С нѣкоторым недоумѣніем останавливаешься перед таким признаніем мемуаристов, которые не пожалѣли слов, и довольно рѣзких, для характеристики отсутствія «государственнаго чутья» и пр. у представителей социалистической демократіи. Историк революціи не упомянул в текстѣ о разногласіях в своей партіи и только в примѣчаніи пояснил: «обстоятельство, дѣлавшее нашу позицію (т. е. большинства) бесспорной, было то, что единственной альтернативой был бы сепаратный мир, ...а на сепаратный мир тогда никто идти не хотѣл, как ни ясно было, что разрубить безнадежно запутавшійся узел можно было только выходом из войны». Послѣднее уже прогноз.

*) Напомним, что даже «Маленькая Газета» Суворина в тѣ дни подлаживалась под настроенія, рядилась в тогу «независимаго социализма».

***) И Милюков, и Суханов отмѣчают, что «скучныя» пренія о внѣшней политикѣ в Совѣтѣ Республики интересовали членов высокаго собранія все меньше и 23-го протекали при почти «пустом залѣ» — не было и ста человек, которые к тому же «не слушали ораторов».

****) Ген. Головин свидѣтельствует, напримѣр, что наканунѣ большевицкаго переворота Милюков в совѣщаніи у мин. ин. дѣл Терещенко «настаивал на необходимости занятія Константинополя». Этому даже трудно повѣрить, т. к. Милюков должен был уже признать в Предпарламентѣ свою позицію при создавшихся условіях утопичной.

*****) Заслуживает быть отмѣченным, что с особенным «жаром», по словам мемуаристов, поддерживал мысль о мирѣ будущій замѣститель предсѣдателя правительства — Коновалов.

Реальная политика, во всяком случаѣ, требовала бы иной постановки вопроса о переговорах с союзниками при признаніи правильной формулировки Нольде: разумный мир или неминуемое торжество большевизма. И дѣло в том, что объективных данных для такой альтернативы не было — торжество большевиков отнюдь не было неизбежным.

Разрубить гордіев узел попытался военный министр Верховскій: 20-го октября в совмѣстном засѣданіи комиссіи обороны и иностранных дѣл Совѣта Республики он на первый взгляд нѣсколько неожиданно поставил ребром вопрос: может ли Россія воевать? Участники совѣщанія почти не обратили вниманія на то, что было мѣстами нѣсколько завуалировано Верховским, но что по существу являлось центром его сообщенія. Главное удареніе было на той самой «дилеммѣ», которая была формулирована на сентябрьском собраніи в квартирѣ кн. Трубецкаго: мир или большевики. «Вопрос о мирѣ. — позднѣе пояснял Верховскій в своей книгѣ «Россія на Голгофѣ», — как лампочка Аладина: кто ее взял, тому служат духи, тому дается власть в руки».

Засѣданіе состоялось не без предварительной подготовки. Секретарь комиссіи по иностранным дѣлам Малютин, сохранившій журнал «совершенно секретнаго» засѣданія и опубликовавшій его в «Былом», намекает на то, что «режиссеры засѣданія» из ЦИК хотѣли использовать Верховскаго в качествѣ средства давленія на Правительство. Сам Верховскій в своем не то «дневникѣ», не то в позднѣйших «размышленіях» о бывшем рассказывает под днем 19-го октября: «Я сказал прямо и просто *всему составу* Вр. Прав., что при данной постановкѣ вопроса о мирѣ катастрофа неминуема... В самом Петроградѣ ни одна рука не вступится в защиту Вр. Прав., а эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков... Дѣйствія Правительства ведут к катастрофѣ... Я заявил, что не могу нести отвѣтственности за порученное мнѣ дѣло и прошу сложить с меня полномочія... Мои сотоварищи по кабинету считают, что я переоцѣниваю опасность, что с нарождающимся движеніем можно будет справиться без тѣх героических мѣр, которыя я предлагаю». Позже под 28-м он записывает: все «привело меня к сознанію безсилія что-либо сдѣлать при том объемѣ прав, которыя мнѣ предоставлены, а потому нужно или это положеніе измѣнить, чтобы возможно было перейти к рѣшительной борьбѣ, или уйти, подчеркнув тѣм еще раз всю серьезность положенія страны»... «20-го я объѣхал всѣ руководящіе политическіе центры, а вечером дѣлал доклад... Я шел на всѣ послѣдствія и толкованія моего поступка, так как в минуту, когда все готово рухнуть, не мѣсто дипломатіи»...

Одно из посѣщеній Верховским «политических центров» описано Набоковым, на квартирѣ котораго и произошло свиданіе с лидерами партіи к. д. Верховскій прибыл на секретное совѣщаніе «в сопровожденіи адъютанта». Из кадетов присутствовали Милюков, Шингарев, Аджемов и Кокошкин. «Верховскій сразу вошел *in medias res*, заявив, что он хотѣл бы знать мнѣнія лидеров к. д. по вопросу о том, не слѣдует ли немедленно принять всѣ

мѣры — в том числѣ воздѣйствіе на союзников — для того, чтобы начать мирные переговоры», так как «всякія попытки продолжать войну только могут приблизить катастрофу». Лидеры к. д. отнеслись с осторожностью к заявленію Верховскаго: «как бы ни была обоснована и доказательна аргументація Верховскаго, — замѣчает Набоков, — его собственная несостоятельность была слишком очевидна и ожидать от него планомѣрной и успѣшной дѣятельности в этом сложнѣйшем и деликатнѣйшем вопросѣ было невозможно. Он и здѣсь, и раньше всей своей личностью вызывал опредѣленно отрицательное отношеніе. Можно было опасаться, что, предоставленный своей собственной инициативѣ, он заведет нас в безвыходный тупик. Кромѣ того, все его недавнее прошлое было настолько — в политическом отношеніи — сомнительно, что не исключалось предположеніе, что он просто играет в руку большевикам».

Получив отрицательный отвѣтъ в смыслѣ возможной поддержки со стороны к. д., Верховскій раскланялся. Надо думать, что он не раскрывал своих карт на квартирѣ Набокова. На вечернем засѣданіи Верховскій повторил «в дополненном видѣ» свою аргументацію с тѣм же выводом. Насколько можно судить по черновому протоколу и по тезисам, приведенным в книгѣ Верховскаго, его доклад вкратцѣ сводился к слѣдующему: Положеніе на фронтѣ катастрофично. Россія не может содержать армію в 9 1/2 милліонов. Выхода нѣтъ. Всякіе палліативы возстановленія боевой мощи не способны преодолѣть разлагающую пропаганду мира. Здѣсь тупик. Единственная возможность бороться с тлетворным вліяніем большевиков — это вырвать у них почву из-под ног и самим немедленно возбудить вопрос о заключеніи мира. Вѣсть о мирѣ, по мнѣнію Верховскаго, внесет в армію оздоровляющія начала. Опираясь на наиболѣе сохранившіяся части, силою подавить анархію в странѣ.

Повидимому, многіе поняли, что Верховскій говорил о заключеніи сепаратнаго мира с Германіей. «Дрожь прошла от этих жутких слов по всему собранію», — вспоминает Винавер: «Кто стоял за сепаратный мир, тот невольно объединялся с большевиками. Когда Терещенко пояснил, что Вр. Правительство не только не уполномочивало Верховскаго на такія заявленія, но никогда военный министр Правительству об этих своих взглядах не докладывал^{*}), тогда создалось впечатлѣніе, что рѣчь военнаго министра имѣла цѣлью дискредитировать Правительство перед лицом общества в страшную минуту, когда именно под лозунгом мира старались поднять против него бунтующую стихію». О сепаратном мирѣ Верховскій не говорил. Мало того, на вопрос Кусковой и Малевскаго, что же произойдет, если союзники не пойдут на пред-

^{*} Верховскій, формально подтверждая заявленіе Терещенко, вмѣстѣ с тѣм указывал, что сущность его мнѣній давно извѣстна Вр. Прав. (Слухи об оставкѣ Верховскаго появились в печати еще до выступленія послѣдняго в Предпарламентѣ). Нельзя не обратить вниманія на то, что Терещенко при первом выступленіи ничего не сказал по этому поводу. И только на вопрос Мартынова: подверглись ли выводы военнаго министра обсужденію в Правительствѣ, подал ту свою реплику, о которой говорит Винавер.

доженіе заключить мир, военный министр отвѣтил: «до сих пор никто еще не давал союзникам вполне откровеннаго освѣщенія о положеніи нашей арміи, и это создавало у них иллюзіи... Надо это прямо сказать союзникам, и тогда они отнесутся к дѣлу болѣе серьезно... в этом случаѣ (отказа союзников от мирных переговоров), будучи связаны известными обязательствами, мы должны будем подчиниться судьбѣ, т. е. пойти через такія испытанія, как возстаніе большевиков*)».

Как видим, Верховскій ставил вопрос довольно реалистично. В его докладѣ не было того «верхоглядства», которое произвело отвратное впечатленіе на Винавера: «сухим беззвучным голосом, окидывая собраніе холодным взглядом безстрастных точно стеклянных глаз, молодой человек в генеральском мундирѣ путем цифр, дилетантски сопоставленных, доказывал нашу небоеспособность», не задаваясь, повидимому, даже вопросом о «моральном и государственном смыслѣ предлагаемаго им поворота». «Мы с Милюковым, — добавляет мемуарист, — желая все же пролить свѣтъ на основную проблему о нашей неподготовленности, предложили пригласить всѣх начальников военных управленій, чтобы проверить приведенные военным министром цифры. Такое засѣданіе состоялось... и при свѣтѣ точных данных всѣ выводы военнаго министра о нашей технической неподготовленности разсѣялись безслѣдно. Технически мы были в блестящем состояніи — не было только духа в арміи, а показной пессимизм военнаго министра способен был лишь искоренить остатки воодушевленія даже в высшем командованіи».

По мнѣнію военнаго историка ген. Головина Верховскій представил «правдивую картину» катастрофическаго положенія в арміи**). Я не могу даже пытаться затронуть вопрос: могла ли Россія еще воевать? — это значило бы потонуть в безднѣ противорѣчиваго матеріала, субъективных оцѣнок, поскольку рѣчь идет не о технических возможностях, а о факторах социальнопсихологическаго свойства. Только отчасти шридется оспаривать эти выводы специалистов при характеристикѣ отношенія фронта к большевицкому возстанію. Тѣ, кто говорили, что «арміи нѣтъ», вдавались в несомнѣнную крайность. Тот факт, что нѣмцы до октябрѣ-

*) Любопытно, что ген. Ниссель, руководитель военной французской миссії в Россіи, в воспоминаніях довольно подчеркнуто говорит о своих близких отношеніях с Верховским и о совмѣстном обсужденіи плана дѣйствій. Ниссель считал однако рискованным план Верховскаго для противодѣйствія пропагандѣ сепаратнаго мира предложить нѣмцам опредѣлить условия мира для того, чтобы народ увидѣл их неприемлемость и необходимость продолжать войну.

**) В своем историческом трудѣ «Россійская контр-революція» ген. Головин пошел значительно дальше Верховскаго в признаніи тезиса о необходимости для Россіи в 1917 году немедленнаго окончанія войны. Он, очевидно, присутствовал на том собраніи «начальников», о котором упоминает Винавер, и на котором Милюков будто-бы говорил о Константинополѣ, — каков был его тогдашній взгляд на проблему продолженія войны? Развил ли он свою позднѣйшую аргументацію на этом собраніи? Это тѣм болѣе интересно, что Головин, как предполагалось, замѣнит на предстоявшей в Парижѣ междусоюзнической конференціи отказавшагося Алексѣева.

скаго переворота все же не рѣшились ослабить свой восточный фронт, — сам за себя говорит. Чрезвычайно показательно, что ген. Ниссель, прибывшій в Россію в сентябрь и вынесшій довольно мрачное впечатлѣніе о состояніи русской арміи в дни своей как бы инспекціонной поѣздки по сѣверному фронту, тѣм не менѣе довольно оптимистически смотрѣлъ на возможное будущее и на продуктивность результатов работы союзных миссій по восстановленію боеспособности арміи, работы, которая была прервана большевицким переворотом. Допустим, что в таком сужденіи мемуариста сказалась до нѣкоторой степени самоувѣренность человека, пытавшагося осуществить миссію, неудавшуюся русскому генералитету. Людям свойственно обольщаться, но все же для этого обольщенія не было бы мѣста, если бы положеніе было так безнадежно. В своих воспоминаніях Ниссель приводит рапорт другого представителя французской военной миссії — ген. Рампона, находившагося на западном фронтѣ и утверждавшаго, что армія восстановится, если в Петербургѣ будет порядок. Вѣроятно, и «враждебное» отношеніе, которое встрѣтила попытка Верховскаго «открыть глаза присутствующим на истинное положеніе вещей», объясняется отчасти противорѣчіем, выступавшим при сравненіи позиціи Верховскаго 20-го октября с тѣм, что он говорил за десять дней перед тѣм в Предпарламентѣ — тогда он называл «явным вздором» рѣчи о распадѣ арміи и твердо заявлял: «русская армія существует, исполнит свой долг и исполнит его до конца».

Ударная сторона доклада Верховскаго 20-го октября лежала однако не в сферѣ военной техники, поэтому его аргументы так легко убѣдили лидера соц. демократов Дана: он «горячо» поддержал военного министра и «рѣзко обрушился», по его собственным словам, на «внѣшнюю политику Временнаго Правительства, которое... слѣло шло на поводу у дипломатов Антанты и вело армію и революцію к катастрофѣ». «Я был доволен», — вспоминает Дан. «Мнѣ казалось, что дѣло преобразования Правительства в желательном для нас духѣ слѣдало большой шаг вперед». Цѣли «закулисных дирижеров» как будто были достигнуты. И только один Мартов насторожился при словах Верховскаго об «анархіи»... «Слѣдует ли понимать заявленіе о подавленіи анархіи внутри страны в смыслѣ установленія диктатуры?» — спросил он военного министра. «Суть не в названіи», — отвѣтил Верховскій: «но для борьбы с анархіей также необходима сильная единоличная власть, как для командованія арміей, и в этом смыслѣ означенная власть может считаться диктатурою».

«Верховскій руководился иными соображеніями, нежели режиссеры засѣданія», — замѣчает составитель и комментатор протокола засѣданія 20-го октября: он «исходил не из революціонной идеологии, а из желанія желѣзной рукой водворить порядок». Не так уже трудно расшифровать тайный смысл выступленія революціоннаго генерала, пользуясь его собственными нѣсколько расплывчатыми и, быть может, нарочито туманными записями. Придется начать издадека, с момента, когда ген. Верховскій, в

качество командующаго московским военным округом, сумѣлъ проявить большую энергию в дни корниловскаго «мятежа». Он попадает за свои заслуги на высшій командный пост и записывает в свой «дневник» 5 сентября: «Керенскій не отвѣчает требованіям обстановки». «Я сам думаю об этом», — говорит будто бы ему лично Керенскій: «Не знаю только, кому передать всю работу». «И в этом трагедія дѣйствительности», — замѣчает Верховскій: «замѣнить его неким»... 10 сентября новый военный министр выступает с «программною» рѣчью в Исполнительном Комитетѣ Совѣта: «Своей задачей я считаю превращеніе расшатанной всѣм происшедшим арміи в серьезную боевую силу». Эту задачу нельзя выполнить «пулеметами и плетью». То «ложный путь». Армія теперь вооруженный народ. «Я избрал путь проведенія в сознание масс здоровых идей через посредство команднаго состава и войсковых организацій, поддерживая, гдѣ нужно, слово силою оружія». Командный состав, «не оправдавшій довѣрія в дни мятежа, будет замѣнен людьми, заслуживающими довѣріе независимо от чина». Вторая задача — сокращеніе численности арміи...

В нѣкоторых газетных отчетах рѣчь военнаго министра передается в болѣе заостренном видѣ. Над ней витает нѣсколько иная тѣнь — тѣнь демагогическая: «До сих пор мы говорили красивые слова, а на дѣлѣ — у народа еще нѣтъ земли, а в городах — голод и хвосты. Пора перейти к дѣлу... Надо идти к миру вѣрными шагами, создавая сильную армію, надо дать хлѣб народу и надо достичь порядка в странѣ». Таким образом революціонный генерал, опирающійся на новых людей из демократіи, с сильной властью — вот что появляется на горизонтѣ. Дневник «моего современника», которым мнѣ часто придется пользоваться, отмѣчает: «говорят о Керенском, и никто не замѣчает, что в Наполеоны пробирается Верховскій». «Мои мысли, — продолжает военный министр, — не встрѣтили полного одобренія в средѣ Вр. Прав. Керенскій считает, что дѣла вѣрны, но опираться нужно на авторитет Вр. Пр., а не на демократическія организаціи». Но «вліяніе Вр. Правительства, особенно в солдатских массах, ничтожно и, опираясь на него, ничего сдѣлать нельзя».

Октябрь. Верховскій вспоминает уже прошлое. «Я чувствовал, что мог бы сдѣлать многое, но для этого нужно имѣть спеціальныя уполномочія, спеціальныя права». Вот для чего он пошел к «революціонной демократіи». Прощупать почву. Уже при первом своем выступленіи в Предпарламентѣ 10 октября Верховскій настаивал, чтобы слово о борьбѣ с анархіей было произнесено самим Совѣтом Республики: «для восстановленія порядка в странѣ и для примѣненія оружія с цѣлью спасенія народа внутри страны нужно, чтобы Совѣтъ Республики сказал, что он этого хочет и что в этом он видит единственное спасеніе». Нужно «твердое и определенное постановленіе Совѣта Республики, угодно ли ему... чтобы в тѣх случаях, когда выступает анархическая толпа, к ней примѣнялось оружіе, не задумываясь и не стѣсняясь». Надо было имѣть извѣстную дозу наивности для того, чтобы думать о возможности таким путем реализовать свои тайные помыслы. «Я знаю

сейчас определенно, что в любую минуту могу даже вывести массу на улицу, но для русского общества я новый человек и не могу убедить в необходимости тех резких шагов, без которых катастрофа кажется мне неизбежной». «Впечатлѣніе на собраніи было потрясающее, — вспоминает неудачный кандидат на диктатора, — но, я видѣл ясно, что впечатлѣніе враждебно сказанному мною»... «Я считал, что доклад необходим, как апелліція к обществу».

В искренности Верховскаго, несмотря на всю его непослѣдовательность, как будто бы сомнѣваться не приходится — не даром он свою книгу назвал «Россія на Голгофѣ». Он не вскочил «на запятки колесницы товарища Троцкаго». Нѣтъ, он жалуется на всеобщее «непониманіе»: «доходит до того, что многіе боятся, не захочу ли я использовать создавшееся положеніе для авантюры. Керенскій взял даже с меня слово, что я срочно уѣду из Петрограда».

2. Бурцевскій инцидент.

Нѣтъ никакого сомнѣнія — выступленіе Верховскаго ставило в очень трудное положеніе Правительство. Так или иначе военный министр говорил о «политикѣ мира», которая была у всѣх на устах и которая была «козырным тузом», по выраженію ген. Будберга, для солдатских масс. «Было безспорно, что надо было поставить какой-то видимый предѣл войны и дать понять народу, что Правительство серьезно озабочено пріисканіем способа окончить войну», — синтезирует «настроенія» в Верховной Ставкѣ новый ея правительственный комиссар Станкевич: «Мнѣ и очень многим казалось, что Правительство не только ничего не дѣлает в этом отношеніи, но даже не считает нужным скрывать свое недружелюбное отношеніе ко всѣм разговорам о мирѣ»^{*)}. Воспользовавшись пріѣздом Терещенко в Ставку, Станкевич показал министру «груды телеграмм», ежедневно получаемых и рисующих «отчаянное положеніе фронта и полный развал военной организациі» — все говорило о «необходимости немедленнаго мира», но Терещенко, по воспоминаніям мемуариста, «отнесся к этому свысока, да и разговор наш длился всего около пяти минут».

Это голос очень дружественнаго главѣ Правительства человека, склоннаго, правда, к быстрым обобщеніям. Станкевич раздѣлял «органическую правильность» позиціи военнаго министра. Но ушел из Правительства не Терещенко, неспособный проводить «политику мира», а Верховскій. Надежды Дана не оправдались: «Правительство, возглавляемое Керенским, не только отдѣлило себя от лѣвой части Совѣта Республики, но явно шло ей наперекор». Что происходило в нѣдрах Правительства, мы не знаем; сам Верховскій глухо говорит, что его товарищи по кабинету «нашли

^{*)} Эту сторону еще раньше считал нужным особенно подчеркнуть и Зарудный в рѣчи на Демокр. Совѣщаніи: «за полтора мѣсяца, пока я был членом Вр. Пр., я не знаю дѣлало ли Вр. Пр. в этом отношеніи что-нибудь. Когда я освѣдомлялся об этом, я не получал отвѣта».

невозможным громко сказать причины моего ухода». «Нетактичным выступлением» Верховскаго были объяснены «болѣзненным утомленіем», и ему предложено было уѣхать в «отпуск», причем он «фактически на свой пост не вернется», — сообщал Керенскій Духонину. «Переполох» в Правительствѣ был вызван не только «неожиданным» заявленіем военнаго министра о «боеспособности армии и возможности продолженія войны», но в равной мѣрѣ и «указаніем на необходимость усиленія личнаго начала» при «реорганизациі власти для борьбы с анархіей», т. е. испугала перспектива диктатора*). «Мнѣ пришлось взять на себя скорѣйшую ликвидацію, возможно безболѣзненную, этого эпизода, — передает Керенскій в том же разговорѣ с Духониным, — так как всѣ эти заявленія могли быть подхвачены крайними элементами».

Прежде всего Правительство попыталось ограничить рамки распространенія свѣдѣній о рѣчи, произнесенной в «закрытом» засѣданіи. Газетам было предложено воздержаться от сообщеній. Не послушался этого предостереженія только Бурцев, ведшій в «Общем Дѣлѣ» довольно рѣзкую кампанію против Правительства**). На столбахъ его вечерней газеты под крикливым заголовком: «Граждане! Спасайте Россію!» 21-го появилось сообщеніе, начинавшееся словами: «...вчера в засѣданіи Комиссіи по оборонѣ в Совѣтѣ Республики военный министр ген. Верховскій, один из главных виновников гибели ген. Корнилова, предложил заключить мир с нѣмцами тайно от союзников. Это — измѣна Россіи». Замѣтка кончалась призывом: «Граждане, всѣ на ноги. Россію предают. Спасайте!»

До нѣкоторой степени понятно раздраженіе Керенскаго на это «взорное», по выраженію историка, сообщеніе***). Бурцевскому органу вообще была свойственна нѣсколько элементарная прямолинейность и упрощенность в сужденіях. Но, очевидно, в данном случаѣ Бурцев был введен в заблужденіе своими информаторами. Верховскій сам боялся того, что в «упрощенной психологіи толпы» его заявленіе будет шюято, как предложеніе мира с Германіей. Припомним, однако, что даже Винавер именно так воспринял предложеніе военнаго министра. Винавер не был одинок.

*) Ген. Ниссель отставку Верховскаго объясняет только чувством «зависти» со стороны Керенскаго, не терпѣвшаго около себя людей активных и независимых. Мемуарист ссылается на посла Нуланса, которому сам Керенскій будто бы сказал, что причина отставки военнаго министра заключалась в «прокорниловских» декларациях, которыя Верховскій сдѣлал в комисіи Предпарламента, предлагая установить диктатуру под его водительство.

**) Бурцев «страстно» и настойчиво призывал к примиренію Правительства с «ген. Корниловым и арміей». Это был глас вопіющаго в пустынѣ. 20-го октября «Общее Дѣло» ставит вопрос уже по другому: возрожденіе Россіи возможно только тогда, когда «во главѣ Россіи мы не будем больше имѣть нынѣшняго Временнаго Правительства, когда уйдут Керенскіе и Некрасовы и вмѣсто них придут ко власти Корниловы и Каледины». «Большевизм — доказывал Бурцев — самая страшная язва современной русской жизни».

***) В «Россія на переломѣ» Милуков почему-то измѣнил свою точку зрѣнія и говорит уже о «сепаратном мирѣ», яко бы предложенном Верховским.

Бурцев писал впоследствии, что он говорил «со многими участниками» заседания и, по их словам, то, что говорил Верховский «было несравненно хуже (?) того, что было на этот счет сказано в «Общем Дѣлѣ».

«Общее Дѣло» было закрыто за ложное сообщеніе (даже типографія была запечатана) и газетам было вновь предложено воздержаться от дальнѣйшаго комментирования того, что произошло в закрытом засѣданіи комиссіи Предпарламента. А стоустая молва разносила по городу еще болѣе вздорные, «чудовищные», по выраженію «Дня», слухи. Наложное табу не удовлетворило печать. «Русскія Вѣдомости» в Москвѣ писали: «опровергают и ген. Верховскій, и Временное Правительство, и предсѣдатель предпарламентской комиссіи ин. дѣл Скобелев и предсѣдатель комиссіи обороны Знаменскій. Кажется, трудно убѣдительно доказать вздорный, бесосновательный, клеветнический характер извѣстія. И тѣм не менѣе тому, чего не было, газеты посвящают столбцы». «Если бы правдой... оказалось то, что пишет г. Бурцев, — говорило «Народное Слово», (орган нар. сою.), — мало было бы сказать то, что сказал — опять-таки по словам Бурцева — г. Терещенко: «это какой то сумасшедшій дом». Требовала сообщенія «правды» дружественная Керенскому московская «Власть Народа», протестовал Плеханов... Осторожныя «Русскія Вѣдомости» 24 добавляли: «мы выразили скромныя пожеланія, чтобы Правительство поспѣшило объясниться с русским обществом, которое вряд ли удовлетворилось в этом случаѣ короткой расправой с журналистом, деликатной отсылкой генерала на кислыя воды, да строгим «пыц» по всей линіи современной печати».

Раздраженное внимательство Правительства отнюдь не содѣйствовало «скорѣйшей безболѣзненной ликвидаціи» эпизода, вызвавшего «огромныя недоразумѣнія и даже переполох». В бронѣ, защищавшей Правительство от вооруженнаго нападенія интернаціональнаго большевизма, должна была образоваться существенная брешь. Какое впечатлѣніе могло произвести закрытіе бурцевскаго органа, столь яркаго по своему антибольшевизму, на тѣ военные круги, которые по общей терминологіи революціонной демократіи именовались «корниловцами». Это был значительный сектор русской общественности — и буржуазной, и демократической. Не требовалось большой прозорливости для того, чтобы предвидѣть, что только в этом лагерѣ можно найти основныя кадры для противодѣйствія вооруженной рукой вооруженному наступленію большевиков. «Общее Дѣло» напало на бездѣйствіе Правительства и видѣло «долг» послѣдняго в подавленіи «вооруженной рукой» преступных попыток возстанія (орган Бурцева — один из немногих — настойчиво указывал на реальную опасность выступленія большевиков), и это «Общее Дѣло» закрыто, причем закрыто за то, что сообщило «правду», и в то же время Правительство не трогает того «Рабочаго Пути», статьи котораго направлены на военное пораженіе Россіи и столь недвусмысленно призывают к вооруженному его сверженію. Даже демократическое «Единство» Плеханова задавало вопрос Правительству: «Не

нужно ли прописать тяжко больной газетѣ хорошее лѣкарство, которое дѣйствовало бы рѣшительно и вѣрно»? Как должно было откладываться это сопоставленіе в сознаніи рядового «корниловца» с нѣскольکو, вѣроятно, также примитивной общественной психологіей?

Воля Правительства направлена не в сторону борьбы с большевиками — таков был этот вывод. К нему приходил даже ген. Алексѣев. В эмигрантском уже «Общем Дѣлѣ» Кульман как то передал свою бесѣду с Алексѣевым послѣ памятнаго засѣданія. На вопрос: будет ли Правительство в состояніи справиться с большевиками, Алексѣев отвѣтил: «ни мало не сомнѣваюсь в том, что Правительство скоро падет, а власть захватят большевики... Мало имѣть в своем распоряженіи силу, нужно имѣть еще волю, а воли у Правительства нѣтъ.. Можно подозревать, что у нѣкоторых членов Правительства воля направлена не в сторону борьбы с большевиками, а в ту, гдѣ побѣда большевиков вовсе не кажется ужасом». С шолным объективизмом можно сказать, что в рядах «революціонной демократіи» в тѣ дни чувство страха дѣйствительно испытывалось не столько перед выступленіем крайних социалистических элементов, сколько перед «контр-революціей», которая неизбежно должна наступить послѣ большевицкой авантюры. «Лѣвая» часть Правительства в значительной степени отражала в себѣ эти опасенія угрозы «справа» (в серединѣ октября, согласно телеграммам Правительства, русскій повѣренный в Парижѣ доводил даже до свѣдѣнія французских правящих кругов о той опасности «справа», которая может грозить Россіи).

Нельзя забывать, что шум вокруг обоих инцидентов (отставка Верховскаго и закрытіе «Общаго Дѣла») развернулся как раз ко дню выступленія большевиков, и демагоги естественно не замедлили им воспользоваться. Будберг записал в дневник 23 октября: «Большевицкая агитація уже использовала уход Верховскаго... Сегодня кончился эсэровскій період комитетскаго управления 5-й арміей и начался новый, большевицкій, несущій в себѣ массу неожиданностей».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КАНУН ВЫСТУПЛЕНІЯ

1. Трагическая «оперетка».

Условия, в которых началось выступление большевиков, Суханов назвал «опереткой». И действительность была недалеко от такого уподобления.

Докладывая 23-го в Совѣтъ о дѣятельности ВРК за первые дни, Антонов-Овсѣенко вновь подчеркивал, что состав ВРК «чисто дѣловой, не партійный», и что его задачей является организація «дѣйствительной защиты» столицы, которую нельзя было оставлять безконтрольно в руках штаба, «тайными и явными путями связаннаго с контр-революціей». Большевики пробирались к власти под флагом обороны, — с полным основаніем замѣтил в своих воспоминаніях старый народник полк. Оберучев. Большевицкіе демагоги, когда было нужно, забывали об утвержденіи Ленина, что ни взятіе Риги, ни захват Петербурга не сдѣлают революціонных интернаціоналистов «оборонцами»: «Мы станем оборонцами послѣ перехода власти к пролетаріату». Но, повидимому, только один человек в Петербургѣ до нѣкоторой степени повѣрил в «оборонческія» дѣли большевиков — это министр ин. дѣл Терещенко. Он сообщал 9 октября заграничным представителям министерства о том «своеобразном патріотизмѣ и даже воинственности, которые проявляют сейчас нѣкоторые из наиболѣе крайних элементов». Вѣроятно, Терещенко скоро должен был разочароваться в «положительном значеніи» дѣятельности «якобинцев» из ВРК, направивших свои усилія исключительно на подготовку захвата власти. Подготовку эту за кулисами производила «Военка», как в партійном обиходѣ именовалось «всероссійское бюро военных организацій» большевиков, органически связанное с совѣтским центром. Послѣдній был лишь фиктивно «непартійным», ибо возглавлялся соц. рев. Лазимиром*). Фактически ВРК дѣлком был, конечно, большевицким учрежденіем, имѣвшим дѣлю установивъ формальную связь с гарнизоном.

Разослав своих комиссаров в отдѣльныя части гарнизона (таких «комиссаров» якобы было разослано 292), ВРК трех комиссаров делегировал для «контроля» и в Штаб. Там их встрѣтили

*) Тогда еще будущіе лѣвые с.-р. не отдѣлились окончательно от партіи и, главенствуя в петербургской группѣ, приняли участіе въ работѣ явно повстанческаго органа.

довольно «враждебно». На заявление делегатов, что отнынѣ будут признаваться дѣйствительными лишь тѣ приказы округа, которые скрѣплены подписью комиссаров, Полковников категорически отвѣтил, что никаки комиссаров ВРК не признает, что «гарнизон» в его руках, и он с ним «будет и может дѣлать то, что нужно», а дом. командующаго с.р. Кузьмин пригрозил немедленным арестом самозванных комиссаров. «Нам ничего не оставалось, как вернуться в Смольный», — вспоминает один из них Мехоношин. ВРК, со своей стороны, разослал телефонограмму по гарнизону, предлагавшую исполнять только его распоряженія, передаваемые через полковых комиссаров. Так начался открытый конфликт между Штабом Округа и ВРК. С этого дня большевики повели начало вооруженнаго возстанія — и больше того: именно с этого момента, 22 октября, власть перешла в руки ВРК, и Штаб фактически был аннулирован.

Дѣйствія большевиков вовсе уже не были так рѣшительны — иначе, в чем проявилась бы «игра» ВРК со Штабом? Газеты сообщали, что на совѣщаніи Правительства в ночь на 23 Керенскій (под влияніем Терещенко, — добавляет Бьюкенен по словам, очевидно, самого Терещенко) настаивал на ликвидаціи ВРК, но в виду донесенія Полковникова о возобновленіи переговоров с ВРК было рѣшено ограничиться ультимативным требованіем отмѣнить телефонограмму и предупредить, что военная власти примут рѣшительныя мѣры для возстановленія законнаго порядка. Повліяло на такое рѣшеніе посредничество представителей ЦИК-а, которые просили Керенскаго воздержаться от активной борьбы, надѣясь разрѣшить конфликт мирным путем посредством переговоров членов ЦИК с Петроградским Совѣтом. Компромисс заключался в том, что увеличивалось число уже имѣвшихся представителей от «революціонной демократіи» при Штабѣ, и делегаты ВРК входили в общую установившуюся схему, причем Штаб не возражал против назначенія спеціальных комиссаров по полкам, при условіи, что эти комиссары подчинятся единому комиссару ВЦИК. В газетах сейчас же появились успокоительныя извѣстія: «повидимому, соглашеніе будет достигнуто». Троцкій в «воспоминаніях об октябрьском переворотѣ» рассказывает, что «Владимір Ильич», прочитав это сообщеніе, был настроен «весьма яростно». «Неужели это правда»? Нѣтъ, — отвѣчал хитроумный большевицкій Улис, — это для прикрытія игры».

Игра была простая — затянуты дѣло. По приглашенію Штаба ВРК прислал 23-го своих представителей для «переговоров». «Это была только «развѣдка», — утверждает Невскій. Не входя в обсужденіе вопроса, они взяли «условія соглашенія» и «удалились»: «ясно было, что время переговоров и соглашеній прошло и настала пора дѣйствовать». Тѣм не менѣ ночью ВРК сообщил о «принципіальном принятіи пунктов ультиматума» Штаба. Дѣло в том, что, несмотря на гордое заявленіе в упомянутом докладѣ Антонова: «трогать ВРК не смѣют и не посмѣют», стратеги в Смольном были весьма обезпкоены возможностью активных дѣйствій со стороны Штаба и выполненіем угрозы ликвидаціи. Со-

всѣм не без основанія новоожизненец Суханов утверждают, что хорошему сводному отряду было бы немного хлопот со Смольным. До 24-го цитадель ВРК была почти беззащитна, — это признает сам Троцкий. Комендант Смольного был скорѣе враждебен большевикам; пулеметная команда, охранявшая мѣстопробываніе ВРК, хотя и числилась в большевицких рядах, была совершенно неспособна к борьбѣ, да и сами пулеметы оказались в негодном состояніи. Только в ночь на 24-ое в Смольный была введена болѣе надежная пулеметная часть. Так естественно, что большевики отнюдь не желали первыми начинать дѣйствія вопреки непреложным законам, которые установил Маркс для гражданской войны, и на которых почти яростно настаивал Ленин: «оборона есть смерть вооруженнаго возстанія». «Военка» обливала холодной водой пылких товарищей, и, подсчитав свои силы, ВРК дал лишь директиву «оборонительнаго характера» — обезпечить оборону подступов к Смольному, полагая, что «враг сам перейдет в наступленіе первый».

Но «враг» не наступал. Если повѣрить главѣ Правительства, то неожиданно скажется, что в данном случаѣ военная власть руководилась особыми морально-педагогическими соображеніями: «хотя было наличіе всѣх данных для того, чтобы приступить немедленно к рѣшительным и энергичным мѣрам», военная власть «считала необходимым дать сначала людям возможность сознать свою, сознательную или безсознательную, ошибку и предоставить срок для того, чтобы, если это была ошибка, они от нея свободно отказались». Так говорил Керенскій через сутки в Совѣтъ Республики. «Правительство, — продолжал он, — могут упрекнуть в слабости и чрезвычайном терпѣніи, но во всяком случаѣ никто не имѣет права сказать, что Временное Правительство за все время, пока я стою во главѣ Вр. Пр... прибѣгло к каким либо мѣрам воздѣйствія раньше, чѣм это не грозило непосредственно гибелью государства». Мы слышим, таким образом, тѣ же мотивы, что звучали в болѣе поздней статьѣ Кусковой. Но можно ли придавать значеніе таким ораторским декламациям, имѣвшим опредѣленную цѣль воздѣйствія на аудиторію, которая в своем большинствѣ относилась отрицательно к мѣрам вооруженнаго воздѣйствія на «товарищей большевиков», готовящихся «свергнуть Временное Правительство» (из статьи «Извѣстій») и которая была увѣрена, что «изоляция» Смольнаго предопредѣляет безславный конец «авантюры» — «самосверженіе» большевиков?

«Я вообще предпочитаю, чтобы власть дѣйствовала болѣе медленно, но за то болѣе вѣрно, а в нужный момент болѣе рѣшительно», — охарактеризовывал методы своей политики глава Правительства в той же рѣчи, произнесенной перед высоким собраніем Предпарламента. Позже, когда вѣрный метод привел к катастрофѣ, Керенскій в воспоминаніях дал иное объясненіе причины видимой нерѣшительности власти перед большевицким выступленіем. Весь одіум за нерѣшительность и дезорганизованную работу Штаба мемуаристы (здѣсь Керенскій не одинок) возлага-

ют на тогдашняго командующаго войсками — только мотивы поведения Полковникова толкуются по разному.

«К великому сожалѣнію, мы, члены Правительства, — пишет Керенскій, — слишком поздно узнали, что, как сам Полковников, так и часть его штаба, вели в эти роковые дни двойную игру и примыкали как раз к той части офицерства, в планы котораго входило сверженіе Вр. Правительства руками г.г. большевиков». Об этой версіи Керенскаго мнѣ еще придется говорить, поэтому на ней останавливаться не буду. За какія заслуги попал полк. ген. штаба Полковников на такой высокой пост в такое отвѣтственное время? Только потому, — отвѣчает член Правительства Смирнов, — что «в отношеніи подбора военных у Керенскаго всегда проявлялась тенденція окружать себя лицами, наиболѣе посредственными: всякая выдающаяся военная личность как бы отпугивала Керенскаго». Всякій, однако, кто знает исторію февральской революціи, знает и то, что это «всегда» не отвѣчает дѣйствительности. Но столь же очевидно, что послѣ корниловских дней Керенскій предпочитал имѣть на посту командующаго войсками фигуру не яркую из стараго военного міра*). Во всяком случаѣ распорядительности и организационных способностей в смутные дни подготовки возстанія Полковников не проявил.

«Не социалистическая» часть министерства не питала к Полковникову довѣрія, как показывают воспоминанія Винавера: «Мнѣ живо вспоминается фигура этого главнокомандующаго», — рассказывает Винавер о засѣданіи комиссіи по борьбѣ с контр-революціей при Совѣтѣ Республики: Молодой человек лѣтъ 30—35 съ нѣсколько старообразным, желтым, продолговатым лицом, съ бессмысленной искусственной улыбкой, съ подозрительным спокойствіем в самыя отвѣтственныя минуты, съ глазами, не отражающими ни тревоги, ни волненія, сидѣлъ в концѣ стола и выдерживал без смущенія обращенные к нему пытливыя взгляды нѣскольких десятков безпокойных глаз. Опираясь правою рукою на шашку, он точно цѣдил свои отвѣты — в сущности один, почти что трафаретный отвѣтъ на всѣ вопросы: Ничего не будет. Да, вѣрно, что массы волнуются, желают выступленія, но лидеры большевиков рѣшительно противятся и выступленія не допустят». Я не думаю, что Винавер правильно передал по обостренным воспоминаніям информацію командующаго войсками. Судя по отзывам печати и по изображенію Керенскаго, завѣренія Полковникова носили всегда иной характер — выступленіе готовится, но массы

*) Ген. Врангель, знавшій Полковникова (донскаго казака) на ролях начальника штаба Уссурийской конной дивизіи на Румынском фронтѣ, отзывается о нем, как о «способном, толковом и дѣльном работникѣ». В качествѣ командующаго Амурским полком Полковников принимал участіе в Крымском движеніи на Петербург. Врангель намекает, правда, съ чужих слов, на нѣсколько двусмысленное поведеніе Полковникова в этом дѣлѣ. Повидимому Полковников был кандидатом Верховскаго и слѣдовал по стопам своего шефа, когда уже 8-го сентября в солдатской секціи Петр. Совѣта говорил о «печальных днях корниловской авантюры». По словам газет того времени Полковников отказался выполнять директивы Корнилова о наступленіи на Петербург и командировал делегатов для переговоров съ министром.

не выступают *). «О Полковниковѣ, — продолжает Винавер, — шли уже тогда глухіе слухи, что он сносится с большевиками. По ходу наших вопросов ему пришлось задѣть и эту сторону дѣла; соблюдая полное спокойствіе, он все с той же усмѣшкой дал понять или даже откровенно сознался (точно не помню), что он дѣйствительно видѣлся с Троцким и именно из бесѣды с ним заключает, что «лидеры воспротивятся». Вспоминая реплику Роговскаго по поводу того, что Троцкаго арестовать нельзя, так как он ночует в казармах, и, признавая ее серьезным доводом, Винавер дополняет: «для свиданій Полковникова это обстоятельство, очевидно, препятствіем не служило».

В том, что о Полковниковѣ в нѣкоторых кругах могли ходить такіе слухи, можно и не сомнѣваться. Вѣдь не всѣ сочувствовали тактикѣ переговоров с ВРК, инициатором которых во всяком случаѣ был не командующій войсками — они скорѣе были навязаны военной власти свыше. Мнѣ кажется совершенно невѣроятным, что Полковников мог имѣть какія-то тайственныя встрѣчи с Троцким... Трудно себѣ представить, чтобы Троцкій post factum умолчал или позабыл о таком выигрышном козырѣ — переговорах с командующим(!) войсками, как об одном из звеньев в том обволакивающем планѣ, который столь дьявольски хитро придумал предсѣдатель Петроградскаго совѣта. Можно с увѣренностью сказать, что из отвѣтов Полковникова и его коллег комиссія Предпарламента могла вынести лишь самое безотрадное впечатлѣніе: «не оставалось сомнѣнія, что выступленіе будет, и что защита наша в ненадежных руках». Это так и было.

О своем впечатлѣніи Винавер в тот же вечер сообщил в очередном совѣщаніи с министрами к. д. И здѣсь вынесено было «удручающее впечатлѣніе». Но кѣм замѣнить Полковникова? Этого не знали; чувствовалось, что «настоящаго человѣка, достаточно сильнаго и вмѣстѣ с тѣм вызывающаго довѣріе демократической арміи сыскать трудно, пожалуй, даже невозможно». «Впрочем, все было в руках Керенскаго. Министры могли только давать ему совѣты, предупреждать(?). Миссію эту исполнял немножко Коновалов, лично тогда наиболѣе близкій Керенскому. Третьяков, особенно нервно настроенный, настаивал даже на том, чтобы ради нашего оправданія перед исторіей, было Керенскому подано письменное заявленіе, отражающее нашу тревогу и наши совѣты. Предложеніе это было принято — кому то даже поручено было составить записку, но оно не было приведено в исполненіе: некогда уже было». Послѣднія слова достаточно отчетливо вскрывают автора не подневной записки, а мемуариста, когда па-

*) В комиссії Полковников дѣлал доклад не один. Доклад дополняли, припомним, с.-д. Салтыков и с.-р. Роговскій. Самая характеристика носит слѣд нѣкоторой искусственности и уж очень она напоминает черты друго-го «революціоннаго генерала» Верховскаго, обрисованнаго пером того же Винавера. Нѣсколько по иному характеризует Полковникова присутствовавшій на засѣданіи Гессен. По его словам докладчик, «как угорь», скользил «среди настоячивыми вопросами, какія мѣры приняты против открыто подготавлиаемаго возстанія». Мемуарист ошибочно только относит засѣданіе на канун возстанія.

мять позднѣйшим наслоеніем прикрывает дѣйствительность. Все, что рассказывает Винавер, происходило за недѣлю до того, как событія обернулись для Правительства катастрофически. Времени было достаточно и для прямого воздѣйствія, а не только для историческаго меморандума.

Мемуаристы, как приходилось отмѣчать, почти всегда подчеркивают свою предусмотрительность, которая разбивалась о какія-то непредвидѣнные препятствія. Не только кадеты в предпарламентской комиссіи были обезкуражены. Кускова в полемикѣ с Гиппиус рассказывала, что в эти дни у себя на квартирѣ она собирала «всѣ группы Предпарламента и настаивала на официальном запросѣ главѣ Вр. Пр. Керенскому — что сдѣлано им в смыслѣ борьбы с большевиками? Такой вопрос был составлен, доведен до свѣдѣнія президіума Предпарламента, но не был поставлен на очередь его председателем. Почему — это исторія длинная». Таким образом самаго главнаго свидѣтельница, к сожалѣнію, не рассказала. Почему? Садуль в обвинительной рѣчи на Московском процессѣ соц.-революціонеров упомянул, между прочим, о своем свиданіи с Авксентьевым 24 октября. Председатель Совѣта Республики назначил ему новую встрѣчу на завтра у Керенскаго, «а когда я возразил: но на завтра назначено большевицкое возстаніе, он мнѣ презрительно отвѣчал со своей мягкой улыбкой: «всѣ необходимыя предупредительныя мѣры уже приняты». Может быть, и не совсѣм так отвѣчал Авксентьев, но общее настроеніе перед возстаніем передано тут вѣрно. Трагедія «25 октября» вырисовалась в общественном сознаніи только тогда, когда событія произошли, — и то далеко не сразу. Вѣроятно, только поэтому и инициатива Винавера и инициатива Кусковой не достигли своей цѣли.

В воспоминаніях Винавера еще раз на авансцену выдвигается личность министра председателя — в специфических свойствах характера Керенскаго как бы заложена была нерѣшительность политики Правительства. Набоков, со своей стороны, обрисовывает также нѣкоторыя его черты: «швидимому, Керенскій в эти дни находился в періодѣ упадка духа, подвинуть его на какія-нибудь энергичныя мѣры было совершенно невозможно». Основывается Набоков на показаніях все того же Коновалова, котораго «приводило в отчаяніе непостоянство Керенскаго, полная невозможность положиться на его слова, доступность его всякому влиянію и давленію извнѣ, иногда самому случайному». «Сплошь и рядом, чуть ли не каждый день так бывает», — рассказывал замѣститель председателя Совѣта министров. «Сговоришься обо всем, настоишь на тѣх или других мѣрах, добьешься, кажется, согласія... получишь категорическое завѣреніе... и через нѣсколько часов узнаешь о совершенно ином рѣшеніи, уже осуществленном, или в лучшем случаѣ о том, что неотложная мѣра... опять откладывается». И так, «изо дня в день настоящая сказка про бѣлаго бычка».

Возможно, что нѣкоторыя черты, отмѣченныя в приведенных строках, и характерны для лица, к которому онѣ относятся. Но

нас должны интересоваться больше реальными действиями, поскольку они сказывались в отношении большевиков. Здесь трудно указать какую-нибудь непоследовательность, ибо основным мотивом политики было выжидание. И совершенно уже неуловимы реальные очертания плана борьбы, который выдвигали те, кто понимал угрожающее положение и был обезпечен «военным положением» Петербурга.

По словам Изгоева, в Ц. К. партии народной свободы «большинство только пожимало плечами», когда Кишкин и Набоков передавали, что «все меры приняты», и что Керенский «ждет выступления большевиков, чтобы решительно с ними расправиться». Во всяком случае сэр Бьюкенен 23-го записал в свой дневник: «Все трое (завтракавшие у него министры — Терещенко, Коновалов и Третьяков), уверяли меня, что Правительство имеет за собой достаточно сил, чтобы справиться с положением... С английским послом министры бывали достаточно откровенны*).

Правительство не выступило против ВРК потому, что «никаких реальных последствий» за первые сутки, после объявления приказов 22 октября в войсках не наблюдалось. Так заявил Керенский в заседании Совета Республики. Можно было, конечно, не включать в число «реальных последствий» фактической захват арсенала Петропавловской крепости, организацию воинских частей для выступления, задержку вопреки правительственному распоряжению крейсера «Авроры», вооружение Смольного и т. д.

Наступил все же момент, когда действовать надо было. В ночь на 24-ое Правительство перешло к решительным действиям. Нет в нашем распоряжении каких-либо протокольных записей. И приходится ограничиваться лишь газетными сообщениями о том, к чему пришло ночное заседание Правительства. Решено было возбудить уголовное преследование против членов ВРК по обвинению их в распространении воззвания, призывающего к неповиновению власти; министр юстиции Малянтович предписал судебным властям начать расследование деятельности ВРК, направленной против законной власти. В срочном порядке через экстренного курьера соответствующее распоряжение было послано прокурору палаты. По сообщению «Новой Жизни», некоторыми министрами было еще раз внесено предложение об аресте ВРК, но против этого возражал министр юстиции, и вопрос об аресте временно был снят с очереди. Зато было решено закрыть большевистские газеты «Рабочий Путь» и «Рабочий и Солдат», призывавшие к бунту, и против авторов статей возбудить судебное преследование. Удар по большевикам постарались уравновесить — заодно закрыли и наиболее крикливые газеты другого политического лагеря: «Новую Русь» и «Живое Слово», виновные в том, по ха-

* Приблизительно аналогичное засвидетельствовал и американский посол Фрэнсис перед Следственной Комиссией Сената Соед. Шт. в 1919 г. Он утверждал, что накануне восстания мин. ин. д. Терещенко выражал ему уверенность, что ожидавшееся в ближайшую ночь выступление большевиков будет ликвидировано. Впрочем, по словам Фрэнсиса, Терещенко добавил: «Надюсь, что оно (восстание) произойдет — безразлично, сможем ли мы его подавить или нет. Меня истомила эта неизвестность».

рактистикѣ самого министра-предсѣдателя, что вели агитацію и пропаганду за немедленную смѣну Временнаго Правительства и замѣну существующаго образа правленія диктатурой. Призывъ к возстанію и агитація были подведены под однѣ и тѣ же статьи уголовного кодекса.

Закрѣть «буржуазныя» газеты было не трудно. Большая активность потребовалась для ликвидаціи повстанческих органов. Согласно распоряженію Правительства в 5 ч. 30 м. утра в типографію большевицких газет явился комиссар 3-го Рождественскаго района с отрядом юнкеров 2-й Ораніенбаумской школы, конфисковал 800 номеров уже готоваго «Рабочаго Пути», разбил стереотипы, закрыл и запечатал типографію. Центральный печатный орган возстанія безпечно никѣм не охранялся. Сдѣлав свое дѣло, комиссар с отрядом удалился. Вслѣд за ним пришла рота «добрестнаго Волынскаго полка» со своим комиссаром и распечатала типографію — никто, конечно, и не покушался на противодействие. Это придадо району, — свидѣтельствует Троцкій, — такую смѣлость, что сразу стало ясно, что дѣло уже окончено*).

Правительство начало мобилизовать свои силы, и Штабу былъ отдан приказ разработать подробный план подавленія мятежа. К сожалѣнію, мы его не знаем и никогда, вѣроятно, не узнаем. Очевидно, основная его черта сводилась к нѣкоторым мѣрам охраны, как то уже дѣлалось в тревожные дни 20 и 22 октября, когда молва приписывала большевикам намѣреніе вооруженнаго выступленія, и когда город по образцу февральскаго протопоповскаго плана¹ былъ раздѣлен на районы, причем охрана районовъ была поручена командирам и комитетам соответствующихъ полков (Московскаго, Гренадерскаго, Павловскаго и Финляндскаго). Заставы этихъ полковъ должны были, — как говорилъ приказъ 20-го — не допускать «вооруженной толпы мятежниковъ» в центральную часть города и «рѣшительно» разгонять ее, «не стѣсняясь примѣненіемъ оружія». Были вызваны к Зимнему Дворцу нѣкоторые юнкерскіе отряды, разставлены по городу немногочисленные пикеты и расположены воинскіе наряды в кое-какихъ правительственныхъ учрежденіях. Новшествомъ явилось разведеніе мостовъ черезъ Неву, соединявшихъ центръ с окраинами города. Но никакихъ мѣр для непрохожденія судовъ по Невѣ, какъ того боялись большевицкіе военспецы, никто не принялъ.

Совершенно очевидно, что «бумажную» дѣятельность Штаба к числу активныхъ дѣйствій отнести нельзя. Главнокомандующій предписывалъ отстранить всѣхъ комиссаровъ Совѣта «в виду ряда незаконныхъ дѣйствій» ихъ — «впредь до утвержденія ихъ правительственнымъ комиссаромъ» и «о всѣхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ произвести разслѣдованіе для преданія военному суду». Предписывалъ Главнокомандующій всѣмъ частямъ гарнизона оставаться в казармахъ до полученія приказовъ из Штаба и угрожалъ преданіемъ

*) Ночью 25-го была сдѣлана еще запоздалая попытка арестовать редакцію «Рабочаго Пути» и «Ленина», но отряд юнкеровъ во главѣ с какимъ то полковникомъ былъ захваченъ большевиками и препровожденъ в Петропавловскую крѣпость.

суду за вооруженный мятеж всѣм, кто выступит с оружіем на улицу. Был еще один пункт в этом приказѣ, имѣвшій роковое вліяніе на другой день: офицерам предписывалось оставаться в казармах в случаѣ самовольных вооруженных выступлений каких-либо частей. Всѣ эти приказы никого уже утратить не могли, а послѣднее объявленіе Полковникова приобрѣло даже впоследствии нѣсколько юмористическій характер. Штаб округа под страхом «взысканія по всей строгости закона» предлагал владѣльцам автомобилей «немедленно» доставить принадлежащія им машины (для «предотвращенія самочинных захватов») на Дворцовую площадь в распоряженіе Штаба. Ни одного автомобиля на Дворцовую площадь не было доставлено, и, мало того, даже в самом Штабѣ утром 25-го не оказалось нужных ему автомобилей.

Так приблизительно готовилось Правительство. В данном случаѣ «психоз слов», дѣйствительно, порождал «безволие». Но так или иначе Правительство активно выступило против ВРК. «Враги народа перешли ночью в наступленіе», — гласило отвѣтное воззваніе ВРК. «Замышляется предательскій удар против Петроградскаго Совѣта... Поход контр-революціонных заговорщиков направлен против Всероссійскаго Съѣзда Совѣтов наканунѣ его открытія, против Учредительнаго Собранія, против народа... ВРК руководит отпором натиску заговорщиков... Всѣм завоеваніям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революціи неизмѣримо превышают силы ея врагов... Заговорщики будут сокрушены. Никаких колебаній и сомнѣній. Твердость, стойкость, выдержка, рѣшительность. Да здравствует революція».

Призывом к «оборонѣ» можно было воздѣйствовать на нейтральныя и колеблющіяся воинскія части. Им прикрывалась и своя собственная неувѣренность. ВРК призывает к непрерывному бдѣнію всѣ войсковые комитеты с их совѣтскими комиссарами — быть «в полной боевой готовности» и ждать дальнѣйших распоряженій. ВРК так явно надѣется на какое-нибудь стихійное выступленіе для того, чтобы от обороны перейти к нападенію. В воинских частях гарнизона идет как бы перманентный митинг; из арсенала Петропавловской крѣпости, комендант которой арестован, уже открыто красная гвардія снабжается оружіем, и Правительство получает первое грозное предостереженіе в видѣ отказа батальона самокатчиков, прибывших в іюльскіе дни с фронта и считавшихся самыми надежными частями, нести дальнѣйшую караульную службу по охранѣ Зимняго Дворца*).

*) Характерно, что самокатчики в Петропавловской крѣпости наканунѣ отказались принять участіе в крѣпостном митингѣ. 24-го в циркѣ «Модерн» для них устраивался митинг, на котором выступила сама большевистская «примадонна» — Троцкій. Слабое противодѣйствіе оказывает ему эсерствующій ген.-квартирмейстер Штаба полк. Парадѣлов. Самокатчики склонились к нейтралитету. По свидѣтельству Подвойскаго, в средѣ самх самокатчиков доходило чуть не до «поножовщины». Утверженіе полк. Никитина, бывшаго ген.-квартирмейстера Петр. воен. округа, что именно самокатчики штурмовали потом Зимній Дворец, совершенно не соответствует дѣйствительности.

Но, быть может, еще большим знаменіем времени надо считать появленіе днем в ВРК делегаціи от городской Управы в составѣ 2 с. р., эн-эса (б. трудовика), меньшевика и 2 большевиков. О посѣщеніи этой делегаціи сообщил Троцкій в вечернем экстренном засѣданіи Совѣта, созванном с «информаціонной» цѣлью. Делегация городской Думы к подлежащему «аресту» Военно-Революціонному Комитету! Делегация «спросила нас, — говорил Троцкій по отчету «Извѣстій», — какія мѣры принимаются Петроградским Совѣтом для установленія в городѣ порядка, а также сообщила, что будто Временное Правительство собирается передать власть в руки Петроградской городской Думы. Мы отвѣтили, что Петр. Совѣт озабочен охраненіем безопасности жителей Петрограда и находит возможным согласовать свою работу с Петроградской городской Думой. Мы предложили также им одно мѣсто в ВРК. Нам задали вопрос: предполагается ли выступленіе. Я отвѣтил, что... вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы у порога Всер. Съезда Совѣтов... Но, если Правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить — 24, 48, 72 часа, и выступит против нас, то мы отвѣтим контр-наступленіем, ударом на удар, сталью на желѣзо». Это «оборона, товарищи, это оборона», — возгласил Троцкій под «бурные аплодисменты» собравшихся. Так передает в частном письмѣ нѣкто Жаров, присутствовавшій в качествѣ делегата от думской организаціи на 2-м съѣздѣ на засѣданіи фракціи большевиков, гдѣ Троцкій впервые рассказал о думской делегаціи. «Арест Временнаго Правительства, — подчеркивал Троцкій, — не стоит в порядкѣ дня, как самостоятельная задача». Власть может перейти мирно. Теперь все зависит от съѣзда. «Если размякнет, то революціонные полки вышли бы, а остальные заколебались бы. Единственное спасеніе — твердая политика съѣзда». «Завтра открывается съѣзд совѣтов», — заканчивал в изложеніи «Рабочаго Пути» Троцкій свою рѣчь. — «Задача гарнизона и пролетаріата предоставить в распоряженіе съѣзда накопленную силу, о которую бы разбилась правительственная провокація. Задача наша — донести эту силу до съѣзда нерасколотой, неушибленной*).

Ждать съѣзда — это риск. Съѣзд мог бы пойти и по другому пути. Ленин обратился с послѣдним убѣжденіем к партіи, непосредственно к руководителям районов, минуя центр: «Товарищи. Я пишу эти строчки вечером 24-го. Положеніе до нельзя критическое. Яснѣе яснаго, что теперь, уже шойстинѣ, промедленіе

*) В полном разногласіи со своей позднѣйшей схемой на другой день послѣ переворота на Съѣздѣ Совѣтов, отвѣчая на реплику, поданную с мѣста и указывавшую на противорѣчіе между политической формулой возстанія и его сущностью (переворот произведен до съѣзда), Троцкій говорил: «Если был Съѣзд оказался окруженным юнкерами, каким путем он мог бы взять власть в свои руки. Для того, чтобы эту задачу осуществить, нужна была партія, которая исторгла бы власть из рук контр-революціонеров и сказала бы вам: вот власть, и вы обязаны ее взять».

в возстаніи смерти подобно *). Из всѣх сил убѣждаю товарищей, что теперь все висит на волоскѣ, что на очереди стоят вопросы, которые не совѣщаніями рѣшаются, не съѣздами... а исключительно... борьбой вооруженных масс... Нельзя ждать... Можно потерять все... Кто должен взять власть? Это сейчас не важно: пусть возьмет ее ВРК или другое учрежденіе, которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа... Надо, чтобы всѣ районы, всѣ полки, всѣ силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегацию в ВРК, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случаѣ не оставлять власть в руках Керенскаго и компаніи до 25-го, никоим образом — рѣшать дѣло сегодня непременно вечером или ночью... Было бы гибелью и формальностью ждать колеблющагося голосованія 25 октября... Правительство колеблется. Надо добить его, во что бы то ни стало. Промедленіе в выступленіи смерти подобно».

Партиная «масса» не откликнулась на призыв «вождя». Во всей обильной большевицкой литературѣ о подготовкѣ октябрьскаго выступленія нѣтъ даже намек на какое-либо давленіе, оказанное на ВРК. И вновь вечером 24-го ВРК публикует во всеобщее свѣдѣніе: «вопреки всякаго рода слухам и толкам ВРК заявляет, что он существует не для того, чтобы подготовить и осуществить захват власти, но исключительно для защиты интересов Петроградскаго гарнизона и демократіи от контр-революціоннаго посягательства». Для чего нужен был этот фиговый листок в то время, когда ВРК уже лихорадочно готовился к выступленію, когда «революціонным силам» в Кронштадтѣ и Гельсингфорсѣ была послана условная телеграмма «присылай устав», призывающая выступить на поддержку возстанія, когда уже комиссары ВРК заняли телеграф, когда крейсер «Аврора», послѣ ареста офицеров, был подведен к Николаевскому мосту? Это была «военная хитрость» в момент начала «генеральнаго боя», — заявил впоследствии Троцкій. Он мог очень презрительно отзываться о «полувласти», которая «ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить мѣсто подлинной власти революціоннаго народа». Троцкій мог острить: «Товарищи, меня предупреждают, что в 12 часов может потухнуть электричество. У города нѣтъ угля. Так не подумайте, что это атакует нас Керенскій — это будет означать только, что Керенскій не в состояніи даже два лишних часа освѣщать Смольный институт» — но Троцкій просто боялся, что слабый враг все же «сдѣлает азартную попытку оживить собственный труп», начнет выступать, и что тогда карточные в сущности домики «обороны», которые публично Троцкій именовал «сталью», не выдержат оппозиціоннаго вѣтра. Фиговые листки должны были обмануть не Правительство. Они предназначались для «пролетаріата», которому надо было внушить вѣру в то, что Правитель-

* Скорѣе для курьеза отмѣтим, что в новѣйших совѣтских изданіях (напр. в «Дни великой пролетарской революціи» 1937 г.), это предупрежденіе приписывается, конечно, уже Сталину, который, вопреки истинѣ, изображается главным руководителем октябрьскаго возстанія. Ему же приписываются и непосредственныя дѣйствія Троцкаго.

ство пытается «вонзить нож в спину революціи». Одним «изложением діалектическо-матеріалистических взглядов на революцію» массы нельзя было убѣдить, как это удалось Троцкому, по его словам, в отношеніи странной делегаціи от городской управы, ставившей свои «неподражаемые» вопросы Троцкому и пробудившей в нем «чувство шобѣды». Показательно, что статья Зиновьева, появившаяся в день возстанія, т. е. 25-го, в «Рабочем Пути» отнюдь не носит характера «революціоннаго» призыва — она вся построена на принципѣ «оборона» — «они» перешли в наступленіе. Может быть, поэтому петербургскія газеты и «не замѣтили» возстанія и так разочаровали Троцкаго, когда он утром 25-го на них «набросился». «Мы еще не знаем, — писало в этот день, нашпримѣр, «Народное Слово», — насколько серьезно все происходящее. Большевицкіе барабаны бьют громко, но это еще не значит, что громкими должны быть их дѣла».

В «Днях» Ст. Иванович призывал всѣх сплотиться для подавленія очередной «авантюры» большевиков и по трафарету еще раз предупреждал о неизбѣжности, в случаѣ побѣды большевиков, контр-революціи, которая сметет всѣ демократіи. Но тут же газета успокаивала читателей утвержденіем, что «в большевицких кругах все больше склоняются к безкровному, постепенному захвату власти», так как совершенно очевидно, что гарнизон, как и в іюльскіе дни, будет инертен, а «красная» армія — «ничтожно мала».

2. «Историческая бесѣда». (Совѣт Республики).

В то время, как обѣ стороны мобилизовали свои силы, министр-предсѣдатель, согласно рѣшенію Правительства, явился за поддержкой в Совѣт Республики. Как видно было из приведенных уже цитат, рѣчь его имѣла в виду убѣдить больше всего лѣвых в необходимости поддержать Правительство в начавшейся борьбѣ с ВРК. Эти техническія соображенія побудили, очевидно, Керенскаго от имени коалиціоннаго правительства сдѣлать ряд заявлений, на которыя он едва-ли был уполномочен — о том, что Правительство «обсуждает в окончательной формѣ вопрос о передачѣ временно до Учредительнаго Собранія земель в распоряженіе и управленіе земельных комитетов»*) и что оно предполагает отправить на Парижскую конференцію свою делегацію, чтобы перед союзниками поставить вопрос «о необходимости рѣшительно и точно опредѣлить задачи и цѣли войны, т. е. вопрос о мирѣ».

*) Такой законопроект дѣйствительно был внесен мнн. земл. Масло-вым, и соц.-рев. печать повела широкую агитацію за него. Но ввнутри самого Правительства он вызывал возраженія, и Правительство, как сообщало «Дѣло Народа» (18 октября), рѣшило разсматривать этот законопроект, только как «сырой матеріал». Между тѣм осуществленіем подобной законодательной мѣры в значительной степени только санкціонировали бы фактически создавшееся положеніе вещей — ряд земельных комитетов самовольно уже издал соотвѣтствующія «обязательныя постановленія».

Далѣ глава Правительства занялся юридическою классификаціею того, что происходило в столицѣ: «Я долженъ установить... полное, ясное и опредѣленное состояніе извѣстной части населенія города Петрограда, какъ состояніе возстанія». «В дѣйствительности это есть попытка поднять чернь противъ существующаго порядка вещей, сорвать Учредительное Собраніе и раскрыть русскій фронтъ передъ сплоченными полками желѣзнаго кулака (Вильгельма)». «Временное Правительство, — с пафосомъ заканчивал Керенскій, — с полнымъ сознаниемъ отвѣтственности передъ государствомъ и будущимъ страны заявляетъ, что тѣ... группы и партіи, которыя осмѣлятся поднять руку на свободную волю русскаго народа... подлежатъ немедленной, рѣшительной и окончательной ликвидаціи. Пусть населеніе Петрограда знаетъ, что оно встрѣтитъ власть рѣшительную и, можетъ быть, в послѣдній часъ или минуту разум, совѣсть и честь побѣдятъ в сердцахъ тѣхъ, у кого они еще сохранились. Я прошу от имени страны — да проститъ меня Временный Совѣтъ Республики — я требую, чтобы сегодня же в этомъ дневномъ засѣданіи Временное Правительство получило отъ васъ отвѣтъ: можетъ ли оно исполнить свой долгъ с увѣренностью в поддержкѣ этого высокаго собранія».

Черезъ тридцать лѣтъ нѣсколько высокопарная, какъ то мало соотвѣтствовавшая обстановкѣ рѣчь министра-предсѣдателя, не производитъ должнаго впечатлѣнія. Повидимому, иное отраженіе в то время она нашла у части слушателей и за стѣнами Маринскаго Дворца.

Языкомъ власти заговорило Правительство, какъ будто бы, в сознаниіи своей силы, и моральной и физической. В послѣдній часъ Керенскій нашелъ в себѣ рѣшимость «сдержатъ обѣщаніе, во всеуслышаніе данное имъ Россіи в Московскомъ Большомъ театрѣ» и подавить «волну анархіи». Об этомъ «обѣщаніи» не разъ напоминалъ Плехановъ в «Единствѣ», недовольный тѣмъ, что в своей деклараціи 27 сентября Правительство вновь говорило о «контр-революціи» и ничего о большевикахъ. И, быть можетъ, в первый разъ с момента переворота, — писало на другой день нар.-соц. «Народное Слово», — власть нашла настоящіе слова, тѣ, какими должна была она заговорить давно»...

В теченіе четырехчасоваго перерыва в Совѣтѣ Республики происходили фракціонныя совѣщанія для выработки резолюціи. Лѣвые соц.-революціонеры, выразивъ недовѣріе къ Правительству, вышли изъ Предпарламента, и черезъ нѣсколько часовъ Троцкій с торжествомъ оглашалъ в Совѣтѣ этотъ фактъ и сообщалъ, что фракція лѣвыхъ эсеровъ посылаетъ официально своего представителя в ВРК: «в борьбѣ противъ общаго врага — контр-революціи, мы нашли друг друга». В Совѣтѣ Республики конкурировали двѣ формулы: одна, предложенная меньшевиками-интернаціоналистами и поддержанная просто меньшевиками и соц.-революціонерами, и другая, выдвинутая кооперативной группой и партіей народной свободы. Послѣдняя содержала в себѣ обѣщаніе поддержки Правительства, при чемъ казачья фракція обвиняла Правительство в бездѣйствіи и требовала обѣщанія, что на этотъ разъ послабленія боль-

шевикам не будут допущены. Формулировка «лѣвых» как бы косвенно выражала недовѣріе Правительству. Она гласила: 1. Подготавливающееся в послѣдніе дни вооруженное выступленіе, имѣющее цѣлью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятныя обстоятельства для погромнаго движенія и мобилизаціи черносотенных контр-революціонных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учред. Собр., новыя военныя катастрофы и гибель революціи в обстановкѣ паралича хозяйственной жизни и полного развала страны. 2. Почва для успѣха указанной агитаціи создана, помимо объективных условій войны и разрухи, промедленіем проведенія неотложных мѣр, и потому прежде всего необходим немедленный декрет о передачѣ земель в веденіе земельных комитетов и рѣшительное выступленіе по внѣшней политикѣ с предложеніем союзникам провозгласить условія мира и начать мирныя переговоры. 3. Для борьбы с активным проявленіем анархіи и погромнаго движенія необходимо немедленно принятіе мѣр их ликвидаціи и созданіе для этой цѣли в Петроградѣ Комитета Общественнаго Спасенія из представителей городского самоуправления и органов революціонной демократіи, дѣйствующей в контактѣ с Временным Правительством».

В формулѣ «лѣвых» о большевиках даже не упоминалось. При голосованіи в силу воздержанія нѣкоторых «умѣренных» социалистов (воздержаніе отчасти явилось результатом техническаго недоразумѣнія, — так утверждал Чайковскій Алданову) эта формула получила на 11 голосов больше*). В большевицкой публицистикѣ революція Предпарламента была названа «мобилизаціей черной стѣны». В дѣйствительности она отказывала Правительству в прямой поддержкѣ. Конечно, по существу рѣшеніе «эфемернаго», по выраженію Мартова, учрежденія, громко именовавшагося Совѣтом Республики, само по себѣ не могло оказать большого вліянія на исход борьбы на улицах столицы. Совѣтъ Республики — недавно возникшій еще совѣщательный орган при Временном Правительствѣ — не пользовался большой популярностью**). Могла имѣть значеніе только позиція ЦИК, сохранявшаго авторитет в широких массах. Руководителями были одни и тѣ же люди, но для массы важна была привычная этикетка. К Совѣту Республики с презрительной небрежностью относились даже его собственные творцы — «ублюдочное» учрежденіе, возникшее из неудачнаго Демократическаго Совѣщанія. Так охарактеризовал его Дан. По мысли инициаторов из ЦИК, как мы знаем, Демократическое Совѣщаніе связывалось с идеей однородной власти. Сплоченія не произошло, и в результатѣ получился какой-то «коалиціонный недоносок», к политикѣ котораго лидеры

*) Как отмѣчало тогда «Народное Слово» часть так называемых правых с.-р. по формальным основаніям голосовала за рѣшеніе своей партійной фракціи.

***) Потресов в «Днѣ» персонажу російскаго Предпарламента обезпечивал в исторіи «безсмертіе комизма»; Гиппиус в дневникѣ называла его «водевилем для развѣзда» и т. д.

главенствующих социалистических партий зачастую относились «прямо враждебно» *).

В своих воспоминаниях Дан поясняет, что в сложившейся конъюнктуре на другую резолюцию со стороны «лѣвых» Керенский и рассчитывать не мог. «Для нас было аксіомой, — поясняет мемуарист, — что пытаться бороться с большевиками чисто военными силами было иельпо... просто в силу того, факта, что таких средств в это время у Правительства не было и быть не могло. Для нас было аксіомой, что если еще можно было противопоставить что-либо большевикам с надеждой на успѣх, то только определенную политику, которая собрала бы вокруг Правительства недостающія ему силы и позволила бы ему с их помощью противодѣйствовать большевикам». И, слушая Керенского в Предпарламентѣ, Дан испытывал лишь чувство грусти — было «грустно и в виду общаго политическаго положенія, грустно и лично за Керенскаго, который при всѣх своих благих намѣреніях и искренней преданности дѣлу свободы, так очевидно с закрытыми глазами катился в пропасть».

«Желая самым рѣшительным образом бороться с большевиками, — отвѣчал Дан от имени демократіи Керенскому в засѣданіи Совѣта Республики, — мы не желаем в то же время быть в руках той контр-революціи, которая на подавленіи этого возстанія хочет сыграть свою игру... Мы, меньшевики, не хотим кризиса власти, мы готовы до послѣдней капли крови защищать Вр. Правительство, но пусть оно даст возможность демократіи сплотиться вокруг него, пусть оно скажет ясно и определенно то свое слово по большим вопросам момента, котораго с нетерпѣніем ждет весь народ».

Нельзя отказать в логичности построенію Дана и не признать его прозорливаго, по крайней мѣрѣ в воспоминаніях, предвидѣнія того, что произошло. Нам не суждено знать, что было-бы, если бы план Дана получил практическое осуществленіе: рассосалось ли бы возстаніе, если у большевицких демагогов была бы выбита почва из под ног? шривел ли бы этот план к образованію таких демократических сил, которыя вывели бы страну из тупика? не способствовала ли бы политика Дана скорѣйшей концентраціи третьей силы — силы реакціи, опиравшейся уже на тѣ элементы, которых, быть может, по разному боялись и Дан и Керенский? Возможны были и другіе болѣе печальные итоги в обстановкѣ, осложнявшей положеніе войны — бронированный кулак прусскаго милитаризма. И оцѣнка политиком, и оцѣнка историком того, что могло быть, будут одинаково произвольны и субъективны. Марксистская идеологія склонна вообще устанавливать непреложныя дилеммы. Для Ленина уже 16 октября было ясно, что впереди «либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетаріата». Для Троцкаго столь же очевидно было, что «нельзя искусственно направлять историческое развитіе по мирному пути» в то

*) Мертворожденным дѣтищем» впоследствии на ноябрьской партійной конференціи называл эту коалицію Чернов.

время, когда становится неизбежной гражданская война*). Если вбрызнуть Садулю, излагавшему в письмѣ къ Тома свою бесѣду с Плехановым за недѣлю до большевицкаго возстанія, то и в глазах родоначальника русской социал-демократіи вырисовывалась такая же перспектива, но только выводы получались иные: возстаніе большевиков неизбежно, его надо подавить, пусть придет диктатор — это будет «реакція, необходимая и неизбежная». Одно, как будто, очевидно. Искать равнодѣйствующую и необходимо и законно (и в этом отношеніи основная позиція Керенскаго в дни революціи была, как будто, единственно правильная — он назвал ее на московском Госуд. Совѣщаніи «средней» линіей), но когда бьет двѣнадцатый час, надо забыть, что «нѣкто в сѣром» может гдѣ-то стоять за спиной. Реальная политика в этот момент не может быть балансирующей — неопредѣленность губит дѣло.

Послѣднее понимал Даи. «У меня возникла мысль, — пишет он, — отправиться немедленно на засѣданіе Временнаго Правительства и потребовать от него от имени большинства Совѣта Республики немедленнаго опечатанія и расклейки той же ночью по всему городу афиш с заявленіем, что Временное Правительство: 1) обратилось к союзным державам с требованіем немедленно предложить всѣм воюющим странам пріостановить военныя дѣйствія и начать переговоры о всеобщем мирѣ; 2) распорядилось по телеграфу о передачѣ всѣх помѣщичьих земель, впредь до окончательнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, в вѣдѣніе земельных комитетов; 3) рѣшило ускорить созыв Учр. Собранія, назначив его — не помню уже точно, на какое число. Год, которому я сообщил свою мысль, охотно ухватился за нее. Мы рѣшили, что к нам двоим надо присоединить председателя Совѣта Республики... Авксентьев всячески отнѣкивался: он по существу не раздѣлял точки зрѣнія, выраженной в резолюціи... Только уступая нашим настояніям... он нехотя отправился с нами». Так создалась «делегація» в Зимній Дворец.

Резолюція Совѣта Республики явилась для Керенскаго неожиданностью и крайне его взволновала. Керенскаго, как всегда, гипнотизировала внѣшность — та внѣшность, которую он хотѣлъ видѣть. «В минуту этого всеобщаго національнаго взрыва — так характеризует он в воспоминаніях создавшуюся на засѣданіи атмосферу — только нѣкоторые вожди партій и группировок, тѣсно связанных с двумя крайними флангами русской общественности, не могли преодолѣть в себѣ жгучей ненависти к правительству мартовской революціи: они продолжали сидѣть, когда все собраніе поднималось, как один человек(?)». Эти «непримиримые» были Маргов, Милюков и два-три «корниловских казака**»). «Увѣ-

*) Это не мѣшало, однако, Троцкому в сентябрѣ говорить, что гражданская война навязывается «властью».

***) Газетный отчет («Власти Народ») нѣсколько по иному передает этот инцидент. В серединѣ рѣчи Керенскаго при словах: «Временное Правительство и я в том числѣ в особенности предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим» — всѣ встают с мѣста, кромѣ крайних лѣвых. Бурные аплодисмен-

ренный в том, что представители нации до конца сознают всю исключительную тяжесть и ответственность положения, я... вернулся к прерванной срочной работѣ, увѣренный, что не пройдет и полутора часов, как получу сообщеніе о всѣх рѣшеніях и дѣловых начинаніях Совѣта Республики на пользу Правительству».

Произошло нѣчто другое, и Керенскій много горьких истин высказывает по адресу близорукости антибольшевицкой демократіи, которая «вмѣсто того, чтобы спѣшно организовать свои силы», теряла столько времени «на безконечные и бесполезные ссоры и споры». Керенскій забывает только сказать, что и он сам до послѣдняго момента не видѣл трагичности нарастающих событий.

«Историческую бесѣду», которая произошла в Зимнем Дворцѣ между главой Правительства и «делегатіей» социалистических групп, собесѣдники изображают по разному. По словам Керенскаго, выслушав текст принятой резолюціи и отвѣтив на нее «взволнованной филиппикой», он заявил, что «завтра же утром Правительство подаст в отставку». «Я не помню, — рассказывает Дан, — чтобы А. Ф. Керенскій говорил, что... подаст в отставку, но из дальнѣйшаго хода бесѣды видно во всяком случаѣ, что эти слова не были для него твердым политическим выводом из создававшегося положенія, а максимум — крайним выраженіем возмущенія и взволнованности*»). «Мы с Гоцом, — продолжает Дан, — дѣйствительно говорили о заблужденіи, в которое вводит Керенскаго «реакціонный штаб». Но говорилъ это в том смыслѣ, что Штаб обманывает Правительство, а, может быть, обманывается и сам, увѣряя, будто у него имѣются какія-то вѣрныя части, достаточныя для того, чтобы в открытом бою побѣдить большевиков... Говорили мы и о полезности резолюціи Совѣта Республики и переломѣ настроенія в массах, но говорили.. в том (смыслѣ), что принятіе и выполненіе Правительством нашего предложенія вызовет в настроеніях масс перелом, и что в этом случаѣ можно будет надѣяться на быстрое паденіе вліянія большевицкой пропаганды... Говорили мы и (о том), что масса большевиков не хочет и боится возстанія, что поэтому принятіе нашего предложенія может и среди большевиков усилить теченіе в пользу ликвидаціи возстанія». «Разговор наш продолжался не особенно долго**»),

ты переходят в овацію. Аджемов (представитель партіи к. д.) кричит: «Дайте фотографію, что они сидѣли». Шум и голоса слѣва. Предсѣдатель призывает Аджемова к порядку.

*) По словам Станкевича резолюцію Совѣта сообщил Керенскому он, Станкевич. Керенскій тогда же заявил, что «при таких условіях он минуты не останется во главѣ Правительства». Станкевич «горячо» поддержал это рѣшеніе и «вызвал по телефону Авксентьева и других лидеров партіи». «Рѣшеніе Керенскаго их страшно изумило, так как они считали резолюцію чисто теоретической и случайной». По разсказу этого мемуариста «угоуариванія и убѣжденія» Керенскаго «продолжались всю ночь». К утру Керенскій согласился остаться у власти. Мы увидим, что ночь во всяком случаѣ прошла совсѣм по иному.

***) Авксентьев в теченіе всей бесѣды в разговор почти не вмѣшивался и, если подавал реплики, то «преимущественно с цѣлью ослабить рѣзкость постановки вопросов и поддержать Керенскаго.

Керенскій с крайним раздраженіем и высокомеріем заявил под конец, что Правительство в наставленіях и указаніях не нуждается, что теперь время не разговаривать, а дѣйствовать... Мы потребовали, чтобы Керенскій доложил засѣдавшему еще Правительству о... нашем желаніи быть допущенными на засѣданіе и выслушанными... Через нѣсколько минут он вернулся и сухо заявил, что Правительство считается с нашим отказом ему в безусловном одобрѣніи, что... будет дѣйствовать само и само справится с возстаніем».

Я сознательно отдал предпочтеніе версіи Дана, так как Керенскій в своем разсказѣ слишком уже стилизует «историческую бесѣду» в соответствии с позднѣйшим своим настроеніем. Но и к тексту Дана слѣдует сдѣлать одну очень существенную оговорку. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при оцѣнкѣ потенциальной силы большевиков скорѣе говорит мемуарист, чѣм современник — здѣсь болѣе прав Керенскій, который приписывает «делегаціи» попытку убѣдить его в том, что он преувеличивает большевицкую опасность. Достаточно сдѣлать одно прямое сопоставленіе. В тот же вечер, или вѣрнѣе уже ночью, Дан еще раз выступает в экстренном соединенном засѣданіи ЦИК и И. К. Сов. Кр. Д. Присутствуют и большевики, покинувшіе собраніе к моменту принятія резолюціи; присутствуют и делегаты будущаго съѣзда. Вот как «Хроника» регистрирует выступленіе докладчика, которым является все тот же Дан: «вооруженныя столкновенія... означают не торжество революціи, а торжество контр-революціи, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но и всѣ социалистическія партіи... Никогда контр-революція не была так сильна, как в данный момент. Большинство масс... индифферентно относится к политическим вопросам... На фабриках, заводах и в казармах гораздо болѣе значительным успѣхом пользуется черносотенная печать... чѣм социалистическая... власть, организованная большевиками, будет свергнута немедленно же широким недовольством масс»*).

Разставаясь с Керенским, «делегація» Совѣта Республики заявила ему, что «своим образом дѣйствій» Правительство лишает социалистическую демократію «возможности солидаризироваться с ним и оказывать ему дѣйствительную поддержку». Правительство могло бы попытаться опереться на тѣ группы, которыя поддерживали его в Совѣтѣ Республики. Но Керенскій-политик лично

*) Это отнюдь не была индивидуальная точка зрѣнія. Припомним, как за мѣсяц до октябрьских дней другой представитель меньшевизма Скобелев мотивировал на Демократическом Совѣщаніи необходимость привлеченія «промышленной буржуазіи» в состав коалиционной власти: «Кончился не только медовый мѣсяц революціи, романтики, порыва революціонной демократіи, но, повидимому, заканчивается и второй фазис творческаго порыва молодой демократіи в области разрѣшенія фактических задач. И страна с 80% неграмотного населенія и ея революція вступают в полосу мѣщанства — самый тяжелый и самый гнусный період революціи». Скобелев предсказывал, что широкія массы «проклянут» и «окурат... ненавистью» всякую власть, которая «не способна дать на другой день хлѣба и мира» — будь то власть «однородных социалистов, а, может быть, и товарищей большевиков».

не был способен на такой шаг. Керенский-мемуарист не мало говорит о вредѣ «навязчивой идеи грядущей контр-революціи справа», которая парализовала «верхи революціонныхъ круговъ» и сводила на нѣтъ всѣ попытки предотвратить крахъ. Но призраки диктатуры, которая ликвидируетъ «завоеванія революціи», также цѣлко владѣли в то время и сознаниемъ Керенскаго. С какимъ упорствомъ в воспоминаніяхъ онъ отстаиваетъ схему борьбы «сразу на два фронта» в дни октябрьскаго переворота! — для Керенскаго это «последній актъ борьбы Революціоннаго Временнаго Правительства с большевиками справа и слѣва». «И никто никогда, — говоритъ онъ, — не будетъ в состояніи опровергнуть ту несомнѣнную связь, которая существовала между большевицкимъ возстаніемъ и усиленіемъ реакціи свергнуть Временное Правительство». Это тоже «навязчивая идея» *).

Неизвѣстно, было ли оказано давленіе со стороны другихъ членовъ Правительства на министра-предсѣдателя в цѣляхъ подвести какую-нибудь политическую базу в послѣдній моментъ для успѣха «чисто военной борьбы с большевиками». В появившихся до сихъ поръ отрывочныхъ воспоминаніяхъ эпизодъ с резолюціей Совѣта Республіки никакъ не отразился. В итогѣ получилась шолная изоляція Временнаго Правительства — конфликтъ с большевиками превращался даже в какое-то личное «дѣло Керенскаго». Такъ смотрѣли не только офицеры, явившіеся к Савинкову утромъ 25-го с заявленіемъ от имени неопредѣленной группы, что они не будутъ защищать Временное Правительство, потому что не желаютъ бороться за Керенскаго **), с другой точки зрѣнія, но с аналогичной аргументаціей подходилъ к этому вопросу и правительственный комиссаръ Сѣвернаго фронта с. р. Войтинскій, с настойчивостью допрашивавшій по прямому проводу зам. начальника политическаго управленія военнаго министерства Толстого: борьба с большевиками это дѣло Керенскаго и окружающей его группы смѣлыхъ людей или это дѣло всей демократіи?

«Дѣло Керенскаго» было заранѣе почти обречено на неудачу, ибо никакихъ реальныхъ силъ за нимъ не стояло. Нельзя же в серьезъ принять позднѣйшія заявленія Керенскаго, что позиція социалистической демократіи наканунѣ возстанія привела к тому, что демократическія партійныя силы во-время не были мобилизованы. В серьезъ этого принять нельзя не только потому, что наивно было бы и думать о возможности противопоставить партійныя боевыя силы вооруженному натиску большевиковъ, но и потому, что никакихъ такихъ силъ в сущности и не было.

*) Бьюкененъ такъ характеризовалъ итогъ политики Керенскаго: «Онъ асегда готовился нанести ударъ, но не наносилъ; онъ больше думалъ о спасеніи революціи, чѣмъ о спасеніи страны, и кончилъ тѣмъ, что погубилъ обѣ».

***) Я не думаю, конечно, отрицать наличность такой психологіи в военной средѣ. Напр., ген. Ниссельъ рассказываетъ, что на сѣверномъ фронтѣ в 1-ой арміи ему послѣ переворота нѣкоторые офицеры говорили, что надо допустить господство Ленина на нѣсколько дней для того, чтобы обнаружить безсиліе большевиковъ заключить миръ и избавиться отъ Керенскаго. Я отрицаю только за этой индивидуальной психологіей характеръ организованности, на которой настаиваетъ Керенскій и которую относитъ к пред-октябрьскимъ днямъ.

3. Мобилизація сил.

Так или иначе в данный момент реально стоял только один вопрос — дать отпор наступающим большевикам. Естественно, казалось бы, возглавить военное командование в эти рѣшительные часы авторитетным начальником. Быть может, психологически это было и трудно послѣ корниловскаго «мятежа», но не невозможно. «По праву», — замѣчает Алданов, — руководство «должно» было бы отойти к ген. Алексѣеву. Но «старый генерал, привыкшій к другой войнѣ... считал дѣло совершенно безнадежным». Дѣло однако в том, что ген. Алексѣева никто и не приглашал. Только в «Исторіи» Милюкова нашел я указаніе на то, что Алексѣев был приглашен в Штаб на послѣднее(?) совѣщаніе, происходившее уже послѣ отъѣзда из Петербурга Керенскаго. Думаю, что это — легенда, создавшаяся на почвѣ печально окончившейся истерической вылазки ударниц женскаго батальона из осажденнаго уже Зимняго Дворца 25 октября в Штаб для освобожденія захваченнаго там яко-бы большевиками ген. Алексѣева. Я говорю «истерической» потому, что комендант дворца тщетно убѣждал ударниц, что Алексѣева не было в Штабѣ. Возможно, конечно, что ген. Алексѣев и появлялся на Дворцовой площади, как то рассказывает, правда, с чужих слов Деникин ...«видѣли его спокойно проходившаго от Исакія к Зимнему Дворцу сквозь цѣпи войск революціоннаго комитета и с негодованіем обрушившагося на какого-то руководителя дворцовой обороны за то, что воззванія приглашают офицеров к Зимнему Дворцу исполнить свой долг, а между тѣм для них не приготовлено ничего — ни оружія, ни патронов».

Все это возможно, но маловероятно. В такіе дни хронологія быстро смѣняющихся событій опредѣляет достовѣрность разказа. К какому моменту относится эта записка?*) Нало сказать, что и воззваній, приглашавших офицеров к Зимнему Дворцу, не было — ни одного. Имѣлся, напротив, приказ — оставаться в своих частях. Как будто бы неоспоримо, что при извѣстной организаціи и инициативѣ из аморфнаго в общем гарнизона можно было составить хорошій сводный отряд, если не в качествѣ боевой силы, то, по крайней мѣрѣ, надежнаго резерва. Приказ Полковникова, естественный в момент, когда ставка дѣлалась на гарнизон, парализовал приток боевых сил послѣ того, как ставка эта была бита. Самотекком почти невозможно организовать боевую силу. Нужна какая-то инициатива из центра. Запоздалый призыв был бы только паліативом, но и такого призыва в послѣдній момент со стороны Правительства не послѣдовало. Если бы во главѣ защиты Правительства стоял ген. Алексѣев, то его имя само по себѣ могло бы привлечь не мало боевых единиц. В бурцевском «Общем Дѣлѣ» в свое время приводилась показательная бесѣда Алексѣева с Терещенко, имѣвшая мѣсто в день инцидента с выступленіем Верхов-

*) По утверженію Смирнова, Коновалов «незадолго до ареста» звонил по телефону Алексѣеву, желая аяснить, «не мог ли Алексѣев своим авторитетом воздѣйствовать на казаков».

скаго в Предпарламентѣ, и Кульман, как непосредственный свидѣтель, подтверждал в 21 году «совершенную точность» разговора. «Скажите Правительству, — говорил Алексѣев, — что в Петроградѣ сейчас находится не меньше 15 тысяч офицеров. Если мнѣ разрѣшат, то завтра же уже 5.000 из них под моей командой будут охранять Временное Правительство». О том же позднѣе в «Возрожденіи» свидѣтельствовал и Струве: Алексѣев «рвался в бой и если бы... Вр. Прав. обратилось к нему, он организовал бы сопротивление и принял бы на себя руководство боем. Но никто из тѣх, в руках которых была еще какая-то возможность и средства борьбы, к нему не обратились». Что таково было подлинное настроеніе Алексѣева, сомнѣваться не приходится: еще в критическіе июльскіе дни вынужденный к бездѣйствию Алексѣев сам себя предлагал вновь Правительству и писал Львову: «не могу мириться с умираніем родины». Не один только Суханов в социалистической средѣ считал, что нельзя с ген. Алексѣевым «отражать грудью натиск большевиков».

Что же получилось в дѣйствительности с рядовым офицерством в день 25 октября? По собственной инициативѣ едва ли многіе могли явиться при отсутствіи пафоса борьбы за Временное Правительство*). Полк. Коренев, близкій к Зимнему Дворцу по своей работѣ в Чрез. Слѣд. Комиссіи (Вр. Пр. (муравьевской), говорит, что к нему в теченіе этих дней обращались и отдѣльные офицеры и цѣлыя группы из числа прибывших с фронта с выраженіем готовности по первому требованію выступить против большевиков. Их надо было только призвать и организовать. Коренев утверждает, что пытался через кн. Туманова (пом. воен. мин.) снестись с командующим войсками и побудить Штаб собрать в боевые единицы находившихся в Петербургѣ офицеров. Но получался стереотипный отвѣт, что всѣ предохранительныя против безпорядков мѣры приняты, что опасности никакой нѣтъ, и что Керенскій де приказал не муссировать пустых слухов и не повышать и без того уже безпокойное настроеніе. Может быть, и не совсѣм так было дѣло, как излагает мемуарист. Но в итогѣ наполнявшіе гостиницы и общежитія фронтовые офицеры все же продолжали беспомощно толкаться, не зная, «куда им приткнуться», или, безнадежно махнув рукой, скрывались в своих номерах. Нѣчто аналогичное вышло и с офицерами мѣстнаго гарнизона: одни, как «сонныя мухи», по выразнію Троцкаго, бродили в казармах, выполняя точно приказ Штаба; другіе отсиживались дома — кто добровольно, кто под «домашним арестом». Вот бытовой штрих, зафиксированный донесеніем комиссара ВРК гвард. зап. сапернаго баталіона. Получив распоряженіе привести часть в «боевую готовность», комиссар 24-го собрал баталіонный комитет. Почти всѣ офицеры во главѣ с командиром баталіона отвѣтили, что ввиду предписанія Штаба они «не могут подчиниться» ВРК, но «мѣшать» не будут. Согласились пойти с большевиками лишь двое.

* По мнѣнію ген. Симанскаго, большинство «не видѣло особо рѣзкой разницы между послѣдними двумя-тремя мѣсяцами «керенщины» и надвигающимся господством большевиков».

Рѣшено было не подчинившихся подвергнуть домашнему аресту «каждаго на его квартирѣ» с отобраніем подписки, что он «никуда не будет отлучаться до распоряженія». Были, наконец, и такіе, которые, устроив себѣ спокойный «бест» при нейтральных полках, добровольно самоарестовались. Жуткую картину какого то пира во время чумы рисует в своих незаурядных воспоминаніях пор. Синегуб, один из защитников Зимняго Дворца, волею судеб ночью на 26-ое попавшій в такое «убѣжище» офицеров Генеральнаго Штаба в Павловском полку. Офицеры с аксельбантами, дамы в огромнѣйших шляпах, цвѣты, конфеты, бутылки, пробѣгающіе вѣстовые с подносами, сияющія тѣла, солдат, насилующій около уборной голую женщину под дикій гогот товарищей... Нѣтъ, надо прочесть непосредственно рассказ Синегуба для того, чтобы запечатлѣть обстановку этого своеобразнаго «офицерскаго собранія»...

Не имѣя возможности вывести ни одной организованной солдатской части на защиту Правительства (да и были ли произведены такія попытки?), Штаб имѣл и возможность и время подготовить — по крайней мѣрѣ юнкеров в военных училищах. Тот факт, что 25 октября на Дворцовой площади оказалось так мало юнкеров, сам за себя говорит. Их было бы еще меньше, если бы все-таки самотеком не шли одиночки и группы.

Вновь воспоминанія Синегуба, бывшаго адъютанта школы прапорщиков инженерных войск, служат яркой иллюстраціей. Ночная телеграмма из Штаба с предписаніем выступить 25-го к Зимнему Дворцу для школы оказалась почти неожиданностью. Пулеметы не были приведены в порядок; офицер, завѣдующій оружіем, уже два дня не посвялялся в школѣ. Совѣту школы перед самым выступленіем предстояло еще выяснитъ вопрос об отношеніи юнкеров к «текущему моменту» и к Временному Правительству. Начался митинг с рѣчами и резолюціями. Школа оказалась на высотѣ. Из 800 человекъ только трое остались. Юнкера, как боевая единица, прибыли к Зимнему Дворцу — огромная площадь была пуста: «легкая блѣдность лиц, недоумѣнные растерянно ищущіе взгляды краснорѣчивѣе слов рассказывали о том, что родилось в душах» — «ожидали встрѣтить иную обстановку»...

Пом. нач. штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген. Дитерихс, разговаривая днем 25-го из Ставки с Петербургом по прямому проводу, недоумѣвал: «почему столь ничтожны силы Правительства» — эти силы, согласно данным, сообщенным ему Комиссаром Верх. Ставки, «двѣ с половиной школы юнкеров, батарея Михайловскаго училища и два броневика*). «Сегодня от комиссара казачьих войск, — утверждает Дитерихс, — я получил увѣреніе полной лояльности I Донскаго казачьяго полка, отчасти 14-го, и лишь 4-й Донской не внушает довѣрія. Что дѣлает Константиновское училище, Николаевское кавалерійское? Вѣроятно, найдутся еще. Так что я думаю, что силы достаточно можно найти, необходимо лишь надлежащим образом организовать это дѣло, а тут

*) Большевики исчислили возможные силы юнкеров в 4-5 тысяч.

начнут подходить войска с фронта». Совершенно очевидно, что юнкерскія училища в «боевую готовность» заранее не были приведены. Этим и объясняется удивленіе Савинкова, утром 25-го замѣтившаго на Невском проспектѣ по обыкновению много юнкеров: «Я сдѣлал заключеніе, юнкерам не было отдано приказаніе оставаться в казармах, и что, значит, их нельзя будет собрать в случаѣ нападенія большевиков на Зимній Дворец». Тот факт, что через 4 дня в новой вооруженной вспышкѣ принимали активное участіе как раз тѣ училища (Владимірское, Павловское, Николаевское), которыя отсутствовали при защитѣ Зимняго Дворца, как будто бы доказывает полную дезорганизованность в оборонѣ Правительства*).

Утвержденіе иностраннаго наблюдателя — ген. Нисселя (сам он был в день переворота внѣ Петербурга), что нѣкоторыя из школ прапорщиков в окрестностях города не подчинились приказу Правительства о выступленіи и объявили себя нейтральными, не соотвѣтствует дѣйствительности: именно дезорганизованностью объясняется то, что 25-го один из матросских отрядов, двигавшійся из Кронштадта, «без боя» захватил школы в Ораніенбаумѣ, Петергофѣ и в Красном Селѣ (воспоминанія Бреслава). Как раз юнкера 2-й петергофской и 2-й ораніенбаумской школы, прибывшіе первыми в столицу, по свидѣтельству Пальчинскаго, входили в основной контингент защитников Зимняго Дворца.

Были еще казаки — единственная часть петербургскаго гарнизона, присягнувшая Временному Правительству. На них больше всего возлагали надежды в смутные дни, но они, пожалуй, были наиболѣе насторожены лично в отношеніи к главѣ Правительства, и поэтому с такой экспрессіей казачья фракція в Совѣтѣ Республики дѣлала оговорки, которыми сопровождалось выраженіе довѣрія Правительству. Незадолго до рѣшительнаго засѣданія Предпарламента, 17 октября, Керенскаго посетили делегаты Донскаго казачьяго Войскового Круга в цѣлях выяснить взаимныя отношенія (еще раньше, 3 октября, они обращались к Коновалову). Делегация, отмѣчая недовѣріе казаков к Правительству, идущему на поводу у совѣтов, требовала, чтобы Правительство возстановило атамана Каледина в правах командующаго войсками и открыто признало свою ошибку шерод Доном. Керенскій обѣщал в ближайшіе дни сдѣлать официальное заявленіе о ликвидаціи эпизода с Калединым, признавая его печальным недоразумѣніем. К сожалѣнію, такого официального разъясненія своевременно не послѣдовало**). Недовольство усилил и мѣстный инцидент. По предложенію командующаго войсками был отмѣнен назначенный на 22 октября казачій крестный ход, но не отмѣнен был «День Петроградскаго Совѣта», т. е. пробольшевицкая демонстрація. ВРК поспѣшил объявить, что казачья демонстрація отмѣнена по его требованію. Так демонстрировалась еще раз зависимость Правитель-

*) Павловское училище большевиками считалось, напримѣр, «первым по своей контр-революціонности». Николаевское Кавалерійское училище, по словам Половцова, было самым «надежным резервом Правительства».

**) Лишь 23-го Чрез. Слѣд. Комиссія вынесла постановленіе о непричастности ген. Каледина к корниловскому «мятежу».

ства от совѣтов. Враждебная настороженность усиливалась пропагандой, которая захватывала, как видно даже из указаній Ставки, казаков, входивших в состав Петербургскаго гарнизона, — отдѣльные делегаты 4-го и 14-го полков выступали уже с соответствующими заявленіями на собраніях в Смольном.

Казакѣ относились в общем пассивно к приближающимся событіям. Критическій момент наступил ночью 24—25 октября. Несмотря на повторныя требованія Штаба, казаки «коней своих не сѣдали». В полночь, — рассказывает Керенскій, — послѣ окончанія «исторической бесѣды» с Даном, в Зимній Дворецъ прибыла делегация от казачьих полков, состоящая из 2—3 офицеров и стольких же простых казаков. Делегация сообщила, что «казачьи полки только в том случаѣ будут защищать Правительство», если лично от Керенскаго получат завѣренія в том, что «на этот раз казачья кровь не прольется даром, как это было в іюль, когда «не были приняты против большевиков достаточно энергичныя мѣры». Делегаты «особенно настаивали на том, что казаки пойдут драться только по особому личному моему приказу». Послѣ разъясненій, данных Керенским, делегаты «категорически» заявили, что «всѣ их полки... исполнят свой долг»^{*)}. Верховный Главнокомандующій тут же подписал приказ: «в этот момент, в первом часу ночи на 25 октября, у меня не было ни малѣйших сомнѣній в том, что эти три Донских казачьих полка не нарушат своей присяги, и я немедленно послал одного из моих адъютантов в Штаб сообщить, что он может вполне разсчитывать на казаков». «Я еще раз жестоко ошибся», — пишет Керенскій. — «Я не зналъ, что пока я разговаривал с делегатами от полков, Совѣтъ каз. войск, засѣдавшій всю эту ночь, рѣшительно высказался за невмѣшательство казаков в борьбу Вр. Прав. с возставшими большевиками».

Это было, по мнѣнію Керенскаго, осуществленіе «стратегическаго плана» свергнуть Правительство руками большевиков. Вывод нѣсколько поспѣшный. Совершенно очевидно, что делегация казаков явилась в Зимній Дворецъ с информацией цѣлью, и что только импульсивность Верховнаго Главнокомандующаго сдѣлала преждевременные выводы. Делегация не могла получить в тогданней обстановкѣ Зим. Дворца хорошее представленіе о силах, которыми располагает Правительство для подавленія мятежа; вѣроятно, ея информация в ночном засѣданіи Совѣта Каз. Войск с колебавшимися представителями полков перетянула вѣсы в сторону «нейтралитета» (так и передает Савинков). К тому же формулировка приказа, посланнаго за подписью нач. штаба Баграмуни и комиссара ЦИК Малевскаго, едва ли могла произвести должное впечатленіе на руководителей Совѣта Каз. Войск. «Во имя свободы, чести и славы родной земли» Верховный Главнокомандующій призывал 1, 4 и 14 казачьи полки выступить для поддержки «ЦИК Совѣтов, революціонной демократіи, Временнаго Правительства и для спасенія гибнущей Россіи».

Опубликовавшій воспоминанія о той же эпохѣ и. д. Предсѣ-

^{*)} «De la façon la plus formelle» — повторяет Керенскій в статьѣ напечатанной в «Candidé» 28 октября 1927 г.

дателя Совѣта Каз. Войск Греков нѣсколько по иному описывает условія, в которыхъ было принято рѣшеніе не выступать. В ночь наканунѣ переворота член Совѣта К. В. сотник Калмыков, находившійся для связи при Правительствѣ, привез приказ о выступленіи. С этимъ приказомъ былъ посланъ в полки член Совѣта Шамшин. Полки долго не давали прямого отвѣта. Тогда было устроено общее засѣданіе Совѣта с представителями полков, которое приняло рѣшеніе выступить при соблюденіи слѣдующихъ условій: полки должны быть снабжены достаточнымъ количествомъ пулеметов; сотни, находящіяся на заводахъ, должны быть отозваны в полки; к каждому полку должны быть приданы броневыя машины; необходимо, чтобы с казаками выступила и пѣхота. С этими директивами Греков и Калмыков направились в Зимній Дворецъ, гдѣ имъ обѣщали всѣ указанныя требованія выполнить. На основаніи такого соглашенія были посланы для охраны Зимняго Дворца двѣ сотни казаков и пулеметная команда 14 полка — предполагалось, что остальные полки выступят, когда будутъ удовлетворены требованія. На другой день в 5 час. вечера на новомъ засѣданіи Совѣта с представителями полковъ было рѣшено однако отозвать посланныя двѣ сотни и никакого участія в подавленіи большевицкаго возстанія не принимать, такъ какъ предложенныя полками условія не были осуществлены.

Надо сдѣлать оговорку — пользоваться неряшливо составленными воспоминаніями Грекова можно только с очень большою осторожностью. У него получились большія хронологическія неуразиды, но общее впечатлѣніе скорѣе складывается все же в пользу версій, вышедшей из-подъ пера казачьяго мемуариста. Иначе не могла бы стоять и его подпись подъ «секретной» телеграммой Верховнаго Главнокомандующаго, которая была получена в 6 часовъ утра 25-го в Штабѣ 3 коннаго корпуса, имѣвшаго мѣстопробываніе в Островѣ подъ Псковом, и которая предписывала немедленно двинуть первую Донскую казачью дивизию с артиллеріей в Петербург. Окончательный отказ казаковъ отъ выступленія дѣйствительно произошелъ лишь в дневномъ засѣданіи, когда обстановка существенно измѣнилась по сравненію с тѣмъ, что было ночью.

Отказъ казаковъ надо признать большою трагедіей для Россіи, но логики в человѣческихъ дѣяніяхъ искать нечего. Происходило «полное, всеобщее почти, непониманіе всего рокового смысла развивающихся событий» — нельзя не присоединиться къ этимъ словамъ мемуариста (Керенскаго). Непониманіе это в отношеніи казаковъ выросло на почвѣ взаимнаго недовѣрія — непосредственно наблюдавшій событія французскій журналистъ Анэ тогда еще отмѣтилъ: казаки боялись Керенскаго, а Керенскій боялся казаковъ. В воспоминаніяхъ Грекова можно найти указанія на то, что инициатива казаковъ встрѣчала оппозицію в Штабѣ, что, в свою очередь, подтверждается записью Бьюкенена 1 ноября со словъ Верховскаго: «онъ сказалъ, что Керенскій не хотѣлъ, чтобы казаки самостоятельно подавили возстаніе, такъ какъ это означало бы конецъ революціи». Это «élément réactionnaire par excellence» — вновь повторилъ черезъ 10 лѣтъ в «Candid'ѣ» Керенскій.

К моменту, когда большевицкія части начали наступать в районах и стали занимать отдѣльные правительственные учрежденія, Временное Правительство в Петербургѣ, в сущности говоря, осталось почти безъ защитниковъ: юнкера и ударницы изъ женскаго добровольческаго батальона, прибывшія наканунѣ на Дворцовую площадь*). «Правительство, — вновь запишетъ в свой дневникъ Бьюкененъ, — не позаботилось объ организаціи отрядовъ для собственной защиты». Подобное же удивленіе выражаетъ и французскій посолъ Нулансъ.

В перспективѣ, правда, были войска, яко-бы заранѣе вызванныя с фронта. Таково было общее убѣжденіе, и ВРК (и Ленин в особенности) былъ крайне обезпеченъ возможностью такого передвиженія. Безпокойство отразила и большевицкая печать, и постановленія ВРК. Сам Керенскій рассказываетъ, что онъ не рассчитывалъ на «окончательно деморализованный корниловскій авантюрой гарнизонъ»: «по моему приказу с фронта должны были в срочномъ порядкѣ быть высланы войска, и первые эшелоны с Севернаго фронта должны были появиться в столицѣ 24 октября». Опытъ с передвиженіемъ корниловскаго отряда долженъ былъ показать, что в революціонное время возможны всякія неожиданности, и что эти неожиданности могли отразиться на передвиженіи войскъ Правительства, выступающаго формально в контактѣ с революціонной демократіей, какъ отразились онѣ в свое время на походѣ «мятежнаго» генерала. Надлежало обезпечить прибытіе войскъ заранѣе и сдѣлать это со всеми нужными предосторожностями. Большевики готовили уже «десятки агитаторовъ» для встрѣчи «корниловцевъ».

Между тѣмъ с категоричностью можно утверждать, что никакихъ реальныхъ распоряженій о срочномъ вызовѣ войскъ с фронта до ночи на 25-ое сдѣлано не было. Разговаривая по прямому шведу с Духонинымъ 23-го, Керенскій, какъ было указано, выражалъ полную увѣренность в томъ, что в Петербургѣ все хорошо организовано, и что с большевиками легко будетъ справиться. Разговоръ касался многихъ предметовъ — рѣчь даже шла о Быховскихъ узникахъ. Нѣтъ только упоминанія об отправкѣ войскъ с фронта. Министръ-предсѣдатель проситъ лишь выслать 150 офицеровъ для пополненія милиціонныхъ кадровъ в провинціи**). На слѣдующій день Духонина увѣдомляютъ, чтобы онъ не уѣзжал изъ Ставки «впредь до новаго извѣщенія». 23-го экстренно былъ вызванъ ген. Черемисовъ для обсужденія конфликта между Штабомъ округа и Петроградскимъ совѣтомъ, прибывшій вмѣстѣ с правительственнымъ комиссаромъ съ-

*) По утвержденію Тырковой в позднѣйшемъ засѣданіи Городской Думы (4 ноября), на которомъ писательница докладывала о своемъ посѣщеніи ударницъ, женскій батальонъ прибылъ к Зимнему Дворцу лишь на парадъ и здѣсь былъ задержанъ «обманнымъ путемъ» (выраженіе, употребленное в отчетѣ «Дѣла Народа»). Возможно, что подобная версія выдвигалась в то время в видѣ нѣкоторой защиты ударницъ от преслѣдованій со стороны большевицкаго ВРК.

**) В это время Правительство было озабочено усиленіемъ власти на мѣстахъ и реорганизаціей полицейскихъ органовъ. Соответствующій законопроектъ мин. вн. д. Никитина обсуждался в Предпарламентѣ.

вернаго фронта Войтинским, который, как отмѣтил «День», был настроен «весьма оптимистично». Приписывая себѣ инициативу пріѣзда, Черемисов в своих кратких воспоминаніях говорит, что его беспокоило, как главнокомандующаго Сѣверным фронтом, который находился в нѣсколько исключительном положеніи*), что Керенскій, человек, не знакомый с деталями военнаго дѣла, мог ошибиться в расчетѣ времени, если предполагал в случаѣ выступленія большевиков привлечь и нѣкоторыя войсковыя части. Черемисов, по его словам, получил отвѣтъ, что Правительство справится и при помощи войск, находящихся в столицѣ. Вѣроятно, приблизительно такой отвѣтъ и должен был он получить на совѣщаніи министров в соответствии с тѣм, что было признано раньше, т. е. что не представляется необходимым «выдѣлять особые отряды для охраны Временнаго Правительства и города»**). И только в 2 ч. 20 м. ночи на 25-ое генерал для порученій при Верховном Главнокомандующем Левицкій передал Духонину распоряженіе для Черемисова об отправкѣ в Петербург казачьих частей, находившихся в Финляндіи, и первой Донской казачьей дивизіи с Сѣвернаго фронта — предписывалось в случаѣ невозможности перевозки частей по жел. дорогѣ, направить их по-эшелонно походным порядком. Духонин спрашивает: отчего раньше не передали этой телеграммы. «Можно было только теперь сговориться с казаками», — отвѣчает Левицкій***). По словам Вырубова, Духонин нѣсколько раз вызывал Керенскаго к прямому проводу, но тот не подходил.

*) Приказом еще 17 октября Главнокомандующему Сѣверным фронтом были подчинены Петроград, Кронштадтъ и Финляндія, т. е., осуществлено то, чего в свое время добивался Корнилов, но распоряженія по охранѣ безопасности в столицѣ сохранены были за Правительством.

***) Нуланс увѣряет, что 22-го на его запрос, какія мѣры Правительство приняло для подавленія мятежнаго движенія, и имѣются ли у него вѣрныя части, на которыя оно может рассчитывать, Керенскій отвѣтил, что к Петербургу приближается нѣсколько дивизій. Из слов главы Правительства — утверждает посол — ясно было, что ничего не было организовано. Подвигался к Петербургу только 5-ый батальон самокатчиков, квартировавшій в Проскуровѣ на Юго-Западном фронтѣ, — повидимому, не в связи с экстренными мѣрами, принятыми в виду ожидавшагося выступленія большевиков.

****) Должен здѣсь сдѣлать одно добавленіе. В засѣданіи Академической Группы в Парижѣ, на котором ген. Головин дѣлал доклад с возраженіями на мою критику его исторіи «россійской контр-революціи» (см. брошюру «Методы и выводы ген. Головина»), было оглашено письмо Керенскаго, в котором бывший россійскій главковерх заявлялъ, что «в послѣдніе дни перед возстаніем большевиков всѣ (курсив мой) приказы мои и Штаба Петербургскаго военнаго округа о высылкѣ с Сѣвернаго фронта войск в Петроград саботировали на мѣстах и в пути... Как можно усмотрѣть на основаніи приведенных документов, утверженіе это не соответствует фактам, поскольку рѣчь идет о предоктябрьских дѣйствіях. Этих распоряженій просто не было. Мнѣ придется еще вернуться к нѣкоторым весьма своеобразным выступленіям ораторов на упомянутом «академическом» засѣданіи в связи с характеристикой взаимоотношеній Керенскаго и Черемисова в дни переворота, которую я дѣлаю во второй части своей работы.

4. «Заговор» в Штабѣ.

В часы сгушавшихся сумерек 24-го в городѣ появилась нѣкоторая тревога «Весь буржуазный двѣтъ исчез с улиц», — вспоминает коммунист Шляпников. В центрѣ, «зловѣще свистя», ползали броневики. У разведенных мостов начались стычки между юнкерскими патрулями и красногвардейцами, которые явились под охраной «Авроры» наводить мосты. То, быть может, были немногіе часы, когда столица замерла в ожиданіи грядущих событій. В самый день переворота петербургскіе театры и кинематографы уже были переполнены обывательской массой: «Как бы не замѣчая ничего происходящаго в столицѣ, — отмѣчал репортер «Нар. Сл.», — публика переполняла тротуары Невскаго проспекта вечером, направляясь в театры и в другія имѣвшіяся мѣста развлеченія»...

В Зимнем Дворцѣ под предсѣдательством Коновалова происходит засѣданіе Правительства. Керенскій отсутствует. Протекает это рѣшительное засѣданіе в атмосферѣ возникшей гражданской войны. Начинается оно спокойно — пожалуй, даже слишком спокойно, с текущих дѣл и с утвержденія каких-то статей аграрнаго законопроекта*). Дѣло близится к полночи. По «конституціи» должны удалиться присутствующіе товарищи министров — начинается закрытое засѣданіе под предсѣдательством уже самого Керенскаго. Предсѣдатель был «нервен, возбужден, вскакивал с предсѣдательскаго кресла, прохаживался по залу». Еще бы! Член Правительства Смирнов, эпически описавшій послѣднее засѣданіе Правительства, по существу почти ничего о нем не сказал. Заявленія Керенскаго не всѣх успокоили, и «многіе из нас были охвачены тревогой за ближайшее будущее». Вот все, что мог сказать министр — вѣдь рѣшать должен Керенскій; он и был в возбужденном состояніи.

Читая, правда краткія, воспоминанія Смирнова совершенно нельзя представить себѣ ту «напряженную нервную атмосферу в этом ночном засѣданіи», о которой говорит Керенскій. Он знает, что «нѣкоторые из так называемых правых членов Правительства весьма сурово критиковали «нерѣшительность» и «пассивность» высших военных властей, совершенно не считаясь с тѣм, что нам приходилось дѣйствовать, все время находясь между молотом правых и наковальней лѣвых большевиков». Впрочем, эти строгіе критики не проявляли ни малѣйшаго стремленія принять активное участіе в организаціи борьбы с разгоравшимся возстаніем.

Засѣданіе кончилось во втором часу ночи, и всѣ министры «отправились по домам», при чем мин. исповѣданій Карташов и управляющій дѣлами правительства Гальперин попали в «плѣн» к солдатам лейб-гвардіи Павловскаго полка, выставившим «пикеты» на Милліонной улицѣ. Остались в Зимнем Дворцѣ лишь предсѣдатель и его замѣститель.

*) Это спокойствіе или безразличіе, как то мало вяжется с записью Гиппиус 24-го со слов управляющаго дѣлами Правительства Гальперина: «все Правительство в паникѣ» — «все погбло», по мнѣнію Карташова.

Для характеристики того, что происходило в Зимнем Дворцѣ в эти часы, в нашем распоряженіи имѣются еще краткія ремарки, занесенныя в «дневник» Пальчинскаго. Сдѣланныя для себя, онѣ столь кратки, что не дают возможности возстановить картину происходившаго, но на основаніи их мы можем отмѣнить нѣкоторыя черты, существенныя для корректива воспоминаній Керенскаго. Пальчинскій отмѣчает полное отсутствіе какого-либо плана в правительственном лагерѣ и безпомощность командующаго войсками Полковникова. Всѣ надежды послѣдняго возлагались на то, что «безумный шаг» не будет сдѣлан противником. Штаб все время оглядывался на Зимній Дворец и ожидал директив от Керенскаго. Одним словом, был «кавардак». Попытки Пальчинскаго ввести порядок и систему в руководство не увѣнчались успѣхом, — очевидно Пальчинскій настаивал на устраненіи Полковникова. Никаких «рѣшеній» не было принято, и Пальчинскій с чувством безнадёжности «около 2 часов ночи» направился домой. Его примѣру послѣдовал с. р. Рутенберг, состоявшій помощником по гражданской части при командующем войсками.

«Сейчас же послѣ окончанія засѣданія Правительства, — вспоминает Керенскій, — ко мнѣ явился командующій войсками вмѣстѣ со своим начальником штаба. Он предложил мнѣ организовать... экспедицію для захвата Смольнаго... Очевидно, этот план получил сейчас же мое утвержденіе, и я настаивал на его немедленном осуществленіи. Во время этого разговора я все с большим вниманіем наблюдал за странным и двусмысленным поведеніем полк. Полковникова... за кричащим противорѣчіем между его весьма оптимистическими и успокоительными сообщеніями и печальной извѣстной уже мнѣ дѣйствительностью». Может быть, Керенскій проявлял и излишнюю пронизательность. Как показывает один документ, который мы приведем позднѣе, но который нѣкоторыя публикаціи относят именно к этому времени, у Штаба уже сильно поблекла оптимистическая оцѣнка положенія. План экспедиціи для захвата Смольнаго мог родиться в Штабѣ, очевидно, только потому, что Керенскій сам завѣрил его, что он «может вполне рассчитывать на казаков». Три казачьих полка в тогдашней обстановкѣ много значили, если даже не все. Но была ли в Штабѣ дѣйствительно полная увѣренность в выступленіи казаков? Отсюда, возможно, и та «двусмысленность», которую увидал главноверх.

Впрочем, Керенскій сам называет и источник, раскрывшій ему глаза. Во время совѣщанія с командующим войсками явился Роговскій с «чрезвычайно тревожными новостями»: значительное количество судов Балтійскаго флота в боевом порядкѣ вошло в Неву*), Николаевскій мост занят отрядом возставших, которые продвигаются к Дворцовому мосту. «Мнѣ же в отдѣльности Роговскій передал неоднократно сдѣланное им наблюденіе: Штаб... с совершенным безразличіем, не проявляя никакой дѣятельности,

*) «Информация» в воспоминаніях Керенскаго фактически на нѣсколько часов опережает событія.

слѣдит за происходящими событіями» *). «Выводы получались кричащіе. Времени болѣе нельзя было терять ни минуты». Керенскій и Коновалов отправились в Штаб. «Зданіе Штаба было переполнено офицерами всѣхъ возрастовъ и ранговъ, делегатами различныхъ войсковыхъ частей. Среди этой военной толпы повсюду шныряли какіе-то никому неизвѣстные штатскіе». «Подробный доклад» Полковникова о положеніи дѣл убѣдил окончательно министровъ в томъ, что на командующаго и на большинство офицеровъ его Штаба невозможно болѣе полагаться. «Нужно было сейчасъ же брать в свои руки командованіе, но только ужѣ не для наступательныхъ дѣйствій противъ возставшихъ, а для защиты самото Правительства». О своемъ реформированіи Штаба Керенскій в воспоминаніяхъ говоритъ очень туманно. Очевидно, Полковниковъ былъ фактически отстраненъ от «командованія», перешедшаго непосредственно къ Керенскому, который сталъ вызывать по телефону тѣхъ, чье присутствіе казалось ему особо нужнымъ. Затѣмъ Керенскій «рѣшилъ привлечь партійныя военныя организаціи, в особенности достаточно многочисленныя организаціи партіи С. Р.».

Керенскій сам дезорганизовал (по крайней мѣрѣ по его собственнымъ воспоминаніямъ) свой Штабъ в состояніи, которое почти граничило с истерикой, вызванной, очевидно, чрезвычайнымъ нервнымъ возбужденіемъ и переутомленіемъ. И не дѣйствіями ли самото Керенскаго слѣдуетъ прежде всего объяснить напряженную атмосферу, которая создавалась в Штабѣ к утру? Какъ «впослѣдствіи» Керенскій узналъ, «по почину» самото Полковникова шла яко бы агитація за необходимость ареста главы Правительства. «Безумная идея владѣла тогда многими умами: безъ Керенскаго можно будетъ легче и скорѣе справиться с большевиками, можно будетъ безъ затрудненій создать, наконецъ, эту такъ называемую сильную власть. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всю эту ночь полкъ Полковниковъ и нѣкоторые другіе офицеры Штаба округа находились в постоянномъ сношеніи с противоправительственными правыми организаціями, усиленно тогда дѣйствовавшими в городѣ». Откуда мемуаристъ заимствовалъ «впослѣдствіи» свои «несомнѣнныя» свѣдѣнія, мы не знаемъ. Никакихъ подтверждающихъ данныхъ найти пока не удалось. Активная дѣятельность «противоправительственныхъ правыхъ организацій» остается неуловимой. Эта «правая» общественность в дни октябрьскаго переворота находится в нѣтяхъ. Если и дѣйствуетъ, то только небольшая конспиративная военно-монархическая организація Пуришкевича, вскорѣ раскрытая уже восторжествовавшими большевиками. О ней можно сказать одно: ея члены, какъ увидимъ, сражались в рядахъ немногочисленныхъ защитниковъ Правительства и слѣдовательно они не могли фактически руководить «стратегическимъ планомъ» сверженія Правительства руками большевиковъ, — планомъ, который родился в усталомъ воображеніи политика и былъ поддержанъ самооправды-

*) Не слѣдуетъ забывать, что помощникомъ командующаго состоялъ с.р. Кузьминъ. В дневникѣ Пальчинскаго отмѣчается «ясное колебаніе и боязнь комиссара ЦИКъ принять активное участіе в какихъ-либо мѣропріятіяхъ».

вающимся мемуаристом*). Впрочем, он сам впадает в противорѣчіе — въдѣ «безумная идея» основывалась на мысли, что «без Керенскаго» легче будет справиться с большевиками.

Попытку обезличеннаго Керенским Штаба связаться с какими-либо организациями «в городѣ» надо было бы разсматривать, как явленіе положительное, ибо она, в случаѣ удачи, разсѣяла бы ту угрожающую атмосферу полной изоляціи, которая создавалась вокруг Правительства. Но в этом отношеніи, кажется, можно зарегистрировать один только факт: в 3 часа ночи «заставами» Павловскаго полка у Зимняго Дворца на Милліонной задержан был и отправлен в Смольный грузовик с нѣсколькими юнкерами, который направлялся из Штаба в Союз Георгіевских Кавалеров «за помощью». Чѣм то пылкое воображеніе превращало подсебные факты в звенья заговорщицкой цѣпи: «один из преданных и честных офицеров», экстренно вызванных в Штаб на работу, присмотрѣвшій къ дѣйствіям Полковникова «с волненіем» заявил Керенскому, что «все происходящее он не может назвать иначе, как *измѣной*»**).

Практическія мѣры, принятыя главой Правительства, привели к тому, что через нѣсколько часов в Штабѣ, ночью еще переполненном офицерами «всѣх возрастов и рангов» и «делегатами различных войсковых частей», никого почти не осталось. В «удушливой атмосферѣ» недоверія заволновались и молодые защитники Дворца — поколебалась их «бодрость духа». Ждало Керенскаго и другое разочарованіе: «парти́нные боевыя силы не только не появились в Штабѣ, но и в городѣ то не проявили никакой дѣятельности». «Этот загадочный е пернаго взгляда факт, — поясняет Керенскій, — объясняется врайне просто: парти́нные центры, увлеченные безконечными переговорами со Смольными, гораздо болѣе разсчитывая на авторитет «резолуцій», чѣм на силу штыков, не удосужились во время сдѣлать соответствующія распоряженія». Но, может быть, не хотѣли и не могли? По словам секретаря военной комиссіи Ц. К. партіи С. Р., Броуна, Центральный Комитет вообще не дал никаких указаній о выступленіи против большевиков. Станкевич утверждает, что, когда он заговорил в кулуарах Маріинскаго дворца о необходимости организовать гражданскую оборону из студенчества, меньшевики отшатнулись от него, как от «зачумленнаго». По существу о парти́нных боевых силах можно повторить лишь то, что было сказано — юнкѣ были или на бумагѣ или скорѣе еще в воображеніи мемуаристов. Но, если оиѣ и были... в Центральном Комитетѣ партіи, к которой принадлежал глава Правительства, в этот момент царил полная растеренность.

*) Нѣкоторые из арестованных большевиками показали, что 23-го на них была возложена специальная обязанность защищать Зимній Дворец. Если Винберг, примыкавшій к организации Пуришкевича, показывал, что он против большевиков не выступал, но «всегда был готов активно дѣйствовать против Керенскаго», то для него подобная аргументація являлась формой самозащиты.

**) Повидимому, этим офицером был с.-р. Краковенскій, занявшійся с Полковниковым подсчетом сил. Он и впоследствии играл довольно двусмысленную в роковую роль.

Видь только что Петербургская организация партіи с. р., т. е. та, которая одна фактически могла дать нужные кадры бойцов, объявила себя нейтральной в борьбѣ с большевиками. «Мобилизовать» было некогда*).

Керенскій вновь произносит не мало филиппик по адресу партійных «искусников», всю ночь напролет проводивших «в безконечных спорах над различными формулами, которыя яво бы должны были стать фундаментом примиренія и ликвидаціи возстанія». «Нужно признать, большевики дѣйствовали тогда с большой энергіей и не меньшим искусством. В то время, когда возстаніе было в полном разгарѣ(?)... нѣкоторые большевицкіе лидеры, и тому предназначенные, не без успѣха старались заставить представителей революціонной демократіи смотреть и не видѣть, слушать и не слышать». Эти туманные намеки в связи с хвастливыми утверждениями Троцкаго о той искусной политикѣ, которую проводил он, «усмыслия» совѣтской легальностью и Правительством и «звѣздную палату» (т. е. руководителей ЦИК), привели к созданію исторической легенды, появившей на страницы позднѣйшаго изслѣдованія Милюкова «Россія на переломѣ» — о «переговорах», которые в послѣднюю минуту, «в ночь на 25-ое», вели соц. революціонеры и соц. демократы с большевиками о созданіи однородной социалистической власти. Таких «переговоров» не было**). Ночь «искусники» провели под предсѣдательством Гоца на экстренном засѣданіи ЦИК и Исл. Ком. Совѣта Крест. Депутатов.

5. Отъѣзд Керенскаго.

Забрежжило осеннее утро 25 октября. Переутомленные нервной ночной работой Керенскій и Коновалов в 7 час. утра вернулись в Зимній Дворец «немного вздремнуть»***). Через два часа они были на ногах. Пришло экстренное сообщеніе — прервана телефонная связь Зимняго Дворца с городом, Дворцовый мост — вод окнами тѣх комнат, гдѣ отдыхал Керенскій — занят матросскими пикетами.

В Штабѣ «ничего не измѣнилось». Подходы ко Дворцу и к Штабу «никѣм и ничѣм не охранялись» — поэтому так легко но-

*) По словам Семенова, численность «боевиков-дружинников» партіи с.р. не превышала 80 даже тогда, когда впоследствии партія готовилась к защитѣ Учредительнаго Собранія.

***) Напрасно историк увѣровал в сомнительную концепцію Троцкаго и измѣнил первоначальный текст своей «Исторіи», гдѣ о «переговорах» рассказывалось в большем соответствии с тѣм, что было, и гдѣ допущена была лишь хронологическая ошибка. «Переговоры», скорѣе разговоры, о едином фронтѣ, как мы знаем, происходили за мѣсяц до октябрьскаго переворота. Историка, может быть, смутило и глухое сообщеніе, появившееся в нѣкоторых газетах, будто Авксентьев был вызван вечером 24 октября в Зим. Дворец для обсужденія вопроса о реорганизации власти.

***) Трудно сказать, какова была роль Коновалова в той ночной работѣ по реорганизации Штаба, которая только что была описана. По воспоминаніям Керенскаго — это скорѣе роль простого статиста.

чью исчезали замки у блиндированных автомобилей *)». «Начиналась паника». Появилась, по словам Керенского, делегация охранявших Дворец юнкеров с заявлением, что они готовы исполнить свой долг, если только «есть какая-нибудь надежда на подход каких-либо подкреплений». В этих условиях, — вспоминает Керенский, — «оставалось одно: хватать, не теряя ни минуты, навстрѣчу эшелонам, застрявшим гдѣ-то у Гатчины и протолкнуть их в С. Петербург... я рѣшил прорваться через всѣ большевицкія заставы. Послѣ нѣкотораго размышленія рѣшили играть ва-банк; чтобы усыпить всякую настороженность... дѣйствовать с открытым забралом». «Я приказал подать мой превосходный открытый дорожный автомобиль» и, «пожав послѣдній раз руку Кишкина, взявшаго на себя на время моего отсутствія руководство оборонной столицей... «с самым беззаботным видом сошел со своим спутником во двор Штаба». Дальше идет описаніе выѣзда Керенского:... «повсюду стояли шатрулы и отряды красных. Нечего и говорить, что вся улица — и прохожіе и солдаты — сейчас же узнали меня. Военные вытягивались, как будто и правда ничего не случилось. Я отдавал честь, как всегда, немного небрежно и слегка улыбаясь» и т. д.

В момент выѣзда к Керенскому прибыли «представители» англійскаго и, насколько помнит автор воспоминаній, американскаго посольства с заявленіем, что представители союзных держав желали бы, чтобы министерскій автомобиль шел «под американским флагом». Керенскій «с благодарностью принял это предложеніе, как доказательство вниманія союзников к русскому Правительству». Но так как американскій флаг мог лишь усилить ненужное совсѣм вниманіе к путешественникам, то на оказавшейся «кстати и американской машинѣ» с флагом поѣхал офицер, который должен был держаться на «почтительном разстояніи».

Эти страницы воспоминаній, как видим, подчеркнута проводятся в определенных тонах, между тѣм отѣзд министра-предсѣдателя носил нѣсколько иной характер — даже в мелочах. На одной детали подробно останавливался еще Милоков и приводил выдержку из воспоминаній американскаго посла Фрэнсиса, свидѣтельствующаго о том, что со стороны союзников никакого предложенія относительно автомобиля не дѣлалось. Нѣким офицером был «захвачен» автомобиль секретаря посольства для нужд Керенскаго, что и было подтверждено самим министром, когда владѣлец автомобиля отправился за разъясненіем в главный Штаб. Секретарь посольства подчинился неизбежному и ограничился лишь протестом против использованія американскаго флага.

Офицер, хватшій на американской машинѣ, прап. Книрша (прис. пов.) был позже арестован большевиками и подробно рассказал весь эпизод. Его рассказ безинтересен. Достать два авто-

*) Совѣтская исторіографія впоследствии представила это исчезновеніе, как одно из «боевых заданий», планомѣрно и с большим риском умѣло выполненное в ночь на 25-ое.

мобиль для поѣздки Керенскаго на фронт оказалось чрезвычайно затруднительно. Безуспѣшно уже старался достать автомобиль ген. квартирмейстер Штаба Парадѣлов для выѣзда на встрѣчу идущим в Петербург войскам комиссара ЦИК Малевскаго и представителя Совѣта Крест. Деп. Мазуренко. Полковников подал мысль попытаться достать машину в каком-нибудь посольствѣ. Книрша обратился к итальянцам, но там машины не оказалось. Ткнулся он безуспѣшно к начальнику милиціи кн. Сидамон-Эристову и вмѣстѣ с ним отправился на дальнѣйшіе поиски по Петербургу, в результатѣ которых и был обрѣтен автомобиль, стоявшій у подѣзда американскаго посольства. В дальнѣйшем рассказъ соответствует версіи Фрэнсиса*). Только Керенскому, дѣйствительно, был подан автомобиль, числившійся за политическим кабинетом военнаго министерства. «Подан» был, однако, не без затрудненій. Машина не могла выѣхать за отсутствіем бензина. «Тогда, — показывает Книрша, — я пошел во двор Штаба, собственноручно налил бидон бензина и на извозчикѣ с писарем авточасти отправил бензин в политическій кабинет»... По словам Книрши, ѣхавшіе на министерском Пирс-Арроу упорно хотѣли, чтобы машина с американским флагом шла впереди, но этого нельзя было выполнить при незнаніи маршрута. По пути американскій флаг отвязался, и Книрша его спрятал.

Автомобиль с Керенским успѣлъ благополучно выбраться из города. Эшелонов с фронта в Гатчинѣ не оказалось, и было рѣшено ѣхать дальше в Лугу — до Пскова. «Как будто повинуюсь какому то внутреннему гласу», Керенскій приказал немедленно двинуться в путь — ему показалось «крайне странным» поведение коменданта, в квартирѣ котораго он остановился. «Мы уѣхали во время. Через пять минут послѣ нашего отѣзда во двор Дворца влетѣлъ разукрашенный красным флагом автомобиль: это члены мѣстнаго военно-революціоннаго комитета примчались меня арестовать. Оказывается в СПБ., в Штабѣ, нашлись предатели, которые успѣли извѣстить Смольный о моем выѣздѣ в Гатчину». Так, очевидно, впоследствии рассказывали Керенскому. Никто из Штаба его не предавал. Приказ об арестѣ, дѣйствительно, был послан, но послан был гораздо позже — и в Псков, куда пріѣхал Керенскій**).

*) Приблизительно также записан он у Бьюкенена.

***) Приказ был передан по юзу вечером, когда ВРК получил в свое распоряженіе прямой провод послѣ захвата Штаба. Рассказали Керенскому вообще все очень неточно, объединив разные эпизоды. В повѣствованіи Керенскаго дѣло очевидно, идет о болѣе позднем обыскѣ (послѣ ликвидаціи гатчинской эпопеи) у художника Лукомскаго, состоявшаго хранителем Царскосельскаго дворца, и обыскѣ, связанном с посѣщеніем Керенскаго — но это в сущности мелочь, на которой останавливаться не стоит. Скажу только о судьбѣ второго автомобиля, на котором ѣхал Книрша. Он попал, по словам Керенскаго, в «серьезную передѣлку»: «болѣе часа колесила она (машина) по улицам Гатчины. Ей удалось благополучно, хотя под выстрѣлами, проскочить двѣ заставы, но у третьей одна пуля пробила шину, другая — ранила шофера в руку. Мой же офицер, бросив машину вмѣстѣ с американским флагом, должен был... бѣгом спастись в лѣс». Повѣстествова-

Отъезд Керенского из Петербурга носил не только больше прозаический характер, чем это хотелось бы автору воспоминаний, но и оттенок какой-то излишней спешности, произведшей отрицательное впечатление на некоторых министров. Днем Зимний Дворец посетил Набоков. Третьяков, — рассказывает он, — «сидя рядом со мною на диване и стал в негодование говорить, что Керенский их бросил и предал». Даже Книжкин, с которым Керенский, по его словам, советовался перед отъездом и которому временно как бы передал функции главнокомандующего в столице, по уверению известного к. д. Кроли, «отзывался далеко неблагоприятно по поводу отъезда Керенского» (Кроль передает рассказ Книжкина по выходе его из Петропавловской крепости).

У того же Набокова имеется рассказ о посещении его двумя «крайне взволнованными» офицерами, искавшими автомобиль для отъезда Керенского. Возвращаясь по памяти сцену разговора, мемуарист вкладывает в уста посланцев слова: ...«дело Временного Правительства проиграно. Наша задача — спасти Керенского, увезти его поскорее на автомобиль на встречу тем оставшимся верными Вр. Прав. войскам, которые двигаются к Лугу»... И, как часто бывает, случайный документ или даже отдаленный его штрих рождает возможные споры. Днем 25-го комиссар Ставки Верх. Глав., т. е. Станкевич, информировал Ставку о положении дел в Петербурге: сил достаточно для того, чтобы продержаться 48 часов. А где Керенский? — спрашивает Дитерихс. Он уехал на встречу войскам — «оставаться ему здесь было невозможно»... Такую обстановку в Зимнем Дворце создала ночь с 24 на 25 октября — вернее всего поведение Керенского в этот решающий момент. Савинков в «Рус. Вѣд.» рассказывал, что явившиеся к нему утром 25-го офицеры говорили о необходимости арестовать министра-председателя, который, вмешиваясь в распоряжения Командующего войсками, препятствует успешной обороне.

Керенский выехал на встречу войскам, идущим с фронта. Первым эшелонном оказались самокатчики с Западного фронта, подошедшие почти вплотную к Петербургу и остановившиеся или задержанные в 70 верстах на ст. Передольской. На встречу им никто не выехал, хотя Духонин и Дитерихс считали «необходимым» условием высылку на встречу им особо доверенных лиц за 2—3 станции. Об этом Дитерихс ночью же передал нач. штаба Северного фронта Лукирскому, а Духонин еще раз подтвердил в утреннем разговорѣ 25-го с ген. Левицким в Петербурге. Поѣздка комиссара ЦИК Малевского, как мы знаем, не могла состояться. Вместо него выехал Керенский в неопределенных поисках каких-то войск. Днем 25-го Станкевич обещал передать Правительству указания Ставки и постараться самому выехать на встречу самокатчикам. Но так никто и не выехал. И вечером комиссару

не самого Книркии менее героично. Он остался в Гатчине по приказу Керенского для того, чтобы запастись бензином и шинами, и мог выехать только в 7 часов вечера. За отсутствием фонарей около ст. Сиверской налетел на камни и вынужден был, оставив автомобиль на люстляком дворе, поехать в Лугу по желѣзной дороге.

Съвернаго фронта Войтинскому оставалось только констатировать: самокатчики «не были никѣм встрѣчены, вопреки моим указаніям, и имѣются свѣдѣнія, что состояніе их рѣзко перемѣнилось к худшему»^{*)}).

^{*)} Небезынтересна судьба этих самокатчиков. 28-го Духонин говорил Лукирскому в штаб Съвернаго фронта: «необходимо принять всѣ мѣры, чтобы их отыскать.. Депутаты, дѣйствительно, ѣздили в С.С. и Р.Д., но нельзя утверждать, что они сговорились с большевиками (об этом преждевременно успѣшил объявить в засѣданіи съѣзда Совѣтов Каменев. С. М.) и просили их указаній, они не знали, зачѣм их везут и, по опыту корниловскаго отряда с главверком, они не будут колебаться. Это доблестная часть, показавшая себя во время іюльских боев». Так приблизительно и было — до 27-го, самокатчики ждали «распоряженій» из Петербурга, откуда им от имени Совѣта предлагали оставаться на ст. Передольской. Послѣ начаясь митинги и разложеніе батальона, «блестящую работу» котораго на фронтѣ отмѣтил в воспоминаніях ген. Селивачев.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

25 ОКТЯБРЯ

1. Игра «по нотам».

В ночь на 25-ое октября Военно-Революционный Комитет перешел в открытое выступление «по заранее разработанному плану». Переворот был разыгран «по нотам»: «каждый винтик революционной силы был приведен в движение и поставлен на соответствующее место». Приходится усомниться в том, что так было в действительности, хотя приведенные слова и принадлежат авторитетному, как будто, мемуаристу и одному из главных действующих лиц в подготовке и осуществлении петербургского восстания — Подвойскому. Но даже сам Троцкий в своей истории октябрьской революции должен был признать, что рассмотрение военных операций тех дней в советской литературе носит «не критический», а «апологетический» характер. Как то странно, что столь «тщательно подготовленный» план так основательно был забыт на первых порах, что на последовавших «вечерах воспоминаний» руководители и непосредственные участники переворота лишь ошупью восстанавливали и даты и основные вехи событий. И Троцкий, например, никак не мог вспомнить, «каков был окончательный план».

Предоставим однако рассказать свой план самим «апологетам». Для руководства военными операциями против Правительства ВРК была выделена особая тройка в составе Подвойского, Чудновского и Антонова-Овсёенко. Предполагалось окружить Зимний Дворец кольцом надежных войск во время заседания Правительства в ночь на 25-ое октября и арестовать всех министров, а в случае сопротивления принудить Правительство к сдаче огнем с крейсеров «Аврора» и «Заря Свободы» и стрельбой в упор из Петропавловской крепости. В первую очередь ршено было выдвинуть «самые стойкие части». У Подвойского можно найти подробную топографическую схему предполагаемого продвижения полков и батальонов и изложение тактических задач, возложенных на отдельные войсковые части. Но план ночной атаки не был выполнен, благодаря «недочетам, неизбежным во всяких крупных операциях, в которых... отводится большая роль подъему и энтузиазму»: «импровизованное управление войсками, недостаток связи и многие другие обстоятельства позволили начать первое продвижение войск к Зимнему Дворцу только в 6—7 часов утра».

«Многія другія обстоятельства» заключались в том, что никаких «стойких» частей в Петербургском гарнизонѣ не было. Сам Подвойскій в день возстанія в засѣданіи ВРК перечислял достаточно многочисленныя части гарнизона, заявившія о своем нейтралитетѣ: 3 казачьих полка, артиллерія, кавалерійскіе полки, пѣхотные полки — Семеновскій, Измайловскій, Преображенскій, инженерный полк, баталіон самокатчиков, автобронепоезд и др.*). Но и активное участіе других полков в возстаніи в значительной степени пуф. Донесеніе Штаба довольно точно опредѣляло положеніе: «пѣхотныя части никаких приказаній не исполняют, но и не выступают». Можно говорить только о солдатах из полков, на примѣр, Павловскаго, Кексгольмскаго, Финляндскаго или о полках, числившихся в «резервѣ». Участвуют не «полки», а в лучшем случаѣ их отдѣльныя части, и то далеко не всегда в боевом настроеніи. Собственные комиссары ВРК это засвидѣтельствовали. Считавшійся «большевицким» 180-й пѣхотный полк наканунѣ возстанія проявляет «поразительную инертность и индифферентизм» в защитѣ «пролетарскаго дѣла»; «весьма шаткое» настроеніе приходится отмѣтить комиссару в броневом дивизионѣ, принявшем резолюцію о полной поддержкѣ ВРК — шоферы и пулеметчики систематически сбѣгают со своих машин. Гренадерскій полк, который в любой момент под водительством прославленнаго Дзевалтовскаго мог выставить «1.000 штыков», и огнем.-хим. баталіон, насчитывающій «400 бойцов», оказались все-таки в «резервѣ» — может быть, потому что в Гренадерском полку, по словам Ильина-Женевскаго, всѣм там завѣдывал, очевидно, недостаточно надежный «лѣво-с.-ров.» полковой комитет. Ничѣм себя не проявили и кексгольмцы, хотя в резолюціи полкового комитета 21-го торжественно говорилось: «мы всѣ на своих постах готовы побѣдить или умереть». Вот Павловскій полк — «наша революціонная опора», по выраженію Антонова; тот самый полк, гдѣ образовался упомянутый уже своеобразный офицерскій бест. Он выставил «заставы» на Милліонной и производил аресты. Едва ли не этим ограничивалась его активная роль в возстаніи. Но Павловскія «заставы» не были слишком настойчивы и давали легко себя убѣдить — не только арестованный ими министр исповѣданій Карташов, шедшій с ночного засѣданія правительства, был

*) У мемуаристов — у того же Подвойскаго — Преображенскій и Измайловскій полки фигурируют среди дѣйствующих в возстаніи, а Преображенскія казармы становятся даже одним из трех повстанческих штабов. Подлинныя настроенія преображенцев довольно отчетливо очерчены в воспоминаніях вольноопредѣляющагося Милицына. Вслушиваясь в разговоры в дни, предшествующіе перевороту, М. приходил к убѣжденію, что «среди наших солдат почти нѣтъ сторонников большевиков», но «и за Временное Правительство они не пойдут. Имя Керенскаго слишком ненавистно». «Странно — замѣчает мемуарист — ему в особенности ставят в вину, что он спит на царской кровати. Об этом кто-то пустил сплетню, и она попала в цѣль... Солдаты негодуют. «А может сам в царя мѣтит. Юнкерами, бабами себя окружил. Нам видно не довѣряет». У кадровых офицеров было, по словам М., «только одно желаніе — удержать полк от выступления. А там будущее покажет, как дѣйствовать». Полк не принял, по утверженію непосредственных «очевидцев», участія в дѣйствіях 25-го октября.

отнуцен, но отнуцен был и и. д. воснанаго минисгра ген. Маниковскій, котораго рано утром вызвал Керенскій во Дворец. Позже Павловскія «заставы» («кучки солдат», по характеристикѣ одного из большевицких начальствующих лиц) преградили Невскій проспект и прекратили доступ любителей на Дворцовую площадь. Все это функции скорѣ пассивныя. О той же активной роли, которую Павловцы сыграли в ночь на 26-ое, можно судить по официальному донесенію комиссара: «в 3 часа ночи наши части начали пробираться к Зимнему Дворцу» — в это время Зимнего Дворца, как стратегическаго пункта, уже не существовало. В концѣ концов и гарнизон Петронадвской крѣпости, перешедшій на сторону возставших, оказался скорѣ в «нейтральной позиціи». «Боеспособным» мог считаться лишь один взвод пулеметнаго полка тѣх пулеметчиков, которые, по словам Луначарскаго, «рвались в бой» (восп. Хаустова).

Таким образом «азбучная истина» о роли гарнизона в октябрьском переворотѣ — одушевленная мысль о концѣ войны «армія поднялась против Временнаго Правительства и низвергла его» — во всяком случаѣ должна быть перенесена из категоріи аксіом в область гипотез. Показательная полемика по поводу роли, которую сыграл гарнизон 25-го октября, возникла у самих большевиков. В исторической концепціи Троцкаго в центрѣ событий стояли солдатскія массы*). Это привлекло пролетаріат, и Покровский рѣшительно опровергивая такое изображеніе, ссылаясь, между прочим, на свидѣтельскія показанія военных авторитетов противной стороны: «наметавшійся глаз военных» получал болѣе «реальное» впечатленіе о переворотѣ, чѣм то было у нѣкоторых его участников и даже руководителей. Покровский приводил болѣе позднее сообщеніе ген. Марушевскаго (10 ноября) Духонину: «из тѣх боевых дѣйствій, если их можно назвать боевыми, я вывожу заключеніе, что здѣсь на улицах дрались только матросы и вооруженные рабочіе, солдаты запасных полков были апатичны и, видимо, кажется, берегли себя и не желали особенно активных выступленій».

Солдаты — это крестьяне; матросы же в «классовом» смыслѣ в представленіи большевицкаго марксизма — пролетаріат, правда, деклассированный. Но массоваго участія подлинных рабочих в операціях 25-го отмѣтить нельзя, хотя органами возстанія в теоріи должны были сдѣлаться фабрично-заводскіе комитеты. Прежде всего утром в день возстанія работа на фабриках и заводах не была остановлена. Работа шла, и только в партійных комитетах, — вспоминает рабочій Балтійскаго судостроительнаго завода Мартынов, — происходили совѣщанія. В концѣ концов 235 рабочих с этого завода приняли то или иное участіе в бое-

*) За этой концепціей без критики и послѣдовал военный историк ген. Головин, утверждающій, что тыловая развращенная армія давала возможность большевикам в любой момент захватить власть. В большем соотвѣтствіи с дѣйствительностью иностранец, ген. Ниссель, отмѣтил в своих воспоминаніях, что большинство войск в Петербургѣ и Москвѣ было нейтральным. О том же свидѣтельствует и французскій яосоа Нулакс, — так ему говорили тогда всѣ, пришедшіе в мосольство.

вых дѣйствіях. С другихъ заводовъ — еще меньше. Путиловскій заводъ, имѣвшій яко бы 1.500 организованныхъ красногвардейцевъ, могъ фактически выставить лишь отрядъ в 80 человекъ, бравшій во главѣ с Сурковымъ «любимымъ ударомъ» Зимній Дворецъ. Куда разсылались 10 тысячъ красногвардейцевъ, числившихся в одномъ только Выборгскомъ районѣ, намъ неизвѣстно. А всего организаторы возстанія в своихъ партійныхъ рапортичкахъ записали 50 г. красногвардейцевъ.

Если бы в распоряженіи ВРК, дѣйствительно, были всѣ тѣ запасныя полки Петербургскаго гарнизона, которые зачислены руководителями возстанія себѣ в активъ, и захватъ «лобной атакой» Правительства являлся центральнымъ пунктомъ тщательнаго в деталяхъ обдуманнаго плана, вѣроятно, никакія случайныя обстоятельства не помѣшали бы взять слабо защищаемый Зимній Дворецъ в ночь на 25-ое или в ранніе утренніе часы, когда фактически началось выполненіе «сложнаго» стратегическаго маневра окруженія правительственнаго центра*). На самомъ дѣлѣ только в 4 ч. 30 м. дня началось это окруженіе — тогда именно, когда в Петербургъ прибыли уже испытанные в іюльскіе дни «5.000» кронштадтцевъ и матросы Балтійскаго флота изъ Гельсингфорса. Каковы в дѣйствительности были эти матросскія силы трудно сказать. Ленин требовалъ вывода всего флота, илагая, что в Петербургѣ революціи грозитъ большая опасность, чѣмъ со стороны Балтійскаго моря, но матросы сами не пожелали оголить внѣшній фронтъ. Всего по исчисленію морскаго офицера Рейнгартена, автора одного изъ значительныхъ дневниковъ современности, изъ Гельсингфорса выѣхало 1500 человекъ (1800 по словамъ Антонова). Число «кронштадтцевъ», повидимому, не превышало 2000 человекъ**). Матросы были реальной силой, которую могла поддержать рабочая молодежь изъ красной гвардіи. Последней было все-таки немного — Пѣшеоновъ в своей статьѣ на другой день в «Нар. Сл.» говорилъ о «ничтожныхъ кучкахъ» красногвардейцев***).

По первоначальнымъ соображеніямъ «балтійцы» и становились в центръ плана возстанія, которое должно было начаться в рабочемъ Выборгскомъ районѣ (предполагалось, что матросы придутъ по желѣзной дорогѣ на Финляндскій вокзалъ, такъ какъ Нева окажется недоступной для морскихъ судовъ). С периферіей возстаніе будетъ постепенно расширяться по направленію къ центру. Планъ

*) Интересное показаніе даетъ одинъ изъ молодыхъ «революціонныхъ марксистовъ» — Ураловъ. Онъ утверждаетъ, что весь тактичскій планъ на 25-ое — «Зимній Дворецъ взять, министровъ арестовать и посадить в Петропавловку» и пр., былъ разработанъ спѣшно в то утро, когда началось возстаніе, под непосредственнымъ руководствомъ Ленина: «все произошло в теченіе какихъ-нибудь 10-15 минутъ».

**) По словамъ кронштадтскихъ большевиковъ 24-го было постановлено организовать 7 отрядовъ, по 1000 человекъ в каждомъ. Такихъ добровольцевъ яко бы выступило 10 тысячъ.

*** *) В сущности такую версию впопѣхъ подтверждаетъ самъ Антоновъ-Овсѣнко в своихъ позднѣйшихъ эскизныхъ очеркахъ «В семнадцатомъ году»: «хотя, по его словамъ, должна была выполнять пассивную роль нейтрализаціи казаковъ и юнкерскихъ училищъ; основной ударъ должна была нанести «колонна» кронштадтцевъ атаккой Зимняго Дворца».

щики ВРК допускали захват Смольнаго правительственными войсками и перенос при таких условиях руководительскаго центра в Петропавловскую крѣпость. Но противодействия не было, казаки объявили нейтралитет, войска с фронта не приходили — авантюра с Зимним Дворцом и при малых силах могла увѣнчаться успѣхом.

В городъ за ночь и утро «возстаніе» распространилось чрезвычайно быстро, насколько под возстаніем можно понимать захват правительственных учреждений. Никакого сопротивления захватчикам не оказывалось. Может быть, кое-гдѣ возникала «перебрайка». Это первыя «военныя операціи», по мѣткому выраженію Суханова, походили скорѣе «на смѣну караулов». Комиссары ВРК «просто» приходили и занимали подлежащія учрежденія. Так, еще наканунѣ, двумя невооруженными даже комиссарами занято было столь важное учрежденіе, как центральный телеграф. Лагерь повстанцев дѣйствовал с совершенно развязанными руками — «играючи». Это — наблюденіе далеко не одного только Суханова. Такую же картину рисовал в своих корреспонденціях в Париж и французскій журналист Анэ. Подводя итоги на другой день, и. д. комиссара при Штабѣ Верх. Главн. подп. Ковалевскій сообщал правительственным комиссарам военных округов: «фактическое соотношеніе сил таково, что до поздняго вечера.. возстаніе происходило безкровно. Возставшіе снимали правительственные посты без всякаго сопротивления... Вначалѣ возставшіе не проявляли большой рѣшимости, но, почувствовав отсутствіе сопротивления, начали быстро захватывать всѣ главныя учрежденія. Все происходило так просто, так «стройно», по выраженію Ковалевскаго, что ему казалось несомнѣнным, что «план возстанія.. был заранѣе выработан». Но не болѣе ли прав Суханов, другим термином опредѣлившій логику руководителей возстанія: не встрѣчая противодействия, они «безобразничали»?*).

Так началось возстаніе — «грозно» в исторической перспективѣ и совсѣм не грозно в обстановкѣ дня. Жизнь столицы протекала почти так, как и в обычное время. «Толпа на улицах и в трамваях поражает своим безразличіем», — сообщает в своем донесеніи Ковалевскій. «На Невском, казалось, гулял весь город», — вспоминает большевиканствующій корреспондент американских газет Джон Рид, написавшій довольно фантастическій «эпос великой революціи» — «Десять дней, которые потрясли мір». В 11 часов утра государственный контролер Смирнов, вызванный на экстренное засѣданіе Правительства, спокойно проѣзжает по городу, и обычный вид улиц ничѣм не предвѣщает близкую катастрофу. И только в самом Зимнем Дворцѣ узнает он, что «положеніе в городѣ чрезвычайно ухудшилось». Почти аналогично и показаніе упомянутаго выше полк. Коренева: «Утром 25-го октября мнѣ, как обыкновенно, подают к гостиницѣ экипаж — ѣду во Дворец с предчувствіем чего то сквернаго, но предвѣстников

*) Схема захвата «важнѣйших пунктов» была выработана еще в июльскіе дни и, по словам прокурора Кариискаго, была найдена при обыскѣ особняка Кшесянской — тогдашней штаб-квартиры большевиков.

близкаго грядущаго опять-таки никаких не замѣчаю — на улицах все буднично и обыкновенно, привычная глазу толпа на Невском... та же дѣловая или флангирующая публика; по всегдашнему ходят переполненные трамвайные вагоны, торгуют магазины... и нигдѣ не обнаруживается пока никакого скопленія войск или вообще вооруженных отрядов... Только уже у самаго Дворца замѣтно необычное шевеленіе... Дворец снаружи принялъ болѣе боевой вид: всѣ его выходы и проходы, идущіе на Неву, облылены юнкерами. Они сидят у ворот и дверей Дворца, галдят, хохочут, бѣгают по тротуару в перегонки. Их здѣсь, примѣрно, сотни четыре человекъ...

Член Гос. Думы Шидловскій также бродит по улицам для того, чтобы слѣдить за борьбой. Он нигдѣ ея не видит. Не слышно и стрѣлбы. Все проходит «чрезвычайно тихо и спокойно». Публика поголовно смѣется. Никаких столкновеній. Только на углу Невского и Б. Морской бывший депутат встрѣтил два враждебных патруля.

Почти такое же впечатлѣніе выносит и Пѣшеконов, ходившій по улицам и разспрашивавшій патрули*).

Поистинѣ надо имѣть много фантазіи для того, чтобы уподобить, вслѣд за Подвойским, Петербург 25-го октября «военному лагерю» с броневиками на стратегических пунктах, кавалерійскими патрулями по городу и мощными военными заставами, охраняющими подступы столицы. Уже с 23-го эти нѣсколько «полков» — нѣтъ, «союзов борцов» — «сосредоточенно стояли на заставах», и военная помощь извнѣ могла придти Правительству только через их «трупы». 25-го на подступах вмѣсто «полков» были красногвардейскія «заставы», которыя, несмотря на всю свою «сосредоточенность», с легкостью проглядѣли открытый министерскій автомобиль с главверхом**). «Настроеніе совѣтских караулов совсѣм не воинственно», — сообщает Пав. Толстой 25-го свои наблюденія Войтинскому. В подтвержденіе одна сценка, зафиксированная Сухановым. В началѣ перваго часа направляется

*) Вот еще одно достаточно характерное показаніе очевидца — инж. Ауэрбаха. Оно относится уже к концу трагическаго дня. В 8 час. вечера А. отправился с пріателем «гулять»: «было как то слишком тихо и очень рѣдко попадались прохожіе» — замѣчает мемуарист. На Гороховой они «встрѣтили милиціонера, продолжавшаго на своем посту охранять порядок». В 11 час. вечера Ауэрбах с пріателем вновь вышли из дома и около Градоначальства увидѣли полевое орудіе, дулом направленное к Зимнему Дворцу, и человекъ 20 солдат, не обративших никакого на них вниманія. «Мы прошли по Гороховой и Морской к углу Невского, никого не встрѣтив на нашем пути». Здѣсь вновь орудіе, пара пулеметов... и человекъ 15 солдат и матросов, не пропускавших на Невскій любопытствующих зрителей. По их наблюденіям улицы казались «совершенно вымершими». Вся борьба ограничивалась осажденным кольцом.

***) В 1927 г. повстанческой «главверх» дал такую легендарную версію, удивительную по своей наивности через 10 лѣт: «Застава Павловскаго полка на Марсовому полѣ близ Милліонной в час ночи замѣтила карету, сопровождаемую эскадромом кавалеріи. В виду того, что заставѣ не было дано права останавливать и провѣрять проезжающих, карета была пропущена. Есть основаніе полагать, что в ней находился Керенскій. Во всяком случаѣ установлено, что на засѣданіи 25-го в Зимнем Дворцѣ он был и, выѣхав оттуда в 1 час ночи, болѣе не возвращался.

Суханов в Маріинскій Дворецъ, гдѣ засѣдаетъ Совѣтъ Республики. Путь его лежитъ черезъ Невскій и Мойку. На улицахъ оживленно, но не тревожно. Вдругъ цѣпь — не пропускаютъ прохожихъ. Сухановъ показываетъ свой предпарламентскій членскій билетъ. Цѣпь разстучается, а начальникъ говоритъ: «Неповѣстно. Приказали выступить. А зачѣмъ? Неизвѣстно. Свики же противъ своихъ. Странно». Сомнѣній не было у лѣваго политика и мемуариста: никакого настроенія нѣтъ — таксе войско разбѣжится и сдастся при первомъ холостомъ выстрѣлѣ.

То былъ, допустимъ, обманчивый миражъ. Но онъ предопредѣлялъ собой до нѣкоторой степени тактику тѣхъ, кто находился въ стѣнахъ Зимняго Дворца.

Почему Правительствомъ была избрана «недѣлая» почти безнадежная» позиція отсиживания въ Зимнемъ Дворцѣ? Для фактической защиты Зимняго Дворца почти ничего не было приготовлено — ни снарядовъ, ни продовольствія: вызванныхъ днемъ юнкеровъ не могли даже накормить обѣдомъ. Произошло это естественно, само собой: въ Зимнемъ засѣдало Правительство, въ Зимнемъ и осталось въ ожиданіи прибытія войскъ съ фронта.

При своемъ отъѣздѣ Керенскій, по его словамъ, поручилъ Кишкину временно замѣнять себя въ роли какъ бы главнокомандующаго. Другіе министры нѣсколько по иному изображаютъ обстановку. Такъ, по словамъ Смирнова, вопросъ о назначеніи Кишкина поднялся на засѣданіи Правительства. Оставить защиту Петербурга въ рукахъ Полковникова, къ которому Правительство не питало довѣрія, значило навѣрное, придти къ печальному концу. Надо было хоть въ послѣдній моментъ найти достойное лицо, которому можно было бы вѣрить дѣло борьбы е большевиками. Выборъ палъ на Кишкина. Предоставленіе ему исключительныхъ полномочій по водворенію порядка въ столицѣ съ подчиненіемъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ властей было произведено со всѣми нужными формальностями — и это какъ бы опровергаетъ версію Керенскаго. Фактъ, можетъ быть, второстепенный самъ по себѣ, но чрезвычайно показательный для дезорганизованной обстановки, въ которой происходилъ отъѣздъ министра-предсѣдателя*). Въ самый критическій моментъ — нѣсколько часовъ безвластія. Фактически еще Керенскимъ устранимый отъ дѣлъ Полковниковъ**) начинаетъ чрезвычайно пессимистически оцѣнивать положеніе. Сохранился текстъ его донесенія Духонину, помѣченнаго 10 час. 5 мин.: «Доносу, что положеніе въ Петроградѣ угрожающее. Уличныхъ выступленій, безпорядковъ нѣтъ, но идетъ планомѣрный мирный захватъ учреждений, вокзаловъ, аресты. Никакіе приказы не выполняются. Юнкера сдаютъ караулы безъ сопротивленія, казаки, несмотря на рядъ приказа-

*) Малайтовичъ, присутствовавшій при отъѣздѣ, помнитъ только, что рѣчь шла о Коноваловѣ.

**) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что ночная телеграмма въ Ставку предписывала направлять войска въ распоряженіе Полковникова; всѣ послѣдующія штабныя распоряженія идутъ уже отъ имени нач. штаба ген. Баградуни.

ній, до сих пор из спомж казарм не выступили. Сознавая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное Правительство подвергается опасности потерять власть, причем нѣтъ никаких гарантий, что не будет попыток к захвату Временнаго Правительства*)).

Вновь назначенный Кишкин, по словам Милюкова, пытался в Штабѣ «вдохнуть» вѣру, но «должен был убѣдиться, что у начальства округа этой вѣры не было». Тогда «в гнѣвъ» он отрѣшил от должности Полковника и вернулся во Дворец, чтобы оттуда «организовать сопротивление». Функции командующаго войсками были вручены ген. Баградуни. Конечно, «генерал-губернаторекія» функции самого Кишкина в это время ограничивались уже болѣе скромной задачей — не о столицѣ шла рѣчь, а только о непосредственной самозащитѣ в Зимнем Дворцѣ. Возможно, что Кишкин и назначенные им помощниками Пальчинскій и Рутенберг проявили много мужества и смѣлости в этот день. Но, что могла сдѣлать за нѣсколько часов кипучая энергія Кишкина и его несомнѣнный организаторскій талант? Его практическій опыт лежал совсѣм в иной плоскости общественной работы. По словам Кроля, Кишкин сам сознавал, что он не мог справиться с чуждым ему дѣлом и что принял свое назначеніе только потому, что и. об. военнаго министра ген. Маниковский рѣшительно отказался от руководства обороной Зимняго Дворца**).

Во всяком случаѣ Кишкину и его помощникам не удалось ввести порядка в ту невѣроятную суматоку, которая отличала правительственный лагерь. Символом организациі Зимняго Дворца могли служить тѣ случайно сложенные у параднаго входа полѣнницы дров, из которых юнкерами на скорую руку сооружены были баррикады. Маленькая деталь — забыли не только поставить охрану, но даже запереть двери у выхода из Дворца к Зимней Канавкѣ; может быть, просто не знали о существованіи такого выхода, как не знали даже внутренней топографіи Дворца вновь назначенные коменданты зданія. Через эти забытыя двери стали к вечеру проникать во Дворец матросы, солдаты, рабочіе, любопытствующіе и любители легкой воживы. Организаторы возрастанія и этот случайный промах защитников Дворца использовали впоследствии в качествѣ аргумента идеологическаго: «обитатели дворцовых подвалов в своей классовой ненависти к эксплуататорам» открыли большевикам «тайные» входы, через которые проникли агитаторы ВРК, разлагавшіе ряды защитников — то были не случайные лазутчики, а, конечно, специальные посланцы ВРК.

*) Эта телеграмма помѣчена утром 25-го в «Красном Архивѣ»; в «Архивѣ» Гессена она помѣчена 0.15 ночи. По содержанию, скорѣе ее надо отнести на утро. Она приобретает, конечно, еще большее показательное значеніе, если ее отнести к ночи, когда Полковников передавал Керенскому свои будто бы оптимистическія выкладки.

***) Исторія утренних часов в Зимнем Дворцѣ остается неясной. По кратким, чрезмѣрно кратким записям Пальчинскаго можно установить только, что был в сущности полный хаос и растерянность. Пальчинскій, покинувшій ночью правительственный центр, утром был вызван Коноваловым на засѣданіе и еще раз отмѣтил «безрезультатность» всѣх обсужденій. Он вновь покинул Дворец и вновь был вызван днем — около половины второго.

В первую половину дня члены Правительства, повидимому, не ощущали трагичности своего положенія. На пополненіе юнкеров из Петергофской и Ораніенбаумской школ, охранявших Дворец, постепенно подошли ударницы из женскаго баталіона, отряд казаков с пулеметами, батарея Михайловскаго артиллерійскаго училища, прибыла школа инженерных прапорщиков, собрались добровольцы (их отмѣчают газетные отчеты). Одним словом, скопилась нѣкоторая военная сила, как будто бы достаточная для того, чтобы продержаться до прибытія войск с фронта. Они шли, как о том свидѣтельствовали неоднократно заявленія из Ставки в теченіе дня. Правительство чувствовало себя в сравнительной безопасности — пассивность нападающих гипнотизировала сознание. Днем, вѣроятно, около двух часов Анэ направился в Зимній Дворец. Ему представился, по его выраженію, «spectacle surprenant». У Адмиралтейства он наталкивается на нѣсколько патрулей ВРК «l'air bon enfant, badaud, tranquille» — другими словами «ротозѣев». В ста метрах от них группа юнкеров сдерживала сотню таких же зѣвак из публики. Площадь пуста. Анэ показывает свой корреспондентскій билет, и его пропускают без затрудненій. Журналист встрѣчает отряд «gosses imberbes» (молокососов), будущих защитников Правительства: «c'est pitoyable et émouvant ce défilé de gamins qui veulent être héroïques»^{*)}. Дворец — какая то пустыня. Анэ проходит одну залу за другой, никого не встрѣчая. Правительство словно исчезло, и только в комнатѣ для печати французскій журналист находит двух-трех русских собратьев по перу. От них узнает он «новости».

Может быть, нѣкоторая активная инициатива против выступавших могла бы вывести из состоянія нерѣшительности и колебанія казаков и кое-какія части гарнизона, — так запоздало предполагает в своих воспоминаніях Малянтович. Но никто этой активности проявлять не намѣревался. Правительство и без Керенскаго, парализовавшаго у него яко бы волю к «дерзанію», продолжало считать главной своей задачей воздѣйствіе на общественное мнѣніе. Оно обращается с рядом запоздалых, уже не нужных и, вѣроятно, не доходивших до адресатов воззваній — к населенію за подписью зам. предсѣдателя Коновалова и к гарнизону от имени военнаго комиссара ЦИК Малевскаго и его помощника Скалова. Характерно, что Правительство в своем обращеніи пытается прикрыться прежде всего авторитетом ЦИК и Совѣта Республики — по соглашенію де с ними закрыты газеты, проповѣдующія гражданскую войну, и рѣшено арестовать главных агитаторов, призывающих войска к возстанію против государственной власти и высших органов революціонной демократіи. Неужели не казались абсурдными эти слова в сложившейся к 25-му обстановкѣ? Воззваніе грозило расправой фронта с тылом — расправой силою оружія. Момент борьбы пришел, — констатирует воззваніе: «дайте рѣшительный отпор измѣннической агитаціи и прекратите безчинства в тылу». Как это сдѣлать? «Граждане, организуйтесь вокруг Временнаго Правительства», — говорит вто-

^{*)} Может быть, то были «кадеты», участіе которых отмѣчает Смирнов.

рое обращеніе. Но как организовать, как помочь? «Призываю всѣх к полнѣйшему спокойствію», — как бы отвѣчает военный комиссар ЦИК, — «исполняйте приказы только Штаба Петербургскаго военнаго округа». Выдвигается не только авторитет ЦИК, но и самого собирающагося съѣзда совѣтов, который должен провозгласить смѣну власти: товарищи-солдаты! «контр-революціонеры только и ждут момента, когда выступленіе неизбежно превратится в погром»; военное выступленіе в момент открытія съѣзда совѣтов только может его сорвать...

Нѣтъ! Не то дѣлало Правительство, что надлежало ему дѣлать в такую отвѣтственную пору. Дешевой демагогіей нельзя было увлечь сердца тѣх, кто мог бы явиться на его защиту.

Подводя вечером итоги своих впечатлѣній за день в разговорѣ по юзу с Войгинским, Толстой резюмировал: «паном будет тот, кто соберет хотя бы небольшой кулак... практически, думаю, нѣсколько дней может быть междувластіе... а затѣм все дѣло будет за Россіей и за фронтом». Большевикам удалось создать в Петербургѣ такой «кулак», хотя бы в лицѣ балтійских матросов и нѣкоторых частей красной гвардіи. Правительство об этом даже не помышляло, и, конечно, весьма разнородная тысяча юнкеров без военнаго руководства создать нужный «кулак» не могла.

У защитников «революціоннаго» Правительства не было никакого энтузіазма — на этом как будто сходятся всѣ сидѣтельскія показанія. Ораніенбаумскіе юнкера, вызванные первыми нести охрану Зимняго Дворца и, очевидно, причисляемые к наиболѣе вѣрным Правительству войскам, через своих делегатов на гарнизонном собраніи в Смольном 18-го октября заявили, что они выступают только по распоряженію ЦИК. Отвѣчая на запрос Духонина о состояніи юнкерских школ, ген. Левицкій утром 25-го мог только сказать, что активности юнкера не проявят. То, что происходило во Дворцѣ, не могло повысить боеспособность защитников и скорѣе должно было понижать настроеніе тѣх, которые сознательно шли на вооруженный отпор большевикам. Бездѣйственное стояніе среди всевозможных слухов вплоть до того, что глава Правительства сбѣжал, переодѣвшись в платьѣ сестры милосердія, отсутствіе информации (на первых порах почему то скрывали даже самый факт пребыванія Правительства в стѣнах Дворца), постепенное ослабленіе вѣры в подход войск с фронта (складывалось убѣжденіе, что подобныя завѣренія лишь тактика и что их обманывают) должны были разлагать неустойчивые элементы. Они по обычаю того времени начинали митинговать. Наиболѣе упорными как раз оказались тѣ группы, которыя вызывали столько подозрѣнія в предразсвѣтные часы рокового дня — тѣ юнкера, которые были готовы к борьбѣ и подавленію возстанія, по замѣчанію дневника Рейнгартена, но не хотѣли «защищать Керенскаго и его Правительство». Они то и защищали революціонное Правительство до послѣдней минуты — может быть, «без одушевленія», как отмѣчает дневник Пальчинскаго.

Нѣкоторым энергичным людям возлѣ Правительства все же казалось, что имѣющіяся силы можно использовать для активных

дѣйствию. К таким энергичным людям принадлежал комиссар Верховной Ставки Станкевич. Он рассказывает с эпическим спокойствіем и даже с нѣкоторым самодовольством о той единственной неудачной попыткѣ проявить активность, которая была предпринята в теченіе дня по его инициативѣ. Эпизод совсѣм незначительный, но он был «единственным» и в силу этого заслуживает быть отмѣченным.

В Штабѣ, — повѣствует Станкевич, — «все время шли рѣчи о необходимости принять мѣры к освобожденію Маріинскаго Дворца и телефона. Но часы проходили, и дѣло дальше разговоров не двигалось... Я предложил сам пойти освободить Маріинскій Дворец и попросил дать мнѣ для этого роту юнкеров». По дорогѣ Станкевич узналъ, что у Маріинскаго Дворца «стоит броневик», и рѣшил ограничиться болѣе близким объектом — телефонной станціей. Здѣсь зашел прапорщик во главѣ группы солдат с «испуганными и встревоженными» лицами. Станкевич увидел, что задача может быть выполнена и без боя, и тогда для захвата телефонной станціи отделил десяток юнкеров. Но вдруг со стороны Маріинской площади затрещали выстрѣлы. «В миг от моей роты юнкеров осталось на улицѣ только нѣсколько человекъ, остальные всѣ попрятались по подворотням в подъѣздах домов. Положеніе было не опасно, так как я, стоя все время на улицѣ, и сравнительно спокойно наблюдая за всей картиной, не слышал, чтобы пули свистѣли мимо нас». Дальше на сценѣ появляется броневик, который «тихо и спокойно прошел мимо нас»... «Я рѣшил снять осаду», — замѣчает Станкевич, — и вернуться в Зимній Дворец. На обратном пути начальник правительственной вылазки из Зимняго потерял шоловину роты без боя — она была окружена и разоружена на Невском нейтральными войсками. Станкевич убѣдился на «опытѣ», что активная борьба почти невозможна.

Есть об этом эпизодѣ и красочный рассказ пор. Синегуба — он командовал ротой школы инженерных прапорщиков, представленной в распоряженіе комиссара Верховной Ставки. В других тонах ведется повѣсть. Она начинается с бытовой сцены, как комиссар перед голодными юнкерами на Дворцовой площади произносит двѣ патетическія рѣчи. С хлѣбом под мышкой юнкера во главѣ с комиссаром в штатском платьѣ двигаются на освобожденіе Маріинскаго дворца и застревают у телефонной станціи. Здѣсь они безуспѣшно убѣждают караул сдаться — убѣждают, не открывая огня, дабы не напоминать собой старорежимных городовых, стрѣлявших в народ. Оставив юнкеров у телефонной станціи убѣждать прапорщика — начальника караула, сам комиссар за информацией направляется на Невскій. Стояли юнкера — стоял и прибывшій в то время броневик. Вернулся комиссар. Он согласился «прекратить осаду» и «за это получил свободный проход для юнкеров». Ушли. «Если бы юнкера не были бабами, все дѣло пошло бы иначе», — заключает свой рассказ Станкевич. А юнкерам, по словам Синегуба, мерещатся упреки и насмѣшки в Зимнем, и идут они с чувством горечи к виновнику напрасных переживаній...

Как ни расширивать стратегически военные операціи, принятыя верховным комиссаром, придется признать, что в интересах Правительства было бы лучше, если бы вмѣсто описанных активных диверсій он исполнял свое обѣщаніе Духонину отправиться навѣстѣчу самокатчикам. В воспоминаніях Станкевич не обмолвился ни словом о том порученіи, которое давала ему Ставка.

Станкевич увел свой отряд раньше, чѣм на полѣ битвы появилась делегация, в лицѣ к. д. Коротнева и с. р. Захарова, посланная образовавшимся в Думѣ «комитетом общественной безопасности» — тѣм самым, который наканунѣ вел переговоры с ВРК. Делегация явилась для того, чтобы предотвратить столкновение — ей осталось только протестовать против пребыванія на телефонной станціи комиссара ВРК. Дума, ограничившаяся протестом против «всяких насильственных и вооруженных выступлений» и пригласив населеніе объединиться около «подномочнаго представительнаго органа» во имя «подчиненія грубой силы праву», фактически заняла нейтральную позицію. Этих «нейтральных» оказалось слишком много 25-го октября. Оставшаяся полурота из отряда Станкевича, возвращаясь в Зимній Дворец под начальством Синегуба, встрѣтила еще два броневика, но уже «нейтральных», выѣхавших только с цѣлью воспрепятствовать стычкам между обѣими сторонами.

Вернувшись в Зимній Дворец, взвод пор. Синегуба застал в Бѣлой залѣ Дворца митинг, организованный комитетом школ прапорщиков из Петергофа и Ораніенбаума. Представитель Правительства разъяснял обстановку момента. Но знал ли он сам эту обстановку?

Правительство не могло не ощущать своего с каждым часом возрастающаго одиночества. Зимній Дворец, постепенно окружаемый враждебной силой, в полном смыслѣ слова был изолирован — никто не пришел к нему со стороны для того, чтобы помочь и раздѣлить с Правительством отвѣтственность. Может быть, только потому, что никто еще не сознавал грозности наступившей опасности и никто еще не предвидѣл катастрофы. Из Зимняго была сдѣлана попытка искусственно вызвать отклики в столицѣ и созвать «живыя силы», которые могли бы сгруппироваться вокруг Правительства. Станкевич себѣ приписывает инициативу вызвать в Зимній Дворец делегатов от различных общественных организацій послѣ того, как Правительство отказалось послѣдовать совѣту верховнаго комиссара, поддержаннаго министром труда Гвоздевым, перейти в Думу, гдѣ собирались «общественники» и занимали, как только что было видно, скорѣе позицію нейтральную. Замѣститель предсѣдателя Коновалов разослал от своего имени во всѣ стороны посланцев с «настойчивым приглашеніем» прибыть в Зимній Дворец. О том, что вышло из этой попытки, рассказывает Набоков.

К сожалѣнію, мы не знаем, к представителям каких общественных организацій были отправлены коноваловскіе посланцы. Упоминает Набоков членов Совѣта Республики — учреждения,

формально непосредственно связанного с Правительством*). Самый Совѣтъ Республики в час дня был уже ликвидирован. Как и все в эти дни, ликвидация прошла без эффекта (высадили без грома «предбанник», — записывает Гиппиус). По обыкновению в 11 ч. утра собрался президиум Совѣта Республики. В Маринском Дворцѣ, — говорит Набоков. — было уже довольно много народа: «преобладало растеренное, взволнованное, безпомощное настроеніе». «Фракція с. р. отсутствовала совершенно; с. дем. также было немного. Авксентьев не знал, что дѣлать**)... В это время пристав Совѣта сообщил, что сейчас Керенскій проѣхал через площадь, направляясь к Воскресенскому проспекту. О том, гдѣ прочіе члены Временнаго Правительства, и что оно дѣлает, никто ничего не знал».

Как характерна такая фраза в воспоминаніях Набокова. Но, пожалуй, столь же характерен и рассказ шт.-кап. Ждан-Пушкина (нар. соц.), напечатанный в московской «Власти Народа» на другой день, т. е. 26-го октября. Ждан-Пушкин должен был посѣтить Авксентьева в Предпарламентѣ по дѣлам арміи. Около 12 час. он был принят председателем. «Спокойно выслушав наше дѣло, Авксентьев столь же спокойно сказал нам: «В эту минуту большевицкія войска занимают Дворец. Правительство собралось в Зимнем Дворцѣ под охраной юнкеров и группы офицеров. Что будет — не знаю. У Правительства здѣсь никаких сил нѣтъ. В ближайшіе дни ничего сдѣлать нельзя, ибо нѣтъ никакой власти».

Рассказ нѣсколько расходится с повѣствованіем Набокова, но итог воспріятія того, что происходило, приблизительно одинаков. Для рѣшенія вопроса, что дѣлать, — продолжает Набоков, — Авксентьев созвал сеніорен-конвент Предпарламента, во время засѣданія котораго Кускова информировала, что прибыл отряд солдат с офицером во главѣ, что всѣ выходы на площадь заняты, и что офицер желает видѣть председателя. «В отвѣтъ было заявлено, что... происходит засѣданіе Совѣта старшин, и что, когда оно окончится, можно будет переговорить с председателем». Через нѣкоторое время Е. Д. Кускова вновь... передала, что начальник отряда предлагает всѣм собравшимся... немедленно покинуть Маринскій Дворец, иначе будут приняты рѣшительныя мѣры, вплоть до стрѣльбы. Впечатлѣніе получилось ошеломляющее. Никто, повидимому, не соблазнялся лечь костями во славу Совѣта російской республики. В отвѣтъ на поставленный ультиматут была наскоро составлена трафаретная формула о примѣненіи к Совѣту насилія и о том, что при первой возможности он будет создан снова: о времени засѣданія будет сообщено повѣст-

*) По нѣкоторым позднѣйшим газетным сообщеніям (см., напр., описание происшедшаго корреспондентом «Утра Россіи» от 8 ноября) можно придти к заключенію, что вызван был в сущности лишь президиум Совѣта Республики (с. р. Авксентьев, к. д. Набоков, н. с. Пѣшихонов, с. д. Крохмаль). Извѣстити приглашаемых взялся член Комитета журналистов при Вр. Пр. Клинов, который успѣлъ, повидимому, побывать только у Набокова: его автомобиль был реквизирован, и сам он задержан.

***) Почему то Станкевич предполагает, что должно было состояться засѣданіе для пересмотра рѣшенія, принятаго накануне.

ками и объявлено в газетах, — заявил председатель, по словам репортера «Дѣла Народа»^{*)}). Члены Совѣта Республики спокойно проходили через шпалеры вооруженных людей с «обычными бессмысленными, тупыми, злобными физиономіями» по выраженію мемуариста. Но как будто бы большого озлобленія большевицкій отряд не проявлял. Набоков был убѣжден, что будет арестован; ему показалось, что морской офицер, выпускавшій собравшихся на улицу, взглянув на билет Милюкова, «заколебался, но во всяком случаѣ это продолжалось только одну секунду». Видѣли «характерную фигуру» ген. Алексѣева, «видѣли, — рассказывает Деникин, — как он рѣзко спорил... с начальником караула». Только меньшевик Дюбуа, как тов. министра труда, был арестован в Маринском Дворцѣ.

Повидимому, ни у кого даже мысли не было отправиться в Зимній Дворец^{**)}. И только в 4 часа, узнав, что в его отсутствіе на квартиру пріѣзжал посланец от Коновалова, и удивившись приглашенію, Набоков направился в Зимній Дворец. Доѣхал он до Дворцовой площади на трамваѣ. Оказалось, что площадь уже оцѣплена. Солдаты стояли рѣдкими шеренгами (Зимній Дворец «словно опутан в солдатских цѣпях», — скажут мемуаристы противной стороны). Много народа. «Трудно было понять, что происходило, и какое назначеніе имѣли разставленные войска». Набоков молча предъявил первому попавшемуся солдату свой старый пропуск в Зимній Дворец и безпрекословно был им пропущен... Но только один Набоков фактически откликнулся на разосланные приглашенія. «Само собой разумѣется, — пишет мемуарист, — что присутствіе мое оказалось совершенно бесполезным. Помочь я ничѣм не мог, и, когда выяснилось, что Временное Правительство ничего не намѣрено предпринимать, а занимает выжидательную позицію, я предпочел удалиться»^{***)}.

Возможно, что настроеніе членов Правительства могло бы измениться, если бы оно встрѣтило стклики извнѣ. Этих откликов не было. «Нас предоставили нашей собственной судьбѣ, — заключает Малянтоич: «нам словесно сочувствовали и от нас дѣятельно отрекались». В сущности и «словесныя сочувствія» историк мог бы отмѣтить с трудом. Отдѣльные голоса не создают общественнаго настроенія. «Пришли в дѣйствіе всѣ говорильни», — презрительно замѣчает министр юстиціи. Онѣ скорѣе молчали, пока медленно шли часы тягучаго прозябанія в Зимнем Дворцѣ. «Все было исчерпано, все испробовано», — писала Кускова в своей волнующей статьѣ «Ночь», явившейся первым откликом современника-очевидца на «великое преступленіе» в историческую ночь 26-го октября. Прокопович, со своей стороны, позже рассказывал, что он «употребил всѣ усилія, чтобы организовать в городѣ дви-

*) Суханов, не присутствовавшій на собраніи, рассказывает с чужих слов, что было организовано и общее собраніе наличных членов Совѣта, на котором 56 голосами против 48 при двух воздержавшихся рѣшено было разойтись, уступая насилію. (Также происходило и по отчету «Дѣла Народа»).

***) Авксентьев, по его словам, направился в ЦК своей партіи.

***) Послѣ Набокова Дворец посѣтил еще тов. мин. фин. Хрушов.

женіе в защиту Временнаго Правительства*). Уже в 7—8 час. вечера для меня стало ясно, что... на стороне Вр. Прав. никаких сил нѣтъ». Но никто не рассказал пока еще конкретно, что же пыталась сдѣлать русская общественность в этот день на помощь Правительству. Нѣкоторые намеки можно найти в показаніях доктора Фейта на московском процессѣ социал-революціонеров — Фейт управлял дѣлами Ц. К. партіи. Он пытался вызвать войсковыя части из казарм. Когда Фейт говорил по телефону в тѣ части, которыя за нѣсколько часов перед тѣм «вполнѣ готовы» были «выступить на защиту Врем. Правительства», онѣ «уже отказывались идти на площадь Зимняго Дворца».

Так никто и не выступил. Чѣм объясняется такое «удивительно молниеносное измѣненіе в настроеніи войсковых частей»? Не та же ли это психологія, в результатѣ которой Набоков ушел из Зимняго Дворца — сознаніе бесполезности своего участія при пассивной позиціи Правительства, да, пожалуй, и тѣх, которые вызывали? Русская общественность в этот трагическій день почти отсутствовала. Неужели прав Изгоев, написавшій в своих воспоминаніях: «Режим погибал при всеобщем к нему отвращеніи. Ясно было, что никто пальцем не шевельет на его защиту»? И не только Изгоев. Вот «дневник» Гиппиус. Ей, как и Изгоеву, «все видно было заранѣе» и становилось «скучно и противно». «В эту секунду нѣтъ стана, в котором надо быть. И я опредѣленно внѣ этой унижительной(?) борьбы». Поистинѣ какое то наводненіе! — Вѣдь салон Гиппиус все же являлся одним из «штабов» тогдашней общественности... А там в Зимнем росло чувство обреченности, столь ярко сказавшееся в воспоминаніях Малянтовича: «В огромной мышеловкѣ бродили, изрѣдка сходясь всѣ вмѣстѣ или отдѣльными группами на короткія бесѣды, обреченные люди, всѣми оставленные». И Смирнов говорит о разлитом кругом равнодушіи. Сознаніе обреченности ведет или к полной протраціи и безразличію или к росту чувства какой-то высшей жертвенной пассивности, почти геройскаго подчиненія неизбежному року. Так и было в Зимнем Дворцѣ.

Не только у самих министров появляется это чувство обреченности, ее видѣли и всѣ окружающіе. Разочаровавшись в возможности проявить активность среди «обреченных людей», Станкевич спѣшит уйти в город, перелѣзая «через неохраемые баррикады у ворот». У Александровскаго сада его задерживают. Он показывает свой старый офицерскій документ, и его пропускают. Свои стопы верховный комиссар направляет в Городскую Думу, гдѣ он нашел «оживленный бурлящій центр общественной антибольшевицкой работы». «Было пріятно, — вспоминает он, — почувствовать себя опять на людях не среди обреченных. Всѣ по-

*) Прокопович был арестован на улицѣ в 10 ч. утра группой «в 8—9 вооруженных людей», остановивших его автомобиль. Прокоповича препроводили в Смольный. Там в 5 час. дня его освободили. Повидимому большевики, по замѣчанію Прокоповича, «еще не имѣли опредѣленных планов дѣйствія». Прокопович снесся с Зимним Дворцом и стал организовывать общественное мнѣніе.

мѣщенія полны народа. Много засѣданій. Много предположеній. Много бодрых рѣшительных слов и увѣренных лиц»...

2. Осада Зимняго Дворца.

Трудно, соблюдая большую или меньшую точность в деталях, рассказать о том, что происходило в послѣдніе часы в Зимнем Дворцѣ. Слишком субъективны воспріятія и слишком противорѣчивы показанія очевидцев. Конечно, эти детали не могут измѣнить общей картины.

В сущности мы не знаем даже точно количества защитников Временнаго Правительства. Большевики исчисляли их цифрой от 1500 до 2000 человекъ. К вечеру ряды эти сильно порѣдѣли и в огромном зданіи Дворца казались ничтожными. Покидали Дворец «изголодавшіеся»*), покидали в одиночку и группами лавшіе духом, покидали обманутые. Едва ли не самым ярким эпизодом в этом отношеніи был уход артиллеріи — он на многих произвел удручающее впечатлѣніе. Около 6 час. вечера юнкера Михайловскаго артиллерійскаго училища, по приказу начальника училища, покинули Зимній Дворец. Впрочем, не всѣ — часть нарушила дисциплину и отказалась подчиниться приказу. По большевистской версіи распоряженіе оставить Зимній Дворец было дано начальником училища «под давленіем» Военно-Революціоннаго Комитета. В дѣйствительности артиллерія была уведена обманным путем политическим комиссаром при училищѣ, назначенным на этот пост еще в дни корниловскаго «мятежа». Он сам рассказывал в «Былом» этот эпизод и исторію о том, как он в Зимнем Дворцѣ разыгрывал роль волка в овечьей шкурѣ. При выгнѣдѣ из ворот юнкера были арестованы (повидимому, одной из «застав» Павловскаго полка) и отправлены в Училище. Ушли и казаки, по воспоминаніям Синегуба, крайне смущенные тѣм, что единственной пѣхотой у Правительства оказались «бабы с ружьем». Перед уходом они пожелали переговорить с Правительством — хотѣли узнать, на что оно рассчитывает. О бесѣдѣ рассказывает Малянтович. Правительство казакам отвѣчало то, что говорило юнкерам — оно не может отдать военного приказа: биться до послѣдняго человека; может быть, кровопролитіе будет безцѣльно и поэтому оно предоставляет свободу дѣйствій. Казачій полковник «ничего не сказал» и только «вздыхнул». Казаки ушли — «мнѣ казалось», с недоумѣніем в глазах, а, может быть, и с готовым «рѣшеніем».

В своих воспоминаніях Малянтович нѣсколько резонерствует. Он искусственно придумывает тот отвѣт, который должно было дать Правительство на вопрос военной молодежи в тот критическій момент, когда пришлось бы дѣйствовать. День прошел в ожиданіи. Изрѣдка раздавались одиночные выстрѣлы. К вечеру они стали учащаться. «Нам докладывали, что наша стража.. от-

*) Посылка пищевых продуктов не удалась, и юнкера, отправленные на грузовикъ за продовольствіем, попали в плѣн. По инициативѣ Кусковой и др. из министерства продовольствія доставлялся провіантъ в корзинах.

вѣчала на выстрѣлы или стрѣляла, когда на Дворец надвигались большевики. Стрѣляли в воздух. И этого пока оказывалось достаточно: толпа отступала». Но вот и пушечный выстрѣл. «Мы или нас?» — спросил Малянтович адм. Вердеревскаго. «Мы», — отвѣчал тот. — «Вѣроятно, в воздух», «для острастки». Пальчинскій доложил: «дан выстрѣл из пушки в воздух» — толпа отхлынула. Но должен наступить момент, когда «надо будет дать короткій рѣшительный приказ. Какой? Защищаться до послѣдняго человѣка, до послѣдней капли крови? Во имя чего? Если власть не защищали тѣ, кто ее организовывал, нужна ли она? И к нам пришли и спросили». «Мы не могли отдать приказ биться до послѣдняго человѣка, потому что, может быть, мы уже защищали только самих себя». Но «мы не могли отдать и другой приказ — сдать, потому что не знали, наступил ли такой момент, когда сдача неизбѣжна»... «Какой же военный приказ могли мы отдать? Никакого». Таким образом «мы предоставляли свободному рѣшенію наших защитников связать свою судьбу с нашей судьбой». Такой приблизительно отвѣтъ, по утвержденію Малянтовича, дали на митингѣ юнкеров юн сам, Коновалов, Карташев, Маслов, когда явилась делегация от имени защитников, настаивающая на том, чтобы Правительство выступило в полном составѣ...

«Какіе-то юнкера ушли», — мысленно как бы записывает в свой дневник Малянтович. Эта «запись» методично повторяется и послѣдняя относится к 12 час. ночи: «часть юнкеров Ораниенбаумской школы ушла». «Чѣм меньше осталось, тѣм лучше». Это, дѣйствительно, под пером Малянтовича резонерство, потому что сам же Малянтович среди других начинает усиленно взывать к общественной помощи. В шесть тридцать вечера из Петропавловской крѣпости в Штаб прибыли двое самокатчиков и предъявили ультиматум за подписью Антонова-Овсѣенко с требованіем сдачи Временнаго Правительства и разоруженія всѣх его защитников. На размышленіе было дано 20 минут, послѣ чего осаждающіе грозили открыть огонь из орудій Петропавловской крѣпости и с военных судов, стоящих на Невѣ. Ультиматум не был принят Правительством; вѣрнѣе, рѣшено было ни в какіе переговоры с ВРК не вступать. вмѣстѣ с тѣм Правительство постановило обратиться в Городскую Думу за моральной поддержкой. Одновременно начались усиленные поиски какой-либо физической помощи. Дѣлалось это при посредствѣ телефона, который оказался не выключенным. Нѣсколько раз звонил Никитин друзьям с просьбой оповѣстить всѣ демократическія организаціи о создавшемся положеніи и указать на необходимость привлечь хоть какія-нибудь части войск для поддержки утомленных защитников Дворца. В непрерывных телефонных переговорах с Никитиным, Малянтовичем, Терещенкой находилась и энергичная Кускова. Всѣ взывали о помощи. Но помощи не нашли. «Демократія или вѣрнѣе поддѣлка под нее этой помощи не дала», — с горечью замѣчала Кускова в своей статьѣ «Ночь». Кое-кто отправился в Городскую Думу, обошел фракціи с сообщеніем, что наступает трагическая развязка, и что необходимо выступить на защиту Правительства и обратиться с соответствующим призывом к населенію. Милюков

упоминает, что и Кишкин пытался говорить с Хрущевым и просить подкрепленій: что это за партія, которая «не может послать нам хотя бы триста вооруженных человек»^{*)}). Но сам Кишкин был одним из главных технических организаторов своей партіи. В газетах того времени можно найти немало широковыщательных объявленій от имени военной комиссіи партіи народной свободы — комиссія насчитывала цѣлых четыре спеціальных отдѣла. Но она ничѣм не проявила себя в день, когда оружіе рѣшало ближайшую судьбу страны. И невольно вспоминается рѣчь лидера партіи на 8-ом съѣздѣ, говорившаго о воздѣйствіи «примѣненіем силы в тѣх случаях, когда сюда являются люди, завѣдомо находящіеся на службѣ у Германіи»... Милюков самоувѣренно заявлял: революцію «можно остановить, если это... нужно для блага Россіи». Настроеніе, очевидно, стимул болѣе могучій, нежели разум и логика.

Из реальных попыток помочь Правительству мы знаем только одну, которую пытался организовать Савинков, и которая цѣли своей также не достигла. Днем Савинков отправился, по его словам, отыскивать ген. Алексѣева для того, чтобы с ним посоветоваться, что можно предпринять на помощь Правительству^{**)}. «Ген. Алексѣева я разыскал только ночью, — рассказывает Савинков, — мы рѣшили сдѣлать попытку освободить Зимній Дворец. Был первый час ночи. Я пошел в Совѣт Союза Казачьих Войск, и мнѣ удалось убѣдить представителей казачьих полков и военных училищ собрать хотя бы небольшую вооруженную силу, чтобы попытаться дать бой осаждающим Зимній Дворец большевикам. В половинѣ второго ген. Алексѣев принял депутацію юнкеров и, переговорив с ней, намѣтил план предстоящих военных дѣйствій. Этим военным дѣйствіям не суждено было осуществиться. В два часа ночи, раньше, чѣм казаки и юнкера успѣли собраться, Зимній Дворец был взят большевицкими войсками».

Деникин со слов близкаго Алексѣеву человека, ротм. Шапрона, опровергает версию Савинкова. Дѣйствительно, Савинков вечером появился на конспиративной квартирѣ, куда друзья увезли Алексѣева, принимая нѣкоторыя мѣры к его безопасности. Са-

^{*)} Милюков относит этот разговор к трем часам ночи. В третьем часу Зимній Дворец был сдан. Очевидно, обращеніе Кишкина надо отнести к болѣе раннему времени. Милюков свои свѣдѣнія передает с чужих слов, ибо сам поспѣшил уѣхать из Петербурга, по словам Ганфмаина, в самый день переворота («Руль», 10 марта 26 г.). По утвержденію Гессена, Милюкову с «большим трудом удалось скрыться в Москву», т. к. в ночь на 25 октября большевики тщательно разыскивали его (Сб. в честь П. И. Милюкова). Сообщенія Сватикова («Ил. Рос.»), что ВРК рѣшил «схватить 4-х человек, которых считал опасными для себя: Бурцева, Милюкова, Савинкова и Гр. Алексинскаго» (свѣдѣнія эти были получены Сватиковым в день переворота) никакими документальными данными не подтверждаются. В отношеніи Милюкова из протоколов ВРК опредѣленно явствует, что постановленіе об арестѣ его было принято лишь 13-го ноября.

^{**)} В статьѣ в «Русских Вѣдомостях» Савинков передавал характеристику для тогдашних переживаній деталь. Он посылит предварительно Филенко, который совѣтовал «не предпринимать ничего против большевицкаго выступленія, доказывая, что большевиков побѣдить будет легче послѣ того, как они, взяв Петроград и захватив власть, проявят полную неспособность к управленію государственными дѣлами».

винок очень театралью и с пафосом обратился к Алексѣеву с призывом выполнить свой долг и ѣхать к казакам. Тогда Шапрон стал доказывать бессмысленность такой авантюры, которая могла привести только к выдачѣ Алексѣева большевикам. Алексѣев отклонил предложеніе Савинкова, как безнадежное. Савинков был склонен и к театральности, и к пафосу, и тѣм не менѣе я не могу себя представить, чтобы он так измѣнил в своих воспоминаніях сущность дѣла. Мог запомнить и Шапрон, не сочувствовавшій предпріятію — тѣм болѣе, что Савинков в статьѣ, напечатанной в «Русских Вѣдомостях» по свѣжему слѣду (21 ноября) дал ту же версію, что и в позднѣйших воспоминаніях. Воспоминанія Грекова отчасти подтверждают изложеніе Савинкова и во всяком случаѣ свидѣтельствуют о болѣе длительных и серьезных переговорах казаков с Алексѣевым. Греков прямо говорит, что председатель Совѣта казачьих войск Аникѣев и его замѣститель Михѣев вернулись с «тайнаго засѣданія», созваннаго ген. Алексѣевым. На вторичном совѣщаніи будто бы обсуждалась совмѣстная поѣздка Алексѣева и Савинкова навстрѣчу 3-ьему корпусу ген. Краснова... В концѣ концов неосуществленныя рѣшенія и предположенія в историческом обзорѣ событій значенія не имѣют — из инициативы Савинкова ничего не вышло.

Не имѣя никакой помощи со стороны, осажденные в Зимнем Дворцѣ начинают принимать реальныя мѣры к самозащитѣ — так, чтобы продержаться до утра, когда подойдет войска с фронта. Прежде всего всѣ силы сдвигаются во Дворец — Штаб оставлен. И немудрено, что его занимают большевики отрядом всего в 50 человекъ. В Штабѣ был арестован генерал-квартирмейстер Парадѣлов и нѣсколько человекъ, находившихся с ним. Повидимому Парадѣлов сам остался в Штабѣ*), будучи не согласен с тѣм, что Правительство не приняло ультиматума (Парадѣлов подал даже рапорт об отчисленіи от должности в виду того, что у него «нѣтъ увѣренности в правильности избраннаго Временным Правительством пути»). Отказался нести обязанности командующаго и ген. Баграмуни**). Начальником обороны был назначен подп. Анашин, стоявшій во главѣ школы инженерных прапорщиков, которой суждено было сдѣлаться, как наиболѣе организованной единицѣ, основной опорой осажденнаго Правительства. Распределены были роли защитников на случай приступа, разставлены на баррикадах оставленные казаками пулеметы***).

*) Парадѣлов в «Днях» напечатал описаніе захвата большевиками Штаба. Сдѣлано это слишком картинно и поэтому не внушает к себѣ довѣрія. Не очень, напр., вѣрится, чтобы начальник большевицкаго отряда обратился к нему на чистом нѣмецком языкѣ... (по свѣдѣніям большевиков этим сводным отрядом командовал Склянскій).

***) При выходѣ из Дворца он был арестован матросами. И только случай сохранил ему жизнь. Раньше днем был арестован пом. военнаго министра кн. Тумаиов. Он погиб. Это один из немногих эксцессов «историческаго» дня.

****) Совершенно не постижимо полное отсутствіе инициативы у двух военных спеціалистов, отсиживавшихся среди других министров в Зимнем Дворцѣ — адм. Вердеревскаго и ген. Маниковскаго. На основаніи позднѣй-

Военная власть не препятствовала выходу из Дворца юнкеров, колеблющихся и сомнѣвающих. Она не руководилась тѣми соображеніями, которые выставляет Малингович, и которыя больше характеризуют его личныя ощущенія. Спаянное меньшинство — болѣе крѣпкая опора, нежели распаянная масса, подверженная разлагающему вліянію пропаганды. А послѣдняя проникала разными путями. Одним эпизодом можно охарактеризовать положеніе. Около 8 час. вечера в Зимній Дворец, приведенный уже в боевое состояніе в ожиданіи атаки, легко проникает один из руководителей осады Чудновскій. Прибывает он по приглашенію делегата Ораніенбаумской школы юнкера Киселева для переговоров о «сдачѣ», при чем юнкера «честным словом» гарантируют Чудновскому полную неприкосновенность. Чудновскій и Киселев по распоряженію Пальчинскаго были арестованы, но по настоянію юнкеров были выпущены. вмѣстѣ с ними ушла и часть юнкеров, не желавших больше сражаться.

Положеніе все еще не казалось безнадежным. В 7 час. веч. Дитерихс из Ставки бесѣдует с пор. Данилевичем. Передавая*) наштаверху телеграмму Правительства с просьбой ускорить присылку войск, Данилевич от себя добавляет: «нынѣ и нѣсколько ранѣ шла и идет стрѣльба сравнительно рѣдкая, и, думаю, нервная, так как нападенія пока не произошло, и большевики держат себя сравнительно пассивно. Во время моего разговора с вами было 3—4 орудійных выстрѣла, которые, судя по звуку, идут из нашего стана. Временное Правительство в полном составѣ сейчас в Зимнем Дворцѣ и не думает отсюда уходить до ликвидаціи конфликта.. Понемногу налаживается организація и руководство тѣми немногими частями, которыя у нас есть**). Лично думаю, что если дѣйствительно будет использовано то, что есть, то шложеніе Правительства не безнадежно». Дитерихс, сообщая о казачьих подках, которые должны придти в Петербург утром и вечером 26-го, высказывает полную увѣренность в том, что «тяжелое положеніе пройдет почти само собой».

В 9 часов вечера Правительство обратилось к населенію со слѣдующей радіо-телеграммой: «Петроградскій Совѣт Р. и С. Д. объявил Временное Правительство низложенным и потребовал передачи ему власти под угрозой бомбардировок Зимняго Двор-

ших разказов Третьякова в «Крестах», автор небезызвѣстной книги «В плѣну у обезьян» Вииберг устанавливает, что они оба считали положеніе безнадежным: или сдаться или спастись.

*) Я не знаю, из какого мѣста вел переговоры Данилевич. Большевицкіе повѣствователи говорят, что осаждающіе не обратили вниманія при захватѣ Штаба на то, что в чердачном помѣщеніи находился аппарат Юза, но провод сохранился и в военном миинистерствѣ. Вопреки офціальным утвержденіям, что зданіе военнаго миинистерства было захвачено возставшими еще за час до захвата Штаба, в дѣйствительности о военном миинистерствѣ забыли — по крайней мѣрѣ управлюющій политическим управленіем Шер послѣ 3 час. ночи информировал Ставку и говорил: «Военное миинистерство случайно не занято еще возставшими войсками, и провод является должно быть единственным в Петроградѣ не захваченным».

**) Перед тѣм Данилевич говорил с ген. Барановским на Сѣверном фронтѣ. Его выводы были пессимистичны: «невѣроятная халатность и полное отсутствіе сопротивленія».

да из пушек Петропавловской крѣпости и крейсера «Аврора», стоящаго на Невѣ. Правительство может передать власть лишь Учредительному Собранію, а потому постановило не сдаваться и отдать себя под защиту народа и арміи, о чем послана телеграмма в Ставку. Ставка отвѣтила о посылкѣ отряда. Пусть страна и народ отвѣтят на безумную попытку большевиков поднять возстаніе в тылу борющейся арміи». Около этого же времени, послѣ холостого сигнальнаго орудіянаго выстрѣла из Петропавловской крѣпости, началось фактическое наступленіе на Зимній Дворец. Дѣло, впрочем, ограничилось на первый раз ружейным и пулеметным (при участіи броневиков) обстрѣлом Дворца*). Интенсивный обстрѣл и отвѣтный огонь осажденных продолжался примѣрно около часа. Затѣм перестрѣлка замерла. Исполнительный Комитет Почтово-Телеграфнаго Союза разослал сообщеніе: «первое нападеніе на Зимній Дворец в 10 час. веч. отбито», а Правительство доводило «до свѣдѣнія»: «Положеніе признается благоприятным... Дворец обстрѣливается, но только ружейным огнем без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб».

Картина, дѣйствительно, была приблизительно такая: «Безпорядочныя толпы матросов, солдат, красногвардейцев то наплывают к воротам дворца, то отхлыывают». Эта характеристика все того же Антонова-Овсѣенко**). Пальчинскій в кратких отмѣтках в своей записной книжкѣ подчеркивал, что наличных сил для защиты было достаточно; трагично было отсутствіе команднаго состава — всего пять «дѣйствующих» офицеров. Это приводило к дезорганизациі.

Первое наступленіе на Зимній Дворец имѣло послѣдствіем сдачу ударниц женскаго баталіона — онѣ не выдержали огня, по утвержденію большевистских источников. Очевидно, эта сдача была связана с тѣм выступленіем на «освобожденіе» ген. Алексѣева, котораго не мог предотвратить начальник обороны полк. Ананьин. Ему пришлось донести Правительству, что вылазка, произведенная ударницами, «привела их к гибели». Это, конечно, было фигуральным выраженіем в словесном докладѣ, который был сдѣлан Правительству пор. Синегубом. У Малянтовича просто «записано»: женскій баталіон ушел... В ближайшіе дни в газетах того времени сообщались фантастическія свѣдѣнія о женском баталіонѣ в Зимнем Дворцѣ. Напримѣр, во «Власти Народа» 28-го, со слов пріѣхавших из Петербурга авторитетных свидѣтелей, рассказывалось, что послѣ ухода юнкеров Дворец самоотверженно защищал только женскій баталіон, разстрѣленный из пулеметов бро-

*) Броневики, которые были у Правительства, вынуждены были покинуть площадь из-за отсутствія бензина.

**) Один из маленьких эпизодов, косвенно связанный с захватом Штаба и разказанный комиссаром Петропавловской крѣпости Благоиравовым, чрезвычайно показательно рисует обстановку в первые вечерніе часы, до начала обстрѣла. До павловских «цѣпей» на Милліонной долетѣли крики «ура» и тарактѣнне пулеметов — большевики «брали» Штаб. Это вызвало полное замѣшательство в рядах возставших. Рѣшив, что юнкера перешли в атаку, павловцы предпочли отойти на Марсово поле. И только случайно оказавшіяся Подвойскій, Благоиравов и Еремѣев, прибывшіе для провѣрки слухов о взятіи яко бы Зимняго, сумѣли ликвидировать «замѣшательство».

нированных автомобилей. Батальон потерял 500 женщин. Невроятно, конечно. Едва ли в таком числѣ женщины вообще были во Дворцѣ*). Повидимому, при самой сдачѣ или вѣрнѣе при захватѣ Дворца ударниц уже не было..

В 11 час. вечера начался обстрѣл Дворца из орудій Петропавловской крѣпости.

Почему большевики так медлили с захватом Зимняго Дворца? Еще утром был заготовлен Антоновым-Овсѣенко тот ультиматум, который вручен был Правительству через Штаб в 6 час. вечера. Уже в 10 час. утра ВРК было выпущено извѣщеніе: «Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д. — ВРК». В 2 часа 35 мин. дня на экстренном засѣданіи Петроградскаго Совѣта Троцкій заявил, что «Временное Правительство больше не существует» и что в дѣйствующую армию послана радио-телеграмма о паденіи старой власти. «Судьба Зимняго Дворца, — говорил он, — должна рѣшиться в теченіе ближайших минут». Впервые на засѣданіи Совѣта открыто появился Ленин и произнес рѣчь о задачах совѣтской власти. До этого момента Ленин скрывался в задних комнатах Смольнаго в замаскированном видѣ. «Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишкѣ», — вспоминает Троцкій. — «Вид был довольно странный, но проходившій случайно мимо Дан, у котораго глаз был «опытный и наметанный», разобрал маскарад, «толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом и прошел». «Владимір Ильич тоже толкнул меня локтем: «Узнали подлецы». «Но это было не опасно, потому что в этот момент мы были господами положенія». Если бы «не опасно», зачѣм понадобился маскарад (по словам других Ленин был даже загримирован) в неприступной большевицкой цитадели — в Смольном, который охраняли «100 пулеметов»?**)»).

Минуты, исчисленные Троцким, слѣдовали одна за другой, проходили часы, а Зимній Дворец не только не был взят, но даже не было сдѣлано попыток его захватить. В ожиданіи фактическаго паденія Временнаго Правительства не открывался и съѣзд Совѣтов — вѣдь его надлежало поставить перед совершившимся фактом. Из Смольнаго шли настойчивыя требованія взять немедленно Зимній Дворец. Штаб ВРК назначил окончательный срок на три часа — в момент, когда в Совѣтѣ Ленин произносил здравицу во имя грядущей социалистической революціи. Затѣм срок был перенесен на 6 часов — момент предъявленія ультиматума.

*) Ильин-Женевскій, насчитывавшій ударниц в количествѣ 200, вѣроятно, болѣе прав.

**) Финскій коммунист Рахья, у котораго Ленин проводил послѣднюю ночь, рассказывает довольно картинно, как он с «вождем» тайком пробирался вечером 24-го в Смольный. Они встрѣтили юнкерскій патруль, принявшій Ленина, одѣтаго в самую худшую одежду и потрепанную старую кепку, за пьянаго. Вид был таков, что их не хотѣли даже свои пропускать в Смольный.

Истекли и назначенныя ультиматумом минуты, великодушно «по настоянію» Штаба осажденных срок отвѣта был продлен еще «на 10 минут». Так нетерпѣливы были осаждающіе. Началась перестрѣлка, но Зимній Дворец все еще не был взят.

Наконец, открылся съѣзд в 10 часов 40 мин. Ленин на съѣздѣ не появился. Он, как «лев» в клѣткѣ, метался в маленькой комнаткѣ подлѣ засѣданія и «ругался». Отсюда он слал одну записку за другой Подвойскому, Антонову и др. *). На съѣздѣ, открытом Даном и давшим большевикам 390 голосов из 650, происходила обычная фракціонная волокита. Представители с. р., меньшевиков, бунда, фронтовых групп, выступали со вѣщередными заавленіями протеста против заговора и захвата власти. Протестанты покидали съѣзд. Ушли с него и меньшевики-интернаціоналисты во главѣ с Мартовым, предложившіе прервать работы съѣзда до выработки платформы мирнаго разрѣшенія кризиса путем созданія общедемократическаго правительства. Лѣвые с. р., высказываясь за созданіе «единаго революціоннаго фронта», но против предложенной Троцким резолюціи с привѣтствіем «побѣдоносному возстанію», на съѣздѣ остались.

А Зимній Дворец все еще не взят. На съѣздѣ, гдѣ остались только единомышленники, объявляется перерыв. Зачѣм? Очевидно, заговорщики не очень вѣрили в прочность настроеній сѣрой съѣздовой массы — боялись «нервировать» съѣзд, по выраженію Троцкаго; другими словами — той психологической изоляціи большевиков, которая могла создаться на съѣздѣ. Только окончательная развязка, реальный конец Временнаго Правительства, ставившая съѣзд перед совершившимся фактом, могла поднять настроеніе и заставить съѣзд идти вслѣбую по трафарету за «вождем». До этого момента успѣх возстанія стоял еще под вопросом.

При таких настроеніях трудно понять, почему медлили возставшіе с захватом Зимняго Дворца, раз у них, дѣйствительно, была сила. Предположенія, котерыя дѣлал ген. Левицкій в утреннем разговорѣ с Духониным, как будто бы не были основательны. Свой разговор он закончил словами: «Малая рѣшительность большевиков, давно уже имѣвших фактическую возможность раздѣлаться со всѣми нами, и дает мнѣ право считать, что они не посмѣют пойти в разрѣз с мнѣніем фронтовой арміи и дальше указанного не пойдут». Центр настойчиво и многократно требовал активных дѣйствій против Зимняго Дворца. Дѣйствующіе на мѣстах «революціонные штабы» выдвинули внушительныя, по крайней мѣрѣ по внѣшности, силы по сравненію с тѣм, чѣм располагали защитники Зимняго Дворца. «Цѣпи» Чудновскаго, включавшія артиллерію, броневики, пулеметы и пѣхоту, подступили к самому Дворцу; Петропавловская крѣпость, гдѣ обосновался Подвойскій, грозила артиллерійским обстрѣлом; с «Авроры», окруженной миноносцами, грозно смотрѣли шестидюймовки под

*) По утвержденію Троцкаго, вмѣстѣ с «Ильичем» они лежали на полу в сосѣдней комнатѣ и отдыхали, и только изрѣдка Троцкій выходил в зал засѣданія для того, чтобы подать реплику Дану или иному оратору.

бдительным надзором Антонова-Овсѣенко. И, все-таки, что-то мѣшало приступом захватить Зимній Дворецъ.

Едва ли можно повѣрить тому, что не наступали по какому то неожиданному сантиментальному чувству — желая сохранить жизнь членов Правительства и защищающих его юнкеров, и не желая производить разрушенія во Дворцѣ*). Едва ли можно повѣрить и Подвойскому в том, что замедленіе диктовалось стремленіем добиться сдачи Зимняго Дворца, заставить защитников его сложить оружіе и тѣм морально унижить Правительство. Такая тактика не соотвѣтствует злобным и безсильным «рычаньям» Ленина в Смольном. Придется откинуть и версію, которая объясняет задержку в послѣднем актѣ возстанія желаніем избѣжать тѣх сотен героических жертв со стороны «красных», которыя были бы неизбѣжны при штурмѣ.

Было что то другое, что мѣшало активным дѣйствіям. Какія то случайности врывались в командныя распоряженія. Случайности подчас даже мелкія и комическія. Так было условлено с новым комендантом Петропавловской крѣпости Благодравовым, что по окончаніи окруженія Зимняго Дворца на крѣпостной мачтѣ будет поднят красный фонарь. И вот никак не могли поднять на мачту этот злосчастный фонарь — забыли приготовить заранее, а во всей Петропавловской крѣпости краснаго фонаря найти не могли. Был, наконецъ, получен приказ вести артиллерійскую стрѣльбу из Петропавловской крѣпости боевыми снарядами. Но орудія... не стрѣляли — не доставало каких-то частей. Пришлось наскоро искать не столько недостающих частей, сколько других артиллеристов. Присланы были два моряка. Пушки застрѣляли, но снаряды лежились внѣ зоны пристрѣла. Из 35 выстрѣлов попаданіе было только два раза и то по карнизу Дворца. «Я вышел послѣ полудня», — записывал на другой день Бьюкенен, «чтобы взглянуть на поврежденія, причиненныя Зимнему Дворцу в прошлый вечер длительной бомбардировкой, и, к моему удивленію, несмотря на близость прицѣла, со стороны рѣки имѣлось всего три отбѣйки в тѣх мѣстах, гдѣ ударила прапнель. Со стороны площади стѣны были испещрены тысячами шурь от пулеметов, но ни один выстрѣл из полевых орудій... не попал в зданіе».

Троцкій должен признать, что, очевидно, и самые вѣрные артиллеристы давали преднамѣренно перелеты. Когда захотѣли пустить в ход шестидюймовки «Авроры», то оказалось, что крейсер в силу своего расположенія по Зимнему Дворцу стрѣлять не может. И дѣло ограничилось устрашеніем — холостым выстрѣлом**). Так «басы Авроры возвѣстили міру о рожденіи новой эры», по выраженію совѣтскаго беллетриста Эренбурга.

*) Эту инкчемную легенду поддерживал впоследствии склонный к неуѣмному подчас скоморошеству Луначарскій («Бывшіе люди»): большевики де у Зимняго «хлопали своими пушками, как хлопущками» и дѣйствовали с такой «осторожностью и деликатностью, словно боялись оцарапать каких-нибудь женщин и дѣтей».

** Все большевицкія свидѣтельства опровергают слова Подвойскаго, что «Аврора» стрѣляла из своих шестидюймовок боевыми снарядами. Это отрицали на другой день и сами матросы в «дружественной» бесѣдѣ с корреспондентом «Народнаго Слова», посѣтившим крейсер. Боевой снаряд, ос-

Я нѣсколько опередил событія. Обстрѣлъ из орудій начался только в 11 час. вечера, когда в Смольном открылся съѣзд совѣтов, и когда наступил как бы послѣдній час для выполнения плана, которому мог грозить срыв. Вернемся к хронологически прерванному повѣствованію.

В тот самый момент, когда начался обстрѣлъ Зимняго Дворца, т. е. около 9 часов, собралась Городская Дума. Там Станкевич нашел атмосферу «бодрую и увѣренную». Вѣроятно, болѣе прав другой свидѣтель, Игнатьев, характеризующій обстановку в Думѣ, как «тревожную». За день ни Дума, ни руководящія в ней политическія партіи никакой помощи Правительству организовать не сумѣли, несмотря на существованіе централизованной организациі домовых комитетов с районными комиссарами и пр. «Революціонная демократія разговаривает, революціонное Правительство погибает», — с горестной язвительностью замѣтил Никитин в послѣднем своем телефонном разговорѣ с одним из друзей.

При открытіи засѣданія Думы городской голова Шрейдер сообщил, что через «нѣсколько секунд» начнется обстрѣлъ Зимняго Дворца. Дума рѣшила послать три делегациі в цѣлях предотвратить катастрофу — на крейсер «Аврору» (во главѣ с гр. Паниной), в Смольный (сам Шрейдер) и в Зимній Дворец (предсѣдатель Думы Исаев). Засѣданіе Думы было прервано. Через два часа делегациі вернулись — онѣ не были пропущены патрулями... Возобновилось засѣданіе Думы. Хоры полны публики, в проходах — общественные дѣятели и представители районных Дум. На кафедру «вбѣгает» с. р. Быховскій и взволнованно сообщает, что ему только что удалось переговорить по телефону с министром земледѣлія с. р. Масловым в Зимнем Дворцѣ. Маслов просил его передать, что положеніе во Дворцѣ тяжелое, что министры готовы погибнуть, и что послѣднее его, Маслова, слово перед смертью будет «проклятіе той демократіи, которая послала его в Правительство, а теперь измѣнила». Заявленіе это при нервной обстановкѣ произвело «потрясающее впечатлѣніе». Болѣе экспансивныя, как всегда, женщины, Панина и Нечаева, взволнованно призывают Думу идти и умереть вмѣстѣ со своими избранниками в Зимнем Дворцѣ. Дума поименным голосованіем принимает рѣшеніе идти ко Дворцу — рѣшеніе было принято 62 голосами против 14 голосов большевиков и при 3 воздержавшихся.

Послѣ рѣшенія — умереть с Правительством, — прошло полтора часа. Звонили по телефону в партійныя организациі, в Исполнительный Комитет Совѣта Крестьянских Депутатов и т. д., созывая ночью людей идти умереть на Дворцовую площадь. Сносившись с Зимним, уславливались о порядкѣ шествія, устанавливали сигналы — три раза махнуть зажженным фонарем и т. д. Возвышенная, граничащая с героическим экстазом атмосфера постепенно разсѣивалась. Настроеніе спадало. И когда уже по-

колки котораго попали во Дворец и который по компетентному разъясненію морского министра Вердеревскаго, данному Малянтовичу, принадлежал орудію с «Авроры», был, по всей вѣроятности, послан из орудія, установленнаго у дворцовой арки при входѣ на площадь.

шли, не было ни подъема, ни вдохновения. Шли, по словам Зекзинова, стройными рядами и с пѣніем «марсельезы». Прошли шагов двѣсти, и на Казанской площади были остановлены патрулем. Двигалась, вѣроятно, очень нестройная толпа — к думской процессіи присоединилась и публика. И вряд ли эта ночная «демонстрація безсилія» во главѣ с Прокоповичем и Шрейдером могла произвести импозантное впечатлѣніе на патруль, остановившій процессію. Потолкавшись с час на мѣстѣ, продрогнув и промокнув, процессія вернулась в зданіе Городской Думы.

Алданов (в «Картинах октябрьской революціи») с большой ироніей говорит об этой «исторической и истерической» сценѣ в Думѣ. Интеллигентная масса, вѣроятно, подвержена коллективному психозу, как и всякая толпа. Революціонная фразеологія тогдаственна во всѣ эпохи. Одному наблюдателю того времени (Амари) казалось, что в эти дни в русской дѣйствительности плохіе актеры разыгрывали пьесу из исторіи французской революціи. О готовности умереть говорили слишком часто, не сознавая, что подобныя слова могут к чему то обязывать. О смерти говорил Некрасов на кадетском съѣздѣ 28 марта, Милюков в дни апрѣльского кризиса, Авксентьев на московском совѣщаніи, Корнилов в Ставкѣ, Керенскій в Предпарламентѣ и еще раньше 1 марта, Дан на Съѣздѣ совѣтов; «сложить свои головы» послѣ большевицкаго переворота готовы были и Скобелев в Комитетѣ Спасенія, и Церетелли на Земском Соборѣ и Мартов. Представители Совѣта Кр. Деп. общали на Московском Совѣщаніи жизнь отдать за Врем. Правительство и т. д. Говорили всѣ, вѣроятно, искренне и с подъемом. Так и в Думѣ 25-го сознаніе того величественнаго, что должно произойти, исторгало слезы восторга. Думское рѣшеніе вызвало подъем и у осажденных во Дворцѣ. И объективно бессмысленный жест превращался в положительный фактор — людям, идущим на гибель, всегда нужна моральная поддержка: это была нравственная поддержка защитникам Зимняго Дворца. Ночная «демонстрація безсилія» со стороны Думы имѣла и другіе болѣе значительные результаты. Она совершила перелом настроенія в рядах антибольшевицкой революціонной демократіи и сдѣлала возможным тот факт, что дальнѣйшее сопротивление большевикам велось под ея флагом — наряду с идеей изоляціи мятежа оказалась возможной и идея вооруженнаго ему отпора...

И не так уже наивен был юфicioз народных социалистов («Народное Слово»), усмотрѣвшій «здоровое государственное чувство» в «героическом, полном великаго самозабвенія актѣ Петроградской Думы». Так что В. А. Оболенскій совершенно напрасно впоследствии со стыдом вспоминал свое участіе в думской процессіи, ходившей спасать Правительство («На чужой сторонѣ»).

Когда думское шествіе вернулось назад около 3 час. ночи, в Думѣ собрались представители всѣх организацій, принявших рѣшеніе организовать «Комитет спасенія родины и революціи» в составѣ представителей Думы, стараго ЦИК, Исп. Ком. Кр. Деп., ушедших со съѣзда совѣтских фракцій с. р. и с. д., Предпарламента, фронтовых комитетов, профессиональных организацій и

бодіалістических партій. Постановлено было обратиться к странѣ с призывом бороться против большевиков за восстановление Временнаго Правительства — правда, Правительства уже новаго, а не стараго состава. И все-таки — какая огромная дистанція между Комитетом Спасенія и думским Комитетом Безопасности, который вел переговоры с большевиками и в политической борьбѣ склонен был занимать позицію нейтральную! — Дума не должна вмѣшиваться в политическую борьбу, — доказывал за нѣсколько часов перед тѣм с.-р. Капица: у Думы нѣтъ основанія защищать «персональные интересы»(?) и в частности Керенскаго (по отчету «Дѣла Народа»).

«Посмертному» письму Маслова суждено было сдѣлаться послѣдней каплей, нарушившей душевное равновѣсіе многих и многих представителей революціонной демократіи — даже того ея крыла, которое никакого участія в послѣдующей вооруженной борьбѣ не принимало, а частью даже поддерживало большевиков.

Только что, в перерывѣ на сѣздѣ совѣтов, принята фракціей меньшевиков-интернаціоналистов, т. е. группой Мартова, резолюція, осуждающая «военный заговор»: переворот грозит вызвать кровопролитіе и торжество контр-революціи, которая задавит в крови все движеніе пролетаріата; единственным исходом из такого положенія могло бы явиться соглашеніе возставшей части демократіи с остальными демократическими организаціями. Частное письмо от того же 25 октября, адресованное из Петербурга в провинцію, раскрывает скобки и объясняет психологію этих людей в момент, когда, казалось бы, торжество большевизма обезпечено. Они в него не вѣрят — они осуждают большевицкое возстаніе, но противодѣйствовать ему не будут; они дадут вооруженный отпор Правительству, если послѣднее будет силою оружія подавлять возстаніе, и сами готовы умереть на баррикадах вмѣстѣ с пролетаріатом.

В Смольный доносится гул орудійных выстрѣлов. У Мартова «истерика», по выраженію большевицких наблюдателей... Взволнована и группа бундовцев во главѣ с Абрамовичем, который предлагает отправиться к Зимнему Дворцу и «погибнуть с Правительством». Каменев предпочитает «побѣдить или умереть со все-россійским сѣздом»...

И, быть может, нѣсколько неожиданно мы встрѣчаем на минном заградителѣ «Амур», который должен был начать обстрѣл Зимняго Дворца в виду «неприспособленности» «Авроры», «совѣтскую» делегацию с цѣлями, аналогичными тѣм, с которыми почти одновременно посылались делегации из Думы. Эта совѣтская делегация из двух лѣвых с. р. и двух меньшевиков-интернаціоналистов пытается убѣдить матросов не стрѣлать по Зимнему Дворцу — там находятся и министры социалисты. Кто то из состава делегации «с дрожью в голосѣ» сообщал, что «Маслов проклинал демократію»... В это время влетѣл посланец с приказом немедленно начать стрѣльбу... Другая «совѣтская» делегация направляется к Зимнему Дворцу. Она дошла до помѣщенія Штаба

и оттуда по телефону старается соединиться с Зимним Дворцом для того, чтобы «без крови сговориться». Уходили эти делегации из Смольного под «хохот и издѣвательства» большевицкой толпы, — вспоминает Бонч-Бруевич.

И не только «толпы». Мстиславскій пытается в своих воспоминаніях опошлить чувство пробудившейся общественной совѣсти у той фракціи социалистов-революціонеров, от имени которой он дѣлал предложеніе «немедля прекратить видимость боевых дѣйствій, так как слишком отвѣтственны, слишком велики стоящія перед нами рѣшенія, чтобы принимать их — отвлекаясь, волнуясь гулом канонады». Слово это подхватывает Троцкій: кому могут мѣшать звуки перестрѣлок? Напротив. Они помогают работать...

Мы не знаем, стали ли бы в дѣйствительности стрѣлять шестидюймовки с «Авроры» или орудія миннаго заградителя «Амура». Выполненіе «приказа», который мог бы имѣть «роковое значеніе», было задержано. «Мы порѣшили выждать еще четверть часа, инстинктивно чуя возможность смѣны обстоятельств» — слова эти, принадлежащія одному из руководителей боя, соответствовали моменту. Парламентеры с новым ультиматумом, во главѣ с Чудновским, проникли в среду осажденных. Цитадель Временнаго Правительства рѣшено было сдать — это было рѣшеніе начальника обороны. Наступили послѣднія минуты. Еще раз Никитин соединился по телефону со своими друзьями и передал через них «привѣт» демократіи. Когда один из говоривших (Хижняков) пытался вновь вызвать Зимній Дворец, он услышал лишь «дикій шум с отдѣльными возгласами обезумѣвших людей»...

Надо прочесть исключительно талантливыя воспоминанія Синегуба, по внѣшности как будто бы сумбурныя, но тѣм самым с поразительной образностью передающія атмосферу в послѣдніе часы Зимняго Дворца. Внѣшняя хаотичность для автора только литературный пріем. Синегуб с подлинной яркостью изображает свое собственное, граничащее с невмѣняемостью состояніе, чувства и мысли защитников Правительства и весь окружающій хаос. Залы дворца кипят просачивающимися из задних входов матросами и красногвардейцами. Часто не разберешь, гдѣ свой, гдѣ чужой. Матросы разоружают отдѣльныя группы юнкеров. С револьвером в руках, окруженный десятком юнкеров, появляется Пальчинскій, самый дѣйственный из всѣх начальствующих в Зимнем Дворцѣ. Побѣдители переходят на положеніе плѣнных. Но там, за стѣнами, тысячи, а здѣсь сотни неорганизованных, подчас без руководства, без офицеров...

Шум снаружи — это «аккомпанимент к тишинѣ», жуткой уже тишинѣ, воцарившейся в министерской комнатѣ. «Тревожный шум в самом дворцѣ» — ворвались откуда то 30—40 человек. Бросили бомбы. Опять тишина. Опять ворвалась толпа. Уже большая — человек 100. Пальчинскій доложил, что юнкера приняли ее за делегацию от Думы. Толпу обезоружили, «И вдруг возник шум гдѣ-то и сразу стал расти, шириться и приближаться». «Шум зазвучал

чал иначе». Ясно «нас берут приступом», — так снова полузаписывает, полувспоминает Малингович...

Большевицких мемуаристов — из тех, кто руководил осадой Зимнего Дворца, не удовлетворяет такая проза при описании «героического момента революции», «прекрасного», «незабвенного» захвата Зимнего Дворца. В патетических тонах стремятся они описать «подвиги красных героев» в ночь с 25 на 26 октября. Визжат ядра орудий, рвутся гранаты, трещат пулеметы. Идущие на приступ «перелетают» баррикады. Защитники смяты*). Двор занят. Врываются во Дворец. Разметывают защитников Правительства. Юнкера бросают оружие. Ищут «виновников». Взламываются двери запертых комнат. Вот дверь, у которой стоят окостеневшие от ужаса, скованные долгом юнкера. Временное Правительство! Наставляют штыки — долой! Массы врываются в комнату... Все арестованы. Низвергнутые «лепечут о защите от масс». Так приблизительно в вечер воспоминаний в 1920 году изображал дѣло Подвойский.

Трудно себѣ представить, каким образом при такой «бѣшеной» атакѣ захват Зимнего Дворца стоил «всего лишь шести жертв» со стороны наступавших. Это почти официально заявил послѣ переворота Зиновьев и позже (10 ноября) подтвердил В. Рев. Ком. — «нѣсколько раненых с обѣих сторон и 6 убитых среди войск ВРК**»). Наблюдателю со стороны этот «бѣшенный» приступ не покажется дѣйствительным боем. И он, конечно, будет болѣе прав в своих оцѣнках. «Организованной защиты не было, и несчастных случаев с той или другой стороны было сравнительно немного», — запишет сэр Дж. Бьюкенен, наблюдавший из окон англійскаго посольства в самый разгар бомбардировки, в 11 час. вечера, как трамваи продолжали спокойно проходить через Троицкій мост***).

Троцкий, написавшій исторію октябрьскаго переворота — пока единственную, если не считать соотвѣтственных страниц общаго труда Милюкова и «записок» Суханова, — не дослѣдовал в своей книгѣ дѣликом за версией большевицких апологетов; на его изложеніи операція вокруг Зимнего Дворца сказалось вліяніе «бѣлогвардейских» источников. Но все-таки «Дворец не сдался, а взят штурмом». Правда, в такой момент, когда «сила сопротивленія осажденных успѣла окончательно изсякнуть. Он повторяет рассказ Малинговича, как в коридор ворвалась уже не потай-

* Один из участников штурма, входившій в состав тысячной кронштадтской когорты (Колбин) вспоминает даже, как ударницы из окон «бѣшено» метали ручныя гранаты.

***) Настоящія цифры были, вѣроятно, нѣсколько иными. Напр., руководители рабочим отрядом Балт. Суд. завода исчисляюг свои потери также в 6 человек. Эти «шесть!» фигурируют и у кронштадтцев.

***) «Народное Слово» исчисляло раненых среди защитников Дворца цифрой 2 — им оказал первую медицинскую помощь сам Кишкин. Раненых среди нападавших было якобы 400. Во всяком случаѣ совершенно фантастичны утверждения нѣкоторых непосредственных наблюдателей (напримѣр, нѣкой Алениной, работавшей в лазаретѣ Дворца и написавшей в «Сегодня» воспоминанія к десятилѣтію революции, рассказы Третьякова, записанные Венбергом в «Крестах», говорившіе о множествѣ убитых юнкеров и женщин от орудійных снарядов).

ным ходом, а через защищаемый двор, сотня врагов, которых деморализованная охрана приняла за депутацию Думы. Вѣроятно, такой ошибки и не было. Ворвалась толпа за парламентарями и дѣйствительно тѣм самым разрушила «штыковую и огненную преграду» между наступающими и обороняющимися: площадь стала вливаться во двор, из двора во Дворец и растекаться по лѣстницам и корридорам. «В корридорах фантазмагорическія встрѣчи и столкновенія. Всѣ вооружены до зубов. В поднятых руках револьверы. У поясов ручныя гранаты. Но никто не стрѣляет, и никто не мечет гранат, ибо свои и враги перемѣшались так, что не могут оторваться друг от друга»... Вот дверь, у которой юнкера застыли в послѣдней позѣ сопротивленія. Их разоружают. Побѣдители врываются в комнату министров. «Объявляю вам, членам Временнаго Правительства, что вы арестованы», — провозглашает Антонов от имени ВРК. Часы показывают 2 часа 10 минут ночи. Члены Временнаго Правительства подчиняются насилью и сдаются, чтобы избѣжать кровопролитія, — отвѣчает Коновалов. Неизбѣжная часть ритуала соблюдена.

К словам Троцкаго нужны поправки. Их дѣлает Синегуб. Начальник обороны послал Синегуба предупредить Правительство, что он вынужден сдать Дворец, и что юнкерам обѣщано сохраненіе жизни. О Правительствѣ «парламентареры» отказались говорить. Среди министров происходит совѣщаніе о капитуляціи. Толпа, сопровождавшая Антонова, останавливается перед юнкерской охраной, и в комнату, гдѣ находится Правительство, Пальчинскій ввел лишь одного Антонова. К юнкерам вышел затѣм Пальчинскій и объявил рѣшеніе: принять сдачу без всяких условій, выражая этим подчиненіе только силѣ. что предлагается сдать и юнкерам. Послѣдних пришлось убѣждать — и Пальчинскому, и Коновалову, и кому-то еще, и доказывать, что дальнѣйшее сопротивленіе приведет лишь к безцѣльной и бессмысленной гибели. Юнкера молчали, а «шляпенка», — как окрестил Синегуб Антонова-Овсѣенко, — надрывалась въ призывах к «революціонной дисциплинѣ» по адресу наступавшей толпы.

Фальшива в значительной степени театральная инсценировка, которую пытаются изобразить и Троцкій и сам Антонов. Министры разсѣлись за столом — словно происходит засѣданіе каких-то авгуров, но авгуров испуганных: «всѣ тринадцать застыли они за столом, сливаясь в одно трепетное блѣдное лицо». Сцена выросла из фразы в воспоминаніях Мальяновича: «сидем за стол», — сказал Кишкин*). Болѣе правдиво и живоенно рассказал Синегуб: «с величайшим спокойствіем, какое может быть лишь у отмѣченных судьбою сыновей жизни, смотрѣли частью сидящіе, частью стоящіе члены Временнаго Правительства». «Мы не сдались и лишь подчинились силѣ и не забывайте, что ваше преступное дѣло еще не увѣнчалось окончательным успѣхом», — слышится чье-то мужественное заявленіе...

Ни растеренности, ни колебаній. А момент был все-таки жут-

*) Эту фразу приводит, правда, и Смирнов, добавляя: «Всѣ последовали его призыву».

кій. Во Дворец ворвалась не революціонная когорта большевицкой рати, а в полном смыслѣ слова разношерстная толпа с присущими ей эксцессами и насиліями; толпа, возбужденная боевой обстановкой стрѣльбы, порохом, бомбами. Худиганскіе элементы начали свои подвиги с разграбленія Дворца — этого не отрицают ни большевицкіе мемуаристы, ни совѣтскіе историки. Вѣроятно, здѣсь собрался весь тот «деморализованный охлос», который нѣкоторые изслѣдователи нашего недавняго прошлаго так склонны выдвигать на авансцену при описаніи октябрьскихъ дней*). В отношенія министровъ раздавались недвусмысленныя угрозы расправы. Правда, и Малянтович, и Синегуб, и Карташев указывают и на другое — на какое-то добродушіе и недоумѣніе при индивидуальномъ соприкосновеніи представителей двухъ разныхъ, какъ будто бы, міров. Стража и арестованные перекидываются замѣчаніями, которыя переходятъ в бесѣды. Даже Антонов-Овсѣенко отмѣчает, что Терещенко «насъдает» на матроса с «Авроры»: какъ вы управитесь безъ интеллигенціи; Карташевъ чуть-ли не ведетъ богословскій споръ с какимъ-то матросомъ; третій — анархист, увѣряет, что большевики захватили власть не надолго — власть должна принадлежать им, анархистамъ, эту власть отрицающимъ. Среди окранны уже выдѣляются защитники. Нѣтъ того ненавистнаго классоваго врага, котораго такъ старательно хотѣла бы отыскать большевицкая литература**).

Министровъ под охраной 25-ти конвоировъ выводятъ на дворъ — ихъ должны отвести в Петропавловскую крѣпость. Перебираются черезъ полуразбитыя баррикады. Стража в темнотѣ растериваетъ арестованныхъ. Малянтовичъ долженъ ухватиться за кушакъ своего матроса, чтобы не очутиться одному в новой враждебной толпѣ. Кто-то ударилъ Ливеровскаго, министра путей сообщенія. Два матроса ведутъ Карташева — одинъ все заводитъ в сторону, к стѣнѣ, словно хочетъ его шиккончить, другой оберегаетъ своего недавняго оппонента в религіозной дискуссіи. Онъ назвалъ даже Карташеву свою фамилію — со временемъ она войдетъ в исторію. Арестованные выведены на площадь и окружены конвоемъ. Толпа кругомъ не

*) Специальная комссія Городской Думы черезъ 5 дней послѣ штурма произвела обслѣдованіе разгрома Зимняго Дворца и установила, что в смыслѣ цѣнныхъ художественныхъ предметовъ искусства Дворецъ «потерялъ немного», хотя там, гдѣ прошли грабители, комссія натолкнулась на картины полного вандализма — у портретовъ прокалывались глаза, на креслахъ срѣзаны кожаныя сидѣнія, дубовыя ящики с фарфоромъ пробиты штыками, цѣныныя миниатюры, иконы, книги и пр. валялись на полу и т. д. Краткое описаніе разгрома дано в воспоминаніяхъ инженера Ларсона, бывшаго председателемъ думской комссіи. В первый моментъ грабителямъ не удалось проникнуть в винный погреб, представлявшій цѣнность в нѣсколько милліоновъ зол. рублей. Всѣ попытки замуровать погребъ ни к чему не привели, и пришлось в концѣ концовъ винныя бутылки разстрѣлять ружейными пулями.

**) Очень характерныя обстоятельства, при которыхъ в послѣднюю минуту самому Синегубу удалось выбраться изъ Дворца — его вывелъ мастерской, пришедшій с товарищемъ «посмотрѣть, какъ берутъ Дворецъ». Товарищъ остался в дворцовомъ винномъ погребѣ. Для уясненія различныхъ настроеній того дня столь же показателенъ и рассказъ Синегуба о томъ, какъ онъ попалъ в упомянутый уже офицерскій бестъ при Павловскомъ полку — его ангеломъ хранителемъ тутъ былъ солдатъ запаса.

так велика, как это может показаться по описаниям большевиков. Это — не тысячи, запрудившія дворцовую площадь и сплошной стѣной окружавшія Дворец, скорѣе — «кучки людей», по утверждению Смирнова, теряющіяся в обширном пространствѣ и как то неожиданно выступающія из царящей темноты. В толпѣ много пьяных. Так утврждали в своих тогда же напечатанных рассказах и министр труда Гвоздев и министр земледѣлія Маслов («Дѣло Народа»). «Настроение становится враждебным», — характеризует положеніе Малянтович. Был момент, когда толпа прорвала охрану и, по свидѣтельству Никитина («Раб. Газ.»), послѣдствія могли бы быть тяжелыми, если бы не энергичное вмѣшательство Антонова-Овсѣенко. Толпа раздраженно ищет Керенскаго, на личности котораго агитація и демагогія искусственно сосредоточили ненависть и раздраженіе. Будь Керенскій среди арестованных министров, может быть, самосуда нельзя было бы избѣжать — таково впечатлѣніе самих арестованных... Угрозы самосуда повторились на Троицком мосту, когда произошла встрѣча с новой толпой — может быть, всего «нѣсколько десятков». Какіе то провокаторскіе или озлобленные голоса кричали: «в воду их, кровопійцев, измѣнников, продавших Россію пѣщам». «Эй вы, до побѣднаго конца! Потопить их всѣх, и короток суд». «Чудесная случайность спасла нас», — утверждает Малянтович: броневик «по недоразумѣнію» стал обстрѣливать мост. Толпа разбѣжалась. Конвой и арестованные полегли на землю...

Наконец, Петропавловская крѣпость и в ней Трубецкой бастион, в казематы котораго новая власть заключила членов Временнаго Революціоннаго Правительства*). «Мякинныя люди», — назвал их печатно один из наблюдавших ход событій в октябрьскіе дни. Люди, не сумѣвшіе организовать отпор большевикам, защитить себя и государство, как бы засвидѣтельствовавшие перед исторіей истину: неспособные нести бремя власти, не имѣют моральнаго права принимать на себя отвѣтственность в революціонныя эпохи. Но эти «мякинныя люди» своим мужеством и достойным поведеніем сумѣли в послѣдніе трагическіе часы запечатлѣть в лѣтописной книгѣ судеб поистинѣ красивую и достойную страницу. Их подвиг был тогда же оцѣнен современниками; общегородское собраніе 350-ти меньшевиков-оборонцев 27 октября привѣтствовало «непоколебимое мужество, которое проявили министры Россійской Республики, оставшіеся на посту до конца под пушечным обстрѣлом и тѣм показавшіе высокой примѣр истинно революціонной доблести».

В резолюціи прозвучал голос демократіи. И все-таки каждый, кто прочитает слова Алданова: «тут русской демократіи стыдиться нечего», написанныя о «страшном вечерѣ на Дворцовой площади», законно спросит, — при чем здѣсь демократія? Какой то злой гримасой отразились в кривом зеркалѣ исторіи слова главы Врем. Пр., торжественно произнесенныя в засѣданіи петроград-

*) В Петропавловскую крѣпость был заключен и арестованный большевиками Бурцев — он успѣлъ возобновить свой боевой орган и сумѣлъ 25-го выпустить вечерній номер. Это была единственная газета, сообщившая факты за этот день.

скаго Совѣта 4 августа: «Мы дешево свою работу в пользу демократіи не продадим». Организованная демократія, можетъ быть, болѣе другихъ повинна в томъ, что этотъ «страшный вечеръ» 25 октября протекалъ при такой полной изоляціи Временнаго Правительства, и что честь демократіи, судьбы страны защищали ударницы изъ женскаго баталіона смерти, 2—3 роты юнкерской молодежи и 40 инвалидов георгіевскихъ кавалеровъ во главѣ с капитаномъ на протезахъ...

Какова же была судьба этой молодежи? Надо быть объективнымъ. Всѣ волновавшіе общество слухи о расправахъ, послѣдовавшихъ за сдачей Зимняго Дворца, слухи, попавшіе на столбцы тѣхъ органовъ социалистической печати, которые продолжали выходить послѣ переворота, и зарегистрированные потомъ в дневникахъ (напримѣр, у Гишпіус), слѣдуетъ приписать скорѣе напряженнымъ нервамъ. «Жуткіе дни, — записываетъ Милицынъ: городъ полон слуховъ о кровавыхъ расправахъ большевиковъ с юнкерами и женщинами изъ баталіона смерти. Неистовствуютъ матросы и красногвардейцы». Естественнo, что стоявшей в сторонѣ, недавно выпущенной изъ тюрьмы Вырубой уже казалось, что «убивали и рѣзали» даже «на улицахъ».

В данномъ случаѣ правъ Троцкій, замѣтившій в своемъ историческомъ трудѣ: никакихъ разстрѣловъ не было и «по настроенію обѣихъ сторонъ в тотъ періодъ быть не могло»*).

*) Это в сущности подтвердила позднѣе и специальная коммиссія, избранная Городскою Думой. Какъ будто бы противорѣчіемъ являются тѣ непосредственныя свидѣтельскія показанія, которыя были зарегистрированы на другой день. Напр., в «Дѣлѣ Народа» юнкеръ Ризинъ говорилъ о разстрѣлѣ юнкеровъ, избитыхъ в Зимнемъ Дворцѣ и приведенныхъ в казармы Павловскаго полка: солдаты стрѣляли при попыткѣ бѣгства со стороны юнкеровъ и «много было убитыхъ». Ризинъ былъ в числѣ «бѣжавшихъ» — в своемъ возбужденномъ состояніи онъ не могъ быть, конечно, объективнымъ очевидцемъ.

Милицынъ говоритъ, что часть юнкеровъ, отведенная в помѣщеніе учебной команды Преображенскаго полка, тутъ же стала выпускаться группами на свободу. Об этомъ узнали матросы, явились в казарму и избили инициатора освобожденія, члена полковаго комитета Иванова: «преображенцы, к стыду своему, его не отстояли».

В печати тѣхъ дней уже можно встрѣтить прямое опроверженіе сообщенныхъ слуховъ. Напр., «Народное Слово» разъясняло, что слухи о разстрѣлѣ юнкеровъ в Петропавловской крѣпости возникли на почвѣ столкновения одного юнкера «психически ненормальнаго», со стражей. Послѣдняя угрожала примѣнить оружіе. Газеты отмѣтили лишь отдѣльные случайные самосуды. Добавимъ, что женщины-ударницы были освобождены по настойчивому требованію англійскаго посольства — ген. Ноксъ для этой цѣли специально ѣздилъ в большевицкую главную квартиру в Смольномъ институтѣ. «Вечеромъ (26-го), — записываетъ Бьюкененъ, — два офицера инструктора женскаго баталіона пришли к моему женѣ и просили постараться спасти женщинъ, защитницъ Зимняго Дворца, которыя послѣ сдачи были отправлены в одну изъ казармъ, гдѣ солдаты обходились с ними самымъ грубымъ образомъ».

К повѣствованію «беллетристическому» надо отнести розсказъ Синегуба со словъ солдата о томъ, какъ в Павловскомъ полку разстрѣливали женщинъ, сопротивлявшихся насилію или оказавшихся венерически больными. Группа «ударницъ» в «Дѣлѣ Народа» особо опровергала эти розсказы.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Крестьянское движение в 1917 году*).

Одним из объективных условий успеха накануне выступления Ленин считал рост крестьянских «возстаній». Партийная оппозиція Ленину, боровшаяся против самогипноза «вождя», утверждала, что «крестьянское движение еще только начинается».

Кто же объективно был прав? В советской историографіи нѣтъ сомнѣній: «красный октябрь» шел в деревню с «головокружительной быстротой», — утверждает Мартынов, комментирующий в «Красном Архивѣ» (XIV) документы Главнаго Земельнаго Комитета; в октябрѣ крестьянское движение поднимается уже «на ступень войны», — заключает Яковлев в предисловіи к изданному в 1927 г. в серіи «Архива Октябрьской революціи» матеріалам Главнаго Управления по дѣлам милиціи («Крестьянское движение в 1917 г.»). Пожалуй, приблизительно подобный вывод дѣлает и большая часть эмигрантской исторической литературы, почти так же оцѣнивает положеніе подчас и обостренное воспріятіе современников. Вот непосредственное свидѣтельство одного из тѣх, кому пришлось играть роль «миротворца» в деревнѣ в бурную эпоху аграрных столкновений — с. р. Климушкина. К сожалѣнію, он точно не опредѣляет уѣзда, куда был командирован для успокоенія начавшагося там волненія, — повидимому, в одной из губерній центрально-земледѣльческаго района. Канун большевицкаго переворота, по его характеристикѣ, был періодом «погромнаго хаоса»**). Конечно, круг личных наблюденій всегда ограничен, и рисковано на основаніи индивидуальных выводов дѣлать обобщающее заключеніе. Лучше обратиться к тому статистическому матеріалу, который может быть в нашем распоряженіи. Пока единственной болѣе или менѣе полной статистикой аграрных волненій в дни революціи являются данныя, которыя собраны были Управленіем по дѣлам милиціи на основаніи еженедѣльных свѣдѣній, поступавших от агентов власти о «выдающихся происшествіях» и «правонарушеніях» на мѣстах, или частных жалоб, доходивших до центра. Каждый мѣсяц Управленіе дѣлало общую сводку этих свѣдѣній по опредѣленным рубрикам, дополняя их «сообщеніями газет». Получился в итогѣ первостепенный по важности историческій матеріал.

Много лѣтъ уже прошло с тѣх пор, как были опубликованы указанные матеріалы, но, повидимому, никто из наших экономистов в эмиграціи, к сожалѣнію, анализа их не произвел. Я попытаюсь дать читателям хотя бы нѣкоторое общее представленіе о выводах, которые вытекают из разсмотрѣнія данных, заключающихся в сводках Гл. Упр. по дѣлам милиціи. Они расходятся с произвольными, на мой взгляд, выкладками советских комментаторов. Так упомянутый выше Яковлев в своем предисловіи писал: «Свой выбор крестьяне сдѣлали в сентябрѣ и октябрѣ... аг-

*) В свое время напечатано было в № 109 «Знамя Россіи» — органѣ группы «Крестьянская Россія».

**) Статья «Аграрное движение в 1917 г.» в «Волѣ Россіи» 1925, кн. VI.

рарное движение поднимается на уровень крестьянской войны... Один октябрь дает 42,1% всех случаев разгромного движения, зарегистрированного за время февральской революции... Такое качественное изменение движения сопровождается огромным количественным ростом движения. Число имѣний, захваченных аграрным движением, выросло в сентябрь по сравнению с августом на 30,2%, а в октябрь по сравнению с сентябрем еще на 43,2%»...

Нам неизвестно, по какому принципу дѣлал Яковлев свои исчисления для октября — информационное бюро Гл. Упр. Милиции в октябрь уже не успѣло подвести итогов своей статистики. Сводки остановились на сентябрьской регистраціи. Я боюсь утверждать, что исследователь получил 30% увеличение в сентябрь по сравнению с августом — путем механическаго сложения нѣкоторых данных различных рубрик сводки милиціи. Формально такое искусственное преувеличение можно получить, но разсвѣять фикцію не представит большого труда. Раскроем внутреннее содержание этих рубрик.

Свѣдѣнія о численности и родѣ правонарушений, поступивших в Управление Милиціи, относятся к весьма разным категориям — вплоть до контр-революціонных дѣяній или незаконнаго запрещенія игры на биллиардѣ, вынесеннаго Ораниенбаумским волостным комитетом. Ясно, что подобныя графы статистической сводки должны быть нами отброшены. Остаются четыре основныя рубрики: земельныя правонарушения, програмно-захватныя, профессионально-промышленныя и военныя эксцессы. Столь же очевидно, что послѣднія двѣ, хотя бы и касались деревни, к нам отношенія не имѣют. Какіе факты составители сводки вводят в рубрику погромно-захватных дѣяній? — самоуправства, кражи, грабежи и т. п. Из них мы должны были бы выдѣлить всѣ нарушенія порядка, непосредственно не связанныя с земельным вопросом: беспорядки при реквизиціи хлѣба, разгром продовольственных управ, самосуды над конокрадами, грабежи и убійства, так сказать, на «большой дорогѣ» и прочіе подобныя эксцессы. Обратим вниманіе на то, что захват, разгром имѣній и поджоги отнесены в спеціальную рубрику и помѣщены в отдѣл «земельных правонарушений». Если мы возьмем теперь сводку за сентябрь, то сразу бросится в глаза полное несоотвѣтствіе в каждой отдѣльной губерніи между цифрой «погромно-захватных» и «земельных» правонарушений: максимум «погромно-захватных» правонарушений отмѣчен для Московской губ. — 100 при 3-х «земельных правонарушениях»; 82 для Петербургской губ. при 4-х «земельных», т. е. на первом мѣстѣ стоят столицы; затѣм идут провинціи с большим городом — наприм., Харьковская 43 на 18; Херсонская 42 на 8; Ярославская 11 на 1. Но что еще болѣе показательно! — в Рязанской губ., занимающей второе мѣсто по числу аграрных волнений и отмѣченной 61 «земельных правонарушений», будет показано лишь 8 «погромно-захватных» случаев. И только в одной Тамбовской губ. получается нѣкоторое, скорѣе случайное, совпаденіе цифр — 82 и 84, которое можно объяснить совершенно особенными мѣстными условіями.

Какой же вывод сам собой напрашивается? Тот, что при ха-

характеристикъ аграрных волнений из всей статистики надлежит исключить группу «погромно-захватных» правонарушений, хотя, вѣроятно, факты физического насилія размѣщены именно в этой группѣ. Рост «погромно-захватной» статистики дает, конечно, представление о расплывающейся по странѣ анархii (387 для iюля; 444 — август; 958 — сентябрь), но он отнюдь не дает картины специально крестьянскаго аграрнаго движенiя, так как в подавляющем большинствѣ случаев не имѣет никакого к нему отношенiя. Статистика же «земельных» правонарушений дает итоги, расходящiеся с выводами совѣтских исторiографов. Аграрное движенiе вышей своей точки достигает в iюль — 1122 земельных правонарушений; затѣм начинается пониженiе: 691 в августѣ и 629 в сентябрѣ. Еще отчтливѣе предстанут эти итоги, если мы возьмем рубрику, названную в сводкѣ «разгромом имѣнiй»: 236 для iюля; 180 — август; 112 — сентябрь (мы присоединили в сентябрѣ и поджоги, которые стали к этому времени сводкой выдѣляться особо).

В литературѣ по разному будут объяснять причины паденiя кривой крестьянскаго движенiя в августѣ: совѣтскiе офицiозы скажут о временном влiянii карательной политики правительственной власти; эмигрантскiе изслѣдователи будут объяснять уменьшенiем дезертирства с фронта, страдной порой и т. д. Но не правильнѣе ли среди «других причин» на первое мѣсто поставить организующее начало, которое так или иначе вводила в крестьянское движенiе дѣятельность земельных комитетов? Можно признать эту дѣятельность неудовлетворительной — правительственную инструкцiю 16 iюля, преподанную земельным комитетам в качествѣ руководства, Пѣшеховов в свое время назвал «публицистической статьей». Не всегда земельные комитеты являлись проводниками правительственных распоряженiй, не рѣдко бывали случаи, когда не только волостные, но и уѣздные комитеты превращались как-бы в зачинателей крестьянскаго движенiя, но на ряду с этим была у них, несомнѣнно, и умиротворяющая роль. Материалы, собранные милицiей, дают довольно наглядныя иллюстрацiи. И становится до нѣкоторой степени понятным, почему с августа число случаев неорганизованнаго движенiя растет за счет форм движенiя «организованнаго». Возможно, что это слѣдует поставить в актив большевицкаго балакса, но только как реальный плод успѣха разнузданной демагогii пришлых «балтiйских» и иных агитаторов среди неустойчивых элементов деревни. Не только неустойчивых, но и «голодных». Материалы официалнаго обзора «продовольственнаго дѣла на мѣстах» совершенно опредѣленно, со своей стороны, устанавливают порою непосредственную связь волнений с голодом, когда населенiе за полным истощенiем своих запасов хлѣба переходит к потребленiю «суррогатов», начинает расхищать общественные магазины и т. д. «Голодные бунты», в сущности, надлежало бы выдѣлить особо из общей статистики аграрных правонарушений...

Если мы продолжим свой анализ, ограничившись уже рубрикой «захваты» и «разгром» имѣнiй, то вскроем и еще одно характерное явленiе. «Война» не вспыхивает повсемѣстно — за при-

ливом идет отлив; волна возбужденія смѣняется успокоеніем. Возьму нѣкоторыя из тѣх губерній, которыя изслѣдователи относят к большевицким очагам. Вот скала разгрома имѣній в этих губерніях по мѣсяцам — июль, август, сентябрь: Воронежская — 10, 9, 0; Тамбовская — 2, 8, 58; Орловская — 11, 5, 4; Рязанская — 8, 2, 32; Тульская — 7, 4, 0; Пензенская — 18, 11, 3; Саратовская — 13, 1, 5; Самарская — 8, 16, 0; Симбирская — 2, 2, 0; Казанская — 22, 1, 0. Итак, сентябрь дает рѣшительное пониженіе «захватов» и «разгромов», за исключеніем губерній Тамбовской и Рязанской. Донесеніе Тамбовскаго губернскаго комиссара поясняет, что волна безпорядков захлестнула 14 волостей Козловскаго уѣзда: «пострадало 54 усадьбы и хутора, из коих дѣлком или частью сожжено 18, остальные разгромлены и разграблены. Около одной трети пострадавших — крестьяне, хуторяне, отрубники и мелкіе собственники». Очень показательно свидѣтельство представительницы эсэровской партіи Слетовой («Дѣло Народа» 24 сентября), указывавшей, что в Козловском уѣздѣ одно село выступает против другого иногда из-за дѣлежа добычи, а иногда из-за отказа идти громить помѣщичью усадьбу. Из нѣкоторых сел крестьяне умоляют о полицейской помощи. Второй по числу разгромов в сентябрѣ является губернія Рязанская, гдѣ продовольственный вопрос получил исключительное обостреніе. Почти всѣ случаи разгрома (их зарегистрировано 32) подают на Раненбургскій уѣзд, сосѣдній с Козловским. Официальное донесеніе отмѣчает, что громили помѣщичьи усадьбы в Раненбургском уѣздѣ преимущественно тѣ же самые козловскіе крестьяне и какіе-то пришлые люди, вооруженные револьверами и бомбами. Может быть, под именем «козловских» крестьян фигурируют отчасти и чужаки — крестьяне из «голодных губерній», скопившіеся в огромном количествѣ именно в Козловском у., скупающіе хлѣб и повысившіе тѣм самым «дѣны на хлѣб до невѣроятных размѣров»? По утвержденію писателя Наживина в Раненбургском уѣздѣ громящая толпа дѣйствовала под водительством явно ненормальнаго человѣка драматурга Полевого.

Общій итог «земельных правонарушеній» за семь мѣсяцев революціи, до 1-го октября, по данным сводок выразился в цифрѣ 3499, из коих 767 падут на рубрику «разгромы» и «захваты» имѣній. Насколько свѣдѣнія эти могут соответствовать реальной дѣйствительности? Едва ли приходится сомнѣваться в том, что при самом тщательном подборѣ данных, інформаціонный отдѣл Гл. Упр. по дѣлам милиціи не мог зафиксировать всѣх случаев «стихійнаго столкновенія десятков милліонов крестьян с десятками тысяч помѣщиков». Составители сборника указывают, что в сводном докладѣ о «главнѣйших правонарушениях с 1 марта по 1 октября» (его нѣтъ в опубликованных матеріалах) отмѣчается недостаточность свѣдѣній: «мѣстные власти вплоть до настоящаго времени не вполне сознают необходимость неуклоннаго исполненія неоднократно обращенных к ним со стороны Гл. Упр. требованій о доставленіи свѣдѣній, освѣщающих главнѣйшія проявленія мѣстной жизни». На ряду с этим в свѣдѣніях появлялись и преувеличенія — так телеграммы, касавшіяся единичных случа-

ев, иногда в сводкѣ отмѣчались, как «правонарушенія» в дѣлом уѣздѣ. Важнѣе то, что сообщенія неходили по большей части от лиц пострадавших и, естественно, склонных, как к преувеличеніям, так и обобщеніям. Ограничусь одним примѣром, относящимся уже в октябрьским дням. 17-го октября всероссійскій союз земельных собственников телеграммой на имя министра-предсѣдателя сообщает: «В губерніи (Тульской) анархія растет. В Ефремовском уѣздѣ полному разгрому подвергается от 10 до 20 имѣній в день». Через нѣсколько дней тот же союз телеграфирует: «в губерніи разгромлено болѣе 30 имѣній». Поэтому, нерѣдко между офѣнной положенія правительственным комиссаром и земельными собственниками происходят расхожденія — по мнѣнію первого, наступает успокоеніе, по мнѣнію вторых, — анархія растет. И оптимизм правительственнаго комиссара едва-ли возможно вездѣ объяснить обычной административной отпиской о «благополучности» губерніи.

Еще раз приходится повторить, что статистика Гл. Упр. Милиціи все же единственный пока источник для опредѣленія роста аграрнаго движенія в революціонные мѣсяцы — только из нея приходится исходить при общих выводах и офѣнках.

Какую интенсивность приобрѣло крестьянское движеніе в первые три недѣли октября? Цитированныя сводки кончаются сентябрем. Чрезвычайно рискованно дѣлать самостоятельные подсчеты, не зная методов, примѣненных к подсчетам предыдущих мѣсяцев, тѣм болѣе, что матеріалы, на основаніи которых дѣлались сводки информ. бюро Главн. Управл. Милиціи напечатаны не полностью — приведены лишь сообщенія, формально касающіяся так или иначе деревни. Самостоятельным подсчетом можно придти при таких условіях к совершенно произвольным заключеніям. Но на-лицо один довольно объективный признак, хотя и внѣшняго характера — число сообщеній, полученных центром с мѣст. Естественно, там, гдѣ движеніе принимало стихійный характер, количество увѣдомленій увеличивалось. И мы видим приблизительно одинаковое отношеніе между сентябрем и октябрем в рядѣ тѣх центральных губерній, которыя взяты были нами за образец: 8—10; 10—12; 8—8; 7—7; 7—6 и т. д. Ничего из ряда вон выходящаго не произошло. Аграрныя волненія держатся приблизительно на том же уровнѣ. Число их остается высоким в Рязанской губ.: 23 сообщенія в сентябрѣ и 24 в октябрѣ. Волненія продолжаются в Раненбургском уѣздѣ и захватывают постепенно Скопинскій и Данковскій уѣзды. Появляются на сцену «балтійскіе агитаторы» — не тѣ ли пришлые люди с «бомбами», которые дѣйствовали в Козловском уѣздѣ? Успокоеніе наступило в Тамбовской губ., гдѣ число сообщеній снижается до 9 (вмѣсто 20 в сентябрѣ), при чем губернскій комиссар опредѣленно свидѣтельствует: «последнія двѣ недѣли порядок в губерніи не нарушается. Предотвращенію аграрных беспорядков содѣйствует распорядженіе земельной управы об учетѣ всѣх частных имѣній с указаніем на возможность передачи их в вѣдѣніе земельных комитетов». И только из Спасскаго уѣзда от 14-го поступает лаконическое сообщеніе: «идет разгром имѣній». Скачек дает в октябрѣ

Тульская губ. — 19 сообщеній против 9 сентябрьских: из сосѣдней Рязанской губ. волненія перебрасываются в Ефремовскій уѣзд.

На-лицо, таким образом, типическія черты распространенія крестьянских волненій, когда психическая массовая зараза идет с этапа на этап. Но дѣло очень еще далеко от того, чтобы признать за крестьянским движеніем характер «войны». Октябрьскія сообщенія с мѣст внутренним своим содержанием мало отличаются от свѣдѣній, поступавших в предшествующіе мѣсяцы, и, во всякомъ случаѣ, вовсе не имѣют того «разгромнаго» характера, как это рисуется по субъективным воспріятіям современников и объективным выводам нѣкоторых изслѣдователей. Матеріалы не дают никаких данных для утвержденія, что перед большевицким выступленіем аграрное движеніе в формѣ частичных разгромов помѣщичьяго хозяйства «почти» исчезло, уступив свое мѣсто «полным разгромам и поджогам». Дѣйствительность, как будто бы, подтверждала противоположное и возможно, что уменьшеніе аграрных волненій объясняется отчасти тѣм, что во многих мѣстах фактически земля перешла в вѣдѣніе земельных комитетов. Было и другое. Та подмосковная губернія, в которой в сущности до самого ноября не было в деревнѣ недоразумѣній, — (о ней рассказывает автор очерка «К познанію Россіи», напечатаннаго в эмигрантской «Русской Мысли» — в журналѣ П. Б. Струве), не представляла собой единичнаго исключенія.

Итак, за мѣсяц до Учредительнаго Собранія Временное Правительство во всякомъ случаѣ не стояло на краю «пропасти», поскольку эту пропасть вырывала «аграрная революція», превращавшаяся, будто бы, во «всероссійскую пугачевщину», которая, как то утверждал Ленин, направлена была против «правительства Керенскаго». («Кризис назрѣл»).

Ч А С Т Ь І І

ПОД ЗНАМЕНЕМ РЕВОЛЮЦІОННОЙ ДЕМОКРАТІИ

«...никто никогда не возьмет у
нея (нашей родины) свободы, которая
завоевана всѣм народом».

(Керенскій на Гос. Сов.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НА ФРОНТѢ

1. Керенскій и Черемисов.

«Единодушным возстаніем солдаты и рабочіе побѣдили без всякаго кровопролитія», — гласило обращеніе ВРК к фронту в день переворота в Петербургѣ 25 октября. Безполезно ставить вопрос, как могло бы повернуться дѣло, если бы Временное Правительство при измѣнившихся настроеніях в рядах вождей революціонной демократіи додержалось до утра 26-го. Молодые защитники Зимняго Дворца с горечью негодовали, как все «вышло просто до изумительнаго». «Был и смѣх, и горе, и убожество, обидное до боли», — так на другой день пор. Данилевич характеризует происшедшую катастрофу в разговорѣ по юзу с ген. Барановским в Псковѣ. В итогѣ «обыватель, заснувшій при Временном Правительствѣ и проснувшійся при совѣтской власти, недоумѣвал».

Ожидавшіяся войска с фронта — эта мечта отсиживавшихся в Зимнем Дворцѣ, не появились. Я не ошибусь, если скажу, что по общему представленію основной задержкой в продвиженіи войск на помощь Временному Правительству, имѣвшей столь роковыя послѣдствія, явилась неожиданная отмѣна ген. Черемисовым соотвѣтствующаго распоряженія Верховнаго Главнокомандующаго, отмѣна, произведенная по собственной инициативѣ. Эту версию, естественно, развил в своих воспоминаніях Керенскій.

Пріѣхав в Псков около 8 час. вечера и остановившись у своего шурина ген. квартир. Барановскаго, Керенскій вызвал к себѣ главнокомандующаго Сѣверным фронтом. Черемисов, по словам Керенскаго, пытался доказать, что в его распоряженіи нѣтъ никаких войск, которых он мог бы двинуть с фронта, и что, кромѣ того, он не ручается за личную безопасность Главковерха в Псковѣ. Тут же Черемисов сообщил, что он уже отмѣнил приказ Керенскаго, не скрывая, что он и не хочет связывать себя с судьбою обреченнаго Правительства. Черемисов должен был итти на засѣданіе мѣстнаго ВРК. Он общал Керенскому окончательно его информировать послѣ выясненія обстановки на засѣданіи и прислать ген. Краснова, который во главѣ 3-ьяго корпуса должен был двигаться на Петроград и который ожидался в Псковѣ «с минуты на минуту».

Исторія не располагает объективными методами психологическаго анализа — как отгадать потаенныя мысли и выяснить вну-

тренніе мотивы, побуждающіе человѣка дѣйствовать в опредѣленном направленіи? Черемисов считался ставленником революціонной демократіи и даже числился среди первых кандидатов на пост верховнаго главнокомандующаго в корниловскіе дни*). Его кандидатуру выдвигали и позже, так как в ЦИК полагали умѣстным на верховном военном посту видѣть военного специалиста. Против Черемисова в своей газетѣ в предоктябрьскіе дни вел ожесточенную кампанію Бурцев, обвиняя его в слишком «дружественном» отношеніи к большевикам**). О таком сочувствіи не приходится и говорить — в послѣдующих неоднократных переговорах с представителями фронтовых организацій главнокомандующій Сѣверным фронтом в октябрьскіе дни слишком опредѣленно всегда подчеркивал безнадежность позиціи большевиков и их полную изоляцію среди остальной демократіи. Генерал, если даже не сочувствующій большевицкому перевороту, то косвенно его пріятшій, не мог бы через три дня выразиться так, как выразился Черемисов 28 октября в разговорѣ по прямому проводу со своим подчиненным и пріятелем, командующим 12-й арміи ген. Юзефовичем. Сообщая ему, что «большевики хотя и захватили в свои руки власть, но осуществить ее не могут» в силу общаго саботажа («во всѣх министерствах и административных учрежденіях всѣ служащіе при появленіи большевиков расходятся»), Черемисов спрашивает: «а имѣются какія-либо свѣдѣнія о нѣмцах берлинских?» — «Не совсѣм понимаю твой вопрос», — недоумѣнно замѣтил собесѣдник. «Я говорю о настоящем противникѣ». Сама судьба Черемисова дает отвѣтъ — с приходом большевиков к власти он не раздѣлил карьеры ген. Бонч-Бруевича и одним из первых был арестован новым главковерхом Крыленко. В «петербургской передрагѣ» Черемисов мог склоняться к той полу-нейтральной позиціи, которой отмѣчалась тактика значительной части революціонной демократіи и которая соответствовала в значительной степени настроеніям фронта; к тому же и личныя наблюденія в Петербургѣ могли тянуть вѣсы в эту сторону — «передрага» должна была, по его представленію, сама собой придти к естественной кончинѣ.

До пріѣзда Керенскаго Черемисов был уже информирован о положеніи дѣл в Петербургѣ ген. Багратуни. Их разговор был лаконичен: «правительство лишено остатков власти и возможно покушеніе на захват самого правительства», — сообщает Багратуни. — А что дѣлают казаки? — Казаки, в теченіе цѣлой ночи, несмотря на ряд приказаній, полученных ими, не выходили. — Слѣдовательно, они отказываются выполнять ваши приказанія? — До сего времени они не исполняли. — Хорошо, благодарю вас.

*) Кандидатуру Черемисова — «героя Галича» — поддерживали представители не только «революціонной демократіи». Его усиленно проводил на пост начальника Штаба Верх. Глав., т. е. на пост помощника Керенскаго, как свидѣтельствует Вырубов, член Правительства Коновалов.

**) Начальник французской военной миссіи ген. Ниссель на основаніи такой информации в своих воспоминаніях идет дальше и говорит уже о «тайном соглашеніи» ген. Черемисова с большевиками. Ниссель увѣряет, что Верховскій будто бы хотѣлъ арестовать командующаго Сѣверным фронтом.

До свиданія». Ясно, Временное Правительство никакой силой не располагает. Не желая вмѣшиваться в «передрагу», Черемисов, конечно, мог руководиться и непосредственным интересом фронта. Положеніе Сѣвернаго фронта было угрожающим со стороны возможнаго наступленія нѣмцев и очень непрочным в смыслѣ настроеній нѣкоторых частей арміи. Сѣверный фронт, по выраженію ген. Нисселя, был «le plus mauvais de tous». Гражданская война на фронтѣ грозила окончательным развалом арміи. А тогда? — «Тогда, — отвѣчал Черемисов ген. Болдыреву 1-го ноября, — нѣмцы сметут Россію с карты Европы». «Настоящим противником» для Черемисова всегда оставались, как он выразился, «нѣмцы берлинскіе». Черемисов, умѣвший так или иначе ладить с фронтовыми организаціями и держать их в предѣлах все же внѣшней дисциплины*), желал предупредить «братоубійственныя распри», которыя должны были «гибельно отразиться на оперативной сторонѣ дѣла». Распоряженіе Главковерха о снятіи войск с фронта, сдѣланное не по соглашенію с мѣстным командованіем и вопреки предположеніям, которыя выяснились на совѣщаніи в Петербургѣ 23-го, вносили ненужное и преждевременное нарушеніе порядка на фронтѣ.

Одним «революціонным карьеризмом» тактику ген. Черемисова, пагубную по своим послѣдствіям, объяснить нельзя**). На его позицію могла повліять и дальнѣйшая информация, полученная в Псковѣ и смутившая даже правительственнаго комиссара фронта Войтинскаго. По полученіи ночной телеграммы Керенскаго и войскового старшины Грекова о вызовѣ в Петербург первой донской казачьей дивизіи из Острова Войтинскій безоговорочно телеграфно 25-го санкціонировал выступленіе: «пусть злобствуют против казаков окопавшіеся в тылу дезертиры, — заканчивал свою телеграмму комиссар Сѣвернаго фронта, — но казаки свой долг перед родиной исполнят до конца». Войтинскій выполнил свой формальный долг, но, как видно из послѣдовавшаго затѣм разговора его по прямому проводу с пом. начальника полит. управленія воен. мин. П. М. Толстым, он полон был сомнѣній. «Меня больше всего интересует, — начинает Войтинскій, — один вопрос: каково отношеніе ЦИК к вызову с фронта вооруженных сил и каковы вообще в данный момент взаимоотношенія между Временным Правительством и органом демократіи». Далѣе Войтинскій поясняет, что вопрос о примѣненіи вооруженной силы сводится к одному — «является эта мѣра актом самозащиты смѣлых людей, группирующихся вокруг Керенскаго, или же здѣсь демократія отстаивает опредѣленным методом свое положеніе от посягательств. В зависимости от рѣшенія этого основнаго вопроса стоит все. Если в Петроградѣ вы политически изолированы, то никакими усиліями не удастся создать вам поддержку на фронтѣ». Тут же Войтинскій поясняет: «в сегодняшних вечерних газетах имѣются указанія на то, что опредѣленныя фракціи Съезда (совѣтов) высказались против разрѣшенія конфликта вооружен-

*) Это умѣніе Черемисова «ладить с солдатами» особо отмѣчает в своих воспоминаніях Шкловскій.

***) Такое объясненіе главенствует в существующей литературѣ.

ной силой. Этот вотум дает... вопросу новую постановку, ибо дѣйствовать сейчас можно исключительно лишь именем ЦИК. Ссылки на Временное Правительство, как я убѣдился сегодня, не производят впечатлѣнія». «Не означает ли назначеніе Пальчинскаго, Рутенберга вашего разрыва с демократіей, — допрашивает Войтинскій*). «Я об этом говорил с Кишкиным, — отвѣчает Толстой, — указывая на тактическую невозможность этой комбинаціи и (на необходимость) введенія в управление городом кандидатов из пріемлемых лиц ЦИК»... Кишкин «готов был принять... всякія назначенія, лишь бы были твердые люди, готовые дѣйствовать, и объяснял эти назначенія тѣм, что утром не было связи с другими лицами... Я получил впечатлѣніе, что Вр. Пр. пересмотрит эти назначенія, если оно сможет функционировать».

В процитированном разговорѣ Войтинскій упоминает, между прочим, что «воинскіе эшелоны идут, но, кажется, главкоствъ рѣшил их остановить, считая эту попытку уже потерпѣвшей неудачу». Когда происходил этот знаменательный разговор? Очень важно опредѣлить, хоть приблизительно, время. Разговор оканчивался фразой Толстого: «Дума в полном составѣ направилась сама в Зимній Дворец». Слѣдовательно разговор происходил не раньше II час. вечера. Запомним этот час.

Войтинскій отвѣтил, в концѣ концов, Толстому положительно — на его поддержку Петербург рассчитывать может. Пытался ли он воздѣйствовать в этом смыслѣ на Черемисова, как о том просил Толстой, мы не знаем — очевидно этого воздѣйствія не могло быть до первой бесѣды Керенскаго с Черемисовым. Колѣбанія Войтинскаго продолжались и послѣ разговора с Толстым — они кончились только тогда, когда Войтинскій переговорил с Гоцом и от него непосредственно получил подтвержденіе о позиціи, которую занял ЦИК. Гоц мог его информировать только ночью послѣ ухода с. р. и с. д. фракціи со съѣзда и организациі Комитета Спасенія. Подтвержденіе можно найти в письмѣ нѣкоего инженера Кроника**), посланном в особую слѣдственную Комиссію ВРК. Кроник рассказывает об объединенном засѣданіи псковских воинских организаций, на котором выступал Войтинскій с докладом, что он считает посылку войск в Петербург необходимой и что он запросил по этому поводу армію. Дѣло происходило днем. Вечером, на том же собраніи, помощник Войтинскаго, Савицкій заявил, что «так как из Петербурга получены сгнанныя свѣдѣнія о назначеніи Кишкина, Пальчинскаго и Рутенберга на отвѣтственные посты, то комисеаріат сѣвернаго фронта рѣшил пока воздержаться от посылки войск». Собраніе выдѣлило из себя «сѣверо-западный революціонный комитет», цѣлью котораго было противодѣйствовать распоряженіям верховнаго командованія о посылкѣ войск. На засѣданіи уже этого спеціального комитета — поздно вечером, ближе к ночи — Войтинскій доложил, что он

*) В глазах извѣстных групп революціонной демократіи Пальчинскій расцѣпывался приблизительно так, как характеризовал его в Демокр. Совѣщаніи большевик Милютин: это «Корнилов в экономической области».

**) Кроник был членом псковскаго большевицкаго военно-революціоннаго комитета.

слагает свой полномочія в виду того, что из трех запрошенных армій только одна (XII) высказалась за посылку войск на помощь Правительству*). Тут же он передал, — прибавляет Кроник, — что говорил с гр. Толстым по прямому проводу по поводу движения войск, но «это дѣло прошлое. Теперь им, в согласіи с Черемисовым, сдѣлано распоряженіе о приостановленіи движения всѣх эшелонов». Однако, на слѣдующій день Войтинскій появился на засѣданіи в «совершенно ином настроеніи» и занял прежнюю свою позицію, объявив, что подчиняется требованіям только ЦИК, который настаивает на посылкѣ войск.

Таким образом вопрос о непосылкѣ войск выходит далеко за предѣлы какой-то личной интриги ген. Черемисова. Войтинскій, сложив уполномочія, юзотелеграммой увѣдомил о своей отставкѣ комиссара ВРК в Петербургъ, который говорил с ним вечером из захваченнаго повстанцами штаба военного округа. Не отрицал факта и сам Войтинскій при позднѣйшем допросѣ у большевиков, пояснив, что он послал свой отказ, не зная, что ЦИК первого созыва дезавуировал съѣзд и избранный им второй ЦИК: «получив болѣе точную информацію, я поспѣшил взять свое заявленіе об отставкѣ назад, так как считал недопустимым уклониться от участія в борьбѣ, начатой ЦИК первого состава».

Вернемся теперь к бесѣдѣ Керенскаго с Черемисовым. На ней завязался узел, который надо распутать. Три мемуариста — Керенскій, Черемисов, Краснов, противорѣчат друг другу. Их свидѣтельскія показанія идут в разрѣз с документами, дошедшими до нас в видѣ переговоров по прямому проводу между Могилевым и Псковом**).

По разсказу Керенскаго, уже в первом разговорѣ, т. е. между 8—9 час. вечера, Черемисов сообщил, что отмѣнил его распоряженіе о посылкѣ войск в Петербург. Удивляет спокойствіе, с которым импульсивный Главковерх встрѣтил такое роковое извѣстіе. Он будто бы только спросил Черемисова: «Вы видѣли ген. Краснова, он раздѣляет ваше мнѣніе?» Ген. Краснов с минуты на минуту пріѣдет ко мнѣ из Острова. — В таком случаѣ, генерал, немедленно направьте его ко мнѣ»... Невольно возникает вопрос, если распоряженіе Черемисова дано было еще до пріѣзда Керенскаго, как могло оно не дойти до Войтинскаго? — в разговорѣ с Толстым, он говорил только о предположеніях Че-

*) Кстати сказать, она считалась большевиками арміей наиболѣе красной.

**) В этих документах есть странность. Они напечатаны эмигрантским «Архивом Русской Революціи» и в совѣтском «Красном Архивѣ». В органѣ Гессена они напечатаны по копіи, вывезенной на Юг Ставкой. В «Кр. Арх.» надо думать по копіям, сохранившимся в канцеляріи Сѣвернаго фронта. Такое предположеніе основывается на том, что в документах «Архива Р. Р.» нѣтъ самостоятельных переговоров (помимо разговоров со Ставкой) Сѣвернаго фронта и имѣются лишь тѣ, которые были пересланы в Ставку. В «Кр. Арх.» явленіе противоположное. И непонятно, почему в копіях Сѣвернаго фронта нѣтъ двух важнѣйших разговоров Черемисова с Духониним и с главнокомандующим Западнаго фронта. Странная случайность! Вѣроятно, кто-то по специальному заданію эти копіи изъял.

ремисова*). Слова Керенскаго рѣшительно опровергаются официальным документом: нач. штаба сѣвернаго фронта Лукирскій передает по проводу Духонину, по порученію Черемисова, что главкосъ в 10 час. веч. отмѣнил всѣ распоряженія о вызовѣ войсковых частей — слѣдовательно окончательное рѣшеніе было принято послѣ бесѣды с Керенским (свидѣтельство Лукирскаго подтверждает и приведенное выше показаніе Кроника).

В послѣдовавшей затѣм бесѣдѣ Духонина с самим Черемисовым на вопрос перваго, чѣм вызвана такая отмѣна, Черемисов отвѣчает: «это сдѣлано с согласія Главковерха, полученнаго мною от него лично». Далѣе идет еще болѣе сенсационное: «Временное Правительство прежняго состава, информирует Черемисов, — уже не существует: власть перешла в руки революціоннаго комитета. Сегодня вечером кто-то, повидимому правые элементы, назначили ген.-губернатором Петрограда Кишкина, принадлежность котораго к кадетской партіи извѣстна на фронтѣ; это назначеніе вызвало рѣзкій перелом в войсковых организаціях фронта не в пользу Вр. Правительства... Керенскій от власти устранился и выразил желаніе передать должность главковерха мнѣ. Вопрос этот, вѣроятно, будет рѣшен сегодня же. Благоволите приказать от себя, чтобы перевозка войск в Петроград, если она производится на других фронтах, была прекращена».

«Гдѣ сейчас находится главковерх»? — спрашивает Духонин. — «Главковерх у меня. Не имѣете ли Вы что передать ему? — Можно ли просить его к аппарату? — Невозможно в его интересах... Черемисов старается окончить разговор, ссылаясь на то, что его давно уже ждут, — он вызовет Духонина часа через полтора, чтобы сообщить «рѣшеніе нѣкоторых вопросов». Тѣм не менѣе Духонин пытается убѣдить Черемисова: «Временное Правительство еще существует. Прибытіе (в) Петроград войск, вѣрных Правительству, могло бы дать результат (при) пассивности войск, возставших против Вр. Правительства, признак этого — крайняя вялость и нерѣшительность большевиков. Если кандидатура Кишкина неприемлема, то в таком случаѣ можно просить Вр. Пр. замѣнить его другим лицом, военным. Если главковерх Керенскій предлагает передать должность Вам, то я во имя горячей любви к Родинѣ умоляю Вас разрѣшить мнѣ передать об этом Временному Правительству, с которым есть у меня связь. Вас же — не останавливать отданных распоряженій о движеніи войск, назначенных в Петроград. Я убѣжден, что при надлежащей организаціи все обойдется без особых кровопролитій, зато будет сохранен (в) неприкосновенности фронт, и Вам, как будущему Главковерху, не придется считаться с весьма тяжелыми...»

*) Нельзя упускать из вниманія и того, что всѣ распоряженія главнокомандующаго должны были контролироваться комиссаром фронта, т. е. в данном случаѣ Войтинским, и не только в силу бытовых условій тогдашней жизни арміи, но и потому, что согласно инструкціи 30-го августа комиссар являлся официальным органом Правительства. «Положеніе» о комиссарах совершенно определенно говорило, что «примѣненіе вооруженной силы внѣ военной обстановки не допускается помимо комиссара (п. 24). Комиссар имѣл право «приостановить распоряженіе» команднаго состава, идущее в разрѣз с указаніями Правительства.

Тут Черемисов вновь перебивает своего собеседника... «Пока все, что говорилось, держите про себя, но, имейте в виду, что Вр. Прав. в Петроградъ уже нѣтъ... Через два часа мнѣ будет крайне необходимо Вас вызвать». «Через два часа я буду у аппарата, — отвѣчает Духонин, — но содержаніе ленты извѣстно Комитету, который находится тут же в одной комнатѣ со мной». — «От комитета это не секрет, я говорю в смыслѣ сношеній Ваших с оставшимися в Петроградѣ членами Временнаго Правительства».

Больше к аппарату Черемисов не подходил и дальнѣйших переговоров с Духониным не вел, хотя послѣдній «всю ночь» поджидал вызова. Непосредственно перед разговором с Духониным, Черемисов имѣлъ бесѣду с ген. Балухевым (в 11 час. 45 м.). Информировавъ главнокомандующаго Западным фронтом о положеніи дѣл в Петербургѣ («Вр. Пр. прежняго состава фактически не существует») и о назначеніи («без участія Керенскаго») Кишкина, Черемисов высказывался против посылки войск, считая ее не только «безцѣльной», но и «вредной», так как «войска, очевидно, на сторону Кишкина не станут». Главнокомандующій Сѣверным фронтом предлагал своему коллегѣ по Западному фронту «во избѣжаніе анархіи» объединить дѣятельность обоих фронтов. На Сѣверном фронтѣ пока спокойно, — добавлял Черемисов, — но резолюція фронтовых организацій будет «не в пользу Временнаго Правительства прежняго состава», хотя и «захват власти, совѣтами» также «у большинства не встрѣчает сочувствія». Балухев отвѣтил рѣзко: «очень жаль, что ваши войска участвуют в политикѣ, мы присягали Вр. Пр. и не наше дѣло разсуждать, состоит ли петроградским губернатором Кишкин или кто другой»; что касается до объединенія дѣйствій, то «по закону, в случаѣ отсутствія Главковерха, всѣ распоряженія должен дѣлать Наштаверх». «Мы не имѣем права уклоняться от политики, — возражал Черемисов, — и не считаться с политическими настроеніями масс... дабы фронт не оказался открытым для противника». «Политик» и «солдат» не могли договориться. Балухев сейчас же передал в Ставку свой разговор с Черемисовым и просил Духонина «быстрыми и рѣшительными дѣйствіями» удержать «Главкосъва в должных границах»^{*)}.

Совершенно очевидно, что Черемисов проводит опредѣленную политику — ту именно, к которой склонялись мѣстные представители «революціонной демократіи» в лицѣ правительственных комиссаров и руководителей войсковыми комитетами; поэтому Черемисов и не желал освѣдомленія членов Правительства в Петербургѣ до тѣх пор, пока не будет принято окончательное «рѣшеніе» по соглашенію с Главковерхом. Касаясь этого эпизода, Милоков считал без колебаній версію Черемисова «измышленіем». Черемисов дал «лживый отвѣтъ» о согласіи Керенскаго на отміну распоряженія о посылкѣ войск; Черемисов «продолжал лгать», утверждая, что невозможно вызвать Керенскаго для непосред-

^{*)} Через короткое время Балухев заявил о своем «политическом нейтралитетѣ», и Духонин его упрекалъ за то, что он плывет по теченію и поддается требованіям В. Р. К. В концѣ концов ген. Балухев оказался на службѣ у совѣтской власти, а ген. Черемисов в эмиграціи.

ственной бесѣды с Духониним. Он «тут же (курсив мой, С. М.) придумал» мотивировку с назначеніем Кишкина и заканчивал свои «вмысленія» сообщеніем, что Керенскій устранился от власти и выразил желаніе передать ему должность Главковерха. Во всяком случаѣ мотивировку с Кишкиным Черемисов не придумывал — она была ему внушена опасеніями Савицкаго и других. Как будто в этом сомнѣній быть не может. Также безспорно и то, что вызов Керенскаго с кв. Барановскаго к прямому проводу мог грозить Керенскому большими осложненіями — в Псков было передано уже распоряженіе В. Р. К. об арестѣ Керенскаго, в Псковѣ дѣйствовал уже большевицкій мѣстный военно-революціонный комитет, пыгавшійся установить контроль над телеграфными аппаратами в Штабѣ.

В воспоминаніях, напечатанных в эмигрантском «Голосѣ Россіи», совершенно умалчивая о своем распоряженіи отмѣнить продвиженіе войск и о переговорах с Духониним, Черемисов так излагал версію о готовности Керенскаго отказаться от власти. Около 12 час. ночи Черемисов вернулся на квартиру Барановскаго для того, чтобы освѣдомить Керенскаго о переговорах, которые он вел с войсковыми комитетами (очевидно, рѣчь шла о том объединенном комитетѣ, куда входили Войгинскій и Савицкій). Выслушав Черемисова, Керенскій пригласил его в сосѣдную комнату (очевидно при разговорѣ кто-то присутствовал) и сказал слѣдующее: «Я рѣшил сдать верховное командованіе вам, заѣм ѣхать в Петроград и отказаться от должности перваго министра. Прошу вас, генерал, сказать мнѣ свое мнѣніе, но только совершенно откровенно, не стѣсняясь». Черемисов в «воспоминаніях», конечно, отказывается от верховнаго командованія и убѣждает Керенскаго в невозможности производить какія-либо перемѣны в момент кризиса. «Я совѣтовал Керенскому немедленно ѣхать в Ставку и там сосредоточить надежные полки для движенія на Петербург. Заѣм я высказал мнѣніе, что... надо сформировать при Ставкѣ другое правительство... иначе Керенскій может оказаться почти в той же роли, в какой был Корнилов». Керенскій «согласился» с этими доводами и рѣшил ѣхать в Могилев. Черемисов ушел будто бы спать и на другой только день в 10 ч. утра узнал, что Керенскій «под Гатчиной дерется с большевиками».

С большой очевидностью выступает стилизація этих воспоминаній в опредѣленном духѣ, но и Керенскій не отрицает, что Черемисов рекомендовал ему ѣхать в Ставку — избавиться скорее от безпокойнаго гостя главнокомандующему Сѣверным фронтом во всяком случаѣ хотѣлось. Может быть, и нѣтъ необходимости разбираться во всѣх контрверсах, вольных и невольных ошибках обоих мемуаристов. Не мог говорить Черемисов в 9 час. веч. о том, что Краснов «с минуты на минуту» должен пріѣхать в Псков, но он мог это говорить в 12 часов, так как по соглашенію с Лукирским (так Лукирскій передавал Духонину) Краснов должен был пріѣхать в Псков в час ночи для того, чтобы выяснитъ на мѣстѣ, как надлежало ему поступать в связи с отмѣной Черемисовым приказа Верховнаго — распоряженіе Черемисова Краснов получил около 11 час. вечера. Заѣм Черемисову надо было

говорить во второй свой приход к Керенскому, что Краснов был и уже уѣхал? В воспоминаніях он утверждает, что вообще не знал о приѣздѣ Краснова, и что послѣдній случайно оказался в Штабѣ, проѣзжая ночью через Псков. Это уже невѣрно*). В Штабѣ, по словам Черемисова, Краснов встрѣтился с Войтинским. Краснов и Войтинскій убѣдили де Керенскаго в Могилев не ѣхать, а начать немедленно военныя дѣйствія против большевиков.

Минувя всю эту мемуарную неразбериху, можно установить *один неизблемый факт — послышка войск с фронта в Петербург была приостановлена послѣ приѣзда Керенскаго в Псков. Факт, сам по себѣ заставляющій с большою осторожностью относиться к утвержденіям о «вымыслѣ» Черемисова.*

Для того, чтобы реконструировать то, что могло произойти на квартирѣ Барановскаго, слѣдует уяснить себѣ психологическое состояніе самого Керенскаго. Почти всѣ наблюденія того времени — и дружественныя Керенскому и ему враждебныя, отмѣчают депрессию Керенскаго в предоктябрьскіе дни. Нѣтъ в том ничего удивительнаго. Человѣческіе нервы не из желѣза. Керенскому пришлось пережить слишком много в кипучем котлѣ революціи от февраля до октября. И каких дней! — дней мартовскаго переворота, нервирующих дней спорадическаго правительственнаго кризиса, іюньскаго наступленія, большевицкаго возстанія в іюль, корниловскаго мятежа и, наконец, предоктябрьской сумятицы. К тому же в началѣ октября, — свидѣтельствуеет Станкевич, — Керенскій был «опасно болен». «Блѣднуя измученную фигуру», — вспоминает Суханов. «Впечатлѣніе человѣка, до послѣдней степени измотаннаго и измученнаго» — производит Керенскій и на Дана во время бесѣды их в Зимнем Дворцѣ 24 октября. Милюков, любящій употреблять в отношеніи Керенскаго болѣе сильныя выраженія в «Россіи на переломѣ» полагает, что «глава правительства находился в каком-то паталогическом состояніи паралича воли»**). Отъѣзд Керенскаго из Петербурга мало соотвѣтствовал внѣшнему эффекту этого выѣзда. Как ни привычны были уже нервы к бессонным ночам, послѣдняя ночь к вечеру 25-го должна была сказаться на упадочном настроеніи главы Правительства. И, вѣроятно, не так далеко был от истины Черемисов в описаніи встрѣчи с Керенским: «вид у Керенскаго разбитый, он лежит на кушеткѣ. «Здравствуйте, генерал», — говорит он мнѣ и протягивает руку, слегка приподнимаясь и извиняясь». Через 3—4 часа Черемисов застаёт Керенскаго в том же положеніи: «Он попрежнему лежал на кушеткѣ, повидимому совершенно разбитой моральным потрясеніем пережитаго в Петроградѣ и длинной дорогой в автомобиль». До какой степени доходила в эти дни нервность Верховнаго, показывает рассказ одного из тѣх «друзей», кто помог впоследствии Керенскому скрыться от ареста в Гатчинѣ. Я имѣю в виду с.-р. Вейгер-Ведемейстера, ушедшаго из партіи и приблизившагося к совѣтской власти. Но этому ренегату не было никаких основаній измышлять эпизод, о котором он раз-

*) Мы не знаем, конечно, довел ли Лукирскій до свѣдѣнія Черемисова о предполагаемом приѣздѣ Краснова.

**) См. также отзывы Савинкова и Философова по дневнику Гиппиус.

сказывает в очеркѣ «С Керенским в Гатчинѣ». Уже в Гатчинѣ 27-го Керенскому подана была телеграмма от Духонина. Прочитав ее, Керенскій, «вставшій во время чтенія со словами: «все пропало», безжизненно опустился на кресло. Всѣ недоумѣвали, что означает состояніе Керенскаго, так как Духонин заявлял «о поддержкѣ Вр. Пр. всѣми силами» и когда Керенскій очнулся, ему разъяснили, что он телеграмму невѣрно понял*).

Маленькій эпизод, только что рассказанный, достаточно ярко изображает расшатанность нервной системы Керенскаго. У людей с такой болѣзненной нервной чувствительностью приступы упадка и подъема настроенія чрезвычайно быстро смѣняются. Черемисову, вѣроятно, не так трудно было воздействовать на Керенскаго. Тут и аргумент «от Кишкина» мог сыграть свою роль. Основаній для подозрительнаго отношенія к Кишкину, казалось бы, у министра-предсѣдателя не было. Но за Кишкиным, вѣдь, стоял Миллюков, памятный по своему вмѣшательству в період корниловскаго кризиса, когда им была выдвинута кандидатура ген. Алексѣева в руководители Правительством. За Миллюковым вся партія к. д., своим правым крылом тѣсно переплетающаяся с контрреволюціей. Кишкин должен был на короткое время замѣнить Керенскаго, а теперь он стал «диктатором»... Может быть, казаки, руководствуемые столь подозрительным в глазах Керенскаго Союзом, выступят — тогда будет реакція. Только присутствіе Керенскаго уравновѣшивало всѣ, только под бдительным надзором Керенскаго реакціонная по существу сила могла послужить дѣлу демократіи. Все это, конечно, в большей или меньшей степени мои догадки.

В Псковѣ Керенскій должен был почувствовать свое одиночество. В воспоминаніях, написанных в період слишком еще близкій к пережитым событіям, автор не называет имен по соображеніям полицейскаго характера, умалчивает о тѣх «друзьях», с которыми он видѣлся и с которыми совѣтовался. Не говорит он и о Войтинском. Когда произошла их встрѣча в Псковѣ? И чрезвычайно важно одно показаніе Черемисова, сдѣланное в болѣе позднем разговорѣ по юзу с Духонинным. 3 ноября, вспоминая вновь ночной разговор с Керенским, когда он совѣтовал отмѣнить перевозку войск, «предвидя, что это практически не может осуществиться и приведет лишь к тому, что Керенскій и тѣ войска, которая ему удастся повести лично, попадут в тяжелое и, может быть, в безвыходное положеніе, Черемисов добавлял: «среди оч(евидцев) свидѣтелями этого разговора были Барановскій, Кузьмин и Войтинскій. Керенскій согласился тогда со мной и отмѣнил перевозку войск..., но, затѣм, когда я в 5 час. утра ушел от него, к нему снова пришел Войтинскій и привел Краснова».

Итак, возможно, что Войтинскій присутствовал при втором разговорѣ Керенскаго с Черемисовым. При его колеблющейся по-

*) Телеграмма, дѣйствительно, была совершенно простая: «Всѣ распоряженія сдѣланы. Главкостѣву лично подтверждено мною сегодня о точном выполненіи вашего приказа... На прочих фронтах настроеніе спокойное. Организуем с Комитетом и комиссарами дальнѣйшее усиленіе ваших средств».

зиці до переговоров в ту же ночь с Гоцем он не мог внушить Керенскому вѣру в поддержку со стороны «революціонной демократіи»; напротив, он мог своими сомнѣніями, которые выражал в разговорѣ с Толстым и которые повторяли дневныя, уже извѣстныя нам впечатлѣнія в рядах руководителей псковской «революціонной демократіи» от сообщенія о назначеніи Кишкина, возбудить колебанія у Керенскаго; у самого Войтинскаго не было довѣрія к «коалиціонному» Правительству — по отмѣткѣ в дневникѣ ген. Болдырева первая рѣчь новаго правительственнаго комиссара на сѣверном фронтѣ 15 октября была переполнена выраженіем этого недоувѣрія.

Возможно, что Керенскій и не высказывался прямо за отмѣну приказа о посылкѣ войск — в состояніи психической простраціи говорил он неопредѣленно; могла повториться сцена, аналогичная той, которая произошла в августѣ при элосчастной бесѣдѣ с неудачным «посланцем» ген. Корнилова. Если меня спросят: посылал ли Керенскій Львова в Ставку — я опредѣленно отвѣчу: нѣт. Но, если меня спросят: мог ли Корнилов считать, что Львов является от имени Керенскаго — я также, без колебаній, отвѣчу: да. Правда, Львов был человекъ очень недалекій, а Черемисов, по общему признанію, был не только хорошим военным, но и обладал трезвым и прозорливым умом... Но в интересах Черемисова было понять колебанія Керенскаго в сторону приближенія их к своей позиціи. Не чуждо было Керенскому и нѣкоторое злоупотребленіе словами о готовности уйти от власти. Иногда здѣсь сказывалась поза, иногда эти слова должны быть отнесены к приѣмам тактики. Во всѣ критическіе моменты подобная аргументація выдвигалась в цѣлях воздѣйствія на собесѣдников — еще болѣе естественной была она в псковской бесѣдѣ, когда упадок духа мог придавать ей отбѣнок полной искренности. Подобному объясненію противорѣчит лишь опредѣленное свидѣтельское показаніе Кроника о заявленіи Войтинскаго в ночном засѣданіи псковскаго комитета, что он санкціонировал отмѣну распоряженія о посылкѣ войск.

Колебанія Керенскаго подтверждает еще один документ, воспроизводящій юзовскій разговор — неясный в силу какой-то недоговоренности или пропуска по небрежности редакціи, но это единственный документ из всей серіи, опубликованной в «Красном Архивѣ», который в своем началѣ как то непонятно обрывается. На другой день ген. Барановскому удалось снестись с пор. Данилевичем в Петербургѣ, хотя провод формально и был занят уже большевиками. «Если бы не отмѣнена была пересылка войск, я увѣрен, что...» — начинает Барановскій и продолжает: «Сегодня могу тебѣ сообщить, если ты один, что Керенскій с конным корпусом слѣдует в Петербург». «Правильно», — отвѣчает Данилевич: «это единственное государственное рѣшеніе. А Ставка мнѣ наговорила массу небылиц... Пусть он (Керенскій) идет на открытое сопротивленіе, иного выхода нѣтъ, иначе он будет чернью уничтожен. Она еще вчера домогалась имѣть его, во что бы то ни стало»... «Не падайте духом», — заканчивает Барановскій:

«вѣрю, что все повернется к лучшему. Если бы только не доброта и мягкость, вот ужас»...

Можно предположить, не без основанія, что Войтинскій должен был придти к Керенскому послѣ разговора с Гоцем и освѣдомить его о измѣнившемся положеніи, как освѣдомил он утром ген. Черемисова. И не так уже, повидимому, не прав был Черемисов по существу, когда утверждал, что самоопредѣлившійся Войтинскій и прибывшій в Псков ген. Краснов вернули Керенскому энергію. Так же, как в дѣлѣ Корнилова, Керенскій очень скоро и очень прочно забыл о своих колебаніях в часы упадка духа.

Для нѣкоторых современников уже тогда почти не являлось сомнѣнія в том, что Керенскій сам остановил движеніе войск к Петрограду. Так со слов Вырубова, пріѣхавшаго из Ставки, записано у меня в дневникѣ 4 декабря 1917 г.

Впечатлѣніе Вырубова, очевидно, было впечатлѣніем всей Ставки, хотя в официальном увѣдомленіи 26-го Ставки нач. штаба Сѣвернаго фронта Лукирским было совершенно опредѣленно сказано: «Вчера, послѣ отдачи распоряженія об отнѣнѣ движенія войсковых частей к Петрограду, пріѣхал Александр Федорович, который не раздѣляет мнѣнія Главкосъва»... Однако, передать распоряженіе с подтвержденіем приказа о движеніи на Петроград не удалось, так как у аппаратов Революціонным Комитетом, сформированным в Псковѣ, были поставлены особые дежурные члены этого Комитета. На копіи документа, напечатанной в «Красном Архивѣ» имѣется помѣтка, надо думать, сдѣланная Черемисовым*): «Распоряженіе об отнѣнѣ движенія войск на Петроград сдѣлано с согласія главковерха, который пріѣхал в Псков не послѣ отнѣны, а до нея. Второе распоряженіе о посылкѣ 3-го кон. корпуса отдано Главковерхом непосредственно комжору 3 кон. корп.». Лукирскій за своей подписью, воспроизведенной в журналѣ, сдѣлал со своей стороны поясненіе: «Доложено наштаверху (т. е. Духонину) было на основаніи сообщеннаго мнѣ генквартсѣвом (т. е. Барановским), как присутствовавшим при встрѣчѣ Главковерха (Керенскаго) с Главкосъвом (Черемисовым). Сам я лично при встрѣчѣ и разговорѣ не присутствовал. О пріѣздѣ Главковерха я узнал послѣ отнѣны распоряженія».

Другой непосредственный очевидец событій, давшій рассказ о послѣдних днях Ставки, почти тогда же напечатанный мною в московском «Голосѣ Минувшаго» (№ 1—3 за 1918 г.), передавал по своим записям (довольно точным), между прочим, тѣ самые разговоры по юзу с Духониным, которые напечатаны в «Красном Архивѣ» и в «Архивѣ Рус. Рев.». У него помѣчен разговор, не вошедшій в число лент переговоров по прямому шведу, впоследствии напечатанных. 27-го сам Барановскій рассказывал «о происходившем в Псковѣ 25—26-го ночью», т. е. рассказывал свои непосредственныя как бы наблюденія. Выходило по его словам, что Керенскій дѣйствительно «склонился» к назначенію Черемисова верховным главнокомандующим и согласился на пред-

*) В журналѣ помѣчено: «подпись».

ложеиіе послѣдняго поѣхать в Ставку для провѣрки настроенія арміи*).

**
*

На сцену выступил ген. Краснов, а вмѣстѣ с ним и его воспоминанія, пользоаться которыми приходится с очень большой осторожностью. И не только потому, что написаны они романтизмом, склонным воспроизводить в болѣе или менѣе художественной формѣ былія переживанія. Печатались воспоминанія уже тогда, когда «корнетское предпріятіе, лихое на первый взгляд, но по существу представлявшее непродуманную авантюру» (так охарактеризовал Черемисов гатчинскій поход) закончилось крахом. Невольно настороженно относишься к мемуаристу, который в двух вариантах своих воспоминаній при разных политических условіях (в Россіи и эмиграціи) дал двѣ в корень противоположныя версіи о концѣ гатчинской «авантюры».

Краснов должен был повести первые отряды на помощь Правительству. Судьбѣ угодно было, — замѣчает Керенскій, — свя-

*) Через 15 с лишним лѣтъ версія Керенскаго — в исторической интерпретаціи Милюкова — была вновь воспроизведена без всякаго анализа ген. Головиным в его работѣ «Россійская контр-революція». Отмѣчая это, я указывал в своей критикѣ («методы и выводы ген. Головина»), что новые матеріалы, опубликованные за истекшіе годы, заставляют скептически отнестись к этой версіи и по иному освѣтить взаимныя отношенія Керенскаго и Черемисова в дни октябрьскаго переворота. В своем отвѣтѣ на засѣданіи парижской «академической группы» ген. Головин не счел нужным проанализировать эти новые матеріалы, напечатанные преимущественно в столь доступном изданіи, как «Красный Архив», а обратился за разъясненіем непосредственно к самому творцу исторической легенды. Естественно, что Керенскій еще раз подтвердил лишь версію, которую дал в воспоминаніях, гдѣ он не останавливался перед употребленіем самых рѣзких слов для характеристики предательства генерала, забывшаго о своем долгѣ чести (письмо А. Ф. Керенскаго специально было оглашено на собраніи). Но, что поистинѣ удивительно, это то, что ораторы, пытавшіеся опорочить мои выводы квалификаціями, пожалуй, чрезмѣрно сильными в «академическом» засѣданіи (их не буду повторять), утверждали, что матеріалов, о которых я говорю, «нѣтъ и не может быть»(!). Эти матеріалы, до извѣстной степени, прошли теперь перед читателями, и то, что на первый взгляд могло, дѣйствительно, казаться поспешным, получило во всяком случаѣ характер правдоподобія. Мнѣ неоднократно еще придется упоминать о роли ген. Черемисова в эти прискорбные для Россіи дни и, может быть, окончательное сужденіе читателям правильнѣе отнести к моменту ознакомленія со всѣми дѣйствіями, о которых придется говорить. Мое личное заключеніе было бы таково. Принципиальная позиція ген. Черемисова была во многих отношеніях очень близка к позиціи команд. Балтійским флотом адм. Вердеревскаго и его нач. штаба кн. Черкаскаго, в июльскіе дни, когда происходила еще только генеральная репетиція большевицкой авантюры. Вердеревскій отказался выполнить распоряженіе Правительства о посылкѣ 4 миноносцев в Петербург, не желая вовлекать флот в политическую борьбу и находя, что распоряженіе это было сдѣлано «без знанія дѣйствительнаго положенія вещей» в Гельсингфорсѣ. Слѣдственная Комиссія во главѣ с главным военно-морским прокурором Шабловским вынесла, в концѣ концов, рѣшеніе о прекращеніи дѣла по обвиненію Вердеревскаго в «сопротивленіи и государственной измѣнѣ» за отсутствіем состава преступления — Вердеревскій, как извѣстно, сдѣлался послѣдним морским министром Временнаго Правительства. Вѣроятно, такое же приблизительно заключеніе должна была бы вынести слѣдственная комиссія по дѣлу ген. Черемисова, если бы обстоятельства в октябрьскіе дни не повернулись так трагично.

звать «мою послѣднюю попытку спасти государство от большевицкаго разгрома с 3-им конным корпусом — тѣм самым, который был двинут под командой Крымова ген. Корниловым против Вр. Правительства». Судьба здѣсь не при чем, так как части 3-го корпуса были назначены самим Правительством, т. е. Верховным Главнокомандующим (без предварительнаго сговора с Черемисовым) очевидно потому, что эти части, «деморализованныя» корниловским выступленіем, все же считались наиболѣе крѣпкими в смыслѣ своего антибольшевизма*). Экстренный вывоз частей именно третьяго корпуса отчетливо показывает, как необдуманно все дѣлалось в эти дни в правительственных кругах. Третій корпус был разбросан по всему сѣверному фронту. В этом фактѣ ген. Краснов усматривает проявленіе злого умысла. Он рассказывает, как в сентябрѣ он дѣлал энергичныя попытки оставить корпус для поддержки Правительства в ближайших окрестностях Петербурга. Сочувствовал такому рѣшенію и Полковников, общавшій «осторожно нащупать» у Керенскаго. Но в силу того, что «совѣты» настаивали на удаленіи корпуса из окрестностей Петербурга, послѣдній был направлен в распоряженіе Черемисова. Самое распыленіе корпуса по фронту, произошло, очевидно, не по какому-либо преднамѣренному «злому умыслу**), а естественным путем — казаков приходилось отправлять то туда, то сюда в предвидѣніи безпорядков на фронтѣ. В Петербургѣ об этом не думали, когда назначали всѣм полкам 1-ой Донской дивизіи двинуться на помощь Правительству. Как раз 24-го четыре полка указанной дивизіи были уже направлены в Ревель «для расформирования пѣхотной дивизіи, отказавшейся исполнять боевые приказы». И тут же ночью, 25-го, Дитерихсу по собственной инициативѣ приходилось разъяснять, что выбор полков всецѣло предоставляется на усмотрѣніе Главкосѣва, «если нѣтъ возможности точно исполнить телеграмму в отношеніи первой дивизіи» — «обстановка так складывается, что необходима быстрота распоряженій».

Краснов мог собрать только 10 сотен, слабаго состава по 70 человек, т. е. 700 всадников, «меньше полка» нормальнаго штата, из которых в качествѣ боевой силы в случаѣ, если бы пришлось сѣсться, числилось бы 460 человек — двѣ роты военнаго времени. Вслѣдствіе отсутствія командира первой дивизіи, бывшаго в отпуску, командованіе принял на себя сам Керенскій***), намѣревансь сосредоточить свои «войска в Лугѣ» и оттуда идти походом, чтобы «не повторять ошибки Крымова!» В это время, око-

*) Свѣдѣнія, которые сообщает в воспоминаніях б. верховный комиссар Станкевич о разложеніи 3-го корпуса послѣ «корниловскаго мятежа», явно преувеличены. Интересно признаніе Красновым, что дисциплину в 3-ем корпусѣ удалось возстановить при содѣйствіи военных правительственных комиссаров. В свое время Некрасов сказал про эти части: ...«из этого источника, выражаясь фигурально, еще придется напиться».

**) Деникин чуть-ли не инициативѣ Черемисова приписывает этот «злой умысел».

***) Естественно поставить вопрос: мог ли Керенскій, пріѣхавшій в Псков около 8 час. вечера и освѣдомленный о мѣстной обстановкѣ ген.-кварт. Барановским, в это время уже звать, что во главѣ казачьей дивизіи, двигающейся из Острова, будет стоять Краснов?

до 11 час. вечера, Краснов получил распоряженіе, отмѣняющее поход *). Краснов ѣдет в Псков. Попадает туда в 3 часа ночи, застаёт Лукирскаго спящим, будит его и требует разъясненія от начальника штаба, как надлежит ему поступить при двух взаимно противорѣчащих приказаніях. «Я ничего не знаю», — лѣнливо и устало отвѣчал, будто бы, Лукирскій: «обратитесь к Главнокомандующему». Тут первая неувязка, потому что Лукирскій ждал Краснова, как сообщал он только что Духонину. С другой стороны, Лукирскій совершенно не был освѣдомлен о пріѣздѣ Керенскаго и о разговорах Черемисова — он узнал об этом post factum на другой день от Барановскаго.

Черемисова Краснов, по его словам, застал бодрствующим — на засѣданіи военно-рев. комитета. Разговор их закончился якобы репликой Главкосѣва: «Я вам искренне совѣтую остаться в Островѣ и ничего не дѣлать. Повѣрьте, так будет лучше». Пылающей энергіей Краснов идет отыскивать Войтинскаго. Послѣдній ему таинственно передает, что Керенскій в Псковѣ, и рекомендует направиться к Главковерху, отказываясь, однако, его сопровождать: «нам неудобно идти вмѣстѣ». У дверей дома, гдѣ остановился Керенскій, раздается звонок. «Одним прыжком, — рассказывает Керенскій, — я оказался в залѣ... Кто кого убѣдил? Кто кого «сбманул»? На чьей сторонѣ было самовнушеніе? Краснов ли, думавшій лихим налетом захватить Петербург? — вѣдь одно было идти с ген. Корниловым против адвоката Керенскаго, кумира толпы, и другое — идти е этим кумиром против Ленина, который далеко не всѣм солдатам нравится. Или Керенскій вмѣстѣ с Барановским и, может быть, Войтинским, увѣрившій Краснова, что не только всѣ части его корпуса будут собраны и двинуты под его начальством на Петербург, но он будет усилен и 37-й пѣхотной дивизіей, и 1-й кавал. дивизіей и всѣм 17-м армейским корпусом? Я отбрасываю в сторону патетическую словесность воспоминаній Краснова, которой он объясняет, почему во имя Родины он пошел к ненавистному Керенскому. Эти позднѣйшіи резиньяціи исторической цѣны не имѣют. Краснов не учитывал тогда обстановки. Реальное он ощутил только тогда, когда остался в полном одиночествѣ со своими семьюстами казаков под Гатчиной **).

2. Гатчинскій поход.

В 5 ч. 30 м. утра, договорившись с Красновым, Керенскій издал распоряженіе, контрасигнированное правительственным комиссаром Войтинским, о продолженіи перевозки третьяго корпуса. «Какое рѣшеніе принял Главкосѣв» (т. е. Черемисов), — спрашивал Духонин утром Лукирскаго. «Он приказал снять «посты ре-

*) Фактически, независимо от отмѣны продвигенія, отряд Краснова не мог дойти в Петербург к моменту ликвидаціи Зимняго Дворца.

**) В цитированной выше передачѣ Барановскаго (по тексту «Голоса Минувшаго» в 1918 г.) именно Краснов «убѣдил» Керенскаго «немедленно двинуться на Петроград».

волюціоннаго комитета» и продолжать продвиженіе по желѣзной дорогѣ частей 3-го коннаго корпуса», — отвѣтил начальник штаба.

Одновременно, за подписью Керенскаго, был опубликован общій приказ, обращенный к арміи: ...«В настоящее время, впредь до объявленія новаго состава правительства, если таковое послѣдует, каждый должен оставаться на своем посту... как и я сохраняю свой пост верховнаго главнокомандующаго впредь до изьявленія воли временнаго правительства республики». Этот приказ вызвал нѣкоторое недоумѣніе. Так комиссар юго-западнаго фронта Иорданскій*), сообщая Вырубову (пом. нач. шт. Ставки) о спокойствіи на фронтѣ («большинство за Вр. Правительство») и о подготовкѣ посылки отряда с цѣлью хотя бы «моральнаго удовлетворенія», говорил: «Одна фраза (приказа) возбуждает недоумѣніе — о возможности образованія новаго правительства; если это означает готовность идти на компромисс с Петроградом, то это ошибка, лозунгом должно быть возстановленіе Правительства и созыв Учред. Собранія в назначенный срок... Мы смотрим на полсженіе, как на неизбѣжный момент ликвидаціи большевизма, и были бы совершенно выбиты из колен, если бы повторились полумѣры 3—5 іюля». Милюков («Россія на переломѣ») также видит в той фразѣ, которая вызвала недоумѣніе на юго-западном фронтѣ, намек на «переговоры», которые яко-бы велись Керенским наканунѣ большевицкаго возстанія о созданіи однороднаго социалистическаго правительства. Ген. Ниссель мало, конечно, разбиравшійся в подоплѣкѣ русской политической жизни того времени и повторявшій в значительной степени информацію, которую получал от своих русских собесѣдников, остался в убѣжденіи, что Керенскій все время (до переворота и послѣ переворота) лично находился в секретных сношеніях с Лениным и Троцким и поэтому оказывал сопротивленіе тѣм активным дѣйствіям против большевиков, которыя ему предлагались. Ниссель знает даже, что именно большевики содѣйствовали выѣзду Керенскаго из Россіи, снабдив его фальшивым паспортом! «Переговоры» таких не было, но мысль эта, дѣйствительно, возродилась одновременно с созданіем петербургскаго Комитета Спасенія — не в смыслѣ, однако, возможнаго соглашенія с большевиками, а в смыслѣ концентраціи однородных революціонных сил для борьбы и изоляціи большевиков. Намек Керенскаго — уступка настроеніям ЦИК, о которых Гоц сообщил Войтинскому. Борьба с большевицким захватом власти должна была идти под флагом революціонной демократіи, а не Временнаго Правительства.

Итак, подписав два приказа, Керенскій вмѣстѣ с Красновым направился в Остров — стоянку штаба третьяго корпуса. При чтеніи воспоминаній Керенскаго можно узнать, что только его «личное присутствіе среди войск устранило... всѣ тайныя и явныя препятствія» для начала движенія; по воспоминаніям Краснова только его энергія и инициатива достигли цѣли. Двинувшіеся из Острова под «рев и угрозы разнузданной солдатчины эшелоны» пролетѣли жел.-дор. ст. «Псков», на платформѣ которой также

*) Писатель с.-д., впоследствии надѣвший большевицкую тогу.

скопились враждебныя толпы вооруженных солдат*). Быстрота дѣйствій помѣшала вновь Духонину непосредственно переговорить с Керенским, хотя соответственная депеша была отправлена Лукирским с офицером на автомобиль**).

К вечеру эшелоны были под Лугой. Здѣсь Керенскій узналъ о захватѣ Зимняго Дворца. «Теперь я думаю, — писал он в своих воспоминаніях, — что это (т. е. поход с отрядом Краснова) было ошибкой непоправимой. Если бы в то утро 26-го я уже зналъ о захватѣ большевиками Временнаго Правительства, я навѣрное (не) остановился бы на этом слишком рискованном планѣ». Конечно, и в Лугѣ было не поздно измѣнить план, но дѣло в том, что сообщеніе, полученное через ген. Барановскаго, показалось тогда «невыроетным» — Керенскій рѣшил, что это извѣстіе было сфабриковано большевицкими агентами***).

Без выстрѣла на разсвѣтъ 27-го захвачена была Гатчина. Прибывшія из Петербурга войска (многочисленныя, в представленіи Керенскаго, с артиллеріей, блиндированными автомобилями; двѣ роты и команда матросов — в изображеніи Краснова) без боя разбѣжались****). Мѣстныя войсковыя части были пассивны и нейтральны. Окрыленный первым успѣхом Керенскій требует дальнѣйшаго немедленнаго наступленія. Краснов предпочел бы задержаться в Гатчинѣ до прибытія помощи. Все-таки в Царское Село гарнизон исчисляется в 16 тыс. чел., а в отрядѣ Краснова прибавился лишь эшелон из двух сотен казаков, прибывших из Новгорода. Но «гражданская война — не война. Ея правила иныя, в ней — рѣшительность и натиск». Так рассуждает в мемуарах ген. Краснов, назначенный командующимъ всѣми вооруженными силами петербургскаго района. В 2 часа ночи Краснов двинулся на Царское Село. Двинулся с осторожностью, гдѣ можно «разговаривал», вступая в соглашеніе с цѣлями противников. Отказавшись от военно-техническаго руководства вооруженными силами и слѣдуя

*) По словам мѣстнаго жителя Зурова, нынѣ извѣстнаго беллетриста, а тогда еще ученика реального училища, волненія в Островѣ выразились во взаимной потасовкѣ отдѣльных частей гарнизона.

***) В телеграммѣ Духонина, между прочим, заключался совѣтъ двигать немедленно всѣ назначенныя части «походным порядком», т. к. «состоялось постановленіе желѣзнодорожнаго союза не перевозить войск (к) Петрограду». Духонин попросил затѣм Лукирскаго не только зачеркнуть эти строки, но и «уничтожить зачеркнутый кусочек ленты». Почему?

****) Не сдѣлала ли мемуарная память Керенскаго ошибки? Свѣдѣнія о захватѣ Зимняго Дворца были получены в Псковѣ очевидно до отъѣзда Керенскаго. Болѣе естественно предположеніе, что это извѣстіе способствовало возрожденію энергіи Главковерха: с одной стороны, исчезала непосредственная опасность «диктатуры», с другой — Керенскій вновь становился как бы единственным признаннымъ устроителем порядка. Может быть, и «перелет» через ст. Псков был вызван отчасти нежеланіемъ встрѣтиться с Черемисовым, холодный расчет котораго мог содѣйствовать разрушенію случайнаго симбіоза двух стихій — «авантюры» и «неврастеніи». Непосредственная цѣль быстро неподготовленнаго похода на Петербург исчезала — аргументація Черемисова возрастала в своемъ значеніи.

*****) По утвержденію протокола ВРК в Гатчину было прислано 100 матросов и 150 солдат из Семеновскаго и Измайловскаго полков. Они де ушли из Гатчины «во избѣжаніе кровопролитія с заблудившимися братьями-казаками».

своему правилу: «не вмешиваться» в распоряжения лиц, которым поручено выполнение той или иной задачи, Керенский остался в Гатчинѣ. Там ему, однако, не сидѣлось, и он скоро же поѣхал в самую гущу «сосредоточения правительственных войск». Краснов объяснил Главноверху, что задержка вызвана малочисленностью наступающего отряда и лучшей, чѣм он думал, организованностью обороны Царскаго Села: «все торгуемся», — сказал он.

Краснов попросил Керенскаго не оставаться на полѣ сраженія, так как это мѣшает операциі и возмущет офицеров (*). Подобная просьба показалась Керенскому «очень странной и непонятной», но он все нолял, когда замѣтил в окруженіи Краенова «нѣсколько слишком хороших» ему «извѣстных фигур» от Совѣта Союза Каз. Войск, приславшаго делегацію**), — «тогда новый тон и новая манера генерала мнѣ стали слишком понятны». Керенский вернулся в Гатчину. Здѣсь посѣтил его Савинков, и это появленіе «сразу с быстротой молніи освѣтило» Керенскому «все новое положеніе в отрядѣ». Приѣзд этих «политиков» и «патріотов» не предвѣщал ничего хорошаго и «не мог пройти даром для успѣха, как выражается Керенский, моего предпріятія». Подозрительность Керенскаго была возбуждена.

Время шло. Царское еще не было взято. Тогда, под вечер, Керенский снова ѣдет в отряд с «твердым рѣшеніем вмешаться в самыя военныя дѣйствія». Керенский не сомнѣвался, что «внезапный паралич, охватившій всѣ части 3-го коннаго корпуса (?) происхожденіе не военно-техническаго, а политическаго» (много раз впоследствии Керенский в разных статьях продолжал утверждать, что Краснову «подсунули директиву» о нейтралитетѣ). Выяснив на мѣстѣ положеніе дѣл, Керенский послал Краснову письменное требованіе немедленно начать военныя дѣйствія. В этот момент на полѣ битвы появился Станкевич, прибывшій из Петербурга с самыми оптимистическими свѣдѣніями о состояніи готовых поддержать Керенскаго «боевых сил». Колебаніе Краснова было сломлено. Краснов дает красочную подробность — не выдержав роли, Керенский сам врывается в гущу колеблющихся солдат и с сидѣнія автомобиля, в нервном возбужденіи начинает говорить рѣчь***). Все спуталось. Рѣшает дѣло взвод донской батареи. Один, два выстрѣла, и «будто слизнули они все это море го-

*) По утвержденію Краснова, он просил Керенскаго уѣхать в Гатчину потому, что появленіе его на автомобиль с нарядными дамами имѣло слишком праздничный, отзвѣвающийся пикником вид. Сцена маловѣроятная, но возможная. Из других уже источников можно узнать о дамах, которыя приветствовали цвѣтами «кумира» в Лугѣ и Гатчинѣ — провинціальныя дамы запоздало слѣдовали за столичным бомондом.

**) Злостными фигурами были член Совѣта Шамшин и юнкер Клепиков, посланные на развѣдку послѣ совѣщанія у ген. Алексѣева.

***) Направляется составленіе с воспоминаніями Керенскаго, который упрекает Краснова не только в медлительности, но и в слабости: он вел «себя с побѣжденными с гораздо большей снисходительностью, чѣм, по правдѣ сказать, это слѣдовало» и предпочитал прибѣгать «не к силѣ оружія, а к переговорам, рѣчам и увѣщаніям». По словам ген. Нисселя, посѣтившій гатчинскій плацдарм при возвращеніи своем с фронта в Петербург ген. Краснов ему жаловался на бездѣйствіе Керенскаго и пристрастіе послѣдняго к «разговорам».

дов и блестящих штыков. Все стало пусто». Царское было «взято». ВРК объявил, что в Царском «два полка дрались героически, но под давлением превосходящих сил были вынуждены отступить», а советская публицистика сказала, что большевики сделали «еще одну попытку избежать кровопролития».

«Победа была за нами, но она съела нас без остатка», — должен констатировать Краснов. За весь день 28-го октября на помощь подошли три сотни 1-го Амурского казачьего полка, заявившие, по словам Краснова, что в «братоубийственной войне принимать участия не будут», и захваченный казаками бронепоезд «Непобедимый» Осадный полк, шедший из Луги по жел. дороге, был обстрелен матросами и разбился. При возвращении в Гатчину Керенский надеялся «твердо найти связь войска». Он нашел только «телеграммы».

Маленький красновский отряд потонул в море разложившихся «нейтральных» гарнизонов Царского Села и Гатчины. Для того, чтобы удержать «горсть» казаков на должной высоте дисциплины, нужна была спаянность верхов. Ея не было с самого начала и не только в силу естественного соединения двух людей, столь различных политических взглядов и столь отличной психологии. Сам Керенский должен признать, что офицерство отряда причисляло себя к среде «корниловцев» и относилось к нему с враждебностью. Краснов зарисовал такую сцену. Выехавший из Петербурга сотник Карташов докладывает Краснову, еще под Лугой, о событиях в столице. В купе входит Керенский и протягивает руку Карташову (по демократическому обычаю Главковерху «здороваться со всеми одинаково»). Тот вытягивается во фронт, но руки своей не дает: «Виноват, господин Верховный Главнокомандующий, я не могу подать вам руки. Я — корниловец». Помнит и Керенский этот эпизод, только относит его к более позднему дню, когда появились интриганы из Союза Каз. В., разжигавшие ненависть к Вр. Правительству и требовавшие расправы с Керенским, и когда сам Краснов стал все решительнее сбрасывать маску лояльности. Керенскому представляется показательным не столько поведение «адъютанта» Савинова*), сколько ген. Краснова, который дал возможность этому офицеру немедленно скрыться из-под ареста.

Отрицательное отношение к Керенскому росло по мере того, как вырисовывалась изолированность отряда и терялась надежда на подход помощи. Враждебное чувство офицеров должно было передаваться и рядовым казакам — невольно Керенский делался ответственным за неудачу. Сам Керенский усиленно подчеркивает, что разложение казаков отряда шло от ловкой большевицкой пропаганды, которая пользовалась «старорежимными» высказываниями офицерской среды и заодно представляла Керенского «контрреволюционером» — Краснов же не принимал никаких мер к

*) Керенский ему приписывает «героический» поступок. С Фл. Клепиковым, действительно, было нечто аналогичное, как было подобное же еще и в Островь (воспоминания есаула Ажогина).

очищенію (?) занятых городов от большевицких элементов*)». Конечно, и с этой стороны шла разлагающая пропаганда. Все вмѣстѣ создавало напряженную атмосферу в отрядѣ. По словам Краснова, к нему явилась крайне возбужденная делегация от казаков с требованіем немедленно удалить Керенскаго из отряда, так как он «предает» казаков. Под вліяніем этих разговоров — и офицерских и солдатских — будто бы Савинков предложил Краснову арестовать Керенскаго и самому (т. е. Краснову) стать во главѣ движенія. Краснов, конечно, отверг предложеніе Савинкова и только уговорил Керенскаго «с большим трудом» уѣхать из Царскаго в Гатчину. Не очень вѣрится в такое предложеніе Краснову со стороны Савинкова — во всяком случаѣ этого красочнаго эпизода нѣтъ в том первоначальном текстѣ воспоминаній Краснова, который был в 18 г. предоставлен автором Милюкову. Он появился лишь в позднѣйшей эмигрантской редакціи мемуаров, в которой автор давал слишком большую волю своему воображенію романиста. Заподозривали Савинкова в подготовкѣ «переворота» и в окруженіи Керенскаго. Возможно, что у Савинкова были свои планы, и что он вел переговоры с Плехановым о созданіи новой правительственной власти — власти сильной, диктаторскаго характера. Но, его «интриги» носили довольно открытый характер, так как он и не скрывал, по словам Станкевича, своего отрицательнаго отношенія к Керенскому**).

Из кого же состояло в Гатчинѣ интимное, не очень многочисленное окруженіе Керенскаго, и что оно пыталось дѣлать? Как было указано, в воспоминаніях Керенскій намѣренно умалчивает о тѣх, кого он называет своими «друзьями». Помимо лиц, прибывших с Керенским из Петербурга (среди них помощник Полковникова с. р. Кузьмин), в этом интимном окруженіи прежде

*) Савинков будет обвинять Керенскаго в мягкости. Он противился де принятію репрессивных мѣр против агитаторов.

**) Жена Плеханова в період московскаго процесса Савинкова в 24-ом году, когда послѣдній упомянул имя Плеханова в связи с предложеніем о включеніи его в январѣ 18 г. в состав «Донскаго гражданскаго совѣта», вспоминала в «Извѣстіях» и о том «предложеніи» Плеханову взять на себя составленіе министерства послѣ того, как «побѣдоносные казаки» войдут в Петербург, которое было сдѣлано Савинковым 3-го ноября. Видѣть в этих разговорах в Царском Селѣ осуществленіе опредѣленнаго плана, а тѣм болѣе «заговора», конечно, трудно. Плеханова так в «Извѣстіях» формулировала отвѣтъ своего мужа: «Я сорок лѣтъ своей жизни отдал пролетариату и не я его буду разстрѣливать даже тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не совѣтую это дѣлать. Не дѣлайте это во имя вашего революціоннаго прошлаго». Отсюда дѣлался вывод, что Плеханов был очень «невсѣрсакаго мнѣнія» о теоретическом пониманіи Савинковым «революціонных задач», (сам Плеханов в тогдашних своих статьях личность Савинкова относил «к числу самых выдающихся и самых талантливых»), и тѣм самым как бы анулировалась правдоподобность плехановской концепціи, изложенной Садулем в письмѣ к Тома (см. I часть). Если допустить, что плехановскій отвѣтъ передан совершенно точно (нельзя забывать, что специфическое письмо Плехановой в совѣтской печати направлено было по адресу «раскаившагося вождя бѣлогвардейскаго движенія»), то он может свидѣтельствовать лишь о том, что Плеханов не считал лично для себя возможным путь Луи Блана, пошедшаго в лагерь «версальцев». Историческій прогноз идеолога и бывшаго вождя русскаго марксизма сам по себѣ отнюдь не колебался таким заявленіем.

всего состоял Войтинскій, обосновавшийся в Гатчинѣ с 27-го. Он сам в показаніях большевикам опредѣлил свои главнѣйшія функціи: «предотвращеніе каких бы то ни было эксцессов и использование движенія отряда контр-революціонерами». «Я не допустил, — показывал он, — образованія военно-революціонных судов, массовых арестов и других насилій»; он добился «принятія отрядом опредѣленной платформы, примирительной и ярко демократическаго характера». Близкое участіе в гатчинских дѣлах принимал и Станкевич, как муж совѣта и главный отвѣтственный посредник между Гатчиной и Петербургом. Гастролерами бывали с. р. Гоц, Герштейн, Фейт, Сперанскій. Появлялся на горизонтѣ и Чернов. Небольшая группа эс-эров во главѣ с Семеновым — тѣм самым, который пріобрѣлъ печальную извѣстность на московском процессѣ, и который постоянно состоял при Главковерхѣ, исполняя отдѣльныя порученія или занимая опредѣленные должности. Всѣ они пытались организовать, довольно безуспѣшно, пропаганду среди гарнизона Гатчины и Царскаго Села. Неуспѣх агитаціи отчасти объяснялся разбродом, царившим среди пропагандистов: одни, по свидѣтельству Вейгера, защищали необходимость борьбы с большевиками, другіе отвергали ее, базируясь на идеѣ единого фронта в социалистической демократіи. Создать однородное настроеніе в массах не представлялось возможным — в лучшем случаѣ пропагандисты достигали того, что солдаты предпочитали держаться положенія ни к чему не обязывающаго нейтралитета, т. е. отталкивала и назойливая пропаганда большевиков. Достопримѣчательную сцену зафиксировал в своих воспоминаніях Станкевич. Он был сам дѣйствующим лицом. Прибывъ 26-го из Петербурга в Царское Село, Станкевич наблюдал, как мѣстный гарнизон «в ужасѣ» бѣжал перед не появившимся еще противником. У Станкевича родилась мысль склонить солдат в сторону правительства. Полилась его соловьиная рѣчь перед толпой на царкосельском вокзалѣ. Но «едва я замолчал, — вспоминает мемуарист, — увѣренный в успѣхѣ, как какой то пожилой солдат плюнул и со злобой и в изступленном негодованіи стал кричать: «все перепуталось, ничего не пойму, к чорту всѣх ораторов».

Дѣйствительно, «все перепутарось», и в пестром конгломератѣ людей и настроеній в Гатчинѣ, как в фокусѣ, отражалась вся эта общественная и бытовая путаница.

3. Настроенія в арміи.

Успѣх гатчинскаго похода всецѣло зависѣлъ от быстрого движенія эшелонов с фронта — еще в тот момент, когда фронт был в неопредѣленном состояніи. Теперь совершенно ясно, что Петербургская «передряга» была затѣяна большевиками почти внѣ непосредственных организаціонных связей с фронтом. К попыткам «организаціи» фронта в сущности было приступлено лишь 26 октября, т. е. на другой день послѣ переворота.

Помощь шла, но двигалась она со «странной и загадочной» медлительностью. Верховная Ставка разсылала телеграммы во всѣ

концы, слал телеграммы Красноу и еще болѣе Керенскій. «Позднѣе, — говорит Керенскій, — мы получили объясненіе этой загадочности: с одной стороны нас «саботировали» нѣкоторые штабы, напр., тот же Черемисов; с другой стороны большевики желѣзнодорожники и телеграфисты примѣняли.. итальянскую забастовку». «Ставка бездѣйствовала, была парализована», — со своей стороны предьявляет обвиненіе Красноу. Но помимо всѣх этих причин была и еще одна, отмѣчаемая Черемисовым — она не зависѣла ни от бездѣйствія Ставки, ни от злой воли желѣзнодорожников.

«Первая мысль, — вспоминает Черемисов, — была, разумѣется, двинуть, что возможно, немедленно на помощь Керенскому». Очень сомнительно, что такая мысль руководила Черемисовым. Все послѣдующее поведеніе главнокомандующаго сѣверным фронтом мало вяжется с подобным утверждением. За четыре дня, — утверждает Будберг, — войска в Двинскѣ получили от Черемисова только телеграмму о том, что «политика армій не касается». Но верховный главнокомандующій и не ждал инициативы с мѣст — он распорядился по собственному усмотрѣнію. От Керенскаго в Штаб Сѣвернаго фронта стали поступать телеграммы с категорическими предписаніями выслать такой то полк в Гатчину. Распоряженія Главковерха должны были «безпрекословио» выполняться, но Главковерх не мог знать ни расположенія полков, ни степени надежноти того или другаго из них. Послѣдствія ошибки не замедлили сказаться. Распоряженія вызывали возраженія со стороны непосредственных начальников: один доносил, что требуемый полк только что заступил позицію; другой, что требуемый полк может двинуться через два дня и т. д. Слова Черемисова могут быть подтверждены значительным количеством примѣров, почерпнутых хотя бы из опубликованных лент переговоров штабов по юзу.

Вот один достаточно яркій примѣр. 31 октября нѣсколько эшелонов 17-го Драгунскаго полка двинулись из Калуги на помощь Москвѣ. В это время была получена «весьма срочная» телеграмма от имени Верховнаго Главнокомандующаго Керенскаго, адресованная непосредственно командиру полка и предвѣщавшая двинуть эшелоны «пассажирским поѣдом» в Гатчину. В результатѣ отправка полка задержалась.

Черемисов объясняет эту все путающую тактику вмѣшательством Вейтинскаго, который, будучи комиссаром фронта, претендовал на освѣдомленность в этих вопросах. Задача осложнялась стремленіем двинуть на помощь Керенскому достаточно «революціонно» настроенныя части. Комиссар 8-й арміи Вендзягольскій, прибывшій в Гатчину 28-го с сообщеніем о продвиженіи на помощь цѣлаго корпуса*), был поражен тѣм, что в Гатчинѣ «не имѣли ни малѣйшаго понятія о дислокаціи войск Сѣвернаго фронта». Столь же характерно было и то, что Вендзягольскаго, запо-

*) Имѣлся в виду 17-й корпус, только что переведенный с румынскаго фронта и расположенный в районѣ Невеля (Витебская, Псковская губернии).

добрѣнаго в близости к Савинкову, постарались отстранить от какого-либо руководства *). Его назначили комиссаром на броневой поѣзд, который, однако, по мнѣнію Войтинскаго, должен был играть «роль аргумента болѣе моральнаго свойства»; затѣм предложили ѣхать комиссаром в какой-то отряд в Валк, а еще спустя нѣкоторое время, агитатором в какія-то елабья части с программой: «если слишком правы, наступить им на хвост», по выраженію Войтинскаго.

При ознакомленіи с документами этих дней вызывает полное удивленіе то обстоятельство, что Верх. Главнокомандующій не проявил никакой инициативы для того, чтобы снестись непосредственно с начальником своего Штаба. И всѣ попытки Духонина были вновь в этом отношеніи тщетны. Вѣроятно этой оторванностью и слѣдует объяснить до нѣкоторой степени то, что Ставка не проявляла собственной инициативы **). Ея позиція с перваго же дня была достаточно опредѣлена. Опираясь на то, что большинство армейских комитетов высказалось против большевиков (из 11 армій 9), уже 26-го Ставка телеграфировала на всѣ фронты, что она окажет «полную поддержку правительству». Между Духониным и Обще-Армейским Комитетом в Могилевѣ установился полный контакт. И Духонин имѣл полное право сообщить Верховному Главнокомандующему 31-го: «Все, что возможно при наличіи сложившейся обстановки для подавленія большевickaго движенія и для оказанія поддержки вам, я принимаю и настойчиво стремлюсь преодолѣть всѣ неожиданно возникающія препятствія на пути проведенія мѣропріятій». Это надо подчеркнуть, ибо только постороннему наблюдателю, который не мог вникнуть в суть положенія, могло казаться, что Духонин же принялъ никаких мѣр помощи Правительству (утвержденіе ген. Нисселя).

«Ставка живет иллюзиями и сама поддала под влияніе политических партій», — скажет Черемисов, настойчиво продолжавшій вести политику неумѣстательства и все еще считавшій «крупной гоеударственной ошибкой» «втягиваніе арміи, стоящей на позиціях, в политическую передрагу». Старался Черемисов воздѣйствовать прежде всего, конечно, на Духонина. Так как продвиженіе 3-го коннаго корпуса вызвало протест других частей и готовность их двигаться в Петербург на защиту ВРК, что могло привести к гражданской войнѣ на фронтѣ и к его развалу, Черемисов просит Духонина, как замѣстителя Главковерха, связи с которым у Черемисова не было, отменить посылку войск с Сѣвернаго фронта, кромѣ уже отправленных лично Главковерхом (ко-

*) С Вендягольскаго, — рассказывает Милуков, имѣвшій возможность пользоваться запиской, составленной для историка комиссаром 8-й арміи, — Семенов снял форменный допрос по поводу слухов о предполагаемом переворотѣ.

**) Чѣм другим можно объяснить такое странное на первый взгляд безпокойство, проявленное Духониным еще утром 26-го в разговорѣ с Лукирским в связи с уничтоженіем куска телеграфной ленты? Но едва ли не единственной попыткой, или одной из очень немногих двинуть отряд на помощь Керенскому явилось распоряженіе об отправкѣ нѣкоторых частей 17-го корпуса — в сущности и это было сдѣлано, повидимому, больше по инициативѣ самого начальника корпуса ген. Шидлинга.

цію этого разговора Черемисов отправил Керенскому). «Вы согласились не посылать войск, но потом изменили свое рѣшеніе», — напоминает Черемисов Духонину в разговорѣ 3 ноября. Тогда же главнокомандующій Сѣверным фронтом обратился к своим арміям с приказом: «Политическая борьба, происходящая в Петербургѣ, не должна касаться арміи, задача которой остается прежняя — прочно удерживать нынѣ занимаемыя позиціи, сохраняя порядок и дисциплину». Сам Черемисов формально держится лойяльно в отношеніи Керенскаго. Всѣ получаемыя распоряженія им санкціонируются по той же причинѣ, что «всѣ, кто считает, что армія должна быть организованной арміей, а не дезорганизованной толпой, понимают, что приказанія Главковерха и Ставки должны безусловно исполняться», — так разъясняет Черемисов 29-го октября представителем псковскаго революціоннаго комитета. Но эта лойяльность носит формальный характер — нежеланіе нести какую-либо отвѣтственность за дѣйствія Керенскаго.

«Юридически как будто все лойяльно, но чувствуется что-то странное», — опредѣляет Барановскій позицію Черемисова. Она безспорно была двойственна, но эта двойственность, конечно, вовсе не обозначала того, что «штаб Черемисова стал явно на сторону большевиков», как утверждает Деникин в своих «Очерках русской смуты». Положеніе главнокомандующаго Сѣверным фронтом, независимо даже от личных взглядов того, кто занимал этот пост, было исключительно трудно уже в силу того, что на территории именно Сѣвернаго фронта возникла гражданская война. Верховная Ставка рѣшала вопросы теоретически, она калькулировала и комбинировала отвлеченныя величины, на Сѣверном фронтѣ приходилось имѣть дѣло уже с реальными войсковыми частями. Из Могилева Духонин, Вырубов, Ковалевскій (комиссар Правительства), Перекрестов (предсѣдатель Общегр. Комитета) могли даже 30 октября совмѣстно отправить столь рѣшительную телеграмму: «От имени арміи и флота мы требуем немедленнаго прекращенія большевиками насильственных дѣйствій, отказа от вооруженнаго захвата власти и безусловнаго подчиненія дѣйствующему в полном согласіи с полномочными органами демократіи Временному Правительству, единственно могущему довести страну до Учред. Собранія, хозяина земли русской. Дѣйствующая Армія силой поддержит это требованіе».

В Псковѣ на первых же порах была иная обстановка — военно-революціонный комитет с участіем большевиков при колеблющихся правительственных комиссарах. Вот как характеризует Черемисов, до известной степени правильно, их окончательныя опредѣлившіяся позиціи: «один — интернаціоналист Шубин, оказался на сторонѣ большевиков*); другой — бывшій большевик Войтинскій, на сторонѣ Керенскаго; третій — Савицкій, против большевиков и против Керенскаго».

В условіях Сѣвернаго фронта иногда внѣшній политическій нейтралитет становился почти вынужденным. Так было, напри-

*) Все же относительно, ибо позже был арестован по распоряженію Крыленко за отказ сдать дѣла.

мѣр, в Балтійском флотѣ. Идеи невмѣшательства в политику офицерскій состав пытался бороться с посылкой матросов из Гельсингфорса. Когда пришла первая телеграмма Главковерха, ничего не оставалось другого, как заявить, что предписание «исполнено быть не может». Прибѣгли к уловкѣ и отвѣтили, что телеграмма «не расшифровывается». Через два дня Ленин вновь требует присылки судов в виду того, что «положеніе критическое, войска петроградскаго гарнизона устали». Рѣшают, что если суда пойдут, комфлот немедленно пошлет телеграмму главнокомандующему Съверным фронтом, что при условіи влутыванія кораблей в политику в ущерб войск, он болѣе командовать не может» (Дневник Рейнгартена).

С момента выдѣленія из общаго военно-революціоннаго комитета чисто большевицкаго, в Псковѣ создается напряженная атмосфера. 26-го Войтинскій еще может сообщать Вырубову: «Идет пока безкровная война между мною и военно-революціонным комитетом, который установил контроль над аппаратами, кромѣ моего; пытаются останавливать эшелоны и собираются арестовать меня». Но утром 27-го дом Войтинскаго был оцѣплен большевицким караулом — только не было уже Войтинскаго (его замѣнил Савицкій). Приходится отмѣтить, что Черемисову удалось избѣжать крупных эксцессов. Какой цѣной? В этом все дѣло. Пассивная лойяльность задерживала возможность быстрой ликвидаціи петербургской «передраги». Для Черемисова «единственно правильная политика для военной власти» диктовалась увѣренностью в быстрой самоликвидациі большевицкой авантюры. Большевики, — убѣждает он 29-го предсѣдателя ревельскаго военно-революціоннаго комитета, — оказались совершенно изолированными и не смогли фактически осуществить захвата власти. «На сторону большевиков, захвативших в Петроградѣ власть, — передает по юзу Болдыреву тот же Черемисов, — никто не стал из других политических партій; поэтому, новидимому, инцидент будет ликвидирован сам собою отказом большевиков от власти, которые, конечно, понимают, что в революціонное время власть не может находиться в руках партіи, являющейся выразительницей политических взглядов меньшинства».

Каждый день промедленія подводил как бы базу под позицію Черемисова и вмѣстѣ с тѣм доказывал роковую ошибку его изолированнаго положенія. Ставка это чувствовала. «Волна большевизма, идущая из тыла», — доносил Духонин Керенскому 1-го ноября, — постепенно приближается... и если кризис затянется еще на 2—3 дня, то нельзя поручиться за спокойствіе на позиціях». На всем фронтѣ растет напряженіе. В связи с этим возникает мысль (и даже рѣшеніе) удалить Черемисова с фронта, хотя бы для такой цѣли пришлось прибѣгнуть к его аресту. Но это относится уже к другому моменту, когда акція Керенскаго, как представителя Временнаго Правительства, была кончена, и когда на экранѣ историческаго кинематографа появилась другая сцена, главным дѣйствующим лицом в которой пришлось быть едва ли не Чернову.

С 25-го по 31-ое октября, когда на фронтѣ скорѣе было не-

определенно пассивное («нервно-выжидательное», по характеристике Духонина) отношение к большевикам, все же до 50 эшелонов продвигалось в Петербург на помощь Правительству и реально почти ни одного на помощь большевикам*). Исключение представлял лишь юго-западный фронт, где настроение было «наиболее благоприятное» для Правительства, но «зато были и кровопролитные столкновения». «В Виннице, — докладывал Духонин 31 октября, — произошел упорный бой с участием с обеих сторон даже броневиков и аэропланов». К вечеру большевики были «обращены в бѣгство**»). На Северном фронте наиболее существенным было решение армейского комитета 5-й армии (было принято большинством 3 голосов) послать из Двинска в Петербург 12 батальонов с орудиями и пулеметами для улаживания конфликта. Фактически эта экспедиция, формально все же с «нейтральной целью», не осуществилась, так как ген. Болдырев решительно заявил, что воспрепятствует оружием посылке отряда из 5-й армии на поддержку ВРК.

Отношения, создавшиеся в 5-й армии, могут представить особый интерес. Эта армия, ближайшая к Петербургу, по словам Будберга, с «энтузиазмом» отозвалась в июльские дни «на призыв против большевиков», а в октябрьские дни она стала «оплотом большевизма». Будберг, командовавший одним из корпусов армии, дает в своем дневнике яркий материал для суждения. Но никогда не надо забывать, что Будберг мемуарист очень импульсивный, и что он очень остро переживал разложение своего корпуса, который «до сих пор, — записывает он 14-го октября, — по части сохранения порядка считался счастливым исключением». Отмечая обычные для того времени случаи братания с противником, отказы частей занимать боевые участки, заявления об уходе с фронта «через недѣлю» и т. д., Будберг считает, что его «очень стойко державшийся корпус» погубили приделанные в октябрьские дни пополнения, которые он «молил» не присылать: «наехали на фронт трусливые, не желающие воевать и работать роты, которые... усугубили давно уже надвигающуюся на фронт продовольственную катастрофу». В этих треть-очередных дивизиях «сейчас вся сила большевиков», — записывает он 15-го октября. Будберг носился с мыслью о расформировании этих частей и оставлении на фронте лишь добровольцев, при помощи которых можно «дотя-

*) Лишь из Финляндии 1 ноября прибыл в Петербург «полк», эшелон в 500 штыков, который стал «брататься» с петербургским гарнизоном.

**) Наиболее солидными частями являлся «украинизированный» по распоряжению Корнилова 34-й арм. корпус, находившийся под командованием Скоропадского, числивший 60 т. штыков, и добровольческая организация «Вольного Казачества». Бывший правительственный комиссар Галиции историк Дорошенко рассказывает, как мѣстная украинская власть фактически сама разлагала эти военные силы из опасения, что она сыграет «контр-революционную роль» — посылала специальных агитаторов, не отпускала денег, оружия, одежды и т. д. Этих войск Рада боялась не меньше, чем большевиков. Деникин, враждебный всякой идее «украинизации», отрицает устойчивость корпуса Скоропадского.

нуть до послѣдней оставшейся ставки — выборов в Учредительное Собрание»^{*)}.

Выводы Будберга накануне переворота крайне пессимистичны: «несомнѣнно, что развязка приближается и в исходѣ ея не может быть сомнѣній; на нашем фронтѣ нѣтъ уже ни одной части (кроме двух-трех ударных батальонов, да развѣ еще уральских казаков), которые не были бы во власти большевиков». Сам себя корпусной командир называет только «поваленным огородным чучелом». И между тѣм из разказа того же Будберга легко увидѣть, что это «безсильное чучело» имѣло еще большой моральный авторитет среди солдат; из тѣх же подневных записей можно подчеркнуть данный для существенных подчас коррективов к безотрадной картинѣ, набросанной пером пессимиста. Я не буду вводить этих поправок. Обратим лишь вниманіе на одно знаменательное само по себѣ явленіе: казалось бы, что большевицкій центр в Петербургѣ должен был знать о господствующем настроеніи в 5-ой арміи через своего эмиссара Складискаго. Между тѣм военные содѣйчики Ленина, вскоминая июльскіе дни, больше всего боялись, что Керенскій сможет двинуть с фронта именно части 5-ой арміи, «здравомыслящій» армейскій комитет которой отправил в Петербург телеграмму о том, что «штыки 5-ой арміи готовы привести тылы государства в шорядок». Будберг, сообщая об этой телеграммѣ, добавляет: «все это только бахвальство и сотрясеніе воздуха; вѣдь все... понимают, что под предлогом усмиренія тыла все готовы сняться с фронта, но когда они туда придут, то надо будет думать о том, как и кѣм их усмирить». В сферах ВРК возможный порыв с фронта, новидимому, расцѣнивали по другому. И записи Будберга, относящіяся к дням переворота, как будто бы, свидѣтельствуют о том, что большевизація 5-ой арміи и в частности корпуса самого Будберга была относительна. Вот отмѣтка 26-го октября: «Во всѣх частях великое ликование по поводу сверженія Керенскаго... и перехода власти к совѣтам. Но, несмотря на

^{*)} План Будберга не встрѣчал, по его словам, сочувствія в штабѣ Сѣвернаго фронта, гдѣ не так пессимистично оцѣнивали положеніе и даже разрабатывали в октябрѣ план наступленія. Будберг весьма скептически относился к позиціи «псковских марсіан». В дѣйствительности, как видно из донесенія пом. комиссара Святицкаго военному министру 22 октября, на сообщаніи комиссаров Сѣвфронта среди мѣр, намѣченных для борьбы с разложеніем арміи, на первый план был выдвинут вопрос о национализаціи корпусов и созданіи добровольческих полков. В Могилевской же Ставкѣ был к этому времени уже разработан цѣлый проект «добровольческой арміи», в которой Духонин, по словам автора цитированной статьи в «Голосѣ Минувшаго» 18-го года, видѣл «единственное спасеніе» Россіи... Проект этот, представленный Вырубовым Керенскому, был утвержден 16-го октября. В разработкѣ его принялъ ближайшее участіе находившійся в Ставкѣ ген. Врангель — у него в воспоминаніях можно найти нѣкоторыя детали проектированной реорганизаціи арміи. Врангель был противником «территориальной системы», считая, что в тогдшних условія «территориальная организація могла повести бы лишь к расчлененію арміи, а с нею и страны». Это надо отмѣтить, так как в работѣ ген. Головина Духонину приписывается план созданія «национальных» частей и превращенія тѣм самым Россіи в федерацію. Как будто бы таких замыслов у Духоина, продолжавшаго тактику своего предшественника Корнилова, не было. (Территориальной системѣ наиболѣе сочувствовал в Ставкѣ ген. Дидерихс).

всю большевицкую обработку, большинство солдат против того, чтобы власть была большевицкая, а стоит только за то, чтобы власть была отдана ЦИК Совѣта С. и Р. Д.*). Появление во главѣ новаго правительства тов. Ленина ошарашило большинство инертных солдат; эта фигура настолько одиозна своим германским штемпелем, что даже большевицкая агитація оказалась безсильной с ней помирить. В нашем корпусном комитетѣ лидер наших большевиков, ветеринарный фельдшер, взволнованно заявил начальнику штаба: «да неужели же Ленин? да развѣ это возможно? да что же тогда будет?»... Это назначеніе так повліяло на корпусной комитет, что он большинством 12 против 9 уклонился от того, чтобы обсуждать резолюцію, сочувственную петроградским Совѣтам».

«День прошел в общем спокойно: настроеніе в частях выжидательное: всѣ ждут, как разовьются в дальнѣйшем событія», — записывает автор дневника под 27-ым. На фронтѣ получен декрет о «немедленном мирѣ». Телеграмма «произвела всюду колоссальное впечатлѣніе и вызвала бурную радость. Теперь у нас выбиты послѣдніе шансы на спасеніе фронта». В такой обстановкѣ и обсуждается в большевицком уже по составу армискомѣ приказ Петербурга выслать на помощь надежныя части. Армиском «довольно хитро выскочил из двусмысленнаго положенія, рѣшив войска... не посылать, ибо «посылать много не позволяет безопасность фронта, а посылать мало не стоит». Командующему арміей Болдыреву таким образом не пришлось «испытывать вѣрность» ударников и конных частей, которыми он хотѣл воспрепятствовать посылкѣ эшелонов на помощь ВРК и которые, по пессимистическому предсказыванію Будберга, должны были под влияніем «травли» («корниловскіе жандармы») отказаться от усмиренія. «В виду того, что в одной части арміи симпатія на сторонѣ Петрограда, с другой на сторонѣ Ц. К.», — заявил Черемисову руководитель мѣстнаго ВРК шт.-кап. Сидяткин — армиском займет «нейтральную позицію и примет всѣ мѣры, чтобы не допустить братоубійственной рѣзни между войсками революціонных партій, но отдаст всѣ силы, всѣ имѣющіяся в распоряженіи силы для борьбы о контр-революціей». «Рѣшеніе правильное, вполне привѣтствую его», — отвѣтил главнокомандующій Сѣверным фронтом; «из опасенія гражданской войны между политическими партіями на фронтѣ я просил Главковерха отмѣнить распоряженіе о посылкѣ войск на Петроград с Сѣвернаго фронта, кромѣ тѣх частей, которыя он лично повел, и, кажется, моя просьба уважена».

Так было в арміи, наиболѣе «большевицкой» в дни «передриги». Отмѣчу еще нѣкоторыя специфическія черты для XII-й арміи, находившейся, по словам ея командующаго ген. Юзefовича, «в исключительном положеніи», будучи расположенной на латышской территоріи. Здѣсь в маі-юніѣ развивал свою дѣятельность в «Окопной Правдѣ» пресловутый Рошаль. На июльском съѣздѣ большевиков представитель Прибалтійскаго края говорил: «Мы

*) В арміи сочувствовали «большевицким» лозунгам о землѣ и мирѣ, но не «коммунистам» (Дегтерев).

сумѣем сдѣлать 12-ю армію красной арміей» — в «Ригѣ 8 латышских полков, т. е. 48.000 штыков поддерживают нас»... «единеніе между латышскими полками и сибирскими полками». Создавалось таким образом впечатлѣніе, что эта армія, по выраженію ген. Нисселя. «la plus pauvre de toutes» на Сѣверном фронтѣ. Французскій генерал считал излишней даже свою поѣздку туда, — тѣм болѣе, что наступали уже страдные октябрьскіе дни. По утвержденію большевиков на рижскій фронт заранѣе было сообщено об ожидаемом выстушеніи. Всѣ ауспиціи слѣдовательно говорили о том, что XII-ая армія должна особенно настойчиво поддержать «экстремистов». И, быть может, довольно неожиданно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторых, именно XII-ая армія — одна из трех — сразу откликнулась на призыв комиссара Войтинскаго. Повидимому, рижскій прорыв нѣмцев произвел большое впечатлѣніе в арміи и началось ея «оздоровленіе». В «Извѣстіях» ЦИК 3 октября можно было прочитать обращеніе Совѣта С. Д. 12-ой арміи к странѣ, в котором говорилось о том, что «нѣтъ немедленнаго выхода из войны», и поэтому, «братья, послѣднія силы сберегите, убейте разочарованіе и слабость своего духа и все отдайте для защиты страны без колебанія». Воззваніе призывало солдат «быть воедино с офицерами» и требовало от всѣх слоев населенія «отдать все на нужды обороны. Тот же Совѣт высказывался против созыва всероссійскаго съѣзда 20-го октября и убѣждал петербургскій гарнизон не поддерживать «безумную агитацію лжецов и демагогов»... Прошли первые дни выжидательнаго и тревожнаго настроенія на фронтѣ послѣ переворота. Командующій фронтом доносил своему шефу 1-го ноября, что в «латышских бригадах» положеніе чрезвычайно острое». Однако, несмотря на весь «арсенал провокаціи» и демагогін большевики не могли восторжествовать на фронтѣ. На армейском съѣздѣ пришли къ соглашенію: полный нейтралитет в смыслѣ отправки войск в Петроград, отиѣна всѣх распоряженій, сдѣланных ВРК и возвращеніе самовольно ушедших частей (латышских) на свои мѣста. Образовался новый «Исполнительный Комитет», составленный из 23 большевиков и 23 меньшевиков при двух предсѣдателях. В дѣйствительности «соглашенія» нѣтъ, — отмѣчает позднѣйшій протокол (5 ноября) ВРК в Петербургѣ — и можно ждать на фронтѣ «гражданской войны».

Какую позицію считает нужным занять ген. Юзефович в той сложной обстановкѣ, которая сложилась на территоріи XII-ой арміи? «Я напрягаю всѣ усилія, — говорит он по проводу Черемисову, — чтобы избѣжать перваго выстрѣла, успокаиваю, что никаких войск не отправляю из Арміи в Петроград. При этих условіях нельзя ничего выдергивать, между тѣм сюда пріѣхали уполномоченные Керенскаго — представитель союза броневиков, — чтобы взять 5-й броневой дивизион. Я категорически запретил, но он ведет какіе-то разговоры с Псковом, пытаюсь самовольно захватить подвижной состав и отправить дивизион. Эти всѣ вторгающіеся в управленіе арміей благополучно уѣдут, а вѣдь расхлебывать придется нам. Считаю, что при всякаго рода вторженіи нельзя командовать арміей. Считаю, что надо подумать на всякія воз-

возможности на случай, если начнется в недрах армии гражданская война. Мы сидим на бочкѣ с порохом». Это в сущности позиция ген. Черемисова. Чрезвычайно характерно, что и Будберг, чело-вѣкъ очень далекій от «революціоннаго карьеризма» и не примы-кавшій к «правому берегу», фактически склонен занять анало-гичную позицию. На созванном Болдыревым совѣщаніи в Двинскѣ (еще 26-го) он повторяет как бы аргументацію Черемисова: «Бол-дырев в нерѣшимости, — записывает Будберг, — я, как мѣж сам сказал, боится остаться между двумя стульями.. Я ему отвѣтил, что, если не пускаться в политику, то нам егосить нечего, ибо студ у нас один — это наша отвѣтственность за удержаніе своих бое-вых участков; с этого поста мы уйти не можем, а борьба партій, в которой нам нѣтъ и не может быть доли, не наше дѣло; сейчас мы только профессионалы, охраняющие остатки плотины, прорыв которой нѣмцами может погубить Россію. Есть, конечно, другой исход: ударными частями арестовать армиском и вмѣшаться в борьбу за власть; но при данной обстановкѣ это бессмысленно по соотношенію сил и губельно для интересов фронта, так как не-медленно увлечет его в эту борьбу. Сейчас... мы обязаны твердо и опредѣленно стать на боевую точку и потребовать от всѣх по-литических организацій, каковы бы онѣ ни были, самой энергич-ной поддержки порядка и боевой способности наших частей... со-вѣты же, комитеты и комиссары пусть занимаются политикой и пасут, как умѣют, свое бурливое стадо». «Сам я, — добавляет Будберг, — мало вѣрю в успѣх всего этого, но такая линия пове-денія единственно для нас возможная».

Итак пессимист Будберг и оптимист Черемисов сошлись на одной «профессиональной» тактикѣ. Подобная политическая пози-ція — своего рода внѣшняго, как бы вынужденнаго нейтралите-та, имѣла adeptов не только в средѣ команднаго состава. Общее настроеніе армейских масс или их руководящих кругов — особен-но послѣ первых уже дней неразберихи, пожалуй, можно пере-дать резолюціей армейскаго комитета 6-й армии, принятой 1-го ноября: «ни одного солдата Керенскому, ни одного солдата боль-шевикам». Но это настроеніе отнюдь не было каким-то непрелож-ным постулатом. «Состав прежняго Правительства, — сообщал ко-миссар Румфронта Тизенгаузен тотчас по полученіи сообщенія о переворотѣ, — не особенно популярен в войсках и, как таковой, мало интересует солдат»... «двинуть с фронта войска для защиты лиц самого Правительства едва ли возможно»... «в защиту Учре-дительнаго Собранія.. безусловно станет весь фронт*»). Тизенгау-зен дѣлал оговорку: «безусловно нашлась, может быть, часть, ко-торая пошла бы безпрекословно». Он не ошибся — ударники из 17-го корпуса, дошедшіе 1 ноября до Луги, были в боевом на-

*) Послѣ «безконечных» преній лѣвой группировки в «Румчеродѣ», т. е. Ц. И. К. Румынскаго фронта и Черноморскаго флота, удалось прове-сти резолюцію, в которой Румчерод, «не осуждая и не одобряя переворо-та», не считал возможным двинуть в помощь Правительству войска с Ру-мынскаго фронта. Резолюція прошла лишь «тремя голосами». Однако, на слѣдующем пленарном засѣданіи вопрос был перерѣшен в противополож-ном смыслѣ.

строении. И такие «вѣрные» части находились на фронтъ — онѣ легко откликались на призыв дать отпор большевикам и шли сознательно и без понужденія. Войтинскому, напримѣр, рѣшительно не нравилось, что в «казачьих войсках» наблюдается «настрое- ние повышенное, даже слишком повышенное» (разговор с Вырубовым 26-го). Едва ли только фразой было заявленіе 28-го комитета по формированію ударных батальонов о том, что «36 революціонных ударных батальонов в полной боевой готовности ждут приказа верховнаго вождя русской революціонной арміи и Временнаго Правительства, чтобы двинуться на Петроград «положить конец стремленіям безответственной кучки анархо-большеви- ков»^{*)}). Правда, происходили временныя «закидки», по выраженію Духонина, и в наиболѣе надежных частях — напр., 5-ая кавалерійская дивизія постановила исполнять всѣ оперативныя при- казы, но не принимать участія в политических выступленіях; объ- явила себя «нейтральной» 17-ая кавал. дивизія, рѣшившая высту- пать только для прекращенія безчинств. «Настроеніе массы не- устойчивое с часто мѣняющимся взглядом на положеніе», — со- общает Духонин Верховному Главнокомандующему 31-го, расска- зывая, как воинскія части пѣхотной бригады 17-го корпуса, выра- зившія сначала «добровольное желаніе итти на Петроград», затѣм при посадкѣ отказались, и приходится грузить другія, которыя «сегодня высказали поголовное свое желаніе».

Таким образом при ознакомленіи с матеріалами, характери- зующими отношеніе фронта к большевицкому перевороту, выно- сить все же впечатлѣніе нѣсколько иное, чѣм это рисуется в тра- диціонном уже представленіи — фронт в октябрьскіе дни не пред- ставлял из себя какую-то почти развалившуюся храмину, которую только искусственно поддерживала инерція^{**}). Если бы фронтова

*) На документѣ имѣется надпись Духонина: «Надо послать хотя по одному баталіону в Петроград и Москву».

***) Читатели, которые обратятся к упомянутой выше книгѣ ген. Головина, будут, вѣроятно, удивлены разительным противорѣчiem между моими выводами и данными, приведенными военным историком. У него для характеристики состоянія дѣйствующей арміи перед октябрьским переворотом приведена официальная «сводка донесеній» с 15 по 30 октября, сдѣланная военно-политическим отдѣлом Ставки. Конечно, официальная сводка неизбѣжно нѣсколько искусственно концентрирует в документѣ отдѣльные эпизоды, тѣм самым сгущаются дѣйствительныя краски. (Примѣром могут служить официальныя сообщенія в октябрѣ о «систематических безчинствах» солдат того самаго 17-го корпуса, нѣкоторым частям котораго пришлось играть такую положительную роль в октябрьскіе дни). Но в данном случаѣ произошло одно существенное недоразумѣніе. Ген. Головин не указывает источника, откуда он заимствовал «сводку», напечатанную в приложеніи 16-м к главѣ VI его книги. Автор слишком часто брал матеріалы из вторых рук — отсюда и возникло, очевидно, то недоразумѣніе, которое я должен устранить: «Сводка» относится ко времени 15-30 ноября («Кр. Арх.», кн. 23) — это явствует, независимо от дат, из самаго ея содержанія. Другими словами перед нами «сводка донесеній о настроеніи дѣйствующей арміи» послѣ октябрьскаго переворота, послѣ начавшихся мирных переговоров, когда армія стала дѣйствительно катастрофически разваливаться. Если главнокомандующій XII-ой арміей, как мы видѣли, 1-го ноября, в разговорѣ с ген. Черемисовым, все еще надѣялся удержать свою армію в состояніи силы, годной для военныя операций, хотя и признавал фронт «с точки зрѣнія боевой и моральной устойчивости» болѣе, чѣм «хрушким», то

существование в лицѣ представителей революціонной демократіи сумѣла занять опредѣленную недвусмысленную позицію, она без особеннаго труда могла бы, повидимому, повести за собой солдатскую массу. Отрицательное отношеніе к перевороту наблюдалось не только в армейских и фронтовых организациях, разошедшихся с настроеніями масс к моменту октябрьскаго переворота, как это безоговорочно утверждают совѣтскіе обозрѣватели прошлаго. В своих интересных воспоминаніях «Защита Всероссийскаго Учредительнаго Собранія» с.-р. Соколов на основаніи личных наблюденій над настроеніями солдатских масс в Особой Арміи (юго-зап. фронт) приходит к заключенію, что «наибольше здоровым органом в странѣ был все-таки фронт». Отмѣчу, что официальное сообщеніе в Ставку от 28-го опредѣленно указывало на то, что на Кавказском фронтѣ большевицкая пропаганда «успѣха не имѣет».

Во всяком случаѣ абсолютно нельзя согласиться с гиперболическим выводом правительственнаго комиссара при Верховной Ставкѣ Станевича, утверждавшаго в своих воспоминаніях, что уже послѣ Кориндовскаго выступленія большевики оказались полными хозяевами арміи. Если войска, посылаемая для «водворенія в октябрьскіе дни порядка» под вліяніем всей окружавшей обстановки превращались в «бездѣйственные массы», по выраженію ген. Марушевскаго, то в видѣ рѣдких исключеній можно отмѣтить случаи перехода их к большевикам.

Очень показательна обстановка, создавшаяся на Западном фронтѣ. Она казалась ген. Балуюеву «хуже, чѣм гдѣ-либо». 29-го главнокомандующій в разговорѣ с Духониным сравнивает себя с «человѣком, сидящим на бочкѣ пороха с подожеженным пиуром».

Рѣшающее значеніе имѣлъ здѣсь «Комитет Спасенія Революціи» в Миискѣ. На его позицію значительное вліяніе оказала тактика мѣстных «буидовцев» и Чернова, «гастролировавшаго» в октябрьскіе дни на западном фронтѣ и 25-го прибывшаго в Мииск. Какова была эта тактика, видно из резолюціи, принятой 26-го, по предложенію Чернова, на съѣздѣ солдат и крестьян: съѣзд «с глубокой горечью услышал о том, что одна часть демократіи вновь пытается в Петроградѣ захватить в свои руки силу и власть иაკануиѣ Учр. Собр.»... съѣзд «категорически осуждает попытку поднять в странѣ междоусобицую гражданскую войну»... Съѣзд «категорически заявляет, что никому не позволит захватить силою власть в республикѣ без согласія большинства народа и сумѣет

в своем донесеніи через 2-3 недѣли он говорит, что его армія представляет из себя «огромную, усталую, плохо одѣтую, с трудом прокармливаемую озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованіем». Он уже не упоминает о том, что в «частях, стоящих на первых линиях, атмосфера болѣе здоровая». И все же, даже в эту мрачную картину послѣдующаго развала фронта, историку слѣдовало бы внести нѣкоторыя оговорки. Развал настоящій начался лишь в декабрѣ, когда арміи на фронтѣ угрожал настоящій голод. Нѣкоторым, как бы символом, может служить почти фантастическая исторія, рассказанная в воспоминаніях Дана о том, как «большевицкій» полк, послѣ переворота покинувшій фронт, продвигался «дисциплинированно» через всю Россію под командой офицеров, сохранивших погону.

в случаѣ надобности обуздаты силою тѣх, кто не захочет с ним считаться»... «В то же время Съѣзд заявляет, что как бы ни были велики ошибки одной части революціонной демократіи, арміи не дозволит, чтобы эти ошибки были использованы для своих дѣлей контр-революціей». «Безболѣзненная» ликвидація смуты на практикѣ означала то или иное соглашеніе с большевиками. Минскій «Комитет Спасенія» и согласился 27-го с мѣстным ВРК на принципъ единого соціалистическаго фронта — взаимно было условлено не пропускать войск в столицу. Сватовство произошло при посредничествѣ меньшевиков. ВРК послѣ безуспѣшной попытки «захвата власти» должен был признать, что путь вооруженной борьбы при имѣющихся силах (и наличія враждебно настроенных кавалерійских частей) приведет только к «полному пораженію ВРК».

Ядовитую характеристику, хотя, быть может, и нѣсколько упрощенію, дал Минскому Объединенному Комитету ген. Вальтер, нач. штаба Зап. фронта, в разговорѣ с Дитерихсом 31-го октября: «составился Комитет частью из благожелательнаго элемента, частью из большевиков; такой блок получился от того, что эсэры и эсдеки, вообще благомыслящіе, не были увѣрены, что военная сила их достаточно твердо поддержит против... большевиков, а затѣм не были увѣрены, чѣм кончится борьба в Петроградѣ. Отсюда личный шкурный страх ясно и опредѣленно высказать въ Комитетѣ свой личный взгляд и, кромѣ того, страх, что рѣшительныя мѣры против Совдепа вызовут взрывъ насилія на фронтѣ... Большевики рѣшительно проводят свою линію, а средіе... по своему политическому убѣжденію не желают рѣшительныхъ дѣйствій против большевиков. Всѣ рѣшительно держат камертон на Петроград: как только в Петроградѣ будет развязан узел в пользу Врем. Правит., так сейчас же отпадет всякое вліяніе Совѣта и большевиков». «К этому надо прибавить полное отсутствіе симпатій к Керенскому», — заключает ген. Вальтер. (Будберг говорит уже о «ненависти»). И все-таки, несмотря на отсутствіе «симпатій» и несмотря на постановленіе Комитета Спасенія о не-пропускѣ шведовъ в столицу, финляндская стрѣлковая дивизія, шедшая на помощь Правительству, прошла через фронт без особыхъ затрудненій.

Итак, ориентировка идет на Петроград. Посмотрим, что происходило там на другой день послѣ паденія Временнаго Правительства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОСЛѢ ПЕРЕВОРОТА

1. Комитет Спасенія.

Начнем с разсказа Станкевича. К числу достоинств его воспоминаній надо отнести удивительную прямолинейность в изображеніи своих впечатлѣній и настроеній. Для характеристики психологической стороны событій историческіе документы такого порядка представляют большую цѣнность.

«На другой день с вечера, — пишет Станкевич, — грянуло извѣстіе о том, что Керенскій с войсками приближается к Петрограду... Извѣстіе это подняло настроеніе политических кругов. Начались оживленныя попытки организаціи борьбы с большевиками. Эти же слухи отразились крайним упадком настроенія у большевиков, что видно было на их патрулях на улицах: были случаи, что дамы обезоруживали солдат. Увѣренность в скорой ликвидаціи большевиков росла ежечасно, тѣм болѣе, что из казарм стали поступать свѣдѣнія о недовольствѣ гарнизона новыми хозяевами, и стали буквально сыпаться предложенія принять участіе в вооруженном выступленіи против большевиков. Были свѣдѣнія о растерянности в средѣ самого ВРК. Городская Дума и помещеніе Крестьянскаго Совѣта в Училищѣ Правовѣднія были всецѣло в наших руках и составили центр подготовки общественной и вооруженной акціи против большевиков».

Рѣчь идет о том Всероссійском Комитетѣ Спасенія Родины и Революціи, который был создан на иочном засѣданіи Городской Думы. Комитет объединил широкій демократическій фронт — в состав его с самаго начала вошли президіум Предпарламента, представители Думы, ЦИК, Исполнительнаго Комитета Совѣта Кр. Д., ушедших со съѣзда совѣтских фракцій и фронтовой группы желѣзнодорожнаго и почтово-телеграфнаго союзов, Центральных Комитетов партій социалистов-революціонеров, меньшевиков, тр.народных социалистов, плехановскаго «Единства». Присоединились и делегаты Центрофлота, занявшаго отрицательную позицію к возстанію. Пополнялся Комитет и представителями других организацій. Комитет возглавлялся предсѣдателем Совѣта Республики, и тѣм самым устанавливалась как бы преемственность от Временнаго Правительства. Первым его шагом явилось обращеніе к населенію с призывом не признавать и не исполнять распоряженій насильников, встать на защиту родины и революціи и

поддержатъ Комитетъ Спасенія. Послѣдній, «сохраняя преемственность единой государственной власти, возьметъ на себя инициативу воссозданія Временнаго Правительства», которое, опираясь на силы демократіи, доведетъ страну до Учредительнаго Собранія и спасетъ ее отъ контр-революціи и анархіи. Ясно, что дѣло шло о новомъ правительствѣ, созданномъ на другихъ основахъ коалиціи, чѣмъ только что сошедшее со сцены и почти вполнѣ составѣ находящеся в Петропавловской крѣпости.

Одновременно съ Комитетомъ Спасенія къ населенію обратились съ воззваніями и всѣ организаціи, въ немъ участвующія. Рѣшительныхъ словъ по отношенію къ большевикамъ было сказано достаточно. Разной силы были эти слова и въ разныхъ формахъ они комбинировались. Анализъ этихъ документовъ могъ бы представить значительный интересъ для характеристики общественныхъ настроеній. Отмѣчу лишь нѣкоторыя показательныя черты. Ни одна изъ политическихъ группъ не обратилась съ прямымъ и открытымъ призывомъ съ оружіемъ въ рукахъ противодѣйствовать большевикамъ — намекъ можно найти лишь въ обращеніи военной комиссіи Ц. К. партіи с. р., предлагавшей оказать «полнѣйшее содѣйствіе войсковымъ организаціямъ, комиссарамъ и командному составу въ дѣлѣ окончательной ликвидаціи безумной затѣи». Меньшевики-оборонцы, возглавляемые Потресовымъ, «горячо» привѣтствуютъ «мужество» министровъ, оставшихся «на своемъ посту» подъ дуломъ ружей «насильниковъ», заканчивали свое воззваніе: «Да здравствуетъ Временное Правительство! Помогайте Временному Правительству и товарищу Керенскому». В этихъ словахъ можно было увидѣть призывъ къ оружію. «Народное Слово» (органъ народныхъ социалистовъ), «Воля Россіи» (органъ правыхъ с. р.) требовали возстановленія Временнаго Правительства во всемъ объемѣ его прав*), но органы главенствовавшихъ социалистическихъ партій даже не вспомнили ушедшее съ политической арены Правительство въ смыслѣ оказанія ему поддержки. И еще одна черта отличала всѣ безъ исключенія обращенія этого и ближайшихъ дней, шедшія изъ лагеря «непримиримой» оппозиціи. Какъ *memento mori* передъ ними стоялъ призракъ грядущей контр-революціи. В обращеніи Ц. К. партіи с. р. 26-го уже опредѣленно говорилось о «ликующей контр-революціи», которая лишитъ народъ «земли и воли». В организаціонномъ докладѣ на объединенномъ засѣданіи входящихъ въ Комитетъ группъ с. д. Скобелевъ раскрывалъ карты: «есть слухи, — заканчивалъ онъ докладъ, — что въ провинціи находятся генералы, которые хотятъ воспользоваться происходящими событіями и идти на Петроградъ, конечно, не для спасенія революціи, а въ совершеномъ другихъ цѣляхъ и задачахъ». Скобелевъ намекалъ на ген. Каледина. «Поклянемся же, товарищи, — патетически восклицалъ докладчикъ, — что революція будетъ спасена, или мы погибнемъ вмѣстѣ съ ней».

В цѣляхъ «воссозданія революціоннаго порядка и предотвра-

*) Такая же точка зрѣнія высказывалась и въ другихъ аналогичныхъ по настроенію группахъ — напр., къ поддержкѣ Вр. Пр. призывала въ воззваніи (болѣе позднемъ) кооперативная группа Предпарламента. Привѣтствовалъ всѣхъ членовъ В. П. «мужественно и до конца исполнившихъ свой долгъ и свою присягу и не подчинившихся угрозѣ» ЦКъ партіи народной свободы.

шенія братоубійственной гражданской войны» Комитет постановил вступить в «переговоры» с Временным Правительством и Центральными Комитетами социалистических партій «об организаціи демократической власти», обеспечивающей «быструю ликвидацію большевицкой авантюры методами, гарантирующими интересы демократіи, и рѣшительное подавленіе всѣх контр-революціонныхъ попытокъ». Прочную базу, гарантирующую невозможность смѣны «экстремистовъ слѣва» экстремистами «справа» Комитет видѣл в проведеніи программы, намѣченной большинствомъ Совѣта Республики какаиуиѣ большевицкаго переворота. Самоуверенно звучитъ послѣдній пунктъ «программы»: «обратиться к ВРК с требованіемъ немедленно сложить оружіе, отказаться от захваченной власти и призвать шедшія за нимъ войска к подчиненію распоряженіямъ Комитета Спасенія Родины и Революціи».

Комитет говорит, какъ авторитетный хозяинъ положенія, хотя «никакой за собой силы не имѣетъ», — сообщаютъ в Ставку Толстой и Ковалевскій. Парадоксальнымъ кажется в наше время такое положеніе, но, быть можетъ, оно не такъ уже было чуждо в тогдашней обстановкѣ ощущенію современниковъ.

2. Послѣ захвата власти.

Едва ли лидеры большевиковъ были афранированы тѣмъ, что оказались в подиомъ одиночествѣ. Вѣдь другого они и ожидать не могли, предпринимая свою «авантюру всемірно историческаго масштаба» (выраженіе Ленина). Когда 26-го нѣсколько большевицкихъ гласныхъ появились на засѣданіи Думы, они были встрѣчены криками: «Убійцы! Насильники! Изнасиловали женщины! Вой! В тюрьму! На висѣлицу!» — вспоминаетъ С. Анскій*): «Большевики спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ улыбались». В дѣйствительности побѣдители не чувствовали себя прочно — достаточно сказать, что на съѣздѣ Совѣтовъ при специфическомъ его составѣ изъ армейскихъ представителей приблизительно лишь половина высказалась за «совѣтскую» власть (по даннымъ анкеты, произведенной большевицкой фракціей). Ленин рассчитывал на притягательную и гипнотизирующую силу декретовъ о землѣ и мирѣ, принятыхъ на ночномъ засѣданіи съѣзда 26 октября. Но никакие дозуги не имѣютъ молищеніосной быстроты — только Подвойскіимъ могло казаться, что «дѣло выиграно» с момента предоставленія «полкамъ непосредственно говорить о мирѣ и расправляться с противниками». В лучшемъ случаѣ можно было бы повторить позднѣйшія слова выступившаго уже в роли историка Чернова: «декретомъ о мирѣ большевизмъ обезопасилъ себя отъ всякихъ усмирительныхъ экспедицій с фронта». И то здѣсь требуется оговорка, ибо необходимо значительно смягчить обобщающее заключеніе. Равнымъ образомъ и декретомъ о землѣ большевизмъ до нѣкоторой степени «загородился отъ деревни». Но «геніальныя» экстремисты не предвидѣли никѣмъ и не подготовленнаго, инстинктивно вспыхнуващаго мас-

*) Боюсь, что мемуаристъ здѣсь нѣсколько отдался воспоминаніямъ о сценахъ французской революціи.

соваго саботажа, с которым на другой день пришлось встрѣтиться новой власти, и который вышел далеко за предѣлы административно-служебнаго аппарата. Эта забастовка трудовой интеллигенціи, «маленьких людей», не подчинившихся ярму иасилія, останется одной из самых красивых страниц в исторіи революціонной эпохи — она будет символом гражданской чести русской общественности.

Среди интеллигенціи всеобщим было убѣжденіе, что большевикам никакой власти самостоятельно создать не удастся. И совершенно неизбежно в рядах самой партіи, насильственно и случайно захватившей власть, росла оппозиція «политикѣ революціоннаго дерзанія» и прямолинейной тактикѣ ленинских сателлитов.

Оппозиція эта, виѣшне мало оформленная, самопроизвольно рождалась и в массах — прежде всего в той столицѣ, гдѣ с такой легкостью произошел переворот. Имѣется интересный документ — сводка донесеній районных партійных большевицких комитетов в Петербургѣ в ближайшіе послѣ возстанія дни (28—30 октября). Это голос рядовых большевиков. Нѣтъ в нем увѣреннаго чувства побѣдителей. Отмѣчаются «признаки утомленія» в рабочей средѣ; успѣх пропаганды меньшевиков-оборонцев; разговоры о том, что «пролитіе крови напрасно», что надо гражданскую войну ликвидировать «мирым путем» и т. д. Правда, как будто бы, большинство районоов все-таки против каких-либо «соглашеній»; но это фиктивное большинство, и нѣтъ уже никаких сомнѣній в том, что большинство опредѣлено против продолженія гражданской войны. Через недѣлю петербургскому уже комитету приходится признать почти «полное равнодушіе в широких рабочих массах» — равнодушіе к дѣлу, которое творили большевики. В рабочей массѣ, не принимавшей активнаго участія в возстаніи, настроеніе рѣзко обостряется — мы еще встрѣимся с официальной делегаціей рабочих Обуховскаго завода, не двусмысленно грозившей расправиться и «сосчитаться» со всѣми тѣми, кто является виновником «разрухи».

25 октября дало большевикам наглядную иллюстрацію и того, что они в сущности могут располагать весьма ограниченной военной силой. «Излишняя переобѣрка революціоннаго настроенія со всей отчетливостью выяснилась через пару дней послѣ сверженія Временнаго Правительства», — должен признать Троцкій, возносившій перед возстаніем дифирамбы петербургскому революціонному гарнизону. Этот гарнизон, по словам Антонова-Овсѣенко, занявшаго пост столичнаго главнокомандующаго, стал катастрофически разваливаться и доставил ему гораздо больше хлопот и безпокойства*), чѣм захват Зимняго Дворца. Антонов дѣлает особое удареніе на болѣе позднею «пьяном безуміи», охватившем гарнизон — на памятных погромах. По словам Соломона, всѣ в Смольном впали «в панику» — не исключая самого Ленина: «за много дѣтъ нашего знакомства я никогда не видѣл его таким.

*) Прежде всего он разбѣгался, и в столицѣ оставались незначительные контингенты: напр., по официальным данным в Семеновском полку 29-го числилось всего 380 человек.

Он был блѣден, и нервная судорога подергивала его лицо». «Вот он русский бунт», — сказал он Соломону. Но суть дѣла не только в этом моральном разложеніи столичных воинских частей. Онѣ начинают выходить из состоянія своей пассивной подчиненности директивам ВРК, и их еще труднѣе повести в бой, чѣм это было 25 октября. Недаром вольноопредѣляющійся Преображенскаго полка Милицын внес в свою записку о настрояніях послѣ переверота слова: «невольно пришло на мысль, что я еще ни одного защитника большевизма не встрѣтил». Протоколы ВРК засвидѣтельствовали, напр., такой показательный факт: 31 октября по инициативѣ уполномоченных Литовскаго полка на гаризонном собраніи поднимается вопрос о веденіи переговоров с войсками Керенскаго в цѣлях достигнуть мирнаго исхода борьбы. Самочинно рѣшают послать делегатов и к Керенскому и в Комитет Спасенія. ВРК формально приходится уступить, так как собравшіеся представители гвардейских полков (среди них Семеновскій, Измайловскій, Вольскій) опредѣленно заявляют, что «петербургскій гарнизон не хочет быть орудіем гражданской войны, и требует созданія коалиціоннаго правительства».

Мало надежд можно было возлагать на такіе полки при рѣшеніи вопроса о выступленіи навстрѣчу двигающагося отряда Краснова, незначительности котораго из «достоверных» источников хорошо была извѣстна ВРК: у Керенскаго «всего» 5000, им обманутых казаков, — объявлял ВРК. Послѣ занятія Гатчины Ленин был в «необыкновенно повышенном нервном состояніи», — утверждает Раскольников, посланный в Кронштадт мобилизовать матросов «всѣх до послѣдняго человѣка». «Положеніе революціи в смертельной опасности», — говорит Ленину: «Керенскій и его банда нас раздавят». Требует Ленину суда и людей из Гельсингфорса. Революція в большей опасности в Петербургѣ, чѣм на Балтійском морѣ, — негодует он, встрѣчая противодѣйствіе со стороны матросов, опасавшихся оголить фронт перед иѣмцами. Мы можем повѣрить Дж. Риду — вѣдь он написал «эпос великой революціи». Он рассказывает о чувствѣ безнадежности, которое царило у большевиков: что может сдѣлать «толпа против обученных солдат» (Лозовскій), «завтра мы, быть может, заснем надолго» (Петровскій), идет «дѣлный армейскій корпус», но они «не возьмут нас живыми»...

Растерянность увеличивало отсутствіе команднаго состава. На гаризонном совѣщаніи, собраніем 29-го при участіи Ленина и Троцкаго, ни один из офицеров не позволил себѣ «хотя бы заикнуться» о неприемлемости для них отпора Керенскому. Троцкій отсюда дѣлает нѣсколько поспѣшный вывод — большинство из этих «старых офицеров» было за большевиков и из ненависти к Керенскому желало его сверженія. Однако, никто не согласился взять на себя отвѣтственность за руководство операціей против красновских казаков, и послѣ неудачных попыток привлечь командиров полков выбор ВРК пал на полк. Муравьева, «Хлестакова и фаифарона», по отъезду Троцкаго. На слѣдующій день в цѣлях агитаціи созывается специальное гаризонное собраніе — едва ли половина полков оказалась на нем представлена.

Кронштадтскіе преторіанды — «воиствующій орден революціи», по характеристикѣ Троцкаго, — остаются пока единственною реальною опорой большевиков. Какая психологическая загадка лежит в основѣ этой буйной кронштадтской вольницы? Чѣм объяснить тот несомнѣнный коллективный психоз, который охватил в революціонныя мѣсяцы значительную массу матросов? Бонч-Бруевич, в свое время немало сдѣлавшій для собиранія матеріалов о русском мистическом сектанствѣ, дал в статьѣ «Странное в революціи» изумительно яркую бытовую картину матросскаго общежитія той группы, во главѣ которой стояли прославленный Желѣзняк и его брат. Он описывает изступленные радѣнія с «сатанинскими» пѣснями и плясками «смерти» среди символических «задушенных» тѣл — с кровавыми выкриками и угрозами. Это — дѣйствительно сфера какой-то патологии. Она проявлялась, конечно, и во виѣ. Болѣе уравновѣшенные стремятся поскорѣе уйти «домой», но анархическія группы неистовствуют на улицах, прочищая атмосферу и показывая «революціонный штык буржуазіи сволочи». Но если 26-го матросскіе патрули бросали «пьяных» для протрезвленія в Неву (вспоминанія Флеровскаго), то в послѣдующіе дни с этими эксцессами встрѣчаться уже не приходится. В общей атмосферѣ растерянности присмирѣли и буйныя матросскія головы — «краса и гордость русской революціи».

При извѣстїи о движеніи Керенскаго «буржуазія на улицах наглѣла». Несмотря на то, что Петербург был объявлен на военном положеніи и были воспрещены всякія «собиранія» на улицах, репортер «Народнаго Слова» отмѣчает 28-го «чрезвычайную оживленность» на Невском проспектѣ. Масса публики, повсюду «летучіе митинги» среди снующих блиндированных автомобилей. Наглѣвет не только «буржуазія» — репортер отмѣчает, напр., матроса, громко читающаго объявленія от имени Керенскаго. Но все же не будем выискивать анекдотических дам, обезоруживающих солдат и матросов*). Вот болѣе достовѣрный факт, зарегистрированный официальным документом: 28-го на Невском толпа обезоруживает 50 красногвардейцев. Это дѣлает «толпа» рабочих с Городской Электрической Станціи и Экспедиціи Заготовленія Государственных Бумаг.

**
*

Такова была, приблизительно, обстановка в первые дни послѣ захвата власти большевиками, и она, как это ни странно на первый взгляд, понижала активную волю противобольшевицкаго лагеря. Опять иллюзіи убаюкивали бдительность, и призраки будущаго дѣйствовали убѣдительнѣе реальности. Пафос ночи, когда гремѣли орудія «Авроры», и когда общественная честь и непосредственное чувство заставляли вспоминать Зимній Дворец, исчез, и предоктябрьскія настроенія, т. е. настроенія до переворота, цѣлко захватывают разум.

*) Этот изумительный случай с легкой руки Станкевича попал и в «вспоминанія» ген. Краснова.

Лѣвый публицист, писавшій под псевдонимом С. Анскій, вспоминая повышенное настроеніе, царившее на «безпрерывном засѣданіи» 26—28 октября, пламенные рѣчи и резолюціи протеста, говорит, что настроеніе Гор. Думы, «несмотря на всѣ ужасные слухи», было «оптимистично»: «Никто не вѣрил в окончательную побѣду тѣх, кто совершил переворот, и менѣе всѣх в побѣду вѣрили большевики»... Армія разіосчиков новостей сообщала об «отчаянном положеніи большевиков», увѣряя, что они продержатся «самое большее два дня». «Преступная авантюра», затѣянная большевиками и увѣчавшаяся «к позору Петербурга успѣхом, уже на исходѣ», — утверждало 27-го «Народное Слово»: это только «халифы на час» — они «спѣшат ухватить и держат курс на Гельсингфорс». «Конец авантюры», — озаглавлен в «Дѣлѣ Народа» 29-го отдѣл, посвященный «большевицкому заговору». Он будет «не сегодня-завтра» окончательно ликвидирован, и офиціоз эс-эровской партіи призывает к борьбѣ с большевизмом «со сложенными на груди руками». «Перед одним безвольем склоняло голову другое безволье», — утверждал «Дѣнь» и не сомнѣвался, что большевицкое правительство продержится лишь нѣсколько дней. Менѣевицкая «Рабочая Газета» была убѣждена, что большевицкіе вожди сами в ужасѣ остановятся перед твореніем рук своих. Люди разных политических лагерей на перебой стараются доказать себѣ и внушить другим, что авантюра невѣжественных демагогов, взвинтивших толпу на митингах, будет эфемерна (Суханов); по мнѣнію Горькаго, авантюра будет ликвидирована в теченіе двух недѣль. Еще в сентябрѣ прозорливый Церетелли предсказывал, что большевики продержатся «не болѣе 2—3 недѣль». Набоков и его друзья со своей стороны «ни минуты не вѣрили в прочность большевицкаго режима и ожидали его быстрой ликвидаціи». Мало кто вѣрил, добавляет принадлежавшій к той же средѣ Изгоев, что оперетка продлится болѣе 2—3 недѣль». Сотрудник «Рѣчи» Ю. Рапопорт «через двадцать лѣт» вспоминает, как на третій день послѣ переворота собрались в редакціи «сливки интеллигенціи: профессора, общественные дѣятели, публицисты» и гадали: «когда это кончится?» Большинство, — рассказывает мемуарист, — оставалось твердо убѣждено, что больше двух недѣль не продлится. Меньшинство пыталось возражать: пожалуй, и до весны. Двое или трое пессимистов (среди них А. С. Изгоев) робко, среди общаго негодованія, высказывали сомнѣнія: кто знает, может быть, это затянется и на три года». Авторитетные генералы говорили Ауэрбаху, ссылаясь на Парижскую Коммуну, что большевики не продержатся болѣе 42 дней. Извѣстный историк литературы Венгеров убѣждает большевизанствующаго писателя Ив. Книжника в том, что не стоило бы жить, если бы не было глубокой увѣренности, что через недѣлю или двѣ «узурпаторы власти» будут устранены (Кр. Лѣт. VI)... «Новой власти нѣтъ и едва ли она будет; у побѣдителей настроеніе, как послѣ пирровой побѣды», — сообщает Толстой Вырубову 26-го. И эта «пиррова побѣда» пошла гулять по фронту из одного штаба в другой. 30-го Барановскій передает Духоину слова Войтинскаго: «совершенно несомнѣнно, что побѣда достанется либо нам, либо

Каледину. Возможность третьяго выхода уже исключена». «Нам нѣтъ основанія, — оцѣнивает от себя Барановскій, » спорить о том, будет ли побѣда за нами или за Калединым; нам важно, чтобы ея не было за большевиками, нужно так или иначе спасти прежде всего Россію». Необходимо хоть какое-нибудь правительство, от имени котораго дѣйствовать, — заявляет ген. Балуев. О том, что большевики «продержатся недолго» утром 27-го увѣряет англійскаго посла почти официально Авксентьев. Этот оптимизм передан даже парижскому «Matin», которое сообщало, ссылаясь на радио-телеграмму из Россіи, что ликвидація большевицкой авантюры является вопросом нѣскольких дней, а, может быть, и нѣскольких часов. Абрамович в органѣ бундовцев высказывал увѣренность, что через недѣлю-другую совѣтская власть будет «бонапартирована». В Москвѣ, под предсѣдательством Самарина, как рассказывает ген. Симанскій, происходили уже совѣщанія о восстановленіи монархіи. Во всеобщем хорѣ оптимистических прогнозов пророческим диссономом прозвучал лишь голос трагически погибшаго Шингарева: это не «на 10 дней», а «на 10 лѣтъ»...

Очень многіе большевики, дѣйствительно, сами думали, что в создавшихся условіях им не продержаться и двух недѣль. Только при таких настроеніях и в обстановкѣ фактическаго безвластія, «сумбура и хаоса», наступивших послѣ переворота, возможно понять нѣсколько неожиданиую уступчивость новой власти. Она создавала силу, которую представляла или могла представить остальная объединенная социалистическая демократія. На другой день большевики ярко подчеркнули, что происшедшее наканунѣ ее должно разсматриваться, как дѣйствіе, направленное против социалистической демократіи, входившей в коалиціонное Правительство. Стоило Мартову «постучаться» к большевикам с ходатайством о министрах-социалистах, заключенных в Трубецком бастионѣ Петропавловской крѣпости, как они были выпущены на свободу. «Постучался» не только Мартов. Уже на другой день послѣ ареста на съѣздѣ совѣтов был заявлен протест со стороны представителя 3 арміи, поддержанный делегатами-крестьянами. Представитель арміи признавал «незаконным» акт, совершенный над министрами; он говорил: «если с головы их упадет хоть один волос, то отвѣтственность падет на тѣх, кто это сдѣлал». Троцкій от имени ВРК вынужден был дать официальное обѣщаніе принять мѣры к скорѣйшему освобожденію социалистов и подвергнуть их пока содержанію под домашним арестом. Вѣроятно, создавшейся обстановкой надо объяснить предупредительность, с которой большевики пропустили в ту же ночь в Петропавловскую крѣпость доктора Машенко к заболѣвшему Терещенко.

Не тронула власть в первый момент социалистических газет, хотя онѣ, по выраженію Троцкаго, представляли собой «сплошной хор волков, шакалов и бѣшеных собак» — энесовское «Народное Слово» выходило под лозунгом: «долой большевиков. Спасайте родину и революцію». Слѣдует оговориться, что так было лишь в самые первые дни. Формально не закрывая социалистическія газеты, власть фактически подвергла их, по выраженію Ст. Ивановича, самым «омерзительным» по формѣ преслѣдова-

ням: происходили ночные налеты на редакції, на типографіи, разбирались и ломался шрифт, портились машины, устраивались на мѣстѣ аутодафа отпечатанных экземпляров и т. д. (См. воспоминанія Аргунова и Ст. Ивановича). Редакція «Народнаго Слова» была 29-го разгромлена в полном смыслѣ этого слова, и газета смогла вновь появиться только 3 ноября. Нѣсколько позже газеты должны были чуть-ли не ежедневно мѣнять свои названія, и «Народное Слово» становилось «Неумолчимым Словом», «День» — «Ночью», «Поночью», «Грядущим Днем» и т. д. Соціалистическая в своем большинствѣ Дума произносила не только «пламенные рѣчи» против насильственных дѣйствій большевиков, но и попыталась выступать, как орган власти*). 26-го жители столицы могли прочесть от имени думскаго «Комитета Безопасности» своеобразное обращеніе: «Городская Дума в виду переживаемых событий постановила: объявить неприкосновенность частных жилищ и через домовые комитеты призвать населеніе давать рѣшительный отпор всяким попыткам врваться в частныя квартиры, не останавливаясь перед примѣненіем оружія в интересах самообороны граждан». Комитет О. Б., объявляемый учрежденіем «нейтральным», обратился к ВРК с требованіем предоставить в его распоряженіе воинскія силы для защиты населенія, но при условіи, что комиссары ВРК не будут вмѣшиваться в распоряженія Комитета**),

Неувѣренность большевиков можно прекрасно иллюстрировать эпизодом, рассказанным Ан-ским. Новая власть рѣшила взять из кассы Государственнаго Банка 3 милл. на покрытие текущих расходов. «Я помню, — пишет Ан-скій, — какое волненіе поднялось в Думѣ, когда пришло извѣстіе, что большевики требуют ключи Гос. Банка от его директора. Кричали, что они разворуют и разграбят все достояніе государства, что им ключей ни под каким видом давать нельзя». Директору Банка все же под угрозой пришлось выдать, но большевики «не осмѣлились итти туда одни и требовали, чтобы Дума прислала своих представителей, которые присутствовали бы при открытіи кассы». Дума своих делегатов послала.

*) Ан-скій объясняет «привилегированное положеніе Думы тѣм, что в ея руках сосредотачивался весь продовольственный аппарат столицы — большевики не осмѣливались тронуть ее».

**) Эти мѣры Дума считала необходимым принять, в виду ожидавшихся погромов, которые при отсутствіи власти могли разлиться широким потоком. Газеты предоктябрьскаго періода склонны были муссировать подобные слухи. Так, напримѣр, петербургскій корреспондент «Рус. Вѣд.» 20 октября писал: В Петербургѣ наблюдается «небывалый наплыв» дезертиров; на вокзалах «не пройти от солдат подозрительнаго вида с горящими глазами и возбужденными лицами». «Всѣ окраины производят... ужасающее впечатлѣніе». Имѣются свѣдѣнія о прибытіи в Петроград цѣлых воровских шаек, чувствующих наживу. Организуются темныя силы, которыми переполнены чайныя и притоны». Все это безконечно преувеличено. В октябрьскіе дни таких активных дѣйствій черни мы совершенно не видим. Это не помѣшало, однако, военному историку ген. Головину в дни октябрьскаго переворота на авансцену выдвинуть именно «преступные элементы» и построить соціологическую концепцію переворота, нашедшаго опору в патологической психикѣ масс.

3. Боевой орган рев. демократіи.

Общественное самоуправленіе было законным демократическим органом столицы, пославшим даже своего представителя в ВРК. Но «Комитет Спасенія» — боевой орган, созданный ad hoc для борьбы с насильственным захватом власти? И его не трогала власть. Он свободно организовался и открыто дѣйствовал. На многолюдном организационном собраніи, гдѣ докладчиком был Скобелев, выступал и представитель Лужскаго совѣта, удостовѣрившій, что будто бы 30.000 лужскаго гарнизона всегда готовы поддержать Комитет Спасенія в борьбѣ его с захватчиками власти. Собраніе, правда, было окружено матросами и красной гвардіей, но никто из этого виѣшняго окруженія не проникал во внутрь зданія. Комитет Спасенія должен был дать «рѣшительный отпор» большевикам. «Время резолюцій кончено», — говорил докладчик: медлить нельзя, необходимо «немедленно приступить к творческой работѣ». И Комитет Спасенія не только грозил, но и приступил к дѣйствіям.

«Рѣшительный отпор» мог означать в условіях времени только отпор вооруженный. Реальной силой, весьма, конечно, относительной, был пока только казачій отряд Краснова, который приближался к «подступам» столицы под знаменем Временнаго Правительства, олицетворяемаго оставшимся на свободѣ Керенским. Солидаризировался ли с ним Комитет Спасенія? В положительном отвѣтѣ, как будто бы, не может быть сомнѣній.

27-го в Лугу был «делегирован» Комитетом Спасенія с. р. Герштейн для координированія дѣйствій и для выясненія срока прибытія красновских войск в Петербург. «Завтра в 11 час. выступаю на Петроград», — отвѣчал Краснов: «буду идти, сбивая и уничтожая мятежников». Раньше еще должна была выѣхать «делегация Думы в лицѣ с. р. Гоца, Зеизнинова, Капицы и др., но скорѣе с информационо-согласательскими цѣлями — выяснить происшедшее в Гатчинѣ и предотвратить столкновение во избѣжаніе кровопролитія (так сама делегация объяснила в письмѣ, напечатанном в «Дѣлѣ Народа») — в воспоминаніях Зеизнинов говорит, что он с Гоцом просто рѣшили присоединиться к Керейскому. На Балтійском вокзалѣ Гоц и Зеизнинов были арестованы.

Но это соглашеніе виѣшние завуалировано было таким туманом, что от *правительственной* акціи в сущности формально ничего не оставалось: «Преступное возстаніе, поднятое большевиками», — гласило обращеніе Комитета 27-го к солдатам петербургскаго гарнизона, — «уже дало свои кровавые плоды. Братская кровь уже пролилась. Но еще не все потеряно. Революціонныя войска, руководимыя Общеармейским Комитетом, уже подходят к Петрограду... Во главѣ войск... стоят выборные солдатскіе комитеты. Они не допустят напраснаго кровопролитія». В этом воззваніи проявилось не только творчество элементарной пропаганды. Комитет Спасенія с перваго же дня своего существованія стремился отгородиться от непопулярнаго Временнаго Правительства.

«Странным образом», — вспоминает дѣятельный член Коми-

тета Стайкевич: «борясь с большевиками, всё боялись быть смѣшанными с Правительством. При формулировкѣ политических цѣлей антибольшевицкой акціи в Комитетѣ Спасенія Р. и Р. я поднял вопрос о необходимости заявленія, что борьба идет за восстановление Правительства, извергнутого большевиками. Но ни один голос не поддержал меня. Всѣ указывали, что при непопулярности Правительства в странѣ лучше о нем совершенно не упоминать». То, что Керенскій в своих воспоминаніях считает «легендой», было незыблемым фактом — одним именем Правительства почти никаких войск с фронта двинуть нельзя было. Лучше всѣх об этом свидѣтельствовала сама Ставка. Подводя как бы итоги первых дней, Барановскій в разговорѣ с Духоининым с нѣкоторым индивидуальным преувеличеніем*) констатирует: «Должен вам выяснить настроеніе комитетов со всей опредѣленностью: ясно, что комитеты за прежнее Правительство не идут и войск Керенскому, как главѣ его, посылать не хотят; идут за Комитетами Спасенія и так как эти послѣдніе молчат и не говорят, что Керенскій с ними, то войска никуда не двигаются»... «Надо объявить во всеуслышаніе, что такое Комитет Спасенія и какова в нем роль Керенскаго; лучше распорядиться именем Комитета, чѣм послѣдняго, иначе ничего не выйдет, между тѣм дом горит и его надо спасать». На фронтѣ, дѣйствительно, происходила путаница.

Узнавъ, что комитет первой арміи, во измѣненіе перваго своего рѣшенія, постановил поддержать Временное Правительство, Черемисов приказывает «исмедля» избрать соотвѣтствующія пѣхотинныя части и направить их в Гатчину (примѣръ того, что Черемисов не всегда ограничивался ролью лояльно-пассивнаго вышестоящаго приказоваго). Нач. штаба арміи 29 октября разъяснил, что армейскій комитет «отнюдь не склонен поддерживать Временное Правительство, но поддерживает Комитет Спасенія: одно ли это самое или нѣтъ», т. е. Временное Правительство солидарно ли с Комитетом Спасенія? И Лукирскій, со своей стороны, должен объяснить, что Комитет Спасенія «открытый враг большевиков и твердо рѣшил всемирно поддержать Временное Правительство».

Если одни ради тактики успѣха борьбы готовы были затушить непопулярное имя Временнаго Правительства, то другіе, по таким же тактическим соображеніям, отгораживаясь от него по существу, стремились удержать фикцію формальной преемственности. Теоретически должно быть выставлено прежнее Временное Правительство послѣ «побѣды» Керенскаго. Прибытіе Керенскаго необходимо для того, чтобы сохранить «преемственность власти». Но Керенскій заранѣе исключается из всѣх министерских комбинацій, как исключается и идея коалиціоннаго с буржуазіей правительства. Если Керенскій-побѣдитель выступит на ролях «бѣлаго генерала», т. е. допустит расправу, то Комитет Спасенія будет с ним бороться, как боролся бы он с любой военной диктатурой реакціоннаго пошиба. Так приблизительно формулирует (быть может, и очень неточно и очень упрощенно) один из руководителей

*) Свѣдѣнія Барановскаго касаются Сѣвернаго фронта, гдѣ настроенія, как было указано, были наименѣе благоприятны для Правительства.

бюро желѣзно-дорожнаго союза — так называемаго «Викжеля» — Вомпе в своей книгѣ бесѣду, которую он имѣл с делегатами Комитета Спасенія, Скобелевым и Зензиновым, посѣтившими «Викжель» с предложеніем присоединиться к позиціи Комитета Спасенія и войти в его состав. Сэр Дж. Бьюкеней был наблюдательным свидѣтелем событій — в свой дневник он записал: «если войска придут в Петербург, то не для того, чтобы возстановить Правительство». И слишком слабо сказало в своем обращеніи к странѣ 17 ноября организовавшееся в подпольѣ «Временное Правительство»: Комитет Спасенія не оказал «достаточной поддержки законному правительству». Офиціоз ЦК партіи, представленный в Комитетѣ Спасенія, с такой образностью опредѣлил свое отношеніе к Временному Правительству: большевики — это «мыльный пузырь», но Правительство, низвергнутое «мыльным пузырем», не заслуживает возстановленія («Дѣло Народа» 28 октября).

Одѣнка разумной «тактики» чрезвычайно субъективна. «Всего предусмотрѣть» никогда нельзя. Игнорированіе «законнаго правительства» приводило к тому, что антибольшевицкая акція Комитета Спасенія подчас во внѣ рисовалась в видѣ пресловутой позиціи «нейтралитета». Тѣм самым подрывался авторитет организациі в глазах сочувствующих и возможных попутчиков и ослаблялась сила оказываемаго большевикам сопротивленія. «Позиціи Комитета Спасенія нейтральна», — записал без всяких оговорок в свой дневник Рейнгартеи. Он судил в Гельсингфорсѣ по слухам, по газетным сообщеніям, по разсказам пріѣзжавших. Позиціи Комитета Спасенія не была «нейтральна». Она была достаточно непримирима в отношеніи большевиков, но только этой негативной стороной, в концѣ концов, опредѣлялся союз организациі, объединившихся в Комитетѣ Спасенія. Каждая группа вкладывала свое содержаніе в тѣ общія цѣли, которыя намѣчались. Отсюда и неопредѣленность, и двойственность, и противорѣчія в дѣятельности Комитета Спасенія, которыя были отмѣчены тогда же французом, наблюдавшим событія (Anet). Нѣтъ возможности какими либо рѣзкими и отчетливыми чертами охарактеризовать его позицію, и уже в силу этого Комитет Спасенія, несмотря на всѣ сочувствующіе отклики в странѣ, не мог повести дѣятельной политики.

Формально Комитет Спасенія сдѣлался главным штабом борьбы с большевиками, которая пошла под знаменем революціонной демократіи. Правительства не было, отсутствовала или почти отсутствовала общественная среда, которая создавала коалицію. Эта «буржуазная» общественность куда то исчезла послѣ переворота. Недаром Набоков с тоской вспоминает «томительныя, бесплодныя пренія» в ЦК своей партіи по поводу всяких воззваній и резолюцій того времени — ощущеніе полного безсилія, оторванности и неимѣнія базы, на которую можно было бы опереться. На арену вышла революціонная демократія с боевым кличем, но этот клич преломлялся в психологіи, которая реальную борьбу с обанкротившейся уже «авантюрой» готова была считать менѣе настоятельной задачей, чѣм концентрацію революціонных политических сил в предвидѣннн неизбѣжнаго будущаго. При таких условіях

подлинный революционный пафос, который, быть может, намѣчался до нѣкоторой степени в средѣ Комитета Спасенія, должен был изсякнуть в нѣсколько дней. Пѣшехов в статьѣ 3-го ноября, подводившей как бы итоги дѣятельности Комитета, отмѣчал показательный факт: в первый день своего существованія Комитет разослал 120 агитаторов, во второй — 70, на третій — лишь 20, на четвертый — уже никого. И автору казалось, что вся дѣятельность Комитета свелась фактически к разговорам и информации.

Комитет Спасенія приобрѣл с самаго начала какой-то трехликий вид. Для фронта это был верховный штаб вооруженной борьбы, причудливым образом в неприкосновенности пребывающій в гнѣздѣ ВРК. Для Петербурга — органом формированія общественаго демократическаго мнѣнія и агитаціи с колеблющейся амплитудой очень разных настроеній и политических оцѣнок — в Комитет вошли, между прочим, и представители бюро саботирующих власть чиновников. И гдѣ-то внутри Комитета шла конспиративная, заговорщическая работа, непосредственно связанная с фронтом Керейскаго и мѣстным гарнизоном. На общих собраніях могли появляться гастролеры из интернационалистическаго лагеря, искавшіе путей примиренія враждующих лагерей социалистической демократіи; в конспиративной работѣ соединялись люди разных политических группировок но объединенных общностью настроеній.

Создавалось положеніе, трудно объяснимое со стороны партийной логики. Эту внѣшнюю фальшь в двойственности позиціи Комитета Спасенія первыми почувствовали меньшевики, в своем ЦК не желавшіе шрѣбщаться к «захвату власти», но и отрицавшіе «вооруженную борьбу». Их положеніе было сугубо затруднительным, как пояснил впоследствии эмигрантскій «Социалистическій Вѣстник»: «при социальном родствѣ тѣх слоев населенія, на которые опирались большевики и меньшевики — вооруженная борьба неизбежно превращалась в братоубийственную войну рабочаго класса». Несомнѣнно это так, ибо красная гвардія на первых порах была гвардіей молодежи из рабочаго класса. Представители ЦК меньшевиков вышли из состава Комитета — формально это произошло позже, 8 ноября, а раньше они то воздерживались от посѣщенія засѣданій, то посѣщали их в цѣлях информационных (воспоминанія Игнатьева).

Чуждой себя чувствовала и затерявшаяся в средѣ революционной демократіи маленькая группа партіи народной свободы (Набоков, Панина, Оболенскій), вошедшая в Комитет от Городской Думы. Наличіе фракціи к. д. в составѣ Комитета Спасенія было скорѣе недоразумѣніем, ибо в самом зачатіи Комитета заключалась как бы предпосылка, устранявшая участіе не социалистических элементов: «Не трудовое и не социалистическое представительство в Комитет не было допущено», — с категоричностью свидѣтельствовав перед «судом» на московском процессѣ партіи с. р. Гоц, один из руководителей заговорщической дѣятельности Комитета. Это было абсурдно с точки зрѣнія цѣлесообразной тактики, когда фактически в вооруженной борьбѣ приходилось дѣлать ставку на юнкеров, ударников и казаков и опираться на со-

чувствіе команднаго состава на фронтѣ. В конспиративной работѣ такое противорѣчіе должно было сказываться в очень определенных и острых формах: но оно не вырывалось таким грубым диссонансом на общих собраніях Комитета, занятых формально скорѣе концентраціей демократических сил. В сущности представителям к. д., поскольку они естественно не входили в состав бюро и не участвовали, и даже не знали, в конспиративной работѣ*), нечего было дѣлать в Комитетѣ Спасенія, который превращался, по истинѣ, в новую «говорильню» о том, как строить полномочный правительственный орган будущаго — коалиціонную или однородную социалистическую власть, с большевиками или без них. Естественно, что Набокова так тяготила «безцѣльность и безплодность засѣданій, когда исчезли иллюзіи первых дней», что «вокруг Комитета можно объединить какія либо дѣйствительныя силы» и «что-то такое предпринять».

4. Викжель.

Комитет Спасенія обсуждал конкретный проект организациі государственной власти, выдвинутый на политическом совѣщаніи при «Викжель». Это слово так много говорит современнику. Сразу стал популярен бытовой термин «викжелять», передающій двойственность, граничащую с предательством позицій**). Ее Пѣшехов тогда же назвал «политическим шантажем». В одиѣ роли, сыгранной в дни октябрьскаго переворота «Викжелем» или по другому Исполнит. Комитетом Всер. Союза желѣзнодорожников, большевицкая историографія разошлась: для одних «Викжель» «объективно» сыграл контр-революціонную роль, для других он «цѣлком лил воду на мельницу большевиков».

На другой день послѣ возстанія фактически, несмотря на оговорки, ЦК Викжеля, в союзе выѣхавшій из Москвы, оказался на сторонѣ большевиков. Теоретически он отнесся отрицательно к захвату власти одной партией. «Сознывая свою реальную мощь, как орудіе активной борьбы, которое может быть таковым лишь в руках большинства революціонной демократіи и ни в коем случаѣ не может служить какому бы то ни было меньшинству или отдѣльной политической партиі, ЦК ж. д. Союза постановил поддержать ЦИК СР и СД, как настоящаго его состава, так и в том, который будет избран съѣздом совѣтов», — гласило первое викжелевское обращеніе к странѣ. Но грозила «опасность торжества контр-революціи, когда под предлогом подавленія большевицкаго движенія могут быть двинуты войска на Петроград и разгромлены всѣ совѣтскія учрежденія», поэтому Викжель постановляет: «всѣ передвиженія казачьих войск на Петроград немедленно приостановить» и для контакта с ВРК и Съездом Совѣтов избрать особое пятичленное бюро. При контактѣ с ВРК неизбѣжно происходило

*) Оболенскій так выразился в воспоминаніях: «скрывали от нас все, что дѣлалось в исполнительном комитетѣ».

**) Без всякаго основанія совѣтская печать бытовое остроловіе приписала, конечно, «Ильичу».

попустительство в пользу партіи, начавшей возстаніе, — матросы из Гельсингфорса прибыли в Петербург 27-го без всяких затрудненій, не встрѣтив никакой оппозиціи со стороны желѣзнодорожных агентов.

Событія шли с головокружительной быстротой. Политическое двоеподдаиство Викжеля дѣлалось невозможным — старый ЦИК аннулировал новый ЦИК, революціонная демократія раскололась на два лагеря. Викжель пытается занять позицію строгаго «нейтралитета», принимая, однако, «всѣ доступныя мѣры» против движенія войск, идущих от имени революціонной демократіи и «рѣшительныя мѣры» против войск, предназначенных для «разгрома соціалистических партій». По справедливому замѣчанію Вомпе, каждый член Викжеля при таких условіях на мѣстѣ проводил свой «собственный нейтралитет», который опредѣлялся его партійной принадлежностью. Но совершенно независимо от тѣх или иных «попустительств», нейтралитет сам по себѣ подрывал, главным образом силу антибольшевицкаго движенія. Спасеніе Временнаго Правительства зависѣло от быстрого продвиженія войсковых частей с фронта, и именно против этого должны были принимать не «доступныя», а уже «рѣшительныя» мѣры агенты Викжеля*).

Постепенно Викжель самоопредѣлился и объявил себя в «полном единеніи» с большинством соціалистических партій, ушедших со сѣзда — в дѣйствительности с тѣми, которые искали путей примиренія в рядах враждующей демократіи. Объединившись, эти примиренческія теченія выпустили общее воззваніе, обращавшееся к обоим лагерям революціонной демократіи с «рѣшительным требованіем найти путь соглашенія во имя созданія однородной — демократической власти, способной дать отпор контр-революціонной коалиціи имущих классов», дабы «революція не захлебнулась в крови солдат, рабочих и крестьян». Подписали воззваніе меньшевики-интернаціоналисты, с. д. «объединенцы», лѣвые с. р., польская соціалистическая партія и еврейская с. д. рабочая партія. Офиціозом этого как бы неоформленнаго блока стала «Новая Жизнь» Горькаго**), орган «причесаннаго большевизма», по тогдашней характеристикѣ Потресова. 29-го Викжель выпустил манифест — «всѣм, всѣм, всѣм»...: «В странѣ нѣтъ власти... Каждая из борющихся сторон стремится создать эту власть силою оружія. Идет братоубійственная война. И в то время, как внѣшній враг угрожает свободѣ народа, демократія рѣшает свои внутренние споры кровью и желѣзом... Необходимо создать новое правительство, которое пользовалось бы довѣріем всей демократіи и обладало бы моральной силой удержать эту власть в своих руках до созыва Учр. Собранія. Такую власть можно создать только пу-

*) Современники отмѣтили характерное явленіе: желѣзнодорожники прифронтовой полосы рѣдко «викжеляли» («Гряд. День» 30 ноября).

**) Лѣвые с. р., на первых порах 27-го отклонившіе предложеніе большевиков вступить в Совнарком, оказались лишь случайными и временными попутчиками других «интернаціоналистов». Примыкая к примиренческой оппозиціи в отвлеченно-теоретической постановкѣ вопроса, — замѣчает комментатор матеріалов, собранных в сборникѣ «Октябрьскій переворот», — в области политической практики эс-эры становятся на путь примиренія с практикой партіи переворота.

тем разумнаго соглашенія всей демократіи, но никоим образом силою оружія». Викжелъ выступалъ с инициативой совѣщанія для образованія однороднаго соціалистическаго правительства от народныхъ соціалистовъ до большевиковъ включительно. Викжелъ заявлялъ, что для проведенія в жизнь своего рѣшенія он не остановится передъ тѣм, чтобы прекратить всякое движеніе по желѣзнымъ дорогамъ в 12 час. ночи с 29—30 октября. Всѣхъ тѣх, кто «будетъ продолжать рѣшать споры внутри страны силою оружія», желѣзнодорожный союзъ объявлялъ «врагами демократіи и предателями родины».

29-го в 7 час. вечера в помѣщеніи «Викжеля» собрались представители враждующихъ сторонъ и нейтральныхъ организацій. На совѣщаніи присутствовали делегаты от партіи большевиковъ, соц.-демократовъ всѣхъ оттѣнков, лѣвыхъ с.р., просто с.р.; от ЦИК, Совнаркома, Городской Думы, Совѣта Кр. Дем., Комитета Спасенія. Только представители партіи народныхъ соціалистовъ, с которыхъ начиналась объединительная формула построенія власти, на совѣщаніи отсутствовали*). Были ли приглашены «Единство» и меньшевики-оборонцы, в сущности организаціонно почти выдѣлившіеся из партіи, я не знаю. Повидимому, нѣтъ. Я не буду сейчасъ останавливаться на политическихъ совѣщаніяхъ при Викжелѣ. Они затянулись, переживъ разныя стадіи, почти на двѣ недѣли и заслуживаютъ быть отмѣченными особо. Совѣщанія эти характерны не только для позиціи большинства революціонной демократіи, они показательны и для большевиковъ. Оппозиція в рядахъ послѣднихъ видѣла в возможности договориться извѣстный выход из создававшегося тупика; для «ленинцевъ» переговоры были лишь дипломатической игрой чтобы выиграть время.

*) Присутствовалъ лишь по какому-то недоразумѣнію Знаменскій в роли представителя Комитета Спасенія. ЦК народныхъ соціалистовъ 13 голосами из 14-ти отклонилъ предложеніе «Викжеля».

Г Л А В А ТРЕТЬЯ.

«КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ»

Переговоры в «Викжелъ» стояли в коренном противорѣчїи с той конспиративной дѣятельностью, которая интенсивно велась в «военной комиссїи» Комитета Спасенїя. Руководство в ней, несомнѣнно, принадлежало представителям партїи соц.-революціонеров. Только в этом смыслѣ можно признать позднѣйшее утверждение Зензинова: «Что должны были дѣлать революціонеры? Сопротивляться насилію с оружіем в руках. И мы это сдѣлали». Еще с большей оговоркой слѣдует принять слова, вылившіяся из под бойкаго пера журналиста на другой день послѣ переворота. Осоргин писал в московской «Власти Народа»: «пусть большевики страшат своим выступленіем трусливых буржуа и господ кадетской психологїи... Они встрѣтят не только трусливых либералов, но и старых волков революціи».

Этих «старых волков» оказалось очень мало, весьма малочисленны были и молодыя партійныя боевыя силы. И почти неизбѣжно людям единого социалистическаго фронта пришлось опираться прежде всего на тѣх же юнкеров — «дѣтей-героев», как назвала их ветеранша революціи Вѣра Засулич, которые защищали Временное Правительство и Зимній Дворец. Естественно, я очень далек от того, чтобы представить по «марксистски» юнкерскїя и прапорщицкїя школы военного времени какими-то кастовыми учрежденїями*); эта интеллигентская молодежь, конечно, и социально и политически была разнообразна, т. е. были среди нея и социалисты, и «трусливые буржуа» и люди «кадетской психологїи»; эта молодежь, объединенная сознанїем воинскаго долга — почти только одна, вновь выступила против большевиков 29 октября.

Нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшїя вооруженное выступленіе юнкеров, вызвали в свое время большїе кривотолки, которые нашли отклик и в «Исторїи» Милюкова и особенно, конечно, в воспоминанїях Керенскаго. Для Керенскаго преждевременное выступленіе на улицу 29-го явилось результатом «провокаціи», и виноват в ней все тот же Полковников, с каким то исключительным упорством осуществлявшїй свою тактику: «руками большевиков разбить Временное Правительство и ненавистную демократїю». Гибель Полковникова — он был повѣшен больше-

*) Это умѣстно развѣ только на большевицких «вечерах воспоминанїй», гдѣ доказывалось, что юнкерами могли быть лишь «дѣти дворян» (например, вечер 6 ноября 21 г. в Институтѣ Маркса в Москвѣ), «помѣщичьи сыновья» называл их и Букариня в своих статьях.

виками в Области Войска Донского, гдѣ организовывал волонтеров-казаков (ст. Бѣлогорская) могла, казалось бы, побудить мемуариста быть болѣе осторожным в своих неизвѣстно на чем основанных утверженіях.

Показанія на процессѣ с.-р. в Москвѣ по существу устраняют всѣ кривотолки. К сожалѣнію, стенограмма процесса не была опубликована, и этими показаніями приходится пользоваться лишь в совѣтских газетных вырѣзках. Но вот заключительное слово Гоца, опубликованное эмигрантской «Революціонной Россіей», по словам редакціи, с подлинника. «ЦК дал мнѣ полномочіе организовать отпор»... — заявляет Гоц: «И естественно, что, начиная борьбу против диктатуры одной партіи, я должен был призывать к возстанію не от имени той или другой партіи, а от имени Комитета, объединившаго всѣ силы демократіи и социализма... Комитет Спасенія Р и Р начал это движеніе 29 октября и никогда впослѣдствіи он от него не отрекался. Мною для руководства движеніем был назначен полк. Полковников... Мы его считали самым способным и выдающимся военным руководителем... Что же касается в политическом отношеніи, то если он и возбуждал наши сомнѣнія, это было отнюдь не в смыслѣ правизны, а напротив, в смыслѣ его уклона в сторону большевизма. Но тогда нам эти упреки в его большевизмѣ казались необоснованными — вот почему и ишел возможным назначить его для верховнаго руководства»^{*)}).

Другой участник организациі возстанія Браун, секретарь военной комиссіи партіи с.-р., рассказал, что на совмѣстном совѣщаніи военных комиссій Комитета Спасенія и Ц. К. соц. рѣв. 28-го был принят такой план дѣйствія: «сначала мы захватываем Телефонную Станцію, Михайловскій Манеж, гдѣ стояли броневики, и начинаем возстаніе в Николаевском Инженерном Замкѣ. Другой центр возстанія на Васильевском островѣ: владимірцы и павловцы (юнкерскія училища).. захватывают Петропавловскую крѣпость, гдѣ у нас были связи с самокатчиками... Затѣм мы соединяемся и общими усиліями занимаем Смольный». В виду «приближенія Керенскаго и Гатчинскаго фронта, — утверждал Браун, — на этом же засѣданіи рѣшено было начать возстаніе немедленно». Возстаніе и началось 29-го. Конечно, «без вѣдома» пленума Комитета Спасенія, что считает нужным подчеркивать Игнатъев в воспоминаніях.

Приказом Полковникова, помѣченным 2 ч. ночи, от имени Комитета Спасенія предписывалось каждой воинской части при-слать представителя в Инженерный Замок и арестовать комиссаров ВРК во всѣх частях гарнизона. В этот же день от имени того же Комитета Спасенія было выпущено нѣсколько воззваній, призывавших с оружіем в руках бороться с безумной авантюрой большевиков. Одно из них, обращенное «к солдатам», звало «всѣ войска, вѣрные революціи» итти к Инженерному Николаевскому училищу и там «сгрудиться» около Комитета Спасенія: «Идите туда

^{*)} Помощником его был назначен тот самый с.-р. Краковецкій, о котором приходилось упоминать в связи с разговорѣ в штабѣ в ночь возстанія.

полками, батальонами, ротами, идите туда группами и в одиночку». «Помощь близка», — заключало воззвание: «К Петрограду подступают вѣрные революціи войска, руководимыя своими выборными полковыми и дивизионными комитетами. Вмѣстѣ с ними — вождь партіи с. р. и всего русскаго крестьянства Чернов». О Керенском, не говоря уже о Временном Правительствѣ, нѣтъ даже упоминанія.

Около 4 час. утра возставшими был занят Инженерный Замок, гдѣ и расположился штаб Полковникова. Сюда прибыли и «политическіе руководители» возстанія во главѣ с Гоцом. Случайныя обстоятельства — арест ударника и комиссара Владимірскаго юнкерскаго училища с. р. Брудерера, при котором были найдены военные приказы, подписанные Гоцом — дали возможность ВРК своевременно узнать о начавшемся возстаніи. Тѣм не менѣе возстаніе на первых порах имѣло успѣх, и утром в «Бюллетенѣ» № 1 Комитета Спасенія появилось слѣдующее сообщеніе: «Войсками Комитета Спасенія Р. и Р. освобождены почти всѣ юнкерскія училища и казачьи части, захвачены броневые и орудійные автомобили, занята Телефонная станція и стягиваются силы для занятія... Петропавловской крѣпости и Смольнаго Института, послѣдних убѣжищ большевиков... Всѣм воинским частям. опомнившимся от угара большевицкой авантюры, приказываем немедленно стягиваться к Николаевскому Инженерному училищу... Всякое промедленіе будет разсматриваться, как измѣна революціи, и повлечет за собой принятіе самых рѣшительных мѣр». Под этим документом стояли подписи: от Совѣта Республики Авксентьева, от Комитета Спасенія Гоца, от военного отдѣла Ком. Спас. Синани (член группы «Единство»), от военной комиссіи Ц. К. партіи с.р. Брауна и «военной секціи» соц. дем. раб. партіи меньшевиков Шахвердова.

На другой день в «Дѣлѣ Народа» появились письма Гоца и Авксентьева, отвергавшія факт подписанія ими этого возванія. Отреченіе от отдѣльнаго документа, редактированнаго крайне неудачно — в нѣсколько хлестаковских тонах, само по себѣ не могло дискредитировать всего дѣла, но в тогдашней обстановкѣ подобное опроверженіе нельзя было разсматривать иначе, как попытку отгородиться от возстанія. Так многіе и поняли (напр., воспоминанія Суханова). Отсюда и пошла молва о «провокаціи», в изображеніи Керенскаго принявшей вполне реальныя очертанія, а у других вызвавшей подозрѣніе, что фальшивый документ, как и всѣ остальные приказы, выпущен самими большевиками*). На судѣ Браун сообщил, что подписи Гоца и Авксентьева под печатным возваніем были поставлены им и Синани — ими же было написано и само возваніе. «В подлинникѣ мы оставили им для подписи мѣсто, так как их в тот момент (3 ч. 30 м. утра) не было, и мы не сомнѣвались, что они подпишут, так как на самом дѣлѣ они руководили возстаніем». Очень опредѣленно подчеркнул на судѣ Гоц, что его отказ от подписи на «апокрифическом доку-

*) В письмѣ, напечатанном в «Дѣлѣ Народа» и были упомянуты «провокаторы-ленинцы».

ментъ» означал только то, что в нем было, а именно, что «этого документа я не видал и его не подписывал».

«Апокрифичность» (в смыслѣ только подписей) указанного документа в связи с другими документами и заявлениями этого дня имѣет, очевидно, совершенно второстепенное значеніе. Гораздо большія сомнѣнія вызывает другой документ, который «Хроника» заимствует из «Бюллетеня Общеарм. Комитета» в Могилевѣ, но который дошел и до Москвы и здѣсь сохранился в дѣлах московскаго ВРК и Комитета Общ. Безопасности. Это — циркулярная телеграмма за подписью министра вн. дѣл Никитина. Помѣчена она 11 час. 35 мин. 29 октября. Вот ея текст: «Событія в Петроградѣ развиваются благопріятно. В петроградских войсках колебанія; телефонная станція занята юнкерами. В городѣ происходят стычки. Населеніе относится к большевикам с ненавистью. Комитет Спасенія принимает энергичныя мѣры к изолированію большевиков. Временное Правительство принимает необходимыя мѣры к возстановленію дѣятельности всего правительственнаго аппарата при полной поддержкѣ служащих».

С очевидностью уже можно сказать, что такой «провокаціонной» телеграммы послать не могли. Но мнѣ лично представляется маловероятной и подпись Никитина под такой телеграммой 29 октября, через два дня послѣ освобожденія его из крѣпости — «под честное слово», как утверждает протокол ВРК. Ни настроенія только что начавшаго организовываться в «подпольѣ» Временнаго Правительства, ни настроенія самого Никитина не соотвѣтствовали такому проявленію активных дѣйствій во внѣ. И Демьянов, предложившій товарищам министров создать нѣкоторую организацію членов бывшаго Правительства, и Набоков, посѣтившій как раз то засѣданіе товарищей министров, на которое впервые прибыли выпущенные из тюрьмы министры (к сожалѣнію, Набоков не датирует этого засѣданія и говорит только, что получил приглашеніе через Панину на одном из первых засѣданій Комитета Спасенія), говорят, что Никитин был крайне удручен фактом освобожденія одних социалистов и на засѣданіи «с большим волненіем» настаивал, чтобы освобожденные направились в Смольный требовать в категорической формѣ освобожденія всѣх заключенных или новаго ареста. Стоило большого труда отговорить Никитина от такого шага*). Набоков в очень сильных выраженіях отзывался о том засѣданіи «подпольнаго правительства», на котором единственный раз ему пришлось присутствовать. Он вспоминает о нем с «величайшим отвращеніем» — это было собраніе людей, «совершенно растерявшихся».

Демьянов упоминает, что «Совѣтъ министров» избрал его и Никитина для сношеній с Комитетом Спасенія. Событія опредѣлялись тогда днями и часами и потому дата имѣет подчас рѣшающее значеніе. Ея нѣтъ. Автор единственных пока воспоминаній о

*) Надо сказать, что освобожденіе только министров-социалистов вызвало довольно единодушный протест в антибольшевицких кругах («День» назвал это «невыносимым стыдом») и, конечно, такой протест нервировал вышедших на волю, тѣм болѣе, что Карташев и Бернацкій, которых также было рѣшено освободить, отказались выйти из тюрьмы.

дѣятельности подпольнаго «правительства» почти ничего не сообщает о характерѣ сношеній членов Совѣта и делегатов Комитета — в чем именно заключался обмѣн мнѣній по поводу текущаго «политическаго момента». Упомянутое имя Дана и Городской Думы исключает, как будто бы, «конспиративные» разговоры — вѣрнѣе обмѣн мнѣній касался вопросов организаціи власти и политическаго бойкота. Надо думать, что сношенія «подпольнаго» правительства с Комитетом Спасенія относятся к болѣе позднему времени. Предсѣдатель Комитета Авксентьев во всяком случаѣ утверждает, что он даже не знал о том, что остатки Правительства организовались в нѣчто реально существующее (Авксентьев уѣхал из Петербурга в первые числа ноября).

К сожалѣнію, пока нѣтъ никаких болѣе данных для разъясненія недоумѣннаго вопроса. Между тѣм выясненіе того или иного участія членов Вр. Правительства в движеніи 29 октября могло бы опредѣлить фактическую базу, на которую опиралась социалистическая инициатива. Что двинуло юнкеров? — идея освобожденія и восстановленія Временнаго Правительства или идея однороднаго социалистическаго фронта? Любопытная деталь. ВРК на другой день заявил, что цѣлью возстанія было «выпустить из Петропавловской крѣпости арестованных министров», а Троцкій на вечернем докладѣ в день возстанія говорил, что «группа самокатчиков хотѣла смѣнить караул (в Петропавловской крѣпости) с цѣлью освободить министров».

Большевикам не трудно было справиться с преждевременно возставшими и плохо организованными юнкерами, на помощь которым никто не двинулся из войсковых частей гарнизона. Не выступили и казаки, к которым от имени Комитета Спасенія были посланы Авксентьев и Чайковскій. Лѣтопись дня не отмѣтит и участія в возстаніи уже «мобилизованных» к тому времени, по словам Керенскаго, «партийных боевых дружин» — вѣрнѣе, «жалких групп», по отзыву Гоца, роль которых была совершенно «ничтожна». Присоединились к юнкерам лишь нѣсколько десятков ударников и ударниц да разрозненных офицеров, возможно, в своем большинствѣ, как утверждают большевистскіе историки, принадлежавших к раскрытой вскорѣ военно-монархической организаціи Пуришкевича. На основаніи показаній участников этой организаціи, судившихся в революціонном трибуналѣ 3 января*), можно довольно отчетливо установить и цѣли организаціи и ея связи. Возникла она до октябрьскаго переворота (в состав ея входили, между прочим, извѣстные в литературѣ Винберг и Граф). Капитан Измайловскаго полка Душкин показывал, что он присутствовал на собраніи, гдѣ Пуришкевич выступил с «программой восстановленія в Россіи монархіи». Пуришкевич «развивал ту мысль, что говорить в настоящее время о восстановленіи монархіи открыто не приходится. Слишком много еще противников монархіи среди интеллигенціи и широких слоев народа. Поэтому на

*) Приговор, дѣйствительно, был очень мягкій: Пуришкевич был приговорен условно к четырем годам производительных общественных работ при тюрьмѣ.

время слѣдует, не закаяясь пока о возстановленіи монархіи, мобилизовать всѣ силы для сплоченія государственныхъ политическихъ теченій в одно русло в цѣляхъ борьбы с «анархіей». Он «горячо отстаивал идею тѣснаго сплоченія и общности дѣйствій между всѣми организаціями, стремящимися к диктатурѣ, как то: монархисты, кадеты и организація Савинкова. Пуришкевичъ особенно настаивал на тѣсной связи с Савинковымъ и его единомышленниками и приверженцами, объясняя, что одни монархисты сами по себѣ слишкомъ слабы, чтобы достигъ успѣха, и безъ правыхъ соц. революціонеровъ и савинковцевъ обречены на поражение».

Послѣ октябрьскаго переворота в организаціи произошелъ раскол. Одни (во главѣ с Шатиловымъ) считали, что центр организаціи борьбы надо вывести за предѣлы Петербурга; другіе стояли «за немедленное возстаніе в самомъ Петербургѣ». Пуришкевичъ убѣждал всѣхъ, что именно в настоящій момент, когда власть совѣтовъ еще не окрѣпла, а власть Керенскаго и эсеровъ еще не сдавалась окончательно, необходимо немедленно выступить, чтобы захватить власть в свои руки и возстановить монархію. Для этого необходимо вмѣшаться в борьбу противъ большевиковъ, но при побѣдѣ надъ ними не выпускать власть изъ своихъ рукъ в руки, кого бы то ни было, и дать послѣ этого отпоръ всѣмъ претендентамъ на власть, будь то Керенскій или кто либо другой». «Я знаю, — свидѣтельствовалъ Душкин, — что вслѣдствіе этихъ рѣшеній Пуришкевича большая часть членовъ его организаціи принимала активное участіе в захватѣ Комитетомъ Спасенія Р и Р Михайловскаго манежа и телефонной станціи». О самой организаціи допрашиваемый показал: «В организаціи Пуришкевича состояло очень много юнкеровъ, но схема организаціи была масонскаго образца, пятками, такъ что члены разныхъ пятюрокъ не знали другъ друга. Но в каждомъ юнкерскомъ училищѣ было лицо, которое объединяло всѣ пятки. Весьма возможно, что члены этихъ пятюковъ, слѣпо подчиняясь распоряженіямъ штаба нашей организаціи, сами и не предполагали об этомъ и не знали истинныхъ цѣлей нашей организаціи».

Очевидно, черезъ полк. Халтулари, состоявшаго однимъ изъ помощниковъ Полковника, штабъ Комитета Спасенія оказался такъ или иначе связаннымъ с тайной военной организаціей, фактически возглавляемой монархистомъ Пуришкевичемъ. Если повѣрить юношѣ, 17-лѣтнему прап. Велинскому, то Пуришкевичъ будто бы насчитывалъ в Петербургѣ до 2000 людей, готовыхъ выступить. По утверженію самого Пуришкевича, юнкера, которые были в распоряженіи организаціи, «были двинуты для занятія телефонной станціи, Михайловскаго манежа и Инженернаго замка, вопреки распоряженію (его и кап. бар. Боден) и, подчиняясь только провокаціоннымъ приказамъ полк. Полковника и Комитета Спасенія Р и Р, с которыми я лично не имѣлъ никакихъ сношеній». В дѣйствительности организація Пуришкевича не была многочисленна — онъ самъ в болѣе позднемъ письмѣ Каледину, захваченномъ большевиками, говорилъ о «поразительной вялости значительной части офицерства» и «преступной неподвижности здѣшняго сознательнаго общества, которое позволяетъ налагать себѣ на шею большевическое ярмо».

Участіе «единомышленников» Пуришкевича не могло играть большой роли в событіях 29-го. Конечно, как один человек, поднялись «всѣ рабочіе, солдаты и матросы Петербурга». Вновь проявлены были «чудеса революціоннаго энтузіазма». Юнкера, даже не вышедшіе, были окружены в своих училищах, а Владимірское училище, оказавшее наибольшее сопротивление, было разгромлено артиллеріей. К вечеру все было кончено. Большевики на этот раз жестоко расправились с возставшими. По записи Суханова, обѣ стороны убитыми и ранеными потеряли до 200 человекъ. Очевидно, главныя жертвы были со стороны юнкеров, которых арестовывали, избивали и отводили в тюрьмы. Даже офіціальный «Бюллетень» (№ 2) Ц. К. большевицкой партіи признавал, что 29-го «было много жертв».

Шингарев, рассказавшій впоследствии в «Рус. Вѣд.» о впечатлѣніи, которое произвело в засѣданіи Думы сообщеніе комиссара адмиралтейскаго района — очевидца расправы, упоминал, со слов одного из гласных, что «новые жандармы», производившіе обыск в одной из женских организацій, послѣ себя оставили «германскую марку». Разсказам очевидцев не всегда приходится вѣрить. Пресловутая «германская марка» слишком часто и в слишком упрощенном видѣ фигурирует в воспоминаніях современников и в описаніях даже исторических*). Эта «марка», если она была найдена, могла в данном случаѣ скорѣе всего свидѣтельствовать о том, что уже 29-го со стороны большевиков дѣйствовали латышскіе стрѣлки, пытавшіеся в «одиночном порядкѣ» (из сообщенія командующаго XII-ой арміей) проникнуть в Петербург с фронта и задержанные отчасти в Псковѣ. Очень скоро наступило время, когда уже не матросы, а только новые преторіанцы из латышских стрѣлков сдѣлались единственной военной опорой власти.

Неудача легкомысленно поднятаго возстанія, по Керенскому, объясняется, главным образом, злой волей предателей и провокаторов: «всѣ готовы к бою большевицкія силы были пущены в дѣйствіе раньше, чѣм мы (в Гатчинѣ) могли их поддержать или шо крайней мѣрѣ воспользоваться возстаніем в Петроградѣ для атаки на большевицкія войска у Пулкова». Была ли здѣсь злая воля? Ни Станкевич, ня Год, информировавшіе Керенскаго 30-го о событіях в Петербургѣ, об этой злой волѣ предателей и провокаторов не говорят. Поздно вечером 28-го, по возвращеніи из Гатчины, Станкевич направился в Комитет Спасенія. Оказалось, что «за день» организаціонная работа сдѣлала «громадные шаги».

*) Я отнюдь не склонен, конечно отрицать полученіе большевиками во время революціи нѣмецких денег (см. мою книгу «Золотой нѣмецкій ключ к большевицкой революціи»). Вѣдь нельзя же к числу исторических данных отнести утвержденіе Керенскаго в показаніях, сдѣланных Соколову, что нѣмцы форсировали ход событий в виду того, что Врем. Пр. получило 24 октября от Австріи предложеніе о секретном мирѣ — совершая переворот 25-го, нѣмцы через большевиков дѣлались господами положенія. Нельзя признать заслуживающими вниманія и наблюденія французскаго журналиста, усмотрѣвшаго в демонстраціи 2 октября многія тысячи нѣмецких военноплѣнных. Не серьезны и отмѣтки, с которыми мы ниже встрѣтимся, об участіи нѣмцев в боях под Гатчиной.

«Военный Комитет имѣл связи со всѣми почти частями и считал себя распорядителем солидной вооруженной силы». На засѣданіи был поставлен вопрос о выступленіи, но было «единодушно рѣшено подождать еще хоть один день: каждый день увеличивал нашу силу и организованность; кромѣ того, мои свѣдѣнія о том, что отряд Керенскаго по всей видимости начнет наступленіе на Петроград лишь через день, тоже склоняли в сторону выжиданія для нанесенія согласованнаго удара». Милуков со слов Авксентьева в своей «Исторіи» подтверждает эту версію. Авксентьев «не участвовал в военном совѣщаніи», но находился в том же зданіи «в качествѣ предсѣдателя Совѣта Кр. Деп.». Ушел он вмѣстѣ с Гоцом, и послѣдній сказал ему, что «на завтрашній день ничего не рѣшено, и день пройдет спокойно*»). На другой день «я узнал, — пишет Станкевич, — что послѣ моего ухода в Комитет пришел Полковников**) и еще кто-то и принесли извѣстіе, что большевики назначили на завтра разоруженіе юнкеров... Естественно, надо было предупредить удар. Поэтому было рѣшено начать наступленіе немедленно».

Во всей этой запутанной обстановкѣ пока еще трудно разобраться. Невозможно точно установить час, когда был арестован Брудерер, при котором нашли дислокацію возстанія — вѣдь именно это и могло форсировать выступленіе — дѣлать его неизбежным. Конечно, могли побудить и слухи о готовящемся разоруженіи юнкеров — прецедент был в видѣ разоруженія 27-го Пайловскаго училища. Такое постановленіе ВРК имѣется, но помѣчено оно 29 числом и относится к дневному часу, когда возстаніе было уже в значительной степени подавлено. Вѣрнѣе предположить, что «форсировали» возстаніе не только случайныя «недостаточно еще выясненныя обстоятельства», но отчасти и информация, полученная военной комиссіей от того же Станкевича, и что возстаніе было окончательно назначено в ночном засѣданіи в той или иной степени с общаго согласія — арест Брудерера лишь облегчил большевикам подавленіе не достаточно подготовленнаго движенія. Очень характерно в этом отношеніи показаніе молодого 19-лѣтняго юнкера Николаевскаго инженернаго училища герцога Лейхтенбергскаго, участника организаціи Пуришкевича. «Нам, юнкерам, — говорил он, — было приказано лечь спать одѣтыми в шинели и винтовки поставить у постелей. В 4 час. ночи нас внезапно разбудили и подняли. Нам выдали патроны, выстроили в полк. Муффель, от имени Комитета Спасенія, обратился к нам с рѣчью... Муффель объявил, что войска Керенскаго ожидаютя в городѣ к 11 час. утра, и что юнкерам, в ожиданіи подхода этих войск Керенскаго, Комитетом Спасенія Р и Р поручается поддерживать в городѣ порядок***) и для этой цѣли надлежит занять Ми-

*) В отрывкѣ «Из октябрьских воспоминаній» («Дни») сам Авксентьев говорит, что возстаніе для членов Комитета Спасенія было столь неожиданно, что они подумали, что началась «междоусобица среди большевиков».

**) Неужели в «военном совѣщаніи» обсуждали окончательную дату возстанія в отсутствіи командующаго возстаніем?

***) Это происходило в полном согласіи с предписаніем Краснова, которому Халтулари сообщил, что наличность сил в Петербургѣ состоит из 200—300 юнкеров, 6 броневых машин и 50 дружинников.

хайловскій замокъ и телефонную станцію... Муффель объявил, что юнкера, которые по политическим убѣжденіям считают для себя невозможным исполнить это порученіе, могут остаться, но никого, кромѣ одного, желающаго остаться, не нашлось».

В продвиженіи Керенскаго была полная увѣренность. Если ВРК официально объявлял, что Керенскій двигается с 5000 казаков, то в оппозиціонных кругах господствовало убѣжденіе, что к Петрограду подходит цѣлый корпус — об этом осведомляла Бьюкенена 27-го особая делегация, в состав которой входил Набоков, об этом говорилось с трибуны Городской Думы. Возвратившійся из ставки Керенскаго Станкевич еще раз подтвердил такую версію, как он сам об этом признается в воспоминаніях: «подробно разспрашивать о состояніи отряда я не считал себя в правѣ, так как разговор велся при слишком большом количествѣ лиц». Но сам Станкевич тогда вынес впечатлѣніе, что в руках Краснова «во всяком случаѣ весь кавалерійскій корпус». Кромѣ казаков, за Керенским стояли 30 т. лужскаго гарнизона, готовых выступить на поддержку Комитета Спасенія. Несомнѣнно и то, что в рядѣ частей петербургскаго гарнизона намѣчался поворот, при котором «созерцательно-выжидательное» настроеніе могло перейти в активное*). Комитет Спасенія мог уже устроить нѣсколько собраній-митингов в казармах, и его ораторы иногда не без успѣха могли перед солдатской аудиторіей состязаться с большевицкими демагогами. Измѣняющееся настроеніе гарнизона, нѣкоторыя организационныя связи импульсивное воспріятіе готово было принять за фактическую уже возможность распоряжаться «солидной вооруженной силой». Легенда о форсированном выступленіи родилась на другой день — послѣ неудачи**). В этом отчасти убѣждает подготовленность на 29-ое всей литературной части возстанія. В короткій промежуток времени, протекшій от окончанія военнаго совѣщанія до ночнаго приказа Полковникова, выполнить подобную работу было невозможно.

**
*

Кривое зеркало исторіи «отразило «кровавое воскресенье» двумя жизненными гримасами.

В то самое время, когда юнкера совершали свой «кровавый путь на Голгофу», по выраженію современника, в помещеніи «Викжеля» в 7 час. вечера открылось первое согласительное засѣданіе представителей разных теченій революціонной демократіи и большевиков. На засѣданіи присутствовали и посланцы Комитета Спасенія. Не важно то, что они говорили на этом засѣданіи, отвергая возможность участія большевиков в будущей правительственной власти — пусть даже они присутствовали только с «ни-

*) Протокол ВРК от 29-го отмѣчает, напримѣр, что настроеніе в Семеновском полку «нехорошее».

**) Мнѣ кажется, что Игнатьев на московском процессѣ довольно правдоподобно объяснял и причину, почему появились в печати опровергающія письма — это было сдѣлано в значительной степени под давленіем Комитета Спасенія, по тактическим соображеніям не желавшаго принимать на себя отвѣтственность за выступленіе.

формаціонными цѣлями», как любили тогда говорить: не важно и то, что на другой день представителями революціонной демократіи был заявлен негодующій протест против дѣйствій ВРК — сами по себѣ переговоры с большевиками в этот момент в глазах так называемых «правых» кругов социалистической демократіи являлись «предательством». Осудили переговоры и народные социалисты, и соц. рев. из «Воли Народа», и группа Потресова и плехановское «Единство». «Неизгладимое впечатлѣніе» произвело на современников «кровавое воскресенье»: может быть, но только театры и кинематографы под аккомпанимент артиллерійской пальбы в это воскресенье были так же переполнены, как переполнены они были в тот день, когда на маленьком островкѣ территоріи, отдѣленной от всего города, происходила агонія Зимняго Дворца и доживало свои послѣдніе часы Правительство революціи...

В исторіи нѣтъ, однако, мѣста пессимизму, ибо на смѣну нравственно унижающаго и мрачнаго всегда приходит бодрящее. Граждане! — обращался Исполнительный Комитет всероссійскаго съѣзда военных училищ и школ прапорщиков к населенію «всей Россіи»: «Вчера в Петроградѣ совершилось ужасное, кошмарное дѣло. Банда обезумѣвших, озвѣрѣвших людей под предводительством сознательных убійц произвела невѣроятную по своей жестокости расправу над юнкерами, не желавшими признать власть Ленина Кроваваго... Не поддаются никакому описанію ужасы, творившіеся вчера опричниками самодержавнаго «военно-революціоннаго комитета». Юнкеров разстрѣливали, бросали в воду, избивали до смерти, замучивали в тюремных застѣнках. Граждане! Кровь мучеников вопіет к вам. Пусть по всей странѣ, как вопль негодованія, как грозный отклик, раздастся ваше единодушное проклятiе убійцам». И тот же Комитет, обращаясь к юнкерам Петербурга и провинціи, говорил: ...«Из вашей среды вышли доблестные ряды тѣх, кто до конца выполнил в послѣдніе страшные дни свой гражданскій и военный долг по защитѣ законной власти от преступных посягательств безумцев и измѣнников. Членами вашей семьи являются тѣ, которые подверглись издѣвательству, томятся нынѣ по тюрьмам, брошенные туда большевиками — палачами свободы. От вашего имени мы заявляем, что вы не только не поддержите этих предателей пассивным отношеніем к преступному захвату ими власти, не только откажетесь выполнять их «распоряженія», но вмѣстѣ со всѣм другим населеніем и сознательной частью арміи организуетесь против темных авантюристов, обманувших солдат и рабочих, ведущих страну и революцію к гибели*).

*) Продолжала свою работу тайная организациія Пуришкевича. Он писал Каледину 4 ноября (наканунѣ своего ареста): «Организациія, во главѣ которой я стою, работает, не покладая рук, над спайкой офицеров и всѣх остатков военных училищ и над их вооруженіем. Спасти положеніе можно только созданіем офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначальнаго успѣха, можно будет затѣм получить и здѣшнія воинскія части, но сразу, без этого условія, ни на одного солдата здѣсь рассчитывать нельзя, ибо лучшіе из них разрознены и терроризованы сволочью во всѣх рѣшительно полках». С этой «чернухой», по мнѣнію Пуришке-

Не так легко было угасить дух молодежи. Через нѣсколько дней от имени 13 высших учебных заведеній Петербурга протестовало все студенчество против «диких расправ» насильников. Уже тогда Троцкій грозил, что взятые в плѣн юнкера в качествѣ «заложников» будут отправлены в Кронштадт, и что «каждаго рабочаго мы будем обмѣнивать на 5 юнкеров *). Но 31-го всѣх «юнкеров-соціалистов» ВРК должен был освободить по «ходатайству» или требованію делегации студенческих организаций соціалистических партій, в которую входили и представители большевизской фракціи.

**

Почему не помогли казаки, с которыми велись «предварительные переговоры» и убѣждать которых выступить 29-го ѣздилъ Авксентьев и Чайковскій?

Вѣроятно, как и 25-го, основной причиной — неопредѣленность настроеній казачьих полков, входивших в Петербургскій гарнизон достаточно разложившагося тыла. Недаром делегаты 1 Донского полка, прибывшіе к Краснову, представлялись послѣднему скорѣе развѣдчиками из чужого лагеря, чѣм попутчиками. Настроеніе легко могло измѣниться при успѣшном наступленіи «корпуса» Краснова. Пока же большинство предпочитало по-прежнему выжидать.

Не было, очевидно, единства и в средѣ руководителей казачества. Краснов приводит записку, полученную им из Петербурга рано утром 30-го октября. Записка случайно сохранилась в записной книжкѣ автора мемуаров — ее привез прорвавшійся из Петербурга гимназист. Исполняющій обязанности Предсѣдателя Совѣта К. В. Михѣев (представитель уральскаго казачества) писал: «Положеніе Петрограда ужасно. Рѣжут, избивают юнкеров, которые являются пока единственными защитниками населенія. Пѣхотные полки колеблются и стоят. Казаки ждут, пока пойдут пѣхотныя части. Совѣт Союза требует вашего немедленнаго движенія на Петроград. Не забывайте, что ваше желаніе безкровно захватить власть — фикція, так как здѣсь будет поголовное истребленіе юнкеров. Подробности узнаете от посланных». Нѣтъ никакого основанія заподозривать вымысленность подобнаго письма. И при прочтеніи его почти органически ощущается необходимость ввести существенные коррективы в изображеніе обстановки, рисуемой мемуарным пером Керенскаго**).

Слишком упрощенная схема не всегда соотвѣтствует дѣйствительности. Даже то крыло Совѣта Каз. В., которое придерживалось тактики выжидательной и стремилось не вмѣшиваться в петербургскую «передрагу», исходило главным образом из желанія

вѣдъ, «нужно будет расправиться уже только публичными разстрѣлами и висѣлицей». «Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всѣми наличными силами».

*) 44 юнкера, дѣйствительно, были перевезены в Кронштадт.

***) Между прочим, с Михѣевым мнѣ пришлось хорошо познакомиться в Бутырской тюрьмѣ. Это был не только демократ, но и человек, близкій по своему мировоззрѣвію к народным соціалистам.

сохранить три полка казаков для перевода их на Дон, гдѣ под верховенством Каледина, по его мнѣнію, создавалось здоровое національное движеніе. (Намѣчались даже мѣры к незаконной и скрытой отпавкѣ из Петербурга людей, оружія, лошадей). Тактика была недалновидная, одновременно наивная и ошибочная. Наивная, ибо трудно было предположить, что большевики постараются освободиться от опасных сосѣдей с их виѣшним, ненадежным «нейтралитетом» и отправят их на Дон. Ошибочная, ибо своим «нейтралитетом» они укрѣпляли большевиков и разлагали своих же казаков. Смольный дал отвѣтъ через мѣсяц — в ночь с 28 на 29 ноября. Совѣтъ, послѣ того, как им была принята резолюція протеста против присылки «карательных отрядов» в область В. Д. и сдѣлано заявленіе, что казаки не могут принять мѣры «без Собранія», был разгромлен отрядом латышей, а арестованные члены (7 из 33-х) посажены в подвал Смольнаго.

Нѣсколько фраз из дошедшей до нас, вѣрнѣе перехваченной большевиками, плохо проредактированной ленты переговоров по прямому проводу тов. предсѣдателя Кіевскаго фронтоваго казачьяго сѣзда подьесаула Иванова с неизвѣстным представителем Совѣта Каз. В. в Петербургѣ довольно наглядно представляет психологію и тактику той части Совѣта, которая не желала агитировать среди казаков в пользу Правительства Керенскаго. Разговор, по всей видимости, происходил 27 октября. «Дѣятельно ли работает Совѣтъ Союза Каз. Войск?» — спрашивает представитель сѣзда. «Сѣзд ждет от вас самых рѣшительных мѣр к подавленію большевицкаго возстанія в Петроградѣ... Сейчас вел переговоры с помощ. атамана Войск Дона Богаевским... Войсковое правительство всю власть взяло в свои руки. Ат. Каледин орудует во всю для подавленія большевицкаго возстанія... Войсковое правительство требует от Керенскаго, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организаціи государственной власти на Дону. Дон предлагает всѣ услуги для сконструированія этой власти»^{*)}). Из Петербурга отвѣчают: «Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим... В тылу он потерял всякое вліяніе. Взять его к себѣ, конечно, надо, как наживу на удочку для извѣстнаго сорта рыбы. Правительство должно быть организовано в Новочеркасскѣ в контактѣ с московскими общественными дѣятелями, это объективная логика событій и обстановки». Затѣм идет показательная фраза: «казачьи полки пока не играли» и отрывочная информация: «предстоят в ближайшем будущем аресты петроградских военных училищ, все время ищущих контакта с нами. Совѣтъ пока в безопасности. Дальнѣйшее зависит»... Начинается перебор в разговорѣ... «Успокойте Временное Правительство от имени казачьяго сѣзда... Я полагаю, воля сѣзда для Совѣта есть закон в данное тяжелое время»...

^{*)} Такое предложеніе от имени Богаевского было переслано Керенскому через комиссара 4 кав. корпуса. Телеграмма Богаевского была напечатана в газетах. Раньше, 26-го, Каледин, «объявляя о принятіи на себя полной исполнительной государственной власти до возстановленія Врем. Правит., говорил о «полной поддержкѣ существующаго коалиціоннаго Правительства» в «тѣсном союзѣ с правительствами других казачьих войск».

Можно предположить, что оппозиционная группа Совета под давлением съезда и согласилась бы на выступление 29-го, если бы и считала его «авантюрой». Через своих делегатов и делегатов из Гатчины Совет должен был знать, какой посредственной силой располагал Краснов *). И казаки предполагали «еще не играть **»). Все это только возможное предположение. Рискованно, однако, изображать в одном тоне настроенія руководящих кругов казачьей среды. Употребляя терминологию эпохи, кievскій общеказачій фронтный съезд готов был «до одного положить свои головы» и звал 25-го «к оружію на защиту родины и свободы». Постановленіе это съезд особо доводил до свѣдѣнія главы Временнаго Правительства — Керенскаго.

*) В противорѣчій с этим стоит приведенное Красновым письмо Михѣева; по сообщенію, полученному Ставкой, делегаты донского полка посетили Гатчину ночью на 30-ое.

***) Не надо забывать, что во всѣх трех казачьих полках числилось, повидимому, всего нѣсколько сот казаков.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

«БѢЛАЯ АВАНТЮРА»

1. На Пулковских высотах.

Когда юнкера сражались в Петербургѣ, в Царском Селѣ и в Гатчинѣ была передышка. Трудно понять, как мог Керенскій через десять лѣтъ повторять то, что он писал в ранних воспоминаніях — и повторять свои утвержденія еще с большей экспрессіей. «Если бы живыя человѣческія руки не подсунули ген. Краснову в самый разгар движенія на Петербург утром 29-го «директиву о нейтралитетѣ», памятное, «кровоое воскресенье» развернулось бы «совсѣм при другом соотношеніи сил». Такую увѣренность высказывал Керенскій в «Днях» в статьѣ «об отвѣтственности» (12 ноября 27 г.). Эти «живыя человѣческія руки», — пояснялось в другом мѣстѣ, — олицетворялись пріѣхавшими в Гатчину делегатами Совѣта Каз. В. Как будто, достаточно ясно уже показано, как мало могло соответствовать подобное утвержденіе дѣйствительности.

«Активность» Керенскаго объяснялась в то время не столько расчетом — умѣніем предвидѣть, сколько увлеченіем слишком легким успѣхом, который был наканунѣ, и слишком большим оптимизмом посланца Комитета Спасенія о петербургских настроеніях*). Уже вечером 28-го Керенскій поспѣшил послать телеграмму в Ставку: «большевизм распадается, изолирован и, как организационной силы, его нѣтъ уже в Петербургѣ». Большевики «гибнут», передает Вырубов со слов Керенскаго правительственному комиссару юго-зап. фронта Горланскому. И это эхо вновь отзывается по всему фронту. Утренній бюллетень Комитета Спасенія 29-го помѣщает телеграфный приказ из Гатчинскаго Дворца: «предлагаю никаких предложеній и распоряженій, исходящих от лиц, имеющих себя народными комиссарами или комиссарами военно-революціоннаго комитета, не исполнять, ни в какія сношенія не вступать и в правительственныя учрежденія не допускать».

И как то всегда Керенскій забывает, что в распоряженіи Краснова был не «корпус», а всего лишь нѣсколько сот казаков. Ободренный оптимистическими сообщеніями о Петербургѣ Краснов, по словам Станкевича, спрашивал его при свиданіи 28-го: возможно-ли «выждать хоть один день с дальнѣйшим наступленіем, так как его казаки устали, и ему необходимо подождать лѣхоты».

*) Станкевич сам признает, что его свѣдѣнія были «несомнѣнно слишком оптимистическія».

«Мое мнѣніе, — говорит Станкевич, — было, что, если сил недостаточно для немедленнаго наступленія, то можно было выждать». По воспоминаніям Керенскаго, Станкевич настаивал на ускореніи «нашего продвиженія» в Петербург и «сильно помог Керенскому в его разногласіи с Красновым. «Пассивность» Краснова, слѣдовательно, больше всего зависѣла от малочисленности отряда, совершенно к тому же растерявшагося в обстановкѣ массоваго «нейтралитета» в Гатчинѣ и в Царском Селѣ. Ставку только на «геройство храбрых» и сам, быть может, легко увлекающійся Краснов, все-таки боялся дѣлать. Едва ли он преувеличивает, когда утверждает, что с большим трудом он поборол нежеланіе казаков двигаться без пѣхоты вперед и уговорил их сдѣлать 30-го лишь «рекогносцировку с боем» и тѣм самым опредѣлить сопротивляемость противника.

30-го начался «бой» под Пулковым. Правительственный большевицкій офіціоз «Правда» в повышенных тонах писал о «величественной картинѣ революціоннаго энтузіазма», какую представляли шедшія на пулковскій фронт войска. Полки за полками шли солдаты петербургскаго гарнизона, красная гвардія, матросы с тяжелой артиллеріей. На фронт была брошена вся молодежь. Не только Петербург, но и Кронштадт опустѣл, по словам Раскольниковова. Тысячи рабочих, с женами и дѣтьми, отправлялись не только рыть окопы, но и сражаться за революцію. «Борьба за свободу подошла к критическому моменту», — провозглашал приказ ВРК. Мемуаристы, со своей стороны, не отстают в тонѣ своих изображеній: «Черные, забрызганные грязью и кровью, эти борцы за революцію шли вперед и дрались, как львы, не взирая на падающих вокруг товарищей. Нас, испытанных фронтовых воинов, удивляло их безстрашіе». Войска Керенскаго должны были пассивать перед этой «беззавѣтной храбростью».

Реальная обстановка была не совсемъ такая, и «величественная картина революціоннаго энтузіазма» должна сильно потускнѣть под историческим скальпелем. Нѣкоторые факты, обрисовывающіе обстановку, были уже приведены. Их можно было бы умножить. По утвержденію Раскольниковова, всѣ полки петербургскаго гарнизона (кромѣ Измайловскаго)*), в любой момент были готовы «вступить в бой с Керенским», но первый же отправленный полк, Вольнскій, вынес резолюцію с требованіем прекращенія кровопролитія и примиренія враждующих сторон. «Всѣ разбѣгаются под Пулковым», — невзначай бросает Дыбенко. Джону Риду солдаты в Гатчинѣ говорят: «мы толком и сами не знаем, что и в чем суть дѣла». Воспоминанія полны противорѣчій, и это до нѣкоторой степени понятно: то надо подчеркнуть геройство не растерявшихся «вождей», то подъем рабочих, которые сдѣлали то, что «тщетно штыались создать сверху из революціоннаго штаба» (Троцкій). Наступило «уныніе» в Смольном, — признает назначенный начальником «штаба» Бонч-Бруевич: «огромные коридоры опустѣли, и только небольшая кучка товарищей должна была вести и руководить дѣйствіями военнаго штаба».

*) И «Московскаго», — добавляет Антонов.

Нѣтъ транспорта. Бонч отправляется на митинг грузчиков и ломовых и сразу преображает их в «дѣйствительных борцов революцій». Среди этой «кучки» на первом мѣстѣ, конечно, Ленин. Его вмѣшательство, по словам Подвойскаго, отрезвило растерявшихся. «Энергичная работа» Путиловскаго и Обуховскаго заводов «по оборудованію защиты Царскаго Села» сыграла рѣшающую роль, но для того, чтобы получить нужныя на фронтѣ броне-площадки от Путиловскаго завода, самому Ленину пришлось ѣхать на завод убѣждать и воздѣйствовать на рабочих. На Орудійном заводу, по свидѣтельству «Дѣла Народа», 2000 голосов против 20-ти 28-го было отвергнуто предложеніе большевиков об активной помощи. Как все это далеко от символическаго изображенія Смольнаго в дни наступленія Керенскаго в видѣ «электрической станціи, посылающей свой ток во всю Россію». Всѣ воззванія ВРК (им не уступают бюллетени ЦК большевицкой партіи) говорят о том, что в ход пущена самая послѣдняя демагогія, рассчитанная на всѣ вкусы толпы, но только стнудь не на сознательное чувство «революціоннаго народа»: Керенскій идет на Петербург «по требованію дворян, помѣщиков, капиталистов, спекулянтов для того, чтобы «вернуть землю помѣщикам», чтобы «вновь продолжать губительную ненавистную войну». Керенскій бѣжал из Петербурга, обрекая его «на сдачу» нѣмцам, «на голод, на кровавую бойню»; Керенскій идет с Корниловым, он «сносится по телефону» с вел. кн. Михаилом Александровичем и т. д.

Силы большевиков под Пулковым безконечно превышали красновокую «горсть». Краснов вступил в «бой», имѣя 600 казаков, 18 орудій, броневик и блиндированный поѣзд*). Описаніе «боя» у Краснова болѣе спокойно и, слѣдовательно, болѣе правдиво. Обстановка, как на маневрах под Красным Селом — вплоть до публики, пришедшей посмотреть на «бой». Противников раздѣляет овраг рѣки Славянки. Красная гвардія в центрѣ на Пулковской горѣ, матросы по флангам. Сила Краснова в артиллеріи: «артиллерійским огнем держу противника в почтительном отдаленіи». Большая колонна солдат движется в тыл Краснова: «я послал броневой поѣзд и 30 конных казаков». Через полчаса донесеніе: лейб-гвардія Измайловскій полк в полном составѣ послѣ первой же шрапнели бѣжал в безпорядкѣ. Сотня оренбуржцев, стоявшая в бездѣйствіи за неимѣніем винтовок, никѣм не поддержанная, по собственной инициативѣ, ринулась в атаку д. Сузы, занятой матросами. Толпа черных фигур в безпорядкѣ бѣжит. То были красногвардейцы. Матросы стойко оставались на мѣстѣ. Казаки наткнулись на болотную канаву и атака остановилась. Видно, как под выстрѣлами, едва ли не в упор, падают люди. Сотня,

* По донесеніям в Ставку 31 октября можно установить, что в распоряженіи Керенскаго была еще пѣхота из 700 юнкеров школы прапорщиков сѣвернаго фронта, школа летчиков и 110 партизан из Луги. Юнкера, повидимому, несли только караульную службу, отказываясь от участія в активных дѣйствіях против большевиков. О реальных силах большевиков нѣкоторое представленіе может дать указаніе протоколов ВРК на то, что полк. Вельден — один из немногих активно участвовавших в военных операціях, требовал из Царскаго Села 29-го немедленнаго продовольствія для 8000 человек в день.

соскочив с лошадей, бѣжит назад. Потери не так велики, как можно было ожидать. Убит командир сотни и около 18 казаков ранено. Погибло 40 лошадей. По сообщенію «Правды», «вся казачья сотня была скошена пулеметами». Но «морально, — добавляет Краснов, — эта неудачная атака была очень невыгодна для нас: она показала стойкость матросов. А матросы численностью больше, нежели в 10 раз, нас*).

Смеркалось. Бой стал затихать — снаряды были на исходе. Матросы, не сдерживаемые артиллеріей, перешли в наступленіе. Краснов отдал приказ — отойти в Гатчину, гдѣ и занять «оборонительное положеніе», так как «рекогносцировка» выяснила, что для овладѣнія Петербургом сил недостаточно. Казаки в полном порядкѣ, со всей артиллеріей и обозом, сотня за сотней стали вытягиваться по гатчинскому шоссе. Большевицкія части «рвались в бой», но за Красновым в Гатчину не послѣдовали, хотя отступленіе казаков и носило характер «безпорядочнаго бѣгства». Со стороны Керенскаго в боях легло 1500 раненых и убитых, с нашей стороны около 200, — гласила побѣдоносная реляція ВРК**). Краснов исчислял свои потери чуть ли не 3 убитыми и 28 ранеными. Послѣ пораженія у Керенскаго осталось «только 700» казаков. «Керенскій и Краснов на голову разбиты», — сообщал Муравьев в дѣйствующую армію. «Ночь с 30-го на 31-е войдет исторію», — объявлял в 2 часа ночи именем народных комиссаров Троцкій из Пулкова: «солдаты, матросы и рабочіе Петрограда показали, что умѣют и хотят с оружіем в руках утвердить волю и власть демократіи***).

«Да развѣ это гражданская война», — с разочарованіем говорит Дж. Риду французскій офицер, наблюдавшій непосредственно арену боев: «Все, что хотите, но только не бой». «Это не было, конечно, большое сраженіе», по мнѣнію Савинкова, но «оно было кровопролитным и чрезвычайно упорным». Оставим стратегам выясненіе этого вопроса, для нас детали значенія не имѣют****): с точки зрѣнія продвиженія в Петербург гатчинская став-

*) Впечатлѣніе, очевидно, нѣсколько ошибочное. Большевики опредѣляли численность матросов цифрой 3000.

**) Муравьев опредѣлял свои потери в 400 человѣк.

***) Но никто из мемуаристов не превзошел безстыдства пера хранителя музейных цѣнностей царскоесельскаго дворца худ. Лукомскаго, который в таких гомеровских виршах изобразил бой: «Эшелоны войск, артиллерія... сколько ее. («сотни орудій»). Куда? Против какой рати? Да это цѣлый корпус! Что же, весь рабочій Петербург идет на Керенскаго? 100-200 тыс. рабочих винтовок? О, нѣтъ! Их оказалось всего 2-3 тыс., но геройства, огня преисполнены были толпы рабочих и банды бѣдняков, извѣрившихся, обманываемых — без хлѣба, без сахара сидѣвшие 3-4 мѣсяца... И обратили они в бѣгство тысячные организованные полки и бригады...»

****) Одну деталь всетаки отмѣчу. На слѣдующій день адъютантъ Керенскаго пр. Миллер, сообщая в Ставку о «сильном боѣ» и о «бодром настроеніи» в отрядѣ послѣ отступленія, передавал, что противник, «очевидно, руководимый опытными по поступававшим свѣдѣніям нѣмецкими начальниками, примѣнял часто германскую тактику». Керенскій говорит о матросах с «их германскими инструкторами». В рапортѣ Краснова, по словам мемуариста, «прямо говорилось, что матросы сражались по всѣм правилам нѣмецкой тактики, и что среди них были взяты в плѣн люди, не говорившіе ни слова по-русски или говорившіе с нѣмецким акцентом». Думаю, что и здѣсь легенду создали все тѣ же латыши.

ка понесла поражение, хотя большевиками, как свидетельствует Раскольников, послѣ пудковской побѣды положеніе признавалось «неудачным» из-за сомнительной стойкости войск.

2. За кулисами.

В Гатчинском дворцѣ шли также своего рода «бои», принимавшіе то бурныя формы, то формы соглашенія, в зависимости от противника.

29-го поѣдно вечером Керенскаго посѣтила депутація «Викжеля» с «наглым ультиматумом» вступить с большевиками в мирные переговоры под угрозой желѣзно-дорожной забастовки*). «Произошла бурная сцена», — вспоминает Керенскій. Другіе участники бесѣды (Плаксин, Крушинскій, Сеиушкин) также говорят о повышенном настроеніи Керенскаго. Официально Керенскій ультиматума не отверг, — завѣрдила делегація на столбцах «Новой Жизни»; он потребовал пропуска к нему представителей Комитета Спасенія и министров для обсужденія вопроса и предоставленія ему паровоза в Могилев для того, чтобы договориться с представителями арміи. Условіем переговоров Керенскій ставил освобожденіе из Петропавловской крѣпости всѣх министров.

Очевидно, непосредственно послѣ отъѣзда делегаціи «Викжеля» ночью прибыли из Петербурга Гоц и Станкевич. Гоц пріѣхал, надо думать, с совершенно опредѣленной цѣлью. Послѣ неудачи движенія 29 октября, — говорил на судѣ Гоц, — мы увидѣли, что в нашем распоряженіи нѣтъ сил для немедленнаго сверженія большевиков вооруженной рукой, и мы измѣнили нашу тактику. Началась тактика послѣдовательной изоляціи большевиков от всѣх социалистических и демократических сил и народных масс»; в то же время, стремясь к объединенію демократіи, мы дѣлали всѣ усилія, чтобы потушить гражданскую войну путем переговоров и соглашеній. Я имѣю в виду переговоры по инициативѣ «Викжеля» и переговоры в Могилевѣ». Такова стала, по словам Гоца, позиція главенствовавшей в Комитетѣ Спасенія партіи социалистов-революціонеров. Еще болѣе колеблющейся, еще болѣе двойственной в силу этого должна была одѣлаться и противобольшевицкая акція Комитета Спасенія. Она должна была токатиться по рельсам черновской тактики, основную линію которой — на первых порах — можно было бы опредѣлить, как попытку вооруженное подавленіе мятежа замѣнить вооруженной демонстраціей, от силы которой зависѣла бы уступчивость большевиков.

Такое теченіе было в нѣдрах ЦК партіи с самаго начала, но к нему не примыкали тѣ, которые участвовали в Комитетѣ Спасенія — не раздѣляли миролюбивых взглядов прежде всего эсеров-

*) Керенским ошибочно указана не та дата, и это дало возможность говорить о двух делегаціях «Викжеля». Делегация была послана в Гатчину по инициативѣ представителя соц. рев. Гендельмана.

скіе «боевики», среди которых Фейт отмѣчал «правый уклон». Надо думать, что и сам Гоц не с такой легкостью перешел с одной позиціи на другую. В своем свидѣтельствѣ на большевицком судѣ он выключил цѣлый этап эволюціи (недолгій, как все в эти бурные дни), прошедшій между «кровавым воскресеньем» и тактикой в Могилевѣ, которую партійный офиціоз «Дѣло Народа» 3 ноября формулировал в таких выраженіях: «ПСР не должна быть партией гражданской войны с правительством большевиков. так как она не борется с тѣми рабочими и солдатами, которые временно идут с большевиками. Она должна побѣдить большевизм, вскрывая перед демократіей всю внутреннюю ложь его».

Впечатлѣнія, вынесенныя 29-го, толкнули вначалѣ к другому верстовому столбу, на котором было указано: Гатчина. «Провал возстанія. Неожиданная слабость наших сил и неожиданная энергія, развитая большевиками, казались нам ошеломляющими», — пишет Станкевич: «Надежды оставались только на отряд Керенскаго. И Гоц прибыл с миссіей, возможно, не вполне оформленной — убѣдить Керенскаго свернуть знамя Временнаго Правительства и водрузить на Гатчинском дворцѣ флаг революціонной демократіи. Если употребить любимое Керенским слово «интрига», то такую интригу и повели против него «друзья», появившіеся в Гатчинѣ: один сознательно, другой — бессознательно выполняя директивы закулисных дирижеров.

Станкевич и Гоц начали убѣждать Керенскаго уѣхать в Ставку, откуда можно думать об организациі борьбы в большем масштабѣ: «здѣсь же, в Гатчинѣ, полная оторванность и отрѣзанность на милость Савинкова и Плаксина». Керенскій возражал, а Станкевич разбивал всѣ его аргументы и при содѣйствіи Гоца убѣдил Керенскаго согласиться выѣхать на другой день в Ставку. Так как поѣздка представляла нѣкоторый риск, то Станкевич (автор вообще склонен приписывать себѣ инициативу) убѣдил Керенскаго назначить себѣ преемника. «На всякій случай», — как выражается Керенскій, не упоминая о приведенном разговорѣ, — «я передал, воспользовавшись прїѣздом ко мнѣ моих друзей из СПб, письмо на имя Авксентьева, которому я вручал права и обязанности министра-предсѣдателя и предлагал немедленно пополнить состав Временнаго Правительства». Как видим, «на всякій случай» власть делегируется предсѣдателю Комитета Спасенія, а не кому-либо из членов Временнаго Правительства. Свое рѣшеніе уѣхать Керенскій мотивирует в воспоминаніях невозможностью оставаться в атмосферѣ интриг, так как его пребываніе в Гатчинѣ штабом почиталось вредным для успѣха. Но собрался Керенскій ѣхать не в Ставку, а только навстрѣчу приближающимся эшелонам и продвинуть Краснову пѣхоту. О своем отѣздѣ он утром (очевидно, 30-го) послал записку Краснову.

Я уже цитировал разговор Барановскаго с Духониним от 30 октября, в утренніе часы, по поводу непопулярности Керенскаго в арміи и необходимости дѣйствовать от имени Комитета Спасенія. Этот разговор отчасти вскрывает подоплеку гатчинских бесѣд и позволяет заглянуть в закулисную игру или соглашенія,

которые почему то не раскрывают мемуаристы*). «Говорил с Войтинским, который при Керенском, — сообщает Барановский; — вот что он мне передал на мое заявление, сказанное ему в том же духе, что я сказал вам: между Керенским и Комитетом Спасения полный контакт, по крайней мере полное желание контакта, причем А. Ф. без колебания сдѣлает все, что от него требуется. Настроение Комитета Спасения вполне определенное, все их надежды связаны с дѣйствиями отряда Краснова. Вчера (т. е. 29-го) у Керенского были Станкевич и Гоц, которые обсуждали вопрос о железнодорожниках и рѣшили дѣйствовать с полным напряжением сил без всяких колебаний. Члены Комитета Спасения уѣхали в Лугу, откуда будет выпущен, по видимому, манифест о роли этого Комитета с призывом к войскам бороться против захватчиков-большевиков»...

«Я думаю, — от себя добавляет Барановский, — главноверх, как министр-председатель, должен был бы передать или, как выражаются иначе, делегировать свою власть этому Комитету и работать вместе с ним, — это мое глубокое убеждение, иначе несомнительный конец всему**).

Ночью 29-го в Гатчине несколько неожиданно, по крайней мере для Керенского, появился председатель ЦК партии с.-р. Чернов, перебравшийся с Западного фронта на Северный. Керенский с неудовольствием узнал об этом приезде. «Керенский, — рассказывает Станкевич, — просил меня встретить Чернова и убедить его немедленно ѣхать дальше, если возможно, не заглядывая во дворца, во всяком случае, не пытаюсь играть какую-нибудь роль в Гатчине. Мне казалось это излишней подозрительностью и недоверчивостью. Я поместил Чернова в моей комнате и даже настаивал, чтобы Керенский принял его. Беседа продолжалась недолго, но в весьма спокойных тонах».

О том же свидании рассказывает с.-р. Вейгер, завѣдывавший в Гатчине «гражданской частью». Он застал Керенского в состоянии «сильного волнения» после разговора с Черновым. Керенский сообщил ему, что ЦК партии ведет «политику неодобрения» его дѣйствий, и что Чернов, настаивая на однородном социалистическом правительстве, находит неуместными «боевые дѣйствия». Вейгер порекомендовал главноверху отдать «распоряжение об аресте Чернова». Но, «очевидно, точка зрения Чернова... поколебала Керенского. Наш разговор сводился к отстаиванию мною точки зрения о необходимости опереться на Ставку и никоим образом не давать перебоев в своем поведении... Керенский в ответ затронул Корниловскую историю и выражал опасение, что на его голову опять посыпятся обвинения в «корниловщине». В общем Керенский никакого прямого ответа мне не дал».

Появление Чернова в Гатчине едва ли было случайно. Не зря

*) Отчасти, как было указано, объяснение надо искать в хронологии воспоминаний Керенского-Станкевича — 20 г. Но форма умолчания не влечет за собой попыток много освещения фактической стороны дѣла.

***) Барановский всю свою информацию получал от Данилевича, перебравшегося из Петербурга в Гатчину и состоявшего в интимном окружении Керенского.

вмя его лансировалось в боевых воззваніях, выпущенных 29-го от имени Комитета Спасенія. Уже послѣ подавленія возстанія юнкеров в «Дѣлѣ Народа» появилась еще одна прокламація от того же Комитета с призывом к населенію не рыть окопов и пр., подтверждавшая, что «с войсками идет предсѣдатель В. Сов. Кр. Деп... В. М. Чернов». Но если шріѣзд Чернова не был случаен, то он был нѣсколько преждевременен. Другой с.-р. Семенов утверждает, что послѣ «бурнаго» разговора с Керенским Чернов «наиѣренно держался в сторонѣ от Керенскаго и старался показать свою чуждость ему». А третій с.-р., Зубков, такими словами передавал впечатлѣнія Чернова от Гатчины: «здѣсь кислым пахнет». Сам Чернов назвал впоследствии в «Дѣлѣ Народа» Керенскаго «заложником» в Гатчинѣ.

Совершенно очевидно, что 30 октября была сдѣлана попытка под благовидным предлогом удалить Керенскаго из Гатчины и тѣм самым устранить его от возглавленія «противобольшевицкой акціи». Керенскій — символ непопулярнаго правительства. Продвиженіе отряда с Керенским во главѣ означает возстановленіе, пусть временное, ушедшаго в небытіе правительства. Керенскій идет под флагом защиты коалиціоннаго правительства. Большевицкіе демагоги ставят знак равенства между Керенским и Калединым. И тот и другой возглавляют реакціонныя «корниловскія банды». А для «эсеровских большевиков» из «Дѣла Народа», как назвал Потресов группу Чернова незадолго до октябрьскаго переворота, «калединская реакція» болѣе неприемлема, чѣм большевицкая авантюра. Едва ли Чернов склонен был чрезмѣрно связывать свое имя с казачьим отрядом Краснова — он был лидером политики «изоляции», а не «репрессій». Вѣроятно, этим ощущеніем и надо было объяснить двусмысленный отвѣтъ, данный Черновым депутаціи лужских с.-р., которая посѣтила его в Гатчинѣ. На этом маленьком, но чрезвычайно характерном эпизодѣ я вынужден остановиться нѣсколько подробнѣе в силу того, что мнѣ раз уже пришлось его касаться, и тогда в отвѣтъ послѣдовала весьма рѣзкая реплика Чернова в «Волѣ Россіи»*).

«Утром, — вспоминает Станкевич, — я был разбужен делегаціей лужских эсеров, в руках которых была лужская станція и лужскій совѣтъ. Они пришли к Чернову спрашивать его совѣта, правильна ли та позиція, которую они заняли и выразили наканунѣ принятой резолюціей. Эта резолюція гласила, что лужскій гарнизон рѣшает оставаться нейтральным в борьбѣ Правительства с большевиками и пропускать эшелоны, как идущіе на помощь Правительству, так и идущіе по зову большевиков. Чернов заявил, что с его стороны резолюція возраженій не встрѣчает. На мои негодующія реплики, что это удар в спину Правительству, он спокойно замѣтил, что практически важно одно, чтобы пропускать эшелоны Правительства, так как эшелоны к большевикам, повидимому, не идут»... Чернов согласен, что его «линія поведенія» в том видѣ, как она у меня (т. е. Станкевича) изложена, «выходит дѣй-

*) Чернов обвинял меня в искаженіи текстов, в укороченных цитатах. Поэтому привожу почти *inextenso* и рассказ Станкевича и поясненія Чернова.

ствительно загадочной и даже подозрительной». «Во всяком случае В. Г. Станкевичем весь этот случай лично и непосредственно не наблюдался и узнал он о нем от меня же и, может быть, еще от моего спутника д-ра Фейта*). Да, с этим последним мы побывали тогда и в Псковъ и в Лугъ; обезпеченные положением Керенскаго среди Красновскаго коннаго корпуса, для котораго он по видимости был верховным главою, а фактически едва ли не заложником, мы с помощью еще двух командированных в разныя стороны товарищей (их имена пока названы быть не могут) старались гдѣ-нибудь разыскать и продвинуть к Гатчинѣ другія, болѣе надежныя в революціонно-демократическом смыслѣ воинскія части. В Лугѣ мы застали картину сугубо провинціальную — нелѣпо галдящій расхлябанный совдеп**), представители котораго являлись к нам и успокаивали нас: «Мы совсѣм не большевики, это на нас клеветуют; мы так себѣ просто... безпартійные большевики». Эти «безпартійные большевики» уже арестовали было, но потом выпустили комиссара Съвернаго фронта В. С. Войтинскаго***). Их послѣднее рѣшеніе «держать нейтралитет» было для нас уже выигрышем. Практически для нас его было достаточно. Большевицких эшелонив на этой линіи, по свѣдѣніям нашим, к Питеру ни откуда не шло и не ожидалось, наоборот, к нему предстояло пробиваться, преодолевая всевозможныя препятствія, нѣкоторым разрозненным частям, вѣрным Временному Правительству. И мы «приняли» этот нейтралитет лужских «безпартійных большевиков****), с которыми возиться и на которых тратить время нам было тѣм болѣе некогда, что из той же Луги мы хотѣли, во что бы то ни стало, ни дня не промедлив, вывезти в Гатчину для личной охраны Керенскаго небольшую, но зато абсолютно, до послѣдняго человѣка, надежную эсеровскую дружину. Это нам сдѣлать удалось, и я напому, что, сколько мнѣ извѣстно, только благодаря людям из этой дружины Керенскому удалось спастись, когда Красновскіе казаки собирались его выдать Дыбенским матросам».

В свое время мы увидим, что из себя представляла фиктивная «эсеровская дружина», которую старался Чернов вывезти из Луги путем весьма страннаго компромисса с «безпартійными большевиками». Возможно, что Чернов и Фейт много потратили труда на отысканіе на Съверном фронтѣ революціонно-демократически настроенных войсковых частей — кое-что в смыслѣ этих попыток историк может зафиксировать, но с очень существенной оговоркой хронологическаго порядка: это относилось не к тому моменту, когда Чернов рѣшительно ничего не опроверг из разказа Станкевича, но поясненія его могут служить весьма яркой иллюстраціей к тому, какую путаницу в умах и настроеніях масс

*) Станкевич достаточно опредѣленно свидѣтельствует, что бесѣда происходила в его комнатѣ и в его присутствіи.

**) Припомним заявленіе делегаціи лужскаго совѣта в организационном засѣданіи Комитета Спасенія.

***) Попытка ареста Войтинскаго относится к Пскову.

****) Дѣло идет о делегаціи в Гатчинѣ, куда неожиданно попали к Чернову эти «безпартійные большевики».

создавала двойственная позиция революционной демократии: антибольшевицкой лужской совет, руководимый социалистами-революционерами, через три дня оказался в состоянии какой-то политической пространства...

Находившийся в Гатчинѣ одновременно с Черновым Гоц не отдѣлял себя еще от красновскаго отряда. Мы видим его вмѣстѣ с Савинковым на полѣ битвы в цѣпях красновских казаков, видим его на митингѣ в Царском Селѣ, откуда грозила опасность выступления стрѣлковаго полка в тыл казакам — нѣтъ, не на поддержку большевиков, а с цѣлью добиться прекращенія борьбы, безпокойшей царскосельскій гарнизон. Гоцу удалось добиться от полка пассивнаго «нейтралитета», но для его позиции будет характерно то, что он не только не заикнется о поддержкѣ на фронтѣ Правительства, но всемирно, по словам Семенова, будет от него отгораживаться. Как всегда бывает у людей искренних, переживших извѣстное колебаніе и принявших определенное рѣшеніе, Войтинскій болѣе всѣх связал свою судьбу с отрядом Краснова: всѣ надежды его были соединены с успѣхом именно этого отряда. По его инициативѣ отряд принял декларацию, которая подчеркивала демократичность намѣренной наступающих на Петербург войск и невозможность использования красновскаго отряда в цѣлях контр-революции. Отряд дѣйствует в полном согласіи с органами революционной демократии — Комитетом Спасенія; в видѣ нѣкоторой уступки в политическую платформу вмѣсто Временнаго Правительства вводился уже совсѣм несуществующій Совет Республки*). «Наш отряд, — телеграфирует 30-го Войтинскій своему помощнику Савицкому, скорѣе склонявшемуся к черновской позиции, — приобрѣл значеніе рѣшающее. Имѣйте это в виду и дѣлайте все для усиленія». Войтинскій поясняет, почему гатчинскій отряд получил такое рѣшающее значеніе: «на югѣ, вокруг Новочеркасска, организуется не на шутку новый государственный центр с углем и хлѣбом»**).

В такой общественной атмосферѣ, окружавшей Гатчинскій Дворец, пожалуй, и не так трудно себя представить растерянность Керенскаго. На одну ночь пришлось: Викжель, петербургскіе друзья-советчики и Чернов... Какое то соглашеніе было достигнуто, ибо в 3 час. 20 мин. утра 31-го из Гатчинскаго Дворца была отправлена циркулярная телеграмма, минуя Ставку, всѣм армейским комитетам, комиссарам и командармам: «Временный Совет Р. Р., Всероссийскій Комитет Спасенія, ЦИК Кр., Сол. и Раб. Деп. призывают дѣйствующія арміи немедленно прислать войска хотя бы и по одному пѣхотному полку от ближайших армій и возможно срочно, самым дѣйственным средством, не останавливаясь ни перед чѣм: курьерскими поѣздами доставить эшелоны в

*) Декларация Красновскаго отряда за подписью Войтинскаго, Краснова и 23 представителей казаков была опубликована 1 ноября в «Новой Жизни».

**) Любопытно, что в этой телеграммѣ Войтинскій требует присылки авіаціонных частей, между тѣм, как в первом своем разговорѣ с Толстым 25-го, подобное предложеніе он считал «совершенной утопій», от которой может получиться «вред огромный».

Лугу и Гатчину. Вся тяжесть ответственности за промедление падет на промедляющих». Телеграмма была подписана именами: Керенский, Авксентьев, Гоц, Войтинский, Станкевич, Семенов. Как видим, подписи Чернова, шедшего 29-го с революционными войсками в Петербург, нѣтъ. Въместо нея мало что тогда говорившая большинству подпись одного из «боевиков» ЦК партіи с.р.

**
*

В воспоминаніях Керенскаго коллективное выступленіе 31-го, сдѣланное под новымъ политическимъ флагомъ с полнымъ устраненіемъ имени Временнаго Правительства, не нашло никакого отраженія, Между тѣмъ такое выступленіе должно было вызвать еще большее противодѣйствіе со стороны главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ, несмотря на всю его революціонную репутацію. С устраненіемъ Временнаго Правительства исчезала та легальность, которая побуждала Черемисова, по крайней мѣрѣ, к внѣшней лояльности и к формальному подчиненію распоряженіямъ Главковерха. На фронтѣ, между тѣмъ, положеніе осложнялось. Конфликтъ в 5-ой арміи; конфликтъ в 12-ой с латышами. В самомъ Псковѣ грозила вспыхнуть гражданская война, так как мѣстный ВРК при поддержкѣ гарнизона оказался в остромъ столкновеніи с мѣстнымъ Комитетомъ Спасенія и 30-го предъявилъ послѣднему даже «ультиматумъ», давъ на отвѣтъ 2 часа времени.

Было рѣшено изъять Черемисова, не останавливаясь передъ арестомъ главнокомандующаго. Среди другихъ дошли до насъ и ленты переговоровъ по этому поводу Ставки с посредникомъ главноверха и окружавшей его общественности — ген. Барановскимъ. По мысли инициаторовъ операціи, изъятіе Черемисова должна была произвести Ставка, о чемъ и было послано соотвѣтствующее увѣдомленіе — не приказъ, а именно увѣдомленіе о «необходимости» произвести такую операцію. Ставка не сочувствовала этой мѣрѣ, потому что, какъ раньше говорилъ Вырубовъ Толстому, «расчетъ» долженъ происходить послѣ. В отвѣтъ на увѣдомленіе Духонинъ указывалъ, что «при наличіи создавшейся обстановки, какъ самый арестъ, такъ и перевозка и содержаніе в Ставкѣ можетъ вызвать тяжелые эксцессы». Духонинъ «полагалъ бы ограничиться предложеніемъ оставить должность в виду принципиальнаго разногласія и с обязательствомъ немедленно отбыть во внутреннюю Россію за предѣлы дѣйствующей арміи»... На повторный запросъ Барановскаго «насчетъ рѣшительной телеграммы, которую здѣсь ждутъ с нетерпѣніемъ» Духонинъ поясняетъ, что онъ не можетъ произвести ареста и пр., по телеграммѣ, «составленной не в видѣ приказа». Барановскій, переговоривъ с Данилевичемъ в Гатчинѣ, сообщаетъ Духонину, что «главноверхъ согласенъ» отозвать Черемисова с должности «безъ ареста», а с предложеніемъ выѣхать внутрь Россіи внѣ предѣловъ арміи. Духонинъ указываетъ тогда, что такое предложеніе должно исходить отъ главноверха. Телеграммы отъ Главковерха «повидимому вы не дождетесь», — информируетъ уже 1 ноября Барановскій, — «такъ какъ распоряженіе, которое вы просите сдѣлать по телеграфу, везетъ Войтинскій и подобное же полномочіе

привез Чернов». У Чернова «полномочій достаточно», но начштабсѣвъ, т. е. Лукирскій полагает, что «субъект изымаемый может сказать, что меня это не касается, так как фактически и Главковерх и Комитет Спасенія нынѣ власти незаконныя. Вы, наштаверх, являетесь безусловно властью, и телеграмма эта (от Духонина) нужна на случай протеста». «Мнѣ не предоставлено право отчислять таких лиц», — отвѣчает Духонин: «Я получаю это право в случаѣ болѣзни или смерти Главковерха. Главковерх находится на театрѣ военных дѣйствій и может дать указаніе в самый короткій срок по аппарату. Что касается законной власти, то с таким же успѣхом может быть возраженіе против меня: вѣдь он же исполняет приказанія Главковерха и его признает». Барановскій: «Да». Духонин: «попросите Главковерха передать лично Главкосѣву по аппарату: это безусловно лучшее рѣшеніе, наиболѣе обезпечивающее от крупных эксцессов, и оно будет наиболѣе пріемлемым для него» (т. е. для Черемисова). Барановскій: «Вашу ориентировку передать не могу, так как Гатчина не принимает»...

Здѣсь должно прерваться и наше изложеніе нѣсколько таинственных разговоров по поводу ареста ген. Черемисова. С этим эпизодом придется еще встрѣтиться, но уже в измѣнившейся обстановкѣ. Отмѣтим, что разговоры касаются непосредственно и Главковерха, намекая о каких-то закулисных вліяніях и предположеніях. Толстой в разговорѣ, очевидно, 31 октября, просит Вырубова высказаться по вопросу о Черемисовѣ и Керенском «в связи с отношеніем к этому Духонина». Вырубов: «считаем, что главковерхом должен пока остаться А. Ф.». Толстой: «значит, насчет А. Ф. мы всѣ как будто согласны».

3. Конец Гатчины.

Предположенный отъѣзд Керенскаго из Гатчины не состоялся. «Мы уже заканчивали приготовленія к отъѣзду», — рассказывает Станкевич, когда «неожиданно» пріѣхал Савинков и рѣшительно стал возражать против этого, настаивая на том, что «до исхода сраженія» Керенскій должен остаться. Керенскій согласился и не только отмѣнил свой отъѣзд, но и назначил Савинкова начальником обороны Гатчины вопреки протестам Станкевича, считавшаго имя Савинкова одіозным для лѣвых кругов.

Вряд ли Керенскій с легкой душою готовился покинуть Гатчину. Он не мог не понимать, что его отъѣзд равносильен отказу от руководства дѣлом. Как ощущивали еще в это время близкіе Керенскому люди положеніе, показывает вновь одна из фраз Барановскаго, находящаяся, правда, в полном противорѣчій с тѣм, что он одновременно говорил Духонину: «полагаю, что А. Ф., если не завтра, то послѣзавтра войдет в Петроград». С Барановским через Данилевича Керенскій имѣлъ непрерывныя сношенія. Войтинскій, с своей стороны, обнадѣживал, что пѣхота дѣйствительно подходит. К тому же остается совершенно невыясненным, в какія формы могло вылиться «соглашеніе» 30-го. При таких усло-

віях нетрудно было убѣдить Керенскаго остаться. Возможно, что такой кипучій по натурѣ человекъ, как Савинков, сумѣлъ поддержать и энергію и честолюбіе главковерха, о колебаніях котораго он узнал через Вейгера, рассказавшаго Савинкову и Вензягловскому о своем ночном разговорѣ с Керенским. По словам Савинкова, его назначеніе состоялось по настойчивому желанію представителей гарнизона, и как будто это соответствует дѣйствительности.

Столь же несомнѣнно, что настроенія должны были мѣняться в зависимости от фактическаго положенія дѣл. При извѣстной неустойчивости и крайней утомленности Керенскаго любая неблагоприятная информация должна была вызывать пониженіе духа и сопротивляемости. Красновскій отряд разлагался. Это всё чувствовали, и сам командующій лучше других изобразил утрату боеспособности и растерянность своего отряда, особенно послѣ объективнаго успѣха и субъективной неудачи под Пулковым. Гатчина 31 октября и 1 ноября напоминала собою Зимній Дворец 25 октября. И тѣ и другіе были на положеніи осажденных; и тѣ и другіе изнывали в мечтѣ о приближеніи войск с фронта; и тѣх и других, обреченных на бездѣйствіе, охватывала паника... Имѣлась, однако, существенная разница. Гатчина не была отрѣзана от фронта. Вечером 31-го, когда Гатчина казалась окруженной, Савинков и Вензягловскій свободно проѣхали в Лугу, встрѣтив по дорогѣ лишь дося. Подмога подходила, несмотря на всё препятствія, и первый эшелон пѣхоты в бодром настроеніи проходил бурлящій Псков. Через два дня в Лугу прибыло уже 6 эшелонов. Все могло измѣниться. Но осажденные не вѣрили больше в такую возможность и считали себя как бы преданными. Солдатская масса — с обѣих сторон — была настроена против «братоубійственной» войны. Затянувшійся короткій удар отнимал всякій пафос у тѣх, кто должен был нанести этот удар — лишь «официальный оптимизм устами прап. Миллера, адъютанта Керенскаго, мог передавать 31-го Духонину: «настроеніе в отрядѣ прекрасное».

31-го Керенскій собрал «военный совѣтъ». Кромѣ официальных, нам извѣстных, должностных лиц, на нем присутствовали Станкевич и столь ненавистные главковерху в воспоминаніях представители Совѣта Каз. В. Участники «совѣта» с нѣкоторыми противорѣчивыми отступленіями довольно однородно передают общее настроеніе. «Линія спора опредѣлилась сразу», — рассказывает Станкевич: «Савинков настаивал на борьбѣ, во что бы то ни стало, соглашаясь в крайнем случаѣ на переговоры, лишь как на военную хитрость для того, чтобы выиграть время. Он носился в это время с идеей призвать на помощь поляков корпуса Довбор-Мусницкаго. Я развивал противоположную точку зрѣнія, доказывая, что дальнѣйшее продолженіе борьбы повлечет за собой полный распад фронта; нужно найти органическое соглашеніе максимальных возможных уступок». Такую поразительную перемену во взглядах верховнаго комиссара можно объяснить только воздѣйствіем на него бывшей в Гатчинском Дворцѣ бесѣды в ночь с 29 на 30 октября, когда намѣчались основныя вѣхи новой линіи поведенія для революціонной демократіи.

«Всѣ военные, безъ исключенія», — свидѣтельствуемъ Керенскій: «были единодушны: для выигрыша времени нужно сейчасъ же начать переговоры — иначе нельзя ручаться за спокойствіе казаков»^{*)}. «Какъ ни было мнѣ это противно и трудно... я утвердилъ мнѣніе большинства», — говоритъ Керенскій, опредѣляя свое личное мнѣніе, какъ «безусловный отказъ отъ переговоровъ». По мнѣнію Станкевича, Керенскій, «повидимому, соглашался со мной». Но имѣли ли какое-нибудь значеніе, кромѣ интереса психологическаго, эти разногласія? Имѣли — поскольку участники совѣщанія могли еще играть роль в послѣдующей борьбѣ.

Станкевичъ былъ посланъ кружнымъ путемъ в Петербургъ^{**}) для соотвѣствующихъ переговоровъ — онъ повезъ, какъ выражается Керенскій, «мои условія» перемирія. Керенскій хорошо ихъ не помнитъ: «во всякомъ случаѣ эти условія не были пріемлемы для большевиковъ». Конечно, ибо по основному требованію, в изложеніи Керенскаго, «большевики должны были немедленно сложить оружіе и подчиниться обновленному всенародному временному правительству». В деклараціи на имя Комитета Спасенія, которую повезъ Станкевичъ, и которая была опубликована тогда же в газетахъ, такого требованія — во всякомъ случаѣ в столь категорической формѣ — нѣтъ. Призывая «еще разъ» к борьбѣ, Керенскій от имени Временнаго Правительства писалъ, что «Правительство готово приостановить подавленіе мятежа путемъ переговоровъ Вр. Пр. в полномъ составѣ с руководящими общественными организаціями и партіями о возсозданіи законной революціонной власти». Дана очень общая формулировка, на которой явно сказались предварительные гатчинскіе закулисные переговоры. В дополнительныхъ телеграммахъ (очевидно, предполагалось, что Станкевичъ можетъ и не доѣхать до Петербурга) в Комитетъ Спасенія и Викжель Керенскій сообщалъ, что онъ отдалъ приказъ о прекращеніи военныхъ операцій согласно желанію, выраженному Комитетомъ Спасенія^{***}).

Полная достоинства декларація в Комитетъ Спасенія была послана и от имени красновскаго отряда, оставшагося вѣрнымъ «законному правительству». В своихъ воспоминаніяхъ Красновъ о ней не упоминаетъ, хотя подпись его, естественно, стоитъ на первомъ мѣстѣ^{****}) — очевидно, генералъ, дѣйствительно, мало интересовался «политическими перспективами» (отзвѣвъ Станкевича). Предлагалось прежде всего освободить арестованныхъ членовъ Правительства, возстановить законное Правительство, которое уже вступило

*) И в изложеніи Савинкова и в изложеніи Краснова голоса военныхъ раздѣляются. Савинкова поддерживали Аникѣевъ (предсѣд. Совѣта Каз. В.) и Кузьминъ. Курьезно, что по Савинкову именно Кузьминъ ему возражалъ.

***) Безъ труда, однако, онъ проѣхалъ «напрямикъ» к Царскому Селу, занятому большевиками. Ц. С. даже не охранялось патрулями.

****) Подчеркиваю эту мотивировку, какъ лишнее еще доказательство правильности сдѣланнаго предположенія о переговорахъ в часы пребыванія в Гатчинѣ Гоца и Чернова. Какая-то телеграмма в комитетъ партіи была послана Керенскимъ еще 30-го, и ею, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить подчеркиваніе «Дѣломъ Народа» (31-го), что Керенскій «отвергаетъ борьбу» и «не ищетъ власти».

*****) Подписана также предсѣдателемъ дивизионнаго комитета Ажогнымъ и пом. коменд. воен. петер. округа Кузьминымъ.

в переговоры с представителями всех партий для организации власти и созыва Учр. Соб., которое одно только может разрешить вопросы о земли и войнѣ.

Одновременно Краснов за своей подписью послал в штаб возставших предложение о перемирии. Здѣсь мы наталкиваемся на существенное и очень важное противорѣчіе в воспоминаніях Керенскаго и Краснова. Естественно, что собравшіеся на совѣщаніе предполагали, что переговоры о непосредственном перемирии с повстанческим штабом должна была начать военная власть, и поэтому, по словам Станкевича, рѣшено было, что Козьмин должен «выѣхать под бѣлым флагом» к большевикам, но Козьмин, — утверждает Керенскій, — рѣшительно отказался войти в состав мирной делегаціи, несмотря на настоянія Краснова. Поэтому парламентарями в штаб-квартиру большевиков поѣхали исключительно казаки. Краснов утверждает, что парламентарем поѣхал Козьмин с официальным текстом, выработанным Керенским и ему, Краснову, неизвѣстным*). Казаки же отравились с текстом, который был набросан Красновым по просьбѣ солдатских комитетов, и вот при каких условіях (по разсказу Краснова). В то время, как в дворцовой гостиной начальство обсуждало вопрос о мирных переговорах, у казаков шло свое совѣщаніе с прибывшими (?) матросами-парламентарями, которые, «безбожно лстя» казакам и суля им немедленную отправку специальными поѣздами прямо на Дон, предлагали заключить мир «через головы генералов». Казаки и предложили Краснову набросать условія, которыя они и будут отстаивать от своего имени. Нѣтъ, однако, ни одного больше указанія на то, что такіе «парламентары» присутствовали в Гатчинѣ 31-го.

Ясно одно: делегація, фактически отправившаяся вечером 31-го из Гатчины в Царское, не имѣла отвѣтственнаго характера. Это был роковой шаг, чреватый катастрофическими послѣдствіями для Гатчины. В Царском казачьи парламентары встрѣтились с парламентарями из Петербурга, которых ВРК вынужден был отправить по настойчивому требованію 8-ми петербургских полков**). Таким образом хронологически двѣ инициативы сошлись. В Петроградском Совѣтѣ Зиновьев, сообщая о посылкѣ делегаціи, объяснял, что ВРК увѣрен в «безуспѣшности» ея и склонен видѣть в предполагаемой попыткѣ «военную хитрость со стороны наших врагов». Во всяком случаѣ, — пояснял Зиновьев, — делегація должна помнить, что «борьба кончена, и дѣло идет лишь об условіях мира».

Двѣ делегаціи встрѣтились и вмѣстѣ уже с общностью на-

*) Самый текст, приводимый Красновым, явно представляет собой смѣсь разных документов. В Петербургѣ условія перемирія были опубликованы, однако, за подписью Краснова. Обращеніе Краснова было адресовано непосредственно в Военно-революціонный комитет, причем мотивировалось оно предложением совѣщанія при Викжелѣ о перемирии для соглашения о конструкціи властн.

***) Требования исходили не только со стороны мѣстнаго гарнизона. По протоколам ВРК можно установить, что 31-го являлись и другія делегаціи (напр., из Лужскаго совѣта, от «георгіевских кавалеров»), настаивавшія на принятіи мѣр к «ликвидациі бойни» и «примиренію сторон».

строеній в 6 час. утра появились в Гатчинѣ под предводительством браваго матроса Дыбенко *). На собраніи дивизионнаго комитета начали разрабатывать условія заключенія мира, и послѣ шестичасовыхъ дебатовъ в колоритной бытовой обстановкѣ были выработаны условія своеобразнаго и столь же наивнаго «перемирія», один из пунктов котораго гласил: товарищи Ленин и Троцкий, впредь до выясненія ихъ невинности в государственной измѣнѣ не должны входить, какъ в министерство, так и в народныя организаціи». С другой стороны: «передать Керенскаго в распоряженіе революціоннаго комитета для преданія гласному суду под охраной трехъ представителей от казаков, трехъ от партіи и трехъ от матросов, солдат и рабочихъ Петрограда»... «Обѣ стороны даютъ честное слово, что надъ нимъ и вообще не надъ кѣмъ ни в коемъ случаѣ не будутъ допущены никакія насилія и самосуды»...

«Народный комиссаръ» по морскимъ дѣламъ Дыбенко поясняетъ в воспоминаніяхъ: «Нужно, с одной стороны, выиграть время до подхода отряда моряковъ, чтобы Гатчину захватить врасплох, с другой — безъ промедленія, до прибытія ударниковъ, арестовать Керенскаго... Для достиженія своей цѣли, совершая стратегическій ход, я рѣшаюсь подписать договор». Единственно, чему можно повѣрить в фантазерскихъ воспоминаніяхъ Дыбенко **).

4. Бѣгство Керенскаго.

Такъ обманомъ была захвачена ставка Керенскаго в Гатчинѣ и сломлена послѣдняя возможность сопротивленія казаковъ. Если бы Керенскій оцѣнилъ всю эту бытовую обстановку, можетъ быть, онъ по иному вспомнилъ бы о «низкомъ предательствѣ» казаковъ.

Какую роль игралъ в этомъ «предательствѣ» Красновъ и его штабъ, отстраненные фактическимъ положеніемъ дѣла от непосредственнаго участія в «переговорахъ»? В эмигрантскихъ уже воспоминаніяхъ ген. Красновъ, становясь в позу, рассказываетъ, какъ онъ предупредилъ Керенскаго о грозившей ему опасности и какъ онъ устроилъ черезъ надежныхъ казаковъ возможность для Керенскаго бѣжать черезъ запасной выходъ дворца. При арестѣ 1 ноября Красновъ далъ иное «письменное» показаніе большевикамъ. Онъ сказалъ Керенскому: «если вы честный человекъ, вы пойдете сейчасъ в Петроградъ съ бѣлымъ флагомъ и явитесь в революціонный комитетъ, гдѣ переговоры, какъ глава Правительства». Керенскій будто бы согласился,

*) В изложеніи Дыбенко делегація казаковъ (одинъ офицеръ и два казака) в 11 ч. вечера явилась в Царское «безъ вѣдома Керенскаго и Краснова» с предложеніемъ вступить в переговоры, предупреждая, что «казаки и юнкера окажутъ упорное сопротивленіе», если большевики поведутъ наступленіе. Поэтому Дыбенко, «не ставя в извѣстность Смольный», с казачьей делегаціей выѣхалъ в 1 ч. ночи в Гатчину, взявъ с собою только одного матроса Трушина.

***) Лучшей характеристикой «воспоминаній» Дыбенко можетъ служить рассказъ автора, какъ онъ арестовывалъ в Гельсингфорсѣ «остатки представителей коалиціоннаго Правительства» и какъ «передъ арестомъ Набокова(?)» перехватывалъ его «разговоръ с княземъ Львовымъ» о поѣздкѣ Керенскаго в Японию за войсками для «подавленія возстанія». С Дыбенко многого не спросишь, но какъ большевики в 23 г. могли печатать всю эту ерунду?

но скрылся, пока Краснов налаживал надежный конвой для сопровождения Керенского в Смольный. «Я поднял тревогу и приказал его отыскать; полагаю, что он не мог бѣжать из Гатчины и скрывается гдѣ-либо здѣсь». Показанія Краснова проникли тогда в печать. Может быть, естественно поэтому, что в очеркѣ предоставленном Красновым Милюкову в 18 г., версия о последнем моментѣ почти цѣликом совпадает с письменным показаніем 1 ноября. В воспоминаніях Керенского также фигурирует, если не совѣт, то отвлеченныя разсужденія Краснова о возможности поѣхать в Петербург и непосредственно договориться с партіями и даже со Смольным — не в таком, конечно, контекстѣ, но именно об этом пла рѣчь там, внизу, у договаривавшихся сторон. Керенскій и в августовскіе корниловскіе дни, когда разыгрывалась одна из драматических страниц русской революціи, считал себя большим психологом. Все поведеніе Краснова не оставляло у Керенского никаких сомнѣній — Краснов изобличен. Но один психологическій анализ наблюденій в такой, естественно, напряженный момент источник не достаточный и слишком субъективный. Нѣкоторая двусмысленность в поведеніи Краснова несомнѣнно выступает и лишних лавров не вплетает в его военный вѣнок. Но поведеніе Краснова в такой же мѣрѣ могло быть объяснено растерянностью и безсиліем генерала, потерявшего командную власть над своим отрядом.

У Керенского имѣется еще одна дополнительная версия, дающая «краткій и краснорѣчивый отвѣтъ» на вопрос о роли Краснова. 1 ноября Духонин получил телеграмму Краснова: «приказал арестовать главковерха: он успѣл скрыться». «Тѣ, кто видѣл ген. Духонина», — дополняет Керенскій: «разсказывают, что он, получив эту телеграмму, был увѣрен в том, что приказ об арестѣ был вызван моим намѣреніем сговориться с большевиками». Дѣло всегда плохо, когда приходится оперировать с анонимами. Кто это разсказал Керенскому, откуда он получил свѣдѣнія о такой телеграммѣ Краснова? Она приводится и в историческом уже изслѣдованіи Милюкова, причем историк предполагает, что своей телеграммой Краснов хотѣл реабилитироваться в глазах Духонина. Милюков заимствовал телеграмму из текста мемуариста — это очевидно: кавычки, в которыя у него включен текст телеграммы, относятся к тексту Керенского. Между тѣм почти невѣроятно, что подобная лаконическая телеграмма могла быть послана в Ставку. И почему в Ставку? В первую очередь ген. Краснову надлежало доложить своему ближайшему начальству, т. е. главнокомандующему Сѣверному фронту, ген. Черемисову. Он это и сдѣлал, и мы имѣем опубликованную ленту их разговора по прямому проводу. Она начинается словами Краснова: «Главковерх в пятнадцать часов исчез из Гатчинскаго дворца неизвѣстно куда... Гатчина занята большевицкими войсками»... Возможно ли допустить одновременное сообщеніе по линіи начальства двух разных версій? Мы располагаем также текстом нѣскольких разговоров ген. Духонина за 1 ноября. Возможно ли, что такое исключительное явленіе, как арест главковерха командующим войсками, никак не отразился на переговорах дня? Кромѣ того, к моменту, когда могло

придти сообщеніе Краснова, Духонин знал уже содержаніе другой телеграммы — комиссара Войтинскаго, о «низложеніи Керенскаго», разосланной начальствующим органам Сѣвернаго фронта. Одно сомнѣніе, как будто бы, есть. В вечернем разговорѣ 1 ноября с Лукирским Духонин упоминает, что получил телеграмму Краснова и Войтинскаго. Но то обстоятельство, что телеграмма Краснова стоит на первом мѣстѣ, на мой взгляд, доказывает, что здѣсь имѣется в виду извѣстная уже нам телеграмма Краснова о мирных переговорах с большевиками — телеграмма от 31 октября, которая пришла через Псков (сообщеніе Барановскаго) и, конечно, должна была одновременно быть переданной и в Могилев.

В русском изданіи своих воспоминаній Керенскій еще не считал себя в правѣ подробно разсказать исторію своего ухода из Гатчинскаго Дворца. Во французском изданіи воспоминаній, вошедших в книгу Керенскаго «La Revolution Russe» (28 г.), подробно уже повѣствуется о том, как Керенскому удалось скрыться в послѣдній момент. Разсказ, в общем, соответствует тому, что разсказали бывшіе товарищи Керенскаго по партіи Семенов и Вейгер в совѣтской исторической печати. Только для того, чтобы эффектиѣе подчеркнуть «чудо», которое произошло в момент, когда все казалось потерянным, Керенскій совершенно умалчивает о нѣкоторой предварительной подготовкѣ — вплоть до распоряженія приготовить автомобиль, отданнаго еще утром. «Я ушел, не зная еще за минуту, что пойду», — это утвержденіе Керенскаго может быть отнесено только к самому послѣднему моменту. Отѣзд Керенскаго был предположен и рѣшен заранѣе*), и только неожиданная перемѣна декораций в Гатчинском дворцѣ, когда не только рядовые казаки, но и «офицеры», в представленіи Керенскаго, цѣною предательства задумали «купить у большевиков свою жизнь», — задержала этот отѣзд.

По французскому тексту воспоминаній в комнатѣ, гдѣ собрались Керенскій и его друзья, нѣсколько театрально появляются незнакомыя фигуры — солдата и матроса. «Il n'y a pas de temps à perdre. Endossez cela», и незнакомцы надѣвают на Керенскаго матросскій бушлат, кепку, автомобильныя очки и проводят через охрану. Эти двое «незнакомцев» принадлежали к той «боевой дружинѣ», которая появилась в Гатчинѣ 31 октября в количествѣ 10 человек, и которую с таким трудом пытался якобы вывезти Чернов из Луги. Главою их являлся Семенов, который и организовал побѣг в послѣднюю минуту**). Тяжело было, вѣроятно,

*) На это весьма опредѣленно указывает один документ, полный политическій смысл котораго пока еще не представляется возможным разъяснить и который будет приведен нами тоже в соответствующей ему конъюнктурѣ.

***) Рабочій с.-р. Зубков, находившійся в Лугѣ, на процессѣ в 1922 г. опредѣлял число этих «отвѣтственных партійных солдат», отправленных в Гатчину, в 35 человек. Склонные к гиперболѣ «Бюллетени» большевицкаго ЦК 1 ноября исчисляли их в 350 — если только здѣсь нѣтъ простой типографской опечатки. Для характеристики роли Чернова в переговорах с лужской делегацией, выше описанной, слѣдует имѣть в виду, что лужскіе «эсеры» прибыли под руководством Зубкова одновременно с Черновым и едва ли не в вагонѣ, прицѣпленном к паровозу, который был дан в Лугѣ по

Керенскому пережить тѣ часы, когда внизу так или иначе шел торг цѣною его головы, и поэтому легко понять слушаніе красок, допущенное мемуаристом при описаніи своего оставленія Гатчинскаго Дворца.

Беллетрист Краснов с образными подробностями описывает обстановку в Гатчинѣ послѣ подписанія мирнаго «договора» — появленіе фанфаронствующаго командира большевицкими войсками Муравьева, затѣм самого Троцкаго и увоз Краснова для допроса в Смольный. Для нас имѣет нѣкоторое значеніе эта обстановка, но я предпочитаю ее все же обрисовать словами сухого современнаго событіям документа. Краснов в служебном порядкѣ сообщал Черемисову: «Настроеніе очень тревожное... Отношенія с большевицкими войсками полны взаимнаго недовѣрія. Мы ими окружены и стоим под охраной двойных караулов — наших и их... Сейчас солдаты обезоруживают казаков. Переговоры шли утром между комитетами — дивизионным и революціонной организаціи. Офицеры команднаго состава не были допущены. Вынесены постановленія: прекратить кровопролитіе, отпустить казаков на Дон, не производить никаких арестов и самочинных выступленій и арестовать Керенскаго. Послѣ этого на заставы наши сразу подошел Финляндскій полкъ с орудіями, бѣлым флагом, снял заставы и вошел в Гатчину. Затѣм делегаты и командир полка под предлогом переговоров уѣхали в Петербург, а сейчас начинается неисполненіе договора, засѣдают солдатскіе комитеты, и неизвѣстно, чѣм все это кончится»^{*)}. Говорил Краснов уже под вечер.

Из текста сообщенія Краснова можно все-таки вывести заключеніе, что хаос в Гатчинском Дворцѣ не был уже таким всеобщим, как это может представиться из разсказов мемуаристов. Только в этой болѣе реалистической обстановкѣ становится нѣсколько понятнѣе загадочное сообщеніе Лукирскаго Духонину о том, что представители Комитета Спасенія, прибывшіе в Псков «по порученію главковерха», сегодня (т. е. 1 ноября) «долгое время вели переговоры с Гатчиной» — имѣются в виду Чернов и др. К сожалѣнію, посвятившій много мѣста разоблаченіям Краснова Керенскій не обмолвился даже намеком на эти переговоры, имѣющіе для выясненія новых форм продолжавшейся борьбы с захватчиками власти в Петербургѣ несравненно большее значеніе.

настоянію ген. Нисселя. Французскій генерал считал, что к нему присоединились большевицкіе агитаторы, о чем и предупредил в Гатчинѣ коменданта вокзала. Однако, никто, по его словам, не обратил вниманія на это предупрежденіе.

^{*)} Очень характерно для позиціи Черемисова, как он реагирует на сообщеніе Краснова: «вина за все падает на Керенскаго... Я ему предсказывал, чѣм это кончится... результаты на лицо». Положеніе красновскаго отряда интересует его исключительно с точки зрѣнія положенія на фронтѣ. Уход казаков на Дон дезорганизует всѣ части и повлечет общую «демонизацію», которая превратится в «нашествіе скифов». «Ваши части должны безотлагательно вернуться на свои мѣста». «Сказать, что будет очень трудно, — отвѣчает Краснов, — потому что мы сейчас фактически в плѣну у большевиков, которые вряд ли позволят исполнять мои приказанія».

Если ограничиться только воспоминаниями Керенского, то послѣдняя страница «бѣлой авантюры» в Гатчинѣ*) будет говорить, может быть, о личном мужествѣ Керенского, но во всяком случаѣ не о предусмотрительности главы Правительства и верховнаго главнокомандующаго — он исчез с политическаго горизонта, и вмѣстѣ с тѣм как бы кончается вооруженная борьба. Керенскій заканчивает свое повѣствованіе о побѣгѣ из Гатчины (во французском изданіи) рассказом, как по дорогѣ в Лугу он укрылся в уединенном хуторѣ, который принадлежал шоферу, вывезшему его из Гатчины. Каждый имѣл бы право сказать: нервы человѣка, конечно, не выдержали.

Нѣсколько позже «адеютанты» Керенскаго пояснили в печати, что Керенскій рѣшил временно скрыться, так как ему грозил «самосуд», и у него не было надежды на то, что его дѣло будет разсматриваться в условіях нормальнаго процесса, и что в условіях болѣе объективных он объяснит странѣ, как «обстановку», в которой он дѣйствовал в послѣдніе дни, так и тѣ причины, которыя заставили его сдѣлать этот шаг». Молва, что Керенскій бѣжал на Дон, совершенно не соотвѣтствовала дѣйствительности. Деникин поддержал эту молву в литературѣ — он говорит, что Керенскій явился в Новочеркасск к Каледину и «не был им принят». Послѣднее было бы слишком несуразно, так как мы знаем, что казачья общественность звала Правительство и в частности Керенскаго в Донскую Область.

До сих пор Керенскій такого «отчета» фактически не дал.

5. Тайна 5 ноября.

Соглашеніе между представителями петроградскаго гарнизона и Совѣта народных комиссаров, соглашеніе, названное «официально соглашеніем о перемиріи» — шоказывал 2 ноября в Смольном арестованный или полуарестованный (Войтинскій**), — «по существу безспорно явилось соглашеніем о прекращеніи гражданской войны, и именно так это соглашеніе и понималось обѣими сторонами. Считая гибельным каждый лишній час гражданской войны, я немедленно... дал телеграмму в штаб Сѣвернаго фронта, комиссарам и всѣм, всѣм, всѣм с извѣщеніем о том, что гражданская война закончилась примиреніем сторон, и что немедленно должны быть прекращены всякія враждебныя дѣйствія, а также приготовленія к таковым и передвиженіе идущих в Петроград эшелонов».

*) Так назвал поход Керенскаго в своей рѣчн 12 ноября Церетелли. Я сознательно дал такой заголовок и своему рассказу. Он отчетливо опредѣляет воспріятіе гатчинскаго похода частью революціонной демократіи, казалось бы, оченъ далекой от позиціи «большевиков втораго сорта» (этой характеристикой Ленин опредѣлял позиціи меньшевиков-интернаціоналистов типа Суханова).

**) Была бы вопіющим нарушеніем заключеннаго соглашенія и даннаго слова, по мнѣнію Войтинскаго — всякая попытка привлеченія меня к суду и тѣм болѣе лишенія меня свободъ.

Личное воспріятіе не всегда дает правильную оцѣнку событій. Войтинскій брал на себя слишком много, разсылая дезорганизирующую борьбу телеграмму. Первый, ее получившій, усумнился прежде всего в ея подлинности. В 5 час. 10 мин. Лукирскій передавал Духонину текст «только что» полученной телеграммы Войтинскаго: «Между сосредоточенными у Петрограда войсками и представителями петроградскаго гарнизона достигнуто соглашеніе на основѣ изложенія Керенскаго, предпишите немедленно остановить всѣ двигавшіеся к Петрограду эшелоны и прекратить всякія дѣйствія, связанныя с формированіем отряда Керенскаго». «К этой телеграммѣ», — комментирует Лукирскій: «надо относиться с большой осторожностью, так как извѣстно, что Войтинскій в Лугѣ, а получена она по аппарату юза из Гатчины». И тут же Лукирскій добавляет: «не признаете ли возможным дать нам сейчас телеграмму с приказаніем направить в распоряженіе командующаго 3-м корпусом слѣдующее количество снарядов и патронов из Пскова (гранат 20 т., шрапнелей 20 т., 15 мил. ружейных патронов, 2 тыс. снарядов для броневиков)... За ними пріѣхал пріемщик, а между тѣм за отсутствіем официальнаго распоряженія, исходящаго от главковерха или вас, главкоств не дает разрѣшенія на отправку этих снарядов». Духонин: «сейчас будет передано распоряженіе. Считаю, что требуемое количество огнестрѣльных припасов чрезмѣрно велико. Необходимо значительно сократить».

Так далека была Духонин в эти часы от представленія, что гражданская война закончилась*). Совершенно уже очевидно, что никакой телеграммы Краснова до этого времени он не получал. Незадолго перед тѣм Духонин получил крайне важную информацию о намѣчающихся перемѣнах от Чернова и других «представителей» Комитета Спасенія, с которыми имѣл непосредственную бесѣду. Лента, воспроизводящая их разговор, передает: «У аппарата член Центркома Спасенія родины и революціи, б. министр земледѣлія Чернов и член Центркома партіи с-р. Ал. Фейт, а также член Искосола Хораш. Мы имѣем вам сообщить только что сообщенныя сюда (т. е. в Псков) комисарством Войтинским слѣдующія, пока еще не оглашенныя рѣшенія, для оформленія которых Керенскій уже выѣхал, куда нужно. Предстоит сложение Керенским всѣх своих полномочій, назначеніе вас главковерхом и председателем Временнаго Совѣта Республики Авксентьева министром-председателем**). С Вашей стороны необходимо безотлагательное удаленіе отсюда Черемисова, хотя бы немедленным категорическим вызовом его в Ставку, в дальнѣйшем оформленіе этого официальным назначеніем преемника. Против кандидатуры Драгомирова здѣсь у нас возраженій нѣтъ. Временный замѣститель — Лукирскій освѣдомлен обо

*) Задержкой Лукирским телеграммы Войтинскаго — содержаніе ея он сообщил только Духонину — и объясняется то обстоятельство, что в момент разговора Краснова с Черемисовым послѣдній яичего еще не знал о ликвидаціи гатчинскаго фронта.

***) Характерно, что сам Авксентьев абсолютно не был, по его словам, освѣдомлен о том, что дѣлалось отчасти как бы его именем.

всем и дѣйствует в полном контактѣ с Комитетом Спасенія. Выѣзд Черемисова необходим в самом экстренном порядкѣ: он развязет руки для совершенно необходимых дѣйствій в Псковѣ, времени терять нельзя. Не исключена возможность мирной ликвидаціи петроградских событій путем переговоров, но только при условіи скорѣйшей присылки серьезных подкрѣпленій с пѣхотными частями. Повторяем еще раз: больше всего необходима быстрота, нельзя терять ни минуты.

Духонин лаконически отвѣтил: «Прошу подождать. Отвѣт дам, обдумавши». Можно ли допустить, что в такой своеобразной и слишком завуалированной формѣ увѣдомляли о «побѣгѣ» Керенскаго? Мог ли такіа «рѣшенія» передавать Войтинскій послѣ того, как он, по его словам, скрѣпил своею подписью платформу удивительнаго «соглашенія» в Гатчинѣ? Из разговора Духонина с Лукирским опредѣленно вытекает, что «обдумавшій» Духонин уже в 4 часа дал отвѣт*). К сожалѣнію, этого отвѣта мы не знаем — о нем можно только догадываться: он был отрицательным.

Мнѣ кажется, что безоговорочно можно считать, что «рѣшенія», для «оформленія которых Керенскій уже выѣхал, куда нужно», явились результатом тѣх бесѣд, которыя вели члены Комитета Спасенія, или вѣрнѣе группа Чернова с Гатчиной в утренніе часы 1 ноября. В эти утренніе часы и Войтинскій был в Гатчинѣ — его имя систематически упоминается в разсказах, эсэров, бывших при Керенском**); слѣдовательно, он мог быть передатчиком гатчинских рѣшеній — того плана, который я назвал вооруженной демонстраціей для давленія на большевиков при переговорах или, говоря словами Войтинскаго из показаній в Смольном, «погасить гражданскую войну путем уравниванія силы силой».

Вечером Духонин получил болѣе подробное сообщеніе о событіях в Гатчинѣ послѣ разговора Барановскаго со штабом 3-го корпуса. Попытавшись узнать через лиц, дѣйствовавших в Псковѣ «по порученію» главноверха, гдѣ находится Керенскій, и не получив никаких свѣдѣній, Духонин издал свой извѣстный приказ, напечатанный в бюллетенях Общеармейскаго Комитета: «Сегодня, 1 ноября, войсками ген. Краснова, собранными под Гатчиной, было заключено с гарнизоном Петрограда перемиріе, дабы остановить кровопролитіе гражданской войны. По донесенію ген. Краснова главноверх Керенскій оставил отряд, и мѣсто пребыванія его не установлено. Вслѣдствіе чего на основаніи положенія

*) В пятичасовом разговорѣ он спрашивает Лукирскаго: «успѣли ли вы передать телеграмму, сообщенную вам около 16 часов»... «Я просил вас пожаловать к аппарату, — отвѣчает Лукирскій, — по просьбѣ Чернова и Сперанскаго, бывших у меня, и ленту сказаннаго вами они принимали в моем присутствіи».

**) А. Ф. Керенскій, — показывал на допросѣ Войтинскій, — скрылся во время моего отсутствія из Гатчины. Обстоятельства его бѣгства извѣстны мнѣ со слов ген. Краснова. Сообщеніе об этом бѣгствѣ явилось для меня совершенно неожиданным. Если бы наканунѣ кто-нибудь мнѣ сказал о возможности подобнаго бѣгства, я, по всей вѣроятности, отнесся бы к подобному предпріятію, как к пустой фантазіи». Войтинскій вернулся и подѣхал к Гатчинскому Дворцу как раз в момент исчезновенія Керенскаго. По его мнѣнію, положеніе дѣл в Гатчинѣ не давало никаких основаній для отъѣзда Керенскаго из отряда.

о полевом управленіи войск я вступил во временное исправленіе должности верховнаго главнокомандующаго и приказал остано-вить дальнѣйшую отправку войск на Петроград. В настоящее время между различными политическими партіями происходят пере-говоры для формироваія временнаго правительства. В ожиданіи разрѣшенія кризиса призываю войска фронта спокойно исполнять свой долг перед родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны и еще бо-лье углубиться в предѣлы родной земли».

Духонину, очевидно, ясно представлялось то разлагающее вліяніе, которое должна была имѣть на сѣверном фронтѣ созда-вшаяся мѣшанина, когда 31-го именем революціонной демократіи армія приглашалась отправлять отряды курьерскими поѣздами, а на другой день прокламировалось окончаніе гражданской войны. Что должно было получиться в умах рядовой солдатской массы?*)

*) Для полной картины русской смуты надо было бы присоединить еще не всегда умѣлое вмѣшательство иностранцев. Из свидѣтельских по-казаній майора Робинса перед «овермэнской комиссіей» Сената Соеди-ненных Штатов, разслѣдовавшей русскій вопрос в 19 г., можно усмотрѣть, напримѣр, что этот представитель американскаго Краснаго Креста имѣл «своих людей», которые «тайком» наблюдали за ходом событій в Гатчинѣ. Что фактически дѣлали эти «тайные агенты», разсѣянные по полкам и ка-зармам, мы не знаем — их задачей была пропаганда «ради укрѣпленія Керенскаго против большевиков», но мы знаем вывод большевизанствующаго майора, который не только убѣждал своего начальника полк. Томсо-на, что «керенщина умерла» и называл «чушью» разговор о том, что «Моск-ва святой град буржуазіи» может пойти против всероссійскаго съѣзда со-вѣтов и т. д., но и поспѣшил в интересах, конечно, союзническаго дѣла непосредственно связаться с будущим побѣдителем Троцким.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

НА НОВЫЕ РЕЛЬСЫ

1. Петербургская «говорильня».

О каких «необходимых дѣйствіях» в Псковѣ говорил Чернов Духонину? Для того, чтобы понять весь план дѣйствій, которыя могли бы привести к «мирной ликвидаціи петроградскихъ событій», необходимо обратиться к переговорамъ социалистическихъ партій и большевиковъ под эгидой «Викжеля». Они начались, как мы знаем, еще в «кровавое воскресенье».

Большевики охотно пошли, по предложенію «Викжеля», на междупартійное совѣщаніе. Не требовалось большой дальновидности для того, чтобы понять, что словоговореніе в викжелевскомъ совѣщаніи можетъ быть только на руку большевикамъ. В самый критическій моментъ вниманіе противниковъ будетъ обращено в сторону соглашенія, а не борьбы; совершенно неизбѣжно отсюда вытекало и пониженіе активности противобольшевицкаго лагеря и ослабленіе силы агитаціи в пассивныхъ, скорѣе примиренчески настроенныхъ массахъ. Большевики выигрывали время. Почти безъ преній ЦК большевиковъ принялъ предложеніе «Викжеля» — правда, в отсутствіе Ленина и Троцкаго, главныхъ вдохновителей октябрьскаго переворота. Едва ли это отсутствіе было случайнымъ и объяснялось тѣмъ, что оба лица были заняты усиленной мобилизаціей силъ для отпора наступающему на Петербургъ Керенскому. Они скорѣе резервировали себя для того, чтобы аннулировать своевременно возможность компромисса, к которому склонна была нетвердая оппозиція, считавшая единственнымъ выходомъ изъ создававшегося послѣ переворота положенія соглашеніе большевиковъ с ушедшими со съѣзда социалистическими партіями.

Такъ или иначе на первомъ засѣданіи официальные представители большевицкой партіи (Каменевъ и Сокольниковъ) признавали соглашеніе не только «возможнымъ», но и необходимымъ и предлагали остальнымъ социалистическимъ партіямъ раздѣлить власть вмѣстѣ с ними при условіи признанія уже совершившагося. Непримируемую, на первый взглядъ, позицію заняли социалисты революціонеры и меньшевики. Гендельманъ от партіи с. р. опредѣленно заявилъ, что онъ прибылъ на совѣщаніе не для того, чтобы вступать в переговоры с большевиками, а для того, чтобы изложить «точку зрѣнія партіи»; онъ говорилъ, что бываютъ моменты, когда приходится рѣшать вопросы опужіемъ. Данъ предлагалъ большевикамъ капи-

тулировать — распустить ВРК и признать II съезд совѣтов не состоявшимся. Соглашеніе возможно лишь на программѣ Комитета Спасенія, т. е. организациі однородной социалистической власти без участія большевиков в правительствѣ, так как их участіе лишило бы власть авторитета и признанія страны. С компромиссом выступил, конечно, Мартов: демократія не обладает силой; если кризис дойдет до конца, она будет раздавлена «личной или олигархической диктатурой». При ликвидациі большевиков, — вторил ему Сокольников, — неизбежна «казачья диктатура». Так намѣчался мостик для переговоров: можно будет вмѣстѣ бороться с контр-революціей — как бы отвѣчают представители революціонной демократіи, но первым условіем для такой возможности — ликвидациія мятежа.

Не имѣя в своем распоряженіи протоколов совѣщанія, трудно ругаться за отдѣльные нюансы ораторских выступленій, поэтому предпочтительнѣе брать самыя общія характеристики. Собраніе, на котором присутствовало 26 делегатов от 8 партій и 9 организаций, избирает согласительную комиссію, в цѣлях путем товарищескаго общенія*) выработать определенное предложеніе для внесенія на слѣдующее засѣданіе. В комиссію вошел и представитель партіи с. р., как будто бы в противорѣчій с занятой им принципиальной позиціей. Комиссія работала всю ночь, но из призыва Мартова пойти на «смѣлое соглашеніе обоих лагерей» ничего не вышло. Прежде всего представители большевиков воздержались от голосованія вопроса о перемиріи между борющимися сторонами, и тѣм самым и повисло в воздухѣ первое и основное требованіе «Викжеля».

Второе засѣданіе начинается нѣсколько бурно и отмѣчено небезынтересными штрихами. Дан, Мартов, с. р. Филипповскій протестуют по поводу распоряженія ВРК об арестѣ Комитета Спасенія. Каменев разъясняет, что такого приказа нѣтъ: подлежат аресту лишь лица, замѣшанныя в юнкерском заговорѣ (Авксентьев, Гоц) и отдавшія приказ об арестѣ членов ВРК. Комитет Спасенія, — говорит Рязанов, — усиленно замалчивает свою связь с возстаніем, но эта связь очевидна. «То, что произошло вчера, было такой же авантюрой, как ваша», — парирует Филипповскій, признавая эти вчерашнія дѣйствія «неумѣстными». Приняв резолюцію о недопустимости террора и исключительных судов, совѣщаніе переходит к обсужденію вопроса о соглашеніи. Тактика эластична, и нѣсколько неожиданно со стороны именно эс-эров (Ракитников) вносится компромиссная формула: для «удовлетворенія» большевиков замѣнить «официальное» их участіе в правительствѣ персональной комбинаціей. Тут уже возражают большевики, считая неприемлемым разрѣшеніе вопроса о конструкціи власти путем персональных комбинацій, а не партійнаго представительства. Тѣм не менѣе, вновь избирается комиссія для того, чтобы сконструировать новое правительство.

*) Я нарочно употребил этот термин, ибо обращеніе «товарищи» осталось в обиходѣ на собраніи враждующих сторон, частично готовых даже с оружіем в руках сражаться друг с другом.

Еще раз засѣдает она всю ночь и намѣчает, в концѣ концов, созданіе «Временнаго Народнаго Совѣта», перед которым должно быть отвѣтственно правительство. Открываются пренія на тему, сколько и кому предоставить мѣст в этом будущем Народном Совѣтѣ. Городская Дума (без цензовых элементов) или ЦИК должны явиться центром, вокруг котораго организуется власть. — Вопрос в сущности остается открытым, так как «соглашеніе» достигается «против воли большевиков». Начинают намѣчать кандидатов в будущее правительство, и делегаты большевиков принимают в этой политической кухнѣ самое непосредственное участіе. «Соглашеніе» достигается принятіем эластичной резолюціи: в правительство должны войти спеціалисты, независимо от партійной своей принадлежности. Мелькают имена — и старья, и новья, в предѣлах формулы «от народных социалистов до большевиков».

Ночью 30-го на засѣданіи появилась в сильно возбужденном состояніи депутація рабочих Обуховскаго завода в составѣ 20 человекъ. В угрожающем тонѣ она потребовала скорѣйшаго окончанія работ совѣщанія для того, чтобы добиться прекращенія гражданской войны и всеобщей разрухи. С большой экспрессіей в выраженіях и жестах говорит эта депутація. Рѣчь «произвела сильное впечатлѣніе на всѣх членов совѣщанія», — рассказывает Анскій. «Возбужденный Рязанов истерическим голосом стал кричать, что большевики с перваго же момента готовы на соглашеніе и дѣлают всѣ уступки, но другіе делегаты, и больше всѣх представители Думы, тормозят мирное разрѣшеніе конфликта». «Чорт вас разберет, кто из вас прав», — кричит в сердцѣ один из рабочих: «Вы всѣ не стойте того, чтобы вас земля носила. Повѣсить бы вас всѣх на одном деревѣ — в странѣ само наступило бы спокойствіе»*).

Красочный эпизод, разыгравшійся на ночном засѣданіи, показывает, что настроеніе рабочих на Обуховском заводѣ далеко не соответствовало изображенію его большевицкой печатью того времени: она приводила резолюцію рабочих завода, всецѣло примыкавшую к позиціи большевиков**). Резолюции с требованіем прекращенія гражданской войны «какими угодно средствами» прокатились волною по заводам в дни 29—31 октября. Онѣ приняты были на многочисленных митингах рабочих Путиловскаго, Балтійскаго, Судостроительнаго, Патроннаго, Орудійнаго заводовъ, Арсенала и т. д. Это почти всеобщій клич, не говоря уже о таких квалитифицированных профессиональных союзах, как союз печатнаго дѣла и почтово-телеграфных служащих и рабочих; «всѣ вмѣстѣ», — гласит резолюція послѣдняго союза — обязаны предъявить кате-

*) В печатных воспоминаніях автор ошибочно приписывает депутацію Путиловскому заводу. В думском своем отчетѣ он упоминает так же, как и другіе, Обуховскій завод. Еще вариации из другихъ рассказов. Рабочіе кричат: «Керенскаго, Ленина, Троцкаго» — всѣх надо повѣсить на одном деревѣ. Долой партіи, вожаков — они «ничего не могут намъ дать».

***) Примѣръ, показывающій, что к печатавшимся тогда в обиліи количествомъ рабочимъ резолюціямъ приходится относиться с большою осторожностью. Возможно, что информация под видомъ принятыхъ резолюцій подчасъ преподносила проекты резолюцій большевицкаго организованнаго меньшинства.

горячее требованіе борющимся о немедленном перемиріи для рѣшенія вопроса об организаціи власти».

Непосредственное ночное вмѣшательство депутатов Обуховскаго завода оказало несомнѣнное вліяніе на ход совѣщанія при Викжелѣ. Не только «рѣчи» произносились краткія, но был снова конкретно выдвинут вопрос о перемиріи. Представители большевиков принципиально на него согласились, полагая, что «соглашеніе» будет апробировано партией, заявив, впрочем, что реально вопрос о перемиріи на фронтѣ зависит от штаба. Рѣшено было послать делегацію на фронт. Разыгралась небольшая комедія. С. Анскій рассказывает, как их четырехчленную делегацію приняли в Смольном. Если 29-го ВРК пропустил на фронт представителей «Викжеля», не входя даже в разсмотрѣніе существа вопроса, то 31-го, когда обстановка измѣнилась и непосредственная угроза Петербургу отпадала, делегатов за отсутствіем главнокомандующаго принял свысока нѣкій молодой субъект, заявившій, что теперь уже поздно входить в соглашенія на фронтѣ. В пропускѣ им было отказано. Все-таки на фронт о «соглашеніи» было сообщено. И 1 ноября «Викжель» получил слѣдующую телеграмму от Керенскаго: «Ваше предложеніе принято. Вчера выслан мой представитель Станкевич. Жду отвѣта». Посылка этой телеграммы, вѣроятно, и была рѣшена в часы «утренних» переговоров между Гатчиной и Псковом.

**
*

То, что происходило в «Викжелѣ» 29—31 октября, нельзя назвать иначе, как разговорами. Никакого «соглашенія» не было достигнуто, если не считать только личнаго настроенія Каменева. Осталась невыясненной и возможная персональная правительственная комбинація, так как в общем шло скорѣе взаимное осведомленіе, причем «договаривающіяся стороны выражали молчаливое согласіе с кандидатским списком своих противников». Отведены были лишь кандидатуры Ленина и Троцкаго, что вызвало негодованіе в окруженіи вождя. Только эти «разговоры» и были переданы на обсужденіе центральных органов организацій, принявших участіе в совѣщаніи. В ожиданіи компетентных отвѣтов засѣданія «Викжеля» были отсрочены до 2 ноября.

Представитель общественнаго самоуправленія в викжелевском совѣщаніи объясняет уступчивость «антибольшевиков» непрочностью положенія Керенскаго: мы «вынуждены были пойти на всѣ уступки, лишь бы достигнуть соглашенія и остановить гражданскую войну»^{*)}. Такого ощущенія критическаго положенія отряда Керенскаго в тѣ дни в Петербургѣ не было. Даже 31-го на викжелевском совѣщаніи меньшевики и эсеры ручались перед большевиками за то, что при «вступленіи Керенскаго с казаками в Пет-

^{*)} Анскій ссылается, между прочим, на оглашенную в засѣданіи 30-го эс-эрами телеграмму, в которой Керенскій уполномочивал ЦК партіи заключить перемиріе на условіях, которыя ЦК найдет подходящими. Подтвержденіе существованія такой телеграммы можно найти и в словах думскаго докладчика 31-го — достаточно послать телеграмму Керенскому, и он остановит немедленно движеніе на Петербург.

роград» они «не допустят его отряда в рабочіе районы», чтобы избѣжать «разгрома рабочаго класса». Крайне показательны в этом отношеніи переговоры, имѣвшіе мѣсто 30 октября между шт. кап. Перекрестовым (с. р.) председателем общеоармейскаго комитета в Могилевѣ, и Розенблатом — представителем комитета войсковыхъ организацій при военномъ министерствѣ, Розенблатъ говоритъ, что надо всемірно избѣгнуть разстрѣла рабочихъ в Петербургѣ — что будетъ неизбѣжно при вступленіи казаковъ. Керенскій согласился на мир, поэтому необходимо присоединиться къ платформѣ Викжеля. «Наша платформа иная», — отвѣчаетъ Перекрестовъ: «Мы не допускаемъ нейтралитета, который только благоприятенъ возстающимъ. Мы хотимъ, чтобы Комитетъ Спасенія располагалъ реальной силой». По мнѣнію Перекрестова только активная антибольшевицкой политикой можно избѣгнуть жертвъ, которыя были бы, «если бы предоставить Каледину репрессіи». «Безуміе» привлекать большевиковъ къ участию в правительствѣ; онъ дѣлаетъ, однако, оговорку, что, если нельзя достигнуть немедленно созданія правительства, то надо идти и на эту уступку.

Такою же позицію обосновываетъ Перекрестовъ от имени общеоармейскаго комитета и в непосредственномъ обращеніи къ «Викжелю»: «Мы безъ колебаній выступили противъ попытки большевиковъ силою навязать странѣ власть. На силу мы отвѣтили силой... и в тотъ моментъ, когда большевики подчинятся рѣшенію уполномоченнаго органа демократіи, Комитета Спасенія, мы отзовемъ войска. Ставка будетъ пытаться использовать эти войска в цѣляхъ контр-революціонныхъ, мы всей своей мощью станемъ противъ нея». В бесѣдѣ с Розенблатомъ Перекрестовъ добавлялъ, что «по ихъ свѣдѣніямъ Каледина держится нейтрально и не собирается вмѣшиваться в борьбу обоихъ крыльевъ социалистической демократіи»^{*)}.

Политическое руководство в «Викжелѣ» принадлежало группамъ, для которыхъ активная позиція общеоармейскаго комитета была не пріемлема, и потому, когда комитетъ обратился 31-го къ представителю Викжеля в Ставкѣ с просьбой содѣйствовать продвигенію войскъ для того, чтобы «уравновѣсить борющіяся силы и заставить большевиковъ скорѣе пойти на соглашеніе», и для того, чтобы «создать силу, на которую можно опереться в случаѣ отказа большевиковъ отъ соглашенія», — представители «Викжеля» рѣшительно отказались содѣйствовать продвигенію войскъ, которыя могутъ быть использованы в контр-революціонныхъ цѣляхъ; къ тому же усиленіе Керенскаго будетъ только содѣйствовать росту непримиримости; какъ бы уравновѣшивая свою аргументацію во имя нейтралитета, викжелевцы выдвигали и то соображеніе, что войска могутъ перейти на сторону большевиковъ и содѣйствовать в такомъ случаѣ усиленію ихъ непримиримости. Передъ нами вновь

^{*)} Немедленное наступленіе Каледина было, дѣйствительно, лишь призракомъ, гипнотизирующимъ значительную часть лидеровъ революціонной демократіи. Чрезвычайно трезво оцѣнилъ положеніе в своемъ письмѣ въ Ставку 8 ноября прибывшій на югъ ген. Алексѣевъ — наличныя силы казачьяго союза «ничтожны», «с ними на внѣшнія предпріятія идти, конечно, нельзя». Набрасывая «общую схему спасенія Россіи», Алексѣевъ говорилъ уже только о будущемъ: «работа пока чуть теплится».

весьма сложная и запутанная гамма разнообразных настроений, оказывавших влияние на позицию революционной демократии и побуждавших некоторые руководящие ее центры идти по соглашательскому пути.

Первого ноября собеседования при «Викжель» не было. Участники совещания фильтровали намеченные «соглашения» в своих центральных комитетах*). Настроения рабочих, нашедшие столь яркое проявление на заседании Викжеля, оказали сильное влияние и на меньшевиков. ЦК партии решительно отступил от позиции, которую обосновывал Дан в первом викжелевском заседании, и высказался за совместное с большевиками правительство, так как «все другие соображения должны отступать на задний план перед необходимостью, во что бы то ни стало, не допустить продолжения кровопролитного междоусобия в рабочей среде и разгрома рабочего движения». В соглашении с большевиками официальный орган партии видел единственный выход из создавшегося положения. Решение ЦК вызвало, однако, раскол в собственной среде — 11 видных членов Комитета вышли из его состава, считая «гибельным» ведение переговоров с большевиками в такой плоскости. Сдача принципиальных позиций не достигала никакой цели, так как те, кто высказались за продолжение переговоров, сами обставляли их такими предварительными условиями, при которых возможность какого-либо соглашения становилась весьма проблематичной: освобождение всех без исключения арестованных по политическим делам и захваченных при вооруженных столкновениях; Для характеристики момента столь же показательна и позиция Городской Думы. Она также решила продолжать переговоры, несмотря на страстные протесты Шингарева; «экспериментом соглашения с людьми такого сорта, — говорил он, — не будет достигну примирение, ибо борьбу будет вести без нас, соглашателей, Россия, которая никогда не подчинится этим безумцам... фракция к. д. не будет принимать участия в соглашении с теми, у кого еще братоубийственная кровь на руках». Однако, директивы, полученные новыми делегатами, в свою очередь с достаточной определенностью указывали на полную безнадежность соглашательских попыток. Дума «решительно» высказалась против участия большевиков в новом составе правительства и поручила своим делегатам «настаивать на том, что для сохранения преемственности власти необходимо прежде всего декларировать неизменность состава Временного Правительства, и «немедленно» принять меры к освобождению арестованных министров и вообще всех «лишенных свободы в связи с происходящими политическими событиями».

Вынесли свое решение и большевики, но уже при непосредственном участии Ленина и Троцкого. Протокол заседания ЦК 1 ноября вскрывает отчетливо разногласия в среде самих большеви-

*) Показательно, что в «Дель Народ» 2-го ноября известный публицист Русанов из «Русского Богатства», оказавшийся в дни революции в лагерь — для краткости скажем «черновцев», определенно мотивирует необходимость переговоров с большевиками (попыток «наладить с ними соглашение») опасностью контр-революции.

ков. Ленин требует дѣйствій, а не разговоров. Переговоры должны быть лишь «дипломатическим прикрытiем военных дѣйствій». Нужно отправить войска на помощь Москвѣ, и побѣда будет обезпечена. Но Ленин собрал только 4 голоса — 10 высказались за продолженіе переговоров. «Если мы прекратим переговоры, то от нас отшатнутся и тѣ группы, которыя нас поддерживают, и мы не в состоянiи будем удержать власть», — говорил Рыков. «Длительную гражданскую войну мы выдержать не можем», — утверждал Милютин, считавшій неизбѣжным соглашеніе с правосоціалистическими группировками. Нельзя, однако, допустить, чтобы власть была вырвана у тѣх, кто совершил переворот, — возражали другіе и Троцкій в числѣ их. Большевики не узурпаторы и готовы принять тѣх, кто ушел со съѣзда при непремѣнном признанiи декретов II съѣзда, отвѣтственности шравительства перед ЦИК и борьбы с контр-революціей. В соотвѣтствующем духѣ и была принята резолюція.

Переговоры послѣ двух суток дневных и ночных засѣданій в общих собраніях и согласительных комиссіях Викжеля возвращались в первоначальную стадію. Произошло одно существенное измѣненіе. Викжелевскіе переговоры расширили и углубили психологическую брешь в том фронтѣ, который объединялся вокруг Комитета Спасенія для активнаго противодѣйствія большевикам. Собравшіеся на засѣданіе «плenums» викжелевского совѣщанія могли только констатировать бесплодность фиктивнаго «соглашенія», достигнутаго в результатѣ словоговоренія 29—30 октября, и партіи, шримиыкавшія так или иначе к фронту Комитета Спасенія, отозвали своих представителей. Они уходили, однако, в увѣренности, что соглашеніе в концѣ концов будет достигнуто, так как «почва из под ног лидеров большевиков все же постепенно ускользает».

2. Послѣднія судороги.

Разсказанное характеризует ту обстановку, которую должен был найти в Петербургѣ Станкевич, привезшій к ночи 31 октября пункты соглашенія, предлагаемые Керенским. Повидимому, в петербургской атмосферѣ Станкевич не разобрался. Он метался, по его собственным словам, по центральным комитетам политических партій, дѣлал доклады — даже в «Викжелѣ» — и повсюду получал стереотипный отвѣт: «обсудим». Переговоры в Викжелѣ интересовали лидеров главенствующих партій революціонной демократіи гораздо больше, нежели непосредственная ближайшая судьба отряда Керенскаго. При переговорах они чувствовали себя в привычной своей сферѣ политическаго торга, под знаменем когораго проходила их практическая дѣятельность в эпоху Временнаго Правительства. Вооруженная борьба с большевиками в их сознанiи, в сущности, была уже перевернутой страницей.

Гатчина пала, и тѣм самым были упразднены поднятые Станкевичем вопросы. Но и «немедленныя дѣйствія», о которых говорил Чернов Духонину в тѣ самые часы, когда Станкевич выпол-

нял свою петербургскую миссию от лица Керенского, не имѣя уж никаких шансов претвориться в жизнь. Даже при отсутствіи непосредственных указаний не так трудно представить себѣ, какія именно дѣйствія имѣли в виду тѣ, кто вели от имени Комитета Спасенія переговоры со Ставкой. Было уже указано, что в Псковѣ создалась напряженная атмосфера в связи с попытками активнаго выступленія мѣстнаго военно-революціоннаго комитета. 1 ноября достигла, наконецъ, псковскаго желѣзно-дорожнаго узла стольжданная пѣхота. «С часу дня, — доносил Лукирскій Духонину, — прошли первые эшелоны 3 Финляндской дивизіи и 35-ой из 17 корпуса». К вечеру прибыл первый ударный батальон и партизанскій отряд, который «удрал из Волка с благословенія командующаго 12-ой арміей ген. Юзефовича»*), захватив подвижной состав и предварительно «выбросив из своего состава элементы отрицательные». «Настроеніе отличное», — сообщил Лукирскій. Ударный батальон, по распоряженію военных властей, был задержан в Псковѣ для того, чтобы прикрыть проход эшелонов 3 Финляндской дивизіи — накануне большевицки настроенными частями псковскаго гарнизона были произведены попытки захватить желѣзно-дорожную станцію. Любопытное добавленіе дѣлает Лукирскій к своему донесенію: «Батальон объявил, что он это порученіе мое исполнит, прося, по возможности, отпустить их в Гатчину 2 ноября ночью».

«Немедленные дѣйствія», предположенные в Псковѣ, и заключались в том, чтобы ликвидировать мѣстный ВРК и, опираясь на надежныя подошедшія части, оказывать воздѣйствіе на большевиков в момент переговоров об организаціи власти в вижделевском совѣщаніи. В нашем повѣствованіи, за отсутствіем данных, должна выпасть страница, разсказывающая о реализаціи тѣх «рѣшеній», для оформленія которых должен был выѣхать Керенскій. Мы знаем только то, что ни Авксентьев не был объявлен «министром-предсѣдателем», ни Духонин не был назначен верховным главнокомандующим. Сложил свои полномочія лишь Керенскій, помѣтив свой отказ датой 1-го ноября. Из сохранившихся протоколов засѣданій «подпольнаго» Временнаго Правительства можно узнать, что свой отказ Керенскій направил по адресу именно этих остатков Временнаго Правительства, и что 5 ноября, когда обсуждалось заявленіе Керенскаго, замѣстителем его по должности предсѣдателя был избран Прокопович.

С момента разрыва переговоров в «Викжелѣ» вооруженная демонстрація издала теряла свой политическій смысл. От демонстраціи надлежало переходить к дѣйствіям, т. е. пойти по тому самому пути Керенскаго, который признавался неприемлемым кругами революціонной демократіи, «отрицавшими методы вооруженной борьбы, как «средства освобожденія революціи от большевицкой болѣзни»**). «Программа общеооруженнаго комитета, как

*) Сравним противорѣчащее тому показаніе самого Юзефовича в выше цитированном разговорѣ с Черемисовым.

**) Впослѣдствіи на партійной конференціи 18 ноября Чернов говорил, что, «мечась по фронту и предотвращая гражданскую войну», он понял, что не было «возможности оказать активное сопротивленіе».

было отмѣчено, предусматривала возможность дѣйствій в случаѣ отказа большевиков от соглашенія. Но общearмейскій комитет стоял тогда, по словам своего предсѣдателя, на позиціи Комитета Спасенія, быть может, и противорѣчивой и двойственной, но все же довольно опредѣленной — допускавшей активное вооруженное вмѣшательство, как средство воздѣйствія. Обращаясь в Ставку от имени Комитета Спасенія, Чернов и его окруженіе отнюдь не становились на позицію Комитета. Закулисная игра продолжалась. И как бы естественно произошло то, что новые посредники между Ставкой и революціонной демократіей уклонились от прямого воздѣйствія, узнав о разрывѣ переговоров с большевиками в Петербургѣ. Они отправились в Могилев вести в новой уже комбинаціи и в новых условіях переговоры об организаціи власти. Центром должен был явиться общearмейскій комитет, переведенный на рельсы новаго соглашательскаго этапа.

Новая намѣтившаяся политическая «акція» не могла оказать вліянія на Духонина в смыслѣ отмѣны его распоряженія, ликвидировавшаго 1 ноября вооруженное наступленіе на фронтѣ. Но что-то толкнуло исполнявшаго обязанности верховнаго главнокомандующаго не быть ригористичным в проведеніи тактики, устанавливаемой приказом 1 ноября. На другой день Духонин отдал распоряженіе сосредоточить части 3-ей Финляндской дивизіи и 17 корпуса, двинутыя к Гатчинѣ, в районѣ Луги, куда уже «проскочило» 6 эшелонов (полк пѣхоты и ударный батальон). Не без основанія Черемисов увидал в этом распоряженіи противорѣчіе с духом приказа 1 ноября, которому он мог только противодѣйствовать. Черемисов попытался убѣдить Духонина, в виду угрожающей обстановки на фронтѣ, вывести немедленно всѣ воинскія части из района Луги, тѣм болѣе, что «эти части, — утверждал Черемисов, — очень скоро переменяют окраску и, возможно, сами двинутся на Петроград, но уж совсем с другими цѣлями, чѣм вы предполагаете». «Надо говорить о положеніи дѣла прямо, не создавая себѣ иллюзій, дабы не было ошибочных распоряженій». «Я в эти дни настолько измучился», — заканчивает Черемисов разговор свой по поводу: «что с величайшим наслажденіем ушел бы немедленно с должности и сдѣлаю это, как только начавшаяся политическая передрыта так или иначе закончится. В настоящее время, если вы не отмѣните распоряженія о движеніи войск через Псков, я вынужден буду уйти, а если же отмѣните, останусь пока — чтобы употребить все свое вліяніе и не допустить развала фронта. Я высказал вам свои соображенія с полной откровенностью и прошу вас сдѣлать то же самое, прошу хотя бы на время нашего разговора забыть тѣ сплетни и слухи, которые, я знаю, обо мнѣ слагаются и здѣсь, и в Ставкѣ»^{*)}. — «Я ни минуты не предполагал двигать к Петрограду 3 финдл. и части 35 пѣх. дивизій послѣ того, как окончились событія под Гатчиной», —

^{*)} Из разговоров вытекает, что Духонин вызывал Черемисова в Ставку. «Положеніе настолько угрожающее, — отвѣчал Черемисов, — что я не могу пріѣхать к вам в Ставку... Мое личное вліяніе на организаціи, исполнительный рев. ком. дает нѣкоторую возможность пока предупредить обшій пожар».

отвѣчает Духонин: «но воспользовался при этом слагающейся обстановкой и уже происходившим движением частей для задач стратегическаго значенія». Духонин, очевидно, имѣл в виду противодействовать движению латышей в XII арміи *).

Черемисов повѣрил Духонину или сдѣлал вид, что повѣрил. Во всяком случаѣ на слѣдующій день он рекомендует Юзефовичу объявить в арміи, что «никакія части на Петроград не двигаются для гражданской войны» — «это внесет успокоеніе». И надо сдѣлать все, чтобы «не дать возможности нѣмцам опрокинуть наш фронт». «Я всегда рѣшительно стоял за невмѣшательство арміи в политику, так как это может кончиться гибелью для государства. Придут нѣмцы, сметут всѣ партіи и водворят свои порядки». Для обрисовки Черемисова чрезвычайно характерна одна фраза в разговорѣ с Юзефовичем: пусть политическія партіи «вѣрят, кому угодно, и поклоняются, чему угодно, но помогают нам... в нашей оперативной задачѣ. Если же онѣ смотрят иначе, тогда одно из двух — либо надо их устранить, либо мы должны уйти, что зависит от того, какими силами мы и они располагаем, никакія среднія рѣшенія не допустимы». Эти слова, отрѣшенные от жизни, могут служить как-бы эпилогом к разсказу о той позиціи, которую занял Черемисов в отношеніи к «петербургской передрагѣ» **).

*) Ген. Юзефович доносил, что латышскія части выполняют организованный план захвата власти и важнѣйших узловых ж. д. станцій. По его мнѣнію, не исключалась возможность здѣсь правильно разработаннаго германским ген. штабом плана, и латыши, может быть, лишь слѣпое оружіе в нѣмецких руках. Среди латышских офицеров многіе держатся «нѣмецкой ориентаціи». «Мнѣ одно видное латышское лицо сказало, что латыши извѣрились в Россіи, что автономію им скорѣе даст Германія, что даже может оказаться, что латышскіе полки будут сражаться против нас».

**) Из позднѣйшаго разговора Духонина с Черемисовым, 13 ноября, как будто бы вытекает, что послѣдній готов был пойти во имя интересов фронта на какой-то компромисс с большевиками. Черемисов высказывает желаніе устранить, так как он «безполезен!» «Завтра или послѣзавтра миѣ будет предложено заключить мир с противником на фронтѣ, и если я на это не соглашусь, то командованіе окончательно вывалится из моих рук». На возраженіе Духонина Черемисов отвѣчает: «если вы настаиваете, чтобы я оставался на должности, то я останусь, чтобы не быть дезертиром, но, имѣйте в виду, что в ближайшем будущем я буду либо устранен силой, либо должен буду дѣйствовать совершенно независимо от Ставки, считаясь только с пользой Россіи, как я ее понимаю... «Бывает такая обстановка, — добавляет командующій Сѣверным фронтом, — когда нельзя предупредить зло, а можно только ослабить... допустить маленькое зло, чтобы избѣжить большаго». Очевидно, Черемисов имѣл в виду не утопическую возможность продолженія войны при комиссарской власти, а участіе военной власти в предварительных переговорах о мирѣ. Мысль эта настойчиво укоренилась в сознаніи многих послѣ радио-телеграммы Совѣта Народных Комиссаров 9-го ноября, призывавшей «полки, стоявшіе на позиціях», выбирать «уполномоченных для формальнаго вступленія в переговоры о перемиріи с непріятелем». «Солдаты, дѣло мира в ваших руках, — говорило воззваніе, — вы не дадите контр-революціонным генералам сорвать великое дѣло мира»... В такой обстановкѣ «Комитет Защиты Родныи и Спасенія Революціи» при Особой Арміи протестовал против отказа Духонина, в качествѣ главноверха, вступить в переговоры о перемиріи: «На мѣстах, — заявлял Комитет, — фактически не может быть и рѣчи о продолженіи веденія военных дѣйствій, и нам необходимо, в цѣлях предотвращенія ужаснѣйшей катастрофы, обезпечить себя от активных дѣйствій со стороны не-

Можно усомниться в том, что мотивировка распоряжения 2 ноября вполне соответствовала намерениям Духонина. В эти дни он держался, повидимому, нѣсколько выжидательной позиціи и не хотѣл сразу раскрасировать с таким трудом собранный под Лугой отряд, которым можно было воспользоваться для борьбы с большевиками. Обстоятельства могли измѣниться. Как видно из разговора Толстого с Барановским (5 ноября), та часть Комитета Спасенія, которая отрицательно относилась к переговорам с большевиками, не оставляла мысли использовать войска, сосредоточившіяся в Псковѣ и Лугѣ, для активной борьбы: «предпочитаем, — говорит Толстой, — стягивать там кулак, угрожая оттуда Петрограду, чтобы не распылять силы и выждать лучшей обстановки, как в смыслѣ подхода с юга подкрѣпленій, так и внутренняго разложенія большевизма и разочарованія в нем, что происходит сейчас скорѣе даже, чѣм можно было ожидать». Отвѣтная реплика Барановскаго уже крайне пессимистична: командный состав совершенно безсилен, фронт занял положеніе нейтральное — «наши арміи (т. е. Сѣвернаго фронта) опредѣленно высказались за непосылку войск ни той, ни другой сторонѣ». Это «нѣчто в родѣ ультиматума», и есть опасность под видом предотвращенія междоусобной войны удара в тыл, если войска с других фронтов будут продвигаться к сѣверу»^{*)}.

Пытался и Савинков организовать дальнѣйшую вооруженную борьбу. Керенскій в воспоминаніях изобразил отѣзд Савинкова

пріятеля. Комитет «ультимативно» требовал от Духонина распоряженія о перемиріи в теченіе 24 часов и заявлял, что командующій первой арміей ген. Нашбек получил предписаніе главковерха командировать в Двинск владѣющаго языками штаб-офицера для присоединенія к выѣхавшей из Петербурга мирной делегации с «цѣлью присутствованія при веденіи переговоров о перемиріи для огражденія интересов фронта нашего и союзников». Мы теперь знаем, что предварительныя условія, выработанныя русскими военными экспертами, были намѣчены при непосредственном участіи представителей союзных военных миссій. Как было указано, командующій Сѣверным фронтом тѣм не менѣе был арестован и заключен в Петроавловскую крѣпость. Позже в момент обострившихся брест-литовских мирных переговоров, когда нѣмцы перешли в наступленіе, и появилась прямая угроза захвата Петербурга, новая власть пыталась обратиться к авторитету старых военных для выясненія вопроса о возможности противодѣйствія. Среди «экспертов», приглашенных на совѣщаніе у народнаго комиссара по военным дѣлам 7 февраля, находился и ген. Черемисов. Тогда многим казалось необходимым перед внѣшней опасностью итти вмѣстѣ с большевиками, о помощи которым, во имя общих интересов, говорили и представители союзных миссій, находившіе оцѣнку положенія русскими военными слишком мрачной. Через нѣсколько дней состоялось второе совѣщаніе, уже в Смольном, в присутствіи самого Ленина. По словам другаго эксперта, ген. Верцинскаго, ведшаго запись совѣщанія по порученію нач. ген. Штаба, Ленин счел нужным извиниться перед генералами за их арест, но все-же совѣщаніе «оставило по себѣ гнетущее впечатлѣніе», да и сами эксперты воздерживались от «категорических сужденій» и предпочитали «неопредѣленныя мнѣнія». Какова была здѣсь роль ген. Черемисова? Судя по протоколу — роль только молчаливаго наблюдателя.

^{*)} Приблизительно такое же положеніе было и на Западном фронтѣ. Ген. Балубев 5 ноября телеграфировал: «В Минскѣ Комитет Спасенія Революціи распался. Комиссар сложил свои полномочія... образовался ВРК, который взялся держать все в порядкѣ. Наша, начальства, в настоящее время задача должна заключаться в удержаніи фронта и недопущеніи в войсках междоусобных и братоубійственных столкновеній».

из Гатчины послѣ военнаго совѣщанія 31-го, как своего рода бѣгство под видом содѣйствія скорѣйшему продвиженію приближающихся войск: «смысл его отъѣзда был ясен нам обоим и какія-либо объясненія по этому поводу излишни. Мудрая предусмотрительность Савинкова лишь подчеркивала атмосферу, которой я был окружен». Савинков, конечно, по другому изобразил мотивы своего отъѣзда: он «не мог примириться с этим позором», т. е. с мирными переговорами. Обстановку разставанія с Керенским, бывшим в состояніи полной протраціи, он рассказывает болѣе правдиво — в чем другом, но в трусости Савинкова, как будто бы, упрекать не приходится.

Паденіе Гатчины выбило почву из-под ног Савинкова. Он мог дѣйствовать, в сущности, только, как частное лицо. В теченіе трех суток Савинков развил большую энергію. Съѣздив в Невель, гдѣ расположился штаб 17 корпуса ген. Шиллинга, побывав в Псковѣ, и Лугѣ. Пытался угрозой ответственности воздѣйствовать на Черемисова. Обратился непосредственно к Духонину. Через уполномоченнаго офицера Савинков освѣдомил Ставку о благоприятном настроеніи войск, сосредоточившихся в Лугѣ и убѣждал Духонина двигать войска на защиту «законной власти», пока еще 2—3 пѣхотных дивизіи с артиллеріей «без большого сопротивленія» могут дойти до Петербурга. В Ставкѣ собралось уже не мало лиц из среды революціонной демократіи, достаточно враждебной ко всякой «авантюрѣ» со стороны Савинкова. Духонин просил Савинкова пріѣхать в Могилев, но Савинков в Ставку не поѣхал, ссылаясь на невозможность для него такой поѣздки. Но письмами такіе вопросы не рѣшаются — призывы Савинкова оказались тщетными.

Деникин считает, что Духонин «в пучинѣ всѣх противорѣчій, брошенных в жизнь революціей, безнадежно запутался». Автор «Очерков Русской Смуты» назвал Духонина оппортунистом «*crat exelense*» — думается, что это случайно брошенное слово, и автор просто не отдал себѣ отчета во внутреннем смыслѣ французскаго термина. Колебанія далеко не всегда означают то, что колеблющійся запутался. Надо осознать исключительную трудность положенія, в котором находился Духонин (Мы видим, что и в военном командованіи далеко не было единства взглядов) и понять, что другой путь означал для него, дѣйствительно, в значительной степени путь политической авантюры, за которую надо было взять моральную отвѣтственность. Играть роль доморощеннаго Наполеона сам Духонин, очевидно, не намѣревался, а, может быть, и не был подготовлен*). Случай — исчезновеніе верховнаго главнокомандующаго, в своем лицѣ соединявшаго и носительство верховной власти в странѣ, поставил перед формальным замѣстителем Керенскаго сложную политическую задачу. «Законная власть», о которой говорил Савинков, фактически перестала существовать,

*) Духонин, по словам мемуариста, выступавшаго в 18 г. в «Голосѣ Минувшем» по своей скромности «не считал себя выдающимся генералом и был чужд всякаго честолюбія». (Очень мягкій, скромный челоуѣкъ, — характеризует его Врангель). По словам того-же мемуариста, «бѣгство» Керенскаго произвело на Духонина «удручающее впечатлѣніе».

так как «охвостье» Временнаго Правительства, организовавшееся к тому времени в подполье, во внѣ себя не проявляло. Неопредѣленная позиція Комитета Спасенія, на фронтѣ представляемаго в послѣдніе дни неожиданно выступившим Черновым, едва ли могла вызвать большое сочувствіе у команднаго состава. Вот одна из реплик того же Черемисова в упомянутой уже бесѣдѣ с Юзефовичем: «Пресловутый Комитет Спасенія, принадлежащій к партіи, которая около 8 мѣсяцев правила Россіей и травила нас, командный состав, как контр-революціонеров, теперь поджал хвост, распустил слюни и требует от нас, чтобы мы спасали их»...

Итти при таких условіях на Петербург без организованной политической поддержки и имѣть всѣ шансы натолкнуться на враждебную оппозицію значительной части революціонной демократіи и тѣм самым способствовать не разложенію, а укрѣпленію позиціи внѣшне уже разлагающагося большевизма? Принять за руководство совѣты, которые из заключенія в Быховѣ 1 ноября подавал Корнилов. «Вас судьба поставила в такое положеніе, — писал Корнилов, — что от вас зависит измѣнить исход событій... Для вас наступает минута, когда люди должны или дерзать, или уходить, иначе на них ляжет отвѣтственность за гибель страны и позор за окончательный развал арміи». Но совѣты Корнилова были нереальны в глазах Духонина, как видно из его безотраднхъ помѣток на письмѣ Корнилова, приводимых Деникиным? В основу плана Корнилова была положена мысль опереться на чехословацкій корпус и на польскія національныя войска. Попытка осуществить программу Корнилова в тот, по крайней мѣрѣ, момент означала преждевременное и полное разложеніе фронта, когда не всѣ еще надежды были потеряны. Ставка была сильна в тѣ дни только своим согласіем с общеармейским комитетом, только извѣстная взаимная солидарность давала возможность, сохраняя фронт, уравнивать политическіе вѣсы. Деникин приводит из письма Дитерихса 29-го такой характерный абзац: «Ради Бога, желательно смягчить выраженія генерала Корнилова, так как они истолковываются в совершенно опредѣленном смыслѣ. Сегодня в Минскѣ вспышки, т. е. разнесся слух, что генерал Корнилов бѣжал. Из-за этого на весь сегодняшній день невѣроятно осложнилась обстановка на Западном фронтѣ, и нам не пропускают ни одного эшелона, т. е. потеряли еще один день».

Быховскіе узники переживали «чрезвычайно больно новое народное несчастье», пребываніе их в тюрьмѣ в таких условіях было дѣйствительно невыносимо, но, повидимому, они плохо учитывали создавшуюся обстановку. По словам Деникина, Корнилов пытался войти в непосредственныя сношенія не только со Ставкой, но и Совѣтомъ Казачьихъ Войск, ген. Довбор-Мусницким, командиром польскихъ частей, и Калединым. Его «грозная и рѣзкія посланія в Ставку» скорѣе только осложняли дѣло. Положеніе Ставки только в том случаѣ могло бы сдѣлаться опредѣленным, если бы наряду с военной властью появилась и власть политическая: если бы сюда, в Могилев, прибыли остатки «законнаго Временнаго Правительства». В сущности это и совѣтовал Керен-

скому Черемисов. Но мы должны говорить о том, что было, а не о том, что могло бы быть...

Последним эпизодом вооруженной борьбы, связанной с поддержкой Временного Правительства на Гатчинском фронте, было столкновение, которое имел с большевицкими войсками один из эшелонов ударников, продвинувшийся к Гатчине. Из гиперболических воспоминаний Дыбенко можно узнать, что по первому же его слову в Лугу сдается целых 3000 ударников. Эти сдавшиеся ударники посылают для ознакомления с событиями делегацию в Петербург. Странная это делегация. По сообщению «Правды» она явилась 5 ноября в Смольный с угрозой, что собравшиеся в Лугу войска двинутся против ВРК. Делегация безпрепятственно была отпущена: она уехала назад «с целью убедить свои части ехать на позиции», — сообщал Бюллетень ЦК партии и дополнял в следующем номере: из 1000 ударников в Гатчине 300 разбежались... В целях предосторожности пришлось, однако, в Лугу разобрать железнодорожный путь — для того, чтобы «вполнѣ миролюбивые» (по отзыву Антонова-Овсѣенко) ударники все-же не проникли в Петербург. В Смольном появилось нѣсколько делегаций от различных частей, двигавшихся с фронта к Петербургу (напр., от войсковых частей, дошедших до станции Дно, — 9-го Финляндского полка) — одной из них, протестовавшей против воззвания «Ленина» о «братании», Дзержинский должен был отвѣтить, что этот вопрос уже отпал, что большевики отныне будут призывать к «безопасной войне». Они дошли до мѣсто назначения с опозданием, когда ликвидированы были уже все послѣдствія гатчинской «авантюры»*).

4 ноября Духонин подтвердил свой первый приказ — при каких обстоятельствах это произошло, мы не знаем. По словам упомянутого мемуариста в «Голосѣ Минувшаго», Духонин «уступил настоянїям чинов своего штаба». Вооруженная борьба на фронте была ликвидирована. «Побѣда наша обезпечена», — говорил Ленин в ночном засѣданїи ЦК своей партии 1 ноября. Нужно только «прийти на помощь москвичам». И неудача в Москвѣ — в этом сердце Россїи по историческим традиціям — должна была сыграть не меньшую роль в дѣлѣ утверждения совѣтской власти.

*) У нас имѣются воспоминанїя командира 9-го Финляндского стрѣльковаго полка. В его изображенїи полк двигался из Финляндїи «на мѣста мирной стоянки, когда произошел переворот в столицѣ. Головной батальон оказался без связи в Лугѣ — «весь корпус растянулся по линїи ж. дор., от Могилева до Луги, застряв частями по промежуточным станціям. (Сосредоточенїе Финляндской дивизїи около Луги, как мы видим, произошло по прямому распоряженїю Духонина). В Лугѣ финляндскїе стрѣлки прогнали революціонный комитет и заняли, «не встрѣтив сопротивленїя», квартал, прилежавшїй к вокзалу. Приѣзжавшіе на автомобилях из Петербурга большевицкіе посланцы, «неизмѣнно, — по словам полк. Двинова, — встрѣчали отпор, ораторы освистывались и выгонялись вон с вокзала». Постепенно агитаторы сдѣлали свое дѣло и направили застрявших стрѣлков на грабежи в имѣнїях, но не могли заставить перейти в Кронштадт, как того требовал новый командующїй войсками Антонов-Овсѣенко.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СТАВКА НА РАЗЛОЖЕНІЕ

Штрейкбрехеры.

Вооруженная борьба кончилась. Это означало побѣду большевиков. Пассивная тактика, рассчитанная на внутреннее саморазложение власти в господствующем «сумбуръ и хаосъ», конечно, не могла устрашить большевиков и повліять на измѣненіе той «политики революціонной фразы», которую в первое время послѣ захвата власти вела партія, (характеристика самого Ленина в дни брестских переговоров). Для людей, лишенных сознанія реальной отвѣтственности за свои дѣйствія, слишком слаб был кнут в видѣ угрозы нависшей над страной катастрофы — они думали о судьбѣ всего человѣчества. У Троцкого есть удивительное признаніе. Он с нѣкоторым самоудовлетвореніем рассказывает, как творцы новой соціальной жизни не обсуждали, а «импровизировали» рѣшенія по самым отвѣтственным вопросам, от которых «зависѣла судьба народа на цѣлую историческую эпоху». Совершая «великій прыжок», они «импровизировали», потому что знали в силу своего марксистскаго анализа, что их путь сливался с «шагами исторіи». У них не было «тревожнаго раздумья»...

Положить предѣл фанатичной волѣ при таких условіях могла только физическая преграда. Увѣренность в неизбѣжной самоликвидациі большевицкой авантюры лишала русское общество необходимых предпосылок для того, чтобы положить эту физическую преграду. Самовнушеніе приводило к параличу. Никто не задумывался над тѣм, как произойдет ликвидациа. Тогдашній публицист еще до большевицкаго переворота, пожалуй, довольно ярко передавал в «Рус. Вѣд.» господствовавшія настроенія передѣланным стихом из пушкинскаго «Золотоу Пѣтушка»: «бред, мечта — призрак блѣдный и пустой». Соціальная революціа — прекрасная шемаханская царица

*«Хи-хи-хи, да ха-ха-ха
И исчезла навсегда».*

Ленин по своему толковал закон «необходимости»: «мы полным ходом идем к социализму». «Завтра» социализм побѣдит во всем мирѣ. Это «завтра» ученики и послѣдователи фантаста соціальной революціи пытались позже, когда уже нѣсколько померк-

да ленинская эксхатология, толковать, как педагогический только прием воздействия на массы, средство внушения вѣры в свое дѣло и в свою историческую миссію*). Фанатик был реалистом в методах своей тактики. Настоящий революционер, по его словам, умѣет не только во-время наступать, но и во-время отступать. Неоспоримо, сектантская нетерпимость шла у Ленина нога в ногу с «пролетарско-революционным» оппортунизмом — но не характерная ли это черта для значительнаго большинства сектантских ересіархов? Ленин внушал свои фантазіи и «несбыточные надежды» не только толпѣ, но и в самом Смольном: в Совнаркомѣ, по словам Троцкаго, он «неизмѣнно» утверждал, что «через полгода у нас будет социализм». А партійные попугаи повторяли «великіе лозунги» о грядущей «міровой революціи» и с необычайной легкостью принимали вслѣд за вождем «историческую отвѣтственность за судьбы всего человѣчества». Поэтому так раздражали «величайшаго исполнителя завѣтов» Маркса напоминанія о каких-то социал-демократических принципах, которыя изрѣдка, но совершенно «неумѣстно», исходили из рядов партіи — от «дезертиров» и «штрейкбрхеров», так неудачно пророчивших ранѣе «провал возстанія». «Жизнь опровергла» уже «ложь и клевету одних, сомнѣнія, колебанія и трусость других». «Буря», которую пытались поднять тѣ, кто срывал возстаніе, оказалась «бурей в стаканѣ воды, и великій подвиг масс, великій героизм милліонов рабочих, солдат и крестьян, в Питерѣ и Москвѣ, на фронтѣ, в окопах и деревнях отодвинули дезертиров с такой же легкостью, с какой желѣзнодорожный поѣзд отбрасывает щепки». И вновь «дезертиры» пробуют сопротивляться «волѣ народа». Число их даже увеличилось. Это не только слабыя нервами нарком просвѣщенія Луначарскій, который 2 ноября покинул свой пост, сопроводив отставку официальным заявленіем в Совѣт Нар. Комиссаров: «Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москвѣ. Собор (Василія Блаженнаго, Успенскій собор разрушаются. Кремль, гдѣ собраны сейчас всѣ важнѣйшія сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звѣриной злобы. Что еще будет. Куда идти дальше. Вынести этого я не могу. Моя мѣра переполнена. Остановить этот ужас я безсилен. Работать шод гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Я сознаю всю тяжесть этого рѣшенія. Но я не могу больше**»). Это не только «постепеновцы» типа Краснова, враждебные «максималистскому бреду», считавшіе, что «чепуха», которая творилась, не может «долго тянуться»***), но не выражавшіе публично своего «марксистскаго миндальничанія».

*) Они опирались на позднѣйшія слова самого Ленина, что декреты перваго года имѣли пропагандистское значеніе и были своего рода инструкціей для массоваго, практическаго дѣла.

**) На другой день, впрочем, Луначарскій взял свою отставку назад, т. к. народные комиссары признали ее «неумѣстной», и вновь Луначарскій о своем рѣшеніи доводил до свѣдѣнія «всѣх граждан Россіи». Солдатскіе «штыки», о которых говорит Изгоев, т. е. давленіе массы, абсолютно не при чем в дѣлѣ отставки Луначарскаго.

***) Соломон, старый большевик, близкій семьѣ Ульяновых, говорит, что Красин выражался так: «они побезобразят еще, надѣлают глупостей, а там опять всѣ удерут за границу». Соломон рассказывает о своей попыткѣ убѣ-

Послѣ извѣстной уже нам резолюціи Ц. К. партіи, «на дѣлѣ отвергающей соглашеніе с партіями, входящими в Совѣты Р. и С. Д.», пять членов Ц. К. (Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин) вышли из его состава. «Мы считаем, — писали они в заявленіи 4 ноября, — что созданіе такого правительства необходимо ради шредотвращенія дальнѣйшаго кровопролитія, надвигающагося голода, разгрома революціи калединцами, обезпеченія созыва Учр. Собранія»... «Мы не можем нести отвѣтственность за эту губительную политику Ц. К., проводимую вопреки волѣ громадной части пролетаріата и солдат». Вслѣд за уходом цекистов послѣдовало сложеніе уполномочій 10 народными комиссарами и управляющими различными вѣдомствами, которые также стояли «на точкѣ зрѣнія необходимости образованія социалистическаго правительства из всѣх совѣтских партій»... *). «Мы полагаем», — говорили они, — «что внѣ этого есть только один путь сохраненія чисто большевицкаго правительства — средство политическаго террора. На этот путь вступил Совѣт Нар. Ком. Мы на него не можем и не хотим вступить» **). Но, быть может, с самым ярким протестом в индивидуальном порядкѣ к большевицкой фракціи ЦИК обратился член партіи Лозовскій. Чрезвычайно любопытен этот послѣдній отзыв переживаемаго прошлаго, остатков интеллигентских традицій, от которых должны были освободиться большевики, вступая на стезю политическаго террора. Письмо Лозовскаго характерно и как сконцентрированный итог первых дней большевицкаго властвованія... «Я не считаю возможным во имя партійной дисциплины, — заявлял Лозовскій, — молчать, когда я сознаю, когда я чувствую всѣми фибрами моей души, что тактика Ц. К. ведет к изоляціи авангарда пролетаріата, к гражданской войнѣ внутри рабочаго класса и к пораженію великой революціи. Я не могу... замалчивать административный восторг представителей ВРК, вродѣ подп. Муравьева, издавшаго приказ о самосудах и конфискаціи предпріятій — приказ, достойный щедринских генералов. Я не могу молчать... перед лицом уничтоженія инакомыслящей прессы, обысков, произвольных арестов, гоненій и преслѣдованій, которые пробуждают глухой ропот во всем населеніи

дѣть Ленина в безцѣльности затѣи, осужденной на фіаско. «Никакого острова утопіи здѣсь нѣтъ, — рѣзко отвѣтил Ленин. — Дѣло идет о созданіи социалистическаго государства... Дѣло не в Россіи, на нее, господа хороше, мнѣ наплевать — это только этап, через который мы проходим к міровой революціи».

*) Имена их все-таки слѣдует записать на страницах исторіи: Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Рязанов, Дербышов, Арбузов, Юренев, Федоров и Ларин. Шляпников, принципиально соглашаясь с ушедшими, считал недопустимым выход из СНК.

**) Заявленіе послѣдовало послѣ отклоненія ЦИК 34 голосами против 29 предложенія лѣвых с. р. отмѣнить политическія репрессіи против печати и аннулировать носившій временный характер декрет съѣзда 27-го. «Чувствующій себя дѣйствительным представителем воли народа, не будет бояться болѣе слабой массы или же он считает, что его точка зрѣнія слаба», — мотивировал предложеніе Карелин. Бѣзрывая мостик, перекинутый на тот берег, большевики обрекают себя на одиночество, — угрожал Закс. Не желая участвовать в разжиганіи гражданской войны, лѣвые с. р., оставаясь в ЦИК для защиты интересов рабочих и крестьян, отозвали своих представителей из ВРК.

и вызывают представление у трудящихся масс, что режим штыка и сабли и есть та самая диктатура пролетариата, о которой социалисты проповѣдывали в течение долгих десятилѣтій. Я не могу... молчать, когда один из народных комиссаров угрожает бастующим чиновникам, что их... отправит на фронт и требует от почтовых телеграфных служащих и рабочих подчинения под угрозой лишения хлѣбных карточек... Я не могу... молчать и нести моральную или политическую отвѣтственность, когда отвѣтственный руководитель фракціи дѣлает заявленія о том, что за одного нашего мы убьем пять противников — заявленія, имѣющія тот недостаток, что они уже дѣлались Гинденбургом, обѣщавшим сжигать три русских деревни за одну прусскую... Я не могу... затушевывать глухое недовольство рабочих масс, борющихся за совѣтскую власть, которая по недоступной их пониманію комбинаціи оказалась властью чисто большевицкой. Я не могу... молчать, когда марксисты, разсудку вопреки и наперекор стихіям, не хотят считаться с объективными условіями, повелительно диктующими нам, под угрозой краха, соглашеніе со всѣми социалистическими партіями и немедленное прекращеніе войны внутри революціонной демократіи для совмѣстной борьбы против Каледина*). Я не могу... предаваться культ личности и ставить политическое соглашеніе... в зависимость от пребыванія того или иного лица в министерствѣ и затягивать из-за этого хотя бы на минуту кровопролитіе...**). Лозовскій требовал созыва партійнаго съѣзда для рѣшенія вопроса: «Останется ли РСДРП большевиков марксистской партіей рабочего класса или она окончательно вступит на путь, ничего общаго с революціонным марксизмом не имѣющей».

С присущим напором Ленин таранит свое окруженіе. Своей настойчивой непреклонностью, «мертвой хваткой», по выраженію так хорошо его знавшей Засулич, он достигает цѣлей. Большинство «окруженія» — или «питомника Ленина», как называл это окруженіе Потресов — не отличалось квалифицированной интеллигентностью и легко пассивало перед властной натурой своего вождя. Это был в полном смыслѣ слова гипноз, которому уступали и доводы разума и чувство общественнаго долга***). В данном случаѣ Ленин прибѣг и к методу личнаго воздѣйствія и внушенія: он «приглашал в кабинет к себѣ отдѣльно каждаго из членов ЦК и предлагал подписать составленное им заявленіе. Так создавалось ленинское «большинство» — вѣрнѣе его партійная «диктатура». Ц. К. партіи, по настоянію Ленина, предъявил оппозиціи (почему то только Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину) ультиматум — подчиниться рѣшеніям ЦК и отказаться, под угрозой исключенія, от «саботажа» и «дезорганизаторской работы». «Пусть устыдятся всѣ маловѣры, всѣ колеблющіеся, всѣ

*) См. выше аналогичную аргументацію у Русанова.

**) Лозовскій имѣет в виду «ультимативность кандидатур Ленина и Троцкаго, в связи с совѣщаніем в Викжелѣ, что по мнѣнію и Рязанова «компрометирует партію пролетариата».

***) «Школьники и дурачки», как выразился тогда же Горькій в «Новой Жизни», покорно служили волѣ «догматиков» и сопровождали их «к гибели в трясинѣ дѣйствительности».

сомнѣвающимся, всѣ, давшіе себя запугать буржуазіи или поддавшіеся крикам ея прямых и косвенных пособников», — обращался ЦК 7 ноября пером Ленина к партійцам: «ни тѣни колебаній в массах петроградских, московских рабочих и солдат нѣтъ». «Никаким ультиматумам интеллигентских группок («кукол в руках корниловцев»), за коими массы не стоят, за коими на дѣлѣ стоят только корниловцы, савинковцы, юнкера и др., мы не подчинимся»^{*)}. Конечно, «милліоны» рабочих в городах, солдат в окопах и крестьян в деревнях готовы осуществить, «во что бы то ни стало, побѣду мира и социализма».

Оппозиція сошла на нѣтъ, и дѣло свелось только к замѣнѣ Каменева на посту председателя ЦИК Свердловым. Едва ли не первым забил отбой Зиновьев, прикрыв свое отступление фразой: «Мы предпочитаем дѣлать ошибки вмѣстѣ с милліонами рабочих и солдат и вмѣстѣ с ними умирать, чѣм отойти в сторону в этот рѣшительный историческій момент». «Никакого раскола в нашей партіи не будет, — утверждал Зиновьев, — и быть не должно». И все-таки я бы не занес в свой дневник того времени полностью слова Бьюкенена: «большевики ссоставляют сплоченное меньшинство рѣшительных людей, которые знают, что хотят и каким образом этого добиться». Ленинскій не то конкурент, не то талантливый подголосок — Троцкій, на свой манер опредѣлил «марксистскій закон» гражданской войны, на путь которой влекла страну «кучка экстремистов»; «колебаться нельзя, вести переговоры опасно, топтаться выжидательно на мѣстѣ — гибель». На разговорном языкѣ это правило передается все тѣм же ленинским «авось». Объективныя условія, конечно, говорили не в пользу «экстремистов»^{**}), но общественная психологія, господствовавшая в кругах пртивников, открывала им всѣ пути и всѣ возможности.

^{*)} «Ультиматум» был предъявлен лѣвыми с. р. в засѣданіи ЦИК 2 ноября под влияніем московских событій. «Полученныя вѣсти из Москвы, — заявили представители эс-эровской фракціи, — гдѣ наши товарищи стоят частью на одной сторонѣ баррикады, частью на другой сторонѣ, заставляют нас еще раз поставить вопрос об организациі власти... Перед голосом люющей на улицах крови должны замолкнуть всѣ фракціонные раздоры, и всѣ должны объединиться вокруг власти, которая будет опираться на всю демократію. Мы в качествѣ побѣдителей должны... предложить демократіи болѣе пріемлемыя условія соглашенія». Заявленіе лѣвых с. р. вызвало «растерянность» в большевицкой фракціи и побудило ее внести незначительныя поправки в резолюцію Ц. К. по вопросу о численности и персональном представительствѣ большевиков в правительствѣ. Это и послужило поводом для формальной атаки Леиным оппозиціи за нарушение партійной дисциплины. Другой «ультиматум» был предъявлен меньшевиками-интернационалистами в «Викжель» (Мартовым и Абрамовичем) — прекращеніе террора и вооруженной борьбы, как «перваго условія дальнѣйших переговоров». В защиту свободы печати рѣзко выступала «Новая Жизнь», протестовавшая против того, что большевики, отравленные уже «гнилым ядом власти», «безцестят революцію, безцестят рабочій класс», пытаются ввести в Россіи «соціалистическій строй по методу Нечаева».

^{***)} Позже, в 1920 г., не столько в силу своей «научной совѣсти», о которой когда-то говорил Ленин, сколько в силу наступавшаго краха, сам «вождь» должен был признать с запозданіем, что в Россіи нѣтъ еще экономической основы для соціальной революціи.

В сложившейся обстановкѣ лишены были всякаго практическаго смысла продолжавшіеся переговоры на викжелевских совѣщаніях. 4-го, в критическій день у большевиков, в 3 часа дня вновь собрались обычные члены совѣщанія. Представители большевиков, однако, на засѣданіи не появились — им, очевидно, было не до того. До разсвѣта ждало совѣщаніе большевицких делегатов и разошлось, признав, что миссія его «не увѣчалась успѣхом». Тѣм не менѣе надежды все еще не оставляли сторонников единаго фронта: раскол среди большевиков должен ослабить позицію «якобинцев» и «усилить шансы на соглашеніе в рядах демократіи», если не всей, то, по крайней мѣрѣ, ея лѣваго сектора. Эти перспективы в изложеніи лѣваго с. р. Карелина рисовались так: «либо Ленин и Троцкій рѣшатся на свою диктатуру, либо инициатива цѣликом перейдет в руки умѣренных большевиков, лѣвых с. р., меньшевиков-интернаціоналистов». Теперь мы, лѣвые с. р., ведем опредѣленную политику на изоляцію Ленина, не допуская в то же время изоляціи большевиков в цѣлом». И Карелин высказывал увѣренность, что соглашеніе о конструкціи правительства на платформѣ от нар. соц. до большевиков все же состоится вслѣдствіе воздѣйствія масс на умѣренных большевиков. Но своих Ленин обошел.

Еще раз 6-го в 12 ч. ночи в Викжелѣ собралось совѣщаніе социалистических партій — уже без представителей от социалистов-революціонеров и меньшевиков. Начинается в точном смыслѣ слова сказка про бѣлаго бычка. Большевики из ЦИК настаивают на немедленном соглашеніи на позиціи, ими предложенной. Представители Совѣта Кр. Деп. желают по-прежнему организациа власти без участія в ней большевиков. Идут споры о том, кто затягивает переговоры. Зиновьев и Рязанов, чуть не исключенные только что из партіи, доказывают, что большевики «искренно» идут на соглашеніе. Принимается рѣшеніе вызвать на засѣланіе отсутствующих представителей соц.-рев. и меньшевиков. Первые отказываются пріѣхать, вторые пріѣзжают для того, чтобы снова подтвердить, что они не «отказываются от переговоров и при всяком удобном случаѣ будут их продолжать», но при теперешнем положеніи они не могут участвовать в данном совѣщаніи и останутся лишь с информаціонными цѣлями. Лѣвые с. р. предлагают отложить рѣшеніе по существу и еще раз собраться. Так спорят до утра. Очевидно, волынка надоѣла и самому Викжелю, и его представители заявили, что они возвращаются в Москву.

Большевики написали демагогическую эпитафію: «Они сорвали соглашеніе». «Они» — это тѣ, которые «семь мѣсяцев соглашались с корниловцами из помѣщиков и капиталистов, которые обманывали народ лживыми обѣщаніями о землѣ и волѣ»... «Эти прирожденные соглашатели не захотѣли соглашенія с большевиками. Почему? Потому что большевики не дадут им обманывать народ пустыми посулами». Через мѣсяц «Викжель» был разогнан большевиками. Этот разгон петербургскій «День» сопро-

водил своей эпитафией: «Иуда, ты даже не получил тридцать серебряников» (статья «Возмездіе», 7 дек.).

Могилевскіе разговоры.

Такіе же бесплодные разговоры в другой обстановкѣ продолжали вести и в Ставкѣ собравшіеся здѣсь в первых числах ноября представители революціонной демократіи. Съѣхались люди довольно разных политических настроеній — съѣхались в цѣлях не только обсудить конструкцію политической власти, но и фактически создать правительство, опираясь на авторитет общеоармейскаго комитета. Можно ли этот съѣзд приписать непосредственной инициативѣ Комитета Спасенія? Не думаю. Послѣ краха 1 ноября мысль естественно сама направлялась к духонинекоей Ставкѣ и к общеоармейскому комитету. Этот самоорганизующійся центр дѣлался послѣдней надеждой противобольшевицкой акціи, смысл и значеніе которой каждый понимал по своему: для одних то была все еще попытка организаціи военной силы для продолженія активной борьбы с ленино-троцкой диктатурой; для других все та же форма вижжелевскаго соглашенія о построеніи власти — только в иной обстановкѣ. Среди «имен» в числѣ собравшихся на многочисленный съѣзд источники называют бывшаго военнаго министра Верховскаго, представителей центрального комитета партіи с. р. Авксентьева, Чернова, Гоца, Фейта, Гернштейна, Ракитникова, меньшевиков Богданова и Скобелева, н. с. Знаменскаго*). Был и верховный комиссар Ставки, игравшій, по его словам, едва ли не первенствующую роль в переговорах, — у него собирались и договаривались «политическіе представители», у него выкристаллизовывались конкретныя предложенія, выносившіяся затѣм на общія засѣданія армейскаго комитета.

Впервые эти разговоры о конструкціи власти находят отклики и у остатков Временнаго Правительства, пытавшихся в подпольѣ сохранить организованныя формы. 9 ноября Совѣтъ Министров заслушивает запоздалый доклад Толстого о том, что дѣлается в Ставкѣ. По предложенію Прокоповича, очевидно, по связи с этим докладом принимается рѣшеніе послать двух представителей на съѣзд, поручив им информировать (Вр. Прав. и высказаться на съѣздѣ против образованія новаго правительства в Ставкѣ и против однородной социалистической власти с участіем большевиков. На слѣдующій же день в протоколѣ появляется отмѣтка на основаніи доклада того же Прокоповича: «Отмѣнить посылку представителей Врем. Пр. в Ставку». Может быть, Совѣтъ министров получил уже свѣдѣнія, что могилевскую акцію по существу надлежало считать оконченной; может быть, здѣсь проявились разногласія, существовавшія в средѣ подпольнаго правительства. Боролись два теченія. Меньшинство высказывалось за открытое выявленіе Правительства и за необходимость поддерживать активное настроеніе в массах, вступивших на путь «от-

*) Нѣкоторые большевицкіе историки ухитрились зафиксировать и представителей «буржуазіи» — Милюкова и Винавера.

резвения». Большинство воздерживалось от официальных открытых выступлений, считая своей задачей сохранить правительственный аппарат и ограничивая сферу своей активной деятельности поддержкой подрывной работы политического саботажа. На почве этого расхождения последовал даже отказ от участия в работах правительства министра вн. дѣл Никитина: «Я считаю совершенно неправильной позицію, занятую правительством в засѣданиях 6—9 ноября по вопросу о своей дальнейшей дѣятельности и по вопросу об отношеніях к попыткѣ возсоздать верховную власть в государствѣ», — писал Никитин в заявленіи 12 ноября. «Эта позиція поведет Вр. Прав. к безславному концу и вызовет осужденіе за то, что оно не сумѣло наряду с намѣтившимися выходами из создававшегося положенія поставить себя в положеніе, достойное носителей государственной власти. Особенно тягостно для меня, что Правительство фактически не нашло возможным хотя бы морально поддержать ген. Духонина в момент, когда на него пала тяжелая отвѣтственность перед страной — одному рѣшать вопрос о перемиріи, которое от него потребовали большевики. При таких условіях я считаю невозможным участвовать в дальнѣйших засѣданіях Правительства. Если я не слагал с себя полномочій, то потому, что желаю до конца раздѣлить с Вр. Пр. всю полноту его отвѣтственности»*).

Выявленіе Временнаго Правительства в связи с могилевскими разговорами дѣла своей, конечно, достигнуть не могло — это выявленіе само по себѣ уже запоздало. На объединеніе сил в Могилевѣ рассчитывать не приходилось, и в самой Ставкѣ — так, по крайней мѣрѣ, утверждает Стакжевич — в силу «неясности и недоговоренности конкретнаго плана борьбы» складывалось убѣжденіе, что надо оставить всякую мысль об активной борьбѣ с большевиками, «пассивно бороться с ними, отставая от них распорядки в арміи. Слѣдовательно не могли рассчитывать на успѣх и запоздалые проекты, которые выдвигались в нѣкоторых кругах Комитета Спасенія — создать военный «кулак» и выжидать благоприятнаго момента для дѣйствій. Такой план, отчасти упомянутый уже в переговорах Толстого с представителями Сѣвернаго фронта, развивали Чайковский и Скобелев, посѣтившіе 7 ноября американскаго и англійскаго послов. Бьюкенен так излагает его: «Они сказали мнѣ, что будет образовано социалистическое правительство без всякаго участія большевиков. Оно будет заключать представителей от казачьей демократіи и получит поддержку ка-

* Демьянов говорит, что в Ставку предложено было ѣхать ему и Никитину. Оба уклонились от поѣздки с «информаціонными» задачами. Демьянов, по его словам, скорѣе в видѣ демонстраціи предложил поѣхать на юг: «имѣется еще одно лицо, имя котораго у всѣх на устах, но котораго назвать никто не хочет, боясь обвиненія в контр-революціонности; однако, это единственное лицо, у котораго правительство может искать защиты и опоры. Я говорю о гев. Калединѣ». «Мои слова, — добавляет мемуарист, — не вызвали ни замѣчанія, ни реплики». По словам Деникина, «Юго-Восточный Союз» через посредство бывшаго предсѣдателя Московской губ. земской управы и перваго командующаго революціонными войсками в Москвѣ, Грузинова, реально пытался завести связи с «подпольным правительством».

дет. На мой вопрос, как они справятся с большевиками, они отвѣтили — силою. Они увѣряли, что могут рассчитывать на нѣкоторое количество войск, достаточное для этих цѣлей, так как армія вообще не интересуется большевиками и только желает мира. Россія истощена и не может больше воевать; если они будут имѣть успѣх, они должны быть уполномочены сказать арміи, что союзники готовы немедленно приступить к обсужденію условій мира с цѣлью довести войну до скорого конца. Подобное увѣреніе, — говорили они, — даст им огромное преимущество перед большевиками, с которыми союзныя правительства не желают имѣть дѣла».

Если у Чайковского была совершенно опредѣленная позиція*), то этого далеко нельзя сказать про Скобелева, одного «из самых малюсеньких людей», по отзыву Набокова. Скобелев, выѣзжавшій в Могилев в тот же вечер послѣ бесѣды с Бьюкененом, должен был осуществлять план сосредоточенія вооруженных сил для борьбы с большевиками — план, отвергаемый во всяком случаѣ той группой с. р., которая возглавлялась Черновым, и к которой принадлежало большинство съѣхавшихся в Могилевѣ. Нѣтъ ни одного свидѣтельскаго показанія того времени, которое характеризовало бы позицію эс-эровскаго лидера иначе, чѣм термином — неопредѣленная. Чернов не солидаризировался с позиціей Комитета Спасенія, но и не отвергал ее во внѣ. Поэтому он мог выступать то в роли «делегата» Комитета Спасенія, то его опредѣленным противником. Сам Чернов в тот самый день, когда Чайковский вел переговоры с послами, слѣдующим образом опредѣлил свой «лозунг» дня в разговорѣ по прямому проводу с представителем ЦК партіи в Петербургѣ — Лункевичем: «политическая изоляція большевиков и мобилизація своих сил для болѣе безболѣзанной ликвидаціи авантюры, а потом — организація однородной демократической власти без большевиков. Распад послѣдних — совершившійся факт»**).

Естественно, что взаимопарализующія друг друга тенденціи создали в Могилевѣ «сумбур преній», по выраженію Станкевича, который еще болѣе увеличивался от присутствія лѣвой делегаціи Викжеля***). Она явилась еще 31 октября с опредѣленным заданіем: проводить платформу Викжеля и преспать образованію правительства в Могилевѣ. Под перекрестным вліяніем различных теченій измѣнилась и в общем опредѣленная позиція обще-армейскаго комитета, поддерживавшаго платформу Комитета Спасенія. Он воспринял точку зрѣнія Викжеля, как это вытекает из разосланной им всѣм армейским организаціям телеграммы. В виду безрезультатных переговоров при Викжелѣ «главным образом по винѣ непримиримой позиціи, занятой вождями крайняго

*) См. мою книгу: «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны».

**) У Чернова и Гоца была мысль авторитет Общ. Арм. Комитета усилить созывом в Могилевѣ крестьянскаго съѣзда, но от этой затѣи пришлось отказаться — съѣзд собрался в Петербургѣ.

***) Антонов — большевик, Ланьер — лѣвый с. р., Сенюшкин — формально членившійся в меньшевиках, но фактически примыкавшій к большевикам.

большевизма, Лениным и Троцким, которые оказались глухи к общим требованиям», Общеармейский Комитет предлагал действующей армии в лицѣ ея фронтовых и армейских комитетов «взять на себя инициативу созданія власти» по вижельской формулѣ «от н. с. до большевиков» и спасти Россію от «внутренняго разложенія». На пост министра-предсѣдателя Общеармейскій Комитет выдвигал «вождя партіи социалистов-революціонеров Виктора Михайловича Чернова».

Характерныя детали о ходѣ закулисных предварительных переговоров сообщает Станкевич: ...«Сам Чернов по формѣ уклончиво, но по существу не двусмысленно, высказался в пользу этой идеи...*) Рѣзко, даже озлобленно, негодуяще возражал против этого ближайшій товарищ Чернова Гоц. Он считал, что попытка обречена на неудачу и только скомпрометирует партію, которая должна была сыграть рѣшающую роль в Учредительном Собраніи». Отвѣты из армій в общем дали большинство в пользу такого рѣшенія. Напримѣр, Особая Армія, требуя «немедленнаго созданія общесоциалистическаго правительства, заявляла (заявляла, конечно, комитет), что пріемлет кандидатуру Чернова, как результат соглашенія партій, а не как новый вид диктатуры, влекущій за собой новую гражданскую войну». Но обстановка измѣнилась вслѣдствіе неблагоприятнаго отношенія из Петрограда: «В меньшевизской газетѣ появилась статья, именуемая всѣ политическія предположенія в Ставкѣ авантюрой; послѣ этой статьи наши друзья-меньшевики рѣшительно высказались против всяких попыток организаціи власти в Ставкѣ и уѣхали. Эсэры произвели давленіе на своего лидера, который тоже, не ожидая даже поступленія всѣх отвѣтов из Арміи, собрался в Петроград. Нѣсколько по иному рисует обстановку прибывшій в Могилев с. р. Семенов: «в первом же разговорѣ со мной Гоц, безнадежно махнув рукою, заявил, что Общ. Арм. Комитет безсильно топчется на мѣстѣ, что сил в распоряженіи Комитета мало, и что, очевидно, ничего не выйдет»**). Чернов, повидимому, в полнѣйшем моральном и физическом безсиліи лежал с компрессом на головѣ***).

11 ноября Общ. Арм. Комитет выпустил декларацію, в которой объявлял, что его инициатива встрѣтила сопротивленіе политических партій, и что поэтому комитет отказался от «немедленнаго созданія власти». Свою будущую программу дѣйствій он опредѣлил в четырех пунктах: 1. Власть Совѣта Нар. Ком. не признавать. 2. Власть должна быть создана из представителей партій от н. с. до большевиков. 3. Охранять нейтралитет Ставки во-

*) На собраніи могилевских с. р. Чернов говорил: «если партія на него возложит это бремя, то он подчинится».

***) Упоминавшійся уже мемуарист в «Голосѣ Минувшаго» говорит, что преобладающей темой в обще-армейском комитетѣ стал разговор о «реальной опасности справа», и что такое настроеніе «невидимым током» передавалось в армію.

****) Чернов с Семеновым, как видим, был довольно тѣсно связан. Поэтому не совсѣм понятна позднѣйшая забывчивость Чернова, утверждавшаго в дни московскаго эс-эровскаго процесса, что он с именем Семенова не соединял «никакого опредѣленнаго представленія» и не помнил, встрѣчал ли его «хотя бы мельком» («Самозащита предателя», «Гол. Рос.» № 919).

оруженной силой и не допускать ввода большевицких войск в Ставку. 4. Продолжать идейную борьбу с большевицкой властью.

Третій пункт этой программы подводит нас к послѣдним дням Ставки и к трагической смерти ген. Духонина, расплатившагося жизнью за поддержку «революціонной демократіи». Но это уже выходит за предѣлы той страницы исторіи, которая сейчас переворачивается, и которая посвящена попыткѣ создать в Могилевѣ, по выраженію большевиков, «второй Версаль».

Земскій Собор.

«Идейная борьба с большевиками», о которой говорила декларация Общ. Арм. Комитета, означала полный отказ от активнаго противодействія диктатурѣ экстремистов. «Несомнѣнно странѣ придется пережить нѣкоторое состояніе развала», — подводят итоги своего пребыванія в Могилевѣ Чернов, Гоц и Скобелев, переговаривая в ночь с 9 на 10 ноября с находившимися в Петербургѣ Церетелли и Зензиновым, — до тѣх пор, «пока не создастся противовѣс большевицкой авантюры в отрезвившихся кругах». Не борьба с большевиками, а сплоченіе этих сил для будущаго — такова очередная задача, которая становится перед революціонной демократіей. Ярче всѣх эту концепцію, доведенную до крайних предѣлов, развил Церетелли в докладѣ на открывшемся 9-го ноября «Соборѣ» представителей городских и земских самоуправленій, который был созван в Петербургѣ, по инициативѣ Думы, опять-таки для рѣшенія вопроса о власти. Сам по себѣ «Земскій Собор» представлял одно из многих неудачных начинаній, из котораго ничего не могло выйти уже потому, что полномочных представителей среди многогородных, шріфхавших по вызову городского головы Шрейдера, оказалось чуть ли не 10 человек. И вся дѣятельность Собора ограничилась словопреніями, резолюціей и воззваніем.

Выступленіе Церетелли, однако, было знаменем времени. Церетелли раздѣлял почти общую презумпцію об эфемерности большевицкой власти. Как же бороться «с кучкой авантюристов»? «Это, — по мнѣнію Церетелли, — задача самая легкая из всѣх, стоящих перед нами. Самая политика захватчиков неизмѣнно поведет к паденію их власти, так как эти люди, волею судеб, вынуждены дѣлать шаги, которые приведут их к гибели... И если бы мы считали, что наша политика — ждать логическаго паденія теперешних захватчиков власти, то мы могли бы скрестить руки и спокойно отойти в сторону»... «Существует в нѣкоторых кругах линія поведения, сводящаяся к тому, чтобы довести ужасная послѣдствія большевицкой политики до крайности, — продолжает Церетелли, — до того момента, когда вся страна запыхает в огнѣ анархіи, и массы на своем собственном тѣлѣ ощутят всю невыносимость и тяжесть большевизма»... «Я понимаю, почему так привѣтствуют нѣкоторые элементы русскаго общества путь соглашательства с большевизмом. Я знаю, что они ждут момента, когда можно будет потопить в крови всю демократію».

Кого реально имѣл в виду Церетелли в своих намеках, повторенных им и в рѣчи на засѣданіи Учредительнаго Собранія 5 января, невозможно опредѣлить, так как ни одного голоса из рядов грядущей контр-революціи в эти дни в пользу соглашательства с большевиками не раздалось. Таким образом мы видим теперь, из какого арсенала безотвѣстных сужденій почерпнул Керенскій аргументацію для созданія своей позднѣйшей легенды об «октябрѣ».

На путь соглашенія с большевиками для совмѣстной организациі правительственной власти готова была вступить часть революціонной демократіи именно для того, чтобы «предотвратить рабочій класс от кровавой расплаты». Это, конечно, знает Церетелли. Лично он считает бесплодным такое соглашеніе, ибо результат политики большевиков еще не сказался и только «кровавая выучка приведет російскую демократію к возрожденію». И вывод был тот, что бороться с большевиками можно, «лишь дѣйствуя на сознаніе и совѣсть демократіи», — только «путь отрезвленія демократіи» может подать надежду на хорошій исход. Но это путь медленный. Когда то будут еще «собраны всѣ силы» страны!

Доклад Церетелли никого не мог удовлетворить*). «Здѣсь справедливо указывалось, — поясняет Церетелли в отвѣтных замѣчаніях оппонентам, — что в моем докладѣ не было ясных указаній на выход из нашего тяжелаго положенія. Должен признаться, что при теперешних условіях отсутствія всякой власти, я не вижу *никакого выхода*... Еще никогда почва под демократіей так не колебалась, как в настоящее время. В этом нужно признаться, шансы правых максималистических групп гораздо большіе, нежели шансы всей демократіи. Нам предстоит предотвратить столкновеніе максималистических групп, которое грозит гибелью демократіи. Наша задача отстаивать наши демократическіе идеалы и, если нужно, погибнуть в борьбѣ с той силой, которая, я увѣрен, в скором времени выступит. Говорят, Каледин далеко. Да! Но самой опасной контр-революціонной силой являются сами тѣ массы, которыя сейчас увлечены максималистическими лозунгами большевиков». Если демократіи, — заканчивал Церетелли, — не удастся теперь стать хозяином положенія, то придет та новая сила справа, которая скажет — теперь наступило мое время. И только в борьбѣ с этой силой оратор готов был сложить свою голову.

Психологію Церетелли в том или ином масштабѣ раздѣляли многіе из представителей революціонной демократіи. Эти люди, конечно, не были способны дать отпор большевикам — они не способны были и концентрировать общественныя силы для будущей борьбы. Лишній бумажный листок для исторіи оставила послѣ себя резолюція «Собора», призывающая демократію к созданію «центра», который мог бы «противодѣйствовать узурпаторам власти».

*) По газетным откликам он весь построен на противорѣчивых предпосылках: с одной стороны, как будто бы, «кучка авантюристов» опирается на активную часть демократіи, отрезвленія которой надо ждать; с другой: как будто бы, «вся народная Русь» отшатнулась от дѣла большевиков.

Еще с большей временами заостренностью высказал свои пессимистические взгляды Церетелли на засѣданіи стараго ЦИК. Это учрежденіе «нелегально» продолжало собираться, и члены его даже выражали увѣренность, что «начинающійся распад большевизма» может привести ЦИК к «прежнему» положенію» (засѣданіе 6 ноября). В засѣданіи 12 ноября Церетелли выступил с рѣчью о «политическом моментѣ». Он признавал, что «положеніе ужасно». Самим организовывать никакой власти нельзя — это будет «авантюрой». Имѣется один только выход — «вступленіе в большевицкое правительство», но это лишь ухудшит положеніе, так как «всей демократіи придется раздѣлять отвѣтственность». Сейчас «главная задача демократіи объединить свои силы, но не для борьбы с большевизмом, что может оттолкнуть многіе весьма полезные элементы, а для собственнаго упроченія и для спасенія революціи». И вновь думает Церетелли, что спасать надо революцію не от большевиков, а от буржуазіи, которая, правда «теперь молчит», но «это молчаніе опасно и затопит кровью всю революцію». «Вся буржуазная кадетская партія объединена лозунгом кровавой расправы с большевиками. Для меня несомнѣнно, что ликвидація большевицкаго возстанія, это — разстрѣл пролетаріата и, предвидя его, мы всегда боялись большевицкаго вступленія». Протокол регистрирует зловѣщую фразу Церетелли: «Вред, который они сейчас приносят, не так велик, как в будущем, когда придет расправа с ними». «Соглашеніе невозможно с большевиками, пока они сильны, — заканчивает слишком уже прозорливый политик, — но надо подготовить им отступленіе, когда в их средѣ начнется разложеніе». Я назвал ораторскую фразу зловѣщей, потому что она была воспринята сознанием многих из единомышленников Церетелли и привела к пагубному тезису в період гражданской войны: «соціализм погибнет, если большевики будут раздавлены силой»^{*)}. От отрицанія Церетелли до признанія соглашенія с большевиками один шаг; нюансы легко стираются при установленіи общности врага.

По существу почти такую же позицію занимало в это время «Дѣло Народа», формальный орган Ц. К. партіи с. р. 4 ноября газета писала: «Если большевики побѣждают на сѣверѣ, то Каледина на югѣ. Они подают друг другу руки в цѣлях разрушенія революціи. И наша задача — бить по обѣим головкам контр-революціи — против большевков *силою организаціи*, против Каледина — *силою оружія*. Слѣдовательно заявленія «Дѣла Народа»: «мы против гражданской войны», надо понимать очень относительно — постолько поскольку рѣчь шла о вооруженной борьбѣ с большевиками.

В лучшем случаѣ такая позиція приводила к проповѣди воздержанія от борьбы с большевиками во имя сохраненія чистоты своих политических риз перед будущей исторіей. «Большевизм, объективно говоря, — утверждал Абрамович в партійном органѣ

^{*)} Единомышленники Церетелли в своем позднѣйшем меморандумѣ (грузинской делегаціи) люцернской международной конференціи опредѣленно уже писали: борьба с большевиками — борьба за восстановленіе царской власти.

«Бунда» (13 ноября) классовое движение незрѣлых малосознательных рабочих масс». «Против кого нам бороться? Против этих масс? Стало быть, нам, сознательной соц.-дем. и болѣе малочисленной части рабочего класса, объединиться с буржуазной и мелкобуржуазной частью арміи и помогать огнем и мечом подавить большую часть рабочего класса... Что потом написал бы об этом историк русской революціи?...». «Исторія не справедлива, она не знает праведнаго суда. Мы, конечно, имѣем полное право подавить такое авантюристическое и утопическое движение, как нынѣшнее большевицкое возстаніе. Но чему поможет это «право»? Тов. Данъ правильно замѣтил: рабочий класс в своей памяти позже простит большевикам их грѣхи и преступленія, так как они шли с массами. Но он не простит нам, хотя мы безусловно правы, если мы вмѣстѣ с его классовыми врагами выступим против этих масс».

Подобный оправдательный аргумент перед исторіей не может быть жизненным постулатом текущаго дня, поэтому Церетелли, переходя от прогнозов к дѣйствительности, возлагал свои надежды на Учредительное Собраніе — оно одно может помочь соединить «под одним знаменем всю демократическую Россію». Но тѣнь пессимизма и здѣсь проскальзывает в собраніе. «Все, что здѣсь говорилось, — подводит итог Красинскій, — звучит страшной безнадёжностью. У нас нѣтъ ничего реальнаго «в отношеніи Учредительнаго Собранія».

Подпольное правительство.

Надежды на Учредительное Собраніе означали лишь большее еще пониженіе общественной сопротивляемости и фактическое признаніе октябрьской побѣды большевиков. Что это побѣда временная — пока почти никто еще не сомнѣвался. Не слѣдует придавать слишком большое значеніе тѣм литературным формам, в которыя облекались иногда тѣ или иныя обращенія, адресованныя к массам. Так «Земскій Собор» вкладывал в свое воззваніе слова: «окровавленная родина стоит на краю гибели и, если есть слабая надежда спасти Россію и великій народ от иноземнаго ига и окончательнаго внутренняго распада — это надежда на Учредительное Собраніе». В дѣйствительности этого трагизма современники не ощущали, и Бьюкенену взгляды самого инициатора Собора Шрейдера казались чрезмѣрно «оптимистическими». Вишнякъ в своей работѣ, посвященной Учредительному Собранію, приводит (по отчету «Нашей Рѣчи» 28 октября) очень показательную выдержку из рѣчи Мережковскаго на митингѣ писателей, выражавшей мнѣнія довольно широких общественных кругов: «солнце русской земли» потушить нельзя. «Когда оно взойдет, исчезнут всѣ призраки. Или, может быть, упырь захочет потушить солнце? Ну, что же пусть попробует. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что на Учредительном Собраніи Ленин сломает себѣ голову».

Только в этой обстановкѣ пассивнаго ожиданія того, что должно неизбѣжно случиться, и призывов: «не растачать сил пе-

ред Учредительным Собранием» возможно понять дѣятельность временнаго «подпольнаго» правительства. Через 25 лѣтъ с нѣкоторым недоумѣніем разсматриваешь опубликованные черновые наброски протоколов его секретных засѣданій. Только в увѣренности, что жизнь вскорѣ должна вернуться в старое русло, возможны были ассигновки 10 мил. руб. Особому Совѣщанію по топливу для уплаты срочных платежей «по продовольствію, обмундированію и на инструменты», 7 1/2 мил. ссуды на заготовку дров Городскому самоуправленію, отпуск 431 тыс. на преобразование технических желѣзнодорожных училищ и т. д. Обсуждался даже вопрос об ассигнованіи 4 мил. 800 тыс. «для разработки сланцев под Петербургом». С истощеніем наличности Государственнаго Банка (доклад Фридмана 14 ноября о захватѣ банка большевиками) должна была прекратиться финансово-административная дѣятельность подпольнаго правительства: в протоколѣ 15 ноября имѣется помѣтка — отклонить «ходатайство Министерства Земледѣлія об отпускѣ 4 мил. 500 тыс. на сельско-хозяйственную церепись».

Комментатор этих матеріалов, напечатанных в «Красном Архивѣ», как будто бы, не без основанія замѣчал: «было бы трудно предположить, что всѣ эти 41 милл. 931 тыс. (наличность Государственнаго Банка) были использованы на тѣ цѣли, которыя были официально названы» — «в ноябрьских протоколах нѣтъ и быть в них не может по конспиративным условіям точнаго обозначенія расходных статей».

Если не сдѣлать предположенія Флеера*), т. е. не предположить, что формальная ассигновка своего рода мимикрія, то дѣятельность подпольнаго правительства превращается в какую то «игру» в правительство — возможную лишь при твердой увѣренности скорой ликвидаціи установившагося режима.

Надо сказать, что черновики протоколов опубликованы далеко не полностью и о них часто можно судить только по выдержкам в предисловіи. Единственныя воспоминанія о дѣятельности нелегальнаго правительства принадлежат перу мемуариста, не отличающагося точностью изложенія. Демьянов, между прочим, рассказывает о столкновеніи, имѣвшем мѣсто в «совѣтѣ министров» при обсужденіи вопроса о досрочной выдачѣ жалованья служащим в министерствах, — возражал Прокопович, не считавшій возможным нарушать закон о порядкѣ выдачи жалованья и послѣ рѣшенія Совѣта заявившій, что он складывает свои полномочія. Помирились, по словам Демьянова, на компромиссѣ — выписать жалованье из казначейства и передать в министерства, откуда фактическую выдачу произвести в установленный срок. Возможно, что такой эпизод и имѣл мѣсто, но суть его, конечно, не в формальной сторонѣ. Вот как рассказывает его на мой запрос Е. Д. Кускова, достаточно осведомленная, как будто бы, о закули-

*) Этому предположенію нѣсколько противорѣчат такіа, напримѣр, указанія в протоколах в связи с предложеніем предсѣдателя ассигновать средства на агитацію против большевиков. Постановлено было: «поручить министру юстиціи Малянтовичу с чинами министерства юстиціи и сената выяснить вопрос о порядкѣ отпуска средств из казны.

ной стороной дѣла: «В первое время никакой мимикрии в этих назначениях средств не было и С. Н. Прокопович был ярким противником растраты государственных средств на тѣ или иные формы борьбы, которую а) организует не само Временное Правительство, б) за веденіе которой оно не может брать на себя ответственности. В одном из засѣданій было внесено требованіе, чтобы Вр. Пр. субсидировало забастовку чиновников. Прокопович противъ этого предложенія возражал. В его возраженіе входили и такіе мотивы: одобреніе Врем. Прав. этой именно формы борьбы может создать у чиновников не достаточно сознательное представленіе о возможной ответственности: они, несомнѣнно, этой борьбой вызовут отпор со стороны большевиков, отпор приведет к террору и т. п. На Врем. Прав. будут сыпаться укоры, что именно оно — своей поддержкой — провоцировало эту борьбу, а потом не сумѣло защитить их от тяжелых послѣдствій. Поэтому будет правильнѣе предоставить чиновникам организацію этой борьбы на свой риск и страх без вмѣшательства хотя и нелегального, но все же еще не умершаго правительства. Санкція со стороны правительства борьбы, в которой оно само не принимает участія, была бы актом неправильным и политически и морально. При голосованіи большинство высказалось противъ аргументов Прокоповича. Тогда этот послѣдній просил снять с него обязанность председательствующаго. Собраніе, в свою очередь, рѣзко этому воспротивилось. Тогда инициатор предложенія заявил, что он снимает свое предложеніе, голосованіе по нему просит объявить недѣйствительным, а использованія средств они достигнут иными путями. Вот с этого момента и началась «мимикрия». Средства ассигновывались на нужды тѣх министерств или их частей, которыя еще не были захвачены большевиками. Но использовались они на забастовку»...

Демьянов такими словами характеризует положеніе: «главарь большевиков сидѣли в Смольном, как в бестѣ»; обыватель «не признавал большевизма, но лишь в этом была его оппозиція». Могло ли долго существовать подобное положеніе? В матеріалах, приложенных к протоколам подпольнаго правительства, напечатано письмо завѣдывающаго Особым Совѣщаніем по топливу проф. Кириша, адресованное Прокоповичу и помѣченное 8 ноября. Кириш высказывается противъ продолженія «забастовки государственных учреждений», которая приносит «безусловный вред странѣ» — большой, «чѣм большевики», и обвиняет группу, «исполняющую обязанности Временнаго Правительства»*) в «неопредѣленной тактикѣ». Что же предлагает Кириш? — заявить «громко», что Временное Правительство «продолжает свою текущую работу» «визъ всякаго вліянія и вмѣшательства ВРК, игнорируя совершенно послѣдній», и что оно прервет «немедленно» вновь работу «при проявленіи какого бы то ни было вмѣшательства ВРК». «Момент для объявленія и проявленія своей работы и власти мнѣ кажется сейчас очень удобным. Вѣдь в Смольном Институтъ уже некому

*) «Если этот вред, — пишет Кириш, — не велик, то потому, что мы открыто или тайно поддерживаем работу тѣх частей, которых недѣйствіе могло бы рѣзко вліять на жизнь государства. Эта двойственность тяготит многих».

даже командовать». В таких условиях «оставшіеся на свободѣ члены Вр. Прав. должны заявить, что считают себя обязанными продолжать управление для доведенія страны до Учр. Собранія».

Этот самогипноз: Лозунг «до Учредительнаго Собранія» — совершенно парализовал волю к борьбѣ не только у тѣх «кабинетных людей», которые главенствовали, по мнѣнію Демьянова, в подпольном правительствѣ — такой же психологіей были заражены люди, допустим, болѣе приспособленные к активной борьбѣ. Она создавалась в атмосферѣ увѣренности, что новая власть должна созвать Учредительное Собраніе, а это уже было равносильно временной капитуляціи перед эфемерной властью*).

Соглашеніе большевиков и лѣв. соц. рев.

«Болтовня и каша» — так приблизительно опредѣлил Ленин все то, что происходило кругом. Это было не так страшно. И в дѣйствительности разлагался не столько большевизм, сколько противобольшевицкая акція, направляемая революціонной демократіей. В результатѣ неудачных вижжелевских переговоров, когда, по образному выраженію дневника Гиппиус «соглашатели хлебнули помоев влустую», большевики расширили свою общественную базу и окончательно привлекли на свое лоно лѣвых социалистов-революціонеров. Произошло это на всероссійском съѣздѣ совѣтов крестьянских депутатов, который собрался в Петербургѣ 10 ноября. С этого момента ленинская гвардія и получила увѣренность, что большевики будут имѣть в Учр. Собраніи «колоссальное преобладаніе» (Бухарин в Ц. К.).

Я не буду в подробностях касаться этой небезинтересной страницы исторіи тогдашних дней — она в сущности выходит за предѣлы моего изложенія: нѣкоторыя черты нужны лишь для эпизода, для заключительнаго аккорда к тому нестройному хору русской общественности, который сопровождал трагическія для Россіи событія октябрьскаго большевицкаго переворота.

На съѣздѣ получили преобладаніе лѣвые с. р. Фракція «правых», руководимая пріѣхавшим Черновым**), не сумѣла занять опредѣленной позиціи — три раза уходила она со съѣзда и вновь возвращалась, считая «распри» в такой отвѣтственный момент «преступленіем». Ушедшіе (в числѣ 150 человек) образовали особое всероссійское совѣщаніе представителей крестьянских депутатов. Оставшіеся «в виду крайне напряженной атмосферы» в первую очередь приступили к обсужденію вопроса о конструкціи власти. Этот достаточно уже набившій оскомину вопрос, дѣйствительно, остроты не имѣл. Соглашаться теперь можно было только с большевиками, и Зиновьев, выступившій от имени ЦИК, всѣм

*) Московскіе промышленники посылают уже делегацию в ВРК с ходатайством об освобожденіи министров — не социалистов.

**) Частное совѣщаніе делегатов съѣзда специально ходатайствовало перед Совнаркомом о гарантіи личной неприкосновенности Авксентьеву, Чернову и Гоцу для того, чтобы они могли на съѣздѣ дать отчет о своей работѣ. Члены партіи, однако, сообщили в Могилев, что пріѣзд Гоца и Авксентьева «небезопасен».

раскрывал объятія: «добро пожаловать». Проголосовавъ как бы для счистки совѣсти формулу «от н. с. до большевиков» и оговорив, что в случаѣ несогласія оппозиціи власть должны взять тѣ, кто стоят на платформѣ 2-го съѣзда совѣтов, лѣвые с. р. отказались от «политики изоляціи» Ленина и капитулировали перед большевиками. Рѣшено было слить ЦИК с Совѣтом Кр. Деп. на паритетных началах. На съѣзд прибылъ Свердлов и пригласил делегатов пожаловать в Смольный. Рѣчь Свердлова, провозгласившаго соглашеніе «одним из самых выдающихся фактов революціи», сопровождалась криками: «да здравствует единство демократіи», «да здравствует конец гражданской войны». Затѣм съѣзд во главѣ со Спиридоновой, избранной предсѣдательницей, со знаменами направился в Смольный и здѣсь у входа был торжественно встрѣчен красной гвардіей. На совѣстном засѣданіи Зиновьев объявил: «Наш лозунг — вся власть рабочим, крестьянам и солдатам получил свое дѣйствительное осуществленіе в жизни». Календарь отмѣчал историческую дату 14-м числом. Состоялось соглашеніе тѣх, кто продолжал считать немедленное осуществленіе социализма «воспаленной мечтой фантазеров и утопистов», кто заявлялъ, что тактика большевиков может имѣть успѣх только у масс, «потерявших разсудок», кто говорил против гражданской войны — с тѣми, кто проповѣдывал эту гражданскую войну и через нее вел страну к «социализму». «Началась социалистическая пролетарская революція», — провозглашал Ленин через три дня на крестьянском съѣздѣ, одновременно заявив, что «большевики идут на уступки» принятіем лѣво-эсэровскаго проекта о землѣ, который они «не раздѣляют».

Между большевиками и лѣвыми с. р. состоялось соглашеніе и о составѣ правительства. Партія, пришедшая раздѣлить власть с переворотчиками, постановила: «ни под каким видом не покидать Смольный, покуда он находится в центрѣ революціи». И на съѣздѣ лѣвых с. р. раздались уже голоса о том, что У. С. «станет для нас помѣхою». За лѣвыми с. р. потянулись «другіе участники вижжелевских совѣщаній». 17 ноября меньшевики-интернационалисты отвергли предложеніе Мартова о невхожденіи во ВЦИК до признанія большевиками верховных прав Учредительнаго Собранія и отказа от террора. Считаая «ошибочной» бойкотистскую тактику, они заявили о своем согласіи войти в Совѣт Нар. Ком., если им это будет предложено. Делегировал своих представителей во ВЦИК и Викжель. И едва ли при таких условіях на кого-либо могла произвести впечатлѣніе резолюція 150 отколовшихся депутатов крестьянскаго съѣзда, все еще повторявшая зады об однородной социалистической власти. Это был пройденный этап. Анахронизмом звучали выбор на съѣздѣ особой комиссіи «по организаціи власти» и просьба Чернова не настаивать на его кандидатурѣ в премьеры и не требовать исключенія большевиков из правительства.

Над предстоящей дилеммой, которую ставил созыв Учр. Собрания, задумывалась и «ленинская гвардія». По словам Троцкого, Ленин «в первые же дни, если не часы, послѣ переворота» поставил вопрос об Учр. Собрании. Вначалѣ, как будто бы, рѣчь шла только об отсрочкѣ созыва Учр. Собрания. Вождь в этом вопросе на первых порах вновь оказался в одиночествѣ. Он считал, что жизнь уже прошла «мимо этого этапа», «учредилка», — говорил он Соломону, — «старая сказка». Окруженіе боялось итти наперекор настроеніям в массах, которыя в цѣлях демагогических усиленно создавали сами большевики: «мы полтора мѣсяца работали и трубили о том, чтобы обезпечить созыв У. С.», — напоминал Бухарин в засѣданіи своего ЦК. В своей печати они дѣйствительно изо дня в день систематически доказывали только, что «меньшевики и эсэры помогают буржуазіи сорвать Учредительное Собрание» (статья Сталина 5 октября), и что именно для этой цѣли создано «демократическое прикрытіе в видѣ контр-революціоннаго предпарламента». Они ушли из предпарламента с заявленіем: «Да здравствует Учредительное Собрание». По предложенію большевицкой фракціи московскій областной съѣзд совѣтов принимал резолюцію, в которой говорилось, что созыв У. С. в Петроградѣ «под охраной революціонных войск и вооруженнаго пролетаріата» обезпечивает собраніе «от всяких покушеній со стороны контр-революціи». И на другой день послѣ переворота «Правда» взывала: «Товарищи, вы своею кровью обезпечили созыв в срок *хозяина земли русской* — Всероссийскаго Учредительнаго Собрания». Ощущая свое полное безсиліе в смольненской цитадели, новая власть склона даже заигрывать с Комиссіей Вр. Пр. по созыву Учр. Собрания — Бонч-Бруевич от имени Совѣта Нар. Ком. «горячо» благодарит Набокова, узнав от него, что Комиссія постановила «возобновить свои занятія» и одновременно «безусловно игнорировать Совѣт Нар. Ком., не признавать его законной властью и ни в какія отношенія с ним не вступать». И эта уступчивость усыпляла общественное сознание — даже кадеты, через три недѣли объявленные врагами народа, могли свободно устраивать избирательныя собранія. Ленин примирялся до времени с этими «конституціонными иллюзіями», но «согласно своему методу» постепенно «вколачивал» в головы членов своей гвардіи мысль о «необходимости исключительно суровых мѣр для спасенія революціи». Десятки раз в день, — утверждает Троцкій, — он твердил об этой исторической неизбѣжности жестокаго революціоннаго террора. И снова ленинскій подпѣвало забывает сказать, что сам он первым из большевиков вспомнил о террорѣ французской революціи, еще в августѣ 17 г., когда восхищался тѣм, что Робеспьер вмѣсто того, чтобы обмѣниваться с жирондистами рукопожатіями, «рубил им головы». «Послушная гвардія ленинизма» легко восприняла этот «пафос» революціи. Вмѣстѣ с тѣм предрѣшалась и судьба Учредительнаго Собрания. Уже 8 ноября Володарскій в засѣданіи петербургскаго комитета предрекает: «может быть, нам придется разогнать У. С. штыками». «Надо разъяснить

массам, какой важности вопрос онъ рѣшаютъ: кому онъ дадут свои голоса». Надо сказать массам, что «если в У. С. будет большинство не наше, то на очереди станет вопрос о третьей революціи». Не лучше ли в таком случаѣ У. С. не созывать, — возражают Володарскому представители из районов: «власть в наших руках». «Если бы Питер был всей Россіей, — отвѣчает Володарскій, — то, конечно, У. С. можно было бы не созывать».

14-го стали извѣстны уже результаты выборов в Учредительное Собраніе по Петербургу. Большевики получили около 40% голосов. На многих этот факт произвел «потрясающее впечатлѣніе». «Стало ясным, — пишет Станкевич, — что путь демократизма, большинства голосов формально выраженной воли націи лежит крайне близко около большевиков». «Это самая многочисленная и вліятельная в массах партія. Было явной нелѣпостью пытаться бороться с ней вооруженным путем». Намѣчается новый психологическій сдвиг в рядах революціонной демократіи, который нашел яркое себѣ выраженіе на собравшихся в концѣ мѣсяца в Петербургѣ съѣздах партій социалистов-революціонеров и социал-демократов.

Успѣх большевиков на выборах в центрѣ не может быть объяснен только несознательностью масс, на которую склонны были указывать многіе представители социалистической демократіи послѣ октябрьскаго переворота, тѣм самым вынося суровый приговор своей восьмимѣсячной демагогіи среди некультурнаго народа. Этот успѣх не может быть объяснен и тѣм, что массы всегда болѣе или менѣе склонны поддерживать имѣющих в данный момент силу или видимость этой силы. Что могла сказать массам революціонная демократія, находившаяся в состояніи полного разброда? «Глубокія бреши расколдов нашу партію на части. Нѣтъ единства дѣйствій, нѣтъ единства непосредственных цѣлей», — признавало опубликованное 14 ноабря увѣдомленіе ЦК партіи с. р. о созывѣ съѣзда. «Наша партія сейчас переживает катастрофическое состояніе. Она стерта почти совершенно с политической арены», — говорил Потресов на открывшемся съѣздѣ меньшевиков. Но дѣло было не только в том, что революціонная демократія не выявила своего лица перед массами и за это «расплативалась» — у нея был двуликій образ. Куда «инстинкт» должен был толкать рабочаго в тот день, когда рѣшался вопрос о составѣ будущаго Учредительнаго Собранія? Церетели ему в сущности говорил: теперь уже неизбежна кровавая расправа с рабочим классом. Или мы или та же неизбежная расплата, — утверждали большевики. Надо ли удивляться, что голоса отдавались большевикам? Мы могли бы присутствовать на показательном собраніи представителей петербургскаго гарнизона, созванном 10 ноября по инициативѣ Преображенскаго и Семеновскаго полков. Приглашены были ораторы всѣх социалистических партій — это само свидѣтельство за себя. Подавляющим большинством принимается одна-ко большевицкая резолюція. Рѣчь шла все о той же возможности соглашенія социалистических партій, т. е. о намѣчавшемся компромиссѣ. Большевики заявили, что они идут на это соглашеніе, но ему противодѣйствуют меньшевики и правые с. р., ко-

торые им не дают отвѣта или отвергают декреты II Съезда совѣтов, т. е. срывают «завоеванія революціи». Весьма показательно, что в протоколах засѣданій петербургскаго комитета торжествующей партіи можно найти отмѣтки о «полном равнодушіи» масс, о «громадном абсентеизмѣ» — «многіе уничтожают избирательные бюллетени».

Если одни говорили о неизбѣжной расплатѣ, то другіе доступным элементарному сознанію реальным лозунгам мира, земли, рабочаго контроля и пр., провозглашенным большевицкой властью от имени совѣтов и формально ею осуществляемым, противопоставляли отвлеченныя надежды на Учредительное Собраніе, которое должно претворить в жизнь тѣ же в сущности чаянія народных масс и завершить русскую революцію с ея «большими социальными заданиями»^{*)}. Другими словами вопрос в значительной степени шел только о методах, к которым народное сознаніе, вѣроятно, в своем большинствѣ было довольно равнодушно. За Учредительное Собраніе надо было еще бороться. Может быть, в началѣ революціи идея Учредительнаго Собранія и встрѣчалась в массах, скорѣе в интеллигенціи, «со священным трепетом», но фетиш погускнѣлъ за девятимѣсячное ожиданіе. Во имя Учредительнаго Собранія поднять массы против Совѣтов едва ли было возможно. Вѣдь никто иной, как лидер партіи с. р. Чернов демагогически обмолвился еще 5 мая в Совѣтѣ Кр. Депутатов: совѣт — наше «социалистическое Учредительное Собраніе». «Совѣт вытѣснилъ из революціонной идеологіи Учредительное Собраніе» — таков вывод составителей февральской «Хроники»^{**}). Наглядную иллюстрацію сказаннаго в сущности дает сам Соколов при описаніи юго-западнаго фронтоваго съѣзда в Бердичевѣ в серединѣ ноября. Двѣ трети делегатов съѣзда принадлежали к с. р. партіи. На второй день съѣзда прибылъ Авксентьев. «Всѣ его стремленія, — рассказывает Соколов, — выяснить суть большевицкаго переворота и показать, что этот переворот направлен прежде всего против принципа народовластія и Рос. Учр. Собранія разбивались о каменную стѣну взаимнаго непониманія большей части фронтоваго съѣзда». И прежде всего в самой эсэровской фракціи — «часть эсэров, присланные главным образом тыловыми частями фронта стояли на двусмысленной позиціи, которую они называли почему то черновской, и которая сводилась к тому положенію, что так как Временное Правительство больше не существует и так как Учредительное Собраніе еще не успѣло открыться, то вся власть

^{*)} В полном смыслѣ слова «большевицкая» вступительная рѣчь предсѣдателя Учредительнаго Собранія 5 января, названная Огановским в дневникѣ «акробатическими упражненіями на лозунгѣ большевиков», ярко подтверждает этот тезис. «Тѣх же шей, да пожже влей», — охарактеризовал и Пѣшихонов в «Народном Словѣ» рѣчь Чернова «под большевика» в Учредительном Собраніи.

^{**}) На основаніи своих наблюденій над солдатской психологіей в Особой Арміи с. р. Соколов приходит к противоположному выводу. В первые мѣсяцы революціи Учредительное Собраніе было для фронта «чѣм-то абсолютно неизвѣстным, неясным, безусловной *terra incognita*». Симпатіи тяготѣли «вполнѣ опредѣленно и нескрываяемо к Совѣтам» («Совѣты де наши»). И только постепенно сознаніе солдатских масс начала проникать мысль о правдѣ, заключенной в идеѣ Всер. Учр. Собранія».

в странѣ должна принадлежать Совѣтам». С большим трудом Авксентьеву удалось убѣдить «своих единомышленников», что «нельзя совмѣщать и сливать воедино два лозунга: «вся власть совѣтам» и «вся власть Учр. Собр.». При таких условіях не трудно было побѣдить прибывшему вслѣд за Авксентьевым Крыленко. Он также требовал лишь утвержденія лозунга: «вся власть Совѣтам до дня созыва Учр. Собранія»^{*)}. Безпартіяная масса, не связанная дисциплиной, поддержала формулировку, предложенную большевиками и высказалась за власть совѣтов, т. е. за власть по существу большевицкую. Та же масса, однако, в подавляющем большинствѣ во время выборов голосовала за эсэровскій список кандидатов, т. е. сама по себѣ не была большевицкой^{**)}.

Для того, кто боролся с большевиками, логичной могла быть только позиція полной непримиримости и поисков в коалиціонных ресурсах страны, которые имѣлись на лицо, необходимых сил для продолженія борьбы. Эта позиція принципиально отвергалась большинством революціонной демократіи, стоявшей в сущности на позиціи бундовской конференціи 7 ноября, которая упорно отстаивала идею ликвидаціи возстанія «без репрессій» и, как метод борьбы, допускала лишь «саботаж власти». Всякая борьба возможна только тогда, когда древко знамени, на котором начерчен этот девиз, держится крѣпко в руках несущих его знаменосцев. Всякаго рода «резиняціонныя» настроенія никогда не создают пафоса борьбы, и в силу одного уже этого оказались сами по себѣ мертворожденными всѣ начинанія лидеров революціонной демократіи по созданію вооруженной силы для защиты Учредительнаго Собранія и обращенію за помощью непосредственно к народу (воззваніе в началѣ декабря 109 членов У. С., принадлежавших к фракціи с.р.). Простой фразой прозвучало вызвавшее «шумные аплодисменты» заявленіе Чернова на партійной конференціи в Петербургѣ: «Если кто-либо посягнет на Учр. Собр., он заставит нас вспомнить о старых методах борьбы с насиліем, с тѣми, кто навязывает народу свою волю». Громкими словами, «холостыми выстрѣлами», уже нельзя было испугать «ленинцев» и «троцкистов». Почувствовав свою побѣду, они с большей откровенностью вступили на путь репрессій, предуказанный вождем. И Бухарин открыто ставил в Ц. К. вопрос: созывать или не созывать Учредительное Собраніе? — то Учредительное Собраніе, через которое «лжедрузья народа, предатели революціи и измѣнники народным интересам, продавшіеся американским капиталистам бывшіе революціонеры», — как вѣшал «именем революціи» новый верховный главнокомандующій прап. Крыленко в воззваніи 30 ноября ко всѣм солдатам «революціонной арміи и флота» — стремятся «задушить власть рабочих и крестьян. Если созвать, надо устранить «кадет» и лѣвую часть объявить «революціонным конвентом». Эту «линію

^{*)} По концепціи большевиков Совѣты должны были предложить Учредительному Собранію ввести совѣтскую систему.

^{**)} В Особой Арміи 210 т. голосов было подано за эсэров и 45 т. за большевиков, при чем по свѣдѣніям армейской избирательной комиссіи в боевых частях число поданных за большевиков голосов не превышало 5 процентов.

на конвент» отстаивал Троцкий. Ленин даже не выступил во время споров 29 ноября. Слишком ясно было, что судьба Учредительного Собрания уже рѣшена.

12 декабря Ленин опубликовал свои новые «тезисы об Учредительном Собрании», в которых доказывал, что «республика совѣтов является болѣе высокой формой демократизма, чѣм обычная буржуазная республика с Учредительным Собранием, что состав членов, избранных в предстоящее Учредительное Собрание не соответствует теперешней волѣ избирателей, так как при выборах «подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значенія октябрьской, совѣтской, пролетарско-крестьянской революціи, начавшейся 25 октября 1917 г., т. е. послѣ представленія списков кандидатов в У. С.». «Ход событий и развитие классовой борьбы в революціи привели к тому, — продолжал Ленин, — что лозунг «вся власть У. С.», не считающійся с завоеваніями рабоче-крестьянской революціи, не считающійся с совѣтской властью... на дѣлѣ, лозунг кадетов и калединцев и их пособников». Для всего народа становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устраненіе совѣтской власти», т. е. возстановленіе господства «рабовладѣльцев». Единственным шансом на безболѣзненное разрѣшеніе кризиса, создававшегося в силу несоотвѣтствія выборов в У. С. и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, — по мнѣнію Ленина, — «является возможно болѣе широкое и быстрое осуществленіе народом права перевыбора членов У. С., присоединеніе самого У. С. к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявленіе У. С. о признаніи совѣтской власти, совѣтской революціи, ея политики в вопросѣ о мирѣ, о землѣ и о рабочем контролѣ»... «Внѣ этих условій, — гласит послѣдній 19-ый «тезис» — кризис в связи с У. С. может быть разрѣшен только революціонным путем — путем наиболѣе энергичных, быстрых, твердых и рѣшительных революціонных мѣр со стороны совѣтской власти»...

Безсильная по существу «гвардія ленинизма» торжествовала побѣду и на вторых позиціях. Фактически умирал Комитет Спасенія, единственным средством борьбы в руках котораго оставалась политическая забастовка, терявшая свой практическій смысл — рѣшеніе ВРК об арестѣ Комитета Спасенія было уже запоздалым рѣшеніем. Кончало свои дни почти в полной изоляціи и Временное Правительство в «подпольѣ».

Довольно одиноко прозвучал не встрѣтившій поддержки болъшняства призыв народных социалистов и представителей фракціи к. д. 15 ноября в Москвѣ на нелегально собравшемся засѣданіи Городской Думы: «Дума должна от имени московскаго населенія обратиться к Временному Правительству с *стойчивым* требованіем проявить себя, как единственную законную власть, и выступить с категорическим протестом от лица Россіи прогив предательской политики Ленина и Троцкаго в вопросѣ заключенія мира, призвавъ всѣ организованныя силы страны сплотиться вокруг мѣстных самоуправленій и комитетов спасенія родины и революціи для борьбы с большевизмом». Так формулировал *партія*

ную позицію Н. С. Брюхатов, считавшей, что «одна из глубоких ошибок власти («остатков власти») состоит в том, что за последнее время она как то скрылась совсѣм с горизонта и ничѣм активно себя не проявляет». Надо признать, что это был уже пройденный путь. Московская городская Дума с опозданием обсуждала вопрос об организациі однородной демократической социалистической власти — жизнью фактически этот вопрос тогда уже снят был с очереди. Городской голова, «рѣшительно» исключая возможность образования правительства «на почвѣ соглашенія с кучкой авантюристов» и высказывая одновременно сомнѣніе в том, что какое-нибудь правительство может быть организовано до Учредительнаго Собранія*), тѣм не менѣе намѣчал платформу такой временной власти. «Нельзя ни на один день откладывать попытку образования правительственной власти», — говорил Руднев, — хотя «задача может быть безнадежна»; «готовностью содѣйствовать созданію этого правительства мы снимем с себя еще раз отвѣтственность за то, что такое правительство не создается, и что продолжается попрежнему народных прав». Такая формальная позиція не удовлетворяла меньшинство. «Думать, что на двѣ недѣли мы создадим какую-нибудь власть, невозможно, — по мнѣнію Астрова. — У нас есть Временное Правительство, которое мы признаем и мы хотим, чтобы оно дѣйствовало активно. Оно дѣйствует, но реально недостаточно сильно». Новгородцев со своей стороны поддерживал предложеніе «представителя партіи народных социалистов». «До Уч. Собр. остается слишком немного дней, и мы, когда придет этот хозяин земли русской, тогда и будем думать о правильной организациі власти... Сейчас, когда демократія переживает глубокой внутренней кризис, она не может дать этой новой твердой власти». Новгородцев предлагает «сдѣлать в отношеніи к Временному Правительству то же, что дѣлаем по отношенію к самим себѣ. Вѣдь мы же признаем, что Дума существует, несмотря на то, что она распущена, и вы знаете, что Временное Правительство в тѣх осколках, которые оно представляет сейчас, так же существует, дѣйствует и несет свою текущую работу, как и мы. Пусть же эти 10 дней просуществует и Временное Правительство, конечно, не для великих задач спасенія родины, но для исполненія текущих дѣл, которыя на нем лежат и для борьбы с незаконной властью. Пусть оно явится центром тѣх обращеній, которыя всѣ органы власти должны дѣлать к нему, и тогда его задача будет исполнена — даже не довести, а только дотянуть страну до Учредительнаго Собранія». В сущности резолюція Думы была уже в спѣшном порядкѣ принята под угрозой возможнаго разгона засѣданія отрядом солдат, явившимся во главѣ с комиссаром ВРК Быковым в помѣщеніе университета Шапьевска-

*) ...«В руках этой кучки авантюристов, — говорил Руднев, — находится физическая власть и может ли быть разговор, без сверженія этой кучки, о том или другом построеніи правительственной власти до того момента, когда в Учр. С. демократія, народ найдет новую опору для борьбы с захватчиками... Он не может быть разрѣшен без того, чтобы большевизм... не был изжит внутренне самим народом.

го, гдѣ состоялось собраніе Думы с участіем делегатов от всѣх московских общественно-демократических учреждений. Поправки даже не обсуждались. Резолюція, включавшая рѣзкій протест против дѣйствій «безответственных захватчиков, против ареста членов Временнаго Правительства и предательскаго сепаратнаго мира», призывала сплотиться вокруг Учредительнаго Собранія: «Дума твердо вѣрит, — гласила резолюція, — что, несмотря на всѣ насилія над волей избирателей, население сумѣет дать странѣ разумное и честное народное представительство, и что властный голос Учредительнаго Собранія вскорѣ зазвучит над измученной Россіей. А до созыва У. С. только однородная, преемственно созданная социалистическая власть, осуществляющая то, за что борются лучшія силы народа, могла бы явиться единственной силой, способной внести успокоеніе и порядок в странѣ»...

«Осколки» Временнаго Правительства реальной поддержки в Москвѣ не получили*). «Как то странно из небытія», по выраженію дневника Рейнгартена прозвучало появившееся 17 ноября в газетах обращеніе к странѣ Временнаго Правительства. Назначая срок созыва Учр. Собранія на 28 ноября, Временное Правительство из своего подполья заявляло, что оно в «настоящее время является единственной в странѣ законной властью» и что оно продолжает работу, чтобы не допустить «мятежников овладѣть государственным организмом». Но это не был призыв к борьбѣ, это была жалоба на отсутствіе поддержки, самооправданіе в бездѣйствіи — Врем. Пр. не желало принимать участія в конструкціи новой власти «за нѣсколько дней до Учредительнаго Собранія». Большевики постановили арестовать подписавших заявленіе от имени Временнаго Правительства и закрыли газеты, напечатавшія это заявленіе. Но по существу это, поистинѣ, был голос уже из загробнаго міра**). Он мог вызвать лишь новую «демонстрацію безсилія» у Таврическаго Дворца, в которой все же участво-

*) На чрезвычайной сессіи московскаго губернскаго земскаго собранія 18 ноября также раздавались призывы «поднять свой голос за освобожденіе членов Вр. Пр. и за возвращеніе их к власти».

**) Откликнулись и заключенные в Трубецком бастионѣ Петропавловской крѣпости министры, откликнулся и Керенскій заявленіем, что, сложив обязанности предсѣдателя, он не вышел из состава правительства. Коновалов, Кишкин, Терещенко, Смирнов, Карташев, Бернацкій и Третьяков заявляли 26-го «предсѣдателю Всер. Учр. Собранія»: «Исполняя долг перед гибнущей родиной мы 25 сентября, по соглашенію с представителями правомочных органов революціонной демократіи, вошли в состав коалиціоннаго правительства и наравнѣ с нашими товарищами социалистами свято исполняли правительственную программу, установленную вмѣстѣ с представителями демократіи. Считая Временное Правительство до созыва У. С. единственно законной властью в странѣ и не желая имѣть никаких сношеній с захватчиками власти, ведущими государство наше к окончательной разрухѣ, мы терпѣливо несли наше заключеніе, исполняя до конца свой долг перед родиной. Теперь, передав власть У. С. — единственному хозяину земли русскою, — мы просим высокое собраніе дать нам и всѣм заключенным представителям Врем. Пр. свободу... и тѣм предоставить нам возможность дать полный отчет У. С. о дѣйствіях наших, как членов Временнаго Правительства».

вало, по свидѣтельским показаніям, «10 тысяч человек»^{*)}). Городской голова Шрейдер «по постановленію Временнаго Правительства» открыл 28-го «высокое собраніе» в присутствіи 43 членов, которые признали себя не в законном составѣ и произнесли нѣсколько красивых фраз протеста против преступнаго посягательства на Учредительное Собрание... Лебединой пѣснью саботажной эпопеи был и красивый жест, сдѣланный 28 ноября в общем собраніи всѣх департаментов Правительствующаго Сената, призывающаго должностных лиц правительственных, городских и земских учреждений не выполнять незаконных вѣднѣй комиссаров из Смольнаго, преступным насиліем захвативших державную власть. (Постановленіе это, формулированное престарѣлым Таганцевым, было опубликовано в Собраніи узаконеній).

Россія большевицкая пошла в невѣдомую темную даль будущаго с «фонарем ленинизма», и совѣтскій поэт в образном стихѣ смог через короткое время охарактеризовать этот путь словами:

*«Мы за собой итти заставим
К бичу привыкшія стада»...*

Послѣдующія страницы исторіи этих дней должны рассказать о том, как народился в массах подлинный большевизм, и как прокатился он волной по всей странѣ. Но волна эта поднялась в значительной степени послѣ разгона Учредительнаго Собранія, послѣ того, как революціонная демократія не сумѣла организовать его защиту^{**}). В дни октябрьскаго переворота дѣйственной роли не играли ни та «чернь», о которой говорил Керенскій и позже ген. Деникин, ни тот «мятежный охлос», который выдвигал Чернов, ни тѣ «преступные элементы» в массах, которые, по мнѣнію ген. Головина, опредѣлили особый характер послѣдней стадіи революціи 17 года. Поэтому я и не могу повторить слова перваго историка русской революціи и октябрьскаго переворота (Миллюков): «разбушевавшійся океан народных страстей поглотил вождей». Надо было еще время для того, чтобы вызвать «злых дучов» из преисподней.

Завоеваніе страны.

«В рѣшающій момент в рѣшающем пунктѣ имѣть подавляющій перевѣс сил — этот закон военного успѣха есть также закон политическаго успѣха», — писал Ленин уже послѣ переворота.

^{*)} «Извѣстія» опредѣляли число демонстрантов в 1000 человек. Антонов-Овсѣенко, занимавшій тогда пост главнокомандующаго в округѣ, исчисляет число демонстрантов в 5000 человек, которые в испуганном воображеніи большевицкой головки (Ленин, Троцкій) представлялись, по его словам, уже 100-тысячной толпой. Не довѣряя гарнизону, большевики отдали приказ войскам «из казарм не выходить» во время демонстрацій. Безопасность Совнаркома охраняли латышскіе стрѣлки, заранѣе вызванные с фронта.

^{**}) Севастопольскіе разстрѣлы офицеров 15 декабря были в сущности изолированным еще эпизодом, хотя и служившим кошмарным предвозвѣстником момента, когда страна «опьянѣет от крови». О роли «революціонной демократіи» в дѣлѣ защиты Учр. Собр. см. мою, посвященную Н. В. Чайковскому, кнгу «В годы гражданской войны».

Большевики побѣдили потому, что имѣли «мощный ударный кулак» в столицах. Безспорно, столицы «в значительной степени рѣшают политическую судьбу народа». Слишком велико психологическое значеніе центра, гдѣ бьется правительственная артерія, и гдѣ сосредоточена главная масса цѣнностей, матеріальной и духовной культуры страны. «Монологи» Петербурга и Москвы могли бы остаться изолированными эпизодами лишь в том случаѣ, если бы квалифицированные общественныя силы в центрах, захваченных неожиданным шквалом налетѣвшей бури, были своевременно переброшены в страну и там, в далеком тылу, пытались авторитетно организовать національное объединенное противобольшевицкое движеніе.

Обстановка, в которой протекали октябрьскіе дни в столицах, не могла создать «стержня», вокруг котораго начала бы «кристаллизоваться» воля к дѣйствию. Безсильной оказалась революціонная демократія, ибо только единство цѣлей могло бы претвориться в единство воли. Достаточно отчетливо в то еще время подчеркнул это один из лидеров народных социалистов Пѣшеонов в цитированной уже статьѣ «Борьба с большевиками и большевизм», которая была напечатана 3 ноября в «Народном Словѣ». Он подводил итоги еще незаконченной тогда дѣятельности Комитета Спасенія и констатировал неспособность дѣйствовать в рѣшительный момент для двух главенствующих партій (с д. и с. р.), запутавшихся в противорѣчивых рѣшеніях. Образным фигуральным сравненіем из простонародной сказки писатель пояснял, как за «дѣдку», держащагося за большевицкую «рѣпку» (автор подразумевал здѣсь меньшевиком-интернаціоналистов) ухватились немедленно и «бабка» и «внучка». Этот «большевизм», проникавшій и заражавшій революціонную демократію, парализовал и дѣлал неэффективным объединеніе, которое пытались создать вокруг Комитета Спасенія. Пѣшеонов призывал к сближенію тѣх частей партій, которыя не были заражены большевизмом. (Такая организационная попытка была осуществлена лишь через нѣсколько мѣсяцев — это и был так называемый «Союз Возрожденія Россіи»). Несоціалистическіе круги русской общественности в тѣ дни как то оказались в нѣтях — мы их почти не видим на ролях дѣйственных. Партія народной свободы в воззваніи своем 10 ноября высказывала увѣренность, что «найдутся в странѣ силы, которыя помогут ей (т. е. странѣ), как можно, скорѣе покончить с безпримѣрными в ея исторіи опасностями и бѣдствіями». Воззваніе призывало «не мириться с положеніем, которое грозит гибелью Россіи» и «противодѣйствовать проведенію декретов о мирѣ и землѣ». Это была одна из тѣх словесных резолюцій, о которых так отрицательно говорит в своих воспоминаніях Набоков, и в которых, по справедливости, он не видит никакого конкретнаго плана дѣйствія.

Мираж «мощнаго кулака» в столицах в силу внѣшней, по существу эфемерной побѣды большевиков в провинціи был принят за дѣйствительность. Тѣм не менѣе страна отнюдь не подчинилась молчаливо директивам, которыя как бы шли из столицы. Совершенно ложное представленіе дает Троцкій, уподобляя отзву-

ки на октябрьскій переворот февральской революціи, «по телеграфу» охватившей Россію. Большевицкій политическій телеграф во всяком случаѣ работал довольно неисправно. Лучшим опроверженіем Троцкаго служит опубликованный «Правдой» 11 ноября, т. е. через двѣ недѣли послѣ переворота, список «важнѣйшихъ городовъ, гдѣ власть находится в руках совѣтовъ». В «важнѣйшіе» города зачислены даже уѣздные города московской губерніи, как Серпуховъ, Подольскъ, Орѣхово-Зуево. Но и этот «неполный» список очень относителен в смыслѣ своей квалификаціи. Никакой «совѣтской» власти не было еще в Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону и во многих других перечисленных «Правдой» городах. Напримѣр, в Нижнем-Новгородѣ формально провозглашена была «совѣтская власть» лишь 21 ноября, а за три дня перед тѣмъ собравшійся в городѣ всероссійскій почтово-телеграфный съѣзд привѣтствовал мѣстный комиссар Временнаго Правительства — представителю же большевиков было отказано в выступленіи. Оставляя в сторонѣ далекую Сибирь, казачьи области*), Румынскій фронт, гдѣ «октябрь» затянулся «на нѣсколько мѣсяцевъ», Украину с ея специфическими національными условіями, приведенными, напримѣр, к тому, что в Кіевѣ украинцы и большевики на первых порах выступили совмѣстно против правительственныхъ сил, а затѣм Рада ликвидировала большевицкую акцію, и, касаясь только центра, неизбѣжно приходится признать, что «красный октябрь» сравнительно медленно расплзался по странѣ, несмотря на усилія «644» комиссаров, разсланных из Петербурга. В подмосковной Рузѣ только через мѣсяцъ народились первыя зачатки совѣтской власти. Только 3 декабря пережил Новгород свой «октябрь», а в Боровичах Новгородской губ., по признанію мѣстных большевицких лѣтописцев, еще в январѣ 18 г. нельзя было открыто «называть себя большевикомъ». С такимъ же запозданіем, лишь с прибытіем отряда матросов, началась большевицкая эпопея в Рыбинскѣ. В Поволжѣ и на Уралѣ это начало надо отнести к концу декабря. Крестьянскій съѣзд в Воронежѣ (на 489 депутатовъ было только 24 большевика) держался до 28 декабря. В Вяткѣ власть захвачена была губернскимъ земскимъ собраніемъ, назначившимъ особый «Верховный Совѣтъ». В Вологодской губ. даже лѣтомъ 19 года продолжало функціонировать городское и земское самоуправленіе. Россія далеко не была еще большевицкой. Выборы в Учредительное Собраніе засвидѣтельствовали этот фактъ — несмотря на край-

*) «Октябрьскіе» дни, напр., в Области Войска Донского в сущности оттянулись на мѣсяцъ. Какую позицію заняла здѣсь революціонная демократія показываетъ воззваніе, выпущенное ею 26 ноября к «товарищамъ солдатамъ, казакамъ, матросамъ, рабочимъ и крестьянамъ». Воззваніе было подписано вышедшими из Областного ВРК объединенной демократіи (т. е. из организациіи, созданной совмѣстно с большевиками) представителями ростовской и нахичеванской городскихъ дум, совѣта крестьянскихъ депутатовъ, партій соц. рев. и соц. дем. и др. «Эта война (т. е. столкновеніе Войскового Правительства с большевиками), — гласило воззваніе, — ведется той и другой стороной за лозунги, совершенно неприемлемые для демократіи Донской Области... Эту гражданскую войну, затѣянную авантюристами обоих лагерей, мы считаемъ тѣмъ болѣе преступной, что до созыва У. С. остается всего нѣсколько дней». Позиція революціонной демократіи такимъ образомъ в корень подрывала дѣятельность Войскового Правительства.

не благоприятныя условия для большевиков и на значительный абсентеизм населенія (мѣстами на выборах голосовало не больше 35%) побѣдители могли собрать в общемъ только четверть голосов. Такимъ образомъ жизнь сразу опровергла утверждение Ленина, писавшаго в «Правдѣ» 9 октября: «мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством» — «мы марксисты»... Это противорѣчіе не могло, конечно, помѣшать Ленину продолжать утверждать, что «подавляющее большинство» населенія на сторонѣ большевиков и говорить уже о несоотвѣтствіи выборов в У. С. с «волею народа» — эти выборы «вчерапній день революціи». Никто уже не вспоминалъ торжественнаго заявленія «вождя» на сѣздѣ совѣтовъ, что большевики подчинятся волѣ народа, если с. р. получают в У. С. большинство. При такихъ условіяхъ такъ называемая «диктатура пролетаріата» могла держаться только на «силѣ штыковъ» новыхъ преторіанцевъ, какъ о томъ предусмотрительно говорилъ одинъ изъ ораторовъ на іюльской еще конференціи большевиковъ.

Для того, чтобы свести в одну общую картину процессъ «завоеванія» большевиками страны или ихъ «тріумфальнаго шествія», по выраженію Ленина, надлежитъ еще продѣлать большую довольно спеціальную и кропотливую работу по изученію мѣстныхъ источниковъ. При однородной со столицами общественной психологіи провинція должна была повторить в миниатюрѣ, в разныхъ формахъ и видахъ то, что происходило в Петербургѣ и Москвѣ — вплоть до словесныхъ иногда фигурацій*). Наблюденія над провинціальными особенностями этихъ фотографическихъ пленокъ позволяютъ, не дѣлая выводовъ, поставить одинъ вопросъ — онъ можетъ служить, какъ бы, отвѣтомъ на рѣчь министра юстиціи Малянтовича на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій подпольнаго Временнаго Правительства, когда обсуждалась декларация о созывѣ Учредительнаго Собранія. «Временное Правительство, — говорилъ онъ 15 ноября по черновой записи протокола, — было совершенно одиноко, что и было доказано особенно ярко во время возстанія. Казалось бы, что до возстанія, когда каждому было ясно, что оно неизбежно, могли объединиться вокругъ Временнаго Правительства, какъ единственнаго полюса противъ большевиковъ. Но этого не оказалось».

В маленькой провинціальной Калугѣ все сложилось по другому. 26-го октября городская Дума на совмѣстномъ засѣданіи съ представителями политическихъ партій, совѣтовъ, профессиональныхъ союзовъ и воинскихъ частей вынесла резолюцію: «Собраніе считаетъ своимъ долгомъ принести торжественную клятву Временному Правительству в томъ, что силы, жизнь и имущество калужскихъ гражданъ в распоряженіи Временнаго Правительства». Для поддержки Правительства былъ созданъ временный исполнительный органъ в составѣ губернскаго комиссара, командующаго войсками, началь-

*) В Саратовѣ, напримѣр, по предложенію соц. рев. при извѣстіи о переворотѣ былъ созданъ Революціонный комитетъ не для борьбы с захватчиками власти в предвидѣннн пораженія большевиковъ и неизбежнаго «разгула реакціи». Исполнительный Комитетъ совѣтовъ в Симферополѣ, считая захватъ власти большевиками «безумной преступной авантюрой», вмѣстѣ с тѣмъ воздерживался «отъ поддержки Временнаго Правительства» и т. д.

ника гарнизона, городской управы и представителей профессиональных и политических организаций*). И получилось такое прочное положение, что Калуга могла сохранить свое собственное лицо и послѣ паденія Москвы — и столь яркое, что прибывшіе в Петербург из Москвы для информации Временнаго Правительства о настроеніях в провинціи Шаховской и Кускова могли передать предложение Калуги «принять Временное Правительство». Само по себѣ это предложение, возможно, и запоздало. 14-го в Калугу прибыла из Москвы не то карательная экспедиція, не то «комиссія» по разслѣдованію с представителями «Викжеля». Комиссія предпочла пойти по пути компромисса. По соглашенію с «органом губернской власти по спасенію революціи» было установлено, что орган этот ликвидируется, и что власть передается особому «Революціонно-соціалистическому Комитету» из представителей всѣх соціалистических партій. Большевики тотчас же попытались нарушить соглашеніе и вмѣсто «Соціалистическаго Комитета» образовать свой ВРК без участія меньшевиков и соц. революціонеров. Он оказался «безсильным». Городская Дума при содѣйствіи ударников разогнала ВРК. Городом продолжал управлять формально распушеченный «Орган губернской власти», и никто распоряженій большевицкаго ВРК не признавал. Так длилось еще почти двѣ недѣли.

Власть Временнаго Правительства в лицѣ его мѣстных агентств, поддержанных революціонной демократіей, продлилась в Калугѣ на цѣлый мѣсяц. Одинокая, изолированная Калуга, организованаенно никѣм и поддержанная, естественно не могла сдѣлаться всероссійским центром. Опыту Калуги суждено было в сущности остаться эпизодом. Но эпизод этот мог быть и во всероссійском масштабѣ**).

Если бы людям, дѣйствовавшим в октябрьскіе дни 17 года, открылась в свое время возможность заглянуть в книгу судеб и предвидѣть, может быть, они и поняли бы, что «импровизаціей» нельзя предугадать извилистых шагов исторіи, и тогда, вѣроятно, нѣсколько измѣнилась бы их общественная психика. И «бред» — так назвал Плеханов апрѣльскіе тезисы Ленина***) — бред «ничтожной кучки не смог бы охватить скорѣе пассивныя народныя массы. Никто, пожалуй, так ярко не опредѣлил практи-

*) Такое единство легко образовалось в силу специфической обстановки, создавшейся в Калугѣ в предоктябрьскіе дни. Энергичный правительственный комиссар Галкин распустил совѣт и при содѣйствіи небольшого отряда ударников обезоружил большевицкую часть гарнизона, которая препятствовала отправкѣ маршевых рот на фронт. Большевицкая печать в тѣ дни много мѣста удѣляла калужским событіям и правительственному террору. В дѣйствительности разоруженіе произошло безболѣзненно — «слегка оцарапан» был при столкновеніи один казак.

**) Черты, характерныя для Калуги, могут быть отмѣчены в рядѣ провинціальныя городов.

***) И не только Плеханов. Позднѣйшіе обличители «троцкизма» в рядах коммунистической партіи не раз вспоминали отзыв, в свое время данный Троцким: «Неужели Ильич в самом дѣлѣ с ума сошел и такія дикости надѣлал своими выступленіями». Впоследствии, окончательно присоединившись к большевикам, Троцкій находил, что апрѣльскіе тезисы Ленина были «именно тѣм, что нужно было революціи».

ческие жонгли «ленинизма», как «лучший большевик» Троцкий (такую характеристику дал ему Ленин — по отрыву, впрочем, самого Троцкого), вложивший в уста «величайшего человека нашей революционной эпохи» слова: «Тупицы! История дѣлается в окопах, гдѣ охваченный кошмаром военного похмелья солдат всаживает штык в живот офицера и затѣм на буферѣ бѣжит в родную деревню, чтобы там поднести красного пѣтуха к помѣщицкѣй кровлѣ. Вам не по душѣ это варварство? Не прогнѣвайтесь, — отвѣчает вам история. Чѣм богата, тѣм и рада. Это только вывод всего, что предшествовало».

Здѣсь дана не только историческая характеристика «ленинизма», но и послѣдующей эпитгонской идеологій «троцкизма» и «сталинизма». Это — сущность всей тактики «краснаго октября», всей кровавой проповѣди «гражданской войны в мировом масштабѣ».

П.

Ч А С Т Ъ І І І

« М О С К О В С К А Я Н Е Д Ъ Л Я »

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

«Мы.. коммунисты, с гордостью можем сказать, что мы никогда массу не обманывали!»

Бухарин.

Неожиданно Москва, гдѣ большевики в представленіи Ленина могли бы не только выступить первыми против Временнаго Правительства, но и побѣдить, не встрѣтив отпора, оказалась ареной самых длительных и упорных боев. Именно здѣсь вооруженная борьба затянулась на цѣлую недѣлю и повлекла за собой наибольшее количество жертв. Число послѣдних трудно поддается учету. Неизвѣстно на основаніи каких данных Бухарин в петербургском докладѣ Цент. Исп. Ком. Совѣтов 6 ноября опредѣлил их довольно произвольно в 5000 человек (цифру эту воспроизвел и Бьюкенен в своем дневникѣ) — вѣроятно, надо говорить о сотнях*).

На чем основывалась увѣренность Ленина? В книгѣ одного из дѣятелей московскаго возстанія Пече «Красная Гвардія в Москвѣ в боях за октябрь», носящей характер отчасти воспоминаній, мы находим любопытное указаніе. В подпольном большевицком штабѣ Красной Гвардіи**), в значительной степени секретно даже эт партійных организацій, задолго до октябрьскаго переворота велась техническая подготовка под «руководством» самого Ленина,

*) 10 ноября большевики похоронили своих героев под Кремлевской стѣной — число их партійной печатью исчислилось в 238. Очевидно, не всѣ погибшіе в боях были зарегистрированы. Настроение массы еще мало соответствовало таким гражданским похоронам. — «Зарыты, как собаки, под стѣной» (из трамвайных разговоров). Губбюро Испарта, составившее список погибших партійцев, «при всем стараніи» могло занести в этот список лишь 35 человек. 14 ноября происходили торжественныя церковныя похороны на Братском кладбищѣ павших с другой стороны. Предполагалось, по словам «Русскаго Слова», похоронить 55 погибших, но тѣла 18 из них были взяты родственниками из Анатомическаго Института и похоронены отдѣльно. Как ни уменьшены эти цифры, онѣ дают до нѣкоторой степени фактическое представленіе о числѣ павших в боях. Значительный процент погибших в дни московскаго возстанія надо отнести за счет случайных жертв той подчас бессмысленной и беспорядочной стрѣльбы, которая шла тогда на улицах Москвы.

**) Организация красной гвардіи в Москвѣ запоздала. Ея офиціальныи устав был утвержден Совѣтом лишь наканунѣ возстанія.

причем он от времени до времени «провѣрял работу». Московскіе «ленинцы» утверждаютъ, что план вооруженнаго возстанія этим оперативным штабом был «своевременно и достаточно шолно разработанъ», но знали о нем лишь нѣсколько человекъ. Этот «планъ» и лег как бы в основу боевых дѣйствій в октябрьскіе дни.

Возможно, что московскіе планики из ленинскаго штаба штудировали книги о тактикѣ уличных боев, изучали и полицейскій план подавленія по районам московскаго вооруженнаго возстанія 1905 года, но то, что они фактически называют предварительным планом возстанія 17 г., никак нельзя назвать этим словом. Вот его основныя положенія: 1. Всѣ военныя дѣйствія направляются к одному центру. 2. Роль районов заключается в планомѣрном стягиваніи к центру своих военных сил. 3. Не упускать из вниманія, что тылы будут для районов не безопасны. 4. Дѣйствія рѣшительныя и энергичныя. 5. Навозможно меньшее пролитіе крови. 6. Охрана безопасности населенія. Курьезно, что запись с этими очень неопредѣленными положеніями под заголовком «Общій план революціонных армій» случайно была найдена историком Сторожевым в архивѣ московскаго революціоннаго комитета. Нашелся в сущности какой-то неизвѣстный набросок на отдѣльном листкѣ, в котором послѣдніе пункты приписаны даже карандашем, и его то большевицкіе изслѣдователи впоследствии превратили в тщательно разработанный предварительный план.

Никакого конкретнаго плана в действительности не было, и московское возстаніе еще в большей степени, чѣм петербургское, было организовано в расчетѣ на ленинское «авось», хотя еще 14-го, по возвращеніи делегатов из Петербурга с рѣшающаго засѣданія Ц. К., был создан «партиійный боевой центр» с «диктаторскими полномочіями» в цѣлях подготовить «возстаніе для захвата власти». «Подавляющее большинство руководителей партиійных ячеек», — признает один из дѣятельных участников возстанія Мостовенко, — шло на объявленіе возстанія «главным образом под давленіем ленинградских событій». Еще утром 25-го партиійные лидеры сидѣли и гадали: на кого им опереться. В протоколах засѣданія городского комитета за этот день имѣется характерная запись. Нѣкто Илья Цивцивадзе говорит: «нужно предположить, что Рябцов (ком. войсками) и меньшевики пойдут с нами, но если этого не будет, наш орган окажется висющим в воздухѣ, будет ужасная борьба в солдатской средѣ». Увѣренности в солдатском гарнизонѣ таким образом нѣтъ, как не было ея и на предварительном «секретном» собраніи 23-го, когда представители районов и «воинских частей» обсуждали возможность возстанія. Общее мнѣніе тогда формулировано было, приблизительно, так: «трудно сказать, выступят ли войска по зову московскаго комитета большевиковъ», но по зову Совѣта Р. Д., «пожалуй», выступят.

Тѣм болѣе нѣтъ этой увѣренности 25-го в отношеніи к организованным силам в районах. Если отбросить хвастливыя заявленія руководителей подпольнаго штаба красной гвардіи, то с яркой очевидностью выступает тот фактъ, что к моменту возстанія «ак-

тив московской организаціи не был приведен в боевую готовность», и что у защитников его не было «никаких реальных сил». Последнія слова принадлежат не мнѣ — я их заимствовал у одного из большевистских историков (Пионтковского). Районные мемуаристы иногда это подтверждают. Поистинѣ с недоумѣніем читаешь послѣ обильнаго самохвальства сообщеніе о том, что, напримѣр, огромный бутырскій район, один из самых демократических в Москвѣ, к моменту возстанія располагал всего лишь 20 красногвардейцами, вооруженными 7 винтовками. Я охотно допускаю, что районный мемуарист в данном случаѣ преувеличил слабость района с цѣлью подчеркнуть чудодѣйственную удаль и подвиги своих товарищей. Революціонный энтузіазм пролетаріата в октябрьскіе дни совершает невозможное — почти не умѣющие обращаться с огнестрѣльным оружіем рабочіе, в числѣ 12 человек, ухитряются захватить 450 прекрасно вооруженных ударников и на «вечерѣ воспоминаній» в 21 г. привести их в Бутырскую тюрьму и т. д. Итак, допустим преувеличенія у бутырских и иных районных мемуаристов (бутырскій район не представлял собою исключенія), но, вмѣстѣ с тѣм, сбавим и там, гдѣ мемуаристы (напр., в Лефортовѣ и Замоскворѣчьи) склонны к гиперболам противоположным. Совершенно поэтому естественно, что тот же Пече в своих районных воспоминаніях склонен был признавать, что на совѣщаніи районных организацій в гостиницѣ «Дрезден» в ночь на 26 октября было высказано «много колебаній и неуверенности в успѣхѣ возстанія».

Можно оставить в сторонѣ партійные споры между безоговорочными сторонниками рѣшительнаго образа дѣйствій и колеблющимися, болѣе склонными к «выжидательной тактикѣ». Важно отмѣтить наличность этих колебаній. Расчет мог быть только на сочувственное настроеніе. Но потенциальная сила далеко еще не всегда является силой реальной. Нужны благоприятныя условія для того, чтобы эти силы развернулись. Благоприятныя силы, конечно, были на лицо, и партійные вѣсы склонились в сторону тѣх, которые настаивали на немедленном активном выступленіи: «Война объявлена», — провозглашал 24-го московскій орган ленинцев «Соціал-демократ». — «Время переговоров прошло, надо начинать дѣйствовать».

Большевики не «заговорщики» — они выполняют лишь волю пролетаріата. Как и в Петербургѣ, возстаніе надлежало произвести от имени Совѣта, сохраняя ту пресловутую «легальность», которая придавала перевороту форму самозащиты и давала надежду на возможность обмануть и вывести гарнизон на улицу от имени Совѣта. Для «защиты завоеваній революціи от натиска контрреволюціонных сил» необходимо создать особый совѣтскій «боевой центр» на пропорціональной основѣ с участіем всѣх партійных фракцій; задачей такого центра явится поддержка петербургскаго Совѣта, и тѣм самым он превратится, по мысли большевиков, в орган возстанія.

В 5 час. дня 25-го в Политехническом Музеѣ на соединенном засѣданіи Совѣтов Р. и С. Д. разыгрывается соответствующее

комедійное дѣйствіе. Представители революціонной демократіи спорят до ночи. О чем? В сущности никто не возражает против созданія временнаго органа для борьбы с «контр-революціей» и для содѣйствія революціонному порядку. Правительственная власть неудовлетворительна, — говорит, по отчету «Власти Народа», меньшевик Исув. Власть должна быть однородной социалистической с исключеніем цензовых элементов. Новый орган (в сущности временная правительственная власть при создавшейся конъюнктурѣ в Москвѣ) должен представлять собою коалицію всѣх революціонно-демократических организаций и должен быть создан для огражденія демократіи от той «черной лавины, которая готова хлынуть на нее». На созданіи такого комитета из представителей совѣтов, земства, городского самоуправления, всероссийских союзов желѣзнодорожников и почтово-телеграфных служащих сошлись предварительно представители бюро всѣх фракцій. Общей платформой являлось признаніе обязательными для всѣх рѣшеній собраннаго в Петербургѣ Съезда Совѣтов*). В соглашеніи участвовали представители партіи большевиков — но это было до рѣшенія о немедленном выступленіи. Теперь боевой центр, по предложенію большевиков, преслѣдует другія задачи. Создавая Комитет для поддержки петроградскаго Совѣта, большевики переходят к непосредственному захвату власти. Это срыв Учредительнаго Собранія, — говорит с. р. Ратнер. «Остановитесь безумцы!» — восклицает Исув.

Такой критикой и ограничили выступленія оппозиціи. Временное Правительство как бы скинуто уже со счетов. Не раздалось и призыва оказать противодѣйствіе захватчикам. Пожалуй, понятно, что при таких условіях подавляющее большинство рядовой массы, собраннаго в Политехническом Музеѣ, скорѣе должно было голосовать за достаточно ясное предложеніе большевиков, чѣм за двойственную и туманную позицію других представителей революціонной демократіи. 394 голосами против 106 при 23 воздержавшихся Военно-Революціонный Комитет был санкціонирован «пролетариатом». Представители партіи с. р. уклонились вообще от голосованія и отказались войти в ВРК. Большевики пошли в него, но не для того, чтобы содѣйствовать захвату власти, как объявляла декларация, оглашенная Юговым, а для того, чтобы внутри Комитета бороться с «безумной авантюрой» большевиков и смягчать удары, которые падут на головы демократіи.

*) Необходимо отмѣтить, что на совѣщаніи бюро фракцій присутствовали городской голова Руднев и командующій войсками Рябцов, т. е. имени тѣхъ лица, которым суждено было возглавлять подавленіе возстанія. Если присутствіе Руднева болѣе или менѣе естественно, как члена с. р. фракціи (не входившаго, однако, в бюро), то совершенно непонятно присутствіе Рябцова, если не предположить, что он организационно был связан с какой-либо социалистической группой. Впоследствии представители фракціи рѣшительно отвергали эту связь. По словам историка московскаго совѣта Игнатъева, у Рябцова на засѣданіи замѣчались колебанія с перевѣсом скорѣе в сторону «совѣтскаго большинства». Очевидно, на этом настроеніи и базировались предположенія, которыя высказывались на утреннем партійномъ большевикомъ совѣщаніи относительно Рябцова.

ВРК начал функционировать*). В сущности захватный дѣйствіе открыл партійный боевой центр, заняв еще днем «вѣрными» караулами почтамт. Им же было дано распоряженіе о прекращеніи выхода «буржуазных» газет путем фактическаго занятія типографій (типографію «Московского Листка» по собственной инициативѣ захватили «анархисты»). Розенгольцу было поручено «принять всѣ мѣры для охраны Совѣта революціонными войсками», и он потребовал немедленной присылки «1000» солдат с пулеметами из самокатнаго батальона. Все это было еще до выбора ВРК. «Ленинцы» как бы пытались поставить колеблющихся перед совершившимся фактом: война началась — «отступленія быть не может».

Для «рѣшительных дѣйствій» необходимы были, однако, реальные «боевыя силы». Недостаточно было призвать гарнизон не подчиняться распоряженіям штаба округа, надо было вызвать солдатскія массы на активность, — привести гарнизон в «боевую готовность». Нѣкоторые из большевицких повѣствователей (напр., Подвойскій) post factum пытаются изобразить такую картину. ВРК, не отдавая еще «боевого приказа» о выступленіи сейчас же послѣ «историческаго» засѣданія Совѣта, т. е. в ночь с 25 на 26, разослал по казармам делегатов. Являясь в казармы, делегаты будили солдат и агитировали, не сообщая еще «ни дня, когда надо выступить, ни мѣста, гдѣ надлежит собраться». Но «революціонный инстинкт» сам по себѣ указывал путь, и утром 26-го солдаты массами устремились к Московскому Совѣту. Создалась угроза, что они здѣсь, как в мышеловкѣ, могут быть захвачены лучше организованным и прекрасно вооруженным противником.

В эту довольно фантастическую картину приходится внести весьма существенныя поправки на основаніи показаній самих большевицких мемуаристов. Делегаты имѣли опредѣленную задачу — вывести из казарм возможно большее число солдат и привести их к центру в распоряженіе ВРК. Революціоннаго энтузіазма у гарнизона не оказалось. «Тысяча» самокатчиков, вызванных немедленно Розенгольцем, оказалась сивей птицей, и поэтому так смутили вновь созданный ВРК появившіеся на Скобелевской площади реквизируемые красной гвардіей грузовики — охраны для них не было. Тов. Мостовенко было дано заданіе привести к Совѣту из Хамовнических казарм 193 запасный пѣхотный полк, считавшійся сочувствующим большевикам, так как незадолго перед тѣм он отказался выступать на фронт. В казармах Мостовенко нашел, по его словам, вмѣсто нѣскольких тысяч всего 300—350 солдат. Ему удалось их вывести, несмотря на ночное время. Шли солдаты без торопливости, «мертвым шагом», по выраженію мемуариста, словно приказ поддержать возстаніе — повседневно явле-

*) Его первоначальный состав: от большевиков — Муралов, Ломов, Смирнов, Усевич, (кандидаты: Аросев, Мостовенко, Рыков, Будзинскій); от меньшевиков — Тетельбаум и Николаев (канд. Гальперн); с. д. объединенцев — Константинов (канд. Ясенко). Кооптированные большевики — Розенгольц и Ведерников (нач. кр. гвардіи).

ніе. Но вот в чем загвоздка — «Тов. Мостовенко» выводил полк в воспоминаніях 27 года, в воспоминаніях же 22 г. выводил его «тов. Ангарскій» (небезызвѣстный литератор Клестов). На него выступленіе 193 полка произвело в то время совѣм «удручающее впечатлѣніе». Явившись ночью в казармы, Ангарскій начал обсуждать вопрос с полковым комитетом. Из обсуждения выяснилось, что организационных связей с этой воинской частью большевики не имѣли. Тѣм не менѣе комитет согласился на выступленіе. Дали знать по ротам: «Сонные одѣвались солдаты, медленно группами выходили на двор. Моросил пронизывающій осенній дождь. Было темно, сыро и холодно. Строились медленно. Спорили, нѣсколько раз мѣняли рѣшеніе и, наконец, заявили, что выступят утром». На другой день, — добавляет повѣствователь, — около 12 час. дѣйствительно три роты из полка выступили, но и тѣ оказались «небеспособными» (Будзинскій).

Имѣем мы и описаніе похода другого полка, 55-го, считавшагося твердыней ВРК и сыгравшаго «колоссальную роль» в октябрьскіе дни. Полк давно уже был приведен в «боевую готовность», так как расположен был в «самом революціонном районѣ» — в Замоскворѣчѣ. Выводил этот полк Будзинскій. Даже основываясь на одних его показаніях, можно представить себѣ довольно отчетливую картину. Он сам относит, скорѣе ошибочно, свое выступленіе к 27-му, но это не имѣет значенія, ибо обстановка в первые дни не измѣнялась — болѣе поздняя дата, пожалуй, еще ярче иллюстрирует черту, которую я хочу отмѣтить. «Твердо» полагаться можно было на 6 рот. Онѣ и вышли в количествѣ чуть ли не 1500 человек. Очевидно, эта цифра существовала только в воображеніи автора. По дорогѣ случилась «бѣда». От нечаяннаго удара прикладом о камень разорвалась винтовка. Тогда солдаты отказались итти в ночной тѣмѣ с такими винтовками и стали их бросать. Положеніе становилось «весьма грозным». Будзинскому все же удалось возстановить дисциплину, убѣдив воинов в том, что они «составляют часть незримой, но четко дѣйствующей организациі». Но итти «драться» все-таки не рѣшились и ограничились посылкой развѣдки к Совѣту. А это был момент, когда, по словам мемуариста, буквально нечѣм было «защипать» заданіе Совѣта.

А вот Покровскія казармы, гдѣ размѣщается весьма надежный для большевиков 56-й полк. Ночное бдѣніе на 26-ое совершает здѣсь Аросев и уводит весь полк «цѣликом». Тѣ же казармы утром. Прапорщик Эфрон является на службу. «Обычный будничныи вид... Марширующіе шеренги и взводы... Будто бы ничего не случилось... Прихожу в свою десятую роту... Проходящіе солдаты отдают честь. При моем появленіи раздается полагающаяся команда. Здравуюсь. Отвѣчают дружно. Подбѣгает с рапортом дежурный по ротѣ... Происшествій никаких не случилось... Оглядываю солдат. Ничего подозрительнаго не замѣчаю и направляюсь в офицерское собраніе... Командиры батальонов сообщают, что по батальонам тихо, и никаких выступленій ожидать не приходится. Кому же вѣрять? «Бѣлогвардейскому» показанію, напечатанному в эмигрантской «На чужой сторонѣ» или воспомина-

ням Аросева? Совершенно объективно должен высказаться не в пользу Аросева. Он свидетельствует, что энергией Ярославского, Ангарского и его удалось стянуть к Совѣту «большую часть войсковых частей». По признанию другого мемуариста сам Аросев 26-го утром определял численность собравшихся около Совѣта воинских частей словами: «одва рота». «Плоховато», — добавлял он. Так и было в действительности. Собралась случайная, неорганизованная, плохо вооруженная толпа, которая не представляла собой реальной силы не только для «рѣшительных дѣйствій», но и для простой самозащиты.

Как метеор, появился на Скобелевской площади «большевицкій» 85-й пѣхотный «полк», приведенный пор. Ананьиним. Два часа простоял на дождѣ и под влияніем агитаціи так сразу разложился, что пришлось его увести поспорѣе в казармы. «Нѣтъ солдатских частей» и «мало рабочих красногвардейцев», — принужден пессимистично отмѣтить и Ломов к вечеру 27-го. Едва ли не единственной опорой ВРК к этому времени являлись двѣ-три сотни так называемых «двинцев»*), сгруппировавшихся, повидимому, около Совѣта к моменту, к которому относится пессимистическое сужденіе Ломова. Эти «львы революціи» все же не могли итти в сравненіе с преторіанской гвардіей из кронштадтских матросов — о них до переворота еще будущій большевицкій командующій в Москвѣ Муралов в бесѣдѣ с журналистами высказался довольно презрительно — эту «сволочь можно разогнать одним батальоном».

В сущности не удалось и другое начинаніе ВРК — захват кремлевскаго арсенала в цѣлях вооруженія красной гвардіи. Фактически большевикам удалось занять Кремль и притом с легкостью совершенно изумительной. Рано утром 26-го в Кремль явился назначенный ВРК политическій комиссар Ярославскій, и без противодѣйствія с чьей либо стороны вступил в отправленіе своих обязанностей новый большевицкій комендант прап. Берзин из состава того 56 полка, нѣсколько рот котораго несли здѣсь постоянную караульную службу. В то же время появились автомобили с отрядом красногвардейцев, были заперты ворота, организованы митинги и при сочувствіи одних воинских частей и молчаливой пассивности других**) началась погрузка оружія. Вывезти его, однако, не удалось. С такой же молниеносной быстротой Кремль окружили, едва ли не по собственной инициативѣ, сильные пикеты из юнкеров и двух казачьих сотен. Захватчики оказались в осадѣ. ВРК рѣшил двинуть в Кремль вѣрные 251 (или 258) и 192 пѣхотные полки и в свою очередь окружить кольцом юнкерскіе пикеты. Но выпечь этот «слоеный пирог», как острил тогдашній уличный зубоскал, большевицким поварам не удалось. «Вѣрные» полки по неизвѣстной причинѣ оказались в нѣтях.

В ВРК создавалось довольно «подавленное настроеніе». На ко-

*) «Двинцами» назывались тѣ взбунтовавшіеся на фронтѣ солдаты, которые в количествѣ 800 человекъ были переведены в Бутырскую тюрьму и затѣм выпущены по настоянію совѣта.

**) Рота украинскаго дивизиона, два броневика, в «политикѣ» не участвующие, рота 193 полка.

леблющихся насѣдают меньшевики, вошедшіе в ВРК для противодѣйствія «безумной авантюрѣ», и требуют немедленно пріостановить движеніе к Кремлю каких-либо воинских частей и отправить делегацію к ком. войсками Рябцову, чтобы избѣжать кровопролитія. Происходит секретное засѣданіе большевицкой части ВРК с партійным центром — поставлен вопрос о ликвидаціи всей авантюры в виду ея безнадежности: — нѣт сил, не на кого опереться. Экстремисты доказывают, что теперь уже поздно итти назад, раз «гражданскую войну мы начали», нельзя оставить без поддержки Петербург и надо, во что бы то ни стало, наступать на Думу. Если крайніе побѣдили в спорах 25-го, то через день побѣда оказалась на сторонѣ умѣренных: 9 голосами против 5 рѣшено было вступить в переговоры со Штабом через посредство меньшевиков.

Прежде чѣм говорить об этих переговорах, мы должны ближе познакомиться с тѣм, что происходило в другом лагерѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Безвластіе всегда порождает анархію, которая, в свою очередь, неизбежно питает возстаніе. Так именно и было в Москвѣ. Историк с полным недоумѣніем должен остановиться перед явленіем, которое Бьюкенен со слов будто бы Авксентьева, как мы знаем, назвал «преступным бездѣйствіем». Если не в Москвѣ, то в Петербургѣ большевицкія организаціи открыто готовились к перевороту, а Москва в такой отвѣтственный момент оставалась без объединяющаго правительственнаго центра. Правительство не удосужилось даже назначить комиссара послѣ отъѣзда Кишкина*). Замѣстителем послѣдняго фактически явился нѣкто Григоров, лицо совершенно случайное на фонѣ московской общественной жизни, мало авторитетное и во всѣх отношеніях незначительное**). Правительство представляли еще губернской комиссар к. д. Эйлер и комиссар градоначальства с. р. Вознесенскій. Совершенно неуповимы черты, характеризующія их дѣятельность в эти дни. Выяснить ее тѣм болѣе трудно, что до послѣдняго времени, за исключеніем воспоминаній Вознесенскаго, со стороны антибольшевицкой почти нѣтъ никаких свидѣтельских показаній. Мы можем в буквальном смыслѣ слова потонуть в рѣкѣ по большей части пустопорожних большевицких воспоминаній, с другой же стороны наталкиваемся на полное молчаніе. До нѣкоторой степени естественно умолчаніе Вознесенскаго, писавшаго свои воспоминанія в Москвѣ под углом зрѣнія человѣка, который становился на другіе политическіе рельсы. Но, повидимому, ему почти и нечего сказать — то была не растерянность власти, которую мы так отчет-

*) Возможно, что причина этого замедленія лежала отчасти в разговорах об устраненіи должности особаго комиссара для Москвы в виду того, что по новому городовому положенію нѣкоторыя функціи градоначальника и генерал-губернатора отходили к общественному самоуправленію. По сообщенію «Рус. Вѣд.» Кишкин еще в концѣ августа просил о своей отставкѣ, но правительство не согласилось и в предоктябрьскіе дни теоретически было озабочено укрѣпленіем власти губернских комиссаров.

***) Григоров, повидимому, примыкал к кадетским кругам. Я называю фактическим замѣстителем Кишкина Григорова потому, что его подпись стоит под обращеніем, направленным в Ставку с просьбой о присылкѣ войск (в напечатанном документѣ стоит подпись Григорьева, но это явная опечатка). Большевицкіе источники таким замѣстителем считают н. с. Базнлева, но указывают, что Б. перед возстаніем сложил яко бы свои полномочія по болѣзни. Но Базилев был замѣстителем губернскаго комиссара. Во всяком случаѣ и Б. был не подходящим для отвѣтственнаго поста лицом. Человѣкъ он был скорѣе пассивный. Я сказал-бы — хорошій чиновник.

ливо видѣли в февральскіе дни, то было полное отсутствіе власти: партійный мемуарист называет правительственных комиссаров «безсильными пѣшками». Как и в Петербургѣ, московская милиція оказалась совершенно не на высоте, легко предоставляя себя разоружать, долго объявляя нейтралитет и переходя нерѣдко формально на сторону возставших. Ею никто фактически не руководил, ибо верхи пытались болѣе «осмыслить» для себя происходящее движеніе и считали уже свою работу «без пользы и смысла», по позднѣйшему выраженію Вознесенскаго: тогдашній начальник московской милиціи утверждает, что он уже дважды подавал в отставку, не желая «продолжать участвовать в доигрываніи комедійной игры во власть».

Командованіе войсками округа было ввѣрено полк. Рябцову. То ли безталанный человек, совершенно растерявшійся в сложный момент, то ли служебный карьерист революціонной марки, не знающій, куда повернется дѣло и не желающій принимать на себя отвѣтственность и боящійся переборщить, то ли идейный политик, отыскивающій компромиссы и искренно вѣрящій в возможность мирной ликвидаціи конфликта — факт тот, что неопредѣленная и нерѣшительная политика командующаго округом в первые дни возстанія у многих вызвала враждебное недоумѣніе и казалась двусмысленной. Всѣ вышеуказанныя черты как бы сплетались в командующем московским округом. Люди, непосредственно сталкивавшіеся с Рябцовым, отмѣчают нѣкоторую присущую ему истеричность в дѣйствіях. Возможно, что именно это свойство придавало большую двойственность его поведенію в дни московской катастрофы. Авторитетом власти такой военачальник пользоваться не мог.

Ни Рябцов, ни другіе представители Временнаго Правительства в Москвѣ не получили никаких инструкцій свыше, если не считать общей телеграммы, разосланной министром вн. дѣл Никитиным в 2 часа дня 25-го и предлагавшей городским и губерньским комитетам организовать «самое рѣшительное сопротивленіе» анархическим выступленіям и принять всѣ мѣры для поддержки правительства органами самоуправления и другими общественными организаціями. Казалось бы, ход событій в Петербургѣ 24 и 25 октября воочію показывал, к каким результатам приводит политика выжиданія. Правда, в Москвѣ в первые два дня очень плохо были освѣдомлены о том, что произошло в Петербургѣ*). Но все же мы знаем из разсказа государственнаго контролера Смирнова, что московскій городской голова имѣл в теченіе дня нѣсколько бесѣд по телефону с министром вн. дѣл, находившимся в осадѣ в Зимнем Дворцѣ. Но директивы, очевидно, не были даны, и Москва должна была самостоятельно продѣлать

*) «Сейчас, — писал в 27 г. упомянутый уже Мостовенко, — трудно представить себѣ, до какой степени в этот рѣшительный момент не только у вас, но и у оставшихся пока у власти наших противников были скудны и отрывочны извѣстія о происшедшем». Московская с. р. «Земля и Воля» 26-го рѣшительно извѣщала, что сообщеніе большевиков о низложеніи Временнаго Правительства «вымышлено».

свой спыт, повторить всѣ тѣ роковыя, непоправимыя ошибки, которыя сдѣлал Петербург.

Общее настроеніе в Москвѣ, конечно, было аналогично тому, что мы видѣли в Петербургѣ, и основным мотивом этой общественной психологіи была увѣренность в том, что большевики, по образному выраженію «Власти Народа» (органа демократическаго и общественнаго блока), являют собой вид «мыльнаго пузыря». Это сравненіе довольно упорно проводится на столбцах газеты. 27 сентября, когда московская обстановка опредѣлилась с достаточной отчетливостью, небызвѣстный меньшевик, писавшій под псевдонимом Н. Валентинова, в отвѣтственной редакціонной статьѣ спрашивал: есть ли у большевиков сила? и отвѣчал: «Ничего». То, что есть — мыльный пузырь. Он лопнет через два дня и «дворник исторіи», взяв швабру в руки, «сметет всю нечисть в мусорный ящик исторіи», и будет она там гнить, как «скверное историческое воспоминаніе»^{*}). Это будет завтра, — писал Валентинов. А сегодня, правда, нам приходится переживать тяжелыя часы... И публицист «Вл. Нар.» призывает всѣх организовать и через домовыя комитеты войти в связь друг с другом. «Побольше мужества», — заканчивает он, — «и поменьше желанія, подобно цыплятам, отдаться в руки бѣсам анархіи, погромщикам и еже с ними». Но подобныя призывы не могли дойти до сердца обывателей, которых тѣ же публицисты потом упрекали в равнодушіи к своей судьбѣ. «Обыватели» за два дня перед тѣм читали самыя успокоительныя призывы командующаго войсками о ложных «слухах», распространяемых «в обществѣ и печати», будто бы «что-то» грозит Москвѣ. «Стоя во главѣ вооруженных сил округа», — писал Рябцов, — «я заявляю, что никакіе погромы, никакая анархія не будут допущены. Сил на это достаточно»... Анархія будет «раздавлена». Самыя представители городской власти, может быть, и не чувствовали себя так прочно — по крайней мѣрѣ Вознесенскій утверждает, что городской голова и его товарищи каждодневно боялись ареста, который мог быть произведен большевиками в зданіи Думы. Поэтому кабинет городского головы был ссединен тайным телефонным проводом с офицерским помѣщеніем 56 полка, расположенным в Кремлѣ.

**
*

В Москвѣ еще не было атмосферы гражданской войны, когда пришли первыя извѣстія о петербургском переворотѣ. Утреннія газеты, как и петербургскія в день переворота, были очень далеки от проявленія какой-либо тревоги: так «Утро Россіи» отчет об историческом засѣданіи Совѣта озаглавило: «Ликвидация движенія большевиков». Одновременно с засѣданіем Совѣта 25-го собралось и экстренное засѣданіе городской Думы. Формально

^{*}) Из этого видно, что один из членов редакціи «Власть Народа», Осоргин, очень неточно передал в своих позднѣйших воспоминаніях редакціонныя настроенія в октябрьскіе дни: «Мы уже не вѣрим ни в тѣх, ни в других». Поэтому «не все ли равно было», кто побѣдит («Дни» 6 ноября 27 г.).

это собрание было создано для обсуждения принятого накануне Совѣтом Р. Д., при протестѣ фракціи с. р. и меньшевиков, так называемаго «Декрета № 1» о приемѣ и увольненіи рабочих и служащих, объявленнаго «обязательным» для всѣх московских предприятий. Естественно однако вступительная рѣчь городского головы была посвящена не «декрету», а сверженію Временнаго Правительства и дѣйствіям партіи большевиков. Рѣчь Руднева, в изложеніи газет*), отнюдь не имѣла боевого характера. Призывая Думу сохранить спокойствіе и дать возможность высказаться тѣм, кто является единственным виновником катастрофы, руководитель думской политики говорил скорѣе о моральной осужденіи большевиков: «мы, единственные носители законной власти в Москвѣ, должны возвысить свой голос и заклеить преступных виновников мятежа. Мы должны заявить категорично, что происходящему перевороту законно избранное демократическое учрежденіе свсей санкціи не даст». Конкретной задачей для Думы Руднев выставлял лишь охрану безопасности населенія столицы**), в цѣлях осуществленія которой предлагал образовать особый Комитет безопасности из всѣх демократических организацій, включая совѣты... «В корниловскіе дни мы сумѣли объединиться для охраны суверенитета народной власти», — сказал в заключеніе городской голова: «Я вѣрю, что мы сумѣем сдѣлать это и теперь».

Заключительныя слова едва ли соответствовали моменту. В августовскіе дни революціонная демократія пошла рука об руку с партіей большевиков; в октябрьскіе дни борьба с «насилом меньшинства над большинством» с «преступленіем перед народом»), с «захватными попытками крайних лѣвых» реально могла идти, как мы видѣли, только при содѣйствіи тѣх военных кадров, которые внутренне ощущали себя «корниловцами». Косвенное напоминаніе о «быховских узниках» лишь бередило не зажившую рану и отнимало пафос, без котораго невозможна никакая борьба.

Газетный отчет отмѣчает, что лишь трое из послѣдовавших ораторов (к. д. Астров, с. д. Кафенгаузен и н. с. Брюхатов) высказываются за поддержку Временнаго Правительства, другіе как бы молчаніем обходят этот вопрос. «К возгласам, раздавшимся в Думѣ, — говорит Астров, — я считаю необходимым прибавить еще один: «Да здравствует Временное Правительство». Конституціоналисты-демократы выражают «полное довѣріе» Временному Правительству и окажут ему «свою поддержку, чего бы это нам ни стоило». Если для поддержки Врем. Правительства необходимо перестать быть соц.-демократом, я выхожу из партіи и говорю: «Да здравствует Временное Правительство», — так заявляет Кафенгаузен***). Дума принимает резолюцію, предложенную фракціей с. р. и по внѣшности, как будто бы, далеко отходящую от позицій, которую заняли соц.-революціонеры в засѣданіи Совѣта... «Московская городская Дума, — гласит резолюція, — охраняя

*) Соціалистическія газеты, в том числѣ и «Власть Народа» вышли.

**) По изложенію «Извѣстій» Руднев признавал безсиліе Думы помочь Правительству.

***) В отвѣтъ представитель «объединенных с.-д.» предлагает воскликнуть: долой Временное Правительство.

права, врученныя ей всенародным голосованіем, являясь единственным представителем воли всего московскаго населенія и единственным полномочным органом государственной власти в Москвѣ, заявляет: стоя на стражѣ первѣйших основ государственнаго и революціоннаго порядка, она будет *рѣшительно бороться* с попытками захвата власти, откуда бы онѣ ни происходили, и будет охранять нормальный ход жизни в городѣ, чтобы *предотвратить* грозящую в Москвѣ гражданскую войну. М. Г. Д. призывает все московское населеніе сплотиться вокруг нея для *защиты Временнаго Правительства*, дѣла революціи и идеи народовластія». Принявъ резолюцію, Дума постановила создать при Городском Управленіи «Комитет Общественной Безопасности с представительством демократических организацій». Такая общая формула была предложена соц. рев., очевидно, с цѣлью создать впечатлѣніе нѣкотораго единства — в дѣйствительности получилось разъединеніе, ибо термин «представительство демократических организацій» мог быть толкуем разнo. Комитет Общественной Безопасности сконструировался уже ночью, и в 4 ч. утра было отпечатано первое его объявленіе. В основу его организаціи лег тот самый проект, который был отвергнут наканунѣ в Совѣтъ Р. Д. — с той только разницей, что представители демократических организацій (Совѣтов Р. С. и Кр. Деп., Почтово-телеграфнаго и желѣзнодорожнаго Союзов, Земства) группировались вокруг городской Управы, а так как в Управу входил Бурышкин, то получилось впечатлѣніе участія в КОБ и цензовых элементов. В дѣйствительности не только цензовые элементы были отброшены, но фактически исключались и всѣ не социалистическія группировки при весьма ограниченном и трафаретном пониманіи представительства от демократических организацій в совѣтской практикѣ*). Только по недоразумѣнію Милуков в своей «исторіи» говорит об участіи представителей партіи народной свободы в думском Комитетѣ. Астров, считая ограниченный состав КОБ нарушеніем постановленія Думы, тогда же протестовал против того, что социалисты одни брали на себя отвѣтственность за спасеніе города, и ушел, полагая «безсмысленным оставаться при таких условиях в корридорах Думы» (Из письма ко мнѣ Астрова**). Дѣйствительно «социалисты одни брали на себя отвѣтственность за спасеніе города». В сложившейся конъюнктурѣ руководство в борьбѣ фактически переходило всецѣло в руки представителей партіи социалистов-революціонеров, так как представительство от демократических организацій в КОБ, особенно при позиціи, которую заняли меньшевики, неизбежно должно было окраситься в опредѣленный эсеровскій

*) Хроникер «Власти Народа» сообщая о составѣ КОБ, упоминалъ, что для «взаимнаго освѣдомленія» в Комитет приглашены представители «всѣх фракцій» Думы (т. е. представители политических партій), правительственные комиссары, представители исполнительных комитетов общественных организацій, продовольственнаго Комитета и др. Вѣроятно, такое сообщеніе и дало Милукову возможность говорить о существованіи при КОБ еще особаго «информаціоннаго комитета». Такого Комитета создано не было.

**) В Думѣ остался к. д. Юренев, но он не принимал никакого участія в политических совѣщаніях КОБ и работал в отдѣлѣ по продовольствію.

двѣт. Выполняя в сущности план, возникшій в нѣдрах Совѣта, КОБ в письменной формѣ предложил Исполнительному Комитету Совѣта РД прислать своих делегатов. В этом документѣ КОБ чрезвычайно отчетливо опредѣлил свою позицію, «принципально» устраняя «какую-либо политическую платформу» и ограничивая формально свои задачи «охраной безопасности населенія в період кризиса государственной власти впредь до разрѣшенія его компетентным органом демократической власти». 27-го в Думѣ от Совѣта появился представитель меньшевизкой фракціи, но оставался он в КОБ всего лишь нѣсколько часов, так как был отозван партіей, признавшей недопустимым участіе своего представителя в учрежденіи, которое употребляет вооруженную силу против рабочаго класса, «хотя бы заблуждающагося в своем выступленіи» (сообщеніе «Вперед» 28-го)*).

Присутствіе в КОБ этого случайнаго посѣтителя из меньшевизких рядов, как и нар. соц. Филатова (одного из товарищей городского головы), не могло, конечно, измѣнить общаго характера Комитета, даващаго основаніе партійной печати впоследствии говорить, что борьба в Москвѣ шла под руководством Городской Думы и Комитета партіи с. р.**). Во всяком случаѣ под этим неофициальным флагом должна была производиться ликвидація большевизкой авантюры в Москвѣ. Это ясно почувствовалось, когда 27-го московскаго городского голову посѣтила делегация народных социалистов (Волк-Карачевскій и автор настоящаго очерка). Позиція н. с. партіи была чрезвычайно проста. Временное Правительство должно быть возстановлено в Москвѣ. Всѣ силы должны быть привлечены для рѣшительнаго вооруженнаго отпора большевикам. Такова была сущность принятой резолюціи (основныя ея положенія были тогда же напечатаны во «Власти Народа»). Народные социалисты отрицательно относились к принципам, на которых была построена организациа КОБ***). Москва пошла по другому пути и с фактом приходилось считаться. Жизнь требовала быстрых дѣйствій, а не разсужденій. Делегации было поручено довести до свѣдѣнія КОБ о взглядах народных социалистов и о готовности партіи тѣм не менѣе вложить свои небольшія силы в общее дѣло. Таким образом вопрос шел о полученіи

*) К этому времени меньшевики вышли и из ВРК, почувствовав фальшь своего положенія каких-то статистов, до свѣдѣнія которых даже не доводятся рѣшенія, принятыя за кулисами. 27-го утром, не желая принимать «отвѣтственности» за «авантюристическія» дѣйствія ВРК, меньшевики потребовали, чтобы под рѣшеніями ВРК стояли подписи всѣх его членов, чтобы делегирован был от совѣта представитель в КОБ, и чтобы строго выполнялись соглашенія, достигнутыя со Штабом. С «товарищами-меньшевиками» повстанческій штаб повел переговоры через посредство Сидовича.

**) «Мы возглавляли октябрьское возстаніе в Москвѣ», — свидѣтельствовала Ратнер на московском процессѣ партіи с. р. в 1922 г.

***) Никак нельзя было КОБ назвать «всенародным органом», как это сдѣлали соц.-рев. в своем воззваніи. Всенародность требовала иного характера представительства. Любопытно, что в Калугѣ — глухой провинціи по сравненію со столичным городом — осуществилось до нѣкоторой степени именно то, что требовалось, по мянью московской группы нар. соц., в самый отвѣтственный и рѣшительный момент русской революціи (См. II часть книги).

лишь инструкции от того центра, которому группа себя фактически подчиняла. Я боюсь передать не точно отвѣтъ Руднева, но смысл его был таков: КОБ располагает всеми необходимыми средствами, благодарит за готовность помочь и не применит воспользоваться этой помощью, когда в ней представится необходимость. Это был как бы ушат холодной воды; в сущности официальное содѣйствіе группы отклонялось — это и регистрирует дневник современника, которым мнѣ часто приходится пользоваться при изображеніи московских событій. Вѣроятно, по мнѣнію руководителей КОБ, слишком «правительственная» позиція н. с. группы, слишком агрессивная в отношеніи к захватчикам власти могла дискредитировать в глазах масс позицію КОБ, во всяком случаѣ создать лишнія тренія и осложненія*).

Еще меньше КОБ хотѣл связываться с непопулярным Правительством. Мѣстные агенты Правительства не были допущены в Комитет даже в цѣлях інформаціонных — входил в Комитет лишь представитель штаба. Вознесенскій в своих воспоминаніях зарисовал характерную сцену. Он рассказывает про первое рѣшающее засѣданіе КОБ. Правительственные комиссары не были допущены на засѣданіе и нервно расхаживали в корридорѣ около кабинета городского головы, ожидая рѣшеній, которыя будут вынесены в этот важный момент. Искать логики не приходится — «комиссар» градоначальства, воспоминанія котораго мы цитируем, в силу своей партійной принадлежности получил доступ в КОБ.

**
*

В такой психологической обстановкѣ становится понятен болѣе чѣм «сдержанный пріем», сказанный в КОБ прибывшему 27-го в Москву члену Временнаго Правительства Прокоповичу. В полемическом письмѣ в редакцію «Руль», напечатанном 1 августа 22 г., Прокопович так поясняет свой пріѣзд в Москву: «Днем 26-го состоялось под моим предсѣдательством совѣщаніе товарищей министров, бывших в Петербургѣ. На этом совѣщаніи я указал на необходимость послѣ потери Петербурга организовать сопротивление в Москвѣ и просил дать мнѣ соотвѣтствующія полномочія. Эти полномочія были мнѣ даны, и 27-го утром я был в Москвѣ...**). В Москвѣ большевицкое возстаніе было уже в полном разгарѣ. Прямо с вокзала я поѣхал в Городскую Думу, гдѣ засѣдал Общественный Комитет с В. В. Рудневым во главѣ. Вы-

*) Народные социалисты в Москвѣ занимали нѣсколько обособленное положеніе. Они не числились в рядах так называемых «совѣтских партій». С нѣкоторым личным удовлетвореніем я воспринимаю теперь тот факт, что формула организациі власти от н. с. до большевиков, прокатившаяся по всей Россіи, в Москвѣ была укорочена большевиками: они соглашались на однородную власть из всѣх социалистических партій, за исключеніем народных социалистов.

***) Судя по воспоминаніям Демьянова о том, как образовано было в «подпольѣ» Врем. Прав., собраніе, отмѣченное Прокоповичем, носило довольно случайный характер. Но едва ли Прокоповичу и требовались какія-либо полномочія со стороны собравшихся — рѣчь могла идти не о «полномочіях», а о моральной поддержкѣ.

яснив положеніе — тогда большевики занимали уже Кремль — я вызвал в городскую Думу командующаго войсками покойнаго Рябцова и спросил его, как мог он допустить занятіе Кремля. Рябцов отвѣтил мнѣ, что он, как военный, может лишь исполнять приказаніе гражданскихъ властей. Ни Врем. Правительство, ни Общественный Комитет в Москвѣ прямыхъ приказаній вступить в борьбу с большевиками ему не давали. Тогда я, опираясь на данныя мнѣ собраніемъ тов. министровъ полномочія, отдал ему приказъ занять Кремль. Рябцов исполнилъ приказъ, и Кремль былъ занятъ. Мы увидимъ, что такое изложеніе событій с фактической стороны не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности *). Сам по себѣ нѣсколько категорическій тон воспоминаній Прокоповича находится в рѣзкомъ противорѣчій с обстановкой, которую описываетъ, напримѣр, Вознесенскій. Ошибочно относя появленіе Прокоповича к первому засѣданію КОБ, т. е. к 26 октября, Вознесенскій говоритъ «Оба они (Прокопович и Хрущов) съѣли скромно в углу кабинета на мягкомъ темно-сѣромъ диванѣ, не подавая признаковъ жизни, и просидѣли на немъ до конца засѣданія, молча созерцая происходящее». Вѣроятно, посѣщеніе Прокоповича КОБ с информаціонными скорѣе цѣлями не было уже столь молчаливо. Колебаніе и извѣстное выжиданіе были бы законны — Прокоповичъ былъ единственнымъ членомъ Временнаго Правительства**) в Москвѣ, гдѣ он нашелъ уже нѣчто сложившееся, с чѣмъ приходилось считаться. По словамъ Милокова (Милоковъ писалъ соотвѣтствующія страницы на основаніи разсказовъ дѣйствовавшихъ лицъ) Прокоповичъ предложилъ «кооптировать (?) КОБ во Временное Правительство», но идея созданія такого суррогата Вр. Прав. сочувствія не встрѣтила. Едва ли подобное предложеніе Прокоповичъ могъ сдѣлать. Очевидно, рѣчь шла о кооптаціи отдѣльныхъ лицъ. Насколько мнѣ извѣстно, такое предложеніе дѣйствительно было сдѣлано городскому головѣ, кооператору Беркенгейму, бывшему одно время тов. министра, можетъ быть и еще кому-нибудь. Но это скорѣе были разговоры и предположенія в частномъ порядкѣ — в КОБ, повидимому, никогда этотъ вопросъ официально на обсужденіе не ставился. С откликомъ на эти предположенія мы встрѣчаемся в записяхъ одного современнаго полуофициознаго документа, названнаго публикаторами «Информаціоннымъ Дневникомъ КОБ»***): такъ

*) Отвѣтъ Рябцова, если онъ вѣрно переданъ по памяти Прокоповичемъ, былъ не убѣдителенъ уже потому, что вопросъ о захватѣ кремлевскаго арсенала, произведенномъ в моментъ еще реорганизанціи КОБ, казалось бы, всецѣло входилъ в компетенцію военныхъ властей.

**) С Прокоповичемъ прибыли тов. мин. Хрущовъ, Хижняковъ и, кажется, Кондратьевъ. Позже появился мин. земл. с. р. Масловъ, но в своемъ депрессивномъ состояніи онъ не склоненъ былъ к активной дѣятельности и ограничился лишь информаціоннымъ сообщеніемъ в КОБ.

***) Документъ этотъ опубликованъ в совѣтскомъ сборникѣ «Октябрь в Москвѣ» под редакціей Костомарова. Редакторъ считаетъ «дневникъ» официальной или полуофициальной записью событій. Ошибочно эта запись относится, однако, к КОБ. Очевидно, она не могла вестись в Думѣ, какъ свидѣтельствуя, напримѣр, помѣтки: «в Думѣ Рябцовъ» и проч. или «сообщено уѣзднымъ комиссаромъ по телефону отъ М. К. О. Б.» (т. е. из Думы), «Сообщеніе В. А. Левицкаго по телефону из Думы». Послѣдняя запись способствуетъ выясненію вопроса, гдѣ велась эта хроника. Она велась при губернскомъ прави-

под датой 27-го, 8 час. веч. отмѣчается: «в Москвѣ будет, повидимому, объявлено Временнымъ Правительствомъ министерство продовольствія со своимъ техническимъ аппаратомъ», а в 10 ч. 45 м. значится: «идетъ вопросъ о судьбѣ центральной власти Временнаго Правительства».

Между КОБ и «Штабомъ» в Александровскомъ военномъ училищѣ, гдѣ обосновался Прокоповичъ, установились холодныя отношенія. Если не было открытаго конфликта, то были тренія, возпикшія, очевидно, на почвѣ переговоровъ, которые пытался вести представитель Временнаго Правительства с различными общественными кругами. Чрезвычайно характерно, что в воззваніяхъ КОБ ни разу даже не было упомянуто Временное Правительство.

Неблагодарная задача расшифровывать намски — конкретныхъ данныхъ объ этихъ переговорахъ у насъ нѣтъ. Приходится все-таки коснуться того, что попало в печать, так какъ врядъ ли можно безоговорочно присоединиться къ выводу перваго историка революціи, утверждавшаго, что отстраненіе представителей Временнаго Правительства произошло «какъ-то автоматически, само собой, какъ неизбѣжный результатъ соотношенія силъ, вступавшихъ в борьбу». Милюковъ, достаточно освѣдомленный о дѣятельности своей партіи, писалъ: «другой идеей министра и его товарищей было опубликовать воззваніе къ населенію, принявъ тѣмъ самымъ на себя руководство борьбой. Тезисы этого воззванія были спѣшно составлены при участіи членовъ партіи к. д.». Воззваніе должно было показать Москвѣ, что «несмотря на захватъ правительства в Зимнемъ Дворцѣ Временное Правительство не погибло, и что в Москвѣ имѣются на-лицо его представители, готовые возглавить собой сопротивленіе Москвы вооруженному покушенію на власть, созданную революціей». Однако, и этому плану, — глухо говорятъ Милюковъ, — не суждено было осуществиться. Изъ текста лидера партіи к. д., находившагося в эти дни в Москвѣ, с очевидностью вытекаетъ наличность, если не соглашенія, то какихъ-то переговоровъ с партіей народной свободы.

То, что такіе переговоры происходили, подтверждаютъ и мои личныя воспоминанія. 29-го или 30-го энесовскій комитетъ, в свою очередь, послалъ двухъ своихъ членовъ переговорить с Прокоповичемъ. Цѣлью переговоровъ были не общіе вопросы, а выясненіе конкретнаго предложенія. В виду прекращенія выхода газет*), н. с. комитетъ стал издавать информационный листокъ на шапирографѣ и расклеивать его на улицахъ. Эту случайную информацию и хотѣли превратить в болѣе систематическое освѣдомленіе населенія о томъ, что дѣлается, и что надлежитъ дѣлать, т. е. придать информации и принципиальный характеръ. Казалось, что подобное

тельственому комиссарѣ. Поэтому мы тамъ и находимъ свѣдѣнія о событіяхъ во всѣхъ почти уѣздныхъ городахъ; имѣется и прямое указаніе: «телеграмма губернскому комиссару» принята в 14 ч. 36 м. 27-го.

*) 28-го появился послѣдній № «Власти Народа». Продолжалъ выходить в видѣ маленькаго листка меньшевицкій «Впередъ». Информационное бюро КОБ выпустило четыре номера особаго «Бюллетеня» — два были отпечатаны типографскимъ способомъ, два на ротаторѣ. Кромѣ того вышло нѣсколько номеровъ листка «Центросвязь» юнкеровъ в Кремлѣ.

освѣдомленіе должно итти от находящихся в Москвѣ представителей Временнаго Правительства. Если из хроникерскаго сообщенія «Власти Народа» (28 октября) читатели могли узнать, что в «совѣщаніях» КОБ принимают участіе представители Врем. Правительства Прокопович, Хижняков, Хрущов, то никто уже в Москвѣ, за исключеніем ограниченнаго круга лиц, не мог знать, что члены Вр. Прав. принимают как бы непосредственное участіе в руководствѣ вооруженной борьбой. Между тѣм такое выявленіе лица Вр. Правительства принципиально представлялось важным. Делегатиі эн-эсов Прокопович сказал, что этот вопрос надо обсудить, и что он свой отвѣтъ ставит в зависимость от переговоров с другими общественными группами и в частности с партией к. д.

В своем кратком письмѣ в редакцію «Руля», полемически заостренным в сторону каких-то неопредѣленных «правых»*), Прокопович не упоминает об этих переговорах, но рассказывает как бы другой эпизод. Я должен изложить его словами самого мемуариста. Письмо Прокоповича было написано в видѣ отвѣта на статью, появившуюся в «Новом Времени». «В статьѣ г. П. В-ева, — писал Прокопович, — говорится о совѣщаніи общественных дѣятелей с Н. Н. Щепкиным во главѣ в Москвѣ в присутствіи моем и пріѣхавшаго от Каледина шт. кап. Соколова... На этом совѣщаніи было, по словам Соколова, доложено предложеніе донскаго атамана Каледина прислать помощь Москвѣ. Но товарищи министров от этой помощи отказались... Об этом совѣщаніи я впервые узналъ в Парижѣ. Думаю, что и «товарищи министров, отказавшіеся от помощи» едва ли знали об этом совѣщаніи, никто и никогда мнѣ о нем не говорил. Возможно, что это совѣщаніе находится в связи с весьма странным предложеніем, сдѣланным мнѣ на 3-й или 4-й день возстанія в Москвѣ четырьмя общественными дѣятелями от имени каких-то общественных кругов. Эти лица предложили мнѣ, единственному министру, уцѣлѣвшему от ареста, объявить себя «диктатором» и обѣщали в таком случаѣ поддержать меня... Поддерживать же Временное Правительство в цѣлом они не хотѣли... Я объяснил им, что ни к какому авантюрам не чувствую склонности. Во всяком случаѣ болѣе чѣм странно то обстоятельство, что шт. кап. Соколов, как «посланец Каледина», ходил во время возстанія к каким-то общественным дѣятелям и не сдѣлая соответствующаго предложенія ни мнѣ, ни Рябцову. Если это предложеніе было официальным, то и нужно было его сдѣлать лицам, официально дѣйствующим от

*) Прокопович повторяет версію о злокозненных помыслах «правых» свергнуть руками большевиков Временное Правительство. «В станѣ правых, — говорит он, — я видѣлъ в эти дни чуть ли не откровенное ликованіе по поводу «молодцоватости большевиков». При таком положеніи вещей оставалось одно: понять весь ужас для Россіи дикаго танца двух разрушительных сил, правой и лѣвой, и перестать мечтать о спасеніи Москвы». Но как мог наблюдать это ликованіе автор, если, по собственным его словам, находился безвыходно в Александровском училищѣ? Пассивность и «дикий танец» явленія не однородныя. Слова Прокоповича как бы подтверждали в московском процессѣ с. р. Ратнер, заявившая: «буржуазія хотѣла

имени Временнаго Правительства)... «Это фантастическое предположеніе, — добавлят от себя Милюков, — характеризует настроенія правых кругов».

Постараемся пріоткрыть скобки и немного заглянуть в закулисную темноту. Ничего «фантастическаго» там не окажется. Прежде всего о миссиі шт. кап. Соколова. К сожалѣнію я не знаю ни характера ея, ни официальнаго или официознаго ея происхожденія. Ясно, что рѣчь не могла итти о реальной присылкѣ помощи со стороны Каледина. 29-го на запрос Духонина о возможности отправки отряда казаков с Дона для содѣйствія правительственным войскам в Москвѣ Каледин телеграфно отвѣтил: «посылка противорѣчит постановленіям Круга и требует наличія чрезвычайной необходимости для оправданія в глазах казаков. По нашим свѣдѣніям большевицкое движеніе идет быстро к ликвидаціи». Но было другое. Как мы знаем, Верховный Круг предлагал Временному Правительству переѣхать в Новочеркасск и отсюда повести борьбу с большевиками. Этот призыв Богаевского через Ставку был передан Верховному Главнокомандующему и предсѣдателю Временнаго Правительства. Телеграмма Богаевского была напечатана во всѣх выходивших тогда в столицах газетах, в том числѣ 27 октября и во «Власти Народа», органѣ, близком Прокоповичу. Надо думать, что Соколов был прислан для установленія непосредственнаго контакта. И естественно, он и по внутренним симпатіям и по вышним причинам, попал в так называемый «Совѣтъ общественных дѣятелей»^{*)}. Не мог же он обратиться в КОБ, для многих из членов котораго «каледи́нская реакція» как мы то видѣли по Петербургу, являлась жупелом, куда худшим, чѣм эфемерная власть большевицких авантюристов? На контактѣ с Совѣтом общественных дѣятелей опредѣленно настаивали и представители Совѣта Каз. Войск в Петербургѣ. Не мог Соколов искать и официальных представителей Временнаго Правительства, которое формально в Москвѣ не объявлялось. Еще болѣе странным было бы непосредственное обращеніе к Рябцову при его двусмысленной позиціи — лишь формально можно было назвать командующаго войсками представителем Временнаго Правительства. Наконец, шолитическіе переговоры требовали контакта не с военными властями, а с политическими кругами.

Эти переговоры могли бы быть не так «безплодны» в ходѣ событій, как это представляется Милюкову. Нельзя было звать казаков на борьбу с большевиками и в то же время всю казацкую акцію представлять реакціонным движеніем в странѣ. Такое логическое противорѣчіе не могло содѣйствовать уничтоженію колебаній, которыя появились у казаков и в Петербургѣ, и в Москвѣ и на фронтѣ, и побуждать казаков отказаться от состоянія нейтралитета. Результаты должны были получиться противополож-

^{*)}Совѣтъ общественных дѣятелей не был «каким то совѣщаніем общественных дѣятелей», как повторяет за Прокоповичем Милюков, а совершенно опредѣленной организацией, гдѣ партія к.-д. играла одну из главенствующих ролей. Сюда на Мясницкую и отправился Астров, покинув Горедскую Думу. «Общественные дѣятели» в тѣ времена были таким же *terminus technicum*, как и «революціонная демократія».

ные. Не этим ли противорѣчіем слѣдует до нѣкоторой степени объяснять пассивность немногочисленных казачьих сотен в Москвѣ, начавших дѣйствовать при штабѣ, а потом склонившихся больше к нейтралитету? Не тѣм же ли слѣдует объяснить отчасти и ту легкость, с которой делегаты ВРК убѣдили 7-й казачій сибирскій полкъ, двигавшійся из Каширы и подошедшій почти вплотную к Москвѣ, объявить себя «нейтральным»?

Из слов Прокоповича вытекает, что в бесѣдѣ с четырьмя общественными дѣятелями, посѣтившими его, о казаках не было рѣчи. «Авантюрой» в глазах Прокоповича являлась общая постановка вопроса. Но не измѣнила ли ему память в данном случаѣ? Среди этих четырех, насколько мнѣ извѣстно, были Н. Н. Щепкин и проф. Новгородцев, т. е. два видных члена партіи народной свободы. Отчетливо выясняются таким образом и тѣ общественные круги, от имени которых велись переговоры с представителем Временнаго Правительства. То был «Совет общественных дѣятелей», т. е. как раз тѣ круги, которые не проявили никакой дѣятельности в критическіе дни в Петербургѣ. Едва ли вопрос о «диктатурѣ» мог быть поставлен в той упрощенной формѣ, в какой передает о нем Прокопович — слишком разительно было бы противорѣчіе с заявленіем, сдѣланным перед тѣм Астрограмъ в публичном засѣданіи городской Думы. Довольно ясно, что в предлагаемой концепціи противопоставлялось руководство защитой Москвы от имени Временнаго Правительства (фактически это означало бы «диктатуру» Прокоповича), руководству борьбой от имени только социалистическаго КОБ. Эти круги выдвигали и другое лицо на роли руководителя военными операціями: на мѣсто Рябцова рекомендовался ген. Брусиллов, популярность и авторитет котораго могли бы привлечь к дѣлу большія военныя силы*).

Могла ли измѣнить ход борьбы такая постановка? Здѣсь приходится уже гадать. Во всяком случаѣ тогда очень многіе считали «роковой ошибкой» то, что Временное Правительство не выявило себя в Москвѣ — об этом, напримѣр, солидарно говорили 15 ноября в засѣданіи уже распущенной большевиками Городской Думы к. д. Астров, меньшевик Грановскій и нар. соц. Брюхатов. Приходится еще раз подчеркнуть, что закулисная сторона переговоров и намѣчавшихся комбинацій в эти дни не отчетливы в силу отсутствія каких-либо документов и даже воспоминаній дѣйствовавших лиц.

Московская конъюнктура сложилась так, что реальной силой, которая могла противодействовать наступленію ВРК, должен был руководить КОБ, в значительной степени чуждый этой силѣ. И почти неизбежно военная сила и общественное руководство оказались в состояніи коллизіи. КОБ — как свидѣтельствовал позднѣйшій отчет в партійном комитетѣ н. с. Филатьева о своей дѣятельности в Думѣ, — с первых же дней был весьма обезпокоен тѣм «правым уклоном», который обнаружился в «штабѣ», несмотря

*) Интересно, что отзвуки о московских разговорах дошли и до Петербурга, и «Дѣло Народа» 28-го писало: «в Москвѣ, как будто бы, организуется кабинет Родзянко—Гучков».

на лѣвое возглавленіе. Вѣроятно, только присутствіе Прокоповича в Александровском училищѣ сглаживало углы и препятствовало расхожденіям пріобрѣсти болѣе рѣзкій характер. В концѣ концов был установлен своего рода *modus vivendi*. И в таком соглашеніи, очевидно, главную роль сыграл Прокопович, окончательно отказавшійся от официальнаго возглавленія борьбы именем Временнаго Правительства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

В ПРЕДДВЕРИИ БОЕВ

В первые дни в Москвѣ, даже по выраженію «Извѣстій», содалось «нелѣпное» положеніе. Об этой нелѣпности свидѣтельствовали заборы и стѣны домов, на которых рядом красовались и обвѣвленія ВРК и воззванія КОБ и приказы командующаго войсками. Ни та, ни другая сторона не хотѣла открыть первой военныя дѣйствія, и обѣ обвиняли друг друга в провокаціи. «В то время, когда одна старалась дѣлать все, чтобы избѣжать гражданской войны, — гласило объявленіе Рябцова 27 октября, — другая явно готовила оружіе и принимала всѣ мѣры подготовки». «Мы с первых шагов дѣйствовали так, чтобы избѣжать кровопролитія, чтобы не было пролитія братской крови, но мы ничего не могли сдѣлать», — скажут дѣятели ВРК. — «Всѣми средствами мы избѣгали боя, шли навстрѣчу переговорам, но мы должны были мобилизовать свои силы, потому что имѣли вооруженную силу юнкеров против невооруженной силы солдат и рабочих». Это была лишь дешевая демагогія. Мы видѣли уже, чѣм объясняется в дѣйствительности неожиданное «миролюбіе» пытавшихся поднять знамя возстанія. Ощувив ясно, что за ними нѣтъ реальной силы, они готовы были итти на уступки и охотно откликались на предложеніе посредничества миротворцев из социалистическаго лагеря.

Чѣм объясняется миролюбивая позиція, которую занял КОБ в первые дни. Хроникеры «Власти Народа» усиленно подчеркивают это миролюбіе — «всѣми силами избѣжать кровопролитія» и инициатором такой позиціи выставляют Рябцова. Такая позиція безспорно отвѣчала настроенію масс, еще чуждых в то время психологіи гражданской войны. Она была бы понятна для КОБ, если бы позади не было Петербурга с захватом Зимняго Дворца, если бы в Петропавловской крѣпости не заключена была половина коалиціоннаго Правительства, если бы глава Правительства не двигался с казаками на Петербург, если бы гражданская война еще не начиналась, и не были бы извѣстны послѣдствія, к которым может привести пассивная политика. В таких условіях элементарное, моральное чувство должно было уступить политической цѣлесообразности. Быстрыми и рѣшительными дѣйствіями можно было бы остановить, по крайней мѣрѣ, в Москвѣ в тогдашней обстановкѣ углубленіе гражданской войны. Но сознанія как бы всероссійской отвѣтственности, которая ложилась на Москву в силу сложившейся конъюнктуры, не было у руководителей КОБ. Кто-то и гдѣ-то должен был разрѣшить вопрос в общем масштабѣ; значеніе Моск-

вы, столичнаго центра, низводилось на уровень какой-то провинции, гдѣ надлежало лишь сохранить относительный порядок. А между тѣм, едва ли не прав былъ большевикъ Ломов, тогда же высказавшій убѣжденіе, что исход возстанія в Москвѣ до изъоторой степени предопредѣляетъ судьбу всего переворота.

Трудно было взять на себя отвѣтственность за начало гражданской войны — так и Филатьевъ объяснял выжидательную позицію КОБ. Увѣренность в том, что большевицкое выступленіе удастся ликвидировать мирным путем, питала не только обнаружившаяся слабость зачинателей гражданской войны, но и сознание, что партія, фактически руководящая дѣятельностью КОБ, сумѣет ввести в русло разбушевавшуюся стихію и повести за собой московскій гарнизон. Не изжиты были еще лѣтнія иллюзіи, связанные с импозантною побѣдой соц.-революціонеров при выборах в мѣстныя самоуправленія*). Это самовнушеніе мѣшало не только дѣйствіям, но и накопленію реальной силы для борьбы; организаціей такой силы занялись большевики с момента, когда вынуждены были признать преждевременность начатаго наступленія и занять по их словам «строго выжидательную позицію». Такая позиція еще болѣе питала иллюзіи КОБ. По словам Филатьева, Рябцовъ увѣрялъ КОБ, что он в два часа может справиться наличными силами с ВРК, и что нѣтъ никакой необходимости форсировать событія. Из газетныхъ сообщеній того времени мы узнаем, что Рябцовъ считал «недопустимымъ» вводить в дѣло, грозящее военнымъ столкновеніем, воспитанниковъ юнкерскихъ училищ. Юнкера могут быть привлечены только к охранѣ учреждений и к защитѣ населенія. Столь же рѣшительно командующій войсками возражал и противъ вооруженія «обывателей», ибо это повлечет за собой только расхищеніе оружія. Может быть, все это было бы цѣлесообразно, если бы центральная власть или организація, взявшая на себя ея функціи, дѣйствительно обладала достаточно организованной силой, но все это становится какой-то бравадой послѣ того, какъ событія показали, что, кромѣ юнкерскихъ школ, за Штабомъ никакихъ регулярныхъ частей не оказалось — развѣ только на первыхъ порахъ двѣ сотни казаковъ. Если архивъ Штаба сохранился, то в будущемъ возможно обнаружатся мѣры, которыя предпринималъ Штабъ для приведенія в боевую готовность тѣхъ воинскихъ сил, на которыя онъ рассчитывалъ в случаѣ активнаго выступленія. Я не могъ найти пока и намека на такую распорядительную дѣятельность. Гарнизонъ былъ предоставленъ самому себѣ. С поразительною безпечностью Штабъ не принялъ никакихъ мѣръ к охранѣ оружія и снарядовъ, даже к самоснабженію, и тѣмъ до нельзя облегчилъ задачу ВРК.

Сознательно или безсознательно Рябцовъ былъ загнипнотизированъ словоговореніемъ и свою военную задачу видѣлъ только в переговорахъ, которые должны были привести к взаимному соглаше-

*) По существу эти иллюзіи должны были сильно померкнуть в Москвѣ, гдѣ при выборахъ в районныя Думы число голосовъ, полученныхъ партией, катастрофически пало.

нію*). Так и ставился вопрос в первый день, когда Рябцов самостоятельно вел переговоры с ВРК, как мы видели, по инициативѣ послѣдняго. Еще 26-го, по большевицким свѣдѣніям, произошло принципиальное соглашеніе о ликвидаціи обѣими сторонами всѣх дѣйствій. Оставалось только реально договориться о формѣ этой ликвидаціи и главным образом урегулировать по соглашенію о «полках» кремлевскій инцидент. Возникшія осложненія цѣлесообразнѣе описать ниже. Отмѣтим пока лишь уступчивость, склонность к которой проявлял командующій войсками. Наглядно это сказалося при урегулированіи вопроса о выводѣ двух «рот» 56-го полка из Почтамта. «Революціонный» караул подлежал замѣнѣ юнкерскими караулами из Алексѣевского Училища. Во избѣжаніе столкновенія большевик Аросев и меньшевик пор. Ровный, состоявшій в должности помощ. команд. войсками, ѣдут в Почтамт. По дорогѣ оба представителя революціонной демократіи «по товарищески» бесѣдуют о превратностях судьбы — кто мог ожидать, что они окажутся в разных вооруженных лагерях. На мѣстѣ происходит своеобразный договор: захватчики остаются на мѣстах, правительственныя войска уводятся.

Такая соглашательская политика Штаба вызывала не только недоумѣніе, но и протест со стороны КОБ. И не столько по «приказу» Прокоповича, сколько под нажимом КОБ и еще болѣе под непосредственным напором волнующейся вооруженной силы, явно начинавшей выходить из подчиненія командованія, Рябцов должен был измѣнить свою соглашательскую линію. Упомянутый «Информаціонный Дневник» отмѣчает уже 26-го, «юнкера утром постановили, если Рябцов не будет дѣйствовать активно, смѣнить его и назначить другого».

В совокупности вся эта выжидательная и соглашательская тактика должна была разлагать солдатскій гарнизон. Корреспондент «Власти Народа», спеціально побывавшій в разных казармах с цѣлью «познакомиться с настроеніями солдатских масс, отмѣчает «мучительныя колебанія», с которыми он встрѣтился там**). Надлежало разобраться в той сложной партійной кухнѣ, гдѣ социалистическіе повара стряпали свои замысловатыя комбинаціи. В самом дѣлѣ, пойдѣте на гарнизонное собраніе 27 октября, созванное Президіумом Совѣта С. Д., присоединившимся к позиціи

*) Кускова, близко соприкасавшаяся с Рябцовым (он позже работал во «Власти Народа», редактируемой названной писательницей), утверждает, что Рябцова яко-бы парализовало «отсутствіе народа» в октябрьскіе дни. Он прямо говорил: «с кѣм же я бьюсь против солдат и рабочих?.. Мы не понимаем, что на сторонѣ революціи, как бы губительна она ни была, весь народ, во всѣх его основных слоях. Не на сторонѣ революціи лишь тѣ, кто хочет вернуть старое».. «Я или сойду с ума или конючу с собой», — заключал Рябцов. Он погиб при наступленіи добровольцев на Харьков, гдѣ он сотрудничал в с.-д. журналѣ лѣваго направленія.

***) Спокойствіе и равнодушіе царило лишь в средѣ старых запасных. На вопрос корреспондента, что они будут дѣлать, солдаты отвѣтили приблизительно так: прежде торговали и будем торговать.

КОБ*). На собраніи присутствует болѣе 2000 человекъ. Предсѣдательствуетъ на немъ с.-р. Урновъ, не принадлежащій по своимъ политическимъ настроеніямъ къ лѣвому крылу партіи, почти подошедшему къ большевизму. Его окружаетъ «коалиціонный президіумъ». И, какъ будто бы, довольно неожиданно докладчикомъ на этомъ собраніи выступаетъ большевикъ Усѣвичъ по предварительному договору отъ имени всѣхъ фракцій и заявляетъ, что соглашеніе между фракціями почти состоялось, и что такимъ образомъ удастся предотвратить кровопролитіе. Соглашеніе основывалось на томъ, что утромъ 27-го группа лѣвыхъ с.-р. и даже какихъ-то представителей «центра» заявила ВРК о своемъ согласіи вступить въ Комитетъ при условіи его реорганизаціи въ духѣ той согласительной формулы, которая была выработана на объединенномъ засѣданіи Совѣтовъ 25-го, т. е. созданія комбинированнаго революціоннаго центра изъ КОБ и ВРК (7 представителей отъ Совѣтовъ и 10 отъ другихъ организацій). ВРК охотно теперь далъ принципиальное согласіе на такую комбинацію, и миротворцы изъ лагеря меньшевиковъ, только что вышедшіе изъ состава ВРК, направились съ согласительнымъ проектомъ въ КОБ. Правда, насколько можно судить по газетному отчету, на гарнизонномъ собраніи произошла полная неразбериха, когда представители отдѣльных фракцій стали аргументировать свои позиціи и вносить «поправки» въ информацію о петербургскихъ событіяхъ, доложенную на собраніи Усѣвичемъ. Очевидно, и самъ газетный репортеръ не очень разобрался въ сущности, когда писалъ, что горячій и искренній призывъ предсѣдательствовавшего соц.-революціонера къ забвенію фракціонныхъ споровъ и къ организаціи *единого* фронта потонулъ въ хаосѣ разбушевавшихся страстей, превратившихъ собраніе въ «нѣчто безформенное». Когда большевикій ораторъ на основаніи «достоверныхъ» свѣдѣній сообщилъ, что выступилъ ген. Корниловъ, и что ген. Калединъ объявленъ диктаторомъ, хаосъ долженъ былъ получиться еще болѣе большой. Но тутъ же было сообщено и достоверное — о томъ ультиматумѣ, который около 7 час. веч. предъявилъ командующій войсками Вр. Комитетъ.

Не должно ли было произойти на этомъ гарнизонномъ собраніи нѣчто аналогичное тому, что отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ Станкевичъ о митингѣ въ Царскомъ Селѣ, когда одинъ изъ слушателей со злобой плюнулъ и закричалъ оратору: къ чорту всѣхъ ораторовъ, все перепуталось, ничего не пойму. Собравшіеся 27-го должны были уяснить себѣ такіе нюансы партійныхъ взаимоотношеній: социалысты-революціонеры, группирующіеся въ КОБ, это не тѣ социалысты-революціонеры, которые входятъ нынѣ въ соглашеніе съ ВРК, это даже не тѣ, къ которымъ примыкаетъ предсѣдательствующій. И всѣ они еще только 25-го совместно выступали отъ объединенной фракціи. Надлежало уловить нюансы и у социал-демократовъ: объединенцы, участвующіе въ ВРК, меньшевики, вышедшіе изъ него, меньшевики, примыкавшіе къ КОБ (въ президіумѣ Исполнительнаго Комитета Совѣта С. Д., вошедшаго, повидимому, въ составъ КОБ).

Не трудно понять, что въ описанныхъ условіяхъ подавляющее

*) Любопытно, что до вечера 27-го и возставшіе и ихъ «усмирители» засѣдали въ одномъ помѣщеніи, только въ разныхъ этажахъ.

большинство гарнизона предпочло занять нейтральное положение в начавшейся заварухѣ, несмотря на инстинктивное, быть может, сочувствіе заманчивым и простым лозунгам большевицких демагогов. Надо сказать, что к этому нейтралитету в сущности призывали и всѣ руководящія органы тѣх общественных организацій, которыя входили в КОБ. Так Совѣты С. и Кр. Д., партійный комитет с. р. и военная организація этой партіи призывали гарнизон не выступать с оружіем без приказа Совѣта Сол. Д. — это был контр-призыв на приглашеніе ВРК. Отмѣтим, что призыва активно выступить с оружіем в руках на защиту КОБ так совсѣм и не появилось. 29-го Исполнительный Совѣт Р. Д. призывал лишь выносить постановленія о прекращеніи кровавой борьбы, т. е. повторял тѣ самые призывы о прекращеніи «братоубійственной войны», которые раздавались от имени десятки, избранной в противовѣс эсеровско-меньшевицкому Исполнительному Комитету Совѣта С. Д. на собраніи «полковых» комитетов 28-го (созвано было уже одними большевиками). Свидѣтельскія показанія со стороны самих большевиков не раз отмѣчают успѣх проповѣди среди солдат воздержанія от вооруженных выступленій: напр., из суворовских казарм (Сокольники), гдѣ полковой комитет уговорил солдат занять «нейтральную позицію», представителям ВРК удалось вывести всего лишь 30 человек. Такими группами, большими или меньшими по количеству людей, ВРК на первых порах и сколачивал свои военные кадры. То были не воинскія части, а группы, откликнувшіяся на призыв к «самочинным выступленіям», к которым с 26 октября стал приглашать ВРК. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если бы КОБ вступил на такой же путь, и он нашел бы свои активные кадры в рядах солдатских частей московскаго гарнизона. На призыв соц.-революціонеров солдаты откликнулись бы, — утверждала Ратнер на процессѣ в Москвѣ, но социалисты-революціонеры призывали только солдат и рабочих «оставаться на своих мѣстах и не выходить на улицу».

КОБ не только не пошел по такому пути, но, быть может, невольно всей своей дѣятельностью сам препятствовал активной самодѣятельности общества. Призывая всѣх объединиться около Думы, как единственной законной власти, КОБ не только не возглавил того порыва, который поднялся в Москвѣ под вліяніем петербургских событій, но, относясь к нему боязно и сдержанно, скорѣе ставил препоны тому, чтобы этот порыв возмущенія превратился в широко развитое и организованное движеніе. Комитет Общ. Безоп., по словам Ратнер, «не являлся органом вооруженной борьбы».

**

В упомянутом письмѣ в редакцію «Руть» Прокопович дѣлает правильное, на мой взгляд, заключеніе: «Москва пала не столько благодаря силѣ большевиков, сколько благодаря нашему безсилію. Очень большой резерв сил, могущих быть на нашей сторонѣ, бездѣйствовал». Прокопович имѣл в виду офицеров, которых в Москвѣ числилось, как показала произведенная вскорѣ большеви-

ками регистрація, около 30.000. Из этой массы сражалось только нѣсколько сот. Кто в этом виноват? Со стороны КОБ никаких шагов для привлеченія офицеров к борьбѣ не было сдѣлано. Комитет боялся этих сил, — боялся усилить позиціи контр-революціонеров, по выраженію Ратнер на процессѣ с.р. Тѣ сотни добровольцев, о которых говорит Прокопович, появились только в результатѣ частнаго совѣщанія представителей воинских частей, желавших поддержать Временное Правительство, которое было создано в экстренном порядкѣ 27-го в Александровском училищѣ по инициативѣ нѣкоторых членов совѣта офицерских депутатов. Шумное и беспорядочное собраніе довольно образно описано в единственных, кажется, напечатанных воспоминаніях об этих днях Ефрона*). Характерной чертой собранія является крайне враждебное отношеніе к командующему войсками, котораго тщетно пытаются долгое время отыскать. Не могли с ним переговорить пакаунѣ и командиры полков. А слухи ползли о том, что командующій ведет «какіе-то таинственные переговоры с главарями предателей». Командующій «измѣнил» — эти слова у всѣх на устах. Нужен иновыи командующій. И только призывы «старших» к лояльности, напоминаніе о воинской дисциплинѣ нѣсколько успокаивают собраніе. Создаются роты «по ста штыков», выбираютъ начальники и устанавливается выборное общее командованіе, вручаемое полк. ген. штаба Дорофѣеву. Самотеком пришли эти офицеры, и скорѣе приходится удивляться, что число их в центрѣ опредѣлялось в нѣсколько сот. В дѣйствительности, конечно, этих добровольцев было больше. К тому, что зарегистрировано в центрѣ, надо прибавить тѣ маленькія партизанскія группы или отряды самообороны, которые также самочинно возникают в процессѣ боев. Развѣдка ВРК впоследствии постоянно отмѣчает в разных мѣстах наличность офицерских групп в 7, 10, 15 человекъ, как бы не связанных с центром и дѣйствующих самостоятельно.

Почти такую же картину представляет собою организація и других добровольческих дружин. Против большевиков дралось 200 добровольцев — студентов и гимназистов, — продолжает Прокопович. Он говорит, конечно, только про центр — про тѣх дружинников, которые сосредоточились в штабѣ на Знаменкѣ и которые, возможно, были завербованы самочинным бюро по организаціи «бѣлой гвардіи», пристроившимся в электро-театрѣ на Арбатской площади. Цифра необычайно мала, если принять во вниманіе взбудораженный отклик студенческой молодежи на первых же порах при выступленіи большевиков: уже 26-го в Университетѣ началась по инициативѣ кадетской фракціи запись студентов, желающих зачислиться в дружинники. В «Извѣстіях» число записавшихся в добровольческіе отряды опредѣлялось в 600 человекъ. 80 проц. всего студенчества, по мнѣнію большевицких изслѣдователей, оказалось в рядах противников ВРК.

Отмѣчу один чрезвычайно показательный примѣръ для характеристики условій, при которых протекало это добровольческое

*) Беллетристическая форма воспоминаній всегда лишаетъ извѣстной точности показанія свидѣтеля.

движеніе. Одну из наиболѣе опредѣленных позицій занял союз инженеров, заявившій что он «всецѣло на сторонѣ Временнаго Правительства» и предоставляет в его распоряженіе всѣ свои силы. Союз призывал своих членов «смѣло и рѣшительно выполнять свой гражданскій долг всюду, гдѣ для этого представляется возможность». Инж. Жилинскій организовал дружину добровольцев. Инициатор, вѣроятно, чрезвычайно преувеличивал, когда говорил о 1500 человекъ, записавшихся в нее. Предполагалось дѣйствовать преимущественно в Замоскворѣчѣ, гдѣ у Жилинскаго были особыя связи — и район был наиболѣе организован в смыслъ большевизских сил и настроеній. Жилинскій рассказывал мнѣ, что его инициатива встрѣтила рѣшительную оппозицію в КОБ. Не знаю, «кадетское» ли настроеніе союза инженеров, откуда были почерпнуты основные кадры, вызвало сомнѣніе; желаніе ли сдержать проявленіе гражданской войны в рамках дѣйствій только законной власти, но Жилинскій должен был официально даже распустить дружину. Сам он причислял себя к группѣ социалистов-революціонеров и нѣкогда состоял в рядах «террористов». Это был человекъ исключительной энергіи и, распустив официально, он все же продолжал дѣйствовать с небольшою дружиною, которая, как мы увидим, совершила акт, пожалуй, наиболѣе эффектный среди вооруженных выступленій, имѣвших мѣсто в теченіе шестидневнаго боя.

В то время, когда большевики в дни переговоров и соглашеній всю свою энергію направляли на организацію районов, на созданіе объединяющих мѣстных партійных дѣйствій боевых центров, КОБ не принимал никаких мѣр к организаціи районной самостоятельности. И на мѣстах скорѣе фактически подавлял самочинныя начинанія. Вслѣд за КОБ и Московскій губернскій совѣтъ Кр. Деп., в свою очередь, призывал населеніе не выходить без особой надобности на улицу, не собираться кучками и т. д. В результатѣ в сферѣ дѣятельности ВРК партизаны были сдѣланы с мѣстными районами и стояли в непосредственной связи с центром. Это сыграло огромную роль в послѣдующіе дни. КОБ был совершенно оторван от партизанской дѣятельности на мѣстах. Самочинно образовавшіеся отряды дѣйствовали самостоятельно за свой страх и риск без связи между собой и без связи с центром. Дѣйствовали изолированно, и дѣйствія их были обречены на неудачу.

Самое объявленіе военнаго положенія в Москвѣ, послѣдовавшее вечером 27-го, было только на руку ВРК, ибо лишь затруднило ту «самооборону» населенія, к которой призывала, на примѣр, «Власть Народа» в противорѣчій с официальными лозунгами КОБ. «Граждане и товарищи, — гласило воззваніе КОБ, — военное положеніе ведет за собой много тягот, но введеніе его вызвано крайнею необходимостью, и пусть всѣ проникнутся сознаніем этой необходимости». Эта необходимость диктовалась больше бюрократической традиціей. При отсутствіи полицейских сил, на окраинах военное положеніе абсолютно не имѣло никакого значенія, в центрѣ же, гдѣ населеніе было болѣе законопослушно, оно психологически понижало дѣеспособность. Газетный

хроникер в первый же день военного положенія отмѣчал равнодушіе публики, словно ея не касалось происходившее кругом. Но вѣдь приказ Рябузова на основаніи военного положенія и сводился только к тому, чтобы превратить каждаго, почувствовавашаго себя гражданином, в обывателя. Для того, чтобы избѣжать ненужных жертв и не стѣснять выполненія боевых заданій, приказ командующаго войсками запрещал выход на улицу без особаго пропуска от домоваго Комитета, запрещал всякаго рода сборища, предписывал увѣдомлять Думу о всѣх домах, гдѣ в окнах или на крышах находятся вооруженные люди, грозил пулеметным и артиллерійским обстрѣлом домов, откуда послѣдуют выстрѣлы... Если и нашлось нѣсколько домовых комитетов (в так называемых «буржуазных» домах), которые вопреки официальным приказам превратили свои дома в «крѣпости», создали свою собственную вооруженную охрану, даже обзавелись пулеметами (сообщеніе «Власти Народа»), то дѣлали они это не для бсрьбы, а для самозащиты в случаѣ нападенія погромщиков и грабителей, о которых говорило официальное объявленіе. Другіе, может быть, в своей пассивной лояльности видѣли лишь проявленіе того «чувства сознательности» граждан, о котором упоминал приказ...

Все дѣло заключалось в том, что стратегія возможнаго уличнаго боя органически не входила в сознаніе тѣх, кто взял в свои руки верховную распорядительную власть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОКРУГ КРЕМЛЯ

Выжидательную и пассивную позицію КОБ и Штаба в первые три дни с достаточной яркостью можно себѣ представить, познакомившись с тѣм, что происходило в Кремлѣ 26—28 октября, когда представители ВРК вели переговоры с Рябцовым. По причинѣ удивительной неряшливости воспоминаній даже болѣе или менѣе отвѣтственных руководителей возстанія (а мы, к сожалѣнію, за малым исключеніем, принуждены почти всегда выслушивать лишь одну сторону) довольно трудно точно в хронологической послѣдовательности и в деталях дать описаніе кремлевскаго инцидента. Достаточно указать, что сдача Кремля, происшедшая 28-го утром, даже самым большевицким комендантом Кремля, прап. Берзиным, отнесена в воспоминаніях к утру предшествовавшаго дня.

Берзин вспоминал впоследствии о затрудненіях, которыя он испытывал 26-го, когда Кремль был «занят»: «Уже шоддень, положеніе прежнее — ни то, ни се. Яснаго распоряженія — принимать рѣшительныя мѣры, не останавливаться на полпути, всѣх офицеров безразлично арестовывать — не было. Поэтому было боязно переборщить. Директивы открывать огонь не было». Не столько отсутствіе директив и боязнь «переборщить» связывали руки новаго коменданта, сколько настроеніе солдат. Прибывшіе на автомобилях для погрузки оружія из арсенала красногвардейцы и 18 «двинцев» во главѣ с тов. Страховым и образовавшіе сейчас же в Кремлѣ мѣстный «революціонный комитет», пытались разгнать караул, но, повидимому, дѣло больше свелось к «веселым» разговорам за чаепитіем в клубѣ на тему: могут ли побѣдить «красногвардейцы», у которых «мало силы и оружія». По признанію самого Берзина рассчитывать мог он только на свою восьмую роту, числившуюся во втором батальонѣ 56-го полка и составленную из новых людей. Первый батальон считался «надежным» в правительственном смыслѣ слова; вторая и третья роты, — добавляет другой мемуарист, Жаров — были под лянніем «меньшевигов». Прислуга броневиков считалась эс-эровской. Украинскій дивизион по принципу національности полагал, что он должен стоять в сторонѣ от заварухи. Другими словами, активное меньшинство при попустительствѣ пассивнаго большинства задавало тон.

«Ни то, ни се» продолжалось до тѣх пор, пока делегаты ВРК (Нотин, Муралов, Аросов) не вступили в непосредственные пере-

говоры с командующим войсками. Очевидно, было несколько встреч и отдельных телефонных разговоров с Ногиним, который только что вернулся из Петербурга в новом звании комиссара правительства (Ногин состоял и представителем московского совета). Одну из таких встреч (вернее всего ее надо отнести к 26-му) описал член делегации ВРК Струков. ВРК продолжал вести двойную игру и хотѣл добиться в переговорах с Рябцовым приблизительно таких же результатов, которые получились при переговорах о выводѣ войск, занявших Почтамт. Послѣтъ Рябцова в Кремль*), делегация при посредствѣ третичков из состава Совета С. Д. с. р. Уркова и меньшевика Маневича пыталась убѣдить командующаго войсками не выводить солдат 56-го полка из Кремля и не замѣнять обычных караулов юнкерскими отрядами. Чрезвычайно показательны мотивы, которые выдвигались представителями ВРК — они стараются дѣйствовать на самолюбіе солдат. Нельзя «лишать» полк «почетнаго долга окарауливать Кремль». Нѣтъ никаких мотивов для такого «оскорбительнаго» рѣшенія. Пусть Рябцов объяснит юнкерам, что «нервничать незачѣм», что требованія большевиков «законны и скромны», что выводъ обычного караула «безпричинен и нетактичен», что ВРК хочет только избѣжать кровопролитія и т. д. Отвѣтъ Рябцова был, по словам мемуариста, неопредѣленен; он сказал, что окончательно отвѣтит по телефону.

Не совѣм, очевидно, разобравшись в двойной бухгалтеріи ВРК, хроникер «Власти Народа» о результатах переговоров сообщал, что ВРК согласился на отозваніе находящихся в Кремль частей, но послѣднія отказались подчиниться распоряженію. Ночью по городу распространился слух, что Рябцов арестован в Кремль. На другой день, т. е. 27-го, «Власть Народа» опровергала этот слух, но вмѣстѣ с тѣм под заголовком «Арест Рябцова» газета давала совершенно изумительную информацию, свидѣтельствующую о той полной неразберихѣ, которая царила кругом: «Командующій войсками Рябцов задержан юнкерами. ВРК, как это ни странно, принимает мѣры к освобожденію полка. Рябцова». Можно придти в полное отчаяніе от такой «информации**»). Помогает разобраться в ней только то, что в нашем распоряженіи имѣются краткія записки доклада, в свое время сдѣланнаго Филатьевым. Желая убѣдить солдат 56-го полка выполнить его приказ, Рябцов отправляется вновь на переговоры в Кремль. Долго он не возвращается. Уже к ночи в КОБ появились крайне взволнованные помощники командующаго войсками, Ровный и Мастрюков с сообщеніем, что Рябцова в Кремль чуть не убили, и что только вмѣшательство Ногина и Муралова спасло ему жизнь; из Кремля его не выпускают, задержав в качествѣ заложника. Члены КОБ «нелегальным» путем вызвали представителей ВРК и к 2 часам ночи добились возвращенія Рябцова. Рябцов заявил, од-

*) Удивительнѣе всего, что и Рябцов со своим штабом 26-го находился в кремлевском Николаевском дворцѣ, при чем выѣзду его не дѣлалось препятствій.

**) Ниже мы увидим, на какой почвѣ могло возникнуть сообщеніе о задержаніи юнкерами Рябцова.

нако, что он оставался в Кремль по собственному желанію, что он не подвергался никакой опасности, и что ни арестом, ни смертью ему не грозили. По мнѣнію Филатьева, Рябцов замалчивал то, что было в Кремль по каким то «тактическим соображеніям». вмѣстѣ с тѣм Рябцов увѣрял, что никаких активных дѣйствій предпринимать не надо, что он позволил себѣ нѣсколько измѣнить условія соглашенія и надѣется безболѣзненно достигнуть смѣны 56-го полка, если не юнкерами, то солдатами из «вѣрнаго» 192-го полка. Так как директивы КОБ сводились к тому, чтобы не доводить дѣло до «столкновенія», очевидно, тактика командующаго войсками в данном случаѣ больших возраженій не вызвала.

Большевицкіе мемуаристы дают нѣкоторыя свѣдѣнія о том, что происходило в Кремлѣ с Рябцовым. Один из них, Страхов, говорит, что Рябцов в сопровожденіи Ногина, Муралова и др. появлялся в Кремль три раза. Берзин рассказывает, что Рябцов прибыл в Кремль вмѣстѣ с делегатами ВРК и выступил на митингъ перед казармами: «он говорил, что в подвалах Кремля хранится весь запас русскаго золота и много других цѣнностей, что охрану Кремля надо поручить юнкерам. Тут как закричат на него солдаты: «Долой его, к чорту! Мы Кремль всегда охраняли. Юнкеров в Кремль не пустим. Довольно!» Чуть не избили Рябцова. Муралов обращается к Рябцову: «Ну, вот, видите. Говорил я вам, что 56-й полк из Кремля не уйдет. Юнкеров вводить не слѣдует и незачѣм». По воспоминаніям Страхова*) толпа дѣйствует болѣе агрессивно. «Рябцов сдѣлал много рѣзких выпадов в сторону красногвардейцев и тѣх солдат, которые стали на сторону красногвардейцев. Солдаты здѣсь закричали: «Ура!» схватили Рябцова, подняли на воздух и кричат: «Раскачать, да ухнуть об землю, чтобы костей не было». Нѣкоторые так озвѣрѣли, что кричали: «Рви его на куски, затѣм об землю, давай рвать». Я крикнул: «Товарищи, на гауптвахту его, куда раньше вас сажали, а теперъ его посадите»... В это время вмѣшался Ногин: «Тов. Страхов, оставьте его и дайте нам — мы сами с ним разберемся»... По словам Берзина, вмѣстѣ с другими делегатами командующій войсками вышел из Кремля через Троицкія ворота.

Пожалуй, в данном случаѣ спорныя даты и детали не имѣют значенія, так как онѣ совершенно не измѣняют самой сущности. «Ни то, ни се» все еще продолжалось в Кремлѣ. Подобная нерѣшительность или стремленіе «всеми средствами» избѣгнуть кровопролитія вызывали сильный ропот в военной средѣ. Сами делегаты ВРК рассказывают о той враждебной атмосферѣ в манежѣ, гдѣ собрались офицеры, юнкера и казаки, через которую нужно было пройти им в момент посѣщенія Кремля. Но почти такую же враждебность встрѣчал и Рябцов. В теченіе дня 27-го в юнкерских училищах, в школах прапорщиков, э манежѣ происходит текуцій митинг; выносятся резолюціи, отпра-

*) Отрывки из неизданных воспоминаній Страхова приведены в книгѣ Пече.

ляются делегации в Думу с требованием смѣны командования. На митингах предлагают Брусилова. Из Александровскаго училища, — рассказывает Эфрон, — дѣлй «взвод» идет к Брусилору на Пречистенку, но тот отказывается «по болѣзни» *).

Ружья начали сами стрѣлять. Под вечер 27-го около Думы произошло первое боевое столкновение между юнкерами и группой «двинцев», пробиравшихся на Скобелевскую пл. к Совѣту**). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что только под этим напором военных низов КОБ рѣшил выйти из состоянія миролюбія. На основаніи объявленія Москвы «на военном положеніи» командующій войсками предъявил ВРК ультиматум с требованием сдаться, очистить телеграфную станцію и Кремль.

Одна теорія не могла успокоить взбаломученное море, тѣм болѣе, что Рябцов отнюдь не склонен был прибѣгать к рѣшительным мѣрам и послѣ предъявленія «ультиматума». Всѣми голосами против одного КОБ рѣшил всетаки под влияніем Рябцова ждать до утра 28-го добровольнаго очищенія Кремля. Такое рѣшеніе вызвало взрыв негодованія в военной средѣ. Находившіеся в Манежѣ готовы были самовольно итти на приступ Кремля. ВРК через своих секетов получил сообщеніе, что юнкера на митингѣ рѣшили ночью двинуться к Совѣту и ликвидировать ВРК. И только горячія и настойчивыя убѣжденія наиболѣе авторитетных членов КОБ, не нарушать дисциплины самостоятельным выступленіем, предотвратили возможные даже эксцессы. Филатѣев вмѣстѣ с Рябцовым в теченіе ночи объѣзжал военные училища, а Руднев убѣждал собравшихся в Манежѣ. Настроеніе было до чрезвычайности повышенное, по адресу Рябцова раздавались обвиненія в крайне рѣзкой формѣ. Военная молодежь подчинилась дисциплинѣ, но видно было, как падало боевое настроеніе, уступая мѣсто глубокому недовѣрью (заключеніе одного из непосредственных участников в переговорах).

В ночь на 28-ое никаких выступленій около Кремля не произошло. Если послѣдовать за неудержимыми фантазіями нѣкоторых большевицких мемуаристов, желающих безмѣрно подчеркнуть «геройство масс», то окажется, что в ночь с 27-го на 28-ое октября вокруг Кремля велись такіе бои, с которыми, как утверждают эти «авторитетные» свидѣтели, несравнимы даже крѣпостные

*) Самоличнаго возглавленія, очевидно, Брусилор не желал. Но его имя усиленно лансировалось в эти дни. Через добровольцев-посредников такое предложеніе было сдѣлано, если не официально КОБ, то в частном порядкѣ его руководителю. В торгово-промышленной средѣ для Брусилорской акціи в спѣшном порядкѣ было собрано 200 т. руб. в счет опредѣленнаго генералом милліона. Деньги, как я слышал, были вручены Брусилору.

***) В изображеніи «мемуаристов» из числа самих «двинцев» их «герои» без оружія бросаются на юнкеров, которых ни болѣе, ни менѣе, как 12 тыс. около Кремля. По одним воспоминаніям, «двинцы» пробиваются через строй вооруженных до зубов юнкеров; по другим — из 50 человек 45 были разстрѣлены; пятеро убѣжали и рассказали о происшедшем. Полны фантазіи показанія и тѣх районных мемуаристов, которые слышали «усиленную пальбу» в центрѣ уже в первую ночь возстанія.

бой во Львовѣ, Краковѣ и т. д. *). Можно было бы лишь, как курьез, привести выдержки из этих воспоминаний, но в них всегда, впрочем, проскальзывает и зерно правды, характеризующей обстановку. Так мы знаем, что в ночь с 26 на 27 среди солдат и Кремль идут «отчаянные споры», на чьей сторонѣ окажется побѣда. В концѣ концов согласились утром двинуться в бой и отогнать юнкеров. Остаток времени до утра посвящается уже дебатам, кому принадлежит «честь» выступить первыми — солдатам ли 56 полка или ротѣ 193 полка. Но утром не выступили. Предполагали в первую очередь двинуть броневики, а тѣ оказались занятыми офицерами украинскаго дивизиона, охранявшаго Николаевскій дворец. Оказалось, что рота 193 полка, довольно случайно попавшая в Кремль, рвалась в бой по той простой причинѣ, что желала вернуться в казармы и соединиться с полком. И комендант должен был ее выпустить, воспользовавшись временным снятіем юнкерских караулов по распоряженію Рябцова. Так что и сражаться было не с кѣм. Стали тогда «лихорадочно» готовиться к осадѣ, так как из ВРК по телефону сообщали о возможности наступленія юнкеров. В 10 ч. 55 м. вечера комендант Берзин отдал приказ в пять минут привести гарнизон в боевую готовность. В 11 ч. 40 м. юнкера из Верхних Торговых Рядов на Красной площади открыли по Кремлю ружейный и пулеметный огонь; били по Кремлю и трехдюймовки, расположенныя около Штаба у Арбатских ворот. В «ярость» пришли роты 56-го полка и отстрѣливались «без всякой пощады». 45 минут продолжался «ураганный огонь», не причинившій, впрочем, большого вреда — у осажденных обнаружилось трое легко раненых. Уже 2 часа ночи. Вдруг шум, крики «ура» со всѣх концов Москвы: «Наши идут выручать». Но украинскій дивизион уже требует сдачи: это армія прибыла с фронта во главѣ с ген. Алексѣевым и окружает Кремль. Лестно охранять Кремль и «весело» бесѣдовать за чаепитіем. Но хуже, когда нѣтъ хлѣба и воды. И солдаты 56 полка исаѣдают на Берзина: «ты нас обманул». Создается настроеніе враждебное к коменданту — он сам вынужден это признать.

В 6 час. утра от командующаго войсками поступает повторное требованіе сдаться в теченіе все тѣх же пяти минут. Берзин открывает ворота, и юнкера стройными рядами входят в Кремль. В большевицкой исторической печати, признающей сдачу Кремля большой тактической ошибкой ВРК, принято утверждать, что Кремль был захвачен «обманным путем»: Рябцов де убѣдил молодого и неопытнаго Берзина, что ВРК уже ликвидирован и Кремлю остается только сдаться. По утверженію других Рябцов не столько убѣдил, сколько обманул в прямом смыслѣ слова: прервав телефонное сообщеніе Кремля с ВРК, он от имени ВРК предложил Берзину сдать Кремль. Бонч-Бруевич заподозрѣвает даже здѣсь прямую «измѣну» со стороны большевицкаго коменданта. В дѣйствительности довольно ясно, что Кремль был сдан в значительной степени под напором самой солдатской массы. Столь

*) Припомним аналогичныя сравненія боев на Пулковских высотах — это уже мемуарный трафарет.

же несомненно, что никаких боев около Кремля не было — совершенно невольно было бы умолчание об этих боях в социалистических газетах (в том числе и во «Власти Народа»), вышедших 28 октября.

Я до известной степени нарочно привел некоторые цитаты из воспоминаний, не имеющих никакой исторической достоверности, потому что ничего аналогичное в большей или меньшей степени мы найдем во всех большевистских описаниях московских октябрьских боев. С таким критерием осторожности надо подходить к каждому мемуарному документу, вышедшему из ндр ВРК*). С такой оговоркой приходится сразу же подойти к изложению событий, непосредственно последовавших за сдачей Кремля. Началась жестокая расправа с обезоруженным врагом, — утверждают большевики: ротами строили и разстреливали захваченных в плен солдат. Разстреливали вплотную из пулеметов и орудий**). К сожалению, даже Милуков без должной критики отнесся к этим показаниям и занес на страницы своей истории сообщение: «последовали разстрелы солдат арсенала». В действительности же было не так. Один наивный мемуарист рассказывает: «Когда вошли юнкера в Кремль, был удобный и решительный случай в пользу Красной Гвардии — они шли густыми колоннами и страшно были робки и не смели. Вот в этот момент можно было побить все колонны не только из пулеметов, но даже из винтовок». Одна из групп не разоруженных солдат открыла огонь по юнкерам, которые бросились назад к воротам с криками: «измена». Прикрывавший юнкеров броневик, который не в мфу рьяные «ленинцы» приняли за свой, начал стрелять. Жертвы были с обеих сторон. Филатьев исчислял их в 30 человек. Прокурор палаты н. с. Сталь, бывший, может быть, даже среди очевидцев происшествия, говорил о потерях юнкерами 1 человек и о разстреле 100 солдат. Странная немного пропорция! Мы имеем еще одно свидетельство — в записях небылзвестнаго Бартенева (сына), найденных в Кремль Бонч-Бруевичем: по его дневнику исчисляется 16 уби-

*) Особенно подчас фантастичны свидетельские показания, включенные в книгу Пече, изданную комиссией по истории коммунистической партии. Почувствовали неловкость даже советские историки, внесшие редкую оговорку о том, что личные воспоминания надо цѣликом отнести на ответственность авторов.

Советская историография всячески мусирует воспоминания рядовых рабочих и солдат об их участии в октябрьских боях. Это очень демократично в агитационных цѣлях. Сама масса, «не мудрствуя лукаво», рисует дѣло так, как оно было на самом дѣлѣ, как оно им представляется. Таких воспоминаний можно создать тысячи. В сущности получается полная мѣшанина, и тѣм не менѣе надо признать, что именно в этих рассказах можно иногда найти «жемчужное зерно».

**) Один из очевидцев, солдат арсенала Носков, видел даже, как ген. Кайгородов, начальник арсенала, перешедший первым к большевикам, ходил по Сенатской площади и собирал оторванные руки, головы и безформенные тѣла.

Подобные «факты», засвидѣтельствованные «очевидцами», позже попали и в воспоминания Ангарскаго (вѣрнѣе в рѣчь, произнесенную на Высших Железных Курсах в 21 г.). Образованный литератор уже сравнивает сцены в Кремль с «избиением парижских коммунаров озвѣрѣлой парижской буржуазией».

тых и 74 раненых. Эти цифры у большевиков превращаются в 180 (у историков), в 197 в газетѣ «Соціал-Демократ»*), а в донесеніи развѣдки ВРК в 250—300 человекѣ. Я склонен довѣрять больше филатьевскому показанію и не только в силу спокойствія и уравновѣшенности этого свидѣтеля. Показательно, что ВРК перед заключеніем договора о сдачѣ КОБ 2 ноября поручил своему члену Голенко собрать всѣ случаи расправы юнкеров с солдатами. В докладѣ Голенко разстрѣл «арсенальцев» 28 октября даже не упомянут. Нѣкій Буравцев со слов Берзина, находившагося вмѣстѣ с ним в кремлевской тюрьмѣ, говорит всего лишь о «нѣскольких» разстрѣленных; косвенно это подтверждает и сам Берзин в своих воспоминаніях**).

*) Показанія солдат 7 роты 56 полка.

***) Отмѣчу, что по словам того же Буравцева, с плѣнными обходились в Кремлѣ очень хорошо. Да и Голенко (в сущности один из неистовых большевиков) говорит только об «угрозах» жестокостями в Кремлѣ. Другой активный партіец, плѣненный в Кремлѣ, Жаров, у котораго «слезы навертывались на глаза» при выслушиваніи соболѣзнованій по поводу пережитаго им, сам того не замѣчая, рассказывает почти умилительныя сцены. Двѣ «молодыя барышни» раздают плѣнным сухари. «Дѣдушка, а ты-то как сюда попал», — говорит одна, принявшая Жарова за старика. «Тебѣ сухарей-то не угрызть, а небось тоже со вчерашняго не кушал». «Барышня» принесла ему бѣлаго хлѣба. Рассказывает Жаров, как кормили плѣнных: щи с рыбой и маслом, щи со свиной и кашей из пшена, а «кому было мало, подкладывали еще», чай с сахаром. И это тогда, когда сама «бѣлогвардейская сволочь», по выраженію литератора Волина, отрѣзанная от вокзалов, «голодала». Недаром в Москвѣ острили тогда, что Юренев, завѣдывавшій продовольствіем, кормил плѣнных бутербродами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

УЛЬТИМАТУМ

Так закончилась достаточно тягучая кремлевская эпопея. Переоцѣнивая под вліяніем Рябцова свои силы, КОБ непосредственно послѣ сдачи Кремля объявил: «возстаніе подавлено и зашѣвшие по призыву большевиков в Кремль 8 рот (?) с 40 пулеметами, сдались без единого выстрѣла. Но в Москвѣ в разных мѣстах имѣются засады людей... Для осмотра и освобожденія улиц, по распоряженію командующаго войсками, по городу будут ѣздить броневые автомобили и ходить патрули, которые в случаѣ вооруженнаго сопротивленія или стрѣльбы откроют огонь». КОБ приглашал граждан «не скопляться на улицах и без крайней нужды не выходить из домов» и еще раз признавал «нужным теперь, когда можно считать мятеж в Москвѣ подавленным, заявить, что он не допустит никакого контр-революціоннаго движенія».

Как будто бы, нѣсколько преждевременно объявляя КОБ о своей побѣдѣ. Каково же было господствующее настроеніе на Скобелевской площади? Если по словам одних мемуаристов, при обсужденіи полученнаго ультиматума не было никаких сомнѣній и «ультиматум» даже не голосовался — так, напримѣр, утверждает историк московскаго совѣта Игнатов; то, по словам других, члены ВРК испытывали «большія колебанія»: «никогда мое сердце так не трепетало, — писал Аросев, — как в тот раз, когда приходилось рѣшительно голосовать: отвергнуть ультиматум или нѣтъ». «Ультиматум» был отвергнут. Так ли было в дѣйствительности?

Протоколов засѣданій ВРК 27 октября и послѣдующих ближайших дней не сохранилось. В разное время по разному большевцкіе изслѣдователи и мемуаристы объясняли этот пробѣл. В началѣ объясненія были простыя. В бурные дни октября ВРК не вел протоколов своих засѣданій — тогда он менѣ всего заботился об «исторіи» (предисловіе к сборнику 1922 под редакціей Овсянникова). Неожиданно однако обнаружился черновик протокола 28-го. Придумали другое объясненіе. Всѣ протоколы с 25 по 28 были «сожжены» в тот момент, когда постановленіем ВРК в зданіи совѣта «были оставлены только товарищи, непосредственно связанные с боевыми дѣйствіями». Это был только «стратегическій» маневр. Зачѣм же было жечь протоколы? Не проще ли было их унести? На обыденном языкѣ это просто называется паникой. Со слѣдующаго дня, с момента возвращенія секретарей, возобно-

вилось регулярное протоколирование заседаний. Но уже «совершенно непонятным образом» папка с протоколами от 29—31 октября «исчезла» из Совѣта. Кто похитил папку и для какой цѣли, установить «невозможно было». Можно помочь большевицким историкам одним предположеніем — протоколы были уничтожены во время переполоха 31 октября при налетѣ на Совѣт броневика противника (о нем будет сказано ниже). Впослѣдствіи все же были найдены черновыя записи различных заседаний ВРК до 1 ноября (онѣ опубликованы в «Кр. Архивѣ»), но никаких слѣдов не осталось от заседания 31 октября.

Из сохранившейся черновой записи протокола 28-го (ее случайно к себѣ на квартиру унесла секретарша) мы узнаем, что дважды в теченіе заседания обсуждался по инициативѣ лѣвых с. р. вопрос о возможности переговоров с КОБ. Несмотря на «категорическій» отказ большевиков обсуждать вопрос о соглашеніи на базѣ роспуска ВРК, в концѣ заседания вновь поступает «заявленіе» лѣвых с. р. о том, что КОБ оставляет вопрос об организациі власти открытым и готов вести переговоры лишь об ликвидациі ВРК, который подлежит преданію суду. Это требованіе ультимативно, — «послѣ чего начинается наступленіе на Совѣт». ВРК вновь рѣшает не обсуждать вопроса в такой постановкѣ. Едва ли можно однако объяснить настойчивость «дипломатической работы» посредников только тѣм, что производили они ее для «очистки совѣсти», как пытаются утверждать большевицкіе изслѣдователи: позиція ВРК была тверда и непоколебима. Здѣсь врывается диссонанс, довольно хорошо комментирующій формальную запись протокола. В теченіе суток, истекших с момента предъявленія ультиматума, помимо посредников со стороны*), дѣйствовали и посредники из состава самого ВРК. Так Городского Голову посѣтили Ногин и Ломов. Когда? Вѣроятнѣе всего вечером 27-го — это болѣе всего соотвѣтствует обстановкѣ. Возможно, что это было и 28-го, когда начавшіяся боевыя дѣйствія показали, что в центрѣ города положеніе «революціонных совѣтских войск» стало критическим, по признанію оперативной сводки «Соціал-Демократа», и когда командующій войсками объявил, что «Кремль занят. Главное сопротивленіе сломано», и говорил о предстоящих боевых дѣйствіях в связи с тѣм, что «еще продолжается уличная борьба»**).

*) Югов свидѣтельствует, что меньшевики вступили в переговоры с Рябцовым непосредственно по просьбѣ большевика Смидовича.

**) Формально, как будто бы, нѣтъ никакого сомнѣнія в том, что посѣщеніе членами ВРК Думы надо отнести к 28-му. Так, насколько можно судить по большевицкой печати, «Бюллетень» КОБ опредѣленно относит прибытіе делегатов ВРК к 9 ч. 30 м. вечера 28-го. В «Информационном Дневникѣ» зависъ о переговорах также регистрируется на основаніи сообщенія информационнаго бюро КОБ от 10 час. веч. 28-го. В этом «дневникѣ» имѣется и такая любопытная помѣтка, относящаяся к предшествующему дню: Исуф по телефону сообщил, что Ногин желает прійхать, но в КОБ единогласно было рѣшено «в переговорах отказать». В свое время Ставка получила сообщеніе, что делегация посѣтила Думу днем 28-го. Во всяком случаѣ это посѣщеніе не может быть отнесено к 29-му, т. е. к моменту болѣе поздних переговоров по инициативѣ «Викжеля», как это дѣлает большевицкая «хроника» революціонных событій.

Если слѣдовать за воспоминаніями одного изъ участниковъ делегаціи Ломова, совершенно непонятно, с какой цѣлью ѣздила большевицкая делегація в «штаб контр-революціи». «Руднев и компанія пытаются изобразить власть», — пишетъ Ломов... *). «Мы плюемъ с Ногинимъ на всѣ разговоры, демонстративно обрываетъ на полусловъ объясненія, ѣдемъ обратно... По дорогѣ злбные выкрики, револьверные и винтовочные выстрѣлы юнкеровъ провожаютъ насъ... Черезъ часъ послѣ этого разговора с Рудневымъ телефонный звонокъ послѣдняго. Онъ требуемъ немедленной и безоговорочной сдачи московскаго Совѣта, в противномъ случаѣ юнкера обстрѣляютъ Совѣт. Рѣзко обрываетъ разговоръ и организуемъ оборону Совѣта»...

Совѣтомъ другое впечатлѣніе произвела делегація на тѣх, кто былъ в Думѣ — впечатлѣніе полной растерянности. Пріѣзжала она для переговоровъ о ликвидаціи ВРК, условія которой КОБ были формулированы в пяти пунктахъ: 1. Безоговорочная сдача ВРК и суд надъ членами ея. 2. Сдача всего оружія, находящагося в распоряженіи ВРК и расформированіе большевицкихъ полковъ. 3. Передача власти в Москвѣ Городежой Думѣ. 4. Большевики должны объявить, что борьба велась с ними, а не с совѣтами. 5. Осуществленіе перемирія возлагается не на КОБ, а на военную власть. О какомъ либо коалиціонномъ органѣ нѣтъ уже помина. По утвержденію Филатьева, Ногинъ и Ломовъ соглашались на всѣ требованія, за исключеніемъ преданія суду ВРК, и обѣщали свой окончательный отвѣтъ сообщить по телефону**).

Единственно, в чемъ показанія Ломова не противорѣчатъ рассказамъ другой стороны, это в опредѣленіи настроенія военной молодежи при появленіи делегаціи. Но это настроеніе было весьма характерно и в отношеніи къ КОБ. Военные потребовали прежде всего, чтобы переговоры происходили в присутствіи ихъ представителей. При выходѣ изъ кабинета городского головы делегація, дѣйствительно, была окружена враждебной толпой, кто-то плюнулъ Ногину в лицо и потребовалось энергичное вмешательство Руднева, который, выхвативъ у кого-то револьверъ, заявилъ, что онъ тутъ-же на мѣстѣ застрѣлится, если будетъ допущено какое-либо насиліе. Рудневъ затѣмъ проводилъ делегацію вплоть до «территоріи» ВРК***).

*) Любопытно, что Ломовъ ухитрился увидать в Думѣ много «наглыхъ» кадетскихъ лицъ и московскихъ видныхъ промышленниковъ. Такъ умножился в глазахъ представителя ВРК одинъ Бурышкинъ, по чисто формальной причинѣ попавшій в составъ КОБ.

**) Сообщение «Информационнаго бюро» КОБ нѣсколько смягчаетъ форму уступчивости делегатовъ ВРК. Ногинъ и Ломовъ заявили, что большевики такъ же заинтересованы в наименьшемъ пролитіи крови, какъ и КОБ, и требовали, чтобы с большевицкимъ движеніемъ было больше осторожности, такъ какъ иначе можно ожидать негодованія массъ. Делегаты предложили выбрать особую комиссію для выработки условій компромисснаго соглашенія. В отвѣтъ на заявленіе, что КОБ не пойдетъ на компромиссъ, Ногинъ сообщилъ, что онъ не уполномоченъ рѣшать этого вопроса, но полагаетъ, что возможны дальнѣйшіе переговоры: в его заявленіи не было «категорическаго отрицанія возможности удовлетворенія этого требованія», т. е. ареста ВРК.

***)) В сообщеніи Ставки этотъ рассказъ подтверждается: «с большимъ трудомъ удалось гарантировать делегатамъ безопасность».

Едва ли можно даже сомнѣваться в том, что нѣсколько бравурный тон воспоминаній Ломова мало соответствовал дѣйствительности. Послѣ ультиматума в ВРК создалась «ужасно подавленная атмосфера» — таких характеристик можно привести не мало. Отдѣльные штрихи мемуаристов иногда не плохо очерчивают положеніе. Вот стоит у окна, задумавшись, будущій автор исторіи московскаго совѣта. Он только что прибыл в Совѣт. Настроеніе и по его словам было «подавленное». Подходит к нему Смидович и говорит задушевно-отеческим голосом: «что, Ипатич, повѣсят, вѣдь, тебя, милый человек. А ты еще молодой»... Вот Шликтер, покинувшій предсѣдательское мѣсто на бурном объединенном собраніи районных дум и по телефону спрашивающій предсѣдателя московскаго Совѣта Ногина, куда ему направиться для «конкретной работы». «Никуда сейчас не надо ходить» — не то печально, не то безнадежно отвѣчает Ногин и вѣшает телефонную трубку. Пытается позвонить по телефону Шликтер в партійный комитет, и там ему отвѣчают: «Никакого распределенія товарищей для работы нѣтъ». Один из рядовых мемуаристов позже откровенно признал: теперь мы можем сказать «у нас был — нуль».

Надежды свои руководители ВРК возлагают уже не на прямое дѣйствіе, а на объявленіе всеобщей забастовки в отвѣтъ на полученный ультиматум. Но результат забастовки может сказаться лишь на слѣдующій день, между тѣм угроза дѣйствіями, связанными с ультиматумом, висит над ними Дамокловым мечом. Вѣдь теоретически до начала активных дѣйствій всего лишь 15 минут! Если не выступит сам Рябцов, то возможно самоchinное выступленіе юнкеров и офицеров. Фактически положеніе таково, что два-три десятка бѣлогвардейцев, по мнѣнію Мещерякова, могли бы арестовать весь Совѣт. В нѣдрах ВРК столь велика растерянность, что этому члену партіи, стоящему далеко от военных организацій и не входящему в состав штабной головки, поручается «отыскать» какую-нибудь военную часть для защиты Совѣта.

Критическое положеніе, которое очень реально ощущали наиболѣ трезвые члены ВРК, толкало их на путь поисков соглашенія*). Посредники говорили, что в самой Думѣ «назрѣвает раскол», и это может сдѣлать КОБ болѣе податливым. «В Рев. Ком. я застал Исуфа и еще одного меньшевика», — вспоминает Игнатов про вечер 27-го: «Настроеніе было подавленное, что-то такое обсуждали. Исуф говорил, что они (т. е. КОБ) понимают, что мы слишком зашли далеко, но не слѣдует окончательно жечь моста. Это будет полный разгром пролетаріата». Как будто бы, открывалась лазейка, которой и хотѣла воспользоваться делегация ВРК в лицѣ Ногина и Ломова. Неуступчивость КОБ, возможно, объясняемая и внѣшним напором, привела к рѣшенію принять ультиматум. Если бы такого рѣшенія в дѣйствительности не было, совершенно непонятны были бы позднѣйшія обвиненія Ногина со стороны нѣкоторых членов лѣвицы в том, что он скрыл в

*) Даже «лѣвый из лѣвых» Бухарин писал в «Соціал-Демократѣ» 27-го: «Мы не рѣшаемся еще пѣтъ отходную Временіиому Правительству».

свое время от ВРК пункт о предании суду. Внутренняя борьба в самом ВРК и пассивная тактика КОБ приводили к двойственности и к противоречивой позиции. Ультиматум, формально не отвергнутый, повис в воздухе, и пятнадцать минут, после которых должны были последовать решительные действия, растянулись почти на сутки. Но и после того, как «действия» начались, они отнюдь не были решительными.

**
*

В сущности сам КОБ в воззвании к населению 28 октября по поводу объявления Москвы на военном положении достаточно отчетливо формулировал вред своей выжидательной тактики: «Все попытки соглашения с большевистским военно-революционным комитетом, которые делал КОБ, ни к чему не привели... было допущено самое широкое расхищение оружия, пулеметов и снарядов из разных мест и снабжение ими большевистских организаций. В город идет усиленная погромная агитация. Захватываются комиссары, типографии, гаражи, склады, расхищаются склады с оружием. Все это ведет к усилению анархии и произвола в Москвѣ»...

«Двухдневная попытка предотвратить гражданскую войну — в свою очередь констатирует донесение Штаба Рябдова в Верховную Ставку, помеченное вечером 27-го, — привела только к усилению позиции большевиков и уменьшению наших шансов». Как бы в ответ ген. Дитерихс, переговаривая со Штабом 28-го по прямому проводу, усиленно рекомендует: «не останавливаться на ультиматумѣ»: «уличные движения должны подавляться быстро и решительно. Но в Москвѣ нѣтъ «фактически» ни «командного состава», ни «руководства», — утверждает телеграмма правительственных комиссаров, которые по собственной инициативѣ первыми 27-го обратились в Ставку с указанием на необходимость присылки войск. В пессимистической оценкѣ положения ими могло руководить уязвленное самолюбие, но «фактически» приблизительно так и было.

Очень трудно, не имѣя документов — даже свидетельских мемуарных показаний, охарактеризовать психологию действующих лиц. Сложен был, конечно, комплекс восприятий, определявший тактику КОБ в первые дни. Едва ли приходится, однако, сомневаться в том, что среди стимулов, которые толкали революционную демократію, взявшую, по выражению Астрова, «спасение Москвы» в свои руки, на путь выжидательный, не последнюю роль играла уже твердо укрьпившаяся в сознании концепція страха перед грядущей контр-революціей, возможным «торжеством реакціи темных сил» — концепція эта фигурирует решительно во всех опубликованных приказах командующаго войсками и в воззваниях КОБ. «Комитет О. Б., — гласит первое обращение, — примет все мѣры к выполнению задач, возложенных на него волею революционной демократіи, и не допустит никаких выступлений, направленных против завоеванной революціи, откуда бы они не исходили — ни справа, ни слева». Эта концепція превращалась в самогипноз — революционная демократія боялась не столько уг-

дубленія революціи в сторону ея большевизаціи, сколько тѣни символическаго «Корнилова». Еще болѣе опредѣленно звучит призывъ к солдатам и рабочим, помѣченный датой 27-го: «контр-революціи здорадствует и мобилизуется, готовясь раздавить изнывающій в междоусобной борьбѣ рабочій класс».

Самовнушенію содѣйствовала вся двойственная тактика ВРК, которая вытекала из обнаружившагося полнаго ея безсилія. «Государственность побѣждает», — с таким аншлагом выступает 28-го «Власть Народа». Власть большевиков будет «кратковременна». Надежда мирно ликвидировать в Москвѣ «авантюру» большевиков не оставляла КОБ. Такая ликвидація гарантировала демократическую общественность от того, что маятник качнется в противоположную сторону, и на авансцену выступит организованная военная сила, которая подавит возстаніе. Много раз уже приходилось отмѣчать, что довѣрія к ней не было в рядах КОБ. То было взаимное чувство — и у руководителей и у руководимых, оно мѣшало сліянію и дружественному контакту: КОБ «к нам, как говорят, относится с нѣкоторым недоувѣріем, если не боязнью», — замѣчает Эфрон.

Командующій войсками явно обиделъ полную свою непригодность в данный отвѣтственный момент, независимо даже от того, как надлежит в исторической перспективѣ оцѣнить его тактику. Личность вождя имѣет первостепенное значеніе в дни гражданской войны. Подозрительное и враждебное отношеніе к Рябцову со стороны той вооруженной силы, которой он должен был руководить, подрывало моральное вліяніе командующаго войсками и властно требовало его замѣны. Дезорганизация от сѣбѣ руководства в момент дѣйствія компенсировалась бы довѣріем, которое могло бы внушить другое лицо. Со стороны КОБ попыток такой замѣны мы не видим. Мало того, с момента объявленія военнаго положенія Рябцовъ получает всю полноту власти, и КОБ как бы отступает на задній план там, гдѣ нужно дѣйствовать. Общественная организация становится каким-то политическим прикрытіем и выступает лишь тогда, когда надо вести дипломатическіе переговоры. Такая формальная юридическая точка зрѣнія, мало умѣстная в сложившейся обстановкѣ, была чревата послѣдствіями: КОБ самоустранялся от активной работы даже там, гдѣ его организующая роль могла быть очень значительна, вѣ сфѣры непосредственных боевых дѣйствій, естественно подлежащих вѣдѣнію военных властей, а не представителей общественности.

Чѣм иным, как ни довѣріем к политическому облику Рябцова, можно объяснить самоустраненіе КОБ? Демократическое реномэ*) и социалистическія связи Рябцова давали ту гарантію, которую хотѣли имѣть руководящіе круги КОБ в своей борьбѣ с попыткой насильственнаго захвата власти одним из слагаемых рево-

*) Это реномэ утвердилось за Рябцовым в дни борьбы с Корниловым. Надо сказать, что он являлся одним из самых настойчивых членов Временнаго Комитета, требовавшим для успокоенія «общественной совѣсти» заключенія Корнилова в тюрьму и преданія его революціонному суду с участіем представителей фронтовых комитетов. Именно по его предложенію, поддержанному большевиками, московскій комитет послал соотвѣтственную телеграмму правительству.

люційононної демократіі — «товарищами большевиками» *). Выжидательная политика, которую проводил Рябцов, соответствовала настроеніям, господствовавшим в кругах КОБ (**).

Своеобразное положеніе создалось в Москвѣ. Безсиліе противника обезсилило, в концѣ концов, власть. Агрессивная политика «ленинцев» могла бы провоцировать выступленіе, на которое неизбѣжно реагировал бы Штаб под внутренним напором бурлящих в его средѣ сил. Каждому, непосредственно наблюдавшему то, что происходило в Москвѣ, совершенно ясно было: что в первые дни коротким ударом ничего не стоило ликвидировать ВРК. Привела ли бы ликвидація центра к ликвидаціи всей большевизкой авантюры? Под историческим скальпелем еще болѣе обнажаются тѣ возможности, которыя открывались перед Штабом под политическим руководством КОБ. Большевизкіе мемуаристы сами подчас удивляются той беззаботности, которую проявил противник (**). Фактически большевизкій центр возстанія, на первых порах оторванный от районов, был одинок — ему почти нечѣм было зацѣпляться. Районы, не достаточно организовавшіеся и не связанные между собою, в сущности еще бездѣйствовали. Штаб имѣл в своих руках больше сил, чѣм надо было для короткого удара и, вѣроятно, мог бы ликвидировать центр даже без кровопролитія. Он этого не сдѣлал и послѣ предъявленія «ультиматума», он этого не сдѣлал и в послѣдующіе два дня, когда на улицах Москвы начались боевыя дѣйствія. Почему? Штаб ждал прибытія войск с фронта. Он не хотѣл ликвидировать большевиков добровольческими отрядами. Другого объясненія пассивной тактики командующаго войсками я не могу найти. Войска не пришли. Время было упущено, и возстаніе, начатое «на авось», превратилось в возстаніе побѣдное. Таким образом тактика колеблющихся в ВРК, задерживавшая выступленіе и подкрѣплявшая выжидательную позицію Штаба и КОБ, неожиданно для большевиков оказалась в Москвѣ наиболее дѣлесообразной вопреки всѣм «марксистским» теоріям, требовавшим, по Ленину, «непрерывно безусловно переходить в наступленіе».

*) Астров в засѣданіи Городской Думы 25-го выражал удивленіе по поводу того, что выступавшіе на засѣданіи представители революційной демократіи продолжали именовать руководителей возстанія «товарищами». Сохраненіе подобной традиціи, как мы видим, приводило к таким курьезам, что одна из статей петербургских «Извѣстій» перед возстаніем так и начиналась: «товарищи-большевики» рѣшили свергнуть Временное Правительство. Подобное титулованіе в сознаніи масс, конечно, могло только ослабить претивобольшевицкую пропаганду. Первыми рѣшили отказаться от традиціи большевики. Незадолго до возстанія в их центральном комитетѣ спеціально обсуждался этот вопрос в связи с тѣм, что Рязанов назвал «товарищем» Церетелли. Было рѣшено предложить «товарищам» при публичных выступленіях не называть «товарищами» тѣх, в отношеніи которых такое обращеніе может оскорбить революційное чувство рабочих».

**) Роль Рябцова в «конфликтѣ» Прокоповича с КОБ, т. е. конфликтѣ Временнаго Правительства с революційной демократіей для меня остается неясной.

***) Ген. Алексѣев в своем письмѣ 8-го іюня в Ставку имѣл полное основаніе сказать: «Если в Москвѣ этот элемент (офицеры, студенты, интеллигенція) оказался раздавленным, то только потому, что он не имѣл совершенно предварительной организаціи, не был никѣм управляем». Алексѣев готов был обвинить Рябцова в предательствѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НАЧАЛО БОЕВЫХ ДѢЙСТВІЙ

За отсутствіемъ данныхъ невозможно установить, былъ ли у рябовскаго Штаба хоть какой-нибудь конкретный план подавленія возстанія. Крайнами города, какъ мы могли уже видѣть, совсѣмъ не интересовались. Все вниманіе было обращено на центр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никакой концентраціи войскъ произведено не было. То, что собралось въ центрѣ, собралось скорѣе самотекомъ. Началось съ того, что 26-го в 3 ч. дня юнкера по собственной инициативѣ заняли Городскую Думу и Манеж. Въ районахъ остались изолированные островки, которымъ пришлось защищаться безъ связи съ центромъ и которые обречены были на ликвидацію при болѣе или менѣе планомерномъ натискѣ противника. Такъ преждевременно должно было сдаться въ Лефортовѣ Алексѣевское военное училище; такъ бездѣйствовала школа прапорщиковъ въ Замоскворѣчьѣ, забарикадировавшаяся, усиленно охраняемая и сдававшаяся, когда противъ нея была выставлена тяжелая артиллерія; то же было и съ общежитіемъ вольноопредѣляющихся близъ Введенскаго народнаго дома, съ Крутицкими казармами и т. д.

Въ районахъ происходила лишь сборона. Но въ сущности и въ центрѣ борьба носила скорѣе характеръ оборонительный. Это были мѣры предупрежденія противъ возможнаго продвигенія возставшихъ въ районъ сосредоточенія правительственныхъ войскъ. Иллюстраціей могъ бы послужить рассказъ о томъ, какъ небольшой отрядъ юнкеровъ и студентовъ-добровольцевъ во главѣ съ прап. Петровымъ 28-го снималъ съ крышъ на Поварской засѣвшихъ тамъ большевиковъ. Мой молодой другъ рассказывалъ, какъ лазили они по чердакамъ, переходили съ одной крыши на другую и безъ большого труда арестовывали противниковъ. Прап. Петровъ доносилъ по окончаніи операціи, что произведена она была безъ потерь въ его отрядѣ, и что арестовано 75 человекъ, изъ которыхъ 16 оказались красногвардейцами.

На Скобелевской площади въ Совѣтѣ съ трепетомъ ждали окруженія и захвата ВРК юнкерами. Тревожная ночь съ 27-го на 28-ое благополучно миновала. Какъ будто бы, наступило успокоеніе. Положеніе, правда, «нельзя назвать блестящимъ», — утверждаетъ Будзинскій. «Въ зданіи было едва 4—5 пулеметовъ... Но первоначально не хватало... лент. Живая сила была вполне надежна: это были двинцы, но они были вооружены берданками... остальная масса была и плохо вооружена и слабо дисциплинирована». Примѣръ «мужественной готовности» защищать ВРК можно найти въ рассказѣ Игнатова: затрещали выстрѣлы со стороны Страстной площа-

ди, и стоявшіе возлѣ Совѣта солдаты бросились вразсыпную, кто куда попало. С трудом потом удалось собрать группу в 60—70 человек.

Можно ли было думать при таком состояніи сил о наступленіи? Между тѣм в черновых секретарских записях протокола засѣданія ВРК 28 октября идут споры: наступать или перенести центр тяжести борьбы в районы. Приведу нѣкоторыя выдержки из этого характернаго документа: Аросев «считает необходимым повести наступленіе против Кремля, что произведет извѣстное впечатлѣніе, сплотит и организует солдат»; Ярославскій находит «невозможным наступать при современном состояніи войска»; Смирнов высказывается «против наступленія», привѣтствуя в то же время перенос борьбы в районы; Муралов «за наступленіе наряду с партизанской дѣятельностью в районах»; Голенко «в принципѣ» за «рѣшительное наступленіе, не стѣсняясь разрушеніем Кремля, Думы и др. частных помѣщеній»... «пока же готовиться и отражать нападенія»; Усѣвич «за наступленіе и против перехода в районы»; Розенгольцъ: «за 2 часа положеніе измѣнилось, арсенал взять невозможно. Разгром Думы сплотит наших врагов, гдѣ в данный момент назрѣвает раскол»; Альтер: «неорганизованная армія наступать не может». Ставится вопрос о захватѣ штаба юнкеров. Смирнов «опасается при наступленіи бунта солдат, благодаря неорганизованности продсвольтствія. Февральская революція побѣдила только потому, что она не встрѣтила организованнаго сопротивленія; теперь же неорганизованы мы и организован «противник»...

Постановлено: «начать наступательныя дѣйствія в центрѣ и партизанскую войну в районах». Эти разговоры о наступленіи в центрѣ также своего рода гипноз, когда предположеніе принимается за сущее. Мог же историк московскаго совѣта, непосредственно участвовавшій в событіях, написать, что 28 октября во дворѣ московскаго совѣта и в его помѣщеніях находилось до 15 тыс. человек(!), а историк Красной Гвардіи Пече, принимавшій столь же близкое участіе в тѣх же событіях, утверждать, что в эти (первые) дни из районов было послано в центр «лишь небольшое количество вооруженных и невооруженных рабочих», всего около 15 тыс. человек. Кто у кого заимствовал эту, конечно, болѣе чѣм фантастическую цифру (Ломов болѣе скромно говорит: нѣсколько сотен), не знаю. Но из таких же фантастических данных*) могли исходить и тѣ, которые обсуждали вопрос о наступленіи и захватѣ рябцовскаго Штаба.

Мираж исчезает при столкновеніи с реальной дѣйствительностью. Только что закончили свои гаданія большевицкіе стратеги, как поступает уже извѣстное нам заявленіе лѣвых с. р. о повторном ультиматумѣ КОБ и предупрежденіе, что вслѣд затѣм: «начнется наступленіе на совѣт». Всѣ наступательныя выкладки отброшены в сторону, и секретарская записка регистрирует доба-

*) В секретарской записи отмѣчено, напр., прибытіе 192 полка. Никаких дальнѣйших указаній о судьбѣ этого полка я не мог найти, хотя особо им интересовался, так как это был тот именно полк, на который рассчитывал и Рябов.

вечно уже болѣе важное постановленіе: «с момента проведенія Рябцовым своего ультиматума в жизнь, центр этот распускается и передается новому, переѣхавшему в районы». На позднѣйшем языкѣ нѣкоторых мемуаристов это постановленіе формулируется так: «бывали моменты, когда казалось, что центру только и остается, что бѣжать» (Ольминскій). Засѣданіе ВРК 28 октября заканчивается совѣм в минорѣ: «наибѣчаютъ лица для распредѣленія свѣчей и спичек по комнатам». Это не анекдот, а выписка из секретарских записей протокола военнаго совѣщанія!

Формальная секретарская запись не передает подлиннаго настроенія, которое опредѣляет характер засѣданія. Так, напримѣр, постановленіе о роспускѣ «центра» в протоколѣ сопровождается таким заявленіем Ногина: «Я теперь здѣсь совѣм не нужен, так как время дѣйствій, а я не военный. Слѣдует отправить отсюда все, что не необходимо, с постепенным переходом и всего штаба в опредѣленный момент». Мемуарист добавляет: Ногин утверждает, что «мы здѣсь обречены на гибель и дальше бессмысленно оставаться»*), но «большинство рѣшительно отвергает эту точку зрѣнія». Протокол, в свою очередь, исправляет мемуариста: большинство вынесло постановленіе эвакуироваться. Посланы делегаты в городской район для того, чтобы подготовить там «базу» на случай отступленія. В виду того, что Рябцов «переходит в наступленіе», ВРК вмѣстѣ с тѣм призывает населеніе к «самочиннымъ выступленіям» для «осуществленія фактической власти совѣтов в районах». В сущности это *testimonium paupertatis* для организациі, начавшей возстаніе по заранѣе обдуманному и разработанному плану. Только рѣшеніем покинуть центр и попытаться что-то сдѣлать в районах, оставшихся внѣ кругозора правительственной власти, можно объяснить совершенно несуразное на первый взгляд распоряженіе ВРК: «всѣ не вооруженные красногвардейцы должны немедленно слѣдовать к Совѣту в распоряженіе ВРК». Зачѣм было идти не вооруженным в центр, когда по признанію самого центра здѣсь не вооруженные не могли быть вооружены — «сводка» ВРК 27-го опредѣленно отмѣчает: «нѣтъ надежд на оружіе сейчас». Нельзя иначе понять это распоряженіе, как желаніе так или иначе имѣть в центрѣ рабочую массу в видѣ самозащиты от натиска КОБ — по безоружным рабочим соціалисты стрѣлять не будут.

ВРК уйти в районы не пришлось. Впослѣдствіи по разному объясняли историки и мемуаристы этот факт. На вечерах воспоминаній (20 год), лѣтя «пролетариату», говорили, что революціонный инстинкт масс, собравшихся в Совѣтѣ, призвал к порядку «растерявшихся вождей» (Муралов). Другіе (Игнатов) объясняли «болѣе чѣм отрицательным отношеніем к оставленію ВРК центра со стороны районов». В дѣйствительности дѣло объяснялось пассивной позиціей противника. Враг не наступал, и ночь с

*) «Совѣт обстрѣлен броневиками», — сообщает Ломов. — «Наскором лопатами канавы, разворачиваем мостовую, с цѣлью предупредить возможность новаго обстрѣла... Кольцо юнкеров все больше сжимается вокруг Совѣта. С рабочими московскій Совѣт может сноситься с большим риском»...

28-го вновь прошла «спокойно». Только в воображении очень уже нильких мемуаристов юнкера в эту ночь «брали Совет». Нѣкто Виноградская описывает «бой» на Скобелевской площади: «люди, кони — все перемѣшалось», «совет удалось отстоять»...

**

К вечеру 28-го ВРК почувствовал все-же нѣкоторую базу под собой, так как на его территории появилась полевая артиллерия с Ходынки. Таким образом каждый час усложнял прежде достаточно простую задачу, стоявшую перед КОБ и его Штабом. Выступление артиллерии имѣло огромное психологическое значение. Оно, если не предопредѣляло само по себѣ исход боя, то создало в Москвѣ атмосферу такой безнадежности и такого кошмара, что долго напряженные нервы не могли выдержать. Этот момент наступил, когда вслѣд за легкой артиллерией загрохотала и тяжелая. Условія, при которых появилась на полях сражений ходынская артиллерия, чрезвычайно показательны для настроенія московскаго гарнизона. Вывести артиллерию с Ходынки послѣ предъявленія «ультиматума» был послан член ВРК Смирнов, сам бывший артиллеристом. 28 утром Смирнов вернулся с сообщеніем, что вскорѣ прибудет с командой нѣсколько орудій. Большаго он не мог добиться, так как другія батареи придерживались нейтралитета и «усиленно охраняли орудія». О том, как фактически была выполнена отправка орудій, рассказывает другой артиллерист прах. Давыдовскій. Воспоминанія этого яраго противника «бѣлогвардейских гадов» одни из лучших по правдивости и точности изложенія фактов среди обильнаго хлама большевицкой мемуарной литературы.

Еще 28-го, — рассказывает Давыдовскій, — на Ходынкѣ создается Рев. Ком. во главѣ с единственнѣм офицером-большевиком Исаевым. Наиболѣе «горячіе» члены Рев. К. (их было двое) настаивают на том, чтобы артиллерия была немедленно приведена в боевой порядок. Для этого надо было из «огромнаго комплекта людскаго матеріала», в 12 тыс. человек, создать пѣхотное прикрытие. Но бригадный Р. К. стоял на точкѣ зрѣнія «безкровнаго» захвата власти, и привести артиллерию в боевую готовность не удалось. Вечером 26-го Давыдовскій ѣдет в город для того, чтобы побудить боевой штаб ВРК дать необходимую пѣхоту. Штаб согласился с Давыдовским, но помочь не мог, так как в его распоряженіи, за исключеніем «двинцев», не было «никаких вооруженных сил, оружія также не было». Рѣшено ѣхать в Спасскія казармы и потребовать «хотя бы роту прикрытія для артиллеріи». Долго ведутся переговоры. В концѣ концов постановлено выслать прикрытие. «Я особенно не надѣялся на исполненіе постановленія, — добавляет Давыдовскій, — и с тяжелѣм настроеніем вернулся обратно в ВРК. Разными путями к вечеру 27-го все-же удалось собрать «пѣхоту» — 150 человек. Но бригада медлила, «все откладывала под предлогом неподготовленности, безцѣльности выѣзда ночью и пр.» Наконец, постановили еще раз послать Давыдовскаго в город проверить: действительно ли юнкера у Кремля.

Возвращаясь с этой рекогносцировки, Давыдовскій встрѣтился о «ужасно подавленной атмосферой» на Скобелевской площади и узнал, что на ходынскую бригаду ночью «напали казаки и юнкера»^{*)}. Давыдовскій снова на Ходынкѣ. Здѣсь «тишина и ни одной души нѣтъ». «Что же тут такое, неужели всѣх убили? Но это невозможно! Мы бросились к парку, он цѣл, только нѣсколько орудій вывезено. Значит, это так охраняют». Послѣ нѣкоторых поисков обнаружили и Рев. Ком., укравшійся в одной из казарм. Неописуемый переполох — «бригада вся панически настроена». О движеніи артиллеріи в Москву «и рѣчи быть не могло». Рассказали Давыдовскому, что в 10 час. вечера со стороны Петровскаго парка появился отряд юнкеров на грузовикѣ и конные казаки. Появленіе этого отряда и вызвало всеобщую панику, пользуясь которой нападающіе вывезли два орудія^{**}). Правда, описанный эпизод «вызвал ненависть, злобу и желаніе отомстить». «Малодушіе исчезло», но утром кто-то крикнул: «казаки». И опять началась паника. Посылка артиллеріи все затягивалась. Наконец, снарядили 5-ую батарею. Начались споры, кому ѣхать с батареей — офицер «комиссар» категорически отказался. Все-же с охраной 30 пѣхотинцев батарея тронулась. На Скобелевской площади штаб ВРК «воспрянул духом»; орудія были разставлены на всѣх выходах с площади. Давыдовскій говорит, что потом удалось с Ходынки получить еще один взвод («дѣло не обошлось опять без торговли»), который и был установлен на Страстной площади у памятника Пушкина.

Артиллерія не сразу стала дѣйствовать. ВРК не рѣшался «отдать приказ открыть огонь», хотя «юнкера отовсюду лѣзли на московскій совѣт, сжимая его защитников в тиски». То ли надо было преодолѣть «интеллигентскіе» предразсудки старых большевиков, то ли боялись спровоцировать рябцовскій Штаб на активное наступленіе, то ли надо было приспособить к моменту психологию самих прибывших артиллеристов. У них не было того «огромнаго возбужденія», которое хотѣлось бы видѣть полным ненавистью к врагу прап. Давыдовскому. Многіе из «товарищей», по утверженію другого артиллериста, полагали, что показательной демонстраціей дѣло и ограничится. Артиллеристы «скучали». Так просто хотя бы для развлеченія дать «журавля» по пустому Тверскому бульвару. Трудно только начать стрѣльбу. И артиллеристы, по словам Давыдовскаго, «страшно обрадовались возможности пострѣлять», когда в 10 ч. утра получили приказ начать обстрѣл градоначальства на Тверском бульварѣ. По топографическим условіям обстрѣла снаряды могли дожить только по крышѣ и углу зданія и не могли причинить большого вреда осажденным. Велико было «наше удивленіе», — рассказывает Давыдовскій, — «когда послѣ 10—15 выстрѣлов из дома градоначальства выбросили бѣлый флаг: «ахъ нас то всего было 30—40 человек, а их 300—400». Так «блестяще» начался для ВРК день 29 октября и такую «лег-

^{*)} По словам Югова неуверенность в возможности выступленія артиллеріи и побудила большевиков обратиться к посредничеству меньшевиков для переговоров с Рябцовым.

^{**}) Единственные, которыя оказались потом в руках Штаба.

кую побѣду» одержал он над «важным» боевым центром «бѣлой гвардіи»^{*)}.

Вознесенскій не согласен с установившимся в «исторической литературѣ» мнѣніем, которое представляет ликвидацію осажденнаго градоначальства в видѣ «легко доставшейся побѣды». Мемуарист спѣшит свое особое мнѣніе на всякій случай сопроводить оговоркой: «факт борьбы только увеличивает цѣнность побѣды октябрьской революціи». Я не стану разсматривать в подробностях поправки Вознесенскаго. Во всяком случаѣ и по его утвержденію в градоначальствѣ сосредоточилось около 300 человек: собралось сюда до 200 милиціонеров из захваченных комиссаріатов (был и конный отряд): Штаб прислал отряд из 25 юнкеров и пулеметы, пришла студенческая дружина человек в 40, затѣм еще отряд юнкеров. Но мало было патронов, и в первый же день оказалось полное отсутствіе провіанта. Штаб, по словам Вознесенскаго, на всѣ запросы отвѣчал успокоительно, но ясно, что ему было не до градоначальства. Вознесенскій указывает на то, что он обращал вниманіе Штаба, на необходимость занятія на Страстной площади углового небоскреба Нирензее, господствовавшего над всѣм прилегающим районом. Если бы там был установлен пулемет, невозможным оказалось бы пребываніе артиллеріи на площади. Может быть, конечно, это были совѣты, даваемые уже в воспоминаніях. Очевидно, что никакого «боевого центра» градоначальство не представляло, и охрана его не входила в план Штаба, заинтересованнаго непосредственно только своим центром и оставляющаго не только далекую, но и близкую к себѣ периферію совершенно в сторонѣ — инициативы с мѣст как бы и не ждали. На «боевой центр» в градоначальствѣ и не возлагали, как это кажется большевицким мемуаристам, важной «стратегической» задачи отрѣзать единственный путь по Тверской, который связывал ВРК с районами. В порядкѣ «обороны» защищался случайный административный пункт, причем никто не отдавал себѣ отчета в том, стоит ли охранять этот беззащитный пункт, который легко мог быть захвачен с внутренней стороны, со стороны Совѣта. Довольно безразлично, по чьей инициативѣ произошла сдача градоначальства, что представляется особо важным Вознесенскому: он утверждает, что парламентары появились от имени ВРК. Осада и сдача градоначальства показали, что и в центрѣ борьба принимает партизанскій характер.

К концу описанія «московской недѣли» я попытаюсь дать общую характеристику всѣх этих партизанских дѣйствій, заранѣе, впрочем, отказываясь от того, чтобы изобразить полную картину боевых операцій. Я могу остановиться только на отдѣльных показательных эпизодах. И не только потому, что трудно прослѣдить уличную борьбу шаг за шагом. Трудность в том, что мы имѣем пока показанія только одной стороны — показанія, в которых зерно истины подчас тонет в фантастикѣ свидѣтельствующих, причем эта фантастика всецѣло зависит от хронологическа-

^{*)} По воспоминаніям других, было сдѣлано только два орудійных выстрѣла, в распоряженіи командира отряда, «героя» штурма градоначальства, Саблина было только 20 человек.

го момента, когда дается показаніе. Формула гиперболы, характерная для мемуаристов, в той же степени нерѣдко властвует и в официальных документах того времени. Вот два-три довольно ярких примѣра, относящихся к первому періоду боевых операций.

Перед нами «сводка», сохранившаяся в документах ВРК. Каким подлежащим бюрократическим органом она дѣлалась, неизвѣстно — носит она характер какой-то журнальной записки. В ней имѣется такой шедевр информации: «500 городов присоединилось». Заранѣе соглашайся, что лишній ноль ошибочно подставлен типографіей в текстѣ, напечатанном в книгѣ Пече, все же остается преувличеніе на всѣ 100% — уже приводились данныя большевицкаго петербургскаго офиціоза от 11 ноября, гдѣ было перечислено 22 города. По оперативной сводкѣ «Соціал-Демократа» от 29 октября большевики захватывают еще один важный стратегическій пункт — губернаторскій дом в Леонтьевском пер. Конечно, в плѣн попадает масса бѣлой гвардіи. Казалось бы, всякій москвич должен знать, что в Леонтьевском пер., т. е. прямо под боком Совѣта, никакого губернаторскаго дома не было. Дѣло идет, очевидно, об извѣстном особнякѣ гр. Уваровой, гдѣ помѣщался лазарет с ранеными. «Стратегическій» пункт дом Уваровой дѣйствительно представлял не плохой, т. к. сад его выходил в М. Чернышевскій пер., т. е. расположен был как раз напротив Совѣта. И если повѣрить другой оперативной сводкѣ от 1 ноября, то в захваченном ВРК зданіи окажется «засада» из 30 казаков — не столь пріятное сосѣдство в момент, когда ВРК был уже накануне побѣды. Вот и еще «блестящій боевой эпизод», по характеристикѣ комиссіи по изслѣдованію и использованію опыта міровой и гражданской войн. Красногвардейцы Казанской жел. дор. отыскали на запасных путях 22 вагона, груженых винтовками, которыми и вооружилась «вся Москва»*). Эпизод этот носит скорѣе бытовой характер и служит не плохой иллюстраціей боевой обстановки: «Мы берем из одного вагона, — рассказывает шофер Пугачевскій, солдат 2 зап. авто-роты, — а юнкера из другого. Их человекъ 10, а нас 4. Мы молчим, и они тоже. Побрали винтовки и стоим ждем, пока они уѣдут»...

Итак отнесемся с осторожностью к побѣдным реляціям, идущим со стороны участников работы ВРК. Несомнѣнно, однако, в партизанской борьбѣ всѣ преимущества (должны были, в концѣ концов, оказаться на сторонѣ ВРК. Большевики с самаго начала учли неизбѣжность уличных боев и невозможность руководить загляжной тактикой всецѣло из центра. В полную противоположность позиціи КОБ они уже 25-го стали организовывать свои боевые районы с особыми штабами и комиссарами. На пятый день возстанія существовало 11 таких районов с примитивной организацией, но через эти районы можно было всетаки непосредственно вліять на массы. Шла усиленная демагогическая агитациа; мед-

*) Кажется, впрочем, винтовки оказались румынскаго образца и без соответствующих патронов. Эпизод этот в разных вариантах проходит по многим мемуарам. Пече излагает его так: 39 вагонов с винтовками, захваченными в районѣ ст. Гжатск, были привезены на ст. Казанская—Товарная и распределены по районам.

ленно, но систематически росла численность физической силы — с окраин, из пригородов, с прилегающих к Москвѣ фабрик и заводов приходили новые люди. Они заражали других. Незамѣтно выростала сила, хотя, конечно, и не в тѣх колоссальных размѣрах, как это готовы представить мемуаристы: «всѣ рабочіе, как один, встали на нашу поддержку, солдаты всюду примыкали к нам», — так, напримѣр, характеризует Ломов «рѣзкое» будто бы измѣненіе положенія в пользу большевиков послѣ 28-го.

Впослѣдствіи «ленинцы» только себѣ приписали заслугу в побѣдѣ. «Факт сдачи Кремля, — пишет Пече в своей исторіи красной гвардіи, — наиболѣе ярко обнаружившій губительную для дѣла революціи соглашательскую тактику ЦВРК, вызвал очень большое недовольство, вплоть до того, что на мѣстах неоднократно угрожали разгоном ЦВРК. Рѣшающую роль в срывѣ соглашательской и губительной политики ЦВРК сыграла ленинская часть Московскаго Комитета, в частности т. т. Бухарин, Ольминскій, Владимірскій, Штернберг, Усіевич, Маленков и др., а также большинство членов районных комитетов... Получив извѣстіе о том, что в ЦВРК полная растерянность... эти ленинцы все руководство Московским Комитетом перенесли в районы, главным образом в Замоскворѣцкій, гдѣ работали т. т. Бухарин, Ольминскій, Землячка, в Лефортовскій и Городской. Было рѣшено развить самыя рѣшительныя дѣйствія во всѣх районах Москвы с направлением «на центр». Послѣ этого, т. е. с утра 28 октября, весь мобилированный нами транспорт с вооруженными красногвардейцами был двинут во всѣ находившіяся под нашим вліяніем арсеналы и огнесклады, и началось еще небывалое, неопишемое, быстрое и энергичное вооруженіе красной гвардіи и революціонных солдат».

Тут в одном фокусѣ соединено все, что постепенно еоздавала жизнь этих дней в процессѣ фатально складывавшихся условий и случайных явленій. Мы уже видѣли, какія обстоятельства привели к тому, что выдвигалась на авансцену дѣятельность районов — не совсѣм это соотвѣтствовало тому, что говорится в приведенной цитатѣ из книги Пече, — гдѣ автор пытается вступить на путь историческаго повѣствованія. Прежде всего и рѣшеніе призвать районы к активному выступленію в виду безнадежности в центрѣ было принято в ВРК скорѣе голосами тѣх, которых ленинцы на своеобразном жаргонѣ называли «хвостистами». Пече-мемуарист сам помнит, как он появился 28-го в Лефортовском районѣ с приказом о наступленіи в центр, и как он встрѣтил рѣшительное возраженіе со стороны мѣстнаго Рев. Ком. И понятно — 28-го благоше-лефортовскій район насчитывал всего 300 бойцов при 16 винтовках, а сосѣдній сушевско-маріинскій располагал еще меньшим отрядом, «не болѣе 100 человек». А безпартийная масса рабочих, по воспоминаніям одного из мемуаристов, «придет, посмотрят и уйдет».

Антибольшевицкій центр очень скоро должен был болѣзненно почувствовать весь вред своей изоляціи от периферіи. Уже вечером 29-го пом. команд. войсками сообщал в Ставку: «окраины для нас совершенно недоступны». вмѣстѣ с окраинами центр терял и питательные источники боевого снаряженія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВИКЖЕЛЬ И ПЕРЕМИРИЕ

28-го и 29-го октября боевые дѣйствія только начались. Но и тогда уже создавшуюся обстановку многіе воспринимали с очень обостренным чувством. Это видно хотя бы из сохранившагося от 29-го отрывка разговора представителей московскаго бюро «Викжеля» с Петербургом.

Представитель Петербурга передает в Москву о рѣшеніи викжелевскаго центра предъявить борющимся сторонам извѣстный ультиматум с угрозой желѣзнодорожной забастовки. Но москвичи очень нервно настроены: «Мы просим вас принять экстренныя мѣры к скорѣйшему окончанію кровопролитія, так как за вчерашній день убитых и раненых в Москвѣ 700 человѣкъ, а сегодня сейчас только возвратился из московской городской управы тов. Гар, который даже с ужасом не может описать того, что происходит... Поменьше бы вы там говорили, побольше дѣло дѣлали. Здѣсь кровь льется, а вы занимаетесь выработкой плана забастовки». На реплику Петербурга: «не говорите глупостей. И прежде, чѣм говорить, соображайте. У меня нѣтъ времени здѣсь говорить, так как сейчас мы приступаем к дѣловой работѣ» — Москва отвѣчает: «Я говорю то, что мы здѣсь переживаем, а потому это не глупость, а дѣло». Свѣдѣнія московскаго «Викжеля», конечно, необычайно преувеличены*) (в переговорах ночью 28-го Штаба со Ставкой сообщалось, что к вечеру потери в войсках и населеніи исчислялись в 30 человѣкъ; 30-го Штаб эти потери опредѣлял в 100 человѣкъ), но впечатлѣніе было так сильно, что московское бюро рѣшило быть настойчивым в переговорах с ВРК и заявить ему, что если ВРК отказывается от мирных переговоров, то «Викжель» переходит на сторону КОБ, и тѣ войска, которыя задержаны по дорогѣ, будут пропущены в Москву. Что касается КОБ, то, как сообщает лента переговоров, «резолуція» Викжеля принята там «единогласно». Отмѣтим, что «соглашательская» позиція КОБ в Москвѣ разошлась с непримиримой в отношеніи большевиков позиціей петербургскаго «Комитета Спасенія», и петербургское бюро «Викжеля» замѣчает: «будем на него давить, пользуясь позиціей московскаго Комитета Безопасности**).

*) Стоустая молва быстро разносит слухи, и Гиппиус в свой петербургскій дневник запишет 30-го: «О Москвѣ: там 2000 убитых»...

***) Часть с. р. центра, — отмѣчает петербургскій представитель, — и в Петербургѣ принимает платформу Викжеля.

ВРК пошел на переговоры, несмотря на нѣкоторый видимый даже успѣхъ в боевых дѣйствіях за 29 октября (захват интендантства, вокзалов, почтамта и в центрѣ градоначальства). Переговоры между представителями ВРК и КОБ состоялись в Царском Павильонѣ на Николаевском вокзалѣ — в помѣщеніи «Викжеля». Впослѣдствіи дѣятели ВРК пытались изобразить эту уступку, как новый стратегическій маневр с их стороны. Ярче всѣх представил разыгранную якобы комедію один из делегатов ВРК на викжелевском совѣщаніи Смидович. Комментируя в историческом журналѣ «Пролетарская Революція» различные проекты соглашенія, выдвинутые на совѣщаніи, Смидович замѣчал: «Мы приняли двухсуточное перемиріе, так как сознавали, что время мощно работает для нас, что наши силы растут и крѣпнут, а положеніе врага дѣлается все болѣе трудным (у него истощались съѣстные и боевые припасы, которые ему, окруженному со всѣх сторон, пополнить было неоткуда), так как к тому времени выяснилось, что подкрѣпленія извнѣ враг не получит. За время перемирія мы должны были наладить связь ВРК с районами, связь районов между собой, усилить вооруженіе».

Итак надо было достигнуть только перемирія и протянуть время. Смидович, по его словам, прибыл для веденія переговоров с опредѣленной инструкціей, принятой де ВРК «единогласно». Пункты возможнаго соглашенія гласили: КОБ объявляется распущенным; власть переходит в руки Совѣта, который выдвигает подновластный орган из 7 представителей Совѣта и по одному представителю от общественных учреждений, всего 17 человек; этот орган утверждается Совѣтом, и существует до организациі власти Учредительным Собраніем; бѣлая гвардія разоружается, при чем ВРК гарантирует ей свободу и неприкосновенность личности. Одним словом, переговоры должны были вестись до нѣкоторой степени на платформѣ: побѣдителей и побѣжденных, поскольку рѣчь шла о соглашеніи 29-го, послѣ ультиматума ВРК о ликвидаціи; по существу это было лишь нѣсколько модернизированной формулой, выдвинутой раньше в качествѣ базы для соглашенія группой лѣвых с. р. Вести переговоры на такой платформѣ представители КОБ отказались, и переговоры велись, по словам Смидовича, на платформѣ, предложенной ими. Она существенно отличалась от платформы ВРК: 1. Сводныя части, образованныя в связи с вооруженным столкновеніем, распускаются. 2. Обѣ стороны сдают захваченное для организациі боевых дружин оружіе. 3. Для контроля над выполненіем этого обязательства учреждается комиссія на паритетных началах с участіем представителей «Викжеля». 4. Впредь до образованія Центрального Правительства создается орган, обладающій чрезвычайными полномочіями и состоящій из 7 представителей Городского Управленія и 7 от Совѣта, 2 от губернскаго земства и по 1 от губ. совѣта крест. и раб., центрального бюро профессиональных союзов, почтово-телеграфнаго союза и Викжеля. 5. Временный Комитет создает спеціальную слѣдственную комиссію, выясняющую причины, вызвавшія гражданскую войну, и отвѣтственность отдѣльных лиц и организаций. 6. Войска поступают в распоряженіе командующа-

го войсками, дѣйствующаго по полномочію Временнаго Революціоннаго Комитета.

Смидович опубликовал в журналѣ «проект соглашения» с поправками, которыя, по его признанію, никакого существеннаго значенія не имѣли. «Очевидно, противники наше положеніе представляли почему то очень плохим». «Я заносил поправки, затыгивая пренія, сколько возможно, и очень удивлялся, что мои противники могли считать пріемлемыми эти условія для ВРК.. Представленный (в ВРК) проект соглашения доставил нѣсколько веселых минут — спорить было не о чем. Районы были подготовлены к дружному натиску в 12 час. ночи, и мы затыгнули отвѣтъ до послѣдняго времени. Отвѣтъ был дан, и загудѣла наша артиллерія».

Все это очень хитро, но как то весьма мало соответствует тому, что было. Ослабѣвшая ли память, небрежность или просто исторической подлог, но Смидович так или иначе сдѣлал существенную подтасовку. Ту инструкцію, которую он печатает, как исходное предложеніе ликвидаціи вооруженнаго конфликта, он не мог получить 29-го от ВРК. Документ, им напечатанный, заимствован из болѣе поздней практики ВРК, когда вопрос о мирѣ вновь обсуждался в ВРК по инициативѣ образовавшагося социалистическаго блока. Это доказывается протоколом ВРК 1 ноября.

Ни автор, опубликовавшій свои изысканія в «Пролетарской Революціи» (23 г.), ни редація журнала не сочли нужным пояснить техническую деталь, бросающуюся каждому в глаза. В проектѣ соглашения, который обсуждался в совѣщаніи в Царском Павильонѣ, имѣются ссылки на какое-то другое предварительное соглашеніе от того же числа: напр., ссылка на пункт 3 соглашения 29-го, когда говорится о роспускѣ боевых дружин; ссылка на п. 4 того же соглашения, когда рѣчь идет о сдачѣ оружія; или когда поясняется, о контрольной комиссіи, — «пункт пятый отпадает»^{*)}. Если исчезновеніе протоколов ВРК не дает возможности разъяснить получающуюся неувязку, то ее легко разъясняют матеріалы, сохранившіеся в архивах желѣзнодорожнаго союза. Вот эта предварительная платформа для переговоров с КОБ, принятая ВРК вечером 29-го в окончательной формѣ по соглашенію с представителями «Викжеля», — на нее и ссылается предшествующій документ. 1. Перемиріе на 24 часа. 2. В это время вырабатывается окончательное соглашеніе. 3. Сводныя части распускаются. 4. Сдача оружія обѣими сторонами. 5. Контроль особой комиссіи (паритетное начало — Викжель). 6. Комиссія принимает всѣ мѣры борьбы с контр-революціей. 7. По заключеніи соглашенія войска поступают в распоряженіе Ряцова, дѣйствующаго с согласія Совѣта и полковых комитетов.

^{*)} Любопытно, что на эту техническую подробность обратил вниманіе даже болѣе, чѣм наивный совѣтскій историк красной гвардіи, нашедшій в дѣлах ВРК копию этого «позорнаго соглашения» и комментирующий его, как нѣчто новое в своей книгѣ, вышедшей в 29 г. Испарта, издавшему книгу и снабдившему ее специальным предисловіем, не приходит даже и на мысль, что найденный документ просто бѣловая копія того «соглашенія», черновик котораго Смидович опубликовал в журналѣ того же Испарта еще в 1923 г.

Такова и была «инструкция», с которой делегаты ВРК могли прибыть 30-го на совѣщаніе с представителями КОБ для выработки «окончательнаго соглашения», согласно пункту 2 продитированной платформы*). Так как предварительное соглашение при посредствѣ «Викжеля» происходило между ВРК и Штабом, то из платформы былъ изъятъ политическій вопрос, касающійся организаціи власти. Онъ поднялся уже на совѣщаніи в Царском Павильонѣ.

Особая коммиссія по военно-техническимъ вопросамъ установила на время перемирія «нейтральную зону», на линіи которой уполномоченные «Викжеля» должны были предупреждать столкновенія. С 2 часовъ дня началось засѣданіе политической согласительной коммиссіи, о которомъ рассказывалъ Смидовичъ, и на которомъ онъ такъ хитро пытался провести членовъ КОБ. По впечатлѣнію очевидцевъ представители ВРК при явной растерянности пытались держать себя «заносчиво». Личныя впечатлѣнія, конечно, субъективны, но сохранился документъ, во всякомъ случаѣ довольно ярко отмѣчающій несоотвѣтствіе позиціи Смидовича на засѣданіи съ тѣмъ, что онъ рассказалъ в воспоминаніяхъ. Документъ этотъ напечатанъ; онъ воспроизводитъ вновь черновыя секретарскія записки протокола засѣданія ВРК 30 октября, на которомъ обсуждался текстъ соглашения, принятаго на совѣщаніи в Царском Павильонѣ**). Последнее заняло болѣе 7 часовъ — оно закончилось в 9 ч. 33 мин. веч. В 10 часъ Смидовичъ докладывалъ уже результаты в ВРК.

Черновыя секретарскія записки о засѣданіи ВРК, к сожалѣнію, не могутъ передать характера тѣхъ «нѣсколькихъ веселыхъ минутъ», которыя пережилъ ВРК, заслушавъ докладъ Смидовича. Они сообщаютъ, что Смидовичъ довольно энергично настаивалъ на продолженіи перемирія на 12 часовъ для того, чтобы окончательно сговориться о спорныхъ пунктахъ. Соглашеніе достигнуто по всѣмъ пунктамъ, кромѣ одного, — утверждалъ Смидовичъ и подчеркивалъ, что соглашеніе принято всѣми присутствовавшими на совѣщаніи. Представители ВРК отказались участвовать в голосованіи лишь пункта 5, т. е. в вопросѣ о созданіи слѣдственной коммиссіи. Пунктъ 4-й, — пояснялъ Смидовичъ, — об организаціи власти является ультимативнымъ со стороны «Викжеля» обѣимъ договаривающимся сторонамъ. Остался открытымъ п. 2-й о сдачѣ оружія — члены ВРК настаивали на томъ, чтобы сохранить оружіе и Красной Гвардіи —

*) До соглашения с «Викжелемъ» ВРК выдвигалъ нѣсколько иную формулировку, не соотвѣтствующую, однако, тому, что излагалъ Смидовичъ. ВРК намѣчалъ такую платформу: 1. Вся власть совѣтамъ, пополненная кооптированными представителями демократическихъ организацій. 2. Сводныя солдатскія и офицерскія части распускаются. 3. Красная Гвардія в интересахъ защиты революціи не уничтожается, бѣлая гвардія распускается, излишекъ оружія передается в арсеналъ. 4. Войска разводятся по своимъ частямъ. Этотъ документъ имѣется и у Смидовича. Фигурируетъ онъ подъ № 8 — послѣднимъ изъ напечатанныхъ документовъ и приведенъ мемуаристомъ безъ всякой связи съ текстомъ.

**) На согласительномъ засѣданіи обсуждался не текстъ, предложенный КОБ, а компромиссный текстъ, выработанный «Викжелемъ», вѣроятно, по соглашенію с КОБ. По крайней мѣрѣ в № 4 «Бюллетеня» КОБ опредѣленно сказано, что проектъ «Викжеля» былъ принятъ, «несмотря на значительное уклоненіе его от первоначальныхъ основъ соглашения, намѣченнаго КОБ».

в противном случае отобрать оружие у всех частных лиц. «Они колеблются», — отмѣчает впечатлѣнія Смидовича о представителях КОБ секретарская записка.

Как будто бы нѣтъ сомнѣній в том, что вопрос о соглашеніи поставлен совершенно опредѣленно и серьезно. Смидович мотивирует необходимость продолжить перемиріе словами: «Всѣм будет непонятен моральный и иной смысл отказа. Начиная с меньшевиков, ни с кѣм не может быть тогда никаких соглашеній». Компромиссная позиція Смидовича соответствовала тогдашним его взглядам — он принадлежал к числу «миролюбиво» настроенных большевиков и при своей кооптаціи в ВРК заявил, что не согласен с той линіей поведения, которая стремится форсировать событія. В силу этого «миролюбиваго настроенія», вѣроятно, Смидович попал в состав делегации, которая должна была установить форму соглашенія с КОБ — и только впоследствии при измѣнившихся условіях переговоры были превращены им в ловкій стратегическій маневр.

«Спорить было не о чем», — утверждает Смидович в воспоминаніях, но споры, повидимому очень бурные, происходили в ВРК вечером 30 октября. К сожалѣнію, и здѣсь черновая протокольная записка не пріоткрывает завѣсы. Почти два часа идут эти споры, только за пять минут до окончанія срока перемирія ВРК посылает в «Викжель» телефонограмму с неожиданным сообщеніем, что пункты, формулированные на викжелевском совѣщаніи, оказались «непріемлемыми». вмѣстѣ с тѣм однако ВРК оставлял лазейку в видѣ возможности в ближайшем же будущем «по взаимному уговору» начать переговоры о мирѣ на «совѣтской платформѣ».

**

Чѣм слѣдует объяснить измѣчивую тактику ВРК? Так же, как и в Петербургѣ, ультимативное требованіе «Викжеля» заставило ВРК идти на большія уступки, тѣм болѣе, что он не чувствовал под собой прочной базы. Наиболѣе трезвые руководители ВРК прекрасно учитывали неустойчивость тѣх военных кадров, на которые приходилось опираться. В центрѣ это особенно ярко ощущалось — почти так же, как в предшествовавшіе дни. Вот штрих воспоминаній, относящихся к 29 октября. Из Петербурга возвращается Вейгер, котораго послали для информации. Он возвращается с пессимистическими выводами: Петербург не может оказать помощи, ибо ему самому надо раньше ликвидировать Керенскаго, и Петербург сам склонен просить помощи из Москвы. Вокруг Совѣта Вейгер встрѣчает все тот же хаотическій беспорядок: солдаты не двигаются, когда их вызывают, орудія у Совѣта без прислуги и т. д. Паника родится с легкостью безпримѣрной и в центрѣ и в районах. Близ ревкома самаго революціоннаго района — в Замоскворѣчѣ, появилось 6 всадников в «красных лампасах». Это были арестованные казаки «кашевары». «Не было предѣла паники», — рассказывает очевидец (Стрѣльцов). Защитники разбѣгались и прятались, куда кто мог. Другой оче-

видец (Паперников) рассказывает о переполохѣ в казармах 55-го полка, когда «бочка с водой» была принята за казачій разъѣзд. Допустим, что это даже смахивает на анекдот. Но «анекдот», проходящій по ряду воспоминаній, становится фактором, до нѣкоторой степени опредѣляющим боевую психологию.

Казалось, что достаточно появиться в Москвѣ болѣе или менѣе крѣпкой не разложившейся регулярной воинской части, и «мыльный пузырь» сам собою лопнет. В момент переговоров 29—30 октября у ВРК отнюдь не могло быть увѣренности в том, что помощь извнѣ появиться не может, как то пытается утверждать Смидович. Наоборот, скорѣе наблюдалась склонность повѣрить в возможность появленія такой части, о чем КОБ получил увѣдомленіе из Ставки 28-го. На другой день Духонин телеграфировал Рудневу, что с юго-западнаго фронта отпралена гвардейская бригада с артиллеріей, и что начнет она прибывать в Москву 30-го. Среди дѣятелей ВРК ходили преувеличенные слухи, которые опирались на донесенія с мѣст о каких то 36 эшелонах, двигающихся по Александровской жел. дор. с западнаго фронта. Доносили, что войска уже в Можайскѣ, и ВРК принимал мѣры к организаціи агитаціи среди этих войск и к недопущенію их в Москву. Было нѣчто и болѣе реальное. Из Каширы в походном порядкѣ по шоссе к Москвѣ подошел в эти дни 7-ой казачій Сибирскій полк. И только в силу удивительной нераспорядительности Штаба и подвижности агентов ВРК полк удалось задержать в 40 верстах от Москвы и добиться его нейтралитета*). Кромѣ большевиков, к этой находившейся под самой Москвой части никто больше не проник.

Таковы были условія, ксторыя скептически настраивали по крайней мѣрѣ ту часть членов ВРК, которая с нѣкоторой опаской относилась к необузданной демагогіи одержимых из лагеря «лѣвых ленинцев». Они боялись тѣх разнузданных страстей взбодраженной народной стихіи, ставку на кторыя дѣлали районные вожди, и готовы были в эти дни, по признанію историка московскаго совѣта, на большія уступки и на компромиссы. Несомнѣнно, лидером этих «умѣренных» и болѣе трезвых политиков был сам московскій комиссар большевицкаго правительства Кочна, кторый вел еще 28-го вечером переговоры с КОБ. Пессимистическая нота звучала и в сообщеніи Москвы Петербургу от того же числа — в этот день петербургскій комиссар телеграфа принял от Смирнова из Москвы случайное сообщеніе, миновавшее контроль «Викжеля», о том, что дѣла «неважны», и что москвичи думают «кончить компромиссом». За день, конечно, обстановка в

*) От случайно арестованных членов полкового комитета, прибывших в Москву для «информации», представители замоскворѣцкаго районнаго комитета узнали о приближеніи полка, отправили делегацію и заключили договор с полком о невмѣшательствѣ его в московскія дѣла, гарантировав всѣм казакам, находившимся в Москвѣ, полную неприкосновенность. «Нейтралитет», очевидно, не удовлетверил казаков — на другой день к тѣм же казакам направилась другая делегація и встрѣтила их уже в 17 верстах. Через день мы встрѣчаемся все с тѣми же казаками в 8 верстах и, наконец, узнаем о столкновеніи у заставы двух передовых сотен, требующих пропуска в Штаб.

корень не могла измениться. И становится почти понятной позиция ВРК, склонившаяся к тому почетному отступлению, которое намѣтилось в проектѣ соглашения, выработанном представителями «Викжеля». И политика и стратегія одинаково толкали большинство ВРК на путь компромисса.

Почему же такой рѣзкій отход? Милюков в своей исторіи говорит, что на изменение позиціи ВРК повлияли полученные «в промежуток» свѣдѣнія о неудачѣ отряда Краснова. Это объясненіе явно основано на недоразумѣніи: иечером 30-го в Москву не могло придти сообщеніе о том, что выяснилось лишь 31-го. Самое большее, в Москвѣ могли получить свѣдѣнія о печальном концѣ юнкерскаго возстанія 29-го. Но надо сказать, что эта петербургская страница как то не нашла никаких откликов в Москвѣ — за исключеніем той оптимистической телеграммы Никитина, о которой в свое время приходилось говорить*), и инцидента с Рязановым, который из министерства путей сообщенія в Петербургѣ при попустительствѣ «Викжеля» разговаривал с Москвой. Рязанов еле избѣжал «физической распри» со стороны протестующих служащих (в Москву передавали, что собралась толпа в 1000 человек).

Рѣшеніе ВРК прервать переговоры можно объяснить только усиленным нажимом, который произвели на колеблющихся «ленинцы», руководившіе дѣятельностью районов. За время перемирія предоставленные самим себѣ они еще больше почувствовали свою силу. Дѣло не в том, что выростала физическая сила и что сила эта постепенно вооружалась (появилась тяжелая артиллерія, правда, без артиллеристов) — районы стали чувствовать себя до нѣкоторой степени побѣдителями. В районах воспользовались передышкой в центрѣ для того, чтобы ликвидировать изолированныя гнѣзда противников. С нѣкоторым цинизмом Смидович рассказывает, что во время переговоров в Царском Павильонѣ, т. е. послѣ уже оффиціального подписанія перемирія, «бухающіе выстрѣлы тяжелой артиллеріи заставляли звенѣть стекла павильона и сильно дѣйствовали на нервы партнеров. Впослѣдствіи выяснилось, что это Рогожско-Симоновскій район не мог удержаться в условіях перемирія и ковырял тяжелыми снарядами кадетскіе корпуса».

Болѣе крѣпкое самочувствіе в районах вліяло и на их непримиримую позицію — в этом отношеніи они давили на центр. Так, напримѣр, Лефортовско-Благушскій район утром 30-го, предлагая ВРК воспользоваться перемиріем и мобилизовать свои силы, как платформу для переговоров, выдвигал проект полной ликвидаціи КОБ: он требовал передачи временной власти Совѣту и ареста не только членов КОБ, о ни всѣх враждебных воинских частей; районные стратеги готовы были гарантировать противнику личную безопасность, но рѣшеніе судьбы арестованных предоставляли или съѣзду Совѣтов, или будущему правительству, отвѣтственному перед съѣздом. В нѣдрах ВРК едва не произошла внутренняя ре-

*) Судя по матеріалам «информаціонной» тетрадки, напечатанной Костомаровым, телеграмма эта своевременно была получена и КОБ.

волюція, которая, по свидѣтельству Игнатова, грозила «полным разложением» ВРК. Партийная «пятерка», т. е. контрольный орган в дни возстанія, которая находилась в Замоскворѣчьѣ и пропитана была иллюзіями «ленинцев», потребовала реорганизациі ВРК в виду того, что в нем доминируют «правые» элементы. Характерно, что эту умѣренную струю вносили в значительной степени новые кооптированные в состав ВРК представители профессиональных организацій*). «Революція» не воплотилась в конкретныя формы, но, очевидно, под влияніем этих крайних элементов и произошло измѣненіе позиціи ВРК вечером 30 октября, когда условія соглашенія и продленія перемирія обсуждались им совместно с партийным «боевым центром». Побѣдъ крайних могло содѣйствовать и отсутствіе Ногина, новидимому, выѣхавшаго в ночь с 29 на 30 октября в Петербург.

Во всяком случаѣ двухдневное перемиріе было крайне выгодно большевикам. В одном только неоспоримо прав Смидович — время, дѣйствительно, работало на пользу ВРК. Поэтому никак нельзя сказать, что ВРК попался на удочку «Викжеля», как склонны утверждать мемуаристы из лагеря «ленинцев». Еще менѣе соответствует дѣйствительности позднѣйшее утвержденіе Бухарина: «мы великодушничали в Москвѣ — от этого и борьба была долгая в октябрѣ». Объективно перемиріе явно было невыгодно всенным защитникам Москвы — каждый день удалял возможность того короткаго удара по ВРК, который один только мог предопредѣлить исход борьбы в пользу сторонников КОБ. Между тѣм именно военное командованіе по «стратегическим соображеніям» настаивало на перемирії. Так утверждает Милуков на основаніи данных, сообщенных ему «руководящими членами» КОБ. Приблизительно такое же впечатлѣніе в свое время оставил и прослушанный нами в партіи доклад. Надо только сдѣлать одну существенную оговорку — дѣло шло не о перемирії, т. е. не о тактической мѣрѣ в цѣлях выгадать время. Рѣчь шла о попыткѣ достигнуть соглашенія для ликвидаціи борьбы. Свидѣтель-докладчик того времени подчеркивает, как неожиданно было для КОБ заявленіе военнаго командованія о том, что при отсутствіи патронов оно не рассчитывает на побѣду. Надо было искать выхода — заявленіе это дѣлало КОБ уступчивым по сравненію с позиціей, которую он занял в предшествующіе дни в вопросѣ о ликвидаціи ВРК. И военная власть и гражданская сходились на том, что не им надлежит рѣшать вопрос об организаціи власти и поэтому в проектѣ соглашенія, обсуждавшемся в Царском Павильонѣ на Курском вокзалѣ, совсѣм нѣтъ упоминанія о центральной власти, и дѣло идет только о созданіи мѣстной власти и притом по тому самому принципу, который был выдвинут по соглашенію всѣх фракцій в засѣданіи московскаго совѣта 25 октября, и по которому в укороченном видѣ был организован сам КОБ.

*) В частности протест был заявлен как раз против Смидовича — очевидно, мудрая тактика Смидовича в то время не учитывалась «революционерами».

Несомненно в перемирие вкладывалось и другое содержаніе. Была увѣренность, что за дни перемирія подойдут обѣщанныя войска с фронта и слѣдовательно измѣнится удѣльный вѣс переговоривающихся сторон. Для болѣе успѣшнаго продвигенія этих войск пом. командующаго войсками Кравчук специально выѣхал даже в Смоленск. Но так как войска не появились, то в исторической перспективѣ приходится признать, что перемирие в конечном результатѣ для лагера, противнаго большевикам, должно было явиться большой тактической ошибкой, если только Штаб мог и хотѣл дѣйствовать активно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

УЛИЧНАЯ БОРЬБА

Прекращая перемирие, ВРК объявил, что «с этого момента мы вступаем в полосу активных действий»... «Отныне никаких уступок, никаких колебаний», — со своей стороны добавлял замоскворецкий комитет.

Началась новая полоса боев. В сущности перемирие и за истекшія сутки до нѣкоторой степени было только «на бумагѣ». Боевыя дѣйствія продолжались и не только в районах, находившихся вне контроля. В центрѣ орудiйная стрѣльба шла весь день у Никитских ворот. Большевики обвиняли, конечно, своих противников в нарушении перемирія, хотя Рябцовым было, дѣйствительно, предписано всѣм начальникам боевых участков прекратить всякую стрѣльбу «безусловно и категорично». Особливое нарушение перемирія ВРК усмотрѣл в высадкѣ на Брянском вокзалѣ 155 ударников. Эта высадка чрезвычайно обезпokoила ВРК; по поводу нея было выпущено специальное объявленіе утром 30 октября и предприняты энергичныя мѣры, чтобы стянуть вооруженныя силы к центру*). Так районы получили предписаніе: «во что бы то ни стало, прислать для штаба (ВРК) всѣ имѣющіяся вооруженныя силы, не останавливаясь перед ослабленіем и снятіем наименѣе важных караулов с постов». Приказ надлежало выполнить «немедленно». Этот страх перед 155 ударниками чрезвычайно показателен и для настроеній и для опредѣленія реального масштаба шедшей борьбы. вмѣстѣ с тѣм стараются стянуть силы из ближайших к Москвѣ окрестностей. 1000 челсвѣк предписывается 31-го прислать подольскому совѣту; 500 человек мызоровскому и т. д. Как будто однѣх московских сил мало, хотя «всѣ рабочіе, как один, встали на нашу поддержку, солдаты всюду шрежкнули к нам».

Каковы же были в дѣйствительности реальные силы противника? Я уже приводил исчисленіе Прокоповича тѣх сил, которыми располагало командованіе КОБ. Цифры эти, вѣрныя, в общем, для центра, не могли соответствовать всей дѣйствительности и, вѣроятно, болѣе правдоподобны гипотетическія цифры, устанавливаемые Милюковым: в момент наибольшаго развитія сил, отряды «бѣлой гвардіи» доходили тысяч до пяти. Начальник гар-

*) Далеко было от истины то представленіе, которое пытался дать Покровский, как мемуарист, в «Красной Нови». Он писал: «когда вышли ударники, впечатлѣніе такое, как если бы из клѣтки, вмѣсто стаи голодных тигров, вылѣз котенок».

низона в Калугѣ на основаніи свѣдѣній, полученных от делегатов из Москвы, сообщал в Ставку 1 ноября, что московскія силы исчисляются в 8000 человекъ. По расчету противников эти силы, конечно, опредѣляются в значительно больших размѣрах. Тут уже все зависит от метода исчисления. По соображеніям Муралова бѣлогвардейскія силы приближались к 10 тысячам; по расчету штаба красной гвардіи цифры сразу возрастают в 75—80 тыс. и возрастают по методу очень простаго исчисления: в Москвѣ де было 25 тыс. офицеров, больше половины студентов было на сторонѣ «бѣлых». Таким образом надо прибавить еще 8 тыс. и т. д.

Как же большевики исчисляли свои собственные силы? Сначала прекрасно вооруженный противник был в 10 разъ сильнѣе возставших, необъдимых лишь в силу могучаго порыва революціоннаго энтузіазма*). В первые же дни этот порыв привлек к ВРК 100 тыс. человекъ, а к концу возстанія число сражавшихся можно довести до 200 тыс. Таковы выкладки склоннаго к необузданным преувеличеніям автора книги об участіи красной гвардіи в октябрьском возстаніи. Болѣе осторожный историк московскаго совѣта исчисляет активно дѣйствующія силы к концу борьбы в 20 тыс. солдат, 5 тыс. рабочих, «дравшихся, как львы». Кромѣ того, в резервѣ было 30 тыс., «слабо вооруженных и мало активных». Начальник штаба ВРК Муралов, будущій замѣститель Рябцова на посту командующаго войсками, считает, что к началу «боев» ВРК имѣл «абсолютно вѣрных бойцов» не менѣе 50 тыс. и «столько же близких к нам». Из этих 50 тыс. половина принадлежала к числу активно дѣйствующих, остальные были в резервѣ. Около 3000 было вооруженных рабочих. Предсѣдатель Петербургскаго ВРК Подвойскій, выступая в роли историка и подводя итоги, касающіеся Москвы, также опредѣляет число возставших в 100 тыс. человекъ, но число участников в боях, по его мнѣнію, не превышало 5000 человекъ. Наконец, военный историк Какурин, со стажем, повидимому, дореволюціонным, опредѣляет к началу рѣшительных дѣйствій силы ВРК в 7—8 тыс. солдат и 3000 красногвардейцев. Вѣроятно, послѣднюю цифру скорѣе всего можно принять, хотя и неизвѣстно, на основаніи каких конкретных данных она выведена. Цифры всѣ произвольны. Как, напримѣр, Муралов выводит свои итоги? — Артиллерійскую бригаду, 55 и 56 полка он заносит без оговорок в рубрику «цѣлком наши». И сразу получается внушительная цифра, превышающая 20 тыс. человекъ. Мы уже видѣли, что такое зачисленіе именно в отношеніи этих полков приходится сопровождать очень большими оговорками. Еще с большими оговорками приходится говорить о тѣх полках, которые не были большевицкими «в буквальном смыслѣ слова». Наконец, и понятіе «полк» по тѣм временам понятіе очень относительное. Мы приводили уже примѣры. Их можно было бы умножить. Тот же Мостовенко, который «мертвым шагом» выводил 26 или 27 октября 193-й полк из Хамовнических казарм, конкурируя в этом отношеніи не только с Ангар-

*) Здѣсь даже редакція не удержалась и сдѣлала примѣчаніе к воспоминаніям Пече: цифры значительно преувеличены.

ским, но и Ярославским, вел к совѣту и прибывшій из окрестностей Москвы 194-й полк. Мостовенко встрѣтил полк у Савеловскаго вокзала — увы, в полку оказались тѣ же трафаретные 300 челоуѣк. В 95-ом полку, расположенном в Павловской Слободѣ, осталось всего 150 солдат. Другими словами, гарнизон разбѣгался — «лавиной утекают» солдаты.

В распоряженіи ВРК были не полки и не организованныя роты, а вооруженная «толпа», толпа довольно текучая. Она пухла по мѣрѣ того, как разрасталось возстаніе, предоставленное самому себѣ. Естественное увеличеніе происходило и за счет «нейтральных» и за счет пришедших из окрестных городов. Едва ли этих вновь приходящих можно назвать болѣе «сознательными», как это дѣлает Милуков. Почему отряд иваново-вознесенских рабочих, явившихся под начальством Фрунзе, болѣе сознателен, нежели отряд красногвардейцев, который дал завод «Динамо»? Почему 2000 случайных солдат, прибывших, по словам Игнатова, из провинцій, «хорошо дисциплинированы» по сравненію с московским гарнизоном? Болѣе осторожно я назвал бы их еще окончательно не разложившимися, что и давало возможность ВРК одних замѣнять другими. Разложеніе должно было захватывать солдатскую массу при затыжном характерѣ военных операцій или, говоря словами Игнатова, она стала разлагаться в «боевой обстановкѣ», предоставленная «сама себѣ». «Явное мародерство» со стороны солдат приходится отмѣтить даже протоколу ВРК 1 ноября. Развѣдка все чаще и чаще регистрирует появленіе солдат, тащащих откуда то узлы с вещами, громящих магазины и т. д. Двѣ роты 193-го полка в Хамовниках, отнесеннаго к разряду основной «боевой силы» ВРК, по словам Ангарскаго, как бы специализировались на грабежѣ квартир — от них пострадал сам автор воспоминаній. Уже 30-го ВРК должен издать приказ о немедленном разстрѣлѣ на мѣстѣ преступления всѣх погромщиков. Конечно, виновниками всѣх этих явленій становятся «контр-революціонеры», которые стараются сбить с толка народныя массы, подпаивают отдѣльных несознательных людей и устраивают погромы (аншлаг, с которым выходили «Извѣстія» с 27-го октября). Можно было, пожалуй, и не искать виновников для объясненія того, что было почти естественно. Скорѣе надо удивляться тому, как мало проявил себя «всякій сброд» на улицах Москвы в тогдашней обстановкѣ безвластія и анархіи. Его почти не видно было на авансценѣ событій.

В частности солдатское мародерство принимало и своеобразныя черты от самого быта гражданской войны. Помню, что 31-го или 1-го мы получили от своих записку из Думы о том, что «защитники порядка» начинают испытывать большой недостаток в патронах, и что надо организовать скупку их на рынкѣ знаменитой московской Сухаревки, гдѣ их продают солдаты. Соответствующія экспедиціи организовал КОБ. Сомнѣваюсь, что мы сами что либо сдѣлали в этой области. Но Жилинскій со своей партизанской дружиной не раз проникал под видом красногвардейцев в Симоновскіе склады и на грузовикѣ вывозил нужные патроны.

Вооруженная масса, так или иначе оказавшаяся в распоряжении ВРК, давала ему при пассивной позиции Штаба огромное преимущество в уличных боях. Что такое уличные бои? Это или баррикады, которые берутся приступом, или отдельные дома, превращаемые в своего рода «крепости», откуда противник вытесняется захваченных там дружинников. Баррикады, окопы, траншеи и пр. не играли в Москве большой роли. Они были, но служили только препонами для продвижения броневых автомобилей и воздвигались скорее по «революционной» традиции. По ночам сплошь да рядом солдаты уходили с позиций и оставляли их совсем без защиты. Отдельные дома превращались в «крепости», но ни та, ни другая сторона приступом их не брала. Летописцы московских боев едва ли замолчали бы эпизоды, которые могли охарактеризовать героическое мужество баррикадных бойцов. Между тем нет мемуариста, которому можно было бы поверить, и который рассказал бы о непосредственном столкновении двух физических сил. Дома обстреливались, и захваченных в них заставляли уходить. Основной борьбой являлась уличная перестрелка из за углов, из засад. Били не по живой цели, а больше в пространство — в известном направлении, а иногда и без направления: «стреляют, но неизвестно по какому направлению», — доносит про юнкеров у Никитских ворот разведка ВРК. Разбросать по всей Москве такие патрули ВРК было не трудно, так как большому риску аморфная солдатская масса в этом случае не подвергалась. Гораздо большую опасность перестрелка из за угла, когда «винтовки сами стреляли», представляла для любопытствующих жителей и случайных прохожих. В первые дни не редкостью была картина, отмеченная большевизским посланцем в Петербург Вейгером, который 29-го с Николаевского вокзала направлялся в совет: раздается стрельба, люди прилипают к стенам; прекратилась стрельба — вновь выступает толпа на середину улицы. И большевизкия войска буквально поливали Москву свинцом — это было средством психологического воздействия, сила которого еще более возросла, когда начинали грохотать орудия. В то время, как «белой гвардии» приходилось быть очень расчетливой в употреблении патронов, войска РК были в этом отношении почти не ограничены с того момента, когда раскрылись склады. По имеющимся у меня данным, «белая гвардия» расходовала в день 25 тысяч патронов. Вот что говорится в официальной ведомости ВРК за 1 ноября: с одного Симоновского патронного склада было затребовано 931 тыс. трехлинейных патронов и более 900 тыс. разных других патронов. Насколько это требование фактически было удовлетворено — мы не знаем. Но за время боев по официальному отчету с московского склада огнестрельных припасов было отпущено более 6000 гранат, шрапнелей и пр., 600 ящиков бомб и пр. Эти цифры не дают полного представления, так как получалось снаряжение и из других мест, получалось и «без формальных требований», ибо во время боя некогда было считаться с «чиновничьей мелочью»... 25 тысяч «белой гвардии» и миллионы ВРК дают достаточно разительное сопоставление!

В какія же конкретныя формы выливалась уличная борьба? На основаніи разсказов большевицких мемуаристов и официальных донесеній можно зафиксировать не мало удивительных жанровых сцен, вплоть до того, что солдаты в дни вооруженной борьбы от нечего дѣлать стрѣляют на улицѣ из винтовок по... воробьям*). Два орудія выставлены на Хамовницком плацу, но нѣтъ артиллеристов. Нашелся специалист в лицѣ члена мѣстнаго ревкома Саврасова, который на всякій случай посылает куда-то из этих орудій снаряды. Никитскія ворота — один из важнѣйших пунктов боев, «неприступная крѣпость» бѣлой гвардіи, охраняющая подступы к Штабу в Александровском училищѣ. «Неприступность» позиціи заключалась в том, что в одном из угловых домов на площади, в электро-театрѣ «Уніон», юнкера сдѣлали нѣчто в родѣ бастіонов. С 29-го Никитскія ворота подвергаются непрерывному обстрѣлу со стороны Страстной площади орудіями, расположенными на Тверском бул., окло памятника Пушкина. Тверской бул. упирается в дом. кн. Гагарина, хорошо извѣстный москвичам по кухмистерской и номерам Троицкой. По этому дому и идет стрѣльба прямой наводкой вдоль Тверского бульвара. Дом горит. Один за другим слѣдуют взрывы в находившейся в домѣ аптекѣ. В этих горящих полуразвалинах нѣтъ уже никакого противника, и тѣм не менѣе артиллерія продолжает садить «во всю». Именно по этому поводу 1 ноября прап. Гнѣдов, командующій отрядом войск ВРК у Никитских ворот, доносит: «положеніе критическое» и негодует на бессмысленность артиллерійской стрѣльбы, опасной не юнкерам в боковом домѣ, а своим, выступающим со стороны Тверского бульвара.

Какія же силы защищают «неприступную» для большевицких войск «крѣпость» у Никитских ворот? В архивѣ ВРК случайно сохранились нѣкоторые донесенія бѣлогвардейскаго Штаба. Из них мы узнаем, что 30-го у Никитских ворот выступают 15 ударников и 6 студентов во главѣ с прап. 217 зап. пѣхотнаго полка Петровым. Это, так сказать, в началѣ боя. В послѣдній день боя 2 ноября командующій средним боевым «сектором», охватывающим Никитскій бул., Поварскую ул., Мерзляковскій и Хлѣбный пер., просит Штаб дополнительно послать 50 человек к тѣм 90, которые находятся в его распоряженіи — среди них 36 студентов, «крайне переутомленных». Наступающій противник, в свою очередь, не чрезмѣрно богат военными силами. В самый «жаркій пункт» 1 ноября требуется подкрѣпленіе в 30 человек — без них занять этот пункт «нѣтъ надежды». «Если через час не будут люди, отступлю или сдамся», — сообщает на клочкѣ бумаги в 9 час. веч. 1 ноября все тот же прап. Гнѣдов. Он требует 200 человек для того, чтобы «совершить смѣну, продвинуться и занять «важный пункт». Но просит он эту помощь послать эшелонами по 50 человек, так как только при таких условіях посылка людей может достигь своей цѣли, и отряд получит пополненіе: оказывается, что посылаемые частью не доходят и по пути «отстают». Но и

*) В Рогожско-Симоновском районѣ имѣлась особая «команда хохлов». «Учув свободу, они стали пить — и как слѣдует». И в таком состояніи «пострѣливали... ради любви к стрѣльбѣ».

находящіеся на мѣстѣ, по образному выраженію начальствующих лиц, «прямо плачут», пробывъ 3 часа за баррикадами*). К Никитским и Арбатским воротам «войска» ВРК 31 октября наступают и со стороны Прѣсни через Кудринскую площадь, имѣя в своем распоряженіи три орудія. Наступленіе идет двумя отрядами по 30 человекъ каждый. На слѣдующій день в дѣлѣ участвуют 200 человекъ. Это один изъ наиболѣе крупныхъ боевъ в Москвѣ. Наступающіе к вечеру должны были отступить. Повсюду картина приблизительно одинаковая. Из Александровскаго училища Штабъ посылаетъ 29-го отрядъ изъ 15 ударниковъ на Брянскій вокзалъ для встрѣчи «батальона смерти». Задача отряда очистить от большевиковъ всѣ пути, прилегающіе к Брянскому вокзалу. Этотъ мощный отрядъ долженъ оставить 6 человекъ для прикрытія на Смоленскомъ рынкѣ, остальные 9 с успѣхомъ выполняютъ свое заданіе. На мостахъ черезъ Москва-рѣку вы встрѣчаете большевицкіе пикеты человекъ по 10, выставленные Замоскворѣцкимъ райономъ. Артиллерія у Большаго театра вечеромъ 1 ноября имѣетъ прикрытіе всего лишь в 6 пѣхотинцевъ. На чердакѣ Малаго театра в теченіе трехъ дней «отсидживаются» 60 самокатчиковъ с пулеметами и перестрѣливаются с юнкерами в «Метрополѣ». В Охотномъ ряду в самый рѣшительный моментъ в бояхъ участвуетъ 70—80 человекъ...

Штрихи изъ личныхъ воспоминаній могутъ нѣсколько дополнить эту общую картину. Мы жили у самаго пекла (уг. Гранатнаго и Спиридоновки), — можетъ быть, в 200—300 шагахъ отъ тѣхъ самыхъ Никитскихъ воротъ, гдѣ, по признанію большевицкихъ бытописателей, шли самые ожесточенные бои. Какъ свидѣтельствуетъ большевицкая топографическая карта возстанія, мы с самаго начала находились в районѣ власти ВРК, но до 2-го ноября мы ни единой души изъ войскъ ВРК не видѣли, и поэтому с нѣкоторымъ изумленіемъ приходится читать донесенія ВРК о томъ, что студенты, перебравшіеся черезъ Б. Никитскую 1 ноября, т. е. изъ района Штаба, изъ каждаго окна обстрѣливали большевицкія войска...

Каждый день мы с женой ходили в нашъ партійный комитетъ в Гуденновскій пер. на Арбатѣ, т. е. в первый переулокъ отъ Арбатскихъ воротъ — центр, который всемѣрно старались послѣ перемирія захватить в теоріи войска ВРК. Путь не былъ особенно приятен, потому что приходилось переходить улицы, обстрѣливаемые с двухъ концовъ, наталкиваться на патрули, подвергаться обсыску со стороны «бѣлой гвардіи»**). Не столько волновал, сколько раздражалъ непривычный для уха постоянный свистъ сверху — это гдѣ-то пролетали пули. Только 2 ноября, совершая уже в

*) Этотъ документъ, кстати, опровергаетъ утвержденія большевицкихъ мемуаристовъ (Пече), что к вечеру 1 ноября противникъ былъ «ликвидированъ» у Никитскихъ воротъ. Никакихъ атакъ на Арбатскую площадь, т. е. непосредственно на Штабъ, не было, хотя ихъ и наблюдалъ свидѣтель, бывшій на роляхъ посторонняго зрителя в другомъ лагерѣ (Гурко).

**) В большевицкихъ мемуарахъ можно найти безконечное число примѣровъ того, какъ даже дѣятели ВРК пробирались безъ особаго труда черезъ вражескіе патрули во всѣ дни вооруженной борьбы, показывая свои большевицкіе документы. Для этихъ мемуаристовъ такія явленія свидѣтельствовади о «безграмотности» юнкеровъ; вѣроятно, это скорѣе говорило о настрояхъ борющахся.

одиночество свой обычный путь, я испытал нѣсколько жуткое ощущение; это было, когда развѣдка ВРК доносила: «нельзя пройти из-за большого обстрѣла с трех сторон». Возвращаясь домой под вечер, я увидел впервые на своей Спиридоновкѣ против церкви Вознесенія, в которую она упирается, группу большевицких войск. Вооруженные люди махали — бѣги, дескать, но они не видѣли главной причины, задержавшей меня перед пробѣгом через улицу, которая подвергалась обстрѣлу с трех сторон, — как раз напротив дворникъ тороповскаго дома, вида довольно разбойническаго, направил на меня свою берданку *). Ощущеніе дичи, за которой охотятся. Положеніе было безвыходно. Я перебѣжал улицу, берданка выстрѣлила.. охотник подстрѣлил бѣжавшую сзади меня женщину. Единственный раз, когда я подвергся реальной опасности в своих хожденіях. Поход мой в этот день закончился неприятным инцидентом, но характерным для обрисовки боевой обстановки и настроеній. Большевицкая ватага безпрепятственно пропустила меня домой. Квартира наша помѣщалась в третьем этажѣ дома, выходившаго на стрѣлку двух улиц. В нашей большой угловой комнатѣ электрическое освѣщеніе так было устроено, что в люстрѣ красный свѣтъ смѣнялся обыкновенным. Зажигая, я не подумал, что извнѣ эту смѣну свѣта могут принять за сигнализацию. Прошло немного времени, в нашу квартиру ввалилось десятка полтора-два вооруженных людей из обыскивавшаго на Спиридоновкѣ отряда с криками: здѣсь сигнализируют в Штаб. Мы повели толпу в угловую комнату через кабинет, представлявшій соединеніе комнат, заставленных полками с книгами и картами архивных документов. Видно было по лицам, как успокаивались встревоженные люди. Я показал «сигнализацию». Скорѣе с нѣкоторым уже добродушіем солдаты и красогвардейцы сказали: лучше не зажигайте, а то могут и развести.

Так было в послѣдній день кровавых боев, в момент наибольшаго озлобленія и ожесточенія. Я вовсе не хочу превращать вооруженную борьбу в Москвѣ в какую-то «идиллію», если только примѣнимо подобное слово в такой обстановкѣ. Своим рассказом я хочу лишь предостеречь от нѣсколько упрощенной и грубой картины какой-то изступленной ненависти к классовому врагу, которую с такой охотой вырисовывают мемуаристы большевицкаго лагеря. Обстановка в разных мѣстах была различная. И у нас подчас она была жуткая, когда мы видѣли, как пылал многоэтажный дом Ярославской Мануфактуры на внутреннем проѣздѣ Тверскаго бул., рядом с горящим и разрушенным артиллерійским домом кн. Гагарина. Страшно было думать о жильцах этого дома, не то подожженного случайным снарядом, не то нарочито по «стратегическим» соображеніям. К счастью, жильцы дома своевременно выбрались, и свѣдѣнія о том, что многіе из них задохлись, скрывшись в подвалѣ, не соответствовали истинѣ.

Если для нас все это было скорѣе ужасом психологическим, то ужас уже физическій должна была пережить та тысяча теле-

*) Дом Торопова — извѣстнаго члена Союза Русскаго Народа, хорошо знаком по лѣтописи русской общественности — здѣсь убитъ был Юлос.

фонисток и служащих, которая выдержала трехдневную осаду Телефонной станции с 29-го по 31-е октября на Мясницкой. До 30-го станция работала, несмотря на то, что значительная часть телефонных аппаратов была повреждена, а стекла в окнах были выбиты ружейной пальбой. 31 октября войска ВРК, не имея возможности взять Телефонную Станцию, которую защищала сотня (116) юнкеров, начали обстреливать ее орудиями (или бомбами). Пробита была крыша. Служащие перешли в коридор первого этажа и в подвал, который понемногу заливался водой из поврежденных водопроводных труб. Директор станции Менделев просил выпустить телефонисток и служащих. ВРК не соглашался и требовал предварительной сдачи юнкеров; последние, несмотря на отсутствие уже патронов, настаивали на «почетном выходе». В переговоры вмешались «нейтральные» социалисты и настаивали на прекращении военных операций в тех местах, где гибнут государственные личности. Большевики согласились, в конце концов, прекратить осаду и разрешить юнкерам свободный выход. Юнкера сдали Телефонную Станцию и были все же арестованы.

**
*

Все ужасы последующей гражданской войны были еще не извданы, и действительно жутко было принимать боевое крещение. Но молодежь из «белой гвардии» в своем подавляющем большинстве стойко выдерживала испытание. Даже по словам большевистских летописцев, она как бы «ощетинилась» после неудачного перемирия, и центр на Скобелевской площади отнюдь не чувствовал себя прочно, во всяком случае гораздо менее прочно, чем рябовский Штаб в Александровском училище.

Еще 30-го советская разведка получила «достоверное сведение», что Штаб решил предпринять наступление на ВРК с двух сторон отрядом в 150 юнкеров и школой артиллерийских прапорщиков. Была ли решена такая диверсия или нѣт — мы не знаем, но в утренней сводке политического отдела Штаба от 1 ноября нельзя не остановиться на предупреждении пор. Ровнаго: «Обращается внимание всех военных чинов на совершенную недопустимость громкого обсуждения различных распоряжений оперативного характера в виду установленных фактов, что многое из сообщенного вслух дѣлается достоянием противной стороны»^{*)}). Возможно, что предполагаемая операция была отменена вследствие дошедших до ВРК слухов и общей нерешительности Штаба в смысле наступательных действий. Во всяком случае ВРК мог подготовиться, так как 31-го юнкера в центрѣ стали выбивать отряды ВРК «почти из всех занятых ими позиций». Тем разительнее случай, происшедший 31-го октября^{**}). Ранним утром на Скобелевской пл. появился вражеский броневик и начал обстреливать Совѣт. По непредвиденной случайности внутри здания разорвалась бомба. «Паника была сделана порядочная», — вспо-

^{*)} Дѣятели ВРК подчеркивают, что они фактически через «нейтральных» узнавали о многом, что дѣлается в КОБ.

^{**}) Некоторые мемуаристы относят его даже на 1 ноября.

минает Игнатов. Но «товарищи» при орудіях не растерялись, и чрезмѣрно смѣлый броневик был стогнан. Болѣе откровенный Давыдовскій поясняет, что при появленіи броневика (из Козьмодемьяновскаго пер., со стороны Б. Димитровки) и при первом же выстрѣлѣ «всѣ шесть орудій» оказались оставленными прислугой. Всѣ, находившіеся на площади, бросились «в паникѣ скрываться». Воображеніе уже рисовало за броневиками «грузовики с пѣхотой». Будзинскій добавляет лишнюю деталь: артиллеристы «крѣпко спали, выпивши вина, кѣм то заботливо доставленнаго» *). (Напомним, что Вейгер и 29-го нашел орудія на Скобелевской пл. без прислуги и солдат, не двигавшихся, «когда их вызывали»).

В описанном налетѣ непосредственное участіе приняла дружина Жилинскаго. Уже тогда, ночью 3 ноября, скрываясь от ареста у нас на квартирѣ, он рассказывал о своих походах. По его словам, не только Скобелевская площадь, но и весь Совѣт опустѣл в одно мгновеніе. Нападавшіе проникли в самое зданіе — их было только 11 человек. Повидимому, паника, создавшаяся в Совѣтѣ, вновь побудила ВРК приготовиться к эвакуаціи в районы. То ли оппозиція среди воинствующих руководителей районов, пообѣщавших «разогнать» ВРК, то ли призыв «к порядку» со стороны тѣх самых резервов, которые при налетѣ так позорно бѣжали, а тут обѣщали: «умереть, но не оставить московскаго Совѣта», но фактически эвакуація ВРК вновь не произошла. Вѣроятно же всего, отсутствіе «грузовиков» с пѣхотой постепенно успокоило нервы растерявшихся «вождей». Один из них, не занимавшій командных постов, организовал отряд из 15 человек и, продвигаясь по Тверской от угла к углу, от ворот к воротам, отѣснил юнкеров, слишком приблизившихся к Совѣту, так что «пули начали шлепаться на площади».

Так было в центрѣ. На периферіи один за другим ликвидировались изолированные очаги сопротивленія. При описаніи мемуаристами этих «ликвидаций» установился уже своего рода шаблон, который повторяется в разных районах. Прототипом может служить рассказ Пече о захватѣ Алексѣевскаго военнаго училища в Лефортовѣ. В осадѣ находилось около 400 юнкеров, считая дѣтское населеніе в кадетских корпусах — около тысячи. В воображеніи мемуаристов эти цифры превратятся в «нѣсколько тысяч офицеров и юнкеров»**). Казалось бы кому, как не Пече, по долгу ВРК было поручено общее руководство военными операціями в районѣ, знать подробности военных дѣйствій и сдачи Лефортовскаго училища. По его словам, никакой стрѣльбы не было, и тяжелыя орудія «ковыряли» землю, очевидно только в ушах

*) Дальше у автора идет безпредѣльная, наивная демагогія. Пьяные артиллеристы не были случайностью. Когда солдаты дѣлали обыск, они «всегда» наталкивались на весьма обильно заставленные напитками столы, при чем хозяева радушно предлагали «солдаткам» подкрѣпиться. Это была «организованная попытка разложить солдат и красногвардейцев и в пьяном угарѣ затопить движеніе».

**) Повѣствованіе Демидова, очевидно, слѣдует отнести к общежитію вольноопредѣляющихся, в котором забаррикадировались всего 60 человек, или, быть может, к школѣ прапорщиков георгіевских кавалеров в Крутицких казармах, занимавшей скорѣе «нейтральную» позицію.

перво возбужденных делегатов в Царском Павильонѣ. Шестидюймовыя орудія дѣйствительно были на лицо, но не было снарядов. «Я предложил, — рассказывает Пече, — штабу пойти на хитрость, так как никто не знал, имѣются ли у нас снаряды или нѣтъ. Для наступленія имѣлось вооруженных берданками человекъ 90 противъ 500 юнкеров, вооруженных пулеметами, винтовками и массой гранат... Мы дали осажденнымъ 5 минут на размышленіе, общая в случаѣ сопротивленія вдрызг разбить их артиллеріей. Не прошло 5 минут, как юнкера выбросили бѣлый флаг. Большинство из них понеслось через пруд по насланному мостику к забору, побросав оружіе. Бѣжавшихъ было человекъ 300—400. Наша дѣль немного струсила, открыв юнкерамъ свободный путь. Мы взяли в плѣн 107 человекъ, трофеи, нѣсколько тысячъ новѣйшихъ винтовок».

В своей книгѣ Пече все-же предпочелъ эту версію изложить уже не от своего имени, а вложить ее в уста т. Демидова, руководителя района, подтвердивъ «полностью» достовѣрность рассказаннаго, но отнесеннаго уже к исторіи захвата школы прапорщиков у Введенскаго Народнаго Дома*). Другіе по другому рассказываютъ эпизоды, связанные с осадой Алексѣвскаго училища. Оно два дня обстрѣливалось прямой наводкой из орудій тяжелой артиллеріи. Очевидно, стрѣляли плохо**), если послѣ 20 выстрѣлов на близкомъ разстояніи, почти в упор, главнымъ образомъ по входнымъ воротамъ, не причинили значительныхъ поврежденій. Алексѣвское училище сдалось 31-го — очевидно, тѣ, кто остались в училищѣ. Бѣжавшіе перебрались в Александровское училище, — как то косвенно подтверждаетъ одно из сохранившихся в архивѣ ВРК распоряженій Штаба. Дошел до нас и протоколъ сдачи, подписанный и. д. начальника училища полк. Авсюком***) и комиссаромъ Лефортовскаго района, упомянутымъ выше Демидовымъ. В протоколѣ очень подробно оговорена личная неприкосновенность всѣхъ находившихся в Алексѣвскомъ училищѣ, в районѣ 1-2-3 кадетскихъ корпусовъ и фельдшерской школы; оговорено, сколько пуль для двухъ револьверовъ могутъ имѣть офицеры, сохраняющіе личное оружіе. Училищному комитету предоставлялось даже право отвода карауловъ, если окажется, что охраняющая часть нарушаетъ условія личной и имущественной безопасности и т. п. Оговаривается, что находящіеся в зданіи училища не отвѣчаютъ за дѣйствія юнкеровъ в городѣ и т. д. Все это не помѣшало сдавшихся отправить в лефортовскую военную тюрьму, а впоследствии от имени района требовать от ВРК преданія юнкеровъ суду.

Для полноты картины слѣдуетъ добавить, что по исчисленію мѣстныхъ исторіографовъ, районъ потерялъ 16 человекъ во время боевъ в Москвѣ, считая и тѣхъ, которые дѣйствовали в центрѣ. Один изъ

*) По сообщенію Штаба в Ставку в Алексѣвскомъ училищѣ оставалось двѣ роты юнкеровъ.

**) Первый разъ стрѣльнули так, что снарядъ пролетѣлъ 12 верст и убилъ 5 человекъ. Откуда это узналъ мемуаристъ, я, конечно, не знаю.

***) По большевицкимъ даннымъ Авсюкъ, будто бы, тотчасъ же послѣ сдачи предложилъ противнику свои услуги. Если это было так, то, можетъ быть, этимъ объясняется и преждевременная сдача училища.

них погиб при «взятии» Алексѣевского училища. Наконец, архив ВРК сохранил, вѣроятно, единственный в своем родѣ документ из исторіи вооруженных возстаній, сообщающій о плѣненіи в кадетских корпусах дѣтей 8—12 лѣт и испрашивающій разрѣшеніе передать дѣтей родителям, которые «просят их взять».

По мѣрѣ того, как в районах ликвидировались центры сопротивления, освобождались и районныя силы ВРК. В засѣданіи 1-го ноября обсуждается план рѣшительных дѣйствій в центрѣ. Эти дѣйствія, по предложенію Замоскворѣцкаго района, должны заключаться в обстрѣлъ Кремля, Думы и Штаба тяжелыми орудіями и бомбами с аэропланов. Припомним, что еще 28-го московская ленинская гвардія, в лицѣ Голенко, предлагала не стѣсняться «разрушеніем» Кремля, а если надо, то «снести весь центр». «Дальнейшее промедленіе, — писал Замоскворѣцкій район под руководством проф. астрономіи Штернберга, — может весьма губительно отразиться на успѣхах революціи». Но «снести весь центр» все-же многим казалось чудовищным. Игнатов вкладывает в уста Ногина слова: «мы можем, дѣйствительно, дойти до того, что нам каждый честный человек прекратит подавать руку». Единогласно принята тѣм не менѣе резолюція, в секретарской записи, формулирована так: «План в общем и цѣлом районнаго собранія принят в смыслѣ рѣшительнаго выступленія на Александровское училище и Кремль, но против метанія бомб с аэропланов и бомбардировки городской Думы» (исключеніе для Думы, очевидно, сдѣлано потому, что КОБ выселился из Думы в Кремль, предоставив думское помѣщеніе под раненых).

В Замоскворѣчьи за подписью Аросева сообщалось: «Мы еще вчера (т. е. 31-го) послали вам спѣшный приказ о необходимости открыть огонь ранним утром по Кремлю... Если есть артиллерія и в другом мѣстѣ, то тоже необходимо открыть огонь по Александровскому училищу». Но Замоскворѣчье, находившееся под бдительным надзором партійнаго «боевого центра», спрашивало только «мнѣніе» центра, а вовсе не распоряженія. Поэтому, не дождавшись даже отвѣта, проф. Штернберг стал бомбардировать Кремль шестидюймовками, установленными на противоположном берегу Москва-рѣки. За Штернбергом послѣдовали и другіе — начала дѣйствовать тяжелая артиллерія.

Москва вступила в полосу того, что я назвал психологическим ужасом. Его охарактеризовать можно словами самих большевиков. Давыдовскій рассказывает, на примѣр, о том, как 2 ноября брали гостиницу «Метрополь» на Театральной площади. «Дѣйствіе из 3-дм. пушек по «Метрополю» было не достаточно... Брать же «Метрополь» пѣхотой, когда противник не подавлен артиллерійским огнем, было невозможно... Явилась необходимость примѣнить тяжелую артиллерію... Картина была ужасающая. Снаряды то и дѣло, ударяясь о стѣны гостиницы, рвались с неимоверным треском. Со стѣн на тротуар летѣли кирпичи, желѣзо, стекло. Точно

в какой-то гигантской ступѣ кто-то дробил сильно звенящій предмет»... Послѣ двухчасового обстрѣла гостиницы, юнкера в «Метрополѣ» смолкли. Была «подтянута пѣхота», которая в количествѣ «человѣкъ тридцати» бросилась на приступ через угловыя разбитыя витрины. Юнкера ушли. «Незамѣтно ушли», по выраженію будущаго президента чехословацкой республики Масарика, бывшаго в момент бомбардировки в «Метрополѣ». В плѣн было захвачено 8 человѣкъ и 4 пулемета и несчастная публика — «старикки, старухи, женщины и дѣти, скопившіеся во внутренней темной комнатѣ»^{*)}).

По подсчету сидѣвшаго в Кремлѣ Бартенева из Замоскворѣчья было сдѣлано по Кремлю до 20 ударов из тяжелой артиллеріи. Если разрушенія от артиллерійской стрѣльбы, в сущности, оказались в Кремлѣ незначительными, а в других мѣстах мало или почти незамѣтными, то, на мой взгляд, это слѣдует объяснить той психологіей стрѣлявших, с которой мы встрѣтились при обстрѣлѣ Зимняго Дворца в Петербургѣ. Вся эта подчас бессмысленная стрѣльба в Москвѣ, оставившая очень яркіе слѣды на домах, стѣны которых были изрѣшетены пулями, на облупленной штукатуркѣ, на обвалившихся карнизах и пр., имѣла свой политическій смысл: люди по другому не хотѣли стрѣлять. И во всяком случаѣ не многочисленный командный состав, который формально был привлечен к орудійному обстрѣлу Москвы, искал всякаго повода для того, чтобы уклониться от стрѣльбы. Сохранилось, напримѣр, донесеніе от 2 ноября подполковника, командовавшаго 7 отд. пол. дивизионом, расположенным на Воробьевых горах, который увѣдомлял ВРК о невозможности стрѣльбы за отсутствіем «таблиц» — при таких условіях снаряды могут ложиться в расположеніи «революціонных» войск. (Скорѣе всего с Воробьевых гор вообще обстрѣла не было). Появлялись, правда, чужаки, которым мало было дѣла до Кремлевских «святынь» — так одним из налаживавших обстрѣл явился артиллерист из военноплѣнных, маіор австрійскаго ген. штаба Титц. Может быть, ему и принадлежит честь разрушеній, сдѣланных в Кремлѣ.

Не столь уже надежной и преданной дѣлу «пролетаріата», насколько его осуществлял ВРК, оказалась и ходынская артиллерія — 1-ая артиллерійская бригада, нѣкоторыя батареи которой дѣйствовали на улицах Москвы (преимущественно 5-ая батарея, «грудью своей отстаивающая Совѣты Р. и С. Д.»). Приказ ВРК 30 октября требовал немедленной присылки снарядов, но революціонный бригадный комитет рѣшительно отказался выполнить этот приказ. Пришлось снаряды экстренно отыскивать на Лосиноостровском складѣ и оттуда подвозить их тѣм, которые «грудью отстаивали» дѣло ВРК. В бригадном комитетѣ «нѣкоторые товарищи» послѣ перемирія не только выражали надежду на то, что этим «борьба кончится» — престокол ВРК 1 ноября упоминает о «погромном настроеніи» в бригадѣ и отмѣчает требованіе представителя ходынских артиллеристов послать немедленно

^{*)} «Солдаты вели себя великолѣпно», — добавляет повѣствователь. — «Только лишь в отдѣленіи почты я наткнулся на попытку грабежа. Нѣсколько солдат пробовали взломать желѣзную кассу»...

«агитаторов» для «воздѣйствія на бригадныя массы». В данном случаѣ термин «погромное настроеніе», очевидно, слѣдует расшифровать не в обычном смыслѣ возможных эксцессов — здѣсь шла рѣчь о настроеніи политическом и не в пользу ВРК.

В докладѣ ВЦИК в Петербургѣ 6 ноября Бухарин подчеркивал то обстоятельство, что большевики отказались от примѣненія в борьбѣ аэропланов, пользуясь которыми можно было бы разрушить гнѣзда контр-революціоннаго Штаба. Фактически отказ от средства борьбы, имѣвшаго «моральное значеніе громадное, а силу разрушенія небольшую», объясняется тѣм, что даже самые энергичные агитаторы не смогли, в концѣ концов, организовать летчиков на помощь ВРК.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО « НЕЙТРАЛЬНЫХ »

Часами измѣрялись событія тѣх дней. И до послѣдняго момента у ВРК не было увѣренности в том, что побѣда ему обеспечена. В засѣданіи 1 ноября Смирнов опредѣленно указывает, что одними военными силами достигнуть побѣды нельзя, и предлагает выяснить: через какія нейтральныя группы можно вести переговоры о мирѣ. Секретарская записка отмѣчает: рѣшено «ждать прихода групп, а самим не начинать, обратив на них (т. е. на переговоры) самое серьезное вниманіе»; вмѣстѣ с тѣм, «партийному центру» поручается выработать опредѣленную платформу, на основѣ которой могли бы вестись переговоры. Ожиданіе того, что переговоры возобновятся, объясняется, вѣроятно, тѣм, что наканунѣ в 6 час. ВРК посетила делегация от Совѣта Кр. Д. Трудно сказать, по собственной ли инициативѣ или с вѣдома КОБ, куда формально входили представители «крестьянских депутатов», появилась эта делегация при посредничествѣ с. д. Литкенса. О переговорах ея с ВРК мы знаем только из сообщенія «Извѣстій». Делегацией была выдвинута не жизненная платформа, которая устанавливала как бы status quo ante, до возстанія, с устраненіем только не существующаго уже Временнаго Правительства и замѣной его немедленно организуемым однородным революціонным министерством*). ВРК дал другую формулировку «предварительнаго соглашенія» — в соотвѣтствіи с совѣтской платформой: вся власть совѣтам которые организуют однородное социалистическое министерство**); власть в Москвѣ принадлежит органу, выдвинутому совѣтом.

31- переговоры о мирѣ на такой платформѣ, очевидно, вестись не могли — то было скорѣе зондированіе почвы***). ВРК ждал продолженія инициативы, будучи, конечно, освѣдомлен о тѣх группировках и комбинаціях, которыя создавались в рядах социалистической демократіи послѣ разрыва переговоров ВРК и КОБ,

*) Прекращеніе военных дѣйствій, возобновленіе работы Совѣтов, Думы и Штаба (под контролем Совѣта Сол. Д.), усиленная подготовка выборов в Учредительное Собраніе.

**) Так как нар. социалисты в Москвѣ не числились в рядах так называемых совѣтских партій, то платформа однороднаго социалистическаго правительства получилась укороченная: «кромѣ н. с.».

***) Характерен отвѣтъ, который дала, по словам «Извѣстій», делегация на вопрос об участіи Совѣта Кр. Деп. в КОБ: совѣтъ де не давал своему представителю мандата на борьбу с войсками ВРК.

начатых при посредничествѣ «Викжеля». И тѣ «нейтральныя группы», которыя ожидал ВРК, не заставили себя ждать; их делегація появилась на том самомъ перманентномъ засѣданіи 1 ноября, на которомъ обсуждалось предложеніе Смирнова.

Что новаго было в этихъ комбинаціяхъ? Неожиданный разрывъ 30 октября налаживавшихся переговоровъ произвел нѣкоторую сумятицу в антибольшевицкомъ лагерѣ. При отсутствіи документальныхъ данныхъ пока еще совершенно невозможно болѣе или менѣе точно представить себѣ, что происходило в нѣдрахъ самого КОБ. Милоковъ рассказываетъ о «последнемъ» (?) засѣданіи КОБ вечеромъ 30-го в расширенномъ составѣ при участіи всѣхъ «вольныхъ и невольныхъ обитателей зданія» осажденной (?) Городской Думы, включая, между прочимъ, и единственнаго представителя к. д. Юренева*). Выслушанъ былъ докладъ Руднева, возлагавшаго «всю вину за неизбѣжное продолженіе борьбы исключительно на большевиковъ». В тонѣ самооправданія велись «дальнѣйшія пренія», — добавляетъ Милоковъ. Не совсѣмъ понятно, что хотѣлъ сказать авторъ этой характеристикой. Почти несомнѣнно, что никакого расширеннаго засѣданія КОБ с отвѣтственными рѣшеніями в этотъ вечеръ не происходило. Дѣло ограничилось естественной информацией о критическомъ моментѣ в исторіи московскаго возстанія, и, вѣроятно, выслушать эту информацию собрались болѣе или менѣе всѣ «вольные и невольные обитатели зданія».

Изъ сообщенія меньшевицкой газеты «Впередъ», напечатаннаго на другой день, можно узнать, что КОБ, признавая новыя условія ВРК неприемлемыми (квалифицируя ихъ терминомъ «предательство») и не рѣшаясь принять на себя отвѣтственность за самостоятельное рѣшеніе, пригласилъ прибыть в Думу по одному представителю отъ каждой партіи и по два отъ каждой думской фракціи. Дѣло шло, конечно, только о представителяхъ социалистическихъ партій — вѣрнѣе даже о представителяхъ такъ называемыхъ нейтральныхъ организацій». Мы ничего не знаемъ объ этомъ собраніи. Состоялось ли оно? Кто на немъ присутствовалъ? Кто получилъ эту призывную «телефонограмму»? О чемъ говорили? И до чего могли договориться? По связи с этимъ совѣщаніемъ (или независимо отъ него), по инициативѣ меньшевиковъ нейтральные создали «блок» социалистическихъ партій в дѣлахъ организованно оказывать давленіе на борющіяся стороны. В «блок» вступили и соц.-демократы объединенцы, продолжавшіе оставаться в ВРК и вышедшіе изъ него послѣ отказа ВРК продолжать перемиріе. Политическая позиція меньшевиковъ отчетливо была выявлена в статьѣ, напечатанной в томъ же № «Впередъ». Сущность ея сводилась къ положенію: если ВРК даже временно восторжествуетъ, то власти не удержитъ и будетъ смѣненъ организованной контр-революціей; не приходится ждать спасенія демократіи и отъ побѣды КОБ, ибо его побѣда также откроетъ ворота контр-революціи — не даромъ на горизонтѣ появился уже «зловѣщій призракъ Корнилова» (этотъ символъ становится трафаретомъ). Положеніе можетъ быть спасено только ликвидаціей меж-

*) Юренивъ рѣшительно отрицалъ в бесѣдѣ со мной какое-либо свое участіе в политическихъ совѣщаніяхъ КОБ.

доусобія в рядах соціалістической демократіи. Московскіе меньшевики безоговорочно присоединились к лозунгу, звавшему к організації однородной соціалістической власти с большевиками включительно, и шли таким образом дальше своих петербургских товарищей, с самаго начала устраняя всё их сомнѣнія и колебанія. Принципіальныя разногласія отступали на задній план перед насущной потребностью мира, диктуемой болѣзненным и нервным воспріятіем московской обстановки.

Авторитет и значеніе «блока» всецѣло однако зависѣли от той реальной базы, на которую он мог опираться. Одного платоническаго сочувствія в рядах трудовых масс было слишком еще мало для того, чтобы повернуть политической руль в сторону мирной ликвидаціи «преступной авантюры» большевиков. Между тѣм даже в наиболѣе сознательной части московскаго пролетаріата противодѣйствіе авантюръ не выходило за предѣлы пассивнаго выжиданія. Яркую иллюстрацію можно найти в тактикѣ и в резолюціях московских печатников. Заглянем 30-го на многочисленное собраніе рабочих в типографіи Сытина. Присутствует свыше 1000 человек. Резолюція принимается всѣми голосами против 30. Она гласит: «Общее собраніе..., заслушав заявленія представителей большевиков Бухарина и Скворцова о печатаніи «Извѣстій» и «Листков», постановило: препятствій печатанію не чинить, но не помогать этому дѣлу. Что же касается текущих дѣйствій гражданской войны на улицах Москвы, собраніе считает, что вызванная настоящая бойня ставит в опасность жизнь невинных граждан, в том числѣ женщин и дѣтей, и с другой стороны сама текущая бойня за 12 дней до созыва хозяина земли русской — Учредительнаго Собранія — не объединяет всѣх революціонных сил Россіи, а изолирует рабочій класс и грозит затопить в крови не только жизни людей, но и всѣ завоеванія русской революціи. Находя, что настоящая война на улицах столицы, в конечном счетѣ, независимо от того, на какую сторону будет временный перевѣс сил, сыграет на руку... контр-революціи... общее собраніе рабочих типографіи Сытина, не желая итти против рабочаго класса и солдат, выступивших с оружіем в руках на улицах Москвы, увлеченных большевицкими лозунгами и их руководством, не может, с другой стороны, поддерживать явно гибельную для революціи и рабочаго класса политику большевиков, поэтому общее собраніе приложит всѣ усилія к тому, чтобы повліять на обѣ стороны в смыслѣ немедленнаго прекращенія гибельной бойни и единым революціонным фронтом довести страну до Учредительнаго Собранія с предоставленіем полной и широкой свободы печати и слова всему населенію Россійской Республики».

Эту позицію трудно даже назвать «активным нейтралитетом» по отношенію к тѣм, которых через нѣсколько дней резолюція рабочих типографіи Кушнерева называла «соціалістическими самодержцами»... Такое настроеніе мало соответствовало теоретическим предположеніям блока: мы предполагали «от имени широких масс населенія потребовать» прекращенія борьбы и «заставить» подчиниться посредничеству — так формулирует первоначальныя задачи блока в своих воспоминаніях Кузовков.

* * *

Политическая позиция КОБ мало чем отличалась от платформы нейтрального блока. Милюков в своем тексте приводит выдержки из «воззвания», опубликованного КОБ 21 октября и обращенного к «гражданам и товарищам». Приведу его in extenso в изложении Милюкова: «Комитет Безопасности, считая единственным условием прекращения военных действий — ликвидацию большевистского военно-революционного комитета, очищение отрядами в. р. комитета занятых ими пунктов и возвращение Москвы к нормальному порядку». «Победив насилия Комитет противопоставлял, на основании соглашения с «Викжелем», организацию временной власти на основах ответственности нового правительства перед органами революционной демократии и социалистического его состава». В существующей литературе я не нашел никаких следов такого «воззвания» 31 октября. По всему контексту можно заключить, что здесь историк излагает ту самую платформу, которая была принята по соглашению с «Викжелем» до начала переговоров о мире с ВРК — следовательно ничего нового здесь не было*). Возможно, конечно, что 31-го и произошло какое-нибудь внешнее выявление той политической линии, которую должен был проводить КОБ по соглашению с «Викжелем». На то были некоторые специфические предлоги, если даже считать, что совещание КОБ с нейтральными не состоялось. Это совещание могло подтолкнуть КОБ на официальное как бы опубликование своей политической платформы, но еще большую в этом отношении роль могла сыграть позиция, которую склонно было занять после неудачи переговоров 29—30 октября московское бюро «Викжеля». Московское бюро с первых же дней заняло более решительную позицию, нежели переѣхавший в Петербург центр «Викжеля». Оно требовало непосредственного вмешательства в борьбу и не удовлетворялось нейтралитетом, хотя бы и «активным». «Ваша позиция чисто случайная», — говорили представители московского бюро своим петербургским товарищам 27 октября. В Москве «мы положительно не можем быть без этой определенной позиции». «Наши представители» вошли в КОБ, — заявляли москвичи. На первых порах московское бюро, или по крайней мере его большинство, определенно выдвигает лозунг организации однородной социалистической власти без участия в ней большевиков и пытается убедить петербуржцев принять именно такую формулировку и этим привлечь симпатии широких слоев демократии**).

Чрезвычайно важно признание со стороны представителей самого «Викжеля» участия последнего в КОБ. Это вносит существен-

*) Это приходится отметить потому, что Милюков придает большое значение новой политической платформе КОБ, повлиявшей на изменение настроения среди сражавшихся на стороне КОБ. Ниже мне еще придется коснуться этого вопроса.

***) Между членами московского бюро впоследствии возникла полемика по этому поводу, и те, кто вошли в русло большевизма, отреклись от приписываемой им позиции, заявляя, что подобная передача в Петербург дѣлалась от имени эс-эровской части московского бюро. Доля правды в этом была.

венную поправку хотя бы к воспоминаниям Вознесенскаго. Описывая первое засѣданіе КОБ, на котором опредѣлялась тактика по отношенію к возставшим, Вознесенскій рассказывает: «...одним из членов Комитета был задан вопрос, будет ли оказана Всер. Жел. Союзом поддержка КОБ. Не помню кто, но, кажется, представитель Почт. Тел. Союза или Совѣта С. Д. заявил, что... «Викжель» безусловно окажет поддержку, что делегат «Викжеля» должен был присутствовать сегодня на собраніи и запоздал, очевидно, случайно. Это неспростѣнное, безотвѣтственное заявленіе имѣло глубокое и рѣшительное вліяніе на собравшихся. Разсчитывая на поддержку Ставки, которая при помощи «Викжеля» могла перебросить свои войска к Москвѣ через два дня, члены КОБ склонились на сторону перехода к активным дѣйствіям против ВРК».

Под давленіем Петербурга представители «Викжеля» стали, однако, уклоняться от участія в КОБ — их подпись не фигурирует под воззваніем КОБ. А 29-го они выступают уже, как нейтральные посредники. Неудача в посредничествѣ вновь ставит перед московским бюро вопрос о нейтралитетѣ. «Пассивное состояніе абсолютно невозможно. Обѣ стороны считают, что мы их предаем», — передает бюро в Петербург 30-го. «Поступок большевиков (т. е. отказ от перемирія) поставил нас перед вопросом об отказѣ от состоянія нейтралитета и предоставленіи себя, как технического аппарата, в распоряженіе КОБ. У нас этот вопрос рѣшен положительно и не скроем — ваше перерѣшеніе его ставит перед нами дилемму или не подчиняться вашему постановленію, или сложить с себя полномочія бюро и предоставить дорогам московскаго узла самоопредѣленіе позиціи и развитіе ужасной катастрофы». «Нам с вами говорить нечего, господа генералы от масс», — заключают московскіе викжельцы. Но Петербург 31-го убѣждает сохранять старую позицію, так как совѣщанія о конструкціи правительственной власти продолжаются и предполагается «сегодня ночью достигнуть соглашенія». Московское бюро под вліяніем полученной информаціи рѣшило воздержаться от перехода на сторону КОБ.

Такова приблизительно схема взаимоотношеній «Викжеля» с московским КОБ. Подлинный текст переговоров между Москвой и Петербургом нам недоступен и приходится пользоваться лишь отрывками, которые попали в печать. Колеблющаяся политика почти всегда приводит к недоразумѣніям. Так было и в данном случаѣ. «Один из видных членов Комитета Безопасности» впоследствии говорил Милюкову: «Между нами не было ни одного сторонника однороднаго социалистическаго министерства. Но что было бы, если бы мы сказали, что не признаем этого лозунга? «Викжель» остановил под Москвой подходившія войска и обѣщал пропустить их лишь послѣ исполненія его требованій. Военные убѣждали нас не упорствовать и соглашаться на что угодно. Члены комитета, вызванные в Александровское училище, были опрошены по-именно, и всѣ поголовно согласились нести отвѣтственность

за состоявшееся рѣшеніе*)). На основаніи этих мемуарных свидѣтельств и историк в своем текстѣ опредѣленно говорил: «Викжель заявил, что он только под тѣм условіем допустит подвоз к Москвѣ войск, готовых поддержать Временное Правительство, если Комитет Безопасности согласится на созданіе однородного (т. е. чисто социалистическаго) министерства».

В такой упрощенной и прямолинейной постановкѣ вопрос никогда не ставился московским бюро «Викжеля». Послѣ разрыва переговоров с ВРК и московское бюро, дѣйствительно, готово было рѣшительно поставить вопрос о пропускѣ задержанных с фронта войск. Но колебанія не претворились в жизнь. Возможно лишь одно предположеніе: член бюро «Викжеля» с. р. Гар, посредник между «Викжелем» и КОБ, свои собственныя desiderata и предположительныя рѣшенія, потом отмѣненные, передавал Комитету за окончателныя. Гар, как мы могли видѣть, в своем нервном состояніи склонен был вообще на преувеличеніе. Члены КОБ самообманывались, невольно этот самообман передали Штабу и выжили его впоследствии историкю.

Возможно, что этот викжелевскій мираж и побудил КОБ сдѣлать то публичное выступленіе, о котором упоминает Милюков. Одно остается непонятным — это оправдательный тон, с которым дѣятели КОБ поясняют причины, почему они вынуждены были согласиться на идею организаціи однороднаго социалистическаго министерства. Вызывает это недоумѣніе потому, что формула однородной социалистической власти отнюдь не была выдвинута «Викжелем». Она сдѣлалась практическим лозунгом дня, так как другого выхода из сложившейся политической обстановки, казалось, уже не было — в октябрьскіе дни отсутствовала реальная база, на которой могло бы вырасти новое коалиціонное правительство. Один из самых послѣдовательных защитников в социалистическом лагерѣ идеи коалиціоннаго правительства, как лучшей формы сотрудничества всѣх социальных сил страны, руководитель КОБ Руднев должен был в засѣданіи Городской Думы, собравшейся, вопреки запрещенію, 15 ноября, признать, что в данный момент коалиціонное правительство было бы обречено на «тяжелыя испытанія»; в боевые дни, когда отвергалось всякое официальное участіе «цензовых» элементов в руководствѣ борьбой, и когда это руководство цѣликом переходило в руки только социалистической демократіи, эти трудности были бы еще болѣе непреодолимы: само Временное Правительство в подпольном своем существованіи 1 ноября высказалось «за однородное социалистическое правительство без большевиков»**).

Такова была психологія момента. «Викжель» ее учитывал и ставил своей задачей примирить два враждующих крыла социали-

*) Не совсѣм ясно, что слѣдует подразумѣвать под фразой, что члены КОБ «согласились нести отвѣтственность за состоявшееся рѣшеніе». Повидимому, это и не совсѣм точно, так как к. д. Бурышкин отказался участвовать в баллотировкѣ вопроса об однородном министерствѣ. Вначалѣ возразил и член нар. соц. партіи.

**) Руднев по поводу позиціи «Викжеля» тогда сказал: «Это не было явственным насиліем, хотя было предъявлено в видѣ опредѣленнаго ультиматума». «Созданіе такого правительства мы считаем возможным».

стической демократии. Политически он выступал только сватом, и именно это сватовство вызывало отпор в рядах непримиримой в отношении большевиков части социалистической демократии. Формула организации правительства от большевиков до н. с. противопоставлялось создание однородной власти без большевиков. Как это ни странно, в московском КОБ скобки не раскрывались, поэтому и не было тех споров, которыми отмечены петербургские совещания при Викжелъ. А в этом между тем была вся принципиальная суть: с большевиками или без большевиков. Отстранив от себя рассмотрение политического вопроса во всероссийском масштабе, КОБ рассматривал лишь организацию временной местной революционной власти — и в этом отношении участие большевиков никогда не ставилось им под сомнение. Так было в комбинированной формуле, выдвинутой по соглашению фракций в заседании Совета в Политехническом Музее 25 октября, так было и во всех последующих комбинациях, рождавшихся в процессе переговоров с ВРК. С полным поэтому основанием пом. команд. войсками Ровный передавал 29-го Дитерихсу в Ставку: о правительстве нет принципиальных разногласий ни у КОБ, ни у возставших.

**

В силу очерченной обстановки отвлеченная для Москвы формула построения будущей центральной власти мало интересовала и посредников. Политически дело шло только о конкретных комбинациях построения местного временного органа власти и о реальном соотношении сил в этом будущем органе. ВРК желал лишь обеспечить себе большинство, делая те или иные уступки в количестве представительства от тех общественных организаций, из ядра которых должна была выйти власть, в зависимости от психологической оценки момента. И ВРК, и посредники, и КОБ одинаково оперировали одними и теми же корпоративно-профессиональными фикциями.

Избегая принципиальных вопросов, естественно казалось легче договориться и о технической ликвидации «междоусобия в социалистическом лагере». Посредники, объединившись в «блок», продолжали также перманентно заседать вместе с представителями «Викжеля» все в том же Царском Павильоне. Формально в блок участвовали лишь те, которые занимали нейтральную позицию, но в «частном порядке» присутствовали и участвовали в обсуждении вопросов отчасти и представители тех общественных организаций, которые числились в рядах сторонников КОБ.

«Нейтральные» всегда встречались с «особой предупредительностью» в ВРК, как свидетельствует один из деятелей «блока» с. д. Кузюков, примкнувший впоследствии к большевикам и пока единственный записавший свои впечатления от этих дней. Пришли они и 1 ноября, отчасти побуждаемые «посланцем» от Совета. Пришла с. д. Ломтаидзе, работавшая в ВРК, и сообщила, что большевики готовы отступить перед ужасами, связанными с продолжением борьбы, и ждут, чтобы кто-нибудь выступил по-

средником. Ясно, что «посланец» выполнял свою закулисную миссию по инициативѣ самого ВРК согласно с предложениями, сдѣланными Смирновым.

Тот же протокол засѣданія ВРК 1-го ноября рассказывает и о нѣкоторых деталях посѣщенія ВРК представителями блока в лицѣ 5 соц.-дем. объединенцев. Прежде всего заслушана была информация прїѣхавшаго из Петербурга Ст. Вольскаго. Он давал крайне пессимистическую оцѣнку положенія с точки зрѣнія шансов большевиков. В стратегическом отношеніи полная побѣда Керенскаго, в распоряженіи котораго казаки и кавалерія. У большевиков, совершенно изолированных, «разруха политическаго и военнаго аппарата», и, кромѣ того, крайне обостренный продовольственный кризис. Готовится германскій десант около Або. Дальнѣйшее «является жизнью или смертью пролетарской борьбы», и продолженіе междоусобицы с точки зрѣнія общероссійской губительно. В Петербургѣ уже состоялось практическое соглашеніе и там приходят в ужас от того, что дѣлается в Москвѣ. Там соглашеніе, здѣсь баррикадная борьба.

Московскій ВРК сравнительно плохо был освѣдомлен о петербургских дѣлах и настроеніях*). Информация Вольскаго явно произвела впечатлѣніе. На перебой члены ВРК указывают, что не может быть и рѣчи о перемиріи — оно недостижимо в силу озлобленности обѣих сторон. Надо говорить об условіях мира. ВРК предлагает конструировать власть на той самой платформѣ, которую якобы выдвигал Сидович 30-го при переговорах с КОБ: созданіе временнаго комитета из 17 человек — из них 7 от совѣта и по 1 представителю от всѣх других организацій (в том числѣ и от Городской Думы).

«Ваши условія организаціи власти, — заявляет представитель посредников Волгин, — с нѣкоторыми редакціонными измѣненіями могут быть прїемлемы, тут лишь видимость власти совѣтов. Стоит ли из-за этого вести войну?» Болѣе сложен вопрос об юнкерах. Члены ВРК настаивают на разоруженіи — это необходимо по психологіи солдат и рабочих. С. д. Романов соглашается с тѣм, что сохраненіе оружія у юнкеров не в интересах социалистов. «Разоруженіе необходимо», добавляет и Вольскій, — но важно не «ставить на колѣни», а обезвредить для предотвращенія гражданской войны. Для того, чтобы добиться соглашенія, надо «оставить юнкерам маленькую возможность не думать: капитулировать или биться до послѣдняго человека». «Разоруженіе, — отмѣчают члены ВРК, — всѣ мы признаем, нужно сдѣлать без оскорбленій и за лояльное отношеніе к юнкерам РК может поручиться». Сходятся на том, что юнкеров надо временно разоружить, а потом оружіе вернуть.

«Остается лишь эти условія передать, и там обсудить дальнѣйшіе шаги», — заявляют делегаты от социалистическаго бюро. Чле-

*) Плохо освѣдомленіе было взаимно. Напримѣр, в специальном «Бюллетенѣ» ЦК партіи большевиков, выходившем в октябрьскіе дни, можно прочитать в № 2 от 29-го октября: «власть в Москвѣ перешла к совѣтам», а 30-го октября (№ 3): в Москвѣ «снова возстаніе». Возстали юнкера и, как оказывается, «французскія войска».

ны ВРК соглашаются немедленно послать своих представителей на совѣщаніе, как только будет извѣстно, что противная сторона согласилась на выработанныя условия.

Засѣданіе затянулось. Лишь в 4 часа утра возвращается делегация блока из ВРК. Обсуждают выработанныя условия. Объединенцы и лѣвые с. р. предлагают совѣщанію блока от имени нейтральных партій потребовать от КОБ «сдачи». Меншевики, бундовцы и представители Совѣта С. Д. считают, что подобным требованіем будет нарушен принцип нейтралитета. Переходят к обсужденію политической комбинаціи. Предложеніе ВРК явно не может удовлетворить Думу, которая в будущем временном органѣ власти получает всего лишь одного представителя. ВРК мотивировал это рѣшеніе тѣм, что он не может послѣ кровопролитія принять Думу на равныхъ условіях, так как этого не допустят солдаты и рабочіе. Ищут выхода и ни к чему опредѣленному не приходят. На засѣданіи появляется представитель КОБ с.-р. Студенецкій. Он нащупывает почву для перемирія и предлагает блоку вмѣшаться для того, чтобы остановить кровопролитіе и разрушеніе города.

Уже свѣтает. Представители «Викжеля» докладывают совѣщанію обращеніе КОБ, переданное им в ВРК. Это ликвидація. «Артиллерійскій разстрѣлъ Кремля и всей Москвы, — гласит обращеніе КОБ, — не наносит никакого вреда войскам, а разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избіенію мирных жителей. Уже возникают пожары и начинается голод. Поэтому в интересах населенія Москвы КОБ ставит ВРК вопрос: на какихъ конкретныхъ условіяхъ ВРК считаетъ возможнымъ немедленно прекратить военныя дѣйствія. С своей стороны КОБ заявляет, что при данныхъ условіяхъ он считаетъ необходимымъ ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой ВРК, переходя к методамъ борьбы политической и предоставляя будущему разрѣшеніе в общегосударственномъ масштабѣ вопроса о конструкціи власти в центрѣ и на мѣстах».

Приходится прервать хронологическую послѣдовательность событій и оборвать на полусловѣ переговоры блока с ВРК. Рѣшительное слово, предопредѣляющее все дальнѣйшее, уже сказано. Чѣмъ вызвано оно?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

С Д А Ч А

Через 30 слишком лѣтъ при полном почти отсутствіи матеріала встрѣчаешь почти непреодолимые препятствія при попыткѣ изобразить картину умиранія противобольшевицкой акці КОБ. Время производит такіе провалы в памяти современников, что их запоздалыя свидѣтельства, если в свое время они не были записаны, способны только рѣзко исказить психологію дѣйствовавших тогда лиц. Естественно обращаешься к тексту перваго историка октябрьских дней, который составлен был в значительной степени по рассказам участников событій и, казалось, должен бы имѣть всѣ преимущества непосредственнаго свидѣтельства. Но и здѣсь нужны значительные коррективы.

«Ночь с 30-го на 31-ое октября, — пишет Милуков, — была моментом перелома в настроеніи борющихся сторон. Измученная непрерывными усиліями, потерявшая надежду на успѣх перваго быстрого удара и недостаточно снабженная для длительной борьбы кучка защитников Москвы и Россіи, чѣм дальше, тѣм больше чувствовала себя изолированной и от остальной Россіи и от других общественных элементов. Слова «юнкер», «офицер», «студент» сдѣлались бранными словами, и геройскій порыв людей, носивших это званіе, блѣднѣлъ перед пассивным отношеніем и даже явной враждебностью к ним населенія, на защиту котораго они выступили и жертвовали жизнью. Поведеніе командующаго войсками, чѣм далѣе, тѣм болѣе вызывало все болѣе сильныя подозрѣнія. Безполезная уступка, сдѣланная идеѣ «однороднаго» социалистическаго министерства, поставила... вопрос, за кого же, за какую политическую оріентацію они собственно борятся, и какая в сущности разница между «передачей всей власти» совѣтам — и «отвѣтственностью» исключительно социалистическаго правительства перед «органами революціонной демократіи». В довершеніе всего надежда на подход войск к Москвѣ, ради которой была куплена этой уступкой помощь «Викжеля», тоже оказалась призрачной. Никакія войска не подходили, а малочисленные отряды юнкеров терпѣли серьезныя потери или, отрѣзанные, попадали в плѣн большевикам».

Чувствовали ли себя в дѣйствительности защитники Москвы столь изолированно не только топографически, но и социально, оказавшись против своей воли представителями опредѣленнаго класса? Всѣ наблюденія носят субъективный характер. И всегда одному воспріятію можно противопоставить другое. Лично я оченъ

затруднился бы говорить о ненависти «демократического» населения к «бѣлой гвардіи». Этой аргументаціей широко пользовалась тогдашняя публицистика Бухарина и его сподвижников. На мой взгляд она мало соотвѣтствовала настроеніям толпы народной массы. У того ж Милюкова есть довольно яркая иллюстрація, опровергающая его общее положеніе. Он цитирует любопытный доклад о настроеніи уличных масс на третій день борьбы, представленный каким то социалистом-революціонером своему, по выраженію историка, «начальству».

Уличная толпа — это неорганизованная «демократія». Вот как характеризует, напримѣр, доклад многочисленные уличные митинги «ночью» в Сушевском районѣ: «отношеніе к с.-рам — самое отвратительное». Такое же отношеніе к представителям других социалистических партій. Что же настроеніе большевицкое? Отнюдь нѣтъ — скорѣе требованіе предать суду объ организаціи, стоящія во главѣ: и ВРК и КОБ. Вот Пятницкій район — район также демократическій. Опять крики: «долой социалистов, к черту». Обвиненія и Руднева и ВРК. «Выступавшій кадет пользовался огромным сочувствіем». Я бы побоялся на основаніи случайнаго уличнаго митинга и случайных на нем выступленій охарактеризовать настроеніе собравшихся, как настроеніе кадетское. Можно думать, что выступавшій «кадет» скорѣе склонился к нейтралитету, чѣм к активной поддержкѣ социалистическаго КОБ, и этим объясняется его успѣх. В общем мнѣ представляется, что «нейтральные», пытавшіеся мирить враждующія стороны, довольно правильно уловили настроенія массы — остаться в сторонѣ от борьбы и скорѣе положить ей конец. Но это пассивное отношеніе «народа» очень далеко от того чувства классовой ненависти, на котором играет большевицкая публицистика. Я не мог, конечно, наблюдать настроеніе «толпы» в дни активных боев. Такой толпы вообще уже не было — и не только в тѣх районах, в которых мнѣ приходилось вращаться непосредственно. Одна характерная сцена, болѣе позднаго происхожденія, зарегистрирована в том дневникѣ современника, которым мнѣ приходится пользоваться довольно часто. День похорон погибших юнкеров. На трамваѣ большевицанствующая кондукторша с усмѣшкой что-то говорит по поводу встрѣтившейся процессіи.

Рабочій, обращаясь к ней: «Чего смѣешься?» — «10-го плакала, а теперь смѣюсь». — «А я плакал 10-го, плачу и теперь». Весь трамвай оказался на сторонѣ рабочаго, и кондукторша умолкла... Тот же дневник отмѣчает аналогичныя замѣчанія толпы и на Красной площади 10-го: свои своих бьют, мало войны. «Настроеніе незлобивое», — регистрирует запись. На летучих митингах, организованных большевиками в день похорон, скорѣе настроеніе антибольшевицкое.

Часто обозрѣватель заносит, конечно, на страницы дневника то, что ему хочется отмѣтить. Но этот психологическій закон должен быть примѣнен к обѣим враждующим сторонам. И для характеристики подлинных настроеній народных масс нужно ослаблять наличность той «ненависти», которую стремятся отмѣтить лѣтописцы из большевицкаго лагеря. Мнѣ часто приходилось видѣть

юнкеров, заходивших из Александровскаго училища в наш партійный комитет. Вся наша молодежь была там. Но той трагедіи в сознаніи юных защитников Москвы, о которой говорит Милуков, я во всяком случаѣ не наблюдал. Не наблюдает ея и автор цитированной подневной записи. Соціалистическая молодежь должна была бы воспринимать эту трагедію с особо обостренным чувством.

Ни о каком переломѣ настроенія, приуроченном к определенной датѣ, абсолютно нельзя говорить. Боевые дни сплотили военных и сгладили до известной степени то разединеніе между ними в КОБ, которое приходилось отмѣчать в началѣ борьбы. Сам КОБ персонально стал представлять собой нѣчто гораздо болѣе сросшееся, чѣм это было по первоначальному. Поблек и тот партійный флаг, который пооднѣ желала выбросить эс-эровская печать. Вышняя изолированность и внутренняя спаянность переживаніями, связанными с перепитіями вооруженной борьбы, превратили в сущности КОБ в беспартійную группу людей, которая мужественно отстаивала право от насилія. Если Астров в первый день не нашел мѣста в КОБ, то его товарищ по партіи Юренев, вѣроятно, уже болѣе или менѣе, органически сливался с дѣятельностью Комитета в послѣдніе дни; нар. соц. Стааль, не имѣвшій никакого формальнаго отношенія к КОБ, очевидно, не рядился в тогу самозванства, когда говорил впоследствии Милукову: «скрѣпя сердце и идя на тяжелый компромисс, КОБ подчинился требованію «Викжеля»; с.-д. меньшевик Шер б. пом. командующаго московским военным округом, прибывшій из Петербурга, даже принял официальное участіе в переговорах с ВРК со стороны КОБ — не только «без вѣдома партіи», но и в прямое «нарушеніе ея постановленія».

Твердость, проявленная КОБ, скорѣе поднимала его моральный престиж в глазах «правительственной» арміи. До нѣкоторой степени сгладились тренія между КОБ и Штабом, нашелся общій язык с Прокоповичем и неизбѣжно повысился авторитет и самого Рябцова. Вот почему «бѣлогвардейцы» ошетинились, по характеристикѣ большевиков, именно тогда, когда, по мнѣнію Милукова, совершался перелом в смыслѣ нарастанія упадочных настроеній.

Никакого вліянія уступка «Викжелю» на настроеніе борющихся не оказала, но, конечно, имѣли свои роковыя послѣдствія первоначальныя позиціи и организація КОБ. Если моральный авторитет послѣдняго несомнѣнно вырос, то соответственно понизился его политическій вѣс. Руководящая в Комитетѣ партія не смогла выставить партійных сил; не смогла или не сумѣла привлечь широкіе слои населенія и помѣшала вмѣстѣ с тѣм возможной концентраціи сил. Случайная «кучка людей»*), вышше никѣм не поддержанная и изолированная, становилась слабым «политическим прикрытіем» для вооруженной борьбы. В такой постановкѣ, дѣйствительно, должен был в критическій момент встать вопрос: во имя чего и во имя кого продолжать сражаться до послѣдней крайности без надежды на успѣх. Он и встал вечером 1-го ноября на

*) Выраженіе Филатьева в цитированном не раз докладѣ.

совѣщаніи в Александровском училищѣ при участіи представителей КОБ.

Тот же вопрос одновременно и, быть может, даже раньше встал в сознаніи всѣх тѣх общественных элементов, которые так или иначе поддерживали КОБ. 31-го октября появилось обращеніе командующаго войсками к населенію, призывающее «всѣх и словом убѣжденія и силою оружія не допускать установки артиллеріи на улицах Москвы». Ободряя населеніе тѣм, что защитники Москвы не одиноки, и что уже подошла и еще подойдет так долго ожидаемая помощь, которая искусственно задержана «Викжедем» в пути, Рябцов и КОБ призывали граждан сплотиться и подавить «волну анархіи и банды кулиганов». Воззваніе могло достигнуть лишь противоположных результатов, показывая как бы слабость власти, которая за три дня перед тѣм призывала населеніе оставаться в полном спокойствіи, а теперь взывала к его самодѣятельности для собственной защиты. То, что было возможно, и, пожалуй, должно 27 и 28 октября, было уже совершенно невозможно в процессѣ развитія борьбы, т. е. непосредственно на полѣ битвы. Призыв сорганизоваться под дулами ружей и пулеметов и активно выступать против отрядов ВРК звучал какой то странной насмѣшкой над здравым смыслом. Осуществленіе в жизни этого призыва могло привести только к расправѣ над населеніем. Так всѣ мы отнеслись к этому уже запоздалому призыву к самодѣятельности населенія. Мы знали и болѣе трагичное — у борющихся с большевиками не хатало патронов. Впослѣдствіи из Думы сообщили нам, что на послѣдній день оставалось едва ли не 15 тыс. ружейных патронов. В таких условіях обращеніе Рябцова к населенію представлялось уже почти что необдуманной провокаціей.

Я очень хорошо помню свое тогдашнее полное пессимизма настроеніе, граничившее с сознаніем полной безнадежности. Надо было найти какой-то выход и кончить бессмысленную бойню. Такой призыв и заключало мое «письмо в редакцію», направленное в меньшевицкій орган «Вперед», который продолжал выходить в видѣ маленькаго газетнаго листка. Это письмо стояло в полном противорѣчій с моей принципиальной позиціей. Ужас был, как я уже указывал, не в крови, которой мы не видали, а в той звуковой какофоніи, возможно привычной на театрѣ военных дѣйствій, но надрывающей душу в обстановкѣ еще не развернувшейся гражданской войны. Я понимаю большевицкаго прапорщика, который бѣжал по Тверскому бульвару, обстрѣливаемому артиллеріей; с криком: «что хотите, дѣлайте со мной, но я больше не могу»; я понимаю с. д. объединенца журналиста Михалева, который бился в истерикѣ на совѣщаніи социалистическаго блока; для меня не звучит фальшиво рассказ о том, что Бухарин, рассказывавшій в Петербургѣ о московских событіях, не выдержал и бросился с рыданіем на шею какого-то рабочаго — вѣдь нервы у самых послѣдовательных «ленинцев» были не желѣзные: развѣ только у самого Ленина, который встрѣтил московских делегатов словами «хныкать пріѣхали», и Троцкаго, отмѣтившаго, что Бухарин «легок на слезы».

Нѣтъ сомнѣній, такое общее настроеніе не могло не отражаться на психикѣ военной молодежи в штабѣ на Знаменскѣ. Юнкерская масса, все же случайная по своему составу, не могла представлять собой выдержанную когорту, идейно спаянную и обществѣнно дисциплинированную. Неувѣренность, как и при защитѣ Зимняго Дворца, должна была разлагать активную волю бойцов, подорванную с самаго начала условіями, в которых начиналась борьба. Неизбѣжно происходило разслоеніе, которым и хотѣли воспользоваться большевики, пытаясь вести переговоры непосредственно с массой, минуя Штаб и КОБ. (По протоколу ВРК 1 ноября не совсемъ ясно, о какой «делегациі» юнкеров идет там рѣчь — переговорить с ней «частнымъ образомъ» поручается Усѣвичу и Муралову). Совершенно очевидно, однако, что разслоеніе это шло не по признакамъ социальнымъ — побудительнымъ толчкомъ являлся упадокъ духа.

И все-таки скорѣе тут были исключенія. Маленькая сила квалифицированной молодежи не была побѣждена. Никакихъ пораженій она не терпѣла до послѣдней минуты борьбы — и в центрѣ она вынуждена была отступить в сущности в одномъ мѣстѣ от Театральной площади под напоромъ артиллеріи. Отсутствие патроновъ, в концѣ концовъ, рѣшило вопросъ о сдачѣ или, вѣрнѣе, вопросъ переговоровъ об условіяхъ мира с ВРК.

На вечернемъ совѣщаніи 1 ноября в Александровскомъ училищѣ атмосфера была напряженная, иногда, по характеристикѣ очевидцевъ, почти истерическая. Рябцовъ хотѣлъ вывести весь отрядъ с боемъ из Москвы навстрѣчу идущимъ с фронта правительственнымъ войскамъ. Идею эту поддерживалъ Прокоповичъ. Но никто не зналъ в точности, гдѣ находятся эти войска. Даже теперь трудно установить реально и количество и мѣстонахожденіе этихъ войскъ и отлѣпить развѣдочные слухи от дѣйствительности.

Поразительно, что Штабъ не принималъ никакихъ мѣръ (если не считать поѣздки полк. Кравчука в Смоленскъ) для того, чтобы связаться с этими двигающимися к Москвѣ эшелонами. Бездѣйствовал (или почти бездѣйствовал) в этомъ отношеніи и КОБ, полагая, очевидно, что это — функція Штаба. Казалось бы, что именно в этой области члены социалистической партіи, достаточно привыкшіе к пропагандѣ за революціонные мѣсяцы, могли бы конкурировать с инициативой и настойчивостью большевистскихъ агентовъ. Выбраться из Москвы было не такъ трудно. На дѣлѣ Москва как бы скопировала то, что мы видѣли в Петербургѣ, когда 25-го к столицѣ продвигались самокатчики. Трагическая небрежность! Она дорого стоила КОБ. В значительной степени в силу этого невниманія отдѣльные отряды, фактически дошедшіе до Москвы, или подвергались обработкѣ большевиками в сторону нейтралитета — такъ было с 7-мъ сибирскимъ казачьимъ полкомъ*), или попадали в засаду — такъ было с ударниками, высадившимися в Петровско-Разумовскомъ, такъ было с двумя сотнями казаковъ, пытавшимися пробиться черезъ Садовники в Замоскворѣчье к центру, такъ было с какимъ-то отрядомъ у Дорогомиловекой заставы.

*) Какая-то кубанская делегация по недоразумѣнію оказалась в ВРК.

С задержками и опозданием эшелоны все-таки приближались к Москвѣ и окружили столицу в соответствии с распоряжением, переданным от имени Рябцова: малым отрядам в Москву не входить, а располагаться по близости. В сущности повторялась гатчинская эпопея — войска подошли, когда уже было поздно. 1-го ноября большевицкая развѣдка сообщает, что из Калуги выступил кавалерійскій полк, 4 сотни кубанских казаков и 3 броневика. Далѣе та же развѣдка доносит о столкновении с вяземским гарнизоном какого-то эшелона сибирских казаков и ударнаго батальона; двѣ сотни казаков из Вязьмы стараются пробраться в Москву через Тулу и здѣсь вновь наталкиваются на заградительную препону; 3 сотни казаков задержаны в Оршѣ. Из Кашары передают в ВРК со ст. Бирюлово — в сторону Москвы двигается 500 человек в полном боевом вооружении и т. д. В кругах ВРК чрезвычайно обезпечены этими эшелонами, двигающимися в «полной боевой готовности» поддержать «активно» Временное Правительство. В той же мѣрѣ обезпечены и «нейтральные» — продвижение войск может сорвать переговоры. 2 ноября, т. е. в тот самый день, когда вырабатывались условия ликвидаціи междоусобицы, московское бюро «Викжеля» за «полтора часа» до подписанія договора дает своим представителям по Александровской линии жел. дор. предписание, во что бы то ни стало, задержать «на нѣсколько часов» продвижение казаков, «разобрав рельсы и предупредив о возможности крушения»; это необходимо, потому что «бой в Москвѣ через 1—2 часа прекратится совершенно». Очевидно, это тѣ войска, о которых на слѣдующій день, в момент разоружения юнкеров, сообщают «Извѣстія МВРК»: «с фронта движутся 16 эшелонов казаков, драгун и артиллеріи». Они задержались под Гжатском и были взяты в передѣлку агентами ВРК. «Уговорить их все-таки удалось», — сообщают мемуаристы: «они расквартировались в районѣ Гжатскаго уѣзда». 4 ноября кавалерійская бригада (это был отряд, двигавшійся с Западнаго фронта), считаясь с «совершившимся фактом», признала ненужной дальнѣйшую отправку частей в Москву...

При всей этой неопредѣленности план Рябцова «пробиться сквозь кольцо, выйти за город и добраться до вѣрных правительству войск», дѣйствительно, мог привести к полной катастрофѣ. Итти надо было без патронов и походных кухонь. Именно вопрос о выходѣ с боем из Москвы особенно сгустил атмосферу на сообщаніи в Александровском училищѣ. Споры обострились и приняли крайне рѣзкую форму. Это подтверждают страницы из позднѣйших воспоминаній Эфрона. Изступленные крики: Позор! Опять предательство! Возбужденіе смѣняется чувством сознанія реальной дѣйствительности. Юнкера знают, что изсякают патроны. Прежде передавали это «шопотом»; потом сдѣлалось ясно и так: патроны стали выдаваться «по десяти» в сутки на каждого; замолкли пулеметы... С большим трудом удалось настоять на невыполнимости болѣе чѣм рискованнаго, предпріятія с выходом из Москвы. Было рѣшено начать переговоры с ВРК через посредство нейтральных групп. Так родилось то обращеніе за подписью

Руднева, которое было передано через «Викжель» Военно-Революционному Комитету на разсвѣтъ 2-го ноября.

Хмурое осеннее утро. Засѣдает ВРК. Уже в 7 часов он «единогласно» принимает резолюцію об условіях соглашенія с КОБ — это «тѣ же условія», что выработаны были наканунѣ совместно с представителями «соціалистическаго блока»: «власть совѣтам», созданіе коалиціоннаго временнаго управленія в Москвѣ, разоруженіе бѣлой гвардіи и арест юнкеров в манежѣ «на два дня» в видах их личной «безопасности». В засѣданіи появляется делегация «шести соціалистических партій» и представитель КОБ Студенецкій. Послѣдній заявляет, что КОБ «ни под каким условіем не может признать власть совѣтов». Муралов пробует взять твердый тон: «никаких уступок не будет», а посредники пытаются убѣдить Студенецкаго, что КОБ подчиняется «силѣ, как таковой», и что на «идейном признаніи совѣтов РК не настаивает». Волгин вносит предложеніе устранить пункт об организаціи власти и говорить только о техническом осуществленіи сдачи. Болѣе темпераментный Вольскій раздражается филиппикой: «Я присутствую при таком актѣ палачества, при каком никогда раньше не присутствовал. Вы не только не прекращаете артиллерійской стрѣльбы, но вам мало капитуляціи и того, что КОБ распускает себя, вы заставляете идейно признать вашу власть, таким соціалистам я не могу подать руки»^{*}).

Едва ли ощущеніе чувства чести и стыда повліяло на большинство ВРК. Большую роль сыграла неувѣренность и боязнь того, что соглашеніе будет сорвано. Несмотря на то, что «всѣ силы буржуазіи разбиты на голову», как о том объявлено было в приказѣ через нѣсколько часов, ВРК знал, что артиллерія может прекратить стрѣльбу за отсутствіем снарядов, а, может быть, в силу своего «погромнаго настроенія». Без артиллеріи большевики чувствовали полное свое безсиліе. Такое признаніе красной нитью проходит по тексту всѣх мемуаристов: «вся наша сила была в том, что мы могли на каждый выстрѣл юнкеров отвѣчать снарядом» (Давыдовскій). ВРК знал, что «бѣлая гвардія» усилила напор на периферіи в сторону Прѣсенской и Дорогомилдовской застав (подготавливая свой все же возможный выход из города), и что Прѣсенскій район требует самой спѣшной помощи для того, чтобы отразить атаки юнкеров; он не был увѣрен и в том, что экстренныя мѣры «Викжеля» задержат подступающих «казаков», и что они не прорвутся навстрѣчу юнкерам. «Положеніе неважное», так в общем опредѣлил утром 2-го ноября Подвойскій в Петербургѣ, оцѣнивая стратегическую позицію ВРК Раскольникову, который выѣзжал с отрядом матросов на помощь Москвѣ.

По «кажущемуся» взаимоотношенію сил, — скажет впоследствіи совѣтскій историк Цокровскій, — ВРК должен был пойти на «уступки» и согласиться на простую формулировку: КОБ пре-

^{*}) Слова Вольскаго, конечно, переданы лишь по секретарской записи.

крашает свое существование. В 10 1/2 час. дня для окончательной выработки договора между двумя сторонами в помещении губернской земской управы собираются представители КОБ и ВРК в присутствии делегатов организаций, принимавших участие в посредничестве.

Совещание происходит под гул канонады, хотя формально ВРК и отдал приказ о прекращении артиллерийской стрельбы с момента принятия его ультимативных требований Комитетом ОБ, оставляя однако «в силе все остальные способы военной борьбы». По утверждению одного из «свидетелей», призванных присутствовать при заключении договора, канонада, сопровождаемая «непрерывным стуком пулеметов» и «бешеной ружейной стрелкой», достигала «невиданных размеров». С «мольбой» прекратить стрельбу приходила в ВРК и делегация во главе с тифлисским митрополитом Платоном от имени Всероссийского Церковного Собора. Собор призывал сражающихся «воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани», умоляя победителей «не допускать никаких актов мести и жестоких расправ» и не подвергать Кремль с его святынями артиллерийскому обстрелу, поругание которых «русский народ никогда и никому не простит»^{*)}. Для большевистских мемуаристов рассказ о приеме делегации Церковного Собора лишь повод для издевательства: митрополит на коленях перед большевиками! По поводу этого «коленнопреклонения», рассказанного Соловьевым, из текста другого мемуариста надо добавить только слово «чуть», которое устанавливает уже не факт, а возможность факта в восприятии мемуариста^{**}). Сам Платон членам Собора рассказывал так. Он один был допущен в помещение, занимаемое ВРК (остальные члены делегации ждали у памятника Скобелева), и «начал опускаться перед ним на колени», сказав: «если нужно... я прибегну к последнему средству». «Тогда Соловьев подхватил меня и начал утешать и успокаивать, говоря, что к вечеру уже наступит мир, и расправ с юнкерами не будет». На прощанье Соловьев попросил Платона благословить его и сам проводил владыку до памятника Скобелева.

Готовится последний акт нефальной борьбы. На заседании в земской управе Руднев был бледен и почти все время молчал, — рассказывает Кузовков. И это естественно — политический вопрос был устранен. Вероятно, у членов КОБ и не было желания торговаться о числе мест в том правительственном органе, который должен был возникнуть, и в котором они не предполагали участвовать. Переговоры вел представитель вооруженных сил КОБ, присяжный повзренный, прапорщик Якулов. В 5 час. дня договор был подписан сторонами и скреплен посредниками.

Вот его окончательный текст: 1. КОБ прекращает свое существование. 2. Бывшая гвардия возвращает оружие и расформируется. Офицеры остаются при присвоенном их званью оружия.

^{*)} Это обращение за подписью председателя Собора, будущего патриарха Тихона, было передано и в КОБ.

^{**}) Очевидец, солдат Блохин, увидя уже целый «крестный ход» перед Советом во главе с патриархом Тихоном. Тихон еще не был избран на свой высокий пост; делегация действительно шла с крестом и иконой.

В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. ВРК гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности. 3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения... организуется комиссия из представителей ВРК, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве. 4. С момента подписи мирного договора обе стороны немедленно отдадут приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к всеуловному исполнению этого приказа на местах. 5. По подписанию соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются.

Договор сопровождался особой технической инструкцией. Отметим некоторые ее пункты. Все боевые силы, верные Временному Правительству, собираются в Александровском военном училище; вокруг училища проводится нейтральная зона, на которой «в продолжении трех дней» располагаются «достаточные кадры нейтральных комиссаров». 7-го наружные цепи комиссаров снимаются, но внутри училища комиссары остаются до 10-го. Все граждане, в силу той или иной причины находящиеся в Кремле, в Александровском училище и Штабе, получают свободный выход. При освобождении пленных ВРК юнкера всех училищ и школ могут возвратиться в свои части или направляются в распоряжение урядного военного начальства. Казакам с их офицерами предоставляется свободный выезд.

**

В 9 час. вечера был издан, наконец, приказ ВРК о прекращении всяких военных действий. Одновременно, в том же заседании, где санкционировался «договор», ВРК в прямое нарушение этого «договора» постановил немедленно ввести войска в Кремль, в Александровское училище и в другие важные «стратегические» пункты.

В первую очередь подлежал разоружению Кремль. Если он не был занят вечером 2 ноября, то потому только, что группы, осаждавшие Кремль, не решились на этот акт. Сохранилось характерное донесение в ВРК прап. Сухотина, который своим отрядом занял старое здание Университета и отправил «разведчика» красноармейца в Кремль. Этот разведчик еще в 6 час. вечера доносил, что Кремль очищен противником, и что там осталось только 30 юнкеров, не пожелавших покинуть Кремль, и 17 арестованных большевиков, которые не имеют возможности выйти, так как Кремль все еще обстреливается «своими»^{*)}. Сухотин докладывал ВРК, что своими силами занять Кремль он не может.

Имеем мы показания и другого свидетеля, активно действовавшего под стенами Кремля — не раз упоминавшегося уже Давыдовского. В течение 3-го ноября он таранил из 48-дюйм. гаубицы Никольские ворота. Когда пришел приказ о прекращении во-

^{*)} Большинство солдат было выпущено еще раньше под «честным словом» не вмешаться в борьбу.

енных дѣйствій, Давыдовскій не рѣшился занять Кремль, хотя люди в «синих блузах» и в «сѣрых солдатских шинелях», находившіеся под Кремлем, «во имя сверженія ненавистнаго капитализма» «страстно хотѣли выпиться своими мозолистыми корявыми руками в шею тѣх, кто сидѣлъ за зубчатыми стѣнами и поливал их свинцовым огнем». «Бдительные бойцы» на ночь отступили к гостиницѣ «Славянскій Базар» на Никольской. Мемуарист попутно набрасывает бытовую картину использованія благ «ненавистнаго капитализма». Бойцы расположились ужинать, и так как официантов было слишком мало для того, чтобы удовлетворить всѣх, публика начала самостоятельно хозяйничать на кухнѣ: тут жарили гусей, уток, пекли блины и т. д.

Утром «рѣшили захватить Кремль». Никольскія ворота были «совершенно разрушены». «Иадали, — повѣствует Давыдовскій, — мы замѣтили образовавшійся от артиллерійской стрѣльбы проход, куда и нагѣлились. Мы не знали, что с Кремлем. Поэтому сразу старались ворваться в центр. Кремль был пуст, ни души. Лишь только у одной из дверей судебной палаты стоялъ старик-сторож. От него мы узнали, что юнкера ушли еще ночью... Бросились дальше... Откуда то стали вытаскивать плѣнных юнкеров... Наконец, третье свидѣтельство почерпнуто Бонч-Бруевичем из записей престарѣлаго начальника арсенала ген. Кайгородова. В ночной тѣни он выходит на «рекогносцировку». Кремль пуст. Тогда старый генерал стал освобождать арестованных солдат — из арсенальной команды и 56-го полка.

Приведенныя свидѣтельства болѣе или менѣе однотипно изображают кремлевскую обстановку к утру 3 ноября. Быть может, стоит еще раз сопоставить показанія этих свидѣтелей с текстом «мемуариста» и «ислѣдователя» Пече — с текстом, на котором поставлен официальный бланк «Испарта». Память легко совершает скачки, и поэтому заранѣе оговоримся, что все, им рассказанное под датой «утром 2 ноября», хронологически могло быть отнесено только к слѣдующему дню. Представителю «ленинизма» в партійной историографіи нужно из захвата Кремля сдѣлать страницу героической эпопеи. Конечно, красная гвардія — и особенно Замоскворѣцкій район — не могла согласиться на мир при тѣх условіях, которыя намѣтил ВРК. Для убѣжденія «революціонеров» из Замоскворѣчья в 4 час. утра прибылъ Смидович с дѣловой делегацией от бѣлой гвардіи во главѣ с Рудневым. Непримиримые требовали «капитуляціи без всяких условій» и заявили, что доведут «бой до конца». Надо ли говорить, что упоминаніе о делегациі во главѣ с Рудневым является сплошным вымыслом мемуарной фантазіи? ВРК пришлось уступить и поручить т. Пече с отрядом из Замоскворѣчья «занять Кремль», и полуофициальная большевицкая лѣтопись вносила новую страницу подвигов замоскворѣцких красногвардейцев. Собрал отряд из 120 красногвардейцев и 50 солдат 55-го полка, Пече двинулся с ним рано утром 2 ноября к Спасским воротам Кремля и Красной площади. Ворота взломали под пулеметным огнем с церковных колоколен Кремля, с Красной пл. и с крыш Торговых рядов(!). Лавируя под обстрѣлом, избѣгая возможных «волчьих ям», отряд вступил в

Кремль. И здѣсь к обстрѣливающим с крыш и колоколенъ присоединились скрытые в Николаевском дворцѣ юнкера, которые «коварно» заявили в переговорах с ВРК о своей сдачѣ. Вдруг навстрѣчу выбѣгают монахи и монашки с иконами в руках: «Ратуйте, братцы, не убивайте». «Мы не разстрѣливаем плѣнных», — отвѣчают благородные представители «пролетаріата». «Передайте своим: раз они дали слово о том, что сдаются, то пусть они немедленно сдают оружіе». Для этого был дан «пятиминутный» срок. Из Николаевского дворца и других зданій «высыпали офицеры, юнкера, студенты». Нѣкоторые из них кончали самоубійством, другіе падали в обморокъ, а нѣкоторые «во главѣ с полк. Пекарским выходили без оружія, но имѣя спрятанныя ручныя гранаты». Все это картинно, но все это такой неудержимый вымысел... Освободил Пече арестованных во главѣ с бывшим комендантом Берзиным. Началась расправа: «освобожденные солдаты, тотчас схватив брошенные юнкерами винтовки, бросились на полковника, который разстрѣливал их товарищей в Кремль, а также на юнкеров, державших в руках(?) гранаты, и на мѣстѣ их разстрѣляли». Арестованные юнкера были отправлены в «тюрьму» под строгой охраной, так как возмущенные их жестокостью рабочіе(?) и красногвардейцы хотѣли расправиться с ними на мѣстѣ.

Таким образом «революціонный подъем» под эгидой «ленинцев»-большевиков привел к самосудам. Погиб командир 56-го полка Пекарскій, по непонятным причинам не ушедшій из Кремля. Были и другіе эксцессы, но их было мало. О них рассказывают и Давыдовскій и сам Берзин, выпущенный оставшимися в Кремль юнкерами*); и рисуют болѣе правдоподобную обстановку расправы. К их чести они боролись с эксцессами той по истинѣ вооруженной банды, которая проникла из Замоскворѣчья в Кремль через Спасскія ворота...

Из всего красочнаго в своих подробностях повѣствованіях Пече о подвигах замоскворѣцких «ленинцев» 2 ноября одно, несомнѣнно, соответствовало истинѣ. Партиіное Замоскворѣчье со своей пятеркой во главѣ оставалось послѣдовательным и не желало признавать компромисса, на который в договорѣ шел ВРК. Непримиримые совершили свой обычный нажим на «соглашателей». В ночь на 3 ноября, узнавъ о подписаніи договора, в ВРК без вызова из центра, по своей инициативѣ явились представители районов или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторых из них. Состоялось, повидимому, довольно бурное засѣданіе, так как протокол засѣданія фиксирует даже прямую угрозу: «если вы не измѣните позиціи, будете сметены районами». Представители районов заявляют протест против того, что ВРК заключил договор, не заслушав мнѣнія районов: «без нашего согласія заключить мир нельзя», — заявляет представитель рогожскаго района. «Соглашатели» развратили центр, который должен подчиниться в данном случаѣ голосу тѣх, которыми он призван руководить. Чего же

*) По журналу ВРК таких «плѣнных» в Кремль оказалось 40 юнкеров из 1-ой школы прапорщиков, не участвовавших в боях и несших только караульную службу, и 12 офицеров, прибывших с фронта.

требует этот голос с мѣст? Нельзя ограничиваться только роспуском КОБ, он должен быть арестован. Весь командный состав подлежит заключенію под стражу; разоружить и держать всѣх юнкеров под домашним арестом до установленія твердаго революціоннаго режима; предать суду лиц, уличенных в избиеніях и издѣательствах над плѣнными — часть юнкеров, офицеров «безусловно» должна быть разстрѣлена и т. д.

Довольно знаменательно, что районным «ленинцам» отвѣчает в сущности близкій им по духу член ВРК Усіевич: «расправы допустить не можем». Усіевич поясняет, что ВРК пошел на договор «прежде всего» потому, что борьба уж деморализовала массы (идет «организованный разгром магазинов», — поясняет представитель «революціоннаго штаба»; масса приводится «солдат грабителей», — вторит ему представитель слѣдственной комиссіи). Солдаты переугонлены, к Москвѣ подошли каваки. Чрезвычайно ярко дополняет Усіевича нѣкто Плеханов, выступающій от имени «московскаго гарнизона», который послал его (среди других) «требовать прекращенія войны». У нас 75 тыс. и красная гвардія, — говорит Плеханов, — а четыре дня они дерутся с 4 тысячами. Солдаты бѣгут в деревню. «Ваши заявленія — необдуманное заявленіе хмельнаго человека в пылу канонады, когда на нее не отвѣчают. Эта бумажка (т. е. договор) — большая для нас побѣда. Может быть, завтра, продолжая борьбу, мы уступили бы»... «Смѣшно говорить, что районы организованы», — добавляет тот же представитель штаба. Из протокольных реплик выступает не приукрашенная мемуаристами дѣйствительность и вскрывает таким образом подоплеку соглашательской политики ВРК.

«Нельзя поддаваться настроенію масс», — читаем мы мудрое утвержденіе в слѣдующем уже «официальном» засѣданіи ВРК. И тѣм не менѣе нажим, сдѣланный «ленинцами» в ночном совѣщаніи, возымѣл свое дѣйствіе. ВРК отказался от одного из основных пунктов подписаннаго обѣими сторонами договора и контрасигнированнаго «гарантами». Один из «гарантов», представитель партіи меньшевиков, Югов, рассказывает в письмѣ ко мнѣ, что на другой день через них большевики предъявили новое требованіе — разоруженія и ареста офицеров и юнкеров. Возмущенные односторонним нарушеніем условій перемирія, меньшевики сложили с себя функціи «гарантов» и «с большим трудом» все же добились от большевиков «согласія ограничиться лишь разоруженіем и отказа от ареста».

Протокол ВРК не отмѣтил этого нарушенія договора. Смидович в своих воспоминаніях глухо упоминает о том, что «условія» сдачи «провести в жизнь не удалось». «Отправившись с приказом ВРК*) в Александровское военное училище», — рассказывает Смидович: «я при проведеніи в жизнь договора, насколько помню, не видѣл ни одного представителя от организацій, принимавших участіе в посредничествѣ. На улицѣ стояла толпа крайне

*) Воспоминанія Смидовича написаны столь убѣдительным образом, что ни автор, ни редакція историческаго журнала даже не обратили вниманія на то, что приказ ВРК, тут же напечатанный, помѣчен 5 ноября и относится к другому моменту и к другому порученію, данному Смидовичу.

озлобленных рабочих и солдат, которых с трудом удавалось удерживать в рамках дисциплины и приличия, соответствующаго торжественности момента... И юнкера и офицеры сбрасывали погоны, пашки, револьверы и ускользали из Александровскаго училища, кто как мог». Офицеры не остались «при присвоенном их званію оружія», — с удовлетвореніем добавляет Смидович. Таким образом как бы выходит, что юнкера и офицеры саморазоружились под угрозой эксцессов со стороны озлобленной толпы.

Воспоминанія Смидовича не отличаются точностью и не заслуживают большаго довѣрія в силу прямых измышлений, им допущенных. Он рассказывает, напримѣр, как он «переночевал в одной компаніи с Рудневым и Рябовым» и как «на слѣдующее утро они были вывезены в санитарных каретах», при чем «жена Руднева была переодѣта сестрой милосердія». Руднев говорит, что ничего подобнаго не было, и что он без большаго труда совершенно самостоятельно прошел мимо группы вооруженных латышей и вышел на улицу. И все-таки общая картина сдачи Александровскаго училища, как будто бы, вѣрнѣе изображена в воспоминаніях Смидовича, нежели в рассказѣ того «очевидца», котораго цитирует Милуков: «небольшими отрядами, человекъ по 10—20, подходили к сдаванію Александровскаго училища офицеры, юнкера и студенты. Начальники отрядов среди общей тишины собравшейся публики рапортовали предсѣдателю комиссіи названія отрядов и их количества». Юнкера с винтовками проходили в зданіе училища, офицеры и студенты складывали оружіе тут же на тротуарѣ». Такой организационности, которая соответствовала бы договору, очевидно не было и не могло быть при отсутствіи «гарантов». Эти «цѣпи» нейтральных комиссаров, о которых говорила «техническая инструкторка», сопровождавшая договор, с самаго начала отзывались какой то не то утопией, не то комедіей. Послѣ отказа нейтральных от функций «гарантов» на мѣстѣ оказалось всего лишь нѣсколько представителей социалистической партіи: «положеніе было столь отчаянное (новыхъ условій нельзя было не принять)», что представители офицеров просили нас, — шипит Югов, — присутствовать при разоруженіи, чтобы уменьшить возможность эксцессов». «Представители ВРК, — добавляет он, — не сдѣлали ничего, чтобы охранить от эксцессовъ юношей, сидѣвшихъ в Александровскомъ училищѣ. Не раз нам приходилось буквально вытаскивать сдающихся изъ рукъ разъяренныхъ солдат. Мы дѣлали, что могли, но думаю, что многихъ все-же арестовали в нѣсколькихъ шагахъ отъ училища».

Насилія будутъ единичными, «если мы не будемъ им потакать», — замѣтилъ Усѣвичъ в ночномъ засѣданіи ВРК. Но самъ ВРК «не сдѣлалъ ничего» для того, чтобы избѣжать эксцессовъ. И насилія становились неизбѣжными при разнузданной агитаціи «ленинцевъ». Никакихъ, однако, толп озлобленныхъ рабочихъ, «стекавшихъся» к Александровскому училищу с «утра 3 ноября*»), в дѣйстви-

*) Разоруженіе началось только в 4 ч. дня — очевидно, в силу переговоровъ объ измѣненіи условій сдачи. Кое-гдѣ продолжалась еще борьба: такъ 5-ая школа прапорщиковъ на Смоленскомъ бул. сдалась только в 11 часовъ утра.

тельности не было; не было и солдатских «групп от различных частей» гарнизона. Был отряд, посланный по распоряженію ВРК и, вѣроятно, в своемъ большинствѣ состоявшій изъ такой же недисциплинированной банды, которая была набрана в Замоскворѣчьи для захвата Кремля. Первую скрипку среди этихъ «революціонныхъ» войскъ играла «дружина красной гвардіи при исполкомѣ латышской секціи большевиковъ», заявившая от имени «революціонныхъ» солдат протестъ на столбахъ «Соціал-Демократа» и требовавшая не только ареста, но и преданія суду плѣнныхъ юнкеровъ. С ихъ стороны раздавались и угрозы противъ «нейтральныхъ комиссаровъ».

По докладу Усіевича в ВРК разоруженныхъ оказалось «нѣсколько тысячъ офицеровъ и юнкеровъ». Цифра, очевидно, очень далекая от того, что было в дѣйствительности. Сколько было арестовано среди этихъ «тысячъ»? И это выяснить невозможно. По протоколамъ ВРК можно установить, что всѣхъ арестованныхъ предполагалось свести в Бутырскую тюрьму в дѣляхъ «обезпеченія личной безопасности» юнкеровъ. Коменданту Бутырской тюрьмы было дано предварительное распоряженіе подготовиться къ принятію 1700 арестованныхъ, но по записи протокола ВРК такихъ оказалось в разныхъ мѣстахъ 480 человекъ: конечно, «плѣнные», вопреки «договору», не были освобождены.

Московская эпопея кончилась. Врагъ «сдался». Всѣ «силы буржуазіи» были «разбиты на голову». «Всѣ на охрану завоеваній нсвоей рабоче-солдатской и крестьянской революціи», — зывал ВРК... Он не ощущалъ еще под своими ногами твердой почвы. Недаромъ уже в засѣданіи 3 ноября тот же Усіевичъ выступаетъ с «внѣочереднымъ заявленіемъ» по поводу «опасности агитаціи анти-совѣтской». Мы не знаемъ, в чемъ дѣло. Весьма вѣроятно, подражавшая возможность какого-либо активнаго выступленія. Дѣйствительно, не всѣ защитники Москвы добровольно сложили оружіе. Так, напримѣр, в моментъ сдачи в Александровскомъ училищѣ на Брянскомъ вокзалѣ былъ обнаруженъ отрядъ в 200 вооруженныхъ юнкеровъ, пытавшійся все-таки, очевидно, пробиться къ подходившимъ *in spe* эшелонамъ*). «Порывъ энтузіазма и отвага» рабочаго класса были «изумительны». Но только съ подходомъ матросскаго отряда изъ Петербурга окруженный матросами и латышами ВРК на Скобелевской площади почувствовалъ себя в болѣе или менѣе крѣпкомъ бестѣ.

Страхъ оставался передъ своей «лѣвицей», которая продолжала будоражить «улицу», и онъ заставлялъ ВРК вести двойную политику и все еще искать соглашенія с другими соціалистическими партіями. На 5 ноября ВРК созывалъ междупартійное совѣщаніе для выработки нормъ организаціи комбинированной власти**).

*) 11 ноября былъ арестованъ под Москвой и Рябовъ.

***) Эти перспективы и побуждали ВРК быть нѣсколько осторожнымъ в своей тактикѣ. «Лѣвые» продолжали требовать суда надъ арестованными юнкерами. Нейтральные рѣшительно протестовали даже противъ факта ареста юнкеровъ. Поэтому, вѣроятно, Смиловичу в видѣ компромисса предложено было «разсмотрѣть дѣла» юнкеровъ, заключенныхъ в Спасскихъ, Крутицкихъ казармахъ, в Александровскомъ и Лефортовскомъ училищахъ, и в 2, 3

это уже другая страница, когда вооруженная борьба, по представлению КОБ, должна была смѣниться «методами борьбы политической».

Повѣсть о «московской недѣлѣ» может быть прервана, так как в нашу задачу входило лишь описание вооруженной борьбы. Она окончилась. И ея конец предрѣшал побѣду октябрьскаго возстанія по всей Россіи. Прошедшіе перед глазами факты могут толкнуть на разные выводы. Во всяком случаѣ эти факты опровергают заключеніе, которое дѣлал Бухарин на первом вечерѣ воспоминаній о «великом октябрѣ»: «всѣ солдаты и всѣ рабочіе были на нашей сторонѣ. Это никто не может отрицать, и поэтому с такой легкостью мы одержали побѣду». Безконечно болѣе прав в своей эпитафіи к московским боевым дням «Вперед». В статьѣ, озаглавленной «Когда умолкли пушки» меньшевицкій орган писал: «В эти безумные дни, когда от имени рабочаго класса самозванно грохотали пушки, *рабочій класс молчал*. Лишь незначительная часть его, вступившая в красную гвардію, на дѣлѣ показала сочувствіе большевицкой затѣѣ».

и 4 школах прапорщиков в Александровских казармах, «сдѣлать по их дѣлам соотвѣтствующія постановленія» и «привести их в исполненіе, доведя об этом до свѣдѣнія ВРК» (очевидно проект концентраціи в Бутырках не осуществился). Особенно наглядно двойственность позиціи ВРК сказалась в засѣданіи в тот же день 5 ноября, когда обсуждалось требованіе лѣвых об арестѣ Думы. Рѣшеніе не могло состояться, так как 2 высказались за арест, 1 против, 1 воздержался, а 1 вовсе отказался участвовать а голосованіи.

POST SCRIPTUM

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ.

К повѣствованію о московских днях слѣдует сдѣлать все же небольшой эпилог и напомнить о тѣх засѣданіях Городской Думы, которыя послѣ октябрьскаго переворота три раза в теченіе ноября полудегадно собирались в зданіи Университета Шанявскаго. Отчеты об этих засѣданіях — 6-го, 15-го и 22-го ноября дают яркую иллюстрацію к тогдашним общественным настроеніям.

В силу пережитых событій на другой день послѣ возстанія московская платформа революціонной демократіи имѣла нѣкоторыя отличныя черты по сравненію с той, которая выдвигалась в період викжелевских совѣщаній в Петербургѣ. Для социалистов-революціонеров послѣ того, как договор между КОБ и ВРК был так цинично нарушен, психологически было невозможно явиться на первое созванное большевиками междупартійное совѣщаніе о конструкціи власти. При отсутствіи народных социалистов, как мы знаем и не приглашенных, при отказѣ соц.-революціонеров и воздержаніи меньшевиков э сущности большевикам оставалось только продолжать договариваться с частью того социалистическаго блока, который посредствовал в переговорах предшествовавших дней. Совѣщаніе почти теряло смысл, и ВРК склонился к полной ликвидаціи Городской Думы: «предложить разойтись, а в случаѣ неповиновенія разогнать управу вооруженной силой», — так формулировал ВРК свое постановленіе 5 ноября. Это рѣшеніе, конечно, практически ликвидировало всѣ дальнѣйшіе разговоры о каком-либо едином революціонном фронтѣ.

6-го ноября помѣщеніе Думы было занято солдатами. Тѣм не менѣе 108 гласных, не считая Управы, без каких-либо внѣшних препон, собрались в Университетѣ Шанявскаго для выясненія вопроса о дальнѣйшей тактикѣ Думы. На вступительном словѣ Городскаго Головы явно «сказалась депрессія от пережитаго за дни «кровавой недѣли». Надо говорить о будущем, а не о том «ужасѣ, который мы только что пережили». Касаться прошлаго «кошмара», значит не выполнить основной задачи «потушить гражданскую войну». Рудневу хочется убѣдить всѣх в том, что «гражданская война осталась в прошлом». Дума, как орган, избранный всеобщим голосованіем населенія, не может, конечно, признать «правомочным» произведенный захват власти. Она должна разъяснять крестьянам, рабочим, солдатам, куда большевики ведут страну. В этой пропагандѣ и заключаются тѣ методы «политической борьбы», о которых говорил самоликвидировавшійся КОБ. «Мы долж-

ны организовать тѣ силы, которыя понадобятся родинѣ в тот момент, когда... мираж большевизма будет изжит». Но в каких формах может это дѣлать распушенная Дума? Управа не в состояніи работать в условіях «захвата и насилія», утверждает Городекой Голова. И надлежит передать всю практическую работу ВРК «на его отвѣтственность» и «временно» прервать работу Думы по текущим вопросам городского хозяйства, пока «не будут восстановлены нормальныя условія для их занятій». Таково заключеніе. У Руднева чувствуется сомнѣніе: по правильному ли пути пошла Дума в дни возстанія, когда ей пришлось выступить против «рабочаго класса»? Поддерживает ли московское населеніе Думу? Отвѣт мог бы дать только опрос населенія — референдум, который нельзя произвести в сложившейся обстановкѣ*). Фактически Руднев приглашал к самоликвидациі, ибо тѣ пропагандистскія функціи, которыя им намѣчались, относились уже к работѣ политических партій.

Удержать Думу от обсужденія провѣдшаго было невозможно. Упадочное настроеніе руководителя КОБ встрѣтило рѣшительное осужденіе со стороны Астрова. Он не переживал так остро событій истекших дней; он не испытывал ощущенія крушенія той тактики, которая проводилась в дни возстанія. У Астрова нѣтъ сомнѣній в правильности пути, по которому шел КОБ, оказывая вооруженное сопротивленіе. Рѣчь его — страстный протест против всѣх дѣйствій мятежников и насильников, совершивших свое кровавое дѣло и покрывших себя несмыслаемым позором. «Будьте прокляты вы, предатели народнаго дѣла и насильники», — обращался оратор при бурных аплодисментах к отсутствовавшим большевикам: «Нам нельзя уйти отсюда с тѣми блѣдными, усталыми словами, которыя мы сейчас слышали здѣсь. Я готов понять, что безогачно устали тѣ, кто своей жизнью защищали общественное начало в Москвѣ, но... Дума..., осуществляя волю населенія Москвы, не может и не должна говорить такими усталыми словами»... «Я убѣжден, — продолжает Астров, — что пройдет краткій період времени, и весь угар безумія исчезнет и мираж разсѣется». Астров увѣрен, что населеніе не будет считаться с большевиками, и зовет к продолженію борьбы — борьбы объединенной: «Мнѣ ли вас учить? Вы сами знаете, как нужно дѣйствовать в извѣстные моменты. Вы лучше знаете нас, так как вы больше страдали, больше претерпѣли. Пойдемте же вмѣстѣ, будем переходить из дома в дом, будем дѣйствовать вмѣстѣ, как дѣйствовали во время режима тиранов... Я хочу употребить слово, которое рѣдко употребляется в общественных собраніях, мнѣ хотѣлось бы вас умолять — рѣшитесь, наконец, на то, что нужно было сдѣлать давно. Въѣд там, на тѣх скамьях, гдѣ раньше сидѣли ваши бывшіе товарищи, теперь пустое мѣсто, потому что преступники и предатели народнаго дѣла не рѣшились сюда придти. Порвите с заблужденіем и будьте рѣшительны. Вмѣстѣ с ними боретесь за право и дѣло народа нельзя»... Дума и Управа это единственный

*) У нѣкоторых членов Управы была мысль, что Дума должна сложить свои полномочія.

законно-существующій орган государственной власти. «У вас в руках могучее средство борьбы, в ваших руках важнѣйшій оплот, и не мнѣ учить вас, как вам удержать этот оплот (Астров имѣет в виду «колоссальной мощности аппарат» городских служащих. «Я с увѣренностью могу сказать, что этот аппарат будет работать только с вами, и никому другому он служить не будет»). От вас, от легальных органов власти зависит удержать в Москвѣ среди анархїи начала государственности. Поэтому оставайтесь у власти и мужественно совершайте свой мучительный подвиг».

Рѣчь Астрова явно взбудоражила собраніе. Один за другим выступают представители фракцій и выявляют свою точку зрѣнія, несмотря на тщетныя попытки предсѣдательствовавшего Минора не допустить ораторов входить в «одынку дѣйствій и анализ» не поблекшаго еще прошлаго. Первым берет слово от имени меньшевиков Залкинд. Он вполне присоединяется к позиціи городского головы: «каждое лишнее слово негодованія», по его мнѣнію, «уменьшает нашу внутреннюю силу». Залкинд не может расцѣпывать «положеніе событій и тактику большевиков» с той точки зрѣнія, из которой исходит Астров: «мы, переживая революцію, должны переходить из одной ея фазы в другую; для нас дѣло не в том, что большевики подняли возстаніе, что они отняли власть, для нас важно то, что их преступленіем идея демократизма, идея социализма дискредитирована, их преступленіем нанесен удар социализму»... (так, по крайней мѣрѣ, рѣчь оратора представлена стенограммой). Залкинд согласен, что Городская Дума не может считать себя распушенной, но ему неясно, в какія конкретныя рамки может она влить свое существованіе. То, что предлагает Астров, «правильно по идеѣ, но практически совершенно невыполнимо, а нам нужно защищать то положеніе, которое является наиболѣе выполнимым. Исходя из настроеній московскаго населенія, мы должны помнить, что эта авантюра большевиков скоро кончится»... Два представителя фракціи меньшевиков, Кафенгаузен и Грановскій, тут же рѣшительно оттораживаются от позиціи, развитой Залкиндом. «Я совершенно не согласен с выводом, — заявляет Кафенгауз, — и не мог раздѣлить того тона, которым говорил сегодня наш глубокоуважаемый товарищ городской голова, предлагая забыть только что произведенныя над населеніем злодѣйство и насиліе... и я вполне раздѣляю и привѣтствую тот тон подлиннаго гражданина и республиканца, который мы услышали из уст гражданина Астрова». Кафенгаузен возмущается тѣм, что во время возстанія комитет с. д. партіи вел политику соглашенія с большевиками, а думская фракція с. д. считает возможной совмѣстную работу с «этими преступниками и измѣнниками» (резолюція была напечатана 4-го во «Вперед»); Кафенгаузен и Грановскій, считая необходимым вести «самую рѣшительную борьбу», присоединяются к положеніям, выставленным Астровым, и заявляют о своем выходѣ из партіи.

Позицію официальнаго меньшевизма болѣе подробно развил Романов, огласившій декларацію фракціи, высказавшейся за перевыборы Городской Думы для того, чтобы «дать населенію возможность голосованіем выразить свое отношеніе к происшедшему».

событіям». Фракція меньшевиков вину за гражданскую войну «в извѣстной степени» возлагала и на поддержанный большинством Городской Думы КОБ «в виду занятой им в началѣ борьбы непримиримой позиціи». «Мы знали, — пояснял Романов, — что, если побѣду одержат большевики, это означает правую революцію и до самаго послѣдняго времени мы предупреждали об этом массы... Мы опредѣленно сказали, что относимся к выступленію большевиков, как к авантюрѣ, и было даже сказано такими словами, что будущія поколѣнія будут с проклятіем вспоминать об этом возстаніи. Но, с другой стороны, мы предупреждали и Думу от ложных шагов. Мы говорили, что настроеніе в глубинѣ масс таково, что нельзя сносит голову большевизму, не снеся головы всѣм трудящимся массам... Мы говорили, что мы пойдем за КОБ, но мы предупреждали, что мы пойдем за ним не с ружьем в руках... «Самое зло» происшедшаго выступления Романов видит в том, что оно «бросило страну вправо»... «Легко сказать, что можно изолировать большевиков», но «даже произведя эту операцію, вы не устраните причин, муссирующих настроеніе масс». «Мы знаем, — повторяет Романов, — что теперь страна рѣзко ударится вправо, и поэтому нашим первым возгласом будет: борьба политическая нужна с авантюрой большевиков, но нужно находить грань между «большевиками» и «большевизмом»... «Для нас первая задача — сохраненіе опредѣленной социалистической позиціи, и с этим мы должны бороться единеніем великой русской демократіи безраздѣльно. Все, что правѣ этого, нас ведет к гибели революціи».

Конечно, единенія революціоннаго фронта требует и представитель соц.-дем. объединенцев Сысин, всемѣрно поддерживающій мирные переговоры, которые происходят в Петербургѣ, и предлагающій оставить прошлое «в сторонѣ» и не разжигать пожар гражданской войны. «То, что произошло, — говорит он, — может быть названо военным заговором солдат». К Сысину присоединяются и соц.-рев. интернаціоналисты (Заблудскій): «Пусть наши товарищи большевики ошибались... пусть они вели преступную линію... все-таки должно быть единство революціоннаго фронта»...

Надо ли говорить, что народно-социалистическая фракція оказалась не на сторонѣ этого фронта: «послѣ выступленія большевиков, никаких ссглашеній не может быть с этой бандой разбойников, вандалов и предателей» (Брюхатов). Какую же позицію займет наиболѣе значительная фракція с.р., имѣвшая рѣшающее значеніе в московской Городской Думѣ? Событія, несомнѣнно, сказались на ея настроеніи. Не раздалось ни одного соглашательскаго голоса. Даже Гендельман, участвовавшій, как мы знаем, в петербургском вижелевском совѣщаніи и шедшій на компромиссное соглашеніе с большевиками, здѣсь занимает непримиримую позицію: «Если мы даже согласимся работать с большевиками, то страна этого никогда не простит, страна такой власти не повѣрит». Гендельман полон оптимизма относительно будущаго: «Мы знаем, что каждый час их власти все ближе ведет страну к гибели, и потому мы должны предоставить большеви-

кам их естественный крах, когда массы раздавят их, и эта их смерть не за горами». Разговаривать с гнусными преступниками, творящими черное дѣло, считает невозможным и Арманд. Не может быть «нейтральной позиціи» в момент острой борьбы за народное право. «Широкія массы трудового народа разберутся во всем происшедшем, когда этим обманщикам нужно будет перейти от слов к дѣлу... Мы будем этого ждать, а пока о насилии, захватѣ и братоубійствѣ преступников будем говорить открыто и громко... Теперь через горе, через страданіе, через бѣдствія мы себя найдем; пройдут дни, и мы выйдем на широкой свѣтлый нуть, в данный же момент мы можем сказать, что начинается истинная исторія русской революціи»... Даже убѣленный сѣдинами председатель Думы, все время просившій Думу успокоиться и выйти из атмосферы гражданской войны, не выдерживает своей роли арбитра и призывает в патетической рѣчи Думу к безпощадной и упорной борьбѣ. «Я снова буду бороться за свободу и с большевиками так же, как всю жизнь боролся с царскими прихвостнями. Они губители свободы, они — предатели, они изменники».

В рѣчи стараго революціонера, произнесенной, очевидно, с искренним одушевленіем и волненіем, прозвучала нота, как бы очертившая возможные предѣлы объединенія в борьбѣ с большевиками с точки зрѣнія большинства этих непримиримых врагов преступной авантюры. «Когда я просыпаюсь утром, то я спрашиваю себя: Каледин пришел в Москву или Корнилов? Тот ужас, и то разрушеніе, которое произвели большевики, мог бы сдѣлать только тот, кто всѣми силами своей души старался бы задавить свободу, задавить революцію. Что это, если не корниловщина — этот разгром Думы? (Голоса: Корнилов не сдѣлал бы этого!). Только Корнилов разгромил бы Кремль? (Голоса: нѣтъ!). Только Корнилов закрыл бы социалистическія газеты? (Голоса: нѣтъ! нѣтъ!). Только Корнилов мог разогнать Думу? (Голоса: этого не было бы!). Когда я просыпаюсь утром, я говорю себѣ, что в Москву пришел какой-то жестокой контр-революціонер, который задушил, изломал, исковеркал и жизнь, и свободу, и революцію». В такой формулировкѣ Минора заключался прямой отвѣтъ на объединительные призывы Астрова. «Товарищи! — восклицал Минор. — Когда я читаю в большевицкой провокаціонной прессѣ, что меня называют калединцем, я готов пулю пустить в лоб».

Таким образом на засѣданіи 6-го ноября довольно отчетливо были установлены предпосылки всей будущей тактики революціонной демократіи: всеобщая вѣра в исчезновеніе большевицкаго миража; страх одних, что большевицкая авантюра рѣзко качнула общественныя настроенія вправо — в сторону почти неизбежной уже реакціи, когда надо не столько бороться с большевиками, сколько спасти революцію единым демократическим фронтом; увѣренность других, что у демократіи есть свои «способы борьбы», что она будет побѣдительницей и сохранит чистоту политических риз, не смѣшиваясь с политическими противниками: «здѣсь дѣло не обернется так легко, как это произошло с казачьим генералом Красновым», — самоувѣренно заявлял Гендельман. И уже в засѣданіи 6-го ноября опредѣленно вырневались три фрон-

та анти-большевицкой акціи, тактически между собой несомвѣстимыя. «Авантюристы» в атмосферѣ этой общественной раздробленности лишь выигрывали и закрѣпляли свои захваты. С каждым днем противодѣйствіе им должно было ослабѣвать.

Поскольку рѣчь шла об общей деклараціи, не конкретизирующей мѣр борьбы, Дума могла еще объединиться в общем порывѣ протеста. 6 ноября в Думѣ большинством против одного голоса при 7 воздержавшихся была принята резолюція «с призывом ко всѣм силам великой демократіи Россіи не признавать власти захватчиков, организовать и быть на стражѣ, дабы в тот грозный час, когда преступно обманутый и прозрѣвшій народ требует предателей к отвѣту, не дать восторжествовать контр-революціи, взять судьбу страны в свои руки и, создав авторитетную, всей страной признаваемую революціонно-демократическую власть, оградить многострадальную родину от внѣшняго разгрома, добиться всеобщаго демократическаго мира, довести страну до возлѣбленнаго народной мечтой Учредительнаго Собранія, спасти великую Россійскую Республику и дать трудовому народу землю и волю». Заслушав заявленіе комитета служащих о том, что они отказываются работать с комиссарами ВРК, которых считают «насилъниками, злодѣями и захватчиками, а не представителями законной власти». Дума, в сущности, принимает предложеніе Астрова продолжать свою дѣятельность, оставляя вопрос о дальнѣйшей тактикѣ открытым в зависимости от поведенія ВРК. На том же засѣданіи были избраны делегаты на петербургское совѣщаніе представителей земских и городских самоуправленій по вопросу о конструкціи временной власти — на тот «земскій собор», о котором в свое время уже говорилось.

15 ноября происходило второе засѣданіе Думы за період ея нелегальнаго бытія. Вернулись из Петербург думскіе делегаты, напятавшись тамошними настроеніями и партійными директивами. Мы знаем, что непосредственная политическая борьба с переворотчиками кончилась, и ставка уже дѣлалась только на будущее Учредительное Собраніе. Вновь выступает Городской Голова уже с программной рѣчью, опредѣляющей путь, по которому надлежит идти «русской политической массѣ». Руднев обосновывает не столько тактическую линію городского муниципалитета, сколько партійную позицію наиболѣе многочисленной думской политической фракціи. «Блѣдныя слова», вызванныя былой депрессіей первых дней, исчезли. Оратор очень рѣзко, в терминах Астрова — бандиты, предатели и пр., характеризует ту «кучку авантюристов», которая захватила власть грубой физической силой, кучку «частью, может быть, ненормальных людей, частью фанатиков, частью темных и преступных личностей». Но Городской Голова предостерегает, что «было бы чрезвычайно опасно для соотвѣствующих политических выводов останавливаться только на чисто поверхностной оуѣнкѣ событий». Процесс, приведшій к событіям конца октября во всей Россіи — «явленіе глубокое и сложное», происходящее «на фонѣ не завершенной, не исчерпавшей еще своих основных задач революціи, революціи с большими социальными заданіями». «Мы должны отдать себѣ отчет в том, что рус-

ская революція имѣет 8 мѣсяцев бытія, только теперь приступает к разрѣшенію основных проблем этой революціи, и в том, что эти проблемы не могли быть поставлены до настоящаго времени, заключается одна из тѣх главных причин, которыя могут быть изжиты не путем только разоблаченія лжи и миража большевизма, а разрѣшеніем основных проблем, стоящих перед русским народом*). Всѣ эти вопросы и должно разрѣшить Учредительное Собраніе». Тут представитель партіи с.р. становился на очень опасный путь — тактика политических партій при разрѣшеніи основных проблем должна рѣшительно измѣниться. Руднев полагал, что в Учредительном Собраніи «невозможны будут тѣ методы и комбинаціи различных партійных группировок, которыя являлись до сих пор попытками вывести страну из тупика переходнаго времени». «Будущее страны полностью будет отражать господство того направленія, которое будет имѣть большинство в Учредительном Собраніи». Партія с. р. пойдет «изолированным путем». Таким образом заранѣе объявлялось, что У. С. будет в значительной степени партійным дѣлом, и что партія с. р., если получит большинство, будет проводить партійную программу, а не попытается реализовать платформу, пріемлемую для объединенной демократіи. Так как вмѣстѣ с тѣм Руднев указывал, что само У. С. — «единственный выход из положенія». — становится уже «под угрозой насилія над ним», и что надо организовать защиту этого символа народной власти, таким образом, заранѣе ограничивались перспективы этой возможной защиты: иначе мыслящіе должны будут защищать только партійное дѣло.

Программная рѣчь Руднева была не ко времени и не могла быть даже обсуждена во всем объемѣ в засѣданіи Городской Думы с представителями общественно-политических организацій. ВРК еще до засѣданія 15-гоі ноября предъявил требованіе передачи Городской Управой всѣх дѣл Совѣту районных дум и постановил не допускать собраній Думы и работы старой управы, не останавливаясь перед самыми рѣшительными мѣрами и примѣненіем военной силы. К концу рѣчи Городского Головы в зданіе университета Шанявскаго были уже введены солдаты. Дума, как мы знаем, приняла рѣзкую резолюцію протеста и обратилась ко всѣм городам и земствам с призывом поддержать ея заявленіе и принять самое активное участіе в выборах в Учредительное Собраніе, «несущее родинѣ освобожденіе и прочный демократическій порядок». Засѣданіе Думы 15 ноября превратилось в тѣм болѣе яркую демонстрацію, что солдаты из отряда ВРК заявили, что они были посланы без предупрежденія о том, что они должны разогнать силой Городскую Думу, и один за другим стали выходить из залы засѣданій, а послѣ заняли мѣста среди гласных. Присутствовавшіе могли видѣть наглядную иллюстрацію того, какое пропагандирующее значеніе может имѣть слово. Проникновенная рѣчь гласнаго Думы с. р. Евгенія Ратнер, обращенная не-

*) Для характеристики настроенія слѣдует отмѣтить, что социологическіе экскурсы в період острой политической борьбы на засѣданіи 6 ноября во время рѣчи с. д. Романова вызывали шумные протесты со стороны большинства.

посредственно к вооруженной силѣ, устыдила солдат, посланных ВРК.

Дума не успѣла обсудить тактики своей на ближайшіе дни. Между тѣм вопрос об этой опредѣленной недвусмысленной тактикѣ стоялъ остро перед городскими служащими. «Дайте нам свой авторитетный голос», — взывал представитель служащих, Зимин, в засѣданіи 15-го ноября: «в противном случаѣ мы останемся без руля и без вѣтрил». «Будьте увѣрены, — говорил с преувеличенным оптимизмом представитель домовых комитетов, — что ни один гражданин, ни один обыватель не пугается штыков и по первому вашему зову пойдет за вами. Он только должен знать, куда ему нужно слѣдовать».

Только через недѣлю собралась вновь Дума и уже в послѣдній раз. В засѣданіи 22-го надо было поставить послѣднюю точку и опредѣлить тактику до того момента, когда великій хозяин земли русской — Учредительное Собрание — «вернет населенію Москвы завоеванія революціи, попранныя и растоптанныя нынѣшними властителями-большевиками». Перед собранием конкретно ставился вопрос: «цѣлесообразно ли или нецѣлесообразно в настоящей момент путем забастовки городских служащих поддерживать.. политическую борьбу за восстановление попранных общенародных прав». «В управѣ, — говорил Городской Голова, — на этот счет сложилось мнѣніе, что наканунѣ созыва У. С., по адресу котораго раздаются уже недвусмысленныя угрозы разгона и роспуска, передо всѣм народом, передо всѣми отвѣтственными общественными элементами стоит основная задача — охранить У. С., в котором послѣдняя надежда и послѣднее упованіе русскаго народа». Защита должна идти во всероссійском масштабѣ; к этой защитѣ должны быть призваны *всѣ общественные отвѣтственные элементы*; поэтому «растрчивать силы до того времени, когда эта реальная угроза разгона У. С. станет на очередь, до тѣх пор, пока около этой борьбы не будут объединены всѣ силы россійской демократіи», представляется «преждевременным». В соотвѣтствующем духѣ и была принята Думой резолюція, предостерегающая городских служащих «от возможности преждевременной растраты сил в политической борьбѣ». «Вокруг У. С. должны сосредоточиться всѣ силы народа в готовности объединенным, единодушным и твердым выступленіем стать на защиту высшей воли народа». Но в душах были заложены сомнѣнія. Можно ли призывать «всѣ общественно отвѣтственные элементы» для защиты партійнаго дѣла? Ближайшая практика объединенія сил «россійской демократіи» для защиты Учредительнаго Собранія еще больше увеличила эти сомнѣнія. Организованная революціонная демократія в своем большинствѣ при рѣзком протестѣ народных социалистов не допустила представителей партіи народной свободы, имѣвшей свою фракцію в У. С., в организовавшейся союз защиты этого высокаго учрежденія. Такой нонсенс ставил под сомнѣніе цѣлесообразность вообще всей тактики борьбы. 28-го, в день формальнаго открытія Учредительнаго Собранія, москвичи также могли видѣть не слишком внушительную демонстрацію, продефилировавшую под нестройное пѣніе «Интернаціонала» по Тверской ми-

но дома Совѣтов, гдѣ все еще находилась большевицкая штаб-квартира, к зданію университета Шанявскаго, сдѣлавшемуся центром нелегальной Думы. Многим было ясно уже тогда, что масса, голодовавшая за лозунг «земля и воля», не сумѣет организовать активной защиты Учредительнаго Собранія. Военные кадры, вооруженной рукой могшіе защитить хотя бы «символ идеи» народной власти, в значительной степени отменялись тактикой революціонной демократіи. Партійное дѣло не могло создать необходимаго пафоса борьбы. Переходное время затянулось на цѣлых два мѣсяца. Настроеніе падало. И почти понятной становится пессимистическая отиѣтка в одной из декабрьских записей в дневникѣ моего современника: «Мы перестаем вѣрить в Учредительное Собраніе»...

Наступила новая зра в борьбѣ с надигвающимся на Россію большевизмом. И молодые самоотверженные защитники Москвы потянулись в одиночку на юг для того, чтобы встать под славныя знамена Добровольчества, возглавляемаго Алексѣевым и Корниловым.

ЛИТЕРАТУРА

Ч. I. СВЕРЖЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА*)

- Авдѣев (ред.)**. Вокруг Гатчины (показанія пр. Книршы). «Красный Архив», IX.
- Акашев**. Как ушла артиллерія из Зимняго Дворца. «Былое» № 27-28.
- Алданов**. Картины октябрьской революціи. День переворота. «Посл. Нов.» 38 г. 6 окт.
- Апет**. La révolution russe. II. 1918.
- Анишев**. Очерки по исторіи гражданской войны. 1925 г.
- Антонов-Овсѣнко**. Балтфлот в дни Керенскаго и краснаго октября. «Пролет. Рев.» 1922 г., № 10.
- Антонов-Овсѣнко**. В семнадцатом году. 1933 г.
- Ауэрбах**. Революціонное общество по личным воспоминаніям. «Арх. Р. Рев.» т. XIV.
- Благодарав**. Октябрьскіе дни в Петропавловской крѣпости. «Пролет. Рев.» 1922 г. № 4.
- Благодарав**. «Зимній взят и наши там». «Извѣстія» 1922 г., № 252.
- Большевики в борьбѣ и октябрь**. Изд. «Стар. Большевик». 1933 г.
- Бонч-Бруевич**. На боевых постах февральской и октябрьской рев. 1930 г.
- Бреслав**. 15 лѣт назад. «Кат. и Ссылка», т. 96.
- Бубликов**. Русская революція. 1918 г.
- Будберг**. Дневник. 1917 г. «Арх. Рус. Рев.» XII.
- Бурцев**. В борьбѣ с большевиками и нѣмцами. В. I и II. Париж. 1919 г.
- Бурцев**. Мой отвѣтъ Керенскому. «Общее Дѣло».
- Бьюкенен**. Моя миссія в Россіи, т. II. Париж. 1924 г.
- Buisson**. Les Bolcheviks. Faits, documents, commentaires. 1919.
- Bunyan and Fisher**. The Bolshevik Revolution 1917-18. 1934.
- В дни великой пролетарской революціи**. Эпизоды борьбы в Петроградѣ в 1917 г. 1937 г.
- Верховскій**. Россія на Голгофѣ. 1918 г.
- Винавер**. В тѣ дни. «Посл. Нов.» № 478.
- Винберг**. В плѣну у обезьян. 1918 г.
- Врангель**. Записки. 1928 г.
- Второй всероссійскій съѣзд совѣтов**. 1928 г.
- Вырубова**. Страницы из моей жизни. 1923 г.
- Вышгородскій**. Послѣдній прокурор Пет. судебной палаты. «Сегодня» 1926 г. 11 марта.
- Гессен**. В двух вѣках. 1937 г.
- Гиппиус**. Синяя книга. Петербургскій дневник. 1929 г.
- Год русской революціи (1917-1918 г.г.)**. Изд. «Земли и Воли», 1918 г.
- Головин**. Россійская контр-революція. 1937 г.
- Греков**. Союз казачьих войск в Петроградѣ в 1917 г. «Дон. Лѣт.» № 2.
- Gronard**. La révolution russe. 1933.
- Дан**. К исторіи послѣдних дней Вр. Правительства «Лѣт. Рев.», 1923 г., № 1.
- Демьянов**. Моя служба при Вр. Правительствѣ. «Арх. Рус. Рев.» IV.
- Деннкин**. Очерки русской смуты, т. II.
- Документы октябрьской революціи**. 1938 г.
- Дыбенко**. Мятеежники. 1923 г.

*) Привожу только тѣ книги и статьи, которыя цитируются в текстѣ первой части. Я уже объяснял в книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія» причины изьяна приводимой мяою библиографіи.

Елов. Роль Петрогр. гарнизона в октябрьскіе дни (донесенія комиссаров ВРК). «Кр. Лѣтопись», 1923 г.

Ждан-Пушкин. 24-25 октября в Петербургѣ. «Власть Народа» 1917 г. 28 окт.

Зензинов. Записки революціонера. 1919 г.

Зиновьев. Год революціи. Соч. т. VII. 1925 г.

Игнатъев. Нѣкоторые факты и итоги четырех лѣтъ гражданской войны. 1922 г.

Изгоев. Пять лѣтъ в Совѣтской Россіи. «Арх. Р. Рев.» X.

Каринскій. Кто освободил большевиков перед октябрьским переворотом. «Зел. Журнал», 1924 г. X.

Кваша. Очерки русской революціи. 1919 г.

Кельсон. Милиція февральской революціи. «Былое», кн. 30.

Керенскій. Идалека. 1922 г.

Керенскій. Дѣло Корнилова. 1918 г.

Kerensky. La Révolution Russe. 1923.

Kerensky. L'Expérience Kerensky. 1936.

Климушкин. Аграрное движеніе в 1917 г. «Воля Россіи» 1925 г. VI.

Колбин. 17-й год в Кронштадтѣ. 1930 г.

Коренев. Чрезв. Комиссія по дѣлам б. министров. «Арх. Рус. Рев.» VII.

Крестьянское движеніе в 1917 г. «Арх. окт. рев.», 1927 г.

Кроль. За три года. 1921 г.

Кудели (ред.). Ленинградскіе рабочіе в борьбѣ за власть совѣтов. 1924 г.

Кульман. Наканунѣ 25 октября. «Общее Дѣло» 1921 г. № 355.

Кускова. Беллетристическій памфлет. «Гол. Россіи» 1922 г. 4 сент.

Кускова. Письма из Берлина. «Посл. Нов.», 1923 г. 29 мая.

Кускова. «Ночь». «Власть Народа». 1917 г. 28 октября.

Ларсонс. На совѣтской службѣ. 1930 г.

Ленин. Собраніе соч. т. XIV, ч. II. 1924 г.

Ленин. О нашей революціи. «Правда. 1923 г. № 117.

Ленинизм и троцкизм. «Московскій Рабочій». 1924 г.

«Ленинскій Сборникъ» вып. IV. 1924 г.

Лидак (ред.). Октябрь в Петроградѣ. 1933 г.

Лозинскій. Временное Правительство в «борьбѣ с промышленной разрухой». «Прол. Рев.», 69.

Лукомскій, Г. Послѣдній день Керенскаго. «Новости Жизни». 1923 г.

Любимов. Хроника революціи 1917 г. т. VI (октябрь-декабрь) 1930 г.

Малаянович. В Зимнем Дворцѣ 25-26 октября 1917 г. «Былое». 1918 г. № 12.

Мартынов. Из исторіи Балт. Суд. завода. «Красн. Лѣт.» № 58.

Мартынов. Главн. Земельн. Комитет. «Кр. Арх.», XIV.

Мельгунов. Россійская контр-революція. Метод и выводы ген. Головина. 1938 г.

Милицын. «Из моей тетради». «Арх. Р. Рев.», II.

Милкоков. Исторія второй русской революціи. Вып. III. 1923 г.

Милкоков. Россія на переломѣ, т. I. 1927 г.

Мстиславскій. Пять дней. 1922 г.

Набоков. Временное Правительство. «Арх. Рус. Рев.», т. I.

Наканунѣ. Наканунѣ. 1923 г.

Наканунѣ перемирія. «Кр. Архив», XXIII.

Наканунѣ октябрьскаго переворота (Отчет о секрет. засѣданіи комиссіи Вр. Сов. Респ.). «Былое». 1918 г. № 12.

Невскій. В октябрѣ. «Кат. и Ссылка», т. 96.

Невскій. Историческ. засѣданіе наканунѣ окт. возстанія. «Былое» 1918 г. № 12.

Никитин. Роковые годы. 1937 г.

Niessel. Le triomphe des bolcheviks. 1940.

Нольде. Набоков в 1917 г. «Арх. Рус. Рев.», VII.

Noulians. Mon ambassade en Russie. I. 1933.

Оберучев. В дни революціи. 1919 г.

Октябрь на фронтѣ. «Красн. Арх.», XXIII.

Октябрьскіе бюллетени Ц. К. «Пролет. Рев.», № 4.

Октябрьскій переворот (воспоминанія — засѣданіе участников 7 ноября 1920 г.). «Прол. Рев.», 1922 г. № 10.

Октябрьская Революція перед судом американских сенаторов. 1927 г. «офиц. отчет «Овермэнской Комиссіи»).

Oldenbourg. Le coup d'Etat bolcheviste. Paris. 1929.

- Пальчинский. Последние часы Временного Правительства (дневник). «Кр. Арх.», 55.
- Пюнтковский. Октябрьская революция. 1924 г.
- Пюнтковский. ВРК в октябрьские дни. «Прол. Рев.», кн. 69.
- Подвойский. Красная гвардия в октябрьские дни. 1927 г.
- Подвойский. Военная организация РСДРП. «Красн. Лѣт.», 1923 г. № 8.
- Покровский. Большевики на фронтѣ в октябрь-ноябрь 1917 г. «Кр. Новь». 1927 г. № 11.
- Половцев. Дни затмения. 1927 г.
- Полянский. Разговор Ленина с Кронштадтом. «Прол. Рев.», 1922 г. № 10.
- Попов. Октябрьский переворот. С предисловием Рожкова. 1918 г.
- Прокопович. Письмо в редакцію. «Руль». 18 августа 1922 г.
- Протоколы Цент. Ком. РСДРП(б). Сентябрь-октябрь 1917 г., «Прол. Рев.», кн. 69.
- Протоколы Петерб. Комитета. «Красн. Лѣтопись», № 6.
- Процесс эс-эров. Вып. II. 1922 г.
- Рабочее движение в 1917 г. «Арх. окт. рев.», 1927 г.
- Рабинович. Борьба в армии в 1917 г. 1930 г.
- Раскольников. Кронштадт и Петербург в 1917 г. 1925 г.
- Рахья, Э. Последнее подполье Влад. Ильича. «Крас. Лѣт.», № 57.
- Рейнгартен. Октябрьская революция в Балт. флотѣ. «Кр. Арх.», XXV.
- Рид. 10 дней, которые потрясли мир. 1918 г.
- Руднев. При вечерних огнях. 1928 г.
- Рябинский. Хроника революции 1917 г., т. V. 1926 г.
- Савельев. Протоколы Ц. К. РСДРП. Август 17 — февраль 18 г. 1929 г.
- Савинков. Борьба с большевиками. 1920 г.
- Савинков. К выступлению большевиков. «Русскія Вѣд.», 1917 г. № 255.
- Sadoul. Quarante lettres de Joseph Sadoul. 1922 г.
- Семенов (Васильев). Военная и боевая работа партии с. р. за 1917-18 г. Берлин 1922 г.
- Симаиский. У стѣн Кремля. «За Свободу», 1927 г. № 256.
- Синегуб. Защита Зимняго Дворца. «Арх. Рус. Рев.», IV.
- Смириов, С. Конец Врем. Правительства. «Руль», 1923 г. 20 декабря.
- Смириов. Из жизни самокатчиков 3 бат. «Кр. Лѣт.», № 2-3.
- Соколов. Защита Всер. Учр. Собранія. «Арх. Рус. Рев.», XII.
- Ставка. 25-26 октября 1917 г. «Арх. Рус. Рев.», VII.
- Станкевич. Воспоминания 1917—19 г.г. 1920 г.
- Струве. Дух благаго движения. «Возрожденіе», 1930 г. 16 ноября.
- Суханов. Записки о революции, кн. VII. 1922 г.
- Троцкий. Моя жизнь, ч. II. 1930 г.
- Троцкий. История русской революции, т. II. Берлин, 1931 г.
- Троцкий. Сочинения, т. III, ч. 1 и 2. 1925 г.
- Троцкий. О Ленинѣ. 1924 г.
- Уралов. Странички Октября. «Прол. Рев. № 33.
- Флеровский. Кронштадт в октябрьской революции. «Пр. Рев.», 1922 г.
- Фокке. На сценѣ и за кулисами Брестской трагикомедии. «Арх. Рус. Рев.» XX.
- Francis. Russia from the American Embassy. 1922.
- Хижняков. Бесѣды с ним. «Власть Народа». 1917 г. № 154.
- Чадаева. Как буржуазія готовилась к октябрю. «Кр. Архив», XXI.
- Чебышев. Близкая даль. «Возрожденіе», 1928 г. 8 дек.
- Черемисов. Поход Керенскаго на Петроград. «Голос Россіи», 1921 г.
- Чернов. Рожденіе революционной Россіи. 1934 г.
- Шидловский. Воспоминания, ч. II. 1923 г.
- Шляпников. К октябрю. «Прол. Рев.», № 10.
- Яковлев (ред.). Крестьянское движение в 1917 г. 1927 г.
- Ярославский. Большевики в октябрьѣ. «Прол. Рев.», т. 69.

Ч. II. ПОД ЗНАМЕНОМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ*.)

- Алексѣев. Письмо ген. Дитерихса. «Бѣлый Архив», I.
Аксентьев. Из Октябрьских воспоминаний. «Дни».
А-нский. Послѣ переворота 25 октября 17 г. «Ар. Рус. Рев.», VIII.
Антонов-Овсѣенко. Записки о гражданской войнѣ, I. 1924 г.
Аргунов. Без свободы. «На чужой сторонѣ», XIII.
Бубнов. Октябрьск. бюллетени ЦК большевиков «Прол. Рев.», № 1.
Бѣлогорскій. В дни Каледина. «Бѣлое Дѣло», IV.
Вейгер-Редемейстер. С Керенским в Гатчинѣ. «Прол. Рев.», № 21.
Верцинскій. Год революціи. 1929 г.
Вишняк. Всероссийское Учредительное Собрание. 1932 г.
Владимиров. Московская Гор. Дума послѣ октября. «Кр. Арх.», №№ 27-28.
Владимирова. Год службы социалистов капиталистам. 1927 г.
Вомпе. Дни октябрьской революціи и желѣзнодорожники. 1924 г.
Гоц. Рѣчь на московском процессѣ с.-р. «Рев. Рос.», №№ 21-22.
Григорьев. Октябрьская революція в Бѣлороссіи. «Изв.», 1929 г., № 212.
Демьянов. Запнски о подпольном правительствѣ. «Арх. Рус. Рев.», VII.
Домерг. La Russie rouge. 1918. 1918 г.
Дан. Два года скитанія. 1922 г.
Деникин. Очерки русской смуты, т. II. 1922 г.
Дегтерев. Статья. «Кр. Лѣтоп.», 6.
Дорошенко. Война и революція на Украинѣ. «Ист. и Совр.», № 5.
Дрезен. Балтфлот в июльскіе дни 1917 г. «Кр. Арх.», 46.
Заговор монарх. организациі Пурншкевича. «Кр. Арх.», 29.
И. В. Ген. Духонин в Ставкѣ. «Голос Минувшаго», 1918 г. №№ 1-3.
Иванович. А. Н. Потресов. 1938 г.
Ипатьев. Воспомннанія сапера. «Кр. Лѣт.», 23 г. № 6.
Крыленко. За пять лѣт (обвинительныя рѣчи). 1923 г.
Лелевич. Октябрь в бѣлогвардейском описаніи. «Пр. Рев.», 21.
Краснов. На внутреннем фронтѣ. «Арх. Рус. Рев.», 1.
Мельгунов. С кѣм он? Отвѣт г. Чернову. «Посл. Нов.» 28 янв. и 8 мая 1925 г.
Невскій и Елов. На другой день послѣ возстанія. «Кр. Лѣт.», №№ 2-3.
Протокол петербургскаго Комитета РСДРП (6) за 1917 г. «Кр. Лѣт.», № 6.
Подготовка к наступленію на Петроград. «Кр. Арх.», 24.
Пѣшехонов. Борьба с большевиками и большевизмом. «Нар. Слово», №124.
Разложеніе в арміи в 1917 г. 1925 г.
Раскольников. «Прол. Рев.» № 33.
Рапопорт, Ю. Через двадцать лѣт. «Новый Град», № 13.
Послѣдній день Правител. Сената «За Свободу», 28 сент. 27 г.
Рафес. Два года революціи. Раскол «Бунда». 1920 г.
Рейнгартеи. Октябрьская революція в Балтійском флотѣ. «Кр. Арх.», 25 г.
Соломон. Среди красных вождей. I. 1930 г.
Светланов. Статья. «Ил. Рос.», 1937 г. № 49.
Соколов. Защита Вс. Учр. Соб. «Арх. Рус. Рев.», XIII.
Соколов. Убійство царской семьи. 1925 г.
Соловьев. Юнкерское возстаніе в Петербургѣ.
Шкловскій. Революція и фронт. 1921 г. «Кр. Рев.», 26 г.
Флеер. Временное Правительство послѣ октября. «Кр. Арх.», 6.
Хрнств. Рабочіе в подготовкѣ октябрьской революціи. «Лѣт. Рев.» (Ур.) № 1.
Чернов. «Черный предѣл» в 1918 г. «Зап. Узуч. Россіи», т. II.
Шляпников. Октябрьскій переворот и Ставка. «Кр. Арх.», 8-9.
Яковлев. Второй съѣзд Совѣтов. 1927 г.

Ч. III. МОСКОВСКАЯ НЕДѢЛЯ.

- Ангарскій. В Хамовниках. Сборник «Октябрьское возстаніе». 1922 г.
Ангарскій. Московскій Совѣт в двух революціях.
Анютин. Городскій район в октябрьскіе дни (Сб. «Москва»).
Анютин. Послѣдніе дни Городской Думы. Сб. «Октябрь 17 г.» («Октябрь»).
Аросев. Бѣлогвардейскіе приказы и донесенія («Октябрьское возстаніе»).

*.) Привожу только тѣ работы, из которых имѣются в текстѣ цитаты, и не повторяю перечня, помѣщеннаго в первой части.

Берзин. Как и почему я сдал Кремль. «Прол. Рев.», 27 г. № 12.
Бонч-Бруевич. Кремль в октябрь 17 г. («Кр. Новь», 32 г. № 11).
Будзинский. Октябрьские дни в Москвѣ. «Пр. Рев.», 27 г. № 10.
Буровцов. Пять дней в плѣну. (Сб. «Москва в октябрь 17 г.»).
Бухарин. Избранныя статьи. 1925 г.
Варенцов. Военное бюро при Моск. комитетѣ. («Прол. Рев.», 27 г. № 6).
Владимирский. Октябрьские дни в Москвѣ. 1928 г.
Владимирский. Московская Гор. Дума послѣ Октября. («Кр. Арх.» №№ 27-28).
Вознесенский. Москва в 1917 г. 1928 г.
Вомпс. Дни октябрьской революціи и желѣзнодорожники. 1924 г.
Герволь. Huit mois de revolution russe. 1918 г.
Год борьбы. 1928 г. («Моск. Рев.»).
Гражданская война, т. I. 1923 г.
Давыдовский. Первая арт. бригада в октябрь. «Пр. Рев.». 1923 г. № 9.
Еремѣва. Пламя. Изд. «Федерация», 1928 г.
Игнатов. Московскій Совѣт Р. Д. в 17 г. 1925 г.
Игнатов. По поводу моих ошибок. «Прол. Рев.», 53.
Игнатов. Моск. Совѣт в окт. дни — «Октябрьское возстаніе». Из воспоминаній о московском октябрь (рѣчи участников вечера воспоминаній в 1921 г.). «Пр. Рев.», 21 г. № 10.
Кайгородский. Статья в «Борьбѣ классов». 1930 г. № 6-7.
Казиркин. Разстрѣлъ юнкерами арестов. в Кремлѣ. «Пр. Рев.», 1922 г. № 5.
Костомаров. Октябрь в Москвѣ. Матеріалы ВРК. («Борьба классов». 1931 г. №№ 6-7).
Костомаров. Октябрь в Москвѣ. 1932 г.
Карпов. Казаки в октябрь. (Сб. «Окт. возстаніе»).
Кузовков. Как мы их мирили. (Сб. «Окт. возстаніе»).
Кускова. Письмо из Берлина. «Посл. Нов.», 29 мая 1923 г.
Ломов. В дни бурь и натиска. «Прол. Рев.» 1927 г. № 10.
Мельчинский. Из воспоминаній об октябрьских днях в Москвѣ.
Мельчинский. Октябрьские дни в Москвѣ. («Пр. Рев.» № 28. «Пр. Рев.» 81).
Москва в октябрь 17 г. — 1919 г.
Москва в октябрь 17 г. (Ред. Чаадаева). 1934 г.
Московскій Военно-Рев. Ком. 17 г. (протоколы), «Кр. Арх.» 27 г. № 23.
Октябрьские дни в Москвѣ и районах. 1923 г.
Октябрьские дни в Москвѣ «Пр. Рев.», 5.
Октябрьские дни в Сокольниках. 1922 г.
Октябрьское возстаніе в Москвѣ. Ред. Овсянников. 1923 г.
Ольминский. Ход событій. Сб. «Москва в октябрь».
От февраля до октября в Москвѣ. 1923 г.
Пече. В боях за октябрь 1933 г.
Пече. Красная гвардія и октябрьское возстаніе.
Пече. Красная гвардія в Москвѣ в боях за октябрь. 1929 г.
Попов. К исторіи боев. дней октября. «Пр. Рев.», 72.
Попов. Московскій Совѣт в 1917 г. «Пр. Рев.», № 53.
Подвойсий. Красная гвардія в окт. дни в Москвѣ. «Пр. Рев.» 1927 г. № 11.
Пятницкій. Из моей работы в Моск. Ком. В сб. «От февраля до октября».
Пятницкій. К исторіи Московск. ВРК. «Кр. Арх.», 54-55.
Рожен (ред). Московск. ВРК — «Кр. Арх.», 54-55-56, 66, 71.
Смидович. Из исторіи октябрьск. рев. «Прол. Рев.», 1923 г. № 9.
Смидович. То же 21 г.
Смирнов. Воспоминанія об октябрьских днях. «Пр. Рев.», 1922 г. № 10.
Соловѣв. В московском Совѣтѣ и в районах. «Пр. Рев.», № 33.
Сторожев. Из архивов Моск. ВРК. Сб. «Октябрьское Возстаніе».
Струков. Областное бюро и ВРК. «Окт. возст.»
Федотов. Двинцы в прол. революціи. 1927 г.
Устевич. ВРК в «Октябрьском возстаніи».
Эфрон. Октябрь в 1917 г. «На Чужой Сторонѣ», № 11.
Шлихтер. Памятные дни в Москвѣ. «Пр. Рев.», 1922 г. № 5.
Ярославскій. Статья в сбор. «Москва в октябрь».
Акун и Истров. 1917 г. в Москов. Хроникѣ. Библиографія. Ред. Костомаров.
 Изд. «Московскій Рабочій», 1934 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I.

СВЕРЖЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

	Стр.
Михаил Геллер. Историк и свидетель. <i>Введение</i>	1
О т а в т о р а	7
Глава первая. — «НАЗНАЧЕННОЕ ВОЗСТАНИЕ»	11
1. Индულгенція большевикам	
2. Возстание по «марксистски»	
3. Ленин и оппозиція	
4. Западня Тродкаго	
Глава вторая. — «ОБМАНУТЫЕ»	33
1. Революціонная демократія.	
2. «Корниловцы»	
3. Правительство	
Глава третья. — КАНДИДАТ В НАПОЛЕОНЫ	57
1. «Сепаратный мир» Верховскаго	
2. Бурдевскій инцидент	
Глава четвертая. — КАНУН ВЫСТУПЛЕНИЯ	68
1. Трагическая «оперетка»	
2. Историческая бесѣда (Совѣт Республики)	
3. Мобилизація сил	
4. «Заговор» в Штабѣ	
5. Отъѣзд Керенскаго	
Глава пятая. — 25 ОКТЯБРЯ	104
1. «Игра по нотам»	
2. Осада Зимняго Дворца	

П р и л о ж е н і е: Крестьянское движеніе в 1917 г.

Ч А С Т Ь П.

ПОД ЗНАМЕНОМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ.

	Стр.
Глава первая. — НА ФРОНТЪ	145
1. Керенский и Черемисов	
2. Гатчинский поход (Краснов)	
3. Настроения в армии	
Глава вторая. — ПОСЛЪ ПЕРЕВОРОТА	178
1. Комитет спасения	
2. Послъ захвата власти	
3. «Боевой орган» революционной демократии	
4. «Викжель»	
Глава третья. — «КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ»	194
(Юнкерское возстание)	
Глава четвертая. — «БЪЛАЯ АВАНТЮРА»	207
1. На Пулковских высотах	
2. За кулисами	
3. Конец Гатчины	
4. Бѣгство Керенскаго	
5. Тайна 1-го ноября (роль Чернова)	
Глава пятая. — НА НОВЫЕ РЕЛЬСЫ	230
1. Петербургская «говорильня» (переговоры с «Викжедем»)	
2. Последняя судорога вооруженной борьбы	
Глава шестая. — СТАВКА НА РАЗЛОЖЕНІЕ	244
1. «Штрейкбрехеры» большевиков	
2. Крах «Викжеля»	
3. Могилевские разговоры	
4. Земский Собор	
5. Подпольное правительство	
6. Соглашение большевиков и лѣвых с. р.	
7. Перед Учредительным Собраніем	

Ч А С Т Ь Ш.

МОСКОВСКАЯ НЕДѢЛЯ.

Глава первая. — ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ	277
Глава вторая. — КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	285

	Стр.
<i>Глава третья.</i> — В ПРЕДДВЕРИИ БОЕВ	298
<i>Глава четвертая.</i> — ВОКРУГ КРЕМЛЯ	306
<i>Глава пятая.</i> — УЛЬТИМАТУМ	313
<i>Глава шестая.</i> — НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ	320
<i>Глава седьмая.</i> — «ВИКЖЕЛЬ» И ПЕРЕМИРИЕ	328
<i>Глава восьмая.</i> — УЛИЧНАЯ БОРЬБА	337
<i>Глава девятая.</i> — ПОСРЕДНИЧЕСТВО «НЕЙТРАЛЬНЫХ»	350
<i>Глава десятая.</i> — СДАЧА	359
<i>Глава одиннадцатая.</i> — НА ДРУГОЙ ДЕНЬ	374
Л и т е р а т у р а	383

**Sergei Melgunov: KAK BOLSHEVIKI ZAKHVATILI VLAST'
Oktiabr'skii perevorot 1917 goda.**

**First published in 1953 by Editions «La Renaissance», Paris
Reprinted (with an introduction by Michel Heller added)
in 1984 by Overseas Publications Interchange Limited,
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England.**

- © YMCA-Press
- © this edition (1984) Overseas Publications Interchange Limited

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced or translated,
in any form or by any means, without permission**

ISBN 0-903868-41-5

**The cover, designed by Danuta Niekrasow-Heller, shows a detail
from «The Bolshevik» by Boris Koustodiev (1920)**

Printed by Polyglott-Druck (West Germany)